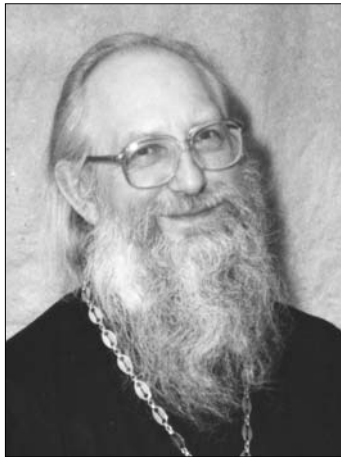

ПОЭЗИЯ

ПРОТОИЕРЕЙ АНДРЕЙ ЛОГВИНОВ

БУДЕТ ПАСХА

* * *

Сердцу надо поплакать.
Пусть отгадет оно...
Так земле — через слякоть
оживеть суждено.

А пред Богом удача —
где души глубина.
Из сердечного плача
вырастает она.

* * *

Посижу на брёвнышке. Вся в цвету околица.
На закатном солнышке день чуть слышно
моллится.

Как на праздник — вишенья. Как невесты —
яблоньки.

ЛОГВИНОВ Андрей Николаевич родился в 1951 году в Новосибирской области. Окончил истфак Новосибирского пединститута. Учителем работал в школах Новосибирской области, был директором сельской школы. С 1983 года, после переезда в Вятку, работал церковным чтецом, псаломщиком. Окончил Московскую духовную семинарию. С 1991 года живёт в Костроме, где служит протоиереем в храме Св. праведного Иоанна Кронштадтского. Автор десяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий: им. Н. Заболоцкого, "Имперская культура" и др.

В грядках, как прилипшие, тётеньки да дяденьки.

Все теплом обласканы, жаром поцелованы,
Неземными сказками высвечены словно.

И дышу на брёвнышке тихо, безпечально я...
Золотое солнышко! Благодать пасхальная!

* * *

И в маленькой ветке цветущей,
поставленной в банке на стол,
вдруг явятся райские кущи
с жужжанием солнечных пчёл!

А то, что среди беспорядка,
что сломана, ей — нипочём,
лишь пахнет торжественно-сладко
и пасхою, и куличом.

Когда ты под бури рыданье
прикован, как раб, ко одру, —
вдруг ветки цветущей дыханье
тебя потрясёт поутру.

* * *

И чудо заката... и чудо рассвета...
и поступь могучего дня...
всё жаром Творца, точно солнцем, согрето, —
и всё это в дар для меня.

Где каждый цветок для души — потрясенье.
А целый ромашковый луг
в пчелином гуденье — как Богоявление:
Бог дарит нам щедро, как Друг.

Но смотрим — не видя, не чувствуя... Худо —
земная не дрогнула ось,
явилось когда светлоглазое чудо,
что женщиной, может, звалось.

Но... чудо рассвета... и чудо заката...
и тихость прозрачного дня —
любовью Творца изначально богаты.
И всё для тебя... для меня.

ПРОГРАММА НОВОСТЕЙ

Главное событие недели:
яблони — почти что облетели!
Вишни — и подавно отцвели!
И черёмухи... недоглядели —
так они отчаянно белели!..
А теперь — как облака вдали.

И пока мы борем жизни бремя,
вот уже сиреневое время
соловьями всем возвещено!
Так замри, их голосу внимая
посреди сиреневого мая,
с ландышами сердцем заодно!..

* * *

Душа моя и тает, и взлетает,
и дышит вволю на вечерних службах
здесь, в храме Иоанна Богослова,
где меру задаёт неторопливость.

Едва войдёшь в церковные ворота,
направо — сосны, кладбище за храмом,
а слева — липы, ели и сторожка —
и мир иной, и воздух здесь иной.

И не заметишь, как чело души
помажут в храме благодати елеем.
И долго не уходит аромат.

* * *

У итальянцев возникла земная певучесть.
У византийцев — заоблачная тишина...
Слишком высокому — ясно, что смертная участь
Предрешена.

Ибо земному естественна тяга к земному.
Время придёт — и земное нас в землю возьмёт...
Но ведь естественна тяга и к Отчему Дому —
На взлёт!

Как же душа у людей, было, к Небу стремилась!
Как же сияла и в буднях Небес красота!
Как ущемляли себя, лишь бы вымолить Милость
Христа!

Вечное явит свою неземную живучесть!
Время придёт — и земные пройдут времена.
“Слишком земному” — не слишком весёлая участь
Предрешена.

* * *

Через меня течёт река —
такая бездна лет! —
как в песне, за строкой строка
бед, будней и побед.

Через меня течёт река,
несёт безмерность вод —
светла, раздольна, глубока,
как мой родной народ.

Через меня течёт река
и дальше будет течь —
через внука, правнука — пока
жива родная речь.

ЛАЗАРЬ

У Христа был друг Его, Лазарь.
Стал тот Лазарь смертельно болен.
А Христос не спешил на помощь,
Как-то странно промедлил Он.
И пришёл, когда тот уж умер
И четвёртый день был во гробе,
И уже был изъеден тленье...
Но Христос возле гроба встал
И воскликнул, как власть имущий,
И воскликнул: “Лазарь, выйди!” —
Так воскликнул, что ад разверзся —
Лазарь вышел живым на свет...

Точно так же народ наш русский,
Сербский, греческий ли, грузинский —
Так вот весь народ православный,
Точно Лазарь, — друг для Христа.
А уже нам готовы гвозди,
И уже нас в гроб загоняют.
И уже нас похоронили,
И давно заколочен гроб...
Молим мы, а Господь всё медлит.
Молим мы, а Господь всё медлит.
Молим мы, а Господь всё медлит,
Не спешит к нам на помощь Он.

...Даже если нас в гроб загонят,
Даже если нас заколотят,
Даже если нас закопают,
Всё равно к нам Христос придёт!
И воскликнет: “Русским на выход!”
И воскликнет: “Сербы, на выход!” —
Так воскликнет, что будет Пасха,
Свет какой ещё не видал!

АНДРЕЙ АНТИПИН

ГОРЬКАЯ ТРАВА

ПОВЕСТЬ

I

Очкастый рудой мужик, стрелявшийся на днях из самодельного пистолета, был родом из бурятских степей. Звался Саня. Любил папиросы “Беломорканал” — штерские. Об этой Саниной страсти с гордостью говаривала его жена Наина, когда они в праздник задерживались на клубных посиделках:

— Саня у меня деликатес: он другие фабрики не курит!

В Харётах он состоял в шоферах при молочной ферме, возил полный кузовок баб и бидонов, бил тех и других на кочках-буераках, и бабы стучали черпаками в кабину, а бидоны гремели крышками и плевали молоком... Это было до армии; после Саня крутил гайки слесарем-автомехаником, зевал монёром на почтовом крылечке, без году неделю конюшил... Это его и заело. Он от скуки напялил на себя дерюгу из чёрного барашка и подался в сторожа, спал на лавке, а то учил нас, ребятишек, воровать со склада гвозди и сурик.

— Было у меня, мужики, в хозяйстве две жены, — и обои, конечно, проходимки! Одну я схватил за шкварник и сжёл в печке; другую порубал на куски, скормил поросётам... — всё, случалось, рассказывает Саня, или надорвёт зубами свежую пачку “Беломора”, обстучит папиросу о колено, за-

АНТИПИН Андрей Александрович родился в 1984 году в селе Подымахино Усть-Кутского района Иркутской области. Заочно окончил факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Публикуется с 2004 г. в районной печати и в журнале “Сибирь”, лауреат журнала “Наши современники” (2010). Живет в Иркутской области.

душит бумажное горло двумя быстрыми пальцами и смолит в тёмную ночь, щурясь от сизого дыма из далёкого сумрачного Петрограда...

Нигде ничто Саню не держало, всё-то он подбирал службу по себе, но какой он есть — это звёздное поле Саня к сорока годам и сам, кажется, не освоил.

...Он с детства уважал чёрно-белые размашистые фильмы, под пулемётный стрекот бобин выпускаемые на клубный экран из узкой амбразуры кинобудки. Цветные ленты презирал:

— Спят, как новые пятаки! Глядеть больно...

Ночами школьник Саня трепал книжки о войне, ради пущей сласти и мальчишечьей славы потаскивая их из библиотеки, из окошка которой он в темноте вынимал отвёрткой стеклинку. Книжки, как и полагалось, хранились нелегально в диване, и эта подпольная революционность, это стихийное партизанство будили в Сане кровь и пенили воображение. Он чего-то царапал карандашом на титульном листе, организовывал в стаю косые циферки, раскатывая сухими волнами кожу на лбу и выпятив обветренные губы, боевые карты неизменно и нудно перемерял штангенциркулем, а если находил неточности, многословно отписывал о своих соображениях по тому адресу, что прилагался в конце книги, и с волнением ждал ответа — может быть, даже через сельсовет... Так-то Саня скоро посадил свои глаза, — дядя Лёня-американец (он жил в районном центре) привёз ему из аптеки стеклянные.

Знал Саня много чего изустно, больше истории о давних днях, когда “сахар был слаще, *жись лучше*, “сучок” стоил *рубль пият*”, и, повествуя, подражал старикам, курившим в тени изб. При этом он с удовольствием шоркал рукавом комсомольский значок — уходящую цацку эпохи — и верил в банника, в конец света, в то, что есть живые мертвецы, и дождь в сенокос обязательно хлынет, если развалить литовкой лягушку.

В дембельской драке с городскими пижонами, затрепавшей по швам на читинском вокзале, его настигла в шею стальная приبلуда. Назавтра Саня объяснил милиционеру, что это и должно было случиться.

— Ну, почему?! — спросил милиционер.

Оказалось, за прощальным армейским ужином нож повернулся остриём в Саню сторону...

У матери Саня был вторым ребёнком — не по счёту, а по наличке. Он подгадал в неё — русскую, ржаную, — и был ближе к сердцу — поскрёбши горький. Двух его старших братьев мать спустила мёртвыми; сестра Людоchка, срединная между Саней и Родей, в пять лет свалилась под мост...

Отец — совхозный зоотехник — наколол руку тифозной иглой, когда Саня сушил на ветру сопли. Буряты разожгли у ворот дымную ветошь, и малой Саня, вернувшись со всеми с кладбища, раз и другой со смехом прыгал через костёр... Больше отец ничем не остался в нём. Саня знал со слов матери, что первенец Родион уродился в Кима Африкановича: раскосые вдумчивые глаза, жилистое заострённое лицо, тонкий дёрганный рот... И, глядя из-под ладошки на брата, маленький Саня любил в нём забытого родителя, как любят раду и солнце. Родя в ответ возил Саню на рамке велосипеда, забирал его по вечерам из садика и хлестался за его синяки и обиды с другими мальчишками...

Мать с рассвета возилась в пекарне, рано получила надсадку и часто умирала:

— Вот оставлю вас одних... — слёзно глядела она в красный угол на святых, тайно восстановленных в правах. — Родьку, как старшего, определяет на конюшню, а тебя, Санька, спихнут в *ынтырна-а-ат!*

И сердце сжималось у Сани в груди, как мокрый снежок в руке, он прятался в сарае и плакал о матери, о её будущей чёрной смерти, о своём горьком одиночестве. Но, благо, мать наутро раскачивалась, ходила белая и растерянная, всё роняя из рук, не замечала никого и ничего...

Саня рос под Родиным крылом, как под небом Родины.

В сонные часы и дни материной болезни, когда ни половицы не скрипнут, ни святые не заговорят, Саня спал с братом, от которого пахло рыбалкой, порохом, степью, свободой...

О Роде болтали разное.

Он сторонился людей, жил своим высоким сердцем и своей умной головой, тоже зарылся в книги, но читал их не так, как Саня, — с жадным голодным храпом, — а с твёрдым нутряным пониманием ненужности и даже вредности прочитанного. Всё больше о чём-то думал, словно Господь припас ему задачу, он же давно её осилил и теперь не ведал, куда податься со своим горьким знанием.

— Ты почему такой-то, Родька?! — матерински вздыхал Саня.

— Какой?

— Ну, нет же у тебя ни друзей, ни девки! Другие, в твои-то годы, слушают этих... “Стоунов” и лижутя на танцах, а ты и в клуб не ходишь...

Родион с тоской отводил глаза, а то, не глядя, доставал из-за спины курево, с хрустом заломив руки, — подмышки, как у мужика, курчавились терпико и чёрно на фоне бледно-голубой майки, — с нервным треском зажигал спичку и, держа папиросу меж узких смуглых пальцев, наколотых крючками и шурупами, торопливо и жадно глотал дым.

— Не то это всё...

Саня следил за ним с восхищением, бегал по комнате в задравшихся трусах и свёрнутой газетой гнал в распахнутую форточку, в звенящую сверчковую улицу сладкое душное облако:

— Ну, Ро-одька! И мамки не боится... А дашь пошабить?!..

На столе у Родиона, как Библия, лежал захватанный журнал — “Модельер-конструктор”. Они прошерстили “морской” выпуск и даже склеили фрегат из деревянных линеек, поставили парус из пионерского галстука и понесли судно на речку, вложили в него записку с желаниями и пустили в вечное плаванье.

Санины мечты были телячьи и к его восемнадцати сбылись, а у молчуна Родиона судьба пошла винтом.

Брат выучился на механизатора и, приехав из города с красным дипломом и гордой красивой женщиной, отделился. Жена его через год или два спуталась с учительской, унесла курносую дочку, как птица-аист, — Родион, длинный и сломанный, с работы брёл домой огородами, жирными да вязкими от пролившихся дождей.

— Не торопись, Санёк, с поженитьбой! Приглядись для начала: что за человек?.. — наставлял Родион, пьяными руками, словно прутьями железной клетки, загребая Саню в объятья, когда отслуживший соловушка по старой привычке прилетал к брату за советом, а то просто торчал на немьтом крыльце.

Но Саня не послушался и, едва в деревню запорхнула интересная накрашенная бабочка, спросился на волю.

— Ух ты, мой глупый перец! — Родион отдал ему ключ от своей избы и вернулся к матери, а шаферить на Саниной свадьбе отказался...

II

В доме у Сани всюду было железо. Под столом — гаечные ключи, зубчатые шестерни, в углу — топоры без топорниц, на подоконнике — горсть свечей зажигания. Под матрасом — разводной ключ. К спинке семейной кровати Саня прикрутил лодочный мотор “Нептун-23” и, проверяя работу цилиндров, иногда заводил его по ночам. Даже в чугушной лытке, в которой тушили мясо и картошку, валялись болтики, шайбочки, крючки. А лакированный теремок с кукушкой замолчал на другой месяц после свадьбы, пробитый шалой пулей, — Саня застал с молодой женой барабашку...

Ещё удивительно, что Наина вообще пошла за него.

Суеверная блажь с годами не выветривалась из Сани, сидела в нём, как дурная болезнь в худом теле. Сколько Наина ни шефствовала над ним, сколько Родион ни вправлял ему мозги, и мать, задыхаясь, вползамаха ни хлестала полотенцем через весь Санин хребет, на который он регулярно скрёб, — ничего они и гуртом поделать не могли. Уже и виски ему надышала серебряная птица, смахнула крылом клок ржавых волос, округлив стеснительное

пятно плешины, и со всей страстью долбанула в неё клювом... Нет! — Саня как верил, что вечером не занимают соль и деньги, на пороге не стоят — к покойнику, а спички на открытое место кладут к пожару, так и продолжал цепко верить, своим неистовством доводя соседей до смеховых коликов, а жену — до белого каления.

Они плохо жили — жгучая и сарафанная баянистка из клуба и егозливый Саня, у которого семь пятниц на неделе, и все выходные. Это Бог отвёл их от большой беды, не послал детей: Саня в шоферах застудился от земли, чиня по зиме машину, и семья его с той поры было пустым. Уж он и сам мотался по курортам, и жену на всякий случай затуркал лечением, но всё без толку.

— Иди, старуха, поскреби по сусекам! Скатаем с тобой колобка, мо-дерни-зи-и-ируем: четыре спички — руки-ноги! — и пусть вертится по хозяйству!.. — от злости и стыда за себя, за свою мужскую немощь, пьяненький дразнил Саня жену и с тупой животной ревностью разглядывал её толстые мясистые губы, заманчиво покрашенные помадой. И чем бы ни томил себя Наина: гремела ли она у плиты, разжигала ли в печи огонь или мяркала в тазу Санино тряпье, — губы её раскисали, мягкое большое тело, от обиды оползшее на табуретку, словно бы норвило уплыть из врезавшихся в кожу одежде, а чёрные круглые глаза, которые Саня за их невыразительность считал глупыми, с болью и ненавистью простреливали Саню от потной маковки до пят...

В застольях Саня горланил за всех, угощал других, а пуще сам угощался, но внезапно замолкал, обнаружив рядом с женой чужого мужика.

И уже горячечно воображал, что кто-то на субботних танцах водит Наину за кинобудку, валит на притоптанную траву, в душную пыль проулка...

Тогда глаза его набрякали кровью, руки отправлялись гулять сами по себе, роняя рюмки на столе.

— Ничего-ничего! Я им устрою кордебалет... — успокаивал сам себя Саня и бежал в огород; запалив костёр из лучины, жёг концертные реквизитные платья Наины и цветные плисовые платки, которыми в женихах сам же её и одаривал; сидел до ночи на корточках и победно и мучительно плевал в синее угасающее пламя. А сам Саня не допускал до себя подозрений, был обидчив, как ребёнок, и если случалась короткая перебранка, уходил с матрасом в баню и закрутил кочергой дверь.

Приходила мать, обмотав поясицу лохматой шалью; стояла против низкого окошка и гнула от слабого ветерка.

— Санька, ты почто такой-то?! — кашляла с натугой. — Кто так делат — бежит от родной жены... Дураки только что!

За матерью Родион отваливал хромую, припадавшую на один бок калитку. Смахнув щепки с чурбана, на котором кололи дрова, подбирал сзади мятый пиджак и садился.

— Слышь-ка, Соловушка, чо хочу спросить... Я тебе “Роман-газету”, пятнадцатый номер за этот год, не давал?

Гнедые облака, полыхая, ржали над огородом, над Родей, над Родиной... И ничему не было теперь связки. Брат смотрел на облака, тосковал глубоко да косился на невестку, подававшую с крыльца советы.

— “Солёное озеро”? — едва жена, махнув обеими руками, убиралась с глаз, в щёлку предбанника подавал голос Саня.

— Но.

— Дочитываю!

— И как мыслишь?

— А врёт. Наверное, врёт.

— Это конечно...

Вообще, Саня всё понимал буквально.

По слухам, он с детства был такой. Сказал ему раз дед Лукьян Ефимыч, высокий иконный старик девяноста двух лет от роду, до гроба верховодивший в избе Золотарёвых:

— Са-анька, дров наколи!

— Где колоть-то, дед? — спросил Саня.

— Ну, поди, Глызину наколи!

Старик съязвил, а Саня поверил, наколотил Глызину дров. Дед, прознав об этом, изодрал ему волосы на висках: Глызин в тридцать четвёртом возглавлял комитет бедноты, в шайке с другой колхозной голытьбой отцанал у Лукьяна Ефимыча отцовский пятистенки, самого с женой и ребятишками едва не загнал на Соловки.

— Ведь он, лабазина, послушал и пошёл к Глызину! — со смехом качал головой Лукьян Ефимыч.

Как-то, ещё учась в школе, Саня посмотрел фильм “про мушкетёров” и с той поры своё героическое будущее приближал буквально. Он выстрогал ольховую шпагу, а на щит подобрал во дворе жестяную крышку от бочки, ходил в верхний край и задирали тамошних парней. Парни тоже задирали Саню, душили по башке чем ни попадя.

Это уже потом, стремясь закосить под Жеглова, он расточил добытый у стройотрядовцев стартовый пистолет и, выбив стеклинку в бане, прямо как из окошка “Фердинанда”, шмальнул тозовским патроном в жёлтую весеннюю ночь, напухшую за деревней. Кого-то даже ранил...

Было это в призывную весну, золотыми фиксами улыбался Сане срок.

Вступился военкомат, отослал жигана с глаз долой; Родион схоронил пистолет на чердаке, в дощатом ящике, обитом крест-накрест полосками из красной жести...

В конце концов, Наина поблёлкла от Саниных “кордебалетов”, которые он ставил ей по ночам, и в сердцах бросила баян, разломившийся на полу мычаше и жалобно:

— Ухожу от тебя, стручок!

Саня представил буквально, на радостях загулял, в капроновой сетке потаскал из огорода помидоры и огурцы, частью растеряв их по дороге, потом вымыл ноги и лёг спать.

Наина оскорбилась его мужицкой невежественностью и вправду скидала манатки, с августовской грязью укатила к своим в Биробиджан.

III

Последнее лето до своего бегства из деревни Саня ходил под чистым небом в пастухах, волоча в пыли острый истрелянный кнут на резной берёзовой ручке. Но как только Наина сошла с его фатеры, он затребовал в конторе трудовую, и уж с той поры волокся по свету, как сбита по ветру, шил да безобразил, тлепался по осенним лужам босой.

Он два раза женился, три — развёлся, кочевал по городам и сёлам, а домой дорожку забыл. Ему казалось, что там, в родовой деревне, где остались лишь недужная мать с братом да песчаная тоска могил, не будет ему простора, а душе вдохновения. Старуха науськивала на него всероссийский розыск, сам Родя не раз наступал ему на пятки, но едва Саню настигали и двумя руками делали выволочку, он срывался, как шатун, и уходил восвояси. И всё-то он искал какой-то чудесный выход для своей непонятной боли, которую будто бы нажил в деревне, а теперь глушил на ветру родины, всё-то мечтал забыться, затвориться, провалиться в тартарары и там, в дремучей глубине России, в беспмятном молчании духа, услышать самого себя, голос родных мест в одичавшем себе, и однажды аукнуться на него, явиться к отчему порогу блудным сыном, но не от горькой нужды, а по высшему требованию сердца и совести.

Словно на волшебной палочке он облетел всю обезглавленную державу. На уральском калийном комбинате бил соль в забое с поэтом Решетовым. Отстоял вахту на траулере в Охотском море. На одной из шумных воровских строек в Петрограде месил в мятом полубочье цемент и разочаровывался. Подался на нефтяные промыслы, куда-то по железнодорожной ветке Москва—Тында. После удачного сезона скакнул в сочинский поезд, много и сказочно пил в вагоне-ресторане, хвастливо швыряя деньги и безнадежно задаривая чаевыми развратную официантку Катюку, а ночью сам ли сошёл на одной из станций или ссадили жестокие собутыльники, но проснулся горе-

путешественник без денег и шанег на знаменитой Бодайбинке. Ну, отсиделся под сирым кустом, осмотрелся, а вскоре прибил к матёрой, с железными зубами, стае и мало-мало намывал в заколдованных лесах золотишко, сбывая его через границу в Китай. Однажды со всеми рвал когти, всё лето скучал под Якутском и тихонько ловил с браконьерами чира. Затем ещё год или два грузил ящики в порту Осетрово, спал, где кишки заломит спиртом...

Минувшей весной, стреляный и рваный, смолотый жерновами дорог до мучной седины и уже не верящий ни во что, кроме своей близкой смерти, в одном вельветовом пиджачке и с узкими, как у волка, рёбрами, напёршими в бока, в которых частыми короткими тычками отзывалось загнанное сердце, точно эхо его прошлой жизни, Саня прибил к северному посёлку на Лене. Прозябал в двухкомнатной квартирке на берегу, которую ему дали от сельсовета и где он затынул пустое окно целлофаном; служил оператором в котельной, ещё дожевшей на четырёх электродках. Один котёл с осени перевели на уголь, нацелили в небо харкающую трубу, а к топке наскребли мужиков из местной бражки.

Весной ранее мужики пожелтели от палёной водки и частью погибли, как перелётные птицы, частью выпорхнули из казённых постелей. Отхожие месяцы бродили по посёлку тени, воротясь от людей потухшими желтушными лицами, а затем повадились на старое. Только твёрдый пай хлеба и держал их у печи, а иным достатком не укрепиться на земле, для русских людей поставленной на Руси с наклоном. Зимой раскрестьянные мужики кидали уголь, возвращались со смены мазутные, как черти, и усталостью вязали глотки и руки. Летом чистили котлы, меняли в колодцах заглушки, то есть не были задействованы ни в чём, что бы требовало от них полной мобилизации душевных и физических сил. Посему они работали спустя рукава, галдели на ржавых трубах или шатались по заугольям — хреном груши околачивали, прилетали домой на кочерге.

*Моя любимая жена
Не пьёт ни пива, ни вина,
А пьёт одну наливочку
Четвёртую бутылочку! —*

каждый вечер у “чепка”, как звали здесь магазин частного предпринимателя, сокращённо ЧП и Ко, а по-русски — “чепок”, — орал закопчённый обормот по прозвищу Ёлочка, названный так за привычку раскидывать руки, дабы маневрировать шатким телом, которое, однако, неукоснительно соблюдало маршрут от магазина к дому, как бы темно ни было вокруг и в глазах.

На лохматой босяцкой голове Ёлочки распялась грязная замшевая кепка с коричневой пуговицей вместо помпона. В ошетиленных усах, закрывавших верхнюю губу, доживала последние дни до бани маркая угольная пыль. Прожжённые брючки-спецухи, подвязанные скоробленным кожаным ремешком, оползли на голенища кирзук, разлетающихся нашарканными носками врозь. Впереди Ёлочки, ширясь и застревая в калитке, маршево шагало плотное терпкое облако табачного дыма и водочного перегара, оповещая двух костлявых собак и домочадцев о скором явлении кормильца. Но раньше всех об этом узнавала его жена Зоя, нервная почтовская техничка с натужной телесно-лиловой шеей и невнятным выкриканным ртом. В свои трудные тридцать восемь Зоя одного за другим выметала четырёх детей, привычно ходила пятым, на пороге и крыльце придерживая квашёнку-живот, и против неверных слухов об её любви к наливке была трезвой даже в понедельник. Заслышав под окнами песни трудовой молодёжи, она уже спускалась с крыльца со шнуром от сгоревшего кипяильника, в резиновых мужниных чёботах на босу ногу, и через весь двор шла любимому супругу наперехват.

— Горе горькое по свету шаталось и однажды в наш край забрело... — раздувающим ноздри шёпотом говорила жена Зоя; и остерегала: — Ты не уходи, не уходи, милый друг, от разговора!

Но Ёлочка не слушал и уходил; вернее, уползал по жердяной лестни-

це — на чердак, откуда строил жене фиги, языки и прочие наглядные знаки своего мужественного сопротивления режиму...

— Где оставил глаза?! — устроил Ёлочка допрос, когда Саня заскрёбся в брошенной клетки по соседству.

С уважением посмотрев на Санины очки, перемотанные изолентой, Ёлочка тут же уяснил, руководствуясь какой-то своей светлой мыслью:

— У нас, поди, и работы для тебя нет!

За годы странствий Саня не был только космонавтом. Он раздобыл немало “корочек” и, ещё из автобуса увидев над посёлком дымящую трубу, сразу же определился с трудоустройством.

— Оператор котельной, — сообщил Саня бдительному товарищу.

— О-о! — сообразил Ёлочка и размахнулся руками, чтобы удержаться в воздухе. — Тебе к нам в подшефные надо! Так бы и рапортовал...

И тут, на новом месте, Саня быстро обырл, сцепился языком с Ёлочкой и его подельниками, и окошко его веранды по ночам звенело от высоких голосов, а огненные окурки, которые мужики бросали с крыльца, алыми трассерами врезались в темноту. Состоял Саня в бобылях, алиментов через почту не перечислял, не кривой, не хромой, только плешь с осиное гнездо да рябь на лице — на сварных работах в Тюмени стрельнула шипящая окалина... Холостые бабы да вдовы присматривали его через штакетник. Имели в виду, что добрая метла выметет из Саниного угла разную шухеру, сдался бы сам хозяин. Однако Саня, как печной уголёк, жёгся, не брался в руки, хмуро сдвигал очки на переносицу.

IV

На смену в другой конец посёлка Саня ходил полевой дорогой, высчитав с похмельной скуки, что так на сколько-то шагов короче, а может быть, просто потому, что захлёстнутые лебедой и мелкой сосной пашни напоминали ему родовые степи: та же стеклянная синь зияла крутом, то же огромное небо глыбилось в вышине, а ветер ворошил косматые зыби облаков, прочерченные дымным следом реактивного самолёта... Как-то брат Родя склеил из свежей “Правды” и лучинок воздушного змея, после уроков Саня запускал его в осенней ненастной степи, и змей, распарусив газетные крылья, сумасшедше метался и клокотал, просясь под сонные облака, тонкая рыбацкая жилка, которой он был полонён, тянулась из Саниного кулачка. Однажды Саня забрался на высокую гору Даглан, синевшую в азиатской мгле. На горе сильничал ветер, гнул чахоточный кустарник, надувал брючные гачи, а затем и вовсе вырвал жилку. Змей вспорхнул и полетел по небу, по которому бежали тучи. Саня тоже побегал под гору, через степь. Но тучи оказались быстрее и куда-то унесли змея, а Саня заплакал и пришёл на пустырь за деревенским оврагом, чтобы кидать в костёр сухую траву и глядеть, как она молча умирает. Не с того ли давнего дня душа его парусит на ветру, а Саня всё бежит и бежит за своей пустокрылой мечтой, как за улетевшим змеем, отсюда, с грустной низкой земли, хватаясь за скользкий хвост её серебряной тени?..

И много, много чего поднимала память у жизни на краю, на самом доньшке Господнего колодца, где Саня сыскал бродячим ногам путы, а сердцу — медленную увяданье. Когда в горле горчило от дум, он оборачивался спиной к ветру, чтобы воспалить в горсти огонёк, томительно курил, образывая дыханием впадинки на щеках, и ветер бросал на семь шагов окрест сгоревшие спички.

Дни в эту весну стояли ясные и тёплые, вербы, словно целлофановые, светились вдоль речного обрыва, а внизу его по сломанной старой осоке и проржавелым ольховым листьям с шорохом проползла мутно-зелёная вода. Снег на огородах почти сошёл, решётчатая тень от прысел, ещё недавно длинно лежащая на плотном и белом, нынче коротко рябила на земле, и узкий гребень влажного песка, разорванного по осени бороной, резко желтел на фоне блестящих чёрных комьев. Старуха Никитина в телогрейке и платке походила на ожившую мумию, одинокую и страшную в своём беспомощном оди-

ночестве, с задравшейся на ногах грубой юбкой земляного цвета. Она сгребала вилами раскисший картофельный лыч, грузила его в дырявую цинковую ванну, поставленную на четыре лысых велосипедных колеса, соединённых железными втулками, и, вцепившись в трубчатый поручень, с грохотом и оханьем везла через огород на межу, а затем долго и словно бы нехотя возвращалась к жизни, отдыхаясь сдавленным беззубым ртом на перевёрнутой тележке и посматривая на задранные колёся, с медленным застыванием спиц ещё вращавшиеся перед её неподвижными глазами. Лыч со своих пяти соток, крепко урезанных со смертью старика, она собирала уже вторую неделю, делая за день три-четыре возки, скреблась, как курица, пугаясь идти в гулкую избу, где молитвен скрип половиц, а ночью — трупная синева в окошках.

Саня, как доброй знакомой, кивал старухе, но задержаться с разговором почему-то робел, а помочь совестился.

— Здоново-здоново! — нашарив его перед собой томительным взором и снова не признав, устало отвечала старуха; голубые глаза её слезились от ветра. И на отпотевших берёзах уже нарывали коричневые почки, на пастбище наплакалось много сталистых озёр...

Высокий остроголовый пастух Витька, рассевшись на порушенной изгороди, пальцами брал из пенопластовой коробки китайскую лапшу, а стадо разбрелось по бледному лугу до тёмного ельника и, прядая ушами, выедало жёсткие пятаки стоговиц*, посолённые крупной изморозью. Витька тоже прибилея к посёлку со стороны, батрачил на дворе у мужастой городской фермерши, которую называли “Новорусская” и не любили, но пожар, поднявший крышу телятника, тушили всем народом. Это всегда занимало Саню, — то есть то соображение, что двадцатилетний Витька горемыкой торчал на земле, а не было ему в жизни печали. Жил он в косолапой, окошками в землю, избе с бывалой разведёнкой, от шеи до груди обваренной известью: Валька ссаживала с печи кипящее, как адова сера, полубочье... Она смотрела на него матерью, но Витька не замечал, пьяный гонял черенком от метлы её и её детей, о которых он забывал, сколько их числом и какие будут его, а в женский праздник рано утром пёрся из магазина с вином и букетом дешёвеньких цветочков, небрежно, как веник, сунув их под мышку. На весеннем морозе цветы роняли лепестки, устилая за Витькой его трудный путь к дому, пролежавший через гулёвые избы, и авоська с бутылками к вечеру легчала, а Витька, наоборот, тяжелед, наливаясь сонной ершистостью и грубостью, но забитая, всегда похмельная Валька и душистому растрёпанному венику была рада, ставила его в склянке с подсахаренной водой на окно, мутно глядевшее на улицу. Каждый день она ждала ребятишек из школы, и после обеда они стайкой прилетали на луг, боязливо косясь на хмурого Витьку, помогали ему загнать стадо в стойла...

Иногда Витька отрывался от чашки и коротким узким ртом, в который со смачным чмоком утекала кудрявая лапша, окликал глупую корову, норотившую заблудиться в лесу:

— Ну, и куда прёшь, проститутка?! — а заметив Саню, он дико щурил на него совиные жёлтые глаза...

Молчали на сквозном ветру, трепавшем белые волнистые облака и Витькины тощие волосы, хмельные от лихой свободы, ибо Витька уже с ранней весны скинул свою безразмерную “пидорку”, чтобы скрыть ею от стороннего глаза папачулу бутылку. Ветер толкался в ковчеге и возвращал в лицо искры двух папачур, а глумливое воронье, доклевывая дохлую рыжую собаку, которую Витька вывалил из капронового мешка под угол, чернильными взъерошенными кляксами жирело на телефонных столбах да вдалеке расчерчивало могильными крестами голубую фольгу неба. А наступала корова на лёд озера — хрустело, гремело на весь луг, от одного бережка к другому обваливался вздутый приморозом капрон. Так всё было зыбко и ранимо, что, казалось, пропасть, сгинуть, оставить земную жизнь в эту пору было легко и отдохновенно. Вот только не умиралось, всё жилось, всё терпелось, и не было краю ни ветру, ни тоске.

* Стоговище — остаток от стога сена.

— Тёте Гале-то отписал? — долгим, тягучим голосом спрашивал Саня, который за последний год чего-то обмяк душой и затаился.

Он глядел помимо Витьки, мимо мочившихся, выгнув хвосты, коров с бурым треснувшим навозом на сопревших ляжках, мимо редющей гряды изб, вставших на длинном угоре, обрывавшемся за посёлком красной глиняной рытвиной, мимо ельника, который, говорят, живёт триста лет, где мучительно куковала одинокая кукушка, вообще куда-то мимо этой польнной подлунной земли. Но его глаза ни в чём не находили опоры и уже ничего и никого не хотели видеть за потными стёклышками очков. Тогда Саня закрывал глаза, а из-под плотно сжатых век выдавливалось и бежало по лицу, но далеко утечь не могло и, продираясь через небрежную щетину, исчезало в водвороте жесткого рта.

— Чо молчишь?

У Витьки в Красноярске мыкалась, куковала без мужа и детей родная тётка. Она поставила его, сироту, на ноги, вымахавшие до сорок пятого калибра и к девятому классу раздавившие всю обувь, доставшуюся Витьке от покойного дяди. До восемнадцати Витькиных лет тётя Галя держала его при своём больном сердце, которое Витька уже тогда исправно покусывал, бросил ремеслуху и давил диван, задрав ногу в снежно-белом носке. Тётя Галя пласталась то санитаркой, то почтальоном, то продавцом на мясном рынке, в три нормы кормила Витьку и обстирывала, но однажды с искрами в глазах опустила на табуретку и кое-что рассудила, в клеёчатом переднике прошла из кухни в Витькину комнату, где глюх от собственного шума и шевелил на окнах занавески музыкальный центр, и перепачканной в курином фарше рукой слёзно шибанула племянша по шее, чтоб совсем не испортить... Витька без любви звал её маманей. Но, пустившись по миру, он тут же выпнул её из сердца, как не поминал он всей своей прошлой жизни. Верно, Витька и не сказал бы, было ли что вообще за его плечами кроме рюкзачка из грубой мешковины и котелка с бренчавшей в нём ложкой.

— Не-а! — незло огрызался Витька и, набрав в живот пузырь воздуха, громко отрывивал его. — На фигу козе баян?

— Тётка всё-таки! В училище тебя устроила на сварщика. Взял бы да съездил...

— А где я тебе деньги на билет возьму?

— Потребуи у Новорусской. Платит она вам?

— Она тебе заплатит! Сама колбаску-сыр жрёт, бутерброд с обеих сторон маслом мажет, а нам — во-о! “Боярышника” наберёт за тридцать рублей — и лети на спиртовом паре!

— Ну, тогда займи у кого-нибудь.

— Ха! Вы все умные такие, а чирик дасти на курево — легче удавиться на суку!.. — Витька доглядывал холодную лапшу в золотистых пятнах застывшего жира, шмыгал носом, а потом вдруг разражался свистящим свирепым чихом, и лапша, попадая в носоглотку, свешивалась у него из нашарканных красных ноздрей...

В сумерках Саня обходил заваленный арматурой и шлаком двор котельной, проверял, заперты ли двери и ворота, да поплёвывал на звёзды, горевшие над жестяной крышей. Затем он заваривал чифир, цедил до одури, до опоения, заедая налипшей к фантикам карамелью, до тошноты курил, размазывая окурки о донышко консервной банки, а едва начинало юзить, притворял фанерную дверь в дежурку и разбирался ко сну, выкладывая на стол спички, очки, дедовы часы “Победа” без ремешка. Спал на амбулаторной кушетке с полезшим кусками дерматинном, закрыв глаза на стрелки счётчиков, тихо гудевших в темноте. Виделась ему костяно-белая от древности бурятская деревня, откуда он пошёл по свету в поисках рая: растресканные временем торцы брёвен зияют, как дыры, а заборы держатся гуртом, будто избитые или пьяные, но когда падает один, вокруг скашиваются и умирают сразу несколько журавли, и бескрылые журавли, засмотревшись в сухие колодцы, качаются без ветра и отпевают кого-то своим шарнирным скрипом... Рай Саня не обрёл, от гнезда отшился: старуха-мать, вскидывая над головой кривой батожок, прогоняет корову в поскотину, брат Родя, скорее всего, нари-

совал на Саниной фотографии крест, а кресты других Золотарёвых давно полегли и перечеркнули землю под собой...

И Саня, пробуждаясь среди ночи от звона лопат, которыми мужики набрасывали в гудящую топку уголь в искрах льда, а летом — от шарканья сапог за дверью, с воем в глотке представлял, как тяжёлые отсыревшие домины всё глубже уходят в землю, а люди в истлевших рубищах бьются обглоданными черепами о гробовые крышки.

— Надо окошки расколотить, душно стало... — обморгав слёзы, брызнувшие в надетые очки, Саня со сна обшаривал всего себя, чтобы найти себя в пустоте.

Спасибо, Борька-юморист с Гондурасом, ишачившие на погрузке угля, приволокли из библиотеки мешок списанных книжек и применяли их по своей разумности. Саня же, как в юности, читал ночью, облизанным пальцем с треском задирая пахнувшие мышами и пылью страницы, а отвлекаясь на то, чтобы проверить термометры и отзвониться в город с отчётом, аккуратно загибал с угла прожитую страницу. За чтением он мало-мало забывался и с прозрачной тоской вспоминал себя прежнего, и Санина боль вспоминала его прежнего, о котором она не болела, лишь тихо всхлипывая под рёбрами, как под лестницей душевная вахтёрша, потерявшая сослепу ключи. Саня уже одолел полмешка бумаги и тлена, а взятые без его ведома книги нервно перекапывал, отшвыривая ненужные: “Ох, уж мне эти пастырники-мандыштампы!..”.

...Мужики с утра распыляли на курево его стопку, бережно складированную на подоконнике.

— Других раскурок не нашли?! — кровно обижался Саня и дрожащими пальцами крался в карман за папиросами — крепкими, студёными, прожигающими до кишок.

V

Раз в три дня с вечера Саня заступал на дежурство, а остальное время существовал мелкой шабашкой.

На битёе могил Саню сомустил Борька-юморист, весёлый матерщинник с натасканными кулаками, которые всегда нервно дрожали и, словно засидевшие собаки лапами, возбуждённо перебирали пальцами, скреблись за пазухой и в карманах, а то бренчали железным браслетом часов, ожидая сигнального свиста для своих охотничьих вылазок. Псать не портил породу, регулярно выгуливая кулаки, и они сцеплялись с такими же острозубыми кипящей сварой, выходя из неё победителями и отплёвывая чужую кровь и сорванную с костяшек кожу... Борьку ценили и уважали. Он тоже, заодно со всеми, пожелтел от водки и совсем уж пропал в районной больнице, но спас отец. Старикан вырос из каких-то глубинных неразрывных корней, всего в нём намешано было помногу, словно ручейки и малые речки, стекались в него разные крови, на грубых скулах и резких надбровных дугах бурля азиатчиной, и повалить его было непросто, поэтому халявные лекарства старик не пользовал, а выбирал льготу деньгами и к своей смерти скулачил полнёхонькую трехлитровую банку, которую заначил от бражника-сына в подполье, но сплюнул через плечо и сдал заветную врачам, и Борька чудесным образом одыбался. Спустя месяц-другой желтизна сошла, а с появлением в котельной трубы Борька уже состоял при важном деле. Бросая в топку уголь, он часто говорил: “Ох, распинал бы я голубятню тому, кто подписал меня на эту чахотку!” — и от раскрытого ревущего огня оплывало его багровое худое лицо, металось на сальном подбородке бронзовые тени. Досуг Борька оставлял для занятий более приятных. Он объявил себя директором кладбища, а своим замом назначил косоротого хромого Гондураса, по первому снегу откинувшегося из тюряги. Вместе они оборотали уже не одного покойника, всё больше павших пьяниц и стариков, которых мочалил и снаряжал в дорогу хархотник Мотя. Цену просили умеренную, чаще обходились магарычом, варили на старых могилах чай в обожжённой консервной банке...

На Духов день, тёплый и светлый после утреннего дождика, хоронили старуху Никитину, которую Саня встречал весной в поле.

Она жила в избёнке на берегу, от крыльца до уборной загоревшей дурной польнюю. Ссечь её у обветшавшей старухи уже не стоваривались руки: правая всё-то сжимала гладкий, как кость, посошок, левая распутывала на дряблой шее тугой узел надавившего платка, тёрла слезящиеся кроткие глаза, а то сменяла на боевом посту правую руку и, падая от уха, за которое заправляла бледную прядь волос, до поясницы в слепом бессильном полёте, как падают с умерших деревьев гнилые сучья, сама хваталась за старухин крепёж и, столкнув другую руку, тем сама крепилась. Старик мог бы отбить косу и срезать плакальщицу-траву, но его наперёд скосила костлявая, его собачья ушанка истлела на крюку, вверченном в стену бани, а сети сгнили. Был ещё, правда, сын Юрка, беглый алиментщик и диджей, пальцем крутивший в старом клубе пластинки. Но этот свалил в деревню Кунарейку, куда-то под Иркутск, и не казал носа. Когда ему отписали про мать, он отспонявил через сельсовет деньги для погребения, а уж отсюда наняли копальщиков. Поселковые женщины собрали бабу Шуру в последний путь, украсили её цветущей сиренью и сгношили кой-какие поминки. Старухи по-суху, без слёз, проводили подружку до электростанции, там начинался сворот на кладбище. Здесь гроб поставили на дощатую телегу колёсного тракторёшки, которым управлял Ёлочка. Ну, поволоклись через пыльное поле в лесок за синей далью, где серебрились опушившиеся берёзки и осинки. В паху у Ёлочка вскочил волдырь, каждую минуту Ёлочка ждал своей гибели, был набожен и не пил. Он выгрузил гроб на землю и суетерно укатил, бросив могильщиков наедине со старухой, с их мерзким делом...

У Сани это были первые профессиональные похороны.

Жуть напала на его сердце ещё там, в посёлке, когда бабу Шуру выносили из её неказистой избы с подслеповатыми окошками, а потом через большой старинный двор, в котором душно пахло отцветшей черёмухой и тленом русской уходящей жизни. И теперь эта жуть не отпускала Саню, шарила по нему потными руками, трясла за глотку, колотилась под коленками. Он был сам не свой. Водка, которой он воровски оглушал волнение, не лезла в него, проливалась на белую праздничную рубаху, к вящему неудовольствию мужиков. Едва гроб опустили на телегу, как на вольном духу лицо старухи почернело, запали в рот синие губы, руки измялись и стали фиолетовыми ногти. Саня боялся взглянуть на покойницу, обмирая от глухого стука крышки, прыгавшей на кочках. Юморист сел на крышку, и его немые клокастые волосы, которые загребал на затылок ветер, беспечно качались у Сани перед глазами. Саню мучило, бросало то в жар, то в холод, он раз или два срыгнул с телеги зелёной селезёночной пеной. Гондурас, вяло кидавший на дорогу пихтовые ветки, плоско зевнул, надышав на Саню гнилыми зубами, и подал ему солёный от слюны окурочок:

— На, керя, сделай пару зябок!

Уже на кладбище Саня суетился без причины, обвалил в могилу часть низовой, всё ещё ледяной глины, едва не опрокинул туда же смолёвые доски на полати, пока Борька не огрел его черенком лопаты. А как стали предавать гроб могиле и Саня услышал: “Отпускаем!” — он, по своему обыкновению, понял буквально — и отпустил верёвку...

Гроб перевёрнулся, отскочила неприлаженная крышка. Баба Шура, роняя из рук ветки сирени, врезалась лицом в красную холодную яму и уже оттуда, из глубины, стукнутая о твердь, отпахнула посиневшее от пятака веко и оглядела свет заволочённым мёртвым глазом.

— Ты чо сделал, образина? — медленно сказал Борька, когда старуха затихла в корявой нише. — У ней аж сандалии свалились!

Саня весь съёжился, словно подбирая себя, распавшегося, как пиджак без пуговок, и покосился на зашедшего сбоку Гондураса. Очки сползли у Сани на кончик носа, как две огромные слезы. Наконец, не находя своей безмерной глупости оправданья, он тихо произнёс:

— Ты же сам сказал!

— Я тебе ка-а-ак сказал, ушлёпок?!

— Отпуска-ай...

— Дак гроб отпускай, а не верёвку!

Гондурас прыгнул на гроб, схватил бабу Шуру под мышки и силой запытал её в домовину, небрежно закрыл глаз, а серебряный крестик, выскользнувший старухе на кофту, сорвал с тонкой нитки и сунул себе в карман. Саваном он утёр себе потное лицо и грязные руки, потом уже набросил его на покойницу.

— Ну, и ладушки, старая, лежи с миром! — и сикось-накось надвинул на гроб крышку, на два гвоздя прихватил молотком.

В три лопаты зарыли скоро, как собаку.

Саня, боясь могильной зовущей пустоты, кидал глину со стоном, но застыл в ужасе:

— Туфли-то забыли надеть!

Борька, не меняя сосредоточенного рабочего лица, хмыкнул:

— Их Гондя своей блатной шмаре прихватил!

Воткнули в рваный бутор, поднявшийся над старухой, самодельный крест. На нём Гондурас выскреб гвоздём и обвёл карандашом старухины метрики, взятые в сельсовете. Отчество горе-ученик начеркал с ошибками, но исправлять не стали.

— Без чирика сотку оттянула Милентьевна на белом свете! — оскалился прочифиренными зубами Гондурас, поглаживая своё творение. — Зажилась, зажилась!

— Рот закрой, придурок лагерный! — сказал отрезвевший на ветру Борька и полез в брезентовую сумку, в которую им собирали обед.

VI

Поминки справляли тут же, на бугорке, повесив потные рубахи на изгородь, обнёшую кладбище с трёх сторон. С четвёртой, грудной, изгородь проломил, здесь ползти, окапываясь в бесхозном поле, свежие могилы и, поворачаясь, глядели на посёлок перископами крестов...

Кладбище словно бы жило с открытым сердцем.

С утра небо было в тучах без вести о хорошей погоде, но к выносу ударила вспышка света, соткалась в мире яркость настывающей синевы, перемежаемой нежнейшими, как валки тополиного пуха, облачками с лёгкими голубоватыми полосками по краям. Но всё чаще, застилая небосвод плотной тенью, восставала изнутри неба огромная, очень тёмная не чернотой, а сгущённой синевой, даже не туча, а точно льдина, взломанная подводным течением. И вот этот то ныряющий вглубь, то показывающийся на поверхности осколок весь день нагнетал грядущие за ним дожди, и от этого поминутного ожидания грозы, грома, смерти неизъяснимый трепет творился в душе...

Гондурас, у которого от залитой водки больше скривился верблюжий рот и сталистой скорлупой навернулись глаза, закурил с пьяной размахкой. Сидя на корточках и пуская дым в верхнюю оттопыренную губу, рассечённую в драках, он опять вспомнил случай из своей тюремной практики:

— Собрали, короче, меня и ещё двух отморозков возле проходной, дали лопаты и ломы — гоните на пустырь, долбите землю! Я, короче, такой стою, в падлу вся эта канитель... Ну, зарядили прикладом в грудак: ништя-як, равнение на середину! Почесали на скотомогильник, где безродных трупиков хоронят... А жмурик, короче, орясина метра так два длинной, ему bestолковку кирпичом проломил... Мы с Блохой типа ковыряем ямку, а Бздливый с Лаптем колотят гроб из горбыля. За пять минут слепили какой-то ящик — а этот, жмурик-то, в него не залазит, ноги мешают! Прибежал Навальный, начальник смены, слона на пять метров летит. Приволок топор: нате, действуйте! Через час проверка. Ну, Лапоть ноги мужику отрубил, побросал их в гроб. Так зарыли...

Саня тоже вспомнил, как отца повезли в березняк за свежей пашней...

— И? — когда его скучный рассказ был закончен, серьёзно спросил Борька, давая понять, что Сане с его поганым языком лучше не высовываться.

На пиру сидел Саня, а не пилоьсь, кусок острым колом полезал в рот и долго ещё стоял в кишках. От разговоров, которые вели меж собой его кореша, судорога вместе с оглушающим стаканом проходила Саню от макушки до пят, будто тело и душу разрубали надвое. На всякий случай Саня пас вилки и нож, а если они пропадали с глаз, весь замирал и отходил, обнаружив их в чьей-нибудь режущей или колющей руке, не у себя в спине. Набыченный, с отвисшей челюстью Гондурас, по слухам, сгубил родную мать, пнув её в висок кирзовым сапогом с железной подковкой, затем прятался у бабки в Серпухове, пока бабка не дозналась про дочку и не сдала внука милиции. Теперь он, как так и надо, жил-был на свете, тырил Санины папиросы, примешивая к табаку катышки анаши, серые от карманной пыли, часто и мелко, чуть подрагивая беломориной, вшётывал в себя волоокий дым и нудно, поднарой блохой, ржал, напрягая крупные ноздри и стучая неровными зубищами, а спустя миг его загашенные скорлупы натекали кровью, и вот он уже орал о чём-то с задранными руками, на его конопатом овальном лице, от скулы до смятого носа, натиралась нарукавной пуговицей алая царапина. Глядя на Гондураса, Саня даже трезвел, будто шёл он по зелёному тихому дугу, где думалось хорошо и, ломая смычки, играли кузнечики, — и вдруг его перекрестили жердью...

Один Борька всё презирал, а паче страхи и сомнения, споря с Гондурасом, тоже что-то кричал, тугой кадык, словно поршень в насосе, туда-сюда с дивным напором ходил у него на красном горле, то выгалкивая наружу литое, мокрое и солёное словцо, и тогда всем становилось печально и больно, то отползая в молчание и давая горлу набраться воздухом, чтобы снова выстрелить наповал или сплунуть. И тоже что-то дикое, Бог ведь чем сдерживаемое было в Борьке, в его бритких, ощеренных синими костяшками руках, уже раз или два разорвавших воздух предупредительными торпедами, в коротких сильных ногах с хрупкими музыкальными коленками, которыми он, на удивление, мог устроить месиво зубов и крови во рту, в нервных частящих движениях по траектории стакан—бутылка, вообще во всём этом быстром, неровно стареющем теле с кипящей в жилах молодцеватостью и затосковавшими по зиме висками.

— Не бзди-и-и, не бзди-и-и-и! Будете бзде-е-ть на своих похоронах! — время от времени страстно, но экономно предупреждал Борька, выплетая свой голос из какого-то очень едкого веретя, которым он мог бы захлестать и подчинить себе весь мир, впрочем, ненужный ему, стегая этой отдельной плёткой по двум бараньим душам, чтобы сбить их в удобный табунок.

Смысл его кратких, как у спартамца, слов был яснее апрельского неба: говорить, при Борьке-то, они никогда не будут.

За короткие вспышки мысли и духа в себе Саня с ужасом воображал, что вот живёт он в глухом краю, сидит на чужбинном кладбище, где лежат безвестные ему люди, молчит среди живых, но тоже старонних ему людей, и чужая земля его холодит... Там же, где родная горяча, хоть лепёшки пеки, мать досасывает хлебную корку, а может быть, руками таких же, как он сам, лабазников для неё уже роется вечное становище. Конечно, есть у неё и старший сын; но когда всё кругом накренилось и поехало, надирая ножками души и полы, и Родион, наверное, блуждает по миру, не только Саня шатун. И вот эти случайные люди, эти равнодушные скоты, даром пождав сыновей, кое-как обрядят её — маленькую и сухонькую, с задравшимся носом, вшхнут в гроб, столкнут в могилу, а затем привалят сверху бульжник, справят свой собачий праздник и затопчут бугор сапогами. Но как же он может тогда существовать? Чего же не провалится в таргарары? Почему не разразится гром, которым с детства пугала мать, и не прольёт на его беспутную голову чашу, полную дымной серы? Он-то, этот карающий гром, эта нависшая небесная чаша, точнее, страх неперемного возмездия за грехи, — всё это какое-то время держало Саню в узде; а вот же, ничто не могло собрать его в самом себе! Саня однажды будто взбурлил и разом выкипел до дна, до горьких одоньев, до золотой клёпки, которой Создатель крепил в его теле больную, странную, чумную душу, а ныне отпускал её на волю...

Прощай, прощай!

Наливали ещё и ещё — и вот уже не только далёкий, туманный лик матери вставал на Санином небе едва-едва, но и лица напротив шурум-буром относило от него за горизонт или его откатывало от них. И всей связкой, в эти мгновения существовавшей между Саней и его друзьями, вообще этим чужим другим миром, была лишь Санина протянутая рука, зажавшая кружку с прыснувшей эмалировкой. Забываясь, Саня кого-то искал по сторонам пустыми глазами, но никого и ничего уже не находил — даже надгробий и витых оград, от которых ещё утром было пёстро и зарешёчено, словно его обложили в этом кладбищенском сосняке. Слух его, как два ватных шара, мягко оседал в некую воздушную яму и, унося Саню за собой, молчал сам и его звал молчать на этом пропащем дне. Саня помнил только, что Гондурас на трёх ногах — Юморист для пушей скорости отломил ему черенок лопаты — бегал за водкой в “чепок”, попутно завоевал у кого-то полбулки хлеба и солёные огурцы, смявшиеся в кармане... И всё это смели одним хапом... громко орали, махали руками... а затем Борька за снятый с бабы Шуры крест бил Гондураса смертным боем прямо на старухиной могиле...

...К ночи вызвездило и остыло, и Саня проснулся на бугре от холода. Он резко разомкнул веки и вдруг увидел двух себя в фиолетовых свечках, которые горели над ним. Оказалось, заблудшая корова явилась на кладбище, и глаза её были большие и влажные. Ни Юмориста, ни Гондураса не было. Исчезла и общаковская сумка. В голове у Сани было железно от водки и во рту кисло от табака; пальцы отлёжанной руки, которыми он пытался выскоблить из тугой бляшки ремень, его не понимали.

— Ох, мамка! Эх, Родя! И слить хочу, как медведь бороться! — пробормотал Саня, не узнавая набравшего кладбищенской немоты голоса.

Прыгая на одной ноге, Саня зажмурился и со злости разорвал распаряху, с которой посыпались мелкие пуговки. От жажды какого-нибудь яркого подвига, внезапно открывшейся в нём, он помочился бы на люминесцентную луну, стоявшую над чёрным в ночи кладбищем. Но с пары литров было не достать, в него четыре заливай для напряжения в пузыре. И он, кряхтя и отплёвывая вязкую пену в жёсткие усы, сослепу навёл серебряную косую струю на свежую могилу. Мерцали на комьях глины срезы от лопат, дул в лицо ветер и сбивал струю на грубый крест...

VII

Со дня тех похорон, с той ужасной июньской ночи, когда он очнулся на кладбище в пыли и прахе живой и мёртвой жизни, с Саней что-то стряслось необъяснимое.

Это что-то давно, как видно, назревало в нём и только подгадывало час, чтобы проклонуться и сбить с себя скорлупу. Когда он в очередной раз явился на смену, Юморист, концом заточенной ложки резавший на пороге сало, осовело присмотрел Санино землистое лицо и сказал:

— Как будто хрен у соседа съел или гудок чесноком помазал!

Он чутко спал по ночам, пробуждаясь от своего шипящего змеиного дыхания, словно кто-то медленно, разлучая шов за швом, нитку за ниткой, тупыми ножницами или сгнившими зубами вспарывал над ним плотную ткань. Проблескивали в темноте два стеклянных кружочка — Саня брал со стола очки, — и звук исчезал, но едва Саня проваливался в подушку, как снова начинали рвать и кромсать, и он лежал с расколотой башкой.

Но и днём Саня не находил покоя и даже ел урывками, на ходу, чтобы скорее забить глотку и залить глаза, этим животным, организменным забалтывая и утомляя высокое и летучее, нывшее взаперти под рёбрами.

Вся его прошлая жизнь вздыбилась в его четырёх глазах и, свистя и гикая, пошла на него вражеской конницей.

Вместе с конницей оживали на стене, как на клубном экране, и обращали подробностями два знакомо-печальных силуэта, объятые кинематографическим искусственным мороком, и сквозь эту кольцевую завесу, сквозь рублиновую пыль и стрельяние раскручиваемой вертушки Саня ясно слышал чуть хриплые, зовущие голоса, но затем раздавался смачный не то хряск, не то

треск, изображение распадалось и меркло, а кончик оборванной черно-белой плёнки быстро вращался на бобине, точно стараясь нагнать и удержать ускользавшее от него дыхание, убежавшее движение, утекавшую речь...

Тогда Саня вскакивал и, промазывая ногами по тапочкам, с крупным потом на щеках и лбу обходил котельную, света в глухие углы фонариком, и брезгливо различал в себе, уже мокрым, как лягушка, преступную подлость ушей, ибо в минуты трепета и ужаса только уши оставались невозмутимо-сухими.

Его бледное лицо распухало в золотистых от электрического огонька лужицах, сбегавших на бетонный пол из прогнившей сливной системы, и через всё его отражение, его мученический лик, мелко рябивший от щебета капель, с хлопом пронеслись на красных лапах мерзкие облезлые крысы. Никого, кроме крыс, не найдя, Саня падал на кушетку и бессмысленно встречал рассвет, который ржавел вместе с железной крышей. И так-то, наблюдая однажды это молодое, но уже конченное солнце, слыша это мертвецкое молчание стены, за которой уже никто не жил и не кричал, Саня, как палёную водку, заглотил и своё бездомное одиночество на земле, никчёмность всего, чем он до этого дышал, и увидел за собой сгоревшую степную полосу, а впереди совсем ничего, только мрак, пустоту да зияющее открытым сердцем кладбище, и содрогнулся навек растраченному себе...

На другой день Саня сграбастал и сжёг в бочке все книги, что натаскал в свою клетушку, а чёрный пепел страниц, с вороньим карканьем поднимавшихся над огородом, догонял и добывал палкой. Бочку с ещё горячим прахом опрокинул вверх дном, над шапкой бумажной слоистой золы возвёл узкий бугор из глины.

Обвязав бритую голову косынкой, Ёлочка второй раз за лето загребал в поле картошку. Но, молодая и кипучая, она шептливо росла, спустя неделю победно разваливая земляную клеть, в которую её заточили, — Ёлочке опять заделье на весь день. К сорока годам он пропил последнюю совесть, а предпоследнюю берёг в заглазнике, и чтобы её, тайную, не спёрли, он сидел дома на заглазнике и кое-что кумекал, но доискаться до всего смысла разом путался.

Он спросил об этом смысле у Сани:

— Болты с гайками сводишь, сосед?

Саня, обмыв из ведра со вчерашним дождём руки и лицо, с наслаждением встряхнул мокрыми волосами:

— “Мы бомжи от поэзии, мы шваль!..” Как говорил мой друг Лёша Решетов, царство ему небесное.

— А-а! — рассылался Ёлочка сухим трезвым смехом.

От шабашек Саня по возможности уходил и, оставаясь дома, запирал ворота. Но скрываться ему, между прочим, было просто глупо, когда ждала великая работа. Борька с Гондурасом получили от сельсовета сказочный калым: ожидая по зиме большого людского мора, они строили на кладбище тёплую избушку с печкой и нарами, кладовку под инвентарь и крытую уборную, а Саня им нужен был подносить топоры-гвозди да шестерить у кухонного котла...

Юморист, не умея зайти в ограду, с дороги лязгал камешками в провисший оконный целлофан, а Саня, провертев в целлофане глазок, подсматривал в него да ждал, когда человек сгинет.

— Негу его, слышь?! По грибы, что ли, в лес учесал... — врал за соседом Ёлочка, покуривая на терраске, и пыльной черемуховой веткой отгонял от дышащей форточки дым и комаров, потому что за окном жена Зоя кормила пшенично-смуглой грудью что-то розовое и душистое, как свежее банное мыло.

Борька сомневался, качаясь с носка на пятку и презирая Ёлочку за его тихий уют, за измену былым принципам и передовой морали, а больше за тёплую подагливую жену, которая ждала Ёлочку в постели:

— Какие грибы, придурок, в час ночи? Разбежись и ударься об угол!

Всё в Сане натянулось в одну тугую звонкую боль, и куда бы он ни шёл, по делу, а чаще без него шараялся ли в ограде и по дому, задевая то сырой

куст сирени, то себя в мутном омуте трюмо, всякое прикосновение чувствовалось особенно сильно. Было это так, будто всё Санино тело опухло от ударов, а уже в теле вместе с кровью запылались и схватились корками душа, и когда ворошили тело, душа мелко и трескалась, расплывалась кусками и кричала. Она словно бы лизала сама себя шершавым языком и оттуда, из Саниного нутра, озирала хозяина голубыми преданными глазами да тяжело вздыхала, изымая это дыхание уже из своей, душевной глубины. И если Саня кое-как, но управлялся с душой в себе, то с тем, что было в самой душе, он совладать не мог, слабо представляя, что ту, душевную боль, сестренницу его внешней боли, живым рукам не согнуть. Но было, наверное, какое-то вышнее знамение, стояло над грешным существом, отводило от его чела смертные удары, коли сам человек всё ещё жил под грозным небом, слабой былинкой колеблясь на вселенском ветру...

Сны Сане не перепадали, и если он засыпал под утро или в дождь, когда со всех крыш рыдало, чавкали дороги и посёлок затихал в мозговой мгле, то в глазах у него, как стоп-кадр, застыл чёрный квадрат. В квадрат лезли безмозглые существа с крысиными хвостами, окликались Саню по имени и куда-то манили. Пробуждаясь, Саня видел, что это не квадрат, а дверь в дежурку, и в дверь ломилась красная жара и похмельная шайба Гондураса, искавшего носки:

— Сандро, мои бумеранги не ты забашлял?

Глаза у Сани запали, из них вымыло былой металлический блеск, и даже ранний стакан водки, которым он опалял нутро, не задувал в него февральской метелью.

Пьянства он тоже, впрочем, стал сторониться, а мужикам объяснял свой отказ молчком, положив руку на сердце.

— Моторчик! — душевно поддакивали мужики.

Борька, как путный, наказывал Сане съездить в больницу.

— А то я руки сорву тебя хоронить... — вздыхал Юморист.

Но до Борькиных тягот было далеко, а в больницу Саня с гнилой душой и со своими страхами был не ездом.

И, засмотревшись в себя, он, наконец, свыкся со своей новой болью, обжился в ней, как в новой скорлупе, в которую он себя заковал, и мало-мало разобрался с новым собой, как с руководством к блестящему от масла электромолоту, который в конце месяца завезли в котельную.

VIII

Теперь на смену Саня шёл скоро, не задерживаясь в дугах, налитых богатой зеленью, и сняв очки, в которые жарило солнце. Очки заливало сладким потом, а поспешал Саня потому, что зудела на спине прелая рубаха, будто за шиворот насыпали песок, и лысина блестела сольной яичницей. Тяжёлое, всё пёстрое, словно сотканное из разных лоскутов, стадо ходило у дороги. У бледно-розовых ребристых коровьих сосков, где надавилось молоко, жужжали мухи и шарахались круглым роем, отмахиваемые ленивыми хвостами, а на тёплых спинах быков дремали бархатные бабочки. Витька-пастух, набросив на лицо хрустящую газету с бабами, заголившими срам ещё на обложке, лежал в треугольной тени шалаша из свежей ольхи. Его выброшенные в реке резиновые сапоги сохли на солнце, надёрнутые голенищами на колья, а белая рубаха, трепыхаясь на высокой вешке, размахивала по ветру рукавами и всё не могла никак улететь.

На Санины шаги пастух непременно просыпался, поднимал от земли соломенную голову:

— А-а, это ты, дядь Сань! А то я смотрю, что вроде ты идёшь...

Он гулко кашлял со сна, и его равнодушные ко всему глаза метили в пустоту, как два забранных для рогаточного выстрела камешка, и поражали там, вдалеке, какую-то свою одинокую печаль.

Однажды Витька ещё из-за бугра, на который он загнал стадо, чтобы его обветрило от мошки, звал Саню к шалашу. На доске, поставленной на два кирпичика, лежали белобокая редиска, протёкшие помидоры и разрезанные

вдоль огурцы с рыхлой сердцевинкой. Чёрный хлеб заглох, его Витька не резал, а рвал пальцами, и был хлеб в дырках. Тут же стояла консервная банка с камнем соли, окислившейся от росы; в соль ткнулась надкушенная лупковина. Витька покчал из армейской фляжки в два обрезанных горлышка от пластиковых бутылок с пробками, настойчиво зачихал одно Сане в руку. Икая, он поворотился обугленным от загара лицом к заросшей пашне, посередине которой в сухом ливне солнца, перемежаемом яркой летящей пылью, как в цветной калейдоскопической дымке, стояли кладбищенские сосны. Затем Витька нагнулся, помазал шероховатую землю пальцем, обмакнув его прежде в водку, и сорвавшимся голосом произнёс:

— Давай, дядь Сань, хряпни за маманю пият грамм! Вчера же письмо пришло — тако-ое...

Был Витька уже косою, как турецкая сабля, ибо справлял поминки ещё с утра, а затем догонялся в посёлке. Худой кадык буглялся в тонкой шее, выпирали под рубахой позвонки, острился длинный облупленный нос, да и во всём Витькином существе, как в Сане когда-то, было некое горькое неустройство. Это, впрочем, не мешало ему драться с женой, пить водку на жару, валяться день-деньской под солнцем, выгорая рубахой и лицом, и плевать сквозь соломинку на возившегося в траве жука, которому Витька оторвал крылья.

— Огурцы соли, дядь Сань, я-то соль не ем — по-очки!.. — настойчиво угощал Витька, у которого захлестнуло бутылочным пеклом рот и на глаза напоззли густые слёзы.

И Саня, как ему этого не хотелось, по примеру Витьки покчал на землю и хватанул разом, чутко вслушиваясь, как водка отзовется в нём. В низ живота легло празднично и воздушно, на миг всё расцвело в глазах, и тут же снова поблёлло. Он помякчал в банке обломок огурца и, обжигая потрепавшиеся губы ржавой солью, зачихал в рот. Спросить было нечего; он выдал первое, что вместе с огуречным семечком село на язык:

— Что с ней стало-то? — Саня сплюнул семечко, утёр губы. — Ну, как получилось?

— А моторчик, — кротко сказал Витька, когда отдышался, и жизнь вновь улыбнулась ему. — Моторчик заглох, дядь Сань!..

Битый жизнью и смертью “уазик” с красным крестом на боку промчал в соседнее село, поднимая за собой пыль и серебрясь в этом сером облаке лобовым выпуклым стеклом. Витька, проводив его восторженными глазами, неглубоко вздохнул и с мокрым хрустом разгрыз огуречный задок.

— Может, кто-нибудь кердыкнулся?! Я тогда опять с дядей Борей пойду могилу рыть, пусть Валька с заугланами пасёт за меня...

Никакое письмо, как выяснилось к вечеру, Витька не получал, и получить, дырявое сердце, не мог, поскольку не было у него ни родины, ни флага, а писать ему можно было лишь с почтовыми голубями. Скорее всего, и тётка его была жива и здорова. Но Витька шумел на людях, оставив стадо оборвышам, и под тёткину несчастную кончину выбирал в магазине крупный долг. Он врал навывлет, прямо в душу человека, что маманя “кинула” его, а братиков и сестёр, которых у него отродясь не было, сдали американцам “на органы”. Однако не плакал: сухи и сметливы были его глаза, крылись под козырьком бейсболки “Речфлот”, съехавшей на брови.

За мужем волоклась растрёпанная Валька, с каждым шагом играли жилы на её сваренном лице, а рот сам собой, против её воли, широко открывался книзу, словно потягиваемый незримыми нитками, которыми всю Вальку приводили в движение, как тряпичную куклу с иголкой в сердце.

— Сирота, сирота! Плохо я одета! Никто замуж не берёт — эх! — девушку за это! — орала Валька от ужаса за себя, за своё уродство, которое она спьяну выставляла напоказ, а трезвая хоронила за семью платками.

Новость эта почему-то так подействовала на Саню, что он дня два не мог ни есть, ни пить и болел хуже, чем от живота, а во сне вскидывался и звал брата.

IX

В субботу, на Ильин день, в котельную неожиданно пришёл участковый милиционер.

Стояла жара, все дни над красным от солнца сосняком не было ни облачка, закаты пенились багровой густой краской, в посёлке душно и горячо пахло угольным шлаком, которым зимой посыпали дороги, а дощатые желоба разохлись, и осы свили в них свои гудящие гнёзда. Вот и пожилой майор Коробейников походил на грустное, спёкшее все корешки в сухой земле растение, которое к тому же выдернули из почвы и пустили бродить на толстых ножках, чтобы шутало по свету крапиву и репей, и когда бы растение ни верталось со службы в родную коробушку, полнёхонькую таких же грустных и плотных, уже семейных корочат во главе с маленькой добрейшей Коробчихой, всё оберегавшей детей подолом, никак это перекасти-поле не могло угомониться, о чём-то кручинилось и куда-то рвалось, хотя огромная, глаже, чем у Сани, лысина кисло потела и походила на лесосеку, на которой только по склону уцелели редкие деревья и картавый кустарник. Но дело своё Коробейников знал добре, блестел замок его дырявой в уголках, словно объеденной мышами планшетки, скрипел на коренастой широкой фигуре салыный ремень и тяжёлый пистолет бдительно оттягивал на короткой ляжке кобуру.

— Ильин день, а дождя нету! Хоть бы брызнул под вечер, а то третью неделю поливаю картошку из мотопомпы... — зажав планшечку подмышкой, Коробейников по-свойски загремел в ведре с водой железной кружкой.

— Это из крана, — предупредил Саня, а Коробейников что-то прожурчал в ответ и стал пить.

Вода, дымчатая от извести, шипучей воронкой утекала Коробейникову в рот, частью выливаясь обратно и капая с подбородка на пол, где плотно встали ноги участкового, и только в небольшой ямочке на подбородке, зацепившись за щетинку, слезилась одна капелька. Отпив, Коробейников полил из кружки на лысину, затем на лицо, смёл капельки рукавом и посмотрел на Саню оживлённо и влажно. Он словно чего-то ждал, может быть, неземного чувствования и предугадывания причин его визита. Однако Саня не понимал.

— Недавно ездил в город к отцу Иннокентию, поставил свечку за матушку... — прохаживаясь взад-вперёд, раздумался Коробейников. — Ей же шестнадцатого тридцать лет со дня смерти... Знаешь, как я свою старушку хоронил?

К шести часам мужики разошлись по домам — топить адовы бани и кланчить у жён на суперкрепкое пиво. Саня прозябал в котельной один, наблюдая, как воробьи дербанят во дворе жёлтые стручки акации. Ни жены, ни бани у него не было, мылся он в душевой. Когда явился участковый, Саня как раз вышел из-под дождя и сидел в дежурке в одних трусах. Он думал о Гондурасе, который на прошлой неделе порешил топором стариков Башаровых, тихо гнавших самогонку, и теперь ходил под следствием. В визите участкового Саня угадал подвох, а его вопрос пропустил мимо ушей.

Коробейников, конечно, попросту подбирал к нему ключ.

— Тоже, у Валерчи, у младшего-то, доживала в Таганроге, а у Валерчи жена... такая! — охотно и смачно, как, наверное, наворачивал красный борщ и домашние котлеты, тянул длинную песню Коробейников.

Он чего-то быстро запыхался, долго, словно мозговые кости, обсасывал слова, а которые глотал и тут же будто давился ими.

— Ну, тайком написала мне... матушка: забери, Роман... невестка все глаза... повы... повыкле... повыклева... а то заду... шу.. шу... шу...

Саня постучал Коробейникова по спине.

— ...а то задушусь. Спасибо! А-а-стма... — Коробейников погрузился в груди у него рванулось и сиплю прокричало, забываясь в какие-то дальние уголки. — Значит, выехал я с первым поездом...

— И?! — коротким зевком нагло оборвали его рассказ.

Участковый натурально кашлянул и, свистнув дыхалами, отогнал в горло мокрую перхоту.

И тут Саня промолчал.

Тогда Коробейников перевёл взгляд, уже заметно освинцевелый и выпуклый, с Сани на кушетку под замасленной спецовкой и с чурочкой вместо подушки, потом на стол из неструганных досок, погребённый гаечными ключами, вентилями, болтами, окурками и всем на свете, и, хлопнув по лужицам на полу, мысленно поспешил из этого смрадного мирка в окошко, за которым начинался посёлок. Водовозка проехала по улице; резиновая кишка, задранная крючком на бочку, на кочках тряслась и подпрыгивала, но вдруг выскользнула и зашипела на дороге поражённой змеей, выпуская из приплюснутого зева серебряное жало воды...

— Помирает твоя старуха, — неожиданно просто и внятно сказал Коробейников и, ослабив ремень, уперся низким животом в ножку качнувшегося стола, в лоб уставился на Саню. — А то уж...

— Откуда знаешь? — немного погодя отозвался Саня.

— Из Харётской милиции ориентировка пришла. Брат тебя ищет, просит доставить на место!

Махровое полотенце, которое Саня перекинул через плечо, дышало на его груди, но жило отдельной своей тряпичной жизнью. И Санино родное, голубиное, это светло-голубое всё, что когда-то было у него в руках, но протекло сквозь пальцы так-то вот зряшно, как эта вода из планга, однажды ушло из мыслей, точно выдохлось из него, стало высоким облаком и понеслось по небу наравне с прочими тучками. Думы об этом всё на поверку оказались ничем не крепче спиртового запаха, выносимого поутру, и весть о матери Саня встретил с холодными висками. Только что-то небожно хрустнуло в нём, как ветка в стеклянном от инея лесу, да брови метнулись ласточкиным хвостом, но и те уползи на место, растеклись по своим костяным дугам.

— А они имеют с матерью право? Ну, по закону? — только и спросил Саня.

— Кукушонок ты, Золотарёв, тебе и закон не писан!

Коробейников встал, распахнул планшетку, бросил на стол лист бумаги и карандаш.

— Пиши отказное...

Х

Саня шерстил посёлок, продавая с плеча пиджак, почти новый, упал до тысячи, но на билет наскрёб.

Борька тоже носился с ним, славя возвращение друга к старой доброй жизни, а когда всё раскусил, снялся с дистанции и пошёл своим ходом.

— Санёк, если чё... Ну, ты меня понял! — пьяный Борька с силой, набитой в руки копанием могил, втолкал Саню в автобус и даже, кажется, кивнул на прощанье — за пыльным окошком было не видать...

Он думал, что его мучения изыдут сами собой, улетят в сквозящую щель окна, за жёлто-коричневую деревянную раму, которую он время от времени приспускал, чтобы встречным воздухом обдуло лицо и душный плацкарт, и уже там, за гремящим потоком поезда, распадутся в прахе и ничтожестве мелькающей жизни, затихнут перепёлками в глупой смиренной природе, вообще утомятся, забудутся, пресытятся дорожными впечатлениями.

Но страдания его от скорой встречи с матерью и братом, оттого, что спустя годы он возвращался в своё гнездо, не измывалось ничем, никакой телесной, духовной ли усталостью, и не подавлял эту горечь даже жуткий запах смеси, которой были пропитаны новые шпалы.

Тут, в этой спетой и спитой деревенской России, черкал по стёклам поезда убогий чернильный дождь. Он показался Сане ещё более горестным, чем тот, который он видел в посёлке, и эти люди за окном были, вероятно, самыми несчастными на земле. И мусор, который пассажиры вымётывали за окна, разматывался на лету и рваными бумажными тучами сходил над этой нищетой, а конопатые ребятишки со станций от скуки бежали за промасленными от колбас и копчёных куриц газетами, как за воздушными змеями...

От стучащего в ночи поезда едва-едва натёрлась на востоке розовая полоска зари, а Саня уже высадился на железнодорожной станции.

Через час он трясся в кабине подвернувшейся грузовухи, огромная кепка, которую Ёлочка дал ему в дорогу, сваливалась Сане на глаза. Тучный русокудрый водитель по имени Николай вытребовал на гипсовом руднике отпуск, жену с ребятишками сослал к дядьке в Краснодар, чтобы есть даровые груши-арбузы и набираться литого здоровья, а сам спешил к тестю, куда-то на Балтай, косить от зари и ставить много-много сена. Всё в жизни у Николая было хорошо, обстоятельно, и колючие огурцы, которые ему завернули в полотенце, он ел хорошо и обстоятельно, хрустя сочно и зелёно во всё горло. Рот у Николая белел от крепких плотных зубов. Николай как будто ел не огурцы, а чистый снег, начерпав его подальше от дороги. И жена у него, скорее всего, была пышной и сладкой, словно куст чернослива по осени, тоже хорошо и обстоятельно ела домашние булки и салыче с мясной прослойкой, небрежно красилась и не носила бижутерию, предпочитая всё натуральное. А их дети, наверное, сплошь в похвальных грамотах, ходят летом босиком и вообще с розовых ногтей держат себя в узде... Саня враз почувствовал себя дефективным. Он, который никогда не умел так жить, чтобы быть полезным всем и себе не в обузу, с белой вороньей грустью косился на Николая, но и боялся его хрупкого мотылькового счастья, и спроси кто-нибудь у Сани, надо ли ему эту тихую радость, — пожалуй, он отказался бы. В кузове у Николая щерились зубьями деревянные грабли, отливали серебром две напшарканные косы самого большого номера и с железными рукоятками, грохотала свора вил и, смиряя это грозное воинство, покоился кусок заплатанного брезента от армейской палатки. Пузатая капроновая фляга, лёжа на боку, тяжело вздыхала в углу и, по всему, дожидаться не чаяла мглистого лугового вечера, когда с неё скрутят пробку и среди побеждённой прохладной травы склонят горлышком над кружкой.

— Примешь с устатку, земля? — по-свойски спросил Николай, но Саня замотал головой. — А то гляди: первач! Накапай себе...

Выехали в степь, когда из чёрной ноздреватой тучи, от самой станции кружившей над ними то опережая машину, то оставаясь за глиняным холмом, налетел хищный дождь, с клёкотом серебряных клювов пронёсся над землей, издолбил капот машины, пыль на дороге, смял травы и скрылся. Небо, погрохотав, раз-другой сверкнуло алыми проволоками. В расступившемся фиолете выплыло солнце, пустило по лобовому стеклу радужный хвост и слизало капли, которые разметали старые “дворники”. За окном блестели дорожные знаки, камни и жестяные козырьки редких остановок, едкая бензинная пыль размазывалась на мокрых листьях. Ольхи при дороге были полосатые, все в чернушных пятнах, ибо солнце выжелтило на них только те места, которые были чистыми, а туда, куда села пыль, загар поцеловать не смог, и там после дождя зияла слабая зеленца. Но яркой, как в Санином детстве, зелени не было. Под открытым небом, на жалыщем солнце всё было серо и скудно, как всегда бывает в степи в конце лета. Всё здесь, на ветровом юру России, уставало и изнашивалось не ко времени: травы, избы, люди. И ещё нужно было суметь, ходя под здешним богом, сохранить себя для долгой и трудной жизни...

На тракте голосовали буряты — помятый старик лет шестидесяти, весь в думах и частых движениях, а с ним — до черепа стриженный высокий парень призывного возраста, похмельно и длинно плевавший на ветер. Они проморгали ранний автобус, возвращаясь из соседнего села, где загуляла, ломая хрусталь, свадьба, суетились вокруг “ЗИЛа”, отворяя водительскую дверцу и лапая руку Николая, в котором признали нужного человека, и глаза их были голубы от бессонницы и вчерашнего спирта.

— Один бурят — хорошо, два — шум, три — драка! — объясняя скорый уход с праздника, хохотнул старик и, посмурнев, рванул воздух губами, что-то недужно и властно прокричав на бурятском языке для парня, лизавшего разбитые кулаки.

Ну, залезли в кузов, гремя стеклом в двух брезентовых сумках, ну, поехали.

Пошёл съезд на какую-то деревушку, под самое рубиновое облако вознеслась труба котельной, наводя на Саню тоску и сон. На берёзке, одиноко сто-

явшей на жёлтой полянке, трепались разноцветные ленточки и уже выгорели. В кабину постучали.

— Чего они? — удивился Николай.

— Амво-о-он... — устало ответил Саня. — Ты нездешний?

— Не-а.

— Откуда?

— Усольский. Приехал на рудник, немцы же строят гипсокартонный завод...

— А жена твоя... здешняя?

— Да-а.

— Бурятка?

— Не-а!!! — Николая радостно рассмеялся, оскалив снег, и его мясистый влажный язык на фоне белого застыл тёмно-красной раздавленной сливой.

Саня даже очки снял от волнения и двумя пальцами провёл от переносицы к губам, точно сдирая с лица противную паутину, в которую его заманили.

— Обычай у них такой — капать Бурхану! Не понимаешь?!

Николай, проскрипев тормозной педалью, сразу стал серьёзным.

— Понимаю, чо ты! Просто не замечал никогда...

Свернули на обочину.

Буряты выставили на щербатый асфальт пластиковые стаканчики, которые роняло ветром, пока старик не разлил в них из литрухи. Саян, внук старика, нарезал прямо на коленке сало и хлеб; его потёршиеся в стирках джинсы были в ножевых царапинах, как разделочная доска. Один стаканчик взял старик, обмакивая в него указательный палец, побрызгал на берёзу, потом в воздух вокруг себя, что-то шепча так, как будто перебирал губами крохотный шурпчик. За ним то же самое, но молчком, с крепким неверием в происходящее, проделал Саян, с косою ухмылкой оставил на плоском камне хлебную корочку и штрих-другой сала, размягчавшего на солнце и затхло пахнувшего целлофановым пакетом. Разлили ещё. Парень, сев на корточки в сторонке, закурил, а старик подошёл к Сане. Резкие морщины на лбу старика откатились к седым волосам, кожа стала гладкой, как Байкал без ветра: так старик улыбнулся случайному в его жизни человеку. Николай из машины с интересом наблюдал за ними, сглатывая последний домашний огурец, и уже никуда не торопился.

— Твой пай — мой пай! — бархатным голосом, в котором зазвучал хрипотек ветра, сказал старик, подавая Сане стаканчик и кивая на другой, остававшийся в его руке.

Оба вышли. Саня бегло зажевал коркой, а старик, зажмурившись, зашюхал рукавом, и когда открыл глаза, они были мокрые...

На следующем повороте, у такой же наряженной берёзки, в изножье которой лежали пустые бутылки и смятая пластиковая посуда, в кабину заколотили опять, уже не просительно, а требовательно. Николай насупилс и посмотрел на часы, но смолчал. Старик на этот раз выкупал в стаканчике с водкой листок берёзы, пошептал, поклонился земле и, хмуро покосившись на внука, которого уже штормило и грозило выбросить за борт, сделал в его сторону два-три быстрых шага. Руки старика, как два беркута, широкими махами взвились над его головой, изготовившись растерзать добычу. И Саян мигом залез в кузов, с презрением ко всем и всему отвернулся.

Старик, найдя в Сане родственную душу, снова подошёл к нему:

— Твой пай — мой пай!

— Чай пил — гора ходил, водка пил — равнина падал! — вспомнил Саня и понял, что не доедет...

XI

Закатились в Харёты вечером, только прогнали стадо. Воздух ещё гудел от луговой мошки, которая со стадом явилась в деревню. Со стадиона доносило хлопки по футбольному мячу, а Сане помнилось во сне, что снова стучат в кабину. Он крикнул, чтобы ударили по тормозам, и рот его пьяно разъехался, однако кроме сухой слюны ничего не уронил. В пути Саня насчитал

девять поворотов и раскис на мягком сидении, жарком от августовского солнца, которое за день окрепло и золотилось в небе, где уже не было и мало облачка, одна степная печаль. За время его забытья буряты сошли в пшеничном поле, снова долго ручкались с водителем...

Николай потряс его за плечо.

— Ну, где твой дом? Куда рулить? — со смехом спросил у Сани, когда тот продрал глаза и озирался так, как будто впервые видел и Николая, и эту деревню, и себя в узком зеркальце, отражавшем чемодан и алый блеск заката, догоравшего у Сани за спиной, в кузове.

— Где это мы?! — завозился Саня.

— Привет! Нака-апался...

По тихой сумеречной улице ехал верховой; брэнчала на зубах коня железная конфета. Оттолкнув дверцу “ЗИЛа”, Саня свалился с подножки, на хромых ногах подсекал к пастуху, схватился за узду и, гордясь от слуха Николая ладонью, приложенной ко рту, снизу с надеждой уставился на человека:

— Слушай, друг, выручай, а! Где тут живёт старуха Золотарёва?

Чёрный азиат, близко присмотрев Саню, вдруг отпрянул, а с ним кинулся в сторону его ближний конь. Верховой выругался по-бурятски, смирая коня. Но конь всё равно пятился от незнакомца, от которого пахло табаком, водкой и гулящей жизнью, скалил зубы и раз или два хватанул бродягу за рукав.

— Дак чо молчишь, друг?

— А ты кто такой? — строго спросил конный.

— Сын я её, Саня. Саня Золотарёв! — Саня радостно застучал себе в грудь, как будто после многих лет разлуки встретился с собой и, едва узнав бывшего себя, со слезами и трепетом кинулся с прошлым собой обниматься. — Может, видались? Ты в этой школе учился?

В тугую жёсткую ухмылку сомкнулся рот верхового, он крутнулся на одном месте и, пристукнув животное в дыхала, надвинулся на Саню конской грудью, мощной и вольной, в которой жило и работало большое гордое сердце. И Саня, вздрогнув, со страхом в глазах попытался, пока не свалился, запутавшись в собственных ногах. Николай вопросительно посигналил, но никто не услышал, только конь повёл мохнатым ухом и, задрав голову, нервно заржал.

Кепка тоже свалилась с Сани. Он, поднявшись и отряхивая пыль, долго не мог нахлобучить кепку на голову, не сводил дрожавших глаз с человека напротив.

— Чо ты?!

— А чего?

— Лезешь-то дуриком!

— А чего?!

Азиат сплюнул; глаза его вспухли от мошки и дыма. Сане почудилось что-то знакомое в лице верхового. Он словно бы поглядел в мёртвый омут и увидел одну живую рыбку, и эта живая рыбка, тоже увидев Саню, вся затрепетала плавниками и пошла к нему через иловую толщ и ядовитые водоросли...

Саня снова, уже с неотрывной силой вцепился в узду.

— Брат, ты?! Ро-одя!

— Хватилась... она!

Родион с хрустом завернул коню морду, конь захрипел.

— Узду-то пусти, Соловушка, чо ты его чалишь...

...Справили сороковины. Вечером все разошлись, Саня, абсолютно трезвый, залез на чердак, раскопал под ветхими тряпками свой тайник, о котором ещё за столом вспоминал Родя, и старым тозовским патроном выстрелил в себя из расточенного стартового пистолета. Но убиться не убился, — жалкого, красного от вылившейся крови, побитого уродливой контузией, содрогавшей его до смерти, ссаживали Саню с чердака на верёвках, а затем под руки вели через двор к воротам, где плакала сиреной и мигала в ночи красно-синим позывным огоньком машина “скорой помощи”.

Брат Родион сидел на скамье у дома и, опустив белую голову, курил жгучие Санины папиросы, поджигая их одну от другой.

ВАЛЕРИЙ ХВОРОВ

ВОСТОРГОМ ПОЛНИТСЯ ДУША...

ВОЗВЫШЕННОЕ ВРЕМЯ

Чтобы стали помыслы чисты,
Я надел земли перекопаю.
Разрыхлю граблями все пласты
И в мечтах свободно повитаю.

Рыхлая земля — так хороша,
Так блистает соболиной новью,
Что восторгом полнится душа
И взывает к Родине с любовью.

В дальнем поле плещется бурьян
Никому не нужным океаном...
Лишь зима непаханный изъян
Вновь накроет снежным ураганом.

На Руси найдутся мужики,
Окрылят трудами свою волю,
Чтобы не зачахнуть от тоски,
Предпочтут ответственную долю.

ХВОРОВ Валерий Михайлович, поэт, член Союза писателей России с 2001 года. Автор семи книг стихов. Печатался в журналах: "Подъём", "Тамбовский альманах", "Губернский стиль", "Литературный Тамбов", в газете "Литературная Россия". Работает учителем истории и ОБЖ в школе города Тамбова.

И спокойно нива запоёт
Песню урожайного достатка...
Все, кто возрожденью воздаёт,
Возвышает время без остатка.

И тревога будет не сильней
Той тревоги, с ветреным раздором.
Год работ — и нет земли родней
С золотым, ухоженным простором!

* * *

Смирись, душа, с земной юдолью,
Она всегда нужна тебе.
Я хлеб поем с обычной солью,
И всё наладится в судьбе.

И выпив воду из бокала,
Я отрекусь от суеты.
Вот если б Марья приласкала
Меня за пологом мечты!

Вот если б жизнь шагала ровно
И отводила от расплат,
Я стал молиться безусловно,
И на рассвет, и на закат.

Не граф Орлов — мужик тамбовский,
Но падать духом ни к чему.
Владимир ближе мне Дубровский,
Я подражать стремлюсь ему.

Бить Троекуровых нещадно
Стремлюсь я правдой неблагой.
Стоять за честь — всегда отрадно,
И истине не быть другой.

* * *

Сверчок поёт за образами,
Как там уютно и тепло.
И смотрит добрыми глазами
На степь родимое село.

Снежинки кружатся и вьются
Под мутной зыбью облаков.
И в русской печке тихо бьются
Сердца горячих угольков.

По дому запахи витают,
Пирог дымится на столе.
И на стекле снежинки тают
И замерзают на земле.

Россия к холоду привычна,
К морозам гиблым, заревым.
И жизнь в деревне так обычна,
Как в белом небе белый дым.

* * *

Вечно б ждали нас, искренне ждали,
Там, где светятся снежные дали.
Там, где млеет в сугробе ветла.
Там, где вьюга покой обрела,
И не надо нам манны небесной.
Снег лежит и сияет чудесный,
Снег волнует и чувства и сны.
Мы в родные места влюблены.
Не в величии дело, не в славе,
А в спокойной, счастливой державе,
Где на тёплых ладонях стекла
Серебрятся два лунных крыла.
Можно плакать и можно смеяться,
Солнцем глянется счастье твоё.
Мне бы вовремя в дверь постучаться,
Чтобы мама открыла её.

ИВАН ЕВСЕЕНКО

НЕТЛЕННЫЙ СОЛДАТ

РАССКАЗ

Ранней осенью сорок третьего года в этих местах шли тяжёлые, не смолкающие ни днём, ни ночью бои. Наши войска хотели во что бы то ни стало до наступления зимних холодов переправиться на правый берег реки Десны и захватить там хотя бы небольшой плацдарм. А немцы всеми силами старались удержаться за рекой, где у них были хорошо оборудованные и укреплённые позиции.

В кровопролитных тех боях солдат и с немецкой, и с нашей стороны погибло несметное число. Хоронить их было некому. Наши войска, в конце концов, противника одолели и погнали его всё дальше и дальше на запад. Погибших красноармейцев предавали земле похоронные команды и уцелевшие местные жители, прятавшиеся во время боёв в окрестных лесах. Немцам же тем более было не до похорон. Под напором Красной Армии они бежали без оглядки несколько суток, пока опять не зацепились и не построили новую оборону на правом берегу реки Ипути, уже почти на самой границе с Белоруссией. Хоронить погибших, брошенных в спешке на месте гибели немецких солдат и офицеров тоже пришлось нашим похоронным командам да старикам, женщинам и детям-подросткам. Сколько-нибудь приметной разницы в захоронениях бывших врагов-противников не было. На конных, а то и на ручных волокушах, запрягаясь в них по три-четыре человека, убитых свозили в траншеи, блиндажи и окопы и засыпали землёй. Различие,

ЕВСЕЕНКО Иван Иванович родился в 1943 году в селе Займище Щорского района Черниговской области. Окончил Литинститут им. А. М. Горького. Автор многих книг прозы. Лауреат литературных премий им. И. А. Бунина, им. А. П. Платонова, им. И. С. Тургенева "Бежин луг", им. В. М. Шукшина. Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже.

пожалуй, было лишь в том, что над могилами наших солдат деревенские жители и бойцы похоронных команд ставили кресты или четырёхугольные, вошедшие в воинский обычай пирамидки с жестяными звёздочками наверху, а немецкие оставляли без всякого обозначения, сравнивая с землёй, жестоко и несправедливо по их преступлениям и злодеяниям поминая фашистских захватчиков-оккупантов недобрым словом: вы хотели нашей земли, так вот вам она, сырая и холодная, на веки вечные...

Почти семьдесят лет пролежали погибшие солдаты обеих армий в бывших траншеях, блиндажах и окопах. Одни в непреходящей скорби и памяти, оплакиваемые матерями, жёнами и детьми-сиротами, а другие — в полном, заслуженном ими забвении.

Но вот то ли по велению какого-то высокого, верховного начальства, то ли по собственной воле, никем не понуждаемые, объявились и на левом, и на правом берегу реки небольшие поисковые отряды, которые разрывали густо заросшие теперь лесами, кустарниками и травой бывшие траншеи и окопы, чтоб отыскать там хотя бы кости погибших советских солдат (а если повезёт, так и узнать их имена) и захоронить уже по-человечески, с отданием всех необходимых воинских почестей. Останки же гитлеровских солдат передавали теперь германской стороне, и их хоронили отдельно, на возникающих по обоюдной договоренности России и Германии то там, то здесь немецких кладбищах, несмотря на глухое молчание жителей близлежащих деревень.

Объявился такой отряд и в правобережном селе Березанке, в окрестностях которого когда-то был захвачен нашими войсками крохотный плацдармик, откуда началось победное наступление всех сосредоточившихся и подтянувшихся к Десне армий.

Руководил отрядом мужчина лет пятидесяти, Николай Петрович, говорят, участник афганской и чеченской войн, недавно только вышедший в отставку в звании подполковника. Ему помогали три крепких молодых парня, Алёша, Витя и Славик, тоже, по слухам, недавние, правда, уже мирного времени солдаты. По всем армейским пехотным правилам они разбили в тени, под защитой речной урёмы палаточный лагерь и принялись за дело.

Березанцы нет-нет да и заглядывали на эти раскопки, интересовались, что удалось бойцам добровольного отряда отыскать на месте давних боев. Чаще других повадился ходить к поисковикам, прикипел, считай, к ним всей душой непоседливый, разговорчивый старичок, по деревенскому прозвищу Прошка. Звали его на самом деле не Прохором и не Прокофием, как поначалу думали поисковики, а Егором Дмитриевичем. Но об этом мало уже кто в Березанке помнил. Весь деревенский род его прозывался Прошками, должно быть, в память какого-нибудь древнего зачинателя этого рода, действительно Прохора или Прокофия. Прошка на прозвище своё не сетовал, охотно откликался на него, похоже, и сам позабыл полученное при крещении имя. Необидное ласковое прозвище даже больше подходило Прошке, чем строгое крестильное имя Егор, Георгий. Росточка он был невысокого, щупленький, худенький, но жилистый и не в меру говорливый, хотя, казалось бы, при его ремесле столяра и плотника, которыми Прошка владел с великим умением, ему полагалось бы быть молчаливым и задумчивым.

Но Прошка был иным. По возрасту своему (ему шёл уже семьдесят шестой год) он был своими домочадцами — женой, которая была гораздо моложе него годами, сыном, невесткой и двумя взрослыми внуками — почти полностью освобождён от всех домашних обязанностей и забот и поэтому целые дни безотлучно проводил с поисковиками. Веселил их несмолкаемыми разговорами, давал дельные, а иногда и не очень, советы, где, в каких местах и в каком направлении надо вскрывать землю, вспоминал военные годы, когда он совсем ещё мальчишкой вместе с матерью занимался похоронными работами — водил под уздцы запряжённую в волокушу лошадь. Но особенно любил Прошка посидеть с поисковиками поздно вечером возле костерка, выпить с ними по рюмочке, обсудить прошедший трудовой день, повнимательней рассмотреть найденные трофеи: насквозь проржавевшие наши и немец-

кие автоматы и винтовки, каски, позеленевшие латунные бляхи от ремней, и наших, и немецких солдат. Наших — с пятиконечной лучезарной звездой, а немецких — с кощунственной надписью: *Gott mit uns* — «С нами Бог». О найденных солдатских останках, костях и черепаха, говорили редко. Разложенные по дощатым ящичкам (наши — отдельно, немецкие — отдельно, хотя, может быть, и ошибочно: человек, он только при жизни отличается от другого человека внешним своим обликом, дарованным ему от рождения, языком-речью да одежками, а по смерти прахом своим, костями и черепом все одинаковы), — они разговора и обсуждения не требовали.

* * *

За два месяца работы поисковики на месте боевых действий противоборствующих армий, немецкой — захватнической и Красной — освободительной, солдатских останков нашли немало. Имена погибших, правда, удалось установить лишь в двух случаях: ножами или какими-нибудь иными остро заточенными инструментами они были глубоко и аккуратно нацарапаны на немецких, похожих на шлемы тевтонских псов-рыцарей касках. Наши же беспечные солдатики все так и остались безымянными.

В конце августа поисковики собрались уезжать из Березанки. Они заметно уже притомились тяжкими своими трудами, да и, по их прикидкам, всё, что можно было вырыть и найти на заливных пойменных лугах, на приготовленных уже к осенней пахоте полях и огородах, в берёзовых рощах и сосновых борах, они нашли и вырыли. К тому же и отпуска, в счёт которых поисковики занимались изысканиями, у них заканчивались.

Прошке расставаться с поисковиками было огорчительно и жалко: где он ещё найдёт таких внимательных и усидчивых слушателей? От скорой разлуки с новыми друзьями и товарищами Прошка горестно вздыхал, печалился, стал даже приходить на раскопки с берёзовым посошком, чего раньше за ним не водилось: он без всякого посошка и подмоги был ещё проворен и лёгок на ходу.

И вот в один из последних перед расставанием вечеров, сидя с поисковиками возле костерка, Прошка прервал обычные свои затяжные разговоры-повествования и вдруг попросил их:

— Ребята, вы бы копнули ещё вон там, возле старого глинища.

Шатким сучковатым посошком он указал далеко в сторону от бывших траншей и окопов, где, примыкая к смешанному берёзово-хвойному лесочку, действительно виднелось давно заброшенное и заросшее негустой полынью глинище.

— А что там может быть? — не слишком заинтересованно переспросил Николай Петрович, кажется, легко разгадав незамысловатую хитрость деда Прошки.

— Всё может быть! — воодушевился тот и начал, в который уже раз, рассказывать о том, как в сорок третьем году, когда наши войска захватывали плацдарм, он с матерью и другими березанцами прятался именно в этом лесочке, за глинищем. Но к прежним своим рассказам Прошка добавил теперь одну подробность, которая раньше ему не вспоминалась. С уверенностью бывалого, опытного солдата он принялся рассказывать вполне достоверно и подробно о том, как наши бойцы цепью, правым её краем (в пятидесятых годах Прошка служил в пехоте и считал себя большим знатоком пехотных цепей и построений), бежали вдоль глинища, а немцы, подпустив их поближе, открыли встречный, заградительный огонь. Красноармейцев и командиров полегло там немало. Женщины, старики и дети на волокушах привезли оттуда к братской могиле человек, наверное, пятнадцать, но многие могли остаться и под землёй, засыпанные глиной.

— Надо бы копнуть, — заключил он свой основательный рассказ.

— Ладно, — чтобы не обижать Прошку, сказал Николай Петрович. — Завтра с утра поглядим...

Обещание своё Николай Петрович выполнил. Едва Прошка появился возле палаточного лагеря, он позвал Алёшу, Витю и Славика и пошёл вслед за настырным проводником к глинищу с необходимым для раскопок снаряжением: металлоискателем, разных размеров лопатами (штыковыми, совковыми и особой закалки и остроты — стальными, сапёрными), длинными железными штырями и даже с небольшой, удобно складывающейся лесенкой на тот случай, если придётся спускаться глубоко в разрытые ямы.

По указке Прошки Николай Петрович, вооружившись металлоискателем, стал переходить с одного места на другое, внимательно прислушиваясь, не раздастся ли в наушниках обнадеживающий прерывистый сигнал, да поглядывая на заброшенные шурфы-колодцы глиняных выработок, в которые ничего не стоило провалиться. Но металлоискатель предательски помалкивал, ничего металлического не обнаруживая под землёй. Ничего не находили там и помощники Николая Петровича, хотя и они по подсказке Прошки со всем прилежанием и тщательностью обследовали длинными штырями заросшие луговой овсяницей и осокой подступы к глинищу.

Поисковики под предводительством Прошки всё утро трудились, не разгибаясь, но часам к одиннадцати, когда солнце поднялось уже над речной урёмой и разгорелось по-августовски жарко, они решили к великому его огорчению и расстройству работы сворачивать — больше искать было вроде и негде, да и понапрасну.

Николай Петрович и притомившиеся ребята собрались под высокой, начавшей уже в преддверии осени кое-где желтеть листом берёзой, чтоб немного передохнуть и возвращаться в лагерь — готовиться к отъезду из Березанки. Прошка больше поисковиков не останавливал и не уговаривал. Он тоже подошёл к берёзе, понуро присел на песчано-глинистом бугорке и, прерывисто вздыхая, принялся перебирать в памяти детские свои видения, задним числом сомневаясь, бежали здесь, вдоль глинища, захватывая плацдарм, красноармейцы или не бежали. Но чем больше Прошка думал и вспоминал, тем всё сильнее укреплялся в вере, что — нет, всё же бежали, и он поисковиков в заблуждение не вводит.

Белоствольной раскидистой берёзы, под которой поисковики сейчас собрались, тогда на опушке глинища не было. Она объявилась и проросла самосевом много позже, после войны, а в сорок третьем году от глинища, уже и тогда наполовину заброшенного, и до самой окраины села простиралась открытая луговина. Малый, но зоркий и ко всему внимательный Егорка-Прошка никак ошибиться не мог: низко пригибаясь к земле и выбрасывая далеко вперёд длинноствольные винтовки и автоматы с круглыми патронными дисками, красноармейцы всё бежали и бежали вглубь луговины, а немцы, стараясь остановить их, всё плотнее и плотнее стреляли из орудий и миномётов. Земля от разрывов вздымалась на дыбы, гудела и дрожала, казалось, сама готовая взорваться. В этих земляных смерчах и пороховом дыму красноармейцы на минуту исчезали, падали, но когда земля оседала, а дым рассеивался, они опять, пусть и меньшим уже числом, поднимались и неудержимо бежали вперёд.

Николай Петрович, впервые увидев Прошку столь задумчивым и молчаливым, подошёл к нему поближе и присел рядышком, намереваясь утешить старика каким-нибудь ободряющим словом. Длинный, будто сennie грабли, металлоискатель с насадкой на конце он положил чуть в стороне, в тени берёзы, так, чтоб тот не раскалялся на солнце. Подыскивая утешительные слова для Прошки, Николай Петрович начал было закуривать сигарету и вдруг бросил её незажженной на землю и встревожено вскинул голову. Из наушников, лежащих на травянистой кочке, доносился едва слышимый, но настойчивый сигнал, словно кто-то невидимый давал из-под земли о себе знать азбукой Морзе.

Николай Петрович подхватился на ноги, надел наушники и, приказав всем собравшимся возле берёзы соблюдать полную тишину, стал сантиметр за сантиметром обследовать возвышающуюся бугорком у её подножья луго-

вую задернившуюся кочку. Прошка, несмотря на запрет, тоже подхватился и, пристроившись рядом, шёпотом спросил:

— Есть что-нибудь?

— Похоже, есть! — на мгновение отвлёкся от прослушивания Николай Петрович.

— Я же говорил, — воодушевился, продвигаясь за ним шаг в шаг, Прошка, — надо копнуть...

— Копнём, — заверил Прошку Николай Петрович и, чтоб окончательно рассеять и свои, и его сомнения, протянул Прошке наушники.

Тот проворно перенял их и, спрятав за пазуху подаренную внуками бейсболку с длинным, укрывающим глаза от солнца козырьком и какими-то непонятными иноземными надписями, приладил пружинчатую дужку поверх седеньких истончившихся волос. Наушники минуту-другую помолчали, как будто собираясь с силами, а потом зашлись в непрерывном тревожном писке, который всё усиливался и усиливался по мере того, как Николай Петрович, обойдя бугорок по кругу, остановил насадку металлоискателя в самом его центре. Теперь уже Прошка, погрозив пальцем и Николаю Петровичу, и Алёше с товарищами, чтоб они стояли, не шевелясь, потуже прижал ладонями к вискам наушники, и ему вдруг показалось, что оттуда, из-под земли, сигналы эти подаются специально для него, старого Прошки, как бы в награду за то, что он с самого начала был твёрд и непоколебим в своей вере в то, что они найдут непременно какие-нибудь останки на глинище.

Когда же Прошка вдоволь наслушался стонущих подземных сигналов и сказал про себя тому, кто подавал их: «Потерпи маленько, потерпи, сейчас добудем!», — Николай Петрович распорядился:

— Копайте вот так — по кругу.

Алёша, Витя и Славик, вооружившись лопатами, тут же принялись за дело. Сначала они сняли травянистый дёрн и уложили его рядком под берёзой. Прошка ещё в первые дни раскопок заметил, что и Николай Петрович, и его подчинённые (особенно самый старший из них — Алёша) относятся к земле бережно и ответственно. Выкопав яму и отыскав в ней всё, что можно было отыскать, они зарывали её снова и обязательно укладывали поверх сырого потревоженного грунта цельный травяной дёрн. Прошка такое отношение поисковиков к земле всемерно одобрял и поддерживал. Она, бедная, здесь ещё со времён войны вон как изуродована! Раненая, а местами так и вовсе убитая, мёртвая земля... Столько лет прошло с той погубительной поры, а она никак не может залечить свои раны и воскреснуть к новой, плодородной жизни.

Вслед за дёрном на два-три штыка шла сухая, серо-сыпучая супесь, а потом вдруг показалась красная, с белыми прожилками и отливами глина. По краям намеченной ячейки она была каменно твёрдой, словно веками слежавшейся в пласты и глыбы, а в самой серёдке, по центру — сыпучей и рыхлой и довольно легко поддавалась штыковым и совковым лопатам.

Работали ребята споро, опыта им было не занимать. Вначале рыли все втроем, а когда ячейка углубилась до колена — поодиночке, часто сменяя друг друга, чтобы не уставать и чтоб было сподручней и вольней разворачиваться и выбрасывать на поверхность глину. Разгорячившись, ребята снимали рубахи и майки и теперь блестели на жарком солнце загорелыми за лето до жгуче-коричневой темноты мускулистыми, натренированными телами.

— Молодцом, ребята, молодцом! — поощрял землекопов Прошка, поочередно заговаривая то с одним, то с другим, то с третьим.

В молодые свои годы он тоже был мускулистым и крепеньким, упорным и тягловым в работе. Летом, когда доводилось артельно рубить дома или заниматься на свежем воздухе каким-либо иным плотницким или столярным делом, Прошка непременно снимал рубаху и майку, и напарники, что были старше него, точно так же завидовали его силе, здоровью и загорелому, не знающему усталости телу. Теперь же дряхлый и ослабевший Прошка (чего уж тут попусту хорохориться!) открыто тосковал по настоящей мужской работе и несколько раз порывался спуститься в ячейку, чтоб, завладев лопатой, в полную силу потрудиться, тем более при такой, считай, похоронной

работе, которую, может быть, надлежало бы свершать именно ему — старому, пожилому человеку.

Но Николай Петрович каждый раз останавливал его, словно берёг для каких-то иных, более ответственных дел.

В перерыв, когда ребята сменялись в яме, Николай Петрович опускал в красную, горячую её глубину металлоискатель, напряжённо прислушивался к его то отрывистым, кратким или наоборот — протяжным и длинным сигналам и подбадривал неутомимых работников:

— Ближе уже.

Но было вовсе ещё и не близко. Ребята, углубляя и расширяя ячейку, проходили штык за штыком, но ничего в ней пока не отыскивалось: ни латунно-медной пряжки от солдатского ремня, ни разрозненных деталей винтовок и автоматов, ни даже стреляных гильз, которые в других местах встречались чаще всего. Прошка не на шутку обеспокоился таким обстоятельством и, подступая поближе к Николаю Петровичу, принимался подсказывать ему:

— Левее надо было взять! Левее!

— Возьмём и левее, — успокаивал Прошку Николай Петрович и опять опускал в ячейку металлоискатель, не дожидаясь уже пересменки ребят.

И вот во время одного из таких погружений металлоискатель зашёлся, словно в неостановимом, пронзительном плаче.

— Осторожнее! — крикнул Николай Петрович работающему в ячейке Алёше.

Но тот уже сам, без напоминания Николая Петровича понял, что надо работать как можно бережней. Он отбросил в сторону лопату, опустился на колени и начал где ладонями, а где и одними только чуткими, ловкими пальцами разгребать сухую и на полтораметровой глубине глину.

Все остальные работники во главе с Николаем Петровичем сгрудились наверху, у самого обрыва ячейки, понапрасну стараясь определить, что там проявляется под ладонями и пальцами Алёши. Но пока ничего не было видно: вздрагивающей своей от напряжённой работы и учащённого дыхания спиной он закрывал всё днище раскопок.

Прошка, нарушая приказ Николая Петровича, самовольно вздумал было спуститься по лесенке Алёше на подмогу, но тот, наконец, разогнувшись, прислонился спиной к холодной глиняной стенке и, с трудом сдерживая волнение, проговорил сдавленным тревожным полушёпотом:

— Смотрите...

Все смотрели и в первое мгновение не могли вымолвить ни единого слова. Даже словоохотливый, непоседливый Славик — и тот затих, не в силах произнести ни звука. Горячий, яркий луч солнца, пробившись сквозь зелёно-багряную завесу берёзовых ветвей и листьев, высветил на дне ямы молодое, не тронутое тлением лицо погибшего в бою солдата. Было оно худым и измождённым, но не землисто-серым, какими обычно бывают лица умерших людей, а светло-коричневым, загорелым, совсем таким же, как у Алёши, Вити и Славика.

Раньше других опомнился и пришёл в себя Николай Петрович.

— Ничего не трогай и вылезай наверх! — приказал он Алёше. Тот беспрекословно подчинился, выбрался на поверхность и, переводя дух, тяжело присел на глиняной насыпи. Долговязый Витька протянул Алёше фляжку с водой, а Прошка вытащил из-за пазухи бейсболку, аккуратно расправил её и передал Алёше, чтоб тот мог прикрыть от солнца и ветра свою разгорячённую работой голову. Алёша ни от фляжки, ни от внимания Прошки не отказался. Он долго захлёб пил воду, пока фляжка не опустела, потом натянул бейсболку и теперь уже с высоты глиняного бугорка посмотрел на лицо солдата в ячейке раскопа.

— Надо же! — всё так же, полушёпотом, словно робея собственного голоса, произнёс он. — Сроду такого не бывало...

— По Божией Воле и Промыслу, — легонько и успокоительно прикоснулся к плечу Алёши заскорузлой стариковской ладонью Прошка, — может быть, ещё и не такое увидишь.

Николай Петрович вмешиваться в их разговоры не стал. Добыв из рабочей походной сумки обыкновенный мастерок-кельму, которым пользуются

печники и каменщики, и целый набор разных кисточек, он спустился по лесенке в ячейку. Точно так же, как и Алёша, Николай Петрович встал вплотную к стенке на колени и принялся кельмой и кисточками высвобождать из глиняного плена останки солдата. Алёша — со своего бугорка, а Прошка с Витькой и Славиком — пристроившись на противоположном обрыве ячейки, неотрывно следили за каждым его движением. Из-под рук Николая Петровича вначале показалась по-юношески тоненькая шея, потом белая-белая гимнастёрка с погонами рядового бойца Красной Армии. Судя по этой гимнастёрке, воевал он давно, по крайней мере, всё лето, и она выгорела на палящем солнце до перевозданной холщовой белизны. На ремне, туго защёлкнутым на талии пряжкой с потемневшей, но хорошо различимой звездой, были приторочены с правой стороны — подсумок и точно такая же, как у поисковиков, алюминиевая фляжка, а с левой выглядывала из-за бедра сапёрная стальная лопатка. Брюки-галифе у солдата тоже были выгоревшими до белизны, и чувствовалось, что были они уже ношенные, в нескольких местах наспех зашитые через край широкими стежками. Обут красноармеец был в грубые солдатские ботинки с идущими почти до самых колен обмотками, удивительным образом сохранившими свой зелёный защитный цвет.

Широко, врзлёт размётанные руки солдата Николай Петрович высвободил из-под глины в самом конце раскопок, и тут обнаружилось, что в правой руке он держит крепко зажатую ладонью за цевьё трёхлинейную винтовку, а левую в последнее мгновение жизни обронил вольно, словно давая ей отдохнуть от тяжелых солдатских трудов.

Но больше всего поразили и Николая Петровича, и заглядывающих в ячейку ребят, и Прошку берёзовые розоватые корни, которые, словно охраняя, оплели солдатское тело по груди и поясу. Казалось, они навечно связали его с землёй и ни за что не хотят отпускать.

— Подайте секатор! — разгибаясь в полный рост, попросил Николай Петрович.

Алёша, уже воспрянувший духом после минутного забвения, протянул ему обыкновенный садовый секатор на длинных ручках, который на такой вот случай, когда приходилось в глубине раскопанной ячейки обрезать корни деревьев и кустарников, был в запасе у поисковиков.

Николай Петрович перехватил секатор и, опять припав на колени, осторожно и умело обрезал корни. Витя и Славик забрали их у него и отнесли за глиняную насыпь в заросли полыни, чтоб они не мешали дальнейшей работе. Корни были ещё живые, наполненные соком, но отрезанные от берёзы, как-то сразу померкли, потеряли упругость и жертвенно легли в полынные белёсые заросли.

Пока ребята относили обрезки корней, Николай Петрович мягкой невесомой кисточкой обмёл с груди солдата густо покрывавшие её комочки глины и песчинки. Когда же он отнял кисточку, то все увидели, что на левой стороне груди солдата, захватывая и накладной, застёгнутый на пуговку карман, темнеет широкое, с рваными краями пятно. Глядя на это пятно и разметавшиеся в смертном покое руки, нетрудно было догадаться, как погиб солдат. Вражеская свинцовая пуля попала ему в самое сердце. Солдат запнулся на стремительном своём бегу, взмахнул руками и упал навзничь в глубокий глиняный шурф, через который всего за мгновение перед тем перепрыгнул. От близкого разрыва снаряда глина рядом с шурфом вздыбилась и навсегда засыпала, похоронила его в отдельной, только ему доставшейся могиле. Потом год за годом поверх глиняной насыпи влажными, речными и суховейными, полевыми ветрами нанесло тоненький слой плодородного грунта; он пророс луговой овсяницей, осокой, полевыми цветами, по большей части жёлтыми лютиками, и все они скрыли его могилу, не обозначенную ни православленным крестом, ни пирамидой-звёздочкой, ни сколько-нибудь приметным бугорком-холмиком.

Освободив грудь солдата от берёзовых корней и глиняных комьев, Николай Петрович уже хотел было подниматься по лесенке вверх, чтоб обсудить с Прошкой и ребятами, как поступать с обрётённым солдатом дальше, но вдруг в прорези расстёгнутой его гимнастёрки он заметил ярко блеснув-

ший и будто загоревшийся под лучами проникшего в глубину ячейки солнца огонёк-искорку. Николай Петрович помедлил, снова низко склонился над солдатом и бережно извлёк из прорези гимнастёрки вначале серебряный крестик, покоившийся на серебряной, тонкого плетения цепочке, а потом изготовленную из серебра в виде махонькой дощечки иконку-ладанку. Солнечный луч, обходя плечо Николая Петровича, высветил на крестике не помутневшее ни единой чёрточкой за долгие годы лежания в земле распятие, а на ладанке — такой же чистоты и ясности икону Тихвинской Божией Матери, извечной заступницы и охранительницы российского воинства. Удерживая обе находки на ладони, Николай Петрович перевернул ладанку тыльной стороной и обнаружил там надпись.

— Самохин Иван Тихонович, — вслух прочитал он, — тысяча девятьсот двадцать третьего года рождения, село Знаменка, Ярцевского района, Смоленской области.

Прошка и ребята-поисковики, затаив дыхание, внимали голосу Николая Петровича да издали смотрели на серебряный нательный крестик солдата и словно обновившуюся в лучах августовского солнца икону Божией Матери.

Наконец, Прошка, глубоко, но как-то по-стариковски робко вздохнув, прервал молчание:

— Комсомолец, должно быть, а верил...

— На войне все верят, — тоже тихо из темноты ячейки отозвался Николай Петрович, сам побывавший на двух войнах, раненный там и контуженный.

Он вернул крестик и иконку-ладанку на прежнее место и попробовал извлечь из левого нагрудного кармана убитого солдатскую книжку и комсомольский билет, чтоб прочитать и там фамилию, имя и отчество солдата и удостовериться, что они точно такие же, как и на тыльной стороне ладанки. Но у него ничего не вышло: солдатская книжка и комсомольский билет были разорваны пробившей их пулей и густо залиты кровью, так что прочитать ничего было нельзя, даже если бы удалось их извлечь из пробитого кармана. Он снова застегнул на кармане пуговку, разгладил образовавшуюся складочку, но прежде чем шагнуть к лесенке, ещё раз, теперь уже про себя, повторил, чтобы твёрдо запомнить отчётливо видимые на ладанке слова. Похоже, бумажным, легко уничтожаемым документам погибший солдат не особенно доверял, а вот надписи на ладанке верил незыблемо и крепко.

Призван он был на фронт (или ушёл добровольно, как уходили тогда многие нетерпеливые его ровесники, едва-едва успевшие окончить школу-десятилетку), скорее всего, ещё до оборонительных тяжёлых боёв под Смоленском, когда его заняли немцы.

Серебряный нательный крестик и иконку Тихвинской Божией Матери-Заступницы, несмотря на комсомольские клятвы, надела своему, может быть, единственному сыну Ивану, Ване, мать. А он неудержимо рвался на фронт, чтобы защитить её и своё родное село от наступающего врага. В минуту разлуки, перед отправкой в Ярцево пешим порядком или на какой-нибудь шаткой колхозной телеге, мать крепко обняла его, поцеловала и осенила крестным знамением.

И вот это крестное знамение, нательный серебряный крестик, иконка-ладанка, материнское объятие, поцелуи и слёзы почти два долгих года хранили Ивана от гибели. Не каждому солдату, тем более солдату-пехотинцу, выпадала на войне такая участь и такое счастье. Смертельная вражеская пуля настигла его лишь осенью сорок третьего на правом берегу Десны, у старого заброшенного глинища, совсем уже неподалёку от его родной Смоленщины.

— Что будем делать? — выбравшись из ячейки, обратился почему-то к одному только Прошке Николай Петрович.

— Да как что, — ещё раз острым, пронзительным взглядом окинул Прошка недвижимо лежащего на дне глиняного склепа солдата. — Надо позвать отца Михаила.

— Пожалуй, что и верно, — согласился Николай Петрович и послал строго на ногу Славика в храм за батюшкой.

Славик накинул майку и нацелился было мчаться к церкви, что виднелась голубой маковкой поверх деревенских крыш и деревьев на высоком холмике, рядом со школой. Но совсем неожиданно объявились в подмогу Славику ещё более проворные гонцы. Мимо глинища, от реки в деревню, шли с удочками мальчишки, большие охотники до утренней рыбалки и купания. Заметив под берёзой деда Прошку и поисковиков, с которыми они за лето, часто бывая на раскопках, успели подружиться, знали всех поименно и пофамильно, свернули с проторённой луговой тропинки. Прошка вздумал было сначала не пускать их к разрытой ячейке, боясь, что мальчишки заробеют при виде вновь обретённого солдата, но те, ловко ускользнув от деда, без всякого позволения просочились к глиняной насыпи и глянули вниз. Заробели, приметно даже побелели личиками только самые маленькие ребята, а те, что постарше, глядели безбоязненно и внимательно. Они лишь непривычно примолкли и, соприкасаясь высоко над головами ореховыми гибкими удилицами, теснее сошлись у насыпи. Прошка, видя стойкую храбрость мальчишек, простил им непослушание и вместо Славика, который мог в любую минуту понадобиться возле ячейки, подзвал к себе самого старшего и надежного рыбака и купальщика.

Прошка, признав, чей мальчишка, какого деревенского рода, наказал ему: — Василёк, беги-ка в церковь и скажи отцу Михаилу, чтоб немедленно сюда шёл — найден, мол, негленный солдат.

Василёк, заметно гордясь поручением, бросил свою удочку и лозовую низку рыбы с плотвичками, краснопёрками и окуньками в траву и прямо по лугу, чтоб спрямить дорогу, побежал в деревню.

Остальные мальчишки, отпрянув от ячейки, окружили плотным кольцом Алёшу, Витю и Славику и начали вполголоса, с оглядкой на Николая Петровича и Прошку, которых все же немного побаивались, расспрашивать, как отыскался в земле солдат и почему он лежит, будто живой.

Николай Петрович тем временем принялся звонить по диковинному для Прошки, умещающемуся целиком в ладошке мобильному телефону.

— Ты куда это?! — поинтересовался Прошка.

— В военкомат.

— А зачем?

— Ну, как — зачем?! — перестал колдовать над мобильником Николай Петрович. — Солдата все-таки нашли, без военкомата никак нельзя.

— Это ты зря! — рассудил Прошка. — Сейчас налетят вороньём, всё испортят.

— Что испортят?! — не совсем понял Николай Петрович.

— А всё! — ещё более туманно и уже обиженно ответил Прошка. Николай Петрович вступать в дальнейшие пререкания с ним поостерёгся, зная, что Прошка бывает и неуступчивым, и твёрдым. Опять прижав телефон к уху, он отошёл за глиняную насыпь, в заросли полыни, где ему никто не мог помешать, и стал по-военному чётко докладывать военному о неожиданной находке в селе Березанке, на краю заброшенного глинища.

— Сейчас подъедет, — закончив разговор, извещил он Прошку, надеясь, что тот смягчится и поймёт Николая Петровича, который по-иному поступить никак не мог. Раскопки повсеместно велись под присмотром военкоматов, и, хотя военные и не вмешивались в дела поисковиков, доложиться туда полагалось и по военному уставу, и по гражданскому закону.

— Пускай едут, — действительно немного оттаял Прошка.

Прикрываясь ладонью от слепящего солнца, он принялся дальнозорко высматривать, не появится ли на тропинке отец Михаил. С полчаса никого видно не было: тропинка и луг выглядели совершенно пустынными и заброшенными, будто по ним никто и никогда не хаживал. Но вот из-за лозовых низкорослых кустов, окаймлявших деревенские огороды, показался вначале Васька-гонец, а потом, почти ни на шаг не отставая от него, и отец Михаил. Был он в посеребрённой широко развевающейся на ветру ризе и голубой камиллавке, которые, должно быть, услышав рассказ Васки о негленном солдате, забыл или не успел снять. Риза ярко горела и искрилась на солнце,

а камилавка сливалась с голубой маковкой церкви и заголубевшим на горизонте небом.

Подбежав к разрытой ячейке, отец Михаил вначале было растерялся (ему никогда прежде не доводилось совершать молебен при обретении нетленного тела), но потом он успокоил шаг и дыхание и, осенив себя крестным знаменем, взглянул на солдата.

— На нём и крест есть, и иконка-ладанка! — упреждая Николая Петровича, объяснил Прошка.

Отец Михаил снова перекрестился, взял в руки наперсный крест и начал проникновенно читать молитву — Трисвятое, которую произносил много раз в течение дня: «Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас»...

Предельно кратких её покаянных слов никто, кроме Прошки, достоверно не знал, но все: и притихшие мальчишки, и молодые ребята-поисковики, и серьёзный и суровый Николай Петрович — почувствовали, что без молитвенного слова батюшки сейчас никак нельзя.

Молитву отец Михаил прочитал, как и полагается, троекратно, и после каждого всё больше объединялись вокруг разрытой ячейки дети, подростки, мужчины-поисковики и дед Прошка.

Они действительно почувствовали своё единство — верующие и не очень, — они забыли обо всех житейских делах и не заметили, как едва различимая прежде на горизонте тучка стремительно побежала по небу, играя многоцветной, всё ярче и ярче проступающей на потемневшем небосводе радугой. Но вот она зависла над глинищем, и с неё вдруг сорвались крупные, тяжёлые капли слепого солнечного дождя.

Отец Михаил в последний раз осенил себя крестным знаменем и с беспокоеством посмотрел на тучу, опасно потемневшую и скрывающую радугу — полоска за полоской. При виде надвигающейся тучи встревожились и поисковики. Всякий раз, собираясь на раскопки, они захватывали с собой на случай дождя вместе с инструментами и солдатскую непромокаемую плащ-палатку. А сегодня оставили её в лагере: день обещал быть вёдреным, жарким и сухим, да и отыскать сегодня ничего они не надеялись, несмотря на заверения Прошки...

А туча над глинищем всё темнела, стучалась, грозясь разразиться настоящим ливнем: всего несколько минут тому назад крупные, но вовсе не опасные капли теперь слились в хорошо различимые дождевые струи. Обретённого солдата, навзничь лежащего на дне глиняной ячейки, надо было чем-то срочно укрыть, чтобы защитить от дождя. Поисковики заметались, поспешно собирая разбросанные во время работы рубахи и майки, но их опередил отец Михаил. Он снял епитрахиль и серебряно-белую свою ризу и протянул их Николаю Петровичу:

— Укройте!

Николай Петрович ловко подхватил облачение отца Михаила, спустился по лесенке в ячейку и тщательно укрыл солдата, оставив на виду лишь светло-коричневое, будто загоревшее его лицо, которому теперь никакой дождь повредить, наверное, уже не мог.

Дождь и вправду минут пять-десять шёл обильным непроглядным потоком, заставив всех спрятаться под берёзой, но потом вдруг словно кто-то невидимый обрезал его точно по краю глиняной насыпи. Косые дождевые струи тяжело и шумно падали на бесплодное глинище, на луг, на реку, застали шиферные серые крыши деревенских домов и голубую церковную маковку, а над убежищем солдата уже ярко сияло августовское жаркое солнце.

— Ты погляди! — изумился Прошка, плотнее прижимаясь к стволу берёзы.

И Николай Петрович, и поисковики тоже немало дивились такому явлению, а самые маленькие мальчишки даже заробели и прижались к деду Прошке, будто надеясь на его защиту. И лишь один отец Михаил ничему не удивился и не испытал боязливого изумления: словно продолжая молиться, он произнёс:

— Всё в руках Божиих!

Когда же туча, сгоняемая ветром, уплыла за реку, унося туда с собой скоротечный слепой дождь, он твёрдым шагом вышел из-под берёзового листовенного шатра, будто из царских врат родного храма, и направился к разрытой ячейке.

В её глубине ничего не изменилось, не порушилось: стенки ячейки были почти сухими, не оплыли и не взялись влажными разводами. Только на епитрахили и ризе отца Михаила кое-где виднелись небольшие озера дождевой прозрачной воды, да лицо солдата теперь было омытым, по-утреннему чистым и свежим.

— Как живой! — созерцая обновлённого солдата, воскликнул Прошка и стал созывать к обрыву ячейки малых детей и подростков, чтоб те тоже посмотрели на омытого дождём, будто живого солдата.

Николай Петрович и отец Михаил не стали мешать беседе Прошки с детьми, а, отойдя в сторону, принялись советоваться, как быть с останками солдата дальше.

Но не успели они перемолвиться и двумя-тремя словами, как из деревенской улицы, бороздя тропинку, вылетела на луг бежевая «Волга». В мгновение ока она круто развернулась возле ячейки, и из неё выбрался крупный, тучный мужчина в белой рубашке с короткими рукавами, повязанной тяжёлым, клонящим его голову к земле галстуком.

— Военком, — вздохнул Николай Петрович и пошёл навстречу.

Прошка остался совершенно безучастным. Несмотря на свою тучность и важность, военком не произвёл на него никакого впечатления. Прошка ещё с давней своей юности, когда он только собирался идти служить в армию, привык к тому, что военком — это всегда человек военный (не зря же он и зовётся военным комиссаром!), как правило, в значительном звании — подполковник или, в крайнем случае, майор. Этот же, хотя и был надменным и важным, и при разлапистом галстуке, но всё же гражданским — нестроевым. На нём, как и на недавно ушедшем в отставку министре обороны, тоже человеку сугубо гражданском, трудно было представить туго затянутый ремень, португеею через плечо и погоны. Никакой власти такого военного комиссара Прошка над собой признавать не желал. С места он не тронулся, а, опершись на посошок, стоял возле глиняной насыпи в окружении мальчишек и без всякого волнения дождался, пока Николай Петрович подведёт его поближе.

Военком, в свою очередь, тоже не обратил особого внимания ни на Прошку, ни на отца Михаила, который без облачения совсем не был похож на священника — обыкновенный деревенский мужик, ни на Алёшу с Витей и Славиком, ни тем более на малых беспокойных мальчишек, как будто здесь, у глиняной насыпи, никого из них вовсе не было. Тяжело, по-медвежьки переваливаясь с ноги на ногу, он подошёл к краю раскопок и, ещё не заглядывая в их глубину, с некоторой досадой и недовольством спросил Николая Петровича:

— Ну, что тут у вас?!

— Да вот, — указал ему на нетленного солдата Николай Петрович.

— Та-ак, — протянул военком, долго и придирчиво всматриваясь в ячейку.

Все тревожно примолкли, ожидая от него самого справедливого решения. И военком, уверенной рукой поправив на шее ослабевший под собственной тяжестью галстук, со всей своей важностью и значительностью вынес, как ему казалось, единственно правильное и справедливое решение:

— Ну что ж, похороним с отданием воинским почестей! Что здесь неясно?!

Он собрался уже возвращаться назад к машине, но тут Прошка неожиданно для всех и, в первую очередь, для гражданского военкома выказал свой характер. Он вышагнул из рядов мальчишек и из тени берёз и застыл в шаге от грозного военкома — невысокий росточком, седой, но крепкий ещё и телом, и духом.

— Больно ты скор, — с вызовом обратился он к военкому, — похороним...

— А что же ещё-то?! — только сейчас, кажется, и увидел Прошку военком. — Под открытым небом оставим?

— А это всё в Божией власти, не в нашей, — почти в точности повторил слова отца Михаила Прошка,

— Ну-ну! — только и нашёлся ответить военком.

Он неожиданно ловко для своего тяжёлого и неуклюжего тела развернулся и пошёл назад к машине. Но прежде чем сесть в неё, подзвал к себе Николая Петровича и предупредил:

— Куда надо, мы сообщим!

— Хорошо, — Николай Петрович пожал ему руку, и на том переговоры с военкомом завершились.

Шофёр сразу, как только военком захлопнул дверцу, завёл машину, и она стремительно помчалась обратно в село, поднимая позади себя неизвестно откуда взявшуюся на мокром после дождя дугу пыли...

* * *

Слух о том, что поисковики нашли на старом глинище нетленного солдата, быстро облетел всё село. Принесли его туда мальчишки-рыбаки, которые, боясь, что им достанется от матерей за долгую отлучку, разбежались по домам, едва только военкомовская машина отъехала от глинища. Ну, а коль узнали о нетленном солдате женщины, то слух о нём уже как бы сам собой понёсся от дома к дому, от подворья к подворью, тревожа и поднимая на ноги всю Березанку.

Поисковики ни о чём ещё не договорились и ничего определённого не решили, лишь вернули отцу Михаилу епитрахиль и ризу, открыв опять солдата полуденному свету и солнцу, а от села к глинищу стал стекаться народ: не занятые на полевых работах старики и старухи, шустрые мальчишки, которые остро завидовали сверстникам, прознавшим о нетленном солдате раньше них. Теперь они старались наверстать упущенное и, обгоняя друг друга, бежали кто по разрушенной военкомовской тропинке, а кто лугом, примыкавшими к глинищу дальними огородами и илистым речным берегом. Прервав жатву, появились на окраине села и занятые в поле мужчины и женщины.

Но впереди всех, сопровождаемый внуком, шёл, ощупывая дорогу длинной тоненькой палочкой, последний оставшийся в живых березанский солдат-фронтовик Сергей Махоткин. Во время войны на подступах к городу Будапешту он был тяжело ранен в голову, ещё тяжелее контужен и почти полностью потерял зрение. Увечью своему Сергей, правда, не поддался, не впал в отчаяние, а, обходясь остатками зрения, работал в колхозе наравне со здоровыми мужиками. Он удачно женился на деревенской девчонке, подросток к его возвращению с войны, родил троих сыновей. Но постепенно он и все ослеп, и лет десять, а то и все пятнадцать пребывал уже в непроглядной кромешной тьме. Жена, сыновья и внуки возили его по разным больницам, клиникам и глазным институтам, вплоть до знаменитых московских, но врачи лишь разводили руками. Беда Сергея заключалась в том, что в результате фронтového ранения и особенно контузии у него были повреждены глазные нервы, а против такого увечья современная наука и врачебное искусство пока бессильны.

Сергея с внуком на тропинке никто, даже нетерпеливые мальчишки, обгонять не решались, чувствуя и понимая, что он, фронтовик и участник войны, должен прежде них приблизиться к обретенному солдату. Пусть Сергей его не увидит, но ощутит его присутствие и укрепитесь силами.

К приходу Сергея Махоткина отец Михаил снова облачился в ризу и епитрахиль, словно перед самой торжественной Литургией. Прошка тоже подобрался, отряхнул с рубахи и брюк налипшие глиняные крошки и всякие иные соринки и встал рядом с батюшкой, готовый встречать односельчан приветливым и обходительным словом, объяснять, что тут, на глинище, случилось.

Сергей Махоткин по разговору и негромкому покашливанию Прошки догадался, что тот здесь, на боевом посту, и что без него столь необыкновенное происшествие никак обойтись не могло. Он легонько постучал палочкой возле обутых в летние, переплетенные наперекрест всего двумя кожаными полосками сандалии ног Прошки и попросил, обращаясь к нему по родовому имени:

— Егор, подведи меня к нему!

— Так он ведь пока на глубине, в ячейке! — растерялся Прошка.

— Ничего, — не отступал Сергей. — Лесенка-то небось есть?

— Лесенка есть, — с готовностью отозвался Прошка.

— Я по ней и спущусь, — постучал впереди себя палочкой по травяному насту Сергей. — Ты только укажи — куда ступить.

Прошка подхватил Сергея под руку и подвёл к обрыву ячейки, к алюминиевой рабочей лесенке поисковиков. Ему принялись помогать внук Сергея, ребята-поисковики, Николай Петрович и даже отец Михаил, обнимая и придерживая незрячего фронтовика за плечи. Но Сергей, нащупав руками лесенку, сказал, что справится сам. За долгие годы слепоты Сергей привык к ней и приловчился всё делать самостоятельно, никого не обременяя излишней заботой: одевался-обувался, аккуратно брился опасной бритвой-складеньком, помогал жене по дому и на дворе, мог даже, когда был помоложе, принести из колодца воды.

Пошатав лесенку из стороны в сторону и убедившись, что она стоит прочно, Сергей развернулся и начал ощупывать ногой первую перекладинку, чтобы спуститься в ячейку. Но тут его упредил неутомный Прошка:

— Погоди немного, — остановил он Сергея, — я спущусь вперёд, чтоб принять тебя на глубине.

— Спускайся, — согласился Сергей и, пропуская Прошку, отступил на шаг от обрыва.

Прошка на редкость проворно для своего возраста спустился в ячейку и позвал Сергея:

— Давай!

Сергей, оставив на поверхности свою ореховую палочку-поводыря, опять нащупал ногой ступеньку и стал спускаться в ячейку. Прошка принял его внизу, прислонил к глиняной стене, дождался немного, пока Сергей устоится, обретёт равновесие, и подсказал:

— Теперь склоняйся на колени.

Сергей, скользя и придерживаясь плечом о стенку, опустился на узенькую глиняную площадочку по правую сторону от солдата. Прошка сделал то же — по левую.

— Где он? — повёл впереди себя рукой Сергей.

— Пониже опусти ладонь, пониже, — подсказывал Прошка.

Сергей опустил ладонь как можно ниже, к самой земле и нащупал плечо солдата и погон. Осторожно, но крепко, он сдвинул худое это, угловатое плечо, будто поздоровался с солдатом, будто когда-то он его хорошо знал, но внезапно и надолго, как это часто бывало на войне, разлучился с ним на фронтовых дорогах.

Секунду помедлив, Сергей так же бережно начал перебирать чуткими пальцами, продвигаясь к лицу солдата. Вначале он прикоснулся к его щеке, потом к виску и коротко остриженным, не потерявшим своей жёсткости волосам.

— Молодой? — по учащенному дыханию Сергей определил, где находится Прошка, и повернулся в его сторону.

— Молодой, — тихо, но внятно проговорил Прошка. — Двадцать третьего года рождения. Иваном зовут, родом из-под Смоленска.

— Погодок, — Сергей погладил солдата по стриженной голове, словно малого ребёнка, который годился ему теперь то ли в сыновья, то ли во внуки, то ли в правнуки.

— На нём и крест есть, и иконка-ладанка с ликом Пресвятой Богородицы, — заговорил снова Прошка. — Там всё и написано: кто он и откуда.

Но Сергей оставил его слова без внимания, словно откладывая размыш-

ления о них на будущее, когда они поднимутся из ямы на поверхность и немного успокоятся. А сейчас он спросил Прошку о другом:

— Куда его убило?

— В самое сердце, — после краткого молчания ответил Прошка.

— Лёгкая смерть, — словно завидуя солдату, вздохнул Сергей. — Мгновенная.

Он передвинул руку с головы солдата на грудь, обнаружил там крест и иконку, но не тронул их, а закрыл широкой, отяжелевшей за долгую жизнь от постоянной крестьянской работы ладонью рану солдата под левым карманом гимнастёрки, как будто хотел предохранить его от смертельной пули.

Сергей долго стоял неподвижно над поверженным солдатом, к чему-то напряженно прислушивался внутри самого себя, что-то обретал и никак не мог поверить этому обретению.

— Я вижу его, — вдруг взволнованно и тревожно произнёс он.

— Кого? — не сразу понял Сергея Прошка.

— Солдата, — чуть громче, крепнувшим голосом проговорил тот. — Лицо его вижу, грудь, винтовку в руке, крест и ладанку на груди... И тебя, Прошка, вижу. Седой ты весь и щуплый.

Прошка замер, бессильно прислонившись спиной к глиняной стенке. Замерли и стоявшие наверху Николай Петрович, отец Михаил и ребята-поисковики.

А Сергей, всё так же не отрывая ладони от груди солдата, высоко запрокинул голову и, просветлев лицом, повёл вокруг ещё недавно затынутыми пеленой глазами и сказал уже совсем уверенно и отчетливо:

— Берёзу вижу и солнце.

Он опять сам, без помощи Прошки, поднялся с колен, отыскал взглядом лесенку и поднялся наверх. Там его окружили односельчане и поисковики и стали наперебой расспрашивать, до конца не веря в то, что сказал Сергей:

— Правда, видишь?!

— Вижу, — рассмеялся Сергей и указал на внука. — Вот это внук мой, Сергей, очень похож на меня в молодости.

Это было и вправду так. Старики и старухи, которые помнили Сергея Махоткина в молодые его довоенные и послевоенные годы, говорили ему всегда, что, мол, Серёжа больше похож на деда, чем на отца с матерью. Теперь Сергей и сам убедился в этом. Он обнял, прижал внука к себе уверенной рукой, будто в то же мгновение и она прозрела, и сказал, не скрывая радости:

— наших кровей, махоткинских.

Стал Сергей узнавать и других березанцев, называть их по именам и фамилиям, несказанно радовался этому узнаванию сам и радовал всё тесней и тесней окружавших его односельчан, которые намеренно старались попасться ему на глаза, чтобы окончательно убедиться в том, что не обманывает их Сергей — видит он теперь всё вокруг!

Пока длилось узнавание, Прошка тоже выбрался из ячейки и принялся восторженно рассказывать березанцам, как там, на глубине, всё случилось: как Сергей, положив руку на простреленную грудь солдата, вдруг прозрел, увидел вначале убиенного, а потом и его, Прошку, и нисколечко не ошибся, что это именно он, Егор Дмитриевич, весь седой, в клетчатой летней рубаше на коленях стоит перед ним.

Прошку все внимательно слушали, добываясь мельчайших подробностей происшедшего, а когда он умолк, несколько человек, которых давно уж одолевали старческие болезни и увечья, робко спросили его, нельзя ли и им спуститься к солдату.

— Это как отец Михаил решит, — не посмел дать позволение Прошка.

Болящие стали пробиваться сквозь толпу к отцу Михаилу, но в шаг от него остановились и притихли. Отец Михаил вдруг негромким, особенно проникновенным голосом нараспев стал читать молитву, хотя без разрешения высшей духовной власти, может, и не имел на то права: «Ныне Силы Небесныя с нами невидимо служат, се бо входит Царь Славы...», — которую обычно читают Великим постом при совершении Литургии Преждеосвященных Даров. Кто как умел и мог, поддержали его, и торжественно-скорбное это песнопение широко растеклось по суховейному глинищу и по лугу.

Не пел лишь один Сергей Махоткин. Он всё глядел и никак не мог наглядеться на это пожухлое к осени глинище, на высокоствольную берёзу, на дуг и речку, но больше всего — на прозрачное голубое небо, заново обретая его, как будто заново рождаясь на свет Божий.

Когда соборная молитва была завершена, отец Михаил троекратно благословил березанцев крестным знамением и повелел им расходиться по домам до нужного часа. Но уходить никто не торопился. Березанцы ещё теснее сгрудились вокруг разрытой ячейки, стараясь хоть краешком глаза взглянуть на нетленного солдата, а болящие, наконец, пробившись к отцу Михаилу, принялись слёзно просить позволения спуститься к солдату в раскоп.

— Не надо его пока тревожить, — удерживал их отец Михаил, — моей власти здесь мало...

Березанцы вроде бы и согласились с отцом Михаилом, что только высшие духовные лица могут определить участь нетленного солдата, признать его останки святыми мощами или не признать, но вместе с тем и тревожились, как скоро это случится, и где пребывать до той поры обрётённому.

И тут возник рядом с отцом Михаилом совсем было затерявшийся в толпе Прошка.

— В раку его надо заключить, — подсказал он самое верное, на его взгляд, решение. — Заключить в раку и в церкви под Престолом поставить. А там видно будет...

Отец Михаил окинул притихшую свою паству, не всегда прилежную в отправлении церковных обрядов, отеческим взглядом, словно советуясь с ними и сомневаясь, дозволено так ему поступить или не дозволено, потом перевёл взгляд на нетленного солдата и, наконец, спросил выжидающе взиравшего на него, застывшего Прошку:

— А ты раку смастерить сумеешь?

— Отчего ж не суметь, — загорелся Прошка, радуясь согласию отца Михаила. — Сладим с Божией помощью.

— Благослови тебя Бог! — отец Михаил осенил Прошку наперсным крестом. — А мы все будем молиться за тебя...

* * *

Молва о нетленном солдатике, обрётённом в Березанке, быстро облетела все окрестные деревни и села, и к нему потянулись пешие, конные и автомобильные паломники. Но на подступах к глинищу их неприступным кордоном встречали поисковики, которые переместили туда свою палатку и теперь несли посменно караульную службу. Всегда был при них и кто-нибудь из добровольных церковных помощников отца Михаила, а часто и он сам. Встречая паломников, караульчики сочувственно, но непреклонно отвечали на все просьбы:

— Пока рано. Вот заключим в раку, получим благословение архиерея, тогда и приезжайте.

Паломники на караульных не обижались, понимая, что так оно, наверное, и должно быть: без позволения епископа приложиться к нетленному солдату нельзя, ибо не положено... Они лишь просились хотя бы издалека посмотреть на глиняную ячейку, где покоится солдат. И это им удавалось. Паломники, не отрывая глаз, глядели на прикрытую брезентом ячейку (вдруг опять нагрянет дождь, да ещё с грозой!), вздыхали и соглашались ждать, сколько понадобится...

А Прошка все эти дни старательно мастерил раку.

У него давно лежала в повети дубовая, в два обхвата толщиной колода. Приобрёл ее Прошка в лесничестве на осенней расчистке и намеревался, распустив на плахи, сладить в доме новые подоконники-подушки взамен старых, заметно уже подгнивших. Но дело это у него всё откладывалось и откладывалось. Самостоятельно распустить колоду на плахи ручной пилой Прошка по слабости своих сил уже не мог. Надо было везти её на пилораму в район за двадцать километров, поскольку своя, колхозная, разрушилась

и бесследно исчезла вместе с колхозом. Но доставить туда колоду у Прошки не имелось никакой возможности: ни грузовых машин, ни тракторов с прицепами в Березанке не осталось. Несколько раз Прошка заикался насчёт колоды и подокольников сыну, но тот не торопился исполнять его просьбу: то было ему недосуг, то надумал он поставить в доме диковинные пластмассовые окна, какие теперь повсеместно ставят в городских квартирах, и начал уже для осуществления этого замысла копить деньги.

Так и долежала колода до своего сокровенного часа. Выкатив её на середину повети-мастерской, Прошка, помолясь, приступил к ней со всеми своими инструментами. Несмотря на суетный нрав, плотником и столяром он был отменным, редкого мастерства и искусства. Рубил ли Прошка дом или сарай, вязал ли косяки-лутки, рамы и двери, так он всё это делал ладно, и не только ради прочности и повседневной необходимости, а ещё и ради красоты, чтоб и дом, и сарай, и окна-двери не просто служили по принадлежности своей, но и радовали, веселили глаз. На крыше Прошка непременно водружал голосистого сторожевого петушка, оконные наличники-обиконцы делал резными, с затейливыми кружевными и ажурными кокошниками. Такими же кружевными, воздушно-лёгкими выходили из-под рук Прошки и подстрешные «фартуки», на изготовление которых иные нынешние столяры не желали тратить ни сил, ни времени.

Не раз и не два за свою долгую жизнь приходилось Прошке мастерить скорбные, но, куда ж деваться, необходимые в завершении человеческого земного срока домовины. Только и они у Прошки получались не устрашающими, тяжёлыми или гнетущими, а всего лишь печальными, грустными, пахли сосновой смолой-живицей и, казалось, облегчали и участь усопшего, и горе остающихся на белом свете его сородичей.

Раку Прошка мастерил впервые. Прежде он лишь несколько раз видел её во время солдатской своей службы в Киеве, когда бывал в пещерах Киево-Печерской лавры, да в знаменитых древних монастырях, куда заглядывал не столько на богомолье, сколько — по молодости лет — из любопытства. А теперь вот довелось мастерить раку самому.

Перво-наперво Прошка принялся вырубать столярным малым топориком ложе раки, долотами и стамесками разных размеров, рубанком-горбатином подчищать его. Потом взялся он за наружные её стороны. В изголовье вырубил православный восьмиконечный крест, а в ногах вырезал веночек полевых цветов и трав. На продольных боковинах Прошка пустил стремительно бегущие веточки-вьюнки с продолговатыми листочками, одинаково похожими и на лавровые, и на более привычные вербные.

В ожидании, пока Прошка справится с изготовлением раки, село притихло и будто замерло. Не было слышно ни громких переключек, ни праздного веселья, ни даже ребячьих голосов. Лишь изредка, встречаясь где-нибудь на улице или возле колодца, березанцы, настороженно прислушиваясь к звукам, которые неслись с Прошкиного двора, к шорханью рубанка-горбатики, полусёпотом говорили друг другу:

— Рубит...

— Строгает...

— Ишь, шуришит...

И опять замирали в безмолвии и поспешно расходились по домам...

* * *

Завершил свою работу Прошка на третий день к вечеру и пригласил в повесть отца Михаила с Николаем Петровичем поглядеть, ладно ли получилось, достойно ли и не требуется ли дополнительная доводка.

— Всё ладно, — в один голос сказали отец Михаил и Николай Петрович, дивясь искусству старого Прошки.

Рака и вправду вышла у него на славу, редкой красоты и искусства, прочная и легкая. При свете заходящего августовского солнца, которое про-

никало сквозь широкое, обрамлённое резными наличниками окошко на поветь, она первозданно сияла, словно была выточена не из обыкновенного дуба, а из золота или серебра. Со своими полевыми цветами и травами, туго сплетёнными в веночек, лавровыми и вербными бегунками по долгим боковинам, а более всего — православным восьмиконечным крестом в изголовье рака, казалось, зримо поднималась над усыпанным стружками полом повети и парила в вечернем воздухе.

Отец Михаил отелужил молебен, окропил раку святой водой и, при полном согласии Николая Петровича и Прошки, назначил на завтра перенесение в неё нетленного солдата, а потом Крестный ход с нею до самой церкви.

* * *

Извещённое о решении отца Михаила, село с раннего вечера начало готовиться к завтрашнему Крестному ходу. Женщины достали из шифоньеров праздничные наряды, мужчины отложили все задуманные на завтра дела и поездки, мылись в банях, чисто брились, а дети без долгих уговоров и напоминаний пораньше легли спать, чтоб пробудиться утром ни свет ни заря вместе с отцами-матерями и не пропустить, как будут поднимать из глиняной ячейки и опускать в раку нетленного солдата.

Когда же августовская, наполненная ожиданиями ночь иссякла, березанцы, наскоро управившись с домашними заботами — подоить и выгнать коров в стадо, накормить кур и уток, обиходить прочую мелкую живность, протопить печи, — семьями и поодиночке потекли к глинищу.

Часам к девяти начали подходить и подъезжать пешие, конные и автомобильные паломники из соседних, дальних и ближних деревень, куда долетел слух о сооруженной Прошкой раке и о поднятии солдата с глинища. Долетел он и по проводным, и по модным нынче беспроводным карманным телефонам, а всего надежнее — сам собою, не зря же в народе говорят: “Слухом земля полнится”.

Отец Михаил в церковном облачении, горящем на солнце золотыми и серебряными нитями, подтянутый и значительный Прошка в белой фланелевой рубашке и Николай Петрович с помощниками — все в камуфляжной зелёной форме (жаль, без погон!) — встречали всех приходящих и расставляли вокруг ячейки по бугоркам и холмикам так, чтобы всем было одинаково хорошо видно, что там происходит.

Из церкви были принесены хоругви, иконы, выносной крест с окаймленным Божественным сиянием ликом Иисуса Христа, фонарь на длинной точёной ручке с загодя установленной в нём толстой восковой свечой. По указанию отца Михаила хоругви, крест и фонарь были розданы самым крепким и надёжным мужчинам, а иконы — женщинам и детям.

Но главное, что влекло и приводило в тревожное и печальное состояние духа, в некий трепетный восторг паломников, была установленная у края ячейки рака, которую Прошка вместе с Николаем Петровичем, Алёшей, Витькой и Славиком привезли сюда ещё затемно на легковушке, оборудованной багажником на крыше.

В изголовье раки на табурете сидел Сергей Махоткин, тоже по-праздничному принаряженный домашними в новую рубаху, пиджак и лёгонкие летние туфли. Говорят, внук хотел прикрепить ему на грудь все фронтовые и послевоенные ордена и медали, то тот решительно воспротивился: «Ни к чему это нынче!» И внук не посмел ослушаться деда, хотя и не понял: а почему, собственно, «ни к чему»?

Паломники с удивлением глядели на дубовую раку, отшлифованную мастером до мраморного блеска, на её резной крест, цветы и листья, но ещё с большим удивлением глядели на Сергея Махоткина. Впервые за долгие годы руки его не были заняты длинной ореховой палочкой-поводырём, и он не знал, куда их девать: то тяжело складывал на коленях, то опускал почти к самой земле вдоль табурета, то прикасался к раке, словно согревал их исходящим от неё теплом и светом.

Всё было уже готово к подъёму солдата и Крестному ходу, но Николай Петрович то и дело прикладывал к уху махонький телефон-мобильник и просил отца Михаила подождать ещё немного: обещался подъехать военком с какими-то высокими чинами, а без них идти Крестным ходом было как-то нехорошо.

Но вот, наконец, Николай Петрович после очередного телефонного разговора сообщил собравшемуся на дугу народу:

— Вроде бы едут...

Березанцы и паломники сразу заволновались, потеснее сгрудились в стайки на бугорках и холмиках: как-никак, едет начальство, к тому же военное, всегда более суровое и требовательное, чем привычное для сельских жителей гражданское, и ещё неизвестно, как оно себя поведёт. Вдруг опять вознамерится похоронить нетленного солдата на деревенском кладбище, рядом с братской могилой? И как тогда противиться несговорчивому начальству, как оборонять солдата от этого, пусть, может, и законного, а всё ж таки не Божеского намерения?

Ждать пришлось недолго. Не успели березанцы и паломники даже накоротке переговорить между собой о предстоящей обороне, как из окраинной деревенской улицы вынырнула «Волга» военкома. Подъехав к глинищу, она, чуть потеснив мужчин с хоругвями на торфяник, остановилась в двух шагах от раки.

Но вместо военкома из «Волги» совсем неожиданно для березанцев и паломников выбралась маленького росточка, почти неприметная старушка в белом, повязанном под подбородок платочке и мужчина лет шестидесяти, заботливо поддерживающий её под локоток.

Старушка в пояс поклонилась народу, осенила себя твёрдым крестным знаменем и встала под занесённую уже для благословения руку отца Михаила.

— Сестра убитого с сыном, — тут же побежала по бугоркам и холмикам, неведомо как и возникнув, молва о вновь прибывших.

— А где же военком?! — озабоченно спросил шофёра Николай Петрович.

— Подъедет попозже, — ответил тот и поспешно стал разворачивать машину, чтоб отправиться назад в город.

Николай Петрович опять было приложил мобильник к уху, но потом спрятал его в карман и подошёл к старушке.

Отец Михаил троекратно благословил её, приобнял за плечо и, зорко следя, чтоб она случайно не оступилась на травянистом, уже затоптанном сотнями ног дёрне, повёл её к обрыву ячейки.

Старушка поправила на голове платочек, прикрыла перед горестным испытанием глаза, потом долгим, неотрывным взглядом посмотрела на лежащего в глубине глиняного склепа солдата.

— Он, — едва слышно выдохнула она. — Ванечка! — и, закрыв заплаканное лицо худенькими ладонями, припала к груди подоспевшего на помощь сына.

Отец Михаил отдал старушку на его попечение, сердцем понимая, что в эту тяжёлую минуту ей лучше побыть с родным человеком.

Вскоре она успокоилась, вытерла глаза кончиком платка и уже просветлённым, ясным взглядом смотрела на лежащего в глиняной могиле брата с широко размётанными по сторонам руками.

Ни отец Михаил, ни сын её, ни Николай Петрович с ребятами-поисковиками не смели нарушить этого созерцания. Они молча стояли поодаль, за спиной старушки, не зная, что и как можно сказать в такую минуту.

И вдруг растерянное их молчание прервал Сергей Махоткин. Он поднялся с табурета, почти уже привычно, без посторонней помощи подошёл к старушке, прижал её к себе, тихо поцеловал во влажные, вновь наполнившиеся слезами глаза и совсем тихо произнёс, указывая взглядом на её брата:

— Я только прикоснулся к нему — и вот, вижу теперь. А до этого двадцать лет был слепым.

Старушка в ответ обняла Сергея, погладила по щеке старенькой своею тёплой ладонью и сказала:

— Он всегда таким был, будто Ангел небесный.

Отец Михаил, Николай Петрович и сын старушки почувствовали себя при таком откровенном разговоре Сергея с сестрой солдата лишними и бесшумно отошли от ячейки к мужчинам-хоругвеносцам.

Старушка не стала их окликать и удерживать, как будто и прежде рядом с ней и Сергеем никого не было. Она достала из бокового кармана кофточки тщательно завернутый в носовой платочек узелок, осторожно развязала его и протянула Сергею старую пожелтевшую фотографию довоенных времён. Сергей принялся внимательно и пристально её рассматривать. На фотографии был изображен молодой парень, может, лет четырнадцати, в рубашке-косоворотке и коротковатых брюках, а рядом — совсем малая, русоволосая девчонка в лёгоньком летнем платьице с надплечными крылышками.

— Это мы с Ваней в тридцать шестом году, — пояснила она Сергею.

— Какой молоденький, — словно припоминая самого себя в давние те довоенные годы, отозвался Сергей.

— Молоденький, — ещё раз взглянув на фотографию, вздохнула старушка и вдруг начала рассказывать Сергею о брате всё, что помнила из его юношеской жизни. — Бывало, заболело, так Ваня сядет рядышком, положит руку — вот так — на лоб и будто заберёт болезнь на себя, она сразу уходит, отпускает, — и к вечеру я уже совсем здорова и весела.

Сергей не перебивал старушку, а лишь украдкой поглядывал на неё просветлёнными глазами и всё больше и больше узнавал в её лице черты старшего брата: такой же высокий чистый лоб, такие же гибкие, в широкий разлёт брови, такой же тонкий заострённый подбородок. И только взгляда глаз сестры и брата он сравнить не мог. У старушки взгляд был живой и тёплый, ясные глаза с подвижными, чуть покрасневшими от слёз веками смотрели прямо и доверчиво. У брата веки были крепко-накрепко сжаты.

О чём ещё говорила, что ещё рассказывала Сергею старушка, того никто не слышал. Никто не уловил и того, что Сергей сказал ей в ответ. Отец Михаил и Николай Петрович в который уж раз принялись советоваться между собой, как извлекать солдата из ячейки и водружать в раку, чтобы нести Крестным ходом в церковь. Они оглядывались по сторонам, ища среди березанцев и паломников Прошку, чтоб спросить и его мнения. Уж кто-кто, а Прошка подсказал бы им, что и как надо делать: в войну ему вон сколько довелось поднимать из земли, переносить и перевозить убитых.

Но Прошка нигде не отыскивался. Как только раку установили возле ячейки, он незаметно затерялся в толпе, в самых дальних её рядах. За ним давно водилась странная такая привычка: срубив дом, сарай или баньку с воинственно вознесённым на кровлю сторожевым петушком, приладив на окна резные наличники, а в подстрешье — “фартуки”, он всегда отходил в сторону, давая возможность хозяевам, их соседям и всем прочим жителям без стеснения оценить его плотницкое умение и искусство. Но ещё с большим пристрастием оценивал Прошка в такие минуты это умение сам, и почти всегда находил какие-нибудь досадные недоделки и недочёты. Он и нынче, выбрав себе местечко на маленьком бугорке торфяной кочки, взыскательным взглядом окидывал раку из-за спин березанцев и паломников. И ему явственно виделось, что в переплёт с бегущими по обеим её сторонам выюнками из лавровых и вербных листьев всё-таки надо было пустить полевые и луговые цветы: звонкие колокольчики, васильки-волошки, вереск и чабрец, и тогда бы рака смотрелась, может, даже ничуть не хуже, чем в Киево-Печерской лавре.

В изножье раки, рядом с веночком, Прошка обнаружил один недобранный стамескою или рубанком бугорок и так раздосадовался этим недочётом, что готов был уйти домой и затвориться где-нибудь в повети.

Отец Михаил, не найдя в толпе Прошку, своей волей принял решение:

— Давайте начинать. Пора!

— Давайте, — поддержал его Николай Петрович и спустился по лесенке в ячейку.

Вслед за Николаем Петровичем спустился туда и какой-то задумчивый сегодня Алёша. Вдвоём они подвели под солдата заранее заготовленный до-

штатый помост; правую его руку с зажатой в ней винтовкой прислонили к бедру, и получилось так, будто он взял её на караул, чтоб заступить на доверенный ему самый ответственный пост, а левую положили на грудь чуть повыше солдатского ремня с пятиконечной звездой.

Удостоверившись, что солдат лежит на помосте ровно и прочно, Николай Петрович с Алёшей оторвали его от земли и подняли наверх. Там помост из рук в руки приняли Витя со Славиком, отец Михаил, мужчины-добровольцы из березанцев и паломников и Прошка, который, наконец, преодолел свои сомнения, объявился возле ячейки. Он немедленно откликнулся на просьбу Николая Петровича и отца Михаила и принялся распоряжаться работами, зорко следя за тем, чтобы при возложении солдата в раку никто не потревожил его лишним резким движением — не отвлёк от постовой караульной службы, отныне определённой ему навек.

Всё у них получилось как нельзя лучше. Солдат лёг в раку покойно и аккуратно, не выронив из правой руки винтовки, а левую не отняв от груди.

Ничто в нём не изменилось и не нарушилось: ни откиннутая чуть назад голова, ни по-юношески худенькие шея и плечи, ни в струнку вытянутые ноги в солдатских ботинках и обмотках. И лишь лицо солдата при ярком дневном сиянии солнца вдруг посветлело, нестойкий коричневатый загар словно сошёл с него; оно посвежело и даже как будто зарумянилось.

Старушка, до этого мгновения молчаливо стоявшая в сторонке, теперь подошла к раке, обняла брата, припала щекой к его согретой солнцем щеке и сказала так, как, наверное, не раз говорила в далёком своём довоенном детстве:

— Братик мой милый...

Никто ей не мешал, не тревожил и не торопил её. Все понимали, что сестре надо хоть немного побыть с братом наедине, высказать ему всё, что долгие годы разлуки таила и берегла в душе своей только для него одного, единственного. Ведь сейчас брата отнимут, отторгнут от неё, и он уже будет принадлежать не только ей, а и всем иным людям, перед которыми неожиданно явился, нетронутый землёй и тлением. Старушка ещё теснее припала к брату и не смогла сдержать невольного горестного упрёка:

— Мать так надеялась, так ждала, что ты вернёшься...

Солдат, казалось, внимательно слушал её сестринские излияния, слушал и внимал им. И вдруг как будто произнёс с успокоительной, чуть тронувшей его губы улыбкой:

— Вот я и вернулся...

Старушка заплакала навзрыд, прощально обняла брата и уступила место возле раки своему сыну.

Тот склонился над ней, тоже заплакал, изнемог от слёз и в этом изнеможении нашёл в себе силы лишь прикоснуться широкой ладонью к груди солдата, которого видел прежде только на фотографии да знал о нём по рассказам матери.

— Оставь его, Ваня! — легонько тронула сына за рукав старушка. Слова её прозвучали негромко, но отчётливо и по-матерински властно. Их услышали и на самых отдаленных бугорках и холмиках. Там всё пришло в волнение и беспокойство. Отец Михаил больше медлить не стал и отдал распоряжение обустроить Крестный ход.

Возглавляя его, далеко вперёд, на луговую тропинку вышел с иконой Пресвятой Богородицы в руках высокий, уверенный в шаге старик Матвей Ерёмин, который во время любого Крестного хода: на Рождество, на Пасху, на Троицу, на Преображение Господне — всегда носил её, задавая Крестному ходу особенно торжественную и мерную поступь. Вслед за Матвеем встал с престольным Животворящим крестом бывший учитель труда восьмилетней березанской школы, а теперь один из самых усердных помощников отца Михаила в церкви Александр Наумович. Потом, по-военному подравнявшись в шеренгу, выступили мужчины с фонарём и хоругвями и несколько женщин и детей со своими, снятыми с домашних киотов иконами. Они все повернулись вполборота к ячейке и ждали, когда отец Михаил, прочитав молитву, велит отрывать раку от земли и вставлять с нею в центре Крестного хода.

Минута была скорбная и напряжённая, наполненная молитвенными голосами отца Михаила, дьякона и певчих. Но вот иссякла и она, и к раке с двух сторон подступили Николай Петрович с Алёшей и Витя со Славиком.

По команде Николая Петровича они подняли раку на плечи, и она сразу взметнулась, вознеслась над людскими головами, почти вровень с хоругвями. Золототкаными своими полотнищами с ликами Иисуса Христа и Божией Матери они широко развевались на ветру, образуя вокруг неё охранный шатер.

Отец Михаил, дьякон и певчие, выждав несколько мгновений, пока рака твёрдо укрепится под этим шатром, образованным хоругвями, расположились в двух шагах позади неё. Их примеру последовали старушка с сыном и Сергей Махоткин. Поддерживая друг друга, они отдельной, соединённой теперь почти родственными узами шеренгой встали за спиной отца Михаила и приготовились к дальней и нелёгкой для них дороге. А за ними, сколько видно было глазу, вдоль глинища и луга, до самой речной урёмы выстраивались березанцы, пришлые и приезжие паломники.

Прошка поначалу хотел было тоже подставить плечо под раку, чтоб нести её к церкви, но потом отступился от этого намерения, вовремя сообразив, что он, по сравнению с молодыми мужчинами, маловат ростом, да и силы уж не те, так что будет лишь помехой для них, сбивая с шага.

И опять он затерялся в толпе и теперь уже совсем издалека, поверх людских голов, смотрел на раку и с особенным пристрастием укорял себя, что не пустил вдоль лавровых и вербных бегунков полевые и лесные цветы...

Но долго удерживать на этом внимание у Прошки не получилось. Отец Михаил осенил себя напутственным крестным знаменем и подал условный знак Матвею Ерёмину, мол, пора, выступаем с Богом.

Матвей долго ждать себя не заставил. Он поднял икону Пресвятой Богородицы высоко над головой и сделал по торфяной тропинке первый шаг. И в то же мгновение далеко в селе на церковной звоннице ударил колокол. Звонарём в Березанке был молодой выпускник районной музыкальной школы по классу духовых инструментов, игравший на валторне Паша Красавкин. Ещё в первые годы музыкальной своей науки он пристрастился подниматься на звонницу, которой тогда безраздельно владел его дед, Борис Серафимович, или Борис-звонарь, как все, от мала до велика, звали его в Березанке. Паша вначале на слух, а после уже и согласно нотной грамоте перенял от деда старинное умение и тайну колокольного перезвона. Поимённо различал он все, какие только бывают в храмах колокола: большие и малые, праздничные, воскресные, полиелейные и ещё особые — зазвонные колокольцы. Когда же дед Борис умер, Паша с согласия и благословения отца Михаила стал давать и все будничные, и праздничные звоны, и заукоийные уже в одиночку, ничуть не уступая, а может, и превосходя деда.

Нынче отец Михаил велел Паше подняться на церковную колоколенку с утра пораньше и зорко следить за всем, что будет происходить на лугу. И как только Крестный ход с поднятой над головами ракой обустроится, чтоб идти к церкви, так, нисколько не медля, сразу же ударить в колокола.

И Паша не упустил нужного мгновения. С первым шагом Матвея Ерёмина он тронул главный, самый тяжёлый колокол вначале чуть слышимым, далёким звуком, а потом, подстроив к нему колокола и колокольцы поменьше, огласил всю округу таким звоном, какого никто и никогда ещё здесь не слышивал. Он не был заукоийно-поминальным, но и не был радостно-праздничным, а каким-то особым, торжественным, возвышающим душу.

Отец Михаил, дьякон и певчие, едва лишь этот звон коснулся их слуха, на едином дыхании возгласили Трисвятое: «Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас...», за ними подхватила старушка, велел за ней сын и Сергей Махоткин, который впервые за долгие годы своей слепоты шёл в столь дальнюю дорогу без палочки и сопровождения, смело и безоглядно.

От них молитва как бы сама собой перекинулась на остальных паломников, волна за волною захватывая всё новые и новые ряды, и вскоре пел уже весь необозримый Крестный ход.

Николай Петрович в просвет между хоругвями иногда беспокойно погля-

дывал на село, надеясь увидеть на выезде машину военкома. Но она что-то всё никак не появлялась...

Крестный ход тем временем, стройно вытягиваясь в длинную нескончаемую ленту на лугу, вскоре подошёл к первым деревенским домам и начал заполнять широкую песчаную улицу.

И вдруг, откуда ни возьмись, над ракой, крестом, иконами и хоругвями взвилась стайка птиц.

— Горлицы это! Горлинки! — радостно воскликнул первым узнавший их Прошка.

Вслед за ним все березанцы и паломники признали в птичьей стайке диких лесных голубей-горлинок. Признали и удивились: как это они их сразу различили, когда те только появились над ракой, над иконами и хоругвями. Хотя, может, потому и не различили, что горлинки — птицы скрытные, к людям они, как правило, не залетают, а живут в полном уединении в дальних лесах и чащах.

Но вот сегодня, нарушив свои привычки, залетели...

Когда показалась церковь с широко распахнутой дверью притвора, горлинки взмыли к голубой, увенчанной крестом маковке и уселись под ней на карнизе.

Так, под колокольный звон, молитвенное пение отца Михаила и певчих и голубиное воркование раку внесли в церковь и поставили подле Престола, под иконы Божией Матери.

Крестный ход у церковного порога вытянулся в цепочку, и каждый паломник стал с крестным знаменем подходить к раке, кланяясь, прикасаться к ней и склонять перед нетленным солдатом голову.

Людской поток паломников и березанцев шёл к нетленному солдату до самого позднего вечера, и горлинки ни разу не стронулись с карниза. Но когда возле солдата остались одна лишь старушка-сестра с сыном да отец Михаил с Николаем Петровичем и Прошкой, они вдруг единым взмахом крыл влетели в церковь и вихрем закружились над ракой, как будто возвращая солдату из высокого, только им одним доступного поднебесья его молодую бессмертную душу...

г. Воронеж (13.12.2011 — 19.01.2012)

ДИАНА КАН

АВГУСТЕЙШИЙ ДОЖДЬ

* * *

А я хотела просто быть любимой...
Не так уж много!
Но немало всё ж!
А ты прошёл неудержимо мимо —
Так, как проходит августовский дождь.

На землю небо ты обрушил разом,
И только тем остался знаменит.
И спасу нет от Яблочного Спаса,
Что терпким духом яблочным дарит.

Ты воссиял слезами на ресницах,
Расцеловал в уста и — был таков...
“Быть под дождём да вдруг не замочиться!..” —
Скабрезничало скопище врагов.

“Пройдёт и это...” — утешал философ,
Из тьмы веков мне посылая свет...
На все меня терзавшие вопросы
То был, увы, единственный ответ.

КАН Диана Елисеевна — поэтесса, член Союза писателей России. Автор книг “Високосная весна”, “Согдиана”, “Подданная русских захолустий”, “Междуречье”, “Покуда говорю я о любви”, “Обречённые на славу” и др. Живёт в городе Новокуйбышевске Самарской области.

...Что ж, пусть проходит августейший август,
Познанья плод роняя на ладонь,
Так, как проходит даже вражья зависть
И молодой влюблённости огонь.

Так всё проходит... Только, может статься,
Не поняла тогда я впопыхах,
Что ты прошёл, чтоб навсегда остаться
Во снах моих, мечтаньях и стихах.

* * *

Там, где вставали в полный рост хлеба,
И где полынь мешалась с лебедой,
Дышали страстно почва и судьба...
...Но почвовед не стал моей судьбой!

Он говорил: “Мужчина должен знать
Ту землю, на которой он рождён...”
А я мечтала в небесах летать,
Поскольку на земле впадала в сон.

Летать, не зарекаясь от сумы.
И петь — чем безысходней, тем звончей.
Ну, как могли понять друг друга мы?
Мы — стрекоза и хмурый муравей!

Он говорил: “Какой забавный бред!
От печки до порога — женский путь!..”
Мой почвовед, мой милый почвовед,
Простишь ли ты меня когда-нибудь?

Я этот путь с годами обжила...
Ах, кабы раньше, кабы раньше знать!
Я б виноватой тучкой притекла
К земле, какую нам не выбирать.

Пропела жизнь — такие-то дела.
Немного сумела рассказать.
Судьбой, что в почву намертво вросла,
Способна ль стать рождённая летать?

Я обожаю росные поля
И уважаю грозные леса...
Для бренности сгодится и земля,
Но почва для поэта — небеса.

Пусть этот мой неукротимый бред
Когда-нибудь в земной заляжет пласт.
И новый в жизнь влюблённый почвовед
За все мои терзания воздаст.

* * *

Пускай меня зовут последней стервой,
В пример мне ставят бабушку Ягу,
Но всё равно я буду только первой,
Ведь быть второй я просто не могу.

Вот так — и только так! — надменно мнилось
Мне в молодом запальчивом бреду.
Но если вправду предсказанье сбылось,
За свой успех отвечу я в аду.

Простите, нерождённые сыночки!
И вы простите, гневные мужья,
Что за предощущенье главной строчки
И жизнь, и душу заложила я.

За то, что мне всегда казалось мало
Любви земной и радостей земных...
Но строчка-дочка тайно вызревала
Под певчим сердцем, воплощаясь в стих.

Она ревниво всю меня хотела —
Чтоб ею лишь дышала и жила...
Вот с губ вспорхнула, в небо улетела.
Ну а меня с собой не позвала.

* * *

Спеша из ниоткуда в никуда
И увозя с собой чужие жданки,
Встречаются ночные поезда
На Богом позабытом полустанке.

Два фирменных, два скорых, вдаль спешат.
И встретятся ль ещё на свете белом?
Лишь две минутки рядом постоят
Под семафорным бдительным прицелом.

Покуда пассажиры крепко спят,
Наговорившись и напившись чаю,
Ночные поезда стрелой летят,
И время, и пространство побеждая.

Я выйду в тамбур, молча закурю.
И задохнусь от приступа бессилья.
Вот так однажды и любовь мою
И время, и пространство победили!

Прижмусь к стеклу разгорячённым лбом
У сумрачной эпохи на излёте.
И взгляд, что до озноба мне знаком,
Схвачу в окне вагона, что напротив.

Сорвётся с губ произвольный вскрик,
Сигналом тепловоза заглушаем...
И тронутся составы в этот миг,
И мы навек друг друга потеряем...

И заметёт мой путь усталый снег
На роковом последнем повороте,
В пространстве русском растворясь навек
У сумрачной эпохи на излёте.

* * *

С южным ветром встречается огненный ветер востока
И, обнявшись, идут колобродить в окрестных лугах.
Растревожат и разбередят молодую осоку
И заснут у задумчивой ивы в зелёных кудрях.

Убаюкает их, приголубит печальная ива,
Хоть никто из двоих ей не сужен, не нужен, не мил...
Но легко ли одной коротать бабий век у обрыва,
Вспоминая Борея, который недолго любил?..

Не ему ли так буйно влюблённая ива махала ветвями,
Раскрылится мечтая, законы природы поправ?..
Окликаема с горних высот отлетающими журавлями,
Корень свой прокляла, но смирить не сумела свой нрав.

С той поры не пленяется ива дыханьем далёкой Тавриды
И гортанным распевом восточных ветров... Ей милей
Ледяное лобзанье посланца суровой Арктиды
И венчальный убор, что сулил ей, расщедрясь, Борей.

Посулил и забыл, и умчался далече до срока
Обряжать в подвенечное платье просторы земли...
Плачет старая ива.
Грустит молодая осока.
С южным ветром в обнимку
Собираются в путь журавли.

МАРИНА СТРУКОВА

НА РУССКОМ ЛИХОМ ПОРУБЕЖЬЕ

(О поэзии Дианы Кан)

* * *

Что связывает с Родиной? Вера, близкие люди, свой дом и клочок земли. Без этих личностных связей Родина становится для человека абстракцией, набором лозунгов, звенящих в пустоте, территорией в кайме границ. Поэзия Дианы Кан наполнена живыми связями с народом и государством Российским. Развал Советского Союза, отъезд из Средней Азии – всё это были потери того пространства, которое человек осознаёт как взрастившее, сформировавшее его как личность. Она начала писать стихи, ностальгируя по Востоку, постепенно осознавая себя поэтессой степного, казачьего края России.

*На Родину, которая до срока
Сказала мне: “Вот Бог, а вот — порог!..”
На Родину, которой одиноко,
Спешу я, под собой не чуя ног.*

Мы наблюдаем обновление самоидентификации поэтессы, слышим её слова: “... наш народ, наш казачий народ”, а ведь мог быть и иной выбор – Диана Кан продолжала бы воспевать Восток. “Я черпаю вдохновение в своем азиатском детстве. Когда мне плохо, вспоминаю наш двор, огромную луну и согдианские – почти экваториальные! – огромные звёзды, деревья с их буйной листвой на фоне старинной заброшенной православной церкви, что стояла возле нашего дома. Я очень любила приходить туда, подолгу стояла под куполом. Там была совершенно особая атмосфера, я явственно слышала там музыку. И когда я пишу стихотворение, начинаю слышать эту музыку...”. Восточное начало было осмыслено, озвучено и преодолено. Азиатское принесено в жертву славянскому: “О, Согдиана, родина моя! / Я руку протяну, а ты отпрянешь. / И острие дамасского копья, / Обороняясь, в грудь мою направишь. / Но не спасёт усталый бог огня / Тебя, коль в нём еще остался разум, / Ни от стихов моих, ни от меня, / Ни от моих потомков сероглазых”. Но оно было и осталось в основе первых песенных прозрений и восторгов.

*Пятый день я сама не своя.
Пятый день дует ветер с востока.*

*И шумят за окном тополя,
и плоды наливаются соком.*

*И — щемлящая жалость и грусть
к тем, когда-то покинутым, людям...
И надежда на то, что — вернусь!
И уверенность — встречи не будет...*

Евразийство, модное ныне, для Дианы естественно. И на мой взгляд, ранние стихи, где сильнее память о Востоке, — наиболее страстные и прочувствованные автором. Не могу не процитировать полностью один из лучших её текстов:

* * *

*Мне в грудь вошла парфянская стрела
И в полнолуние розой расцвела.
И заполошный майский соловей
Запел над розой о любви моей.*

*Пока цветёт стрела в груди моей,
Плачь обо мне, согдийский соловей!*

Соловей согдийский, стрела парфянская, но страна, о которой плач, читателем воспринимается как Россия. Решающую роль в этом выборе главной поэтической темы, думается, сыграло православное вероисповедание:

*С тобой не страшно на костер и в прорубь...
Ты — СЛОВО, возводящее на крест —
Две тыщи лет сквозь мрак летящий голубь
Или врага разящий Божий перст?*

Но восточное уступило, на мой взгляд, не просто всеобщей русскости, а казачеству, этой нации-касте наших степных кшатриев. Казачья тема в российской поэзии представлена не широко. Есть только несколько поэтов, которых можно назвать казачьими. Тем интереснее видение казачества Дианой Кан. В её стихах разбросано много примет небезразличия к своим казачьим истокам вопреки “неказачьему имени” — поверье про праматерь яицких казаков бабушку Гугниху, за которую те всегда пьют первый тост. Воспоминание о Табынской иконе Божьей матери, унесённой в изгнание казаками атамана Дутова, “казацкая фуражка”, “есаульская шашка”, “казацья вольная степь”, образы героев, готовых защищать рубежи: “Покидаю родительский дом, / Мать родную, жену молодую... / Раздели со мной, батюшка-Дон, / Закордонную чару хмельную!” “Тогда хоть ты, чужда добру и злу, Луна (сиречь античная Диана), Взойди на небо, разгоняя мглу, Казачьим волчьим солнцем окаянным!” И, конечно, мне запомнилось: “Глядит с портрета — плакать не велит! — Мой дед-казак Андрей Степаныч Струков”...

Диане близки характеры мятежные, разгульные. Лихие витязи и удалые разбойнички, ищущие правду с оружием в руках, а не благонамеренные осторожные обыватели.

Жительница раздольного степного края, она уловила вольный дух русского порубежья, древней Засечной черты, где привычна опасность и готовность отразить её, где и сам народ порой восставал против ига власти. И пусть прежние угрозы ушли в былое, появились иные, более изощрённые. Идёт война духовная...

*...От Стеньки до Емельки Пугачева
в разбойных песнях грусть-тоску беречь...
Да не осудит таковое слово
Принесший нам с небес не мир, но — меч!*

*Среди спаленных удалю раздолий,
промеж идущих с тесаками в ночь
презрен, кто не до пугачевской ВОЛИ,
а лишь до кладов Разина охоч!*

Время личное и время историческое перекликаются и вновь расходятся в стихах Дианы Кан. Она внимательна к его приметам. Тема уходящей юности, тема перемен в обществе. Что может успеть совершить человек за свою жизнь, что зависит от него в период присутствия на этой земле и в этом государстве? Диана требовательна к себе и к людям, она провоцирует, вызывает читателя из марева апатии, требует честной оценки реалий. Это поэзия действия – резкого жеста, решительного шага, настоящего дела, которыми выражаются любовь или неприязнь: “Стою, озирая родные просторы, / И с Богом беседу веду: / – О, дай же мне, Господи, точку опоры – / Что перевернуть, я найду!”

У Дианы много изысканных сравнений и образов: и живого дыхания красенская роза, и льняная вьюга, которую можно, как оренбургский платок, протянуть через кольцо, и ледяная империя русских просторов. Ну разве не доставляет читателю эстетическое наслаждение такая картина: “Здесь сугробы, как волны Босфора, / и кровавая в небе луна. / И ознобным восторгом простора / оренбургская полночь полна. / Закипают лазурные слезы / на глазах, устремленных к луне. / И цветут белоснежные розы / на моем индевелом окне”. Банальная рифма “розы – слёзы” вдруг возвращает себе свежее снежное звучание, словно была найдена впервые. Поэт, чуткий к слову, может так подобрать образы и созвучия, что будет всё, как внове. “Зимние” стихи Дианы особенно богаты такими жемчужинами: “Да, это мы – стрибожьи внуки-ветры, вернувшиеся из гиперборей, впитавшие шальные километры, медвежий рев арктических морей”. Какая мощь, шум волн и грохот прибоя подступают от чередования букв “ш”, “г”, “р”, прорываются в последней строке, являя нам ледяную стихию! Зимняя тема в поэзии Дианы Кан ещё ждёт своих исследователей-критиков. Как и перекличка её стихов со стихами мужа – Евгения Семичева, диалог двух поэтов, где и страсть, и спор, и ревность, рознь и единство двух ярких индивидуальностей... – целая гамма сложных чувств.

Для поэта его имя и фамилия зачастую становятся поводом для расшифровки собственного характера, судьбы. Помните цветаевское “... мне имя – Марина, / я брэнная пена морская... Сквозь каждое сердце, / сквозь каждые сети / Пробьется мое своеволие”. И своему имени поэтесса объяснимо уделила внимание, Диана – богиня Луны, богиня трёх дорог – это имя толковалось как знак тройной власти: на небе, на земле и под землёй: Загадочное: “Я, пустившая по миру имя, / многоликой подобна луне...”; сетующее: “... Печальная луна / – Дианочка-Диана, / замужняя жена. / Нам, человечьим жёнам, / Господь наш попустил / быть светом отражённым / неласковых светил”; вызывающее: “Строптивая, как правда, поэтесса, / Которую зовут Диана Кан”; задумчивое: “Он все твердит: “Вы нынче, ну и ну, / похожи на озябшую луну / с полотен несравненного Россо...”; философское “Отрешённый зов луны-Дианы / Пересилил солнечный привет?...” ... Соответствует это имя и Артемиде-охотнице. В римских провинциях под именем Дианы почитали местных духов – “хозяек леса”. И странствия, и одушевленная природа присутствуют в её поэзии, словно эхо этих древних значений:

“По камням, по стерне и по болотинам, / По угольям изошедших светом звёзд / – Неужели это мною было пройдено / Тьмы и тьмы непроходимых русских вёрст? / Мимо тучных заливных лугов некошенных, / Мимо вскачь и вдаль несущихся веков... / Неужели это мною было сношено / Ажно десять пар несносных башмаков?”

Корейская фамилия тоже зазвучала символично, открыв своё значение: “Испив из речки, восклицали: “Кан!..”, / Что означало “кровь” на их наречье. / И каплей крови прорастал тюльпан / – Свидетель евразийской страшной сечи. / А рядом, скорбной розни вопреки, / Проклятой розни – тюркской и славянской, / На берегу сибирской Кан-реки / Рос в небо город, наречённый Канском”.

В каждом уголке мира свои мифы и свои песни. Степь, пустыня, горы, мегаполисы и селенья – эргегоры этих мест влияют на авторов независимо от того, какой стиль они используют. Ландшафт малой родины, его смысловая

насыщенность и символика – местные предания, природные особенности, названия городов и рек создают неповторимый колорит каждого края, который отражается в творчестве. Это внимание к природе и духу окружающих пространств определяется термином “геопоэтика”, как и тот пейзаж, что пишется автором не с натуры, а создаётся с нуля – сказочно-мифологический ли, абстрактно-урбанистический... Интересно, что в работах Дианы Кан меньше людей, чем оживленных её фантазией, очеловеченных рек и городов, с которыми её лирическая героиня общается. Мир её скорее былинный, где можно взывать к родным просторам, и они откликнутся: “О том, что жизнь не оказалась гладью / И что любовь земная так горька, / Рыдала я над волжской быстрядью: /”Прими обратно, матушка-река!..” “Не топиться, а родниться / С Волгой-матушкой спешу!..”, “Молчанью учусь у пустыни, / А пенью у Волги-реки. / Ей сердце вручила навеки / Своё – не за стать, не за прыть. / За то, что строптивые реки / Умеет она приручить”. И как в Венеции венчались с морем, “Ты, Урал-Яик, в глубине таишь / Дар венчальный мой / – перстень яшмовый. / Ты его храни, сквозь него теки. / Разлучают нас – зря стараются!”.

В поэзии Дианы Кан дышит, меняется, радует человека русская природа в своём бесконечном многообразии. Оттеняет и подчёркивает идеи и настроения. Чувственно-звуковая палитра текстов напоминает яркие краски малявинского хоровода, узорочье билибинских иллюстраций, былинный размах васнецовских полотен. А здесь сочетание красок природы периховское:

*Ликует Анталия. Нежится Ницца...
И только у нас в безрассудстве своём
Закатное небо меж туч кровянится,
И месяц серпом проступает на нём.*

*Есть галльское небо в изящном плюмаже
Несущихся за горизонт облаков.
Есть гуннское — цвета мерцающей сажы,
Под чьей паранджой скрыта поступь веков.*

*Античное небо, какому не внове
Пить воду с лица средиземных морей...
И — скифское — цвета запёкшейся крови,
Закатное небо Отчизны моей.*

А что-то напоминает японскую живопись с резкими штрихами тушью на туманном фоне: “Сбежавшая с картины Хокусаи / (Да так, что ветер взвизгнул за спиною!), / Я в русских несуразных снах витаю, / И дым печной клубится надо мною”.

Диана Кан – талантливая переводчица. Для этого занятия нужна не только хорошая техника стихосложения, но и способность ощутить музыку чужого поэтического космоса, уловить его потаённые токи, передать читателю. Диана перевела множество стихов тувинской поэтессы Лидии Иргит, вложила туда часть души, поэтому сначала мне показалось, что стихи эти её собственные, и только гадала, когда Диана могла жить в Туве? “Монгун-Тайга, я женщина-скала. Твоим высоким скалам я сестра” – перекликается с образом Дианы Кан: “Пусть знает за плечом моим страна, что я – её Китайская стена”. Но образ этот глубже “сестры скал” Лидии Иргит, ибо точнее раскрывает судьбу человека в соотношении с судьбой страны.

Блок, любимый поэт Дианы Кан, когда-то писал: “Стоит передо мной моя тема, тема о России. Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь”. И для Дианы эта тема – главная, любимая: “...Россия – странная страна... / В трудах земных измаясь, / по небу странствует она, / о звезды спотыкаясь”. “Самолучшее в мире богатство – Родимая матушка-Русь!”, “никто на Руси не забыт, И ничто на Руси не забыто!”, “Всесильная, словно пароль, / Исконная песня России”, “Спит Россия... Россия устала. / Отдохни, чтоб проснуться – собой!”, “Вдали от многолюдных перекрестков / постигла я на стылых сквозняках / кровавый привкус русского вопроса / на опаленных временем губах”...

Но в гражданской лирике Диана не повторяет вечный мотив сонма плакальчиков по униженной врагами стране. В её стихах упрямство и вызов, уп-

рѣк и победный гимн сильного человека, уверенного в том, что правда за ним и его Отечеством. Образы воинов, богатырей повсюду в стихах, как идеал и лучшее, что есть у народа. И сама она воин, но и прекрасная женщина, любящая своего героя.

В лучших текстах Дианы Кан присутствует та смысловая целостность, которая создаёт эффект достоверности, вызывает у читателя понимание и сопереживание. А присутствие тем священных, сакральных – смерти, бога, крови – выводит их за пределы повседневности.

*К священному прикиши изголовью,
к отверстой ране припадая всласть,
упейтесь золотой славянской кровью,
что хлещет вам в оскаленную пасть.*

*Удавка — ересь чёрная — змеится.
Скорбят берестяные письма.
Георгия победная десница
с карающим копьём занесена.*

*Покуда медлит, наклонившись низко,
калёное имперское копье,
вампируйте, исчадья василиска,
превознося ничтожество своё!*

Народ – это сплав индивидуальностей, чьи портреты работы Дианы Кан реалистичны и отличаются глубоким психологизмом, ненавязчиво-тёплым колоритом красок. Хотя есть и несколько жестких ироничных характеристик для оппонентов. Но чаще она доброжелательно-вдумчиво всматривается в лица своих героев и их внутренний мир. Юная ли это принцесса Фике, ощутившая свою власть, или удалой атаман Бубенец, девочка-узбечка Тульганой, угощающая гостью, или русская девочка, которая на полустанке раздаривает цветы вместо того, чтобы продавать.

...Стихия, укрощённая поэтическим даром, превращается в стихи, но и сами они пробуждают незримые энергии в душе читателя, заставляя сильнее прочувствовать личное отношение к миру, вере и цели.

ВЛАДИМИР ГОФМАН

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО ЗА МОРЕМ

РАССКАЗ

Солнце ещё не взошло, когда полковник спустился к морю. Он каждый день по утрам приходил сюда смотреть, как восходит солнце. И почти всегда с ним был мальчик. Они садились на остывшие за ночь камни и молча наблюдали восход. У ног тихо плескалось море.

Сначала край солнца показывался над горой за бухтой, потом появлялся весь диск — красный, ещё не яркий, — он двигался, будто кто-то невидимый вытягивал его из-за горизонта. Казалось, что сейчас он ударится о колокольню католического собора и остановится, но огненный шар плыл дальше и, наконец, выкатывался в чистое небо, зажигал черепичные крыши домов, прятавшихся в соснах, рассыпал блики по водной глади, быстро раскаляясь до белого цвета, так что на него нельзя уже было смотреть. Тогда они уходили.

— От Земли до Солнца — сто пятьдесят миллионов километров, — сказал мальчик.

Полковник усмехнулся. Его давно уже не удивляла эрудиция внука в некоторых совершенно неожиданных вопросах.

— Может быть, ты назовешь спутники Марса? — в шутку спросил он.

— Фобос и Деймос, — не задумываясь, ответил мальчик.

— Откуда ты знаешь это?

ГОФМАН Владимир Николаевич (протоиерей) родился в 1953 году в г. Городце Нижегородской области. Окончил историко-филологический факультет Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского и Московскую Духовную семинарию. Долго работал журналистом. Сейчас — священник Нижегородской епархии Русской Православной Церкви. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

- У меня есть книга, там всё про нашу Вселенную написано.
- Эх ты, *маленький принц*! — полковник легонько щёлкнул его по носу.
- Кто это — маленький принц? — спросил мальчик.
- А-а, вот и не знаешь!
- Не знаю.
- Это такой... инопланетянин.
- С какой планеты?
- У него была своя планета. Я тебе как-нибудь расскажу.

Мальчик кивнул.

Они поднялись по дороге до сосновой рощи, где располагались теннисные корты и площадки для мини-гольфа.

- Подожди, — сказал полковник. — Давай немного постоим.

Он отдышался, взял внука за руку.

— В созвездии Змеи учёные нашли звезду-алмаз, — выдал внук новую порцию знаний.

- Вот как?

— Угу. Вся звезда — алмаз. Представляешь?

- И тебе интересно?

— Что?

— Ну, вот это всё — про звёзды?

— Да.

— А что означают имена Фобос и Деймос, ты знаешь?

На минуту мальчик задумался.

— Страх и Ужас — вот что они значат.

— А почему?

— Не знаю, — признался мальчик.

— Когда-то древние греки верили в разных богов...

— Я знаю подвиги Геракла!

— Ну, вот. Бога войны звали Арес. У него было два сына — Фобос и Деймос, Страх и Ужас. Они всегда сопровождали его, — полковник замолчал. — Война всегда — страх и ужас...

На миг перед глазами полковника мелькнуло распростёртое на земле тело прапорщика Гусейнова с вбитым в открытый рот колом. Мутно-коричневый арык и стрелы камыша за белыми взгорками. Старик-душман, в синей рубахе ниже колен и с итальянским автоматом в руке кричит из-за дувала:

— Командор, инджи био!¹

Моджахеды всех русских офицеров называли командорами. Ну, живым-то я к тебе не выйду! Пули взбивают песок фонтанчиками, глухо ударяют в мёртвое тело старлея Малышева...

Усилием воли он отогнал воспоминание. Страх и ужас. Это точно.

Мальчик слушал, не перебивая, что уже было редкостью. Полковник продолжал:

— В древности люди думали, что всем управляют боги — бог войны, бог ветра, бог моря...

И он ещё долго по дороге в отель рассказывал внуку про олимпийских богов.

У полковника с мальчиком было всего десять дней. Немного. Но и немало. С какой стороны поглядеть. Время — понятие относительное. Учёные утверждают, что в субатомном мире оно вообще идёт назад. К счастью, а может быть, и к несчастью, мы живём в другом мире. У нас время идёт вперёд, причём чем дальше, тем быстрее. В детстве день тянется как год, а в старости — год, как день.

Врачи запретили полковнику путешествия — ишемическая болезнь сердца в стадии обострения, опасность инфаркта миокарда. К тому же подходила очередь на шунтирование, и зав. отделением кардиоцентра, старый знакомый полковника, строго-настрого наказал ему отложить поездку. Но отложить было нельзя. Об этом не знал зав. отделением, об этом знал полковник. И мальчик. Он ещё с зимы готовился к поездке, вернее, к полёту — три

¹ Инджи био! — Иди сюда! (фарси).

с половиной часа на “Боинге 737”. Полковник не мог обмануть внука. Детей нельзя обманывать. Он помнил, как в соседнем доме, когда они с женой и сыном жили в военном городке, выбросилась из окна четырнадцатилетняя девочка, которой отец не купил обещанный магнитофон. Кроме того, полковник с детства был приучен держать слово. Врачи же, по его убеждению, всегда преувеличивают опасность, да и не всё ли им равно, когда он ляжет на операцию? А если уж на то пошло, так им-то он слова не давал!

Дед и внук были друзьями. У деда друзей-ровесников уже не было, а у внука — ещё не было. Старший понимал, что это, в любом случае, ненадолго, и потому ценил то, что имел, а младший об этом просто не думал. Если бы мальчик был как все, возможно, полковник и отложил поездку. В конце концов, он сумел бы объяснить внуку, почему она временно отменяется. Но мальчик был другой, он не был как все. Врачи это называют “синдромом Аспергера”, проще говоря, лёгкая форма аутизма. Может быть, в медицине она и считается лёгкой и предполагает пусть запоздалое развитие, но высокий интеллект. Но для близких ребенка это, разумеется, слабое утешение. Полковник не хотел верить, что его внук развивается медленнее, чем другие дети, но всё же он не был слепым и прекрасно видел, что мальчик “другой”. Тем не менее, он вызвал бы на дуэль любого, кто посмел бы назвать его внука *дурачком*.

И вот старый с малым улетели к синему морю. Далеко-далеко. Полковник даже мобильник не взял с собой. Он вообще не любил сотовую связь, которая, как считал полковник, ограничивает свободу человека. А баллончик с нитромитом пришлось прихватить. От нитроглицерина невыносимо болела голова, спрей же действовал намного мягче. Пользоваться им посоветовал тот же приятель, зав. отделением из кардиоцентра.

— Ладно, — сказал он на прощанье. — Всё равно тебя не удержать, — и сунул в карман полковнику баллончик. — Когда прижмёт, брызгай под язык. И помни — твой мотор изнашивается и нуждается в капитальном ремонте. Так что веди себя соответственно.

— Как вернусь, сразу к тебе в сервис! — полковник пожал доктору руку.

Сначала он обходился без нитромита. После самолета боли в груди возобновились, а ночью не хватало воздуха, и полковнику казалось, что во сне он забывает дышать. Теперь он пользовался баллончиком пять-шесть раз за день — примерно через каждые два часа. Этого хватало. От активного солнца спасали сосны, а если он купался, то далеко не заплывал. Никаких физических нагрузок. Кроме, пожалуй, того случая с надувным матрацем.

Стояла середина августа, но на пляжах Веруделы было немногочленно. Во-первых, пляжей здесь было с избытком — весь полуостров и близлежащие острова были приспособлены для отдыха — сплошной курорт. Во-вторых, каменистый берег не давал такого комфорта, как пески или мелкая галька, поэтому молодёжь выбирала другие места для отдыха. Так думал полковник, сидя в тени под соснами недалеко от отеля *Brioni*, где они с внуком стали на постой, и наблюдая, как мальчик плавает возле скал в поисках крошечных крабов или тёмно-фиолетовых морских ежей, которых на каменистом дне залива было великое множество, что, между прочим, причиняло купающимся массу неудобств.

Матрац был ярко-красным. На нём плавала девочка лет десяти, приехавшая из Германии, как определил полковник по обрывкам речи, доносившимся до него с пляжа, где на пластмассовых лежаках разместились большая семья. Он видел, как ветер подхватил матрац и быстро понёс его в море. В мгновение ока он был уже возле буйков.

Пока родители успокаивали плачущую дочку, не обращая внимания на уплывающий матрац, к полковнику подбежал мальчик.

— Дедушка, догони! — крикнул он.

И полковник поплыл вдогонку за матрацем. А если не поплывешь, то как тогда объяснить мальчику, что мужчина должен поступать по-мужски? Сказать-то, конечно, можно, да что толку? А в груди жгло, и нужно было брызнуть аэрозоль под язык, прежде чем плыть. Но он не привык раздумывать, он привык действовать.

— Данке шён, данке шён!¹ — благодарили немцы, а полковник, задыхаясь, думал, как бы поскорее добраться до пляжной сумки, где лежал заветный баллончик.

— Аллес гут!² — по-военному коротко ответил он и улыбнулся белыми губами.

Толстый фатер в майке с надписью *Pula* хотел погладить мальчика по голове, но полковник, зная особенности поведения внука, вовремя отвёл его в сторону, приобняв за плечи, — трогать волосы мальчик не позволял никому. Немец мог неправильно понять реакцию ребёнка.

По дороге в отель было припарковано много автомобилей самых разных марок, каких в России и не увидишь, и мальчику было интересно. О машинах он мог говорить без конца. Полковник говорил: “Завёл шарманку”, — но всё же никогда не прерывал внука, поддерживая разговор. Он немало прочитал про синдром Аспергера и знал, что такая сосредоточенность на каком-нибудь предмете — это один из признаков болезни. Как и уникальная память на даты или ещё что-то, к чему ребёнок проявляет особенный интерес. И усиленная жестикуляция. И неумение лгать. И проблемы общения со сверстниками. Всё это замечал полковник у внука и болезненно переживал за него и за его будущую жизнь. Что у него впереди? Пусть он не станет военным, как дед. Или журналистом, как отец. Но кем он станет?..

— Дедушка, — спросил мальчик, дёргая полковника за указательный палец. — Какую бы ты хотел иметь машину?

Он так и сказал: “Какую бы ты хотел иметь машину”. Полковник вздохнул. Дети говорят иначе. Мальчик правильно выстроил фразу, слишком правильно для восьмилетнего ребенка. И это симптом болезни. Как, собственно, и машины — ещё один “пунктик” мальчика. Он знал про них столько, сколько не знал, наверно, в своё время завгар капитан Дьяченко в батальоне полковника.

— Я хотел бы иметь вертолет! — усмехнулся полковник. Ему вспомнилось, как он летел над весенней тайгой на МИ-8 с перевала Дуссе-Алинь в Чегдомын. Сопки были усеяны цветущим багульником. Это было тридцать пять лет назад. Он был молоденьким лейтенантом: “Вся жизнь впереди, надейся и жди...” Тень вертолета плыла внизу, огромная, похожая на аллигатора. Потом, в Афгане, МИ-8 будут называть “пчёлкой”.

— Нет. Ты не понял, — повторил внук. — Я говорю, на какой из этих машин тебе хотелось бы ездить?

— Я всю жизнь ездил на “уазике”, дружок. Так что теперь мне поздно мечтать о чем-то другом. Коней на переправе не меняют.

— Каких коней?

— Это я к слову, есть такая пословица.

— Почему?

— Потому что можно утонуть. Будешь перебираться посреди реки с одного коня на другого...

— Я не понял, — сказал мальчик. — При чём тут кони?

Он всё понимал буквально. Никаких айсбергов. Нужно было пояснять переносный смысл сказанного.

— Так говорят, когда хотят сказать, что в решающий момент не следует менять свои привычки, планы, людей. Понимаешь? — полковник пожал мальчику руку.

— Да, — ответил тот и побежал к новенькому “ситроену” с номерным знаком Евросоюза — окружностью из двенадцати золотых звезд на голубой полоске.

Полковник потёр грудь. Сердцу там не хватало места.

Такие дела. Наверно, *маленький принц* был аутистом. И рядовой Горюнов. Он тоже всё понимал буквально. Когда пьяный прапорщик Спивак добавил к обращению “рядовой” обычное для него “...твою мать!”, Горюнов,

¹ Спасибо, спасибо (нем.).

² Всё хорошо (нем.).

не раздумывая, врезал ему в челюсть. Парень был с виду не Илья Муромец, но у прапора случился двойной перелом челюсти. С одного удара. Дело могло обернуться для солдата плохо, но он был сапёром минно-подрывного взвода, и полковник, а тогда лейтенант, вступился за него перед комбатом. Он объяснил, что рядовой буквально понял прапорщика и... не сдержался. Комбат, старый служака, много чего повидавший на своём веку, почесал затылок, крикнул и сказал:

— Орёлики! Не сдержался он!.. Да-а... Оно, конечно, так... случается... А и поделом этому куску-раздолбаю!¹ Но! — он строго поглядел на командира взвода из-под очков, чудом державшихся на кончике солидного командирского носа. — Но! На “губе”² он все-таки посидит. Буквально. Понял, лейтенант?!

— Так точно! — бодро ответил тот.

Такой аутизм был по душе полковнику. И он не стал бы возражать, если бы его внук так же буквально понимал оскорбление в адрес матери и буквально на него реагировал, то есть давал по морде всякому, кому следовало. А в жизни ему встретится немало таких, кому следует дать по морде. В этом полковник был уверен. Потому что знал жизнь не по книжкам и телесериалам. Ему приходилось применять силу, приходилось в Афганистане и на Кавказе стрелять в людей, но он был кадровым военным, он делал то, что требовал от него долг. Потому что понимал свой долг буквально. И он не сбегал из армии, когда зашатались основы, когда страна, защитником которой он служил, оставила его, как оставила когда-то жена. Полковник не держал обиды ни на ту, ни на другую.

*Россия нас не жалует ни славой, ни рублём,
Но мы её последние солдаты...³*

“Аты-баты, аты-баты...” Хорошая песня. И жизнь прошла. И вместо спирта в глотку — нитромит под язык... Время жить и время умирать...

— Жарко — не холодно, — сказал полковник. — Жару перетерпеть можно.

Он достал из сумки баллончик с аэрозолем, брызнул под язык. Боль в груди почти сразу отпустила.

— “...А летом лучше, чем зимой”⁴, — пропел он и объяснил внуку: — Есть такая песня. Хорошая песня. На свете много хороших песен.

— Я люблю горячий свинг⁵, — сказал мальчик, снимая очки для плавания. — Это круто.

— Горячий свинг? Может быть, не знаю.

Перед глазами полковника возник замёрзший вагон. Пожалуй, с минусом за тридцать, потому что снаружи — сорок. По Цельсию. Когда они с прапорщиком Гусейновым обходили купе, шаги гулко отдавались в пустоте, а каждое произнесённое слово, казалось, сейчас упадёт на заиндевелый пол, превратившись в кусок льда. Все солдаты были переведены отсюда в соседний вагон. Он, правда, тоже был заморожен, но нач. штаба принял решение, что дружно — не грузно, а всем вместе будет теплее. Решение было правильное, ночь они пережили.

Это случилось на перегоне Новосибирск — Кемерово. Какой дурак догадался в воинский эшелон поставить проводниками двух молоденьких женщин? Не прошло и пары часов, как к ним в купе образовалась негласная очередь из “стариков”. Про отопление проводницы, разумеется, забыли — и без того стало жарко. Ну, и где-то в районе станции Тайга системы трёх вагонов с личным составом оказались замороженными.

Майор Стрельцов, начальник штаба батальона, рвал и метал. Но рвать и метать было поздно. Что он мог сделать? Состав шёл полным ходом, со-

¹ “Кусок” — прапорщик (жарг.).

² Гауптвахта (жарг.).

³ Слова из песни Сергея Трофимова.

⁴ Песня Булата Окуджавы “А мы с тобой, брат, из пехоты...”

⁵ Свинг — танцевальный стиль.

гласно расписанию поездов, следующих по Восточно-Сибирской железной дороге, к месту назначения — через Известковую на Ургал, а то, что в вагонах с людьми температура упала ниже нуля, никого не волновало, кроме тех, кто сидел в этих злосчастных вагонах. Сам же Стрельцов в одном из них и сидел...

Сидел там и он, полковник, а тогда — безусый лейтенант, командир минно-подрывного взвода отдельного железнодорожного батальона особого назначения. Холод был собачий. Солдатские ремни из кожзаменителя ломались пополам. Офицерские были из натуральной кожи.

Сначала солдаты дурачились, пели бодрые строевые песни под гитару, потом они притихли. Все сидели молча, потому что говорить не хотелось, да и что тут скажешь? А замерзшие вагоны с людьми мчались в глухую сибирскую ночь, и колёса без умолку стучали: тики-так, тики-так, тики-так...

В Красноярске меняли вагоны. Проводники-мужчины раздавали кипяток, и все — офицеры и солдаты — долго привыкали к теплу. Жарко — не холодно, привыкнуть можно.

— Завтра мы улетаем, — сказал полковник. — Бросим в море монетку.

— Зачем?

— Есть такое поверье: если хочешь вернуться к морю, брось в воду монетку. Ты хочешь сюда вернуться? — полковник положил руку на плечо внука и посмотрел ему в глаза. Они были синими, как море за его спиной.

— Да, — ответил мальчик. — Хочу. Но ещё я хочу домой.

Полковник кивнул.

— Правильно. Где бы ты ни был, нужно всегда хотеть вернуться домой.

Он посмотрел на море. Одинокий парус застыл в синеве, на грани между небом и водой. Скоро из залива выйдут яхты, и горизонт заполнится парусами. А пока белел один, как в стихотворении Лермонтова.

*Под ним струя — светлей лазури,
Над ним — луч солнца золотой...*

— Видишь парус? — спросил полковник. — Много-много лет назад в эту бухту вошел корабль аргонавтов.

— Кто это — аргонавты?

— Ты ничего не знаешь про золотое руно?

— Нет. А что это такое?

И полковник стал рассказывать мальчику историю Ясона и его легендарного корабля “Арго”.

— Давным-давно в далёкой стране...

— За морем?

— За морем. Страна называлась Колхида, там, в роцце бога войны Ареса хранилось золотое руно. Помнишь, я говорил тебе об Аресе и его сыновьях?

— Страх и Ужас?

— Да. Так вот, золотое руно охранял огнедышащий дракон...

— От кого?

— От похитителей.

— А зачем его нужно было похищать?

Полковник задумался, как бы объяснить ребёнку основу мифа.

— Видишь ли, — сказал он. — У кого было руно, тому сопутствовала во всём удача. Многим хотелось его заполучить. И за этим руном отправились греки на десятивёсельном корабле “Арго”. Капитаном у них был Ясон.

Мальчик слушал, и полковник, вдохновлённый столь редким вниманием внука, продолжал:

— ...Царь Колхиды поставил Ясону задачу: засеять поле зубами дракона, из которых вырастут закованные в броню воины, их нужно было победить — тогда он отдаст золотое руно.

— Ясон победил?

— Ему помогла Медея, дочь царя. Она дала ему мазь, которая была сделана из корней растения, выросшего на крови бога Прометея, прикованного к скале за то, что он принёс людям огонь. Ну, это я расскажу тебе в другой

раз. И вот Ясон намазался этой мазью, стал очень сильным и победил воинов, выросших из зубов дракона. Правда, коварный царь не отдал ему золотое руно.

— Обманул?

— Да. Но Ясон и Медея всё же похитили руно и убежали от царя. По пути домой у них было ещё много приключений. И вот однажды они увидели этот берег.

— Вот этот? — спросил мальчик.

— Именно этот. Аргонавты поставили корабль в бухту и решили здесь отдохнуть, они ведь сильно устали от погони. Легенда говорит, что тут, в Истрии, Ясон потерял золотое руно.

— Значит, оно и сейчас где-то здесь?

— Возможно.

— А если мы его найдём?

— Тогда ветер удачи будет дуть в наши паруса, — усмехнулся полковник и достал спрей.

— А что было с аргонавтами дальше?

— Ну, представь, как стыдно было аргонавтам возвращаться без руна домой, и они остались здесь. Хорваты считают себя их потомками. А другая легенда рассказывает, как они вернулись в Грецию. Ясон женился на Мееде, у них родилось двое детей.

— И всё?

— Всё, — полковник замолчал.

Конечно, это было не всё. Но полковнику не хотелось рассказывать внуку о том, как Медея убила своих детей в отместку за измену Ясона. Не детский сюжет. Узнает в своё время, как оно в жизни бывает. Полковник подумал об ушедшей от него когда-то давно жене, и как она увезла с собой сына, в котором он души не чаял, но тут же отогнал досадную мысль — он не любил вспоминать эту историю.

“Боинг 737” из аэропорта Пулы вылетел точно по расписанию. Полковнику с мальчиком повезло — на этот раз они сидели впереди и не упирались коленками в кресла переднего ряда, да и обзор был в два иллюминатора.

Не успел самолёт оторваться от земли, как полковник почувствовал в груди сухое жжение. Так обычно начинался приступ — сначала жжение, потом боль. Где он, чудодейственный баллончик? Ага, вот он. Сейчас отпустит. Нитромит не помогал. Полковник закрыл глаза. Боль нарастала. Ладно, подумал он, даже если я потеряю сознание, с мальчиком ничего не случится, как-никак самолёт — наша территория, российская. В аэропорту ждут мать и бабушка. Всё будет хорошо. Аллес гут.

— Вам нехорошо? — словно издали донёсся до него голос бортпроводницы.

Полковник открыл глаза. Девушка протягивала ему стакан минеральной воды. Он взял, поставил его на подлокотник кресла.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Всё в порядке.

— Дедушка, — вмешался внук. — У тебя лицо белое-белое!

— А ты хотел бы, чтобы оно было чёрное? — пошутил полковник. — Я же не негр!

— Афроамериканец! — поправил мальчик.

— Тем более!

Улыбнувшись, бортпроводница отошла к другим пассажирам.

— Смотри! — воскликнул мальчик. — Смотри, внизу горы!

— Ты посмотри на горы, — сказал полковник. — А я немного подремлю. Хорошо?

— Ладно, — согласился мальчик и прижался носом к стеклу.

Полковник откинулся на спинку кресла, снова брызнул под язык аэрозоль. Боль всё усиливалась, она разламывала грудь, вызывая чувство неосознанного страха.

Что это я, думал полковник, чего я боюсь? Смерти? Или я не ходил с ней бок о бок? Помнишь минное поле у Калайи-Нау?.. Как, однако, боль-

но! Неужели сердце так может болеть?.. Ведь в нём нет сейчас ни пули, ни осколка?.. Мины были иранского производства, а наставлены густо и бессистемно — так всегда делали моджахеды... Сколько нам лететь? Четыре часа? Продержусь. А мальчика я не обманул, нет. Я обещал ему, что мы полетим к морю... Далеко-далеко... Где вода чистая, а воздух пахнет соснами. Где на волнах качаются белые яхты, где аргonautы потеряли золотое руно...

Что это за звук? Похоже на свист миноискателя в наушниках... Их тогда было семеро в саперно-подрывной группе. Задача: расчистить площадку четыре метра шириной и восемьдесят длиной. С одной стороны — невысокий полуразваленный дувал, с другой — дорога, и за ней — ручей. Поле как поле — серая земля, камни да колочки... “А до смерти — четыре шага...” Рвануло неожиданно. Звуки исчезли. Словно в немом кино он видел, как капитан Назаренко привстаёт на локтях и смотрит на ноги, которых нет. Правую отхватило по колено, а на месте левой торчала ярко-белая кость, и кровь из съёженной брючины хлестала струей. Вот он что-то беззвучно крикнул, ему бросили ремень, он попытался наложить жгут, но руки плохо слушались, и ремень на бедре не затягивался. Это был шок, и капитан действовал, как будто ему не ноги оторвало, а царапнули перочинным ножиком по мизинцу. Откинувшись на спину, он достал шприц из индпакета и воткнул иглу в культю через штанину...

Они напоролись на “итальянку”¹. Полковник ещё не знал тогда, что осколок противопехотки вошёл ему в спину. Он тоже не чувствовал ни боли, ни страха. Просто не мог двинуться с места и смотрел на происходящее словно чужими глазами.

...Что же теперь так больно? Это и есть смерть? Не вовремя. Впрочем, она всегда не вовремя. Но тут-то уж точно. Умереть на высоте девять тысяч метров? Он усмехнулся. Всё бы ничего, терпеть можно, но откуда это томящее чувство, эта боязнь чего-то неотвратимого, подступающего всё ближе и ближе? Страшит не опасность — страшит неизвестность. Кто там, в темноте? Что ждёт тебя за закрытой пока дверью? И вдруг захочется распахнуть эту дверь. Как тогда в Чернобыле, на станции Вильча, когда он оказался среди добровольцев, вызвавшихся поднимать сошедший с рельсов шестиосный вагон с ядерным топливом. Это было рядом с четвёртым реактором, и они знали, что там радиации — выше крыши...

Неожиданно боль отпустила, и полковнику показалось, что он задремал. Потянулись железнодорожные пути — без конца и без края. Насыпь и рельсы, а людей нет — такая тоскливая картина. И ещё звук — будто забивают в шпалу костыль: удар за ударом, удар за ударом — одинокий, нескончаемый и одновременно прерывистый звук в пустом пространстве. Наконец, за холмами заблестела синева реки. Он увидел себя маленьким мальчиком на берегу, с удочкой в руке. Солнце садится за лесом. Тихо-тихо. На воде застыл красный поплавок. Мальчик смотрит на него, смотрит, а поплавок не шелухнётся. Как будто во всём мире нет движения. И время остановилось.

— Пристегните ремни! — услышал полковник сквозь дрему голос проводницы.

Ага, подумал он, значит, идём на посадку! Неужели прошло четыре часа?

— У меня уши закладывает! — пожаловался внук.

— Потерпи, — ответил полковник. — Это недолго. Мы уже прилетели. Всё хорошо. Сейчас увидишь маму. Ты соскучился по ней? Конечно, так и должно быть. Ну, что ты? Открой рот, вот так, а теперь глотни. Лучше? Терпи. Будь мужчиной.

Полковник разжал левую руку, и из неё выпал баллончик. Баллончик лежал на полу у самых ног, но полковнику страшно не хотелось нагиваться, чтобы поднять его.

¹ Противопехотная мина итальянского производства (жарг.).

ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ

ЗДЕСЬ ВСЯКИЙ ЛЕС — САД ГЕФСИМАНСКИЙ

РУССКАЯ ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАННЯЯ ИЗБА

Мне привиделась в тульском заброшенном поле поле
Русская последняя изба
Вся алмазная
Вся золотая
Вся серебряная
Вся лазоревая вся аметистовая
Вся турлучная соломенная вся осмяглая пианая нутряная осипшая
гунявая вся горемычная вся ликующая вся осиянная

Летом вся летающая в облаках пуховых черёмуховых многодалных
Зимой в сугробах звёздных жемчугами ворожащая
Вся топазная жемчужная смарагдовая вся малахитовая яшмовая
Вся материнская вся отчая вся детская вся кормильная вся молочная
вся телячья
Вся аксамитовая бархатная парчовая дубовая сосновая липовая
Вся византийская залётная самшитовая афонская
Вся разудалая святая вся расписная вся лучистая аки павлиний хвост
маслянистая

ЗУЛЬФИКАРОВ Тимур Касимович родился в 1936 году в Душанбе. В 1961 году окончил Литературный институт им. Горького. Автор 20 книг стихов и прозы. В 2009 году вышло собрание сочинений в 7-ми томах. Лауреат премий “Ясная Поляна”, Антона Дельвига.

Аки сто тысяч павлиньих хвостов прельстительная упоительная
Вся медовая пчелиная небесная летучая копна сноп духмяных
медоносов синь васильков луговых мятликов венериных башмачков
нивяников короставников фацелий неизбывных

Ах последняя останняя прощальная
Вся слёзная вся ликующая свято хмельная во поле пустынном
Русская Звезда Ковчег Изба Сруб Скит Келия Монастырёк Часовня
Приют полевого странника русского батюшки Христа Спасителя

Ах деревянная колыбель-зыбка ах домовина ах сосновый саван
смолистый

Ах Изба Птица многорадужная родимая слёзная неутоленная
неупиваемая

Птица

С холомов косогоров древлерусских игоревых ярославных птица
Восходящая заживо во Царствие Небесное изба изба родимица
странница
пустынница

Ах Птица Изба ты из русского разнотравья счита
Ты из русских святых корабельных боров сложена
Взлелеяна молитвенно
Как деревянный сарафан-кумачник царский неизбывный ферязь
императорская древлевизантийская
Господом Творцом свита сплетена пречистая блаженная целительная

Срублена связана воздвигнута сотворена в веках
И крыша Твоя — из золота а стены — из серебра
И летишь куда куда куда

В раю стоят молят ликуют навека такие избы дѣмы города...

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ХРИСТА НА РУСЬ

Здесь ночью бурьян дорастает до звезд,
Здесь жены и дети пьют водку...
Но именно здесь
Пойдёт по водам Иисус Христос,
Отринувши смерть, как лодку...

РУСЬ В ТРАВАХ

Здесь всякий лес — сад Гефсиманский
Здесь всякий холм — Голгофа
Здесь всякая тропинка — Via Dolorosa
Здесь всякая вдова с геранью у окна в заброшенной святой избе
Заплаканная полевая избяная заботливая улыбчивая блаженная
Ивовая Богоматерь

Здесь всякий странник бездомник бесприютник нищий
рваный полевик
Полевой прохожий яблочный медовый Спас Иисус

Здесь всякий старец весь в седилах объятый серебром живым
безмолвник в ветхостном скиту — Бог

Здесь всякая берёза на ветру — грядущий волнующийся Крест...

ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ

Синь синь синь малахитовых парчовых бархатных
аметистовых

небес иерусалимских небес синь синь

Господь лучезарно улыбочиво входит на Белой Ослице в ещё
слепой

Иерусалим

И необъятная неупиваемая вселенская радость как вселенская
синь

небес всех обуяла обуяла

А потом была Голгофа и Крест

И Кровь Кровь Кровь до небес и до звезд

И даже Белая Ослица поседела и на всю Вселенную рыдала...

И даже Ослица рыдала

И мы доселе рыдаем...

НА ДРЕВНЕРИМСКОМ КРЕСТЕ

На Древнеримском Кресте

На Ветхозаветном Гвозде

Доселе течет доселе распят страждет Бог

А ты человек где?..

ЗИМНИЙ СПАС

В русском поле всеметельном замеченном

На Кресте заледенелом

Русский Спас заиндевелый

Улыбается блаженно

И улыбкою вселенской

Разрывает разрушает раздвигает разбивает растопляет

лед с Чела

А окрест на лютых снегах

Среди деревенок мертвых

Лишь курятся лишь дымятся

Лишь слезятся

Лишь четыре лишь следа

След кровавого Каиафы

След дрожащего Пилата

След промозглого Иуды

Да лисий след кремлёвского Шута...

ВЕТЕР РАЯ

Какой-то ветер налетает
Какой-то ветер налетает набегаёт обвивает обнимает навевает

Цветущий персиковый сад
Саманный золотистый дом

И матушка моя в ликующем летящем ослепительно алмазном
осиянном
Осыпанном томительно пленительными персиковыми
лепестками спелом спелом платье многодальнем
Улыбается смиряется улыбочиво теряется туманится

Как зёрнышко в сладчайшем гиссарском янтарно золотистом
колосистом винограде
Но грудь Ея но сосок Ея миндальный алый
Осыпанный едва вздыхающими персиковыми лепестками
Творит дымит клубится жемчужным родильным кормильным
молодильным колыбельным святым млеком первозданным

Какой-то ветер налетает набегаёт обвивает опьяняет
И музыка хрустальных небесных близких звёздных сфер пляед
витаёт
Над каплями молозива первоначального

Я агнец млековый на млековых руках у матушки

А ветер веет весновей волновей а ветер обвивает опьяняет навевает
улаждает улаждает
Такой блаженный ветер веет в жизни лишь однажды

Ветер Рая...

МОИ ЧИТАТЕЛИ

Мои читатели ушли на небо вместе с убиенною страной
Осталась только горсточка божественных внимающих Поэзии
старушек
Так подоженный выгоревший насмерть лес еще колышется
лепечущей
жемчужною золой
Да стайка уцелевшая берёзок ещё вздрагивает еще всхлипывает на
былой опушке...

БОГОРОДИЦА КАЗАНСКАЯ

Богородица Казанская бездонно необъятно на меня глядит
Я гляжу со упованием со трепетом на Богородицу Казанскую

Матушка когда же Ополченье на Москву иуду блудную пойдёт
вскипит
Матушка когда же Минин и Пожарский пробудятся

Богородица Казанская на меня глядит
Я гляжу со упованьем на Богородицу Казанскую

...Сыне Сыне... русский мой...
Что же ты Столетье на Кресте смирен висишь
Что же ты на воров Русь свой пьяный сонный ржавый меч не
воздвигаешь...
Богородица Казанская на нас глядит...

...Я пойду, Я оживу, возглавлю Ополчение
Когда Оно, как реки вешние, вскипит, заговорит...

И Мой бездонный, необъятный Омофор над вами будет Меч и Щит...

ЖИЗНЬ — КИБИТКА КОЧЕВАЯ

...Ах, в холмах яснополянских да в лесах, в дубах икшанских,
Да в ущелиях таджикских, да в варзобских водопадах,
Загуляла-зачудила, полюбила-разлюбила, закипела-отгорела,
заблудилась-закружилась, расплескалась-затерялась,
отпылила-отстучала,
Но ещё не отстрадала, не расшиблась, не распалась,
Как кибитка кочевая,
Или тройка гулевая,
Жизнь цыганская моя...
Жизнь без Бога — сладкий прах...

Ах, прости меня, Христос,
Ах, прости меня, Аллах...

А над русскими лесами
Да над таджикскими горами
Восстаёт священным пламенем
Вифлеемская Звезда

...Ах, Господь! Помилуй мя...
Я едва не опоздал...
Как Волхвы к стопам Христа...

Исполнилось 65 лет давнему автору и другу нашего журнала — поэтессе из Витебска Тамаре Красновой-Гусаченко. Сотрудники редакции сердечно поздравляют Тamarу Ивановну с юбилеем и желают здоровья и творческих удач. В планах журнала публикация статьи о творчестве Т. Красновой-Гусаченко.

Редакция.

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ

Я — ВЕТОЧКА
БЕРЁЗКИ ТАВОЛЖАНСКОЙ

* * *

Духовной жаждою томим...
А. С. Пушкин

Вторую неделю Россию не вижу,
Вторую неделю брожу по Парижу.
С духовною жаждой спешу я скорей
К родимым полям с Елисейских полей.

В России снега ещё бродят по марту,
А здесь расцветают фиалки Монмартра.
Пусть Эйфеля башня в Европе видней —
Но всё же Останкино наше родней.

Брожу одиноко, устало, понуро
С толпою зевак по безмолвному Лувру.
Полотна давно мне знакомы уже,
И всё ж в Третьяковке теплее душе.

МОЛЧАНОВ Владимир Ефимович родился в 1947 году в станице Ильской на Кубани. Детство и школьные годы прошли в селе Новая Таволжанка, что на Белгородчине. Окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет. Автор девяти книг стихотворений, поэм и переводов. Лауреат Всероссийских литературных премий “Прохоровское поле” (2003 г.), имени А. И. Фатьянова “Соловьи, соловьи...”. Секретарь правления Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

Всем радует глаз Триумфальная арка,
А мне же не холодно, да и не жарко.
Мне больно, как вспомню, что русский народ
Без толку толпится у Спасских ворот.

Кому-то ночами восторженно снится
Париж и Марсель, вообще — заграница.
Мне ж снятся: мой дом и родное село,
Где мартовским снегом пути замело.

И всё же, и всё ж говорю я Парижу:
Ты стал мне понятней и чуточку ближе,
Но лишь прикоснусь я к красотам твоим —
Как снова духовною жаждой томим...

* * *

По метрикам я — сын земли кубанской,
А по корням отцовским, по нутру:
Я — веточка берёзки таволжанской,
Сосновая хвоиночка в бору.

Мне не ходить дорогою чужою —
Своя тропинка всё-таки милей.
Где б ни был я — всегда живу душою
На родине, на отчине моей.

Пускай другим ни холодно, ни жарко,
Чья жизнь летит, как по ветру листва.
Ты не суди их строго, Таволжанка,
Иванов тех, не помнящих родства.

Не слушай ты насмешки их и хохот,
Чтоб чистоты своей не замарать.
Хоть без тебя прожить они и смогут,
Но без тебя не смогут умирать...

* * *

Если во что-нибудь я верую,
Если я в жизни куда-то стремлюсь —
Это только в село своё вербное
Со спокойным названием Русь.

Днём и ночью душа озабочена:
Как село там родное живёт?!
Беспокойно стою на обочине,
А дорога стремится вперёд.

А дорога стремится неспрвадная —
В оба глаза гляди да гляди.
Слышу песню — запевы все разные,
А припевы как будто одни.

Всё же верую в лучшее, верное,
Сквозь туманы, сквозь слякоть прорвусь.
Здравствуй, здравствуй, село моё вербное
Со спокойным названием Русь...

РОДНИК

Давным-давно всё это было,
Но вдруг пришло издалека:
Рябина красная рябила
У голубого родника.

И день звенящий шёл на убыль,
А мы притихли оттого,
Что пили воду — губы в губы —
Из отраженья своего.

С годами память не остыла,
Хоть мы расстались навсегда,
Но обжигает с прежней силой
Та родниковая вода.

Когда уже устанет биться
Больное сердце поутру —
Я к роднику приду напиться
И с чистой совестью умру...

* * *

Деревьев озябших увядший наряд...
Наверное, скоро завьюжит.
Лишь солнечно гроздь рябины горят
Решительным вызовом стуже.

Земля остывает, чернеет земля,
Всё ниже и сумрачней небо.
Зелёным огнём полыхают поля,
А тучи — как будто из снега.

И так захотелось мне осень продлить,
Рукой отодвинуть метели.
Я из дому вышел, чтоб птиц проводить,
А птицы уже улетели...

ОСЕНЬЮ

Октябрь уж наступил...
А. С. Пушкин

1

Дыханье октября — всё тяжелей,
Дожди всё чаще землю омывают,
Листву ветра от сумрачных ветвей,
Как будто бы от сердца, отрывают.
Все дольше над рекой туманы спят,
Похожие на сизые папахи,
И холодно становится опять
На лодке плыть под парусом рубахи.
Лицо воды морщинисто, рябит,
Предсказывая будущую старость,
И только кисти алые рябин

Не признают всеобщую усталость.
Они пылают, словно фонари,
В дожде стеклянном, пёстром листопаде,
Нелепы от зари и до зари,
Как будто бы не выключены на день!..

2

Осенний свет за хмурость не вини,
В нём есть накал от внутреннего света,
Который свету женщины сродни,
И дали ему имя — “бабье лето”.
На берегу вечернем — ни души,
И только бор верхушками колышет,
В минуты эти — стой и не дыши,
И вслушивайся, чем природа дышит.
Она, впадая даже в забытьё,
Нам судьбы по-иному освещает,
И ничего, что было бы её
И горше, и светлей, не обещает.
Гори, воспламененная листва,
Как солнца убывающего блики,
Чтобы никто не избежал родства
С твоим огнем, прощальным и великим!..

3

Шуми, шуми, осенняя листва,
Немного дней осталось до кончины.
Ты посмотри, как неба синева
Клин журавлиный вытесняет клином.
Мне дорог этот предзакатный миг,
Он душу мою как бы очищает.
И я за то люблю осенний мир,
Что мне он ничего не обещает.
Не обещает праздничных одежд,
Не обещает платьев обветшалых,
Ни горечи, ни злобы, ни надежд,
Ни дружбы, ни вражды не обещает.
Передо мною тот же самый лес
Рябиновыми гроздьями пылает.
И что с того, что в мире нет чудес?
И что с того, что мир нас забывает?
И что с того, что колкая стерня
Утихшую печаль во мне разбудит?
Всё это есть и было до меня
И так же после, точно так же будет.
И я всегда с надеждою смотрю
На пору увяданья золотую,
Когда деревья пышно октябрю
Прощальную листвою салютуют!..

ПЁТР МАЛЬЦЕВ

ЯМЩИК, НЕ ГОНИ ЛОШАДЕЙ...

РАССКАЗ

После окончания авиационного института я два года служил техником самолёта и выпускал в полёты истребители-бомбардировщики. После увольнения из армии возвратился домой, на хутор Басов, на свою малую родину.

Однажды вместе с отцом перебирали мы стены старого, обмазанного глиной с примесью рубленой соломы скотного сарая и на самой верхней связующей жерди, которую оплетали выпущенные концы орешниковой лещины, обнаружили несколько звонков-погремушек.

Кто из нас в школьные годы с волнением, возникающим у самого сердца, не держал в руках звонок, оповещающий мелодичным звоном своих сверстников о завершении или начале уроков, сохраняя на всю жизнь память о своей первой учительнице, о своей первой любви или о своём беззаботном детстве?

С каким-то неподдельным восторгом вынимал я с внутренней стороны сарая погремки, радуясь совершенству их формы, которая повторяла в своих основных чертах форму церковных колоколов. Строгая, устоявшаяся, построенная на равновеликих соотношениях высоты и диаметра отверстия купола, она создавала впечатление устойчивости и надёжности.

Каждый обнаруженный колокольчик жил своей жизнью, отличаясь от другого высотой тона, силой звука, продолжительностью звучания, но объединяло их одно: звон был мелодичный, в нём существовали ещё и какие-то особые призвуки, придававшие притягательную силу звучанию.

Спустя годы, заинтересовавшись колокольным звоном западноевропейских и модных в то время китайских колокольчиков, я обратил внимание, что на Западе поперечник основания всегда превосходил высоту купола, и звук был резкий, сильный, но почему-то короткий. А китайские были приплюснуты книзу, и поперечник основания ненамного превосходил поперечник верхнего пояса и почти всегда был вдвое меньше высоты колокольчика, а звон был глухой и короткий. Колокольчики, сейчас оказавшиеся в моих руках, отличались изяществом и гармонией своей формы, а их мягкий, нежный, чистый, неповторимый по продолжительности и силе, переливчатый по тембру звон успокаивал и ласкал слух.

Колокольчики были отлиты из меди, а их язычок был выкован из железа. Они были лишены всякого орнамента, и это придавало особенную простоту. На всех по нижнему, расширяющемуся краю были отлиты шуточные витиеватые надписи: “Звону много — веселей дорога”, “Прощай, милая моя, еду в дальние края”, а на самом маленьком бросалась в глаза краткая, незамысловатая, но хорошо запоминающаяся надпись: “Дар Валдая”.

Вряд ли кто из нас в школе, держа в руке такой колокольчик-звонок, читал традиционные надписи на его *юбочке*, хотя на уроке географии многие стояли у карты, висевшей почти в каждом классе чуть ли не во всю стену, и искал на ней родину этих колокольчиков.

Валдай... Здесь на живописных холмах растут по соседству могучие корабельные сосны и стройные тёмно-зелёные ели, белоствольные русские берёзы и трепетные горькие осины. Здесь, в стране голубых озёр, берут своё начало матушка-Волга, великая русская река, и Днепр, которому, по словам Гоголя, нет равной реки в мире. Может, поэтому чистый, светлый Валдай и стал родиной ямщицких поддужных колокольчиков — настоящего русского национального чуда. Так и в песне поётся: “И колокольчик, дар Валдая, // Гремит уныло под дугой”.

Проявляя неподдельное любопытство, я рассматривал *юбочки* найденных колокольчиков с озорными и шутивными надписями, заставляющими о многом задуматься, и мощную, на века отлитую внутри колокольного купола петельку, на которой болтался нелепый язычок и безжалостно бил в самый его край, разнося колокольчиковый звон на многие вёрсты окрест.

Воображение рисовало безбрежную, тревожную холмистую степь, в которой, как в той русской народной песне поётся, замерзал ямщик, и разливающийся над ней звон колокольцев, сопровождающий его в последний, спасительный путь.

*Степь да степь кругом,
Путь далёк лежит,
В той степи глухой
Замерзал ямщик...*

“Чужую похоронку всегда трудно искать, — думал я, держа в руках найденные погремки-колокольчики. — С чьей же благоговейной любовью бережно хранились они от назойливых глаз в застрехе нашего старого скотного сарая?”

Разбуженная бессвязно нахлынувшими воспоминаниями память не давала мне ответа, и лишь голос мамы, неожиданно появившейся на середине нашего широкого двора, привёл меня в чувство.

— Да ведь это же особо чтимые и хранимые моей мамашей (так ласково она называла свою свекровь, мою бабушку Матрёну Ивановну) погремушки, которые она берегла как память о прошлом, о самой светлой полосе её жизни!

И тут я вдруг почувствовал живой интерес к своей находке. Чему не суждено пропасть, то не пропадёт. Нашлась и бабушкина пропажа.

Хранимое в сердце всегда отражается в лице. Я смотрел в мамины вспыхнувшие глаза, которые так хотели рассказать мне, что в жизни всякое бывает, смотря в какую полосу попадёшь.

— Здесь, на хуторе Басове, в семье Тихона, куда попала свекруха, — вспоминала моя мама, — всегда промышляли извозом — почтовой гоньбой на своих лошадях.

Долгими зимними вечерами она вместе со свекровью, моей бабушкой, сидела в старой саманной обветшалой хате подле грубы с полыхавшими и трескучими колотыми дубовыми кругляшами, которые источали сильный, обжигающий жар, на самодельной тёрке лущила снятые с чердака кочаны кукурузы и слушала длинные, волнующие рассказы свекрови про её замужнюю многоцветную, стремительную жизнь. Теперь же, стоя посреди двора и улавливая чутким ухом колокольчиковый звон, она вспоминала те вечерние посиделки, только сейчас по-настоящему осознавая цену пропажи навсе-

гда, казалось бы, уже потерянных ямщицких поддужных колокольчиков, на которые можно было бы и махнуть рукой — это же все равно, что искать вчерашний день или ветра в поле.

— Мой свёкор от природы всем взял, всё было при нём. Ясна сокола всегда видно по полёту: он был и пригож телом, и хорош делом. “Человек живёт век, а его дело — два”, — говаривал он.

И мама, тихо произнеся эти слова, улыбнулась с какой-то затаённой, мягкой гордостью.

— От сказанного до сделанного — большой путь. Тихон по натуре был мужик-огонь, к нему трудно было подобрать ключи. На живого никогда не угодишь, но на него всегда можно было положить. Твой дед был не подлого рода: горячий, но справедливый, у него где гнев был, там и милость. Каков характер, таковы и поступки. Себя в обиду не давал, бил, как молодом ковал. Каждый понимал, что ему на хвост не наступишь. В разношёрстной массе сельчан он был редкой птицей — слугой совести и хозяином воли, всем не чета.

В то время крестьяне, промышлявшие почтовой гоньбой на своих лошадях, освобождались от подушной подати. Твой дед тоже занимался извозом.

— Он правил лошадами с особым шиком, — продолжала мама, — с какой-то ухарской хваткой. Вожжи струной! Двумя центральными управлял средней лошадию по кличке Заветный, а крайними — по одной на каждую пристяжную — Боголепной и Кокеткой.

Любуясь красотой колокольчиков, занятые разговором, мы не заметили, как звякнула щеколда и во двор нашего дома вошла соседка — весёлая старуха Елизавета Ивановна. От маминых воспоминаний она преобразилась — смелое слово всегда поддерживает сердце — и живо вмешалась в разговор:

— Я хорошо помню тех лошадей, они до сих пор ещё мутуются в моих глазах. Коренник от природы был наделён чувственной красотой, он был словно заветный перстенёк: хоть и поношенный, но всегда хорош. В нём текла голубая кровь, и любой хозяин мог позавидовать грации этой лошади. Большой рост, лёгкий наклон спины к переду, тонкая шея, изящная, чуть горбоносая голова, выразительные глаза, негустая шелковистые грива и такой же хвост, исключительная выносливость и способность моментально восстанавливать силы делали его заметным среди других лошадей.

Когда Заветный, серый в яблоках жеребец, резво бежал размашистой рысью с высоким подъёмом ног, казалось, что он парит над землей. Пристяжные — белой масти лошади — легко подчинялись его воле и скакали заедино размеренным галопом, с завёрнутыми в сторону лебедиными шеями. Они ещё однолетками вместе с ним разгуливали на луговом Машечкином выпасе и всегда признавали в нём лидера.

Слушая рассказ мамы и заглянувшей во двор весёлой старушки Елизаветы Ивановны, я внутренне ощущал, что с воскрешением тех далёких, полузабытых, славных воспоминаний я только теперь начинал понимать и отдавать себе отчёт, какого я роду-племени.

— Без отваги человек и портянки не стоит, — продолжала взволнованный разговор старуха-соседка. — В нужный момент Тиша, мой куманёк, мог так прищандорить Кокетку и Боголепную, что пристяжные, закусив удила, грудью разрезали звенящий, ядрёный зимний степной воздух, давая передохнуть добросовестному кореннику, взвалившему на себя основную тяготу.

Но случилось и так, что на разгоне Тихон, управляя резвыми лошадями, слегка привставал, чуть подавшись вперёд, вытянувшись в нитку, и кнутом с залихватским пронзительным свистом стегал по всем трём сразу, и тогда сумасшедшие кони, устремляя головы вперёд в едином порыве, словно ураганный шквалистый ветер, неслись над землёй.

От воспоминаний Елизаветы Ивановны, так льнувших к моему сердцу, мне представилось в ту секунду, что не было, пожалуй, во всём мире силы, способной обуздать стремительный бег удалой русской тройки. Я удивлялся, как просто и ясно она рисовала ретивых коней с распущенной гривой, кото-

рыми лихо управлял мой дед, и мне казалось, что весёлая старуха, изображая лошадей с ражим духом, своим искромётным, неповторимым языком словно кружева плела.

— Заветный, — вспоминала Елизавета Ивановна, — был добронравен, послушен, славился своей покорностью и преданностью хозяину. И было так потому, что ещё годовалым жеребёнком он чувствовал, что хозяин обращался с ним по-доброму, с искренней любовью, прикармливая с рук, и детёныш ластился к нему с ответной любовью.

Тихон приучил своего любимца доверять только ему одному, и когда на Красивском переходе грабитель попытался схватить Заветного под уздцы, то коренник с прерывистым ржанием вгрызся в него с такой силой, что сбросил нападавшего разбойника, выжидавшего под мостом приближения почтовой тройки, прямо в воду.

Ещё с утра старуха-соседка, наверное, была спокойна и бункала, как всегда по дому, а сейчас выбившаяся из-под косынки седая прядка волос выдавала её одушевление рассказом о жизни задушевной подруги Матрёны и Тихона. В непринуждённом, открытом, правдивом рассказе соседки чувствовалось такое внутреннее волнение, что я представил себе ясно и тот Красивский мост, и поворот, где терялся обзор дороги, по которой я недавно проезжал с отцом на мотоцикле.

— Помню, как глупо погибла Кокетка, — продолжала рассказывать Елизавета Ивановна. — После тяжёлой гоньбы Тихон отпустил её на луг, и на неё — потную кобылу — сел пчелиный рой. Лошадь металась вдоль реки, судорожно пытаясь отыскать спасительную пристань, в безнадёжном борении жизни со смертью, но пчёл ничто уже не могло остановить, и сразу несколько десятков пчелиных укусов оказались для пристяжной смертельными.

Последний час лошадь находилась в беспмятстве и прямо на зелёном лугу, звенящем птичьими голосами, тихо умирала у всех на глазах.

Не прерывая беседы мамы с Елизаветой Ивановной, я не пропускал ни одного их слова и при этом совершенно не мог понять, как могли найденные мной сегодня колокольцы рассказать о самой светлой полосе жизни моей бабушки. Не мог понять до тех пор, пока соседка не взяла в руки отложенные в сторону поддужные колокольчики и не повела неторопливый рассказ, такой искренний, что мне показалось, что если бы искренность горела, как огонь, то дрова бы были вдвое дешевле.

— Вот с этими погрелками была связана самая радостная полоса жизни моей подруги, — вспоминала Елизавета Ивановна. — Когда у Тихона зазнобило сердце молодецкое, и он не на шутку задурил — по уши врюхался в Матрёну, — то он каждый раз мимолётно на лихой тройке быстроногих лошадей заскакивал в село Красный Куток.

И я тут же представил себе это село, расположившееся в живописном месте, в красивом уголке у слияния двух рек. Извилистая Готня, засиявшая в своём медленном течении с севера на юг, с часто исчезающим в болотах руслом, с многочисленными подземными ключами, питаюсь к тому же дождями и снегом, лениво пробиралась в густом лозняке. Особый колорит селу с чарующим названием Красный Куток придавала река Локня с Понизовским лугом, с горящим от зноя небом, с шёпотом ив у воды, с тёмным, сонным сосновым бором по левому берегу и храмом, чудом уцелевшим на высоком холме на противоположном берегу реки, где росли дубовые леса, одаривающие путников летней прохладой.

Наша весёлая соседка на мгновение сникла, склонив голову, словно припоминая прошлые события и своей жизни, и снова оживлённо заговорила:

— Когда Тихон сазжал в село, за ним бежали деревенские мальчишки. Визг, писк, звон поддужных колокольцев, скрип санных мёрзлых осинового ползьев, пар, клубами валивший во все стороны из лошадиных фыркающих ноздрей и — на всю улицу всем зазевавшимся прохожим — радостный, богатырский голос потомственного ямщика Тихона: “Посторонись!” Казалось, перепонки в ушах лопнут от такого крика, а твой дед летел по улице, беря её нахрапом, подавая голос на всех перекрёстках, а звонкоголосая слава

Валдая, застывшая в металле ямщицких колокольчиков, олицетворяла удаль и волю русского народа.

Слушая соседку, я рисовал в воображении гоголевскую птицу-тройку, которая во весь дух неслась по бескрайнему, сверкающему искрами снежному раздолью, и уплывали в разные стороны благозвучные переливы колокольчиков, такие привычные уху жителей моего родного, благословенного края.

Разливающийся на многие вёрсты окрест звон поддужных колокольчиков трогал самое крепкое сердце, ведь в нём было родное, близкое, до боли знакомое, захватывающее, щемящее чувство, которое всегда успокаивало и умиротворяло незлобивую, любвеобильную душу русского человека, может быть, и потому, что этот радостный звон возвещал всем нам прописные истины, спасительные и вечные.

Глядя на сияющее лицо старухи с оживлёнными глазами, я представлял, сколько радостных минут было у неё в тот свадебный день, когда вся семья её подруги вслушивалась в звон ямщицких колокольчиков и по их весёлому, мягкому, благодному переливу определяла, насколько счастливой будет жизнь молодых. Меня одолевало страстное желание во что бы то ни стало как можно скорее узнать от свидетельницы тех давних событий, что же было дальше. И Елизавета Ивановна, словно подслушав мои потаённые мысли, с почтительной важностью присела, осмотревшись, на чурбачок, стоявший под стеною старого скотного сарая, и, уверенно обосновавшись на нём в укромном месте, куда не проникало нестерпимо палящее летнее солнце, степенно, размеренно продолжала свой рассказ.

— Свадьбу Тихону и Матрёне играли сразу после Крещения. Матрёне было девятнадцать лет, и она не считалась ещё засидевшейся в девках. В молодости она была хороша собой, глаз не оторвёшь: щёки — как маков цвет, смуглолица, темноглаза, крупная в кости, с тонкими чертами лица настоящей казачки. Хороший товар сам себя хвалит. В предложениях засватать её твоя бабушка не испытывала недостатка; много было хороших, да вот только милого по сердцу ей долго не находилось.

Но всё приходит к тому, кто умеет ждать. Когда Тихон на тройке лошадей, в широкой кошеве подкатил к дому Матрёны, она от неожиданности всплеснула руками, сердцем почуяв, что это её *половина* и по душе, и по плоти, и на удивление всей сбежавшейся родне пролепетала: “За Тихона пойду!”

Мама с благоговейным уважением слушала Елизавету Ивановну. После её рассказа о выборе жениха она оживилась, приосанилась, как будто всё ей было трын-трава, давая понять, что ей тоже была хорошо знакома эта по-молвка.

— Свекруха, — вступила в разговор мама, перебирая в мыслях всю свою прошлую жизнь, — часто вспоминала тот вечер, что проходил в родительском доме, куда приехал Тихон с родней просить её руки: “У вас — товар, у нас — купец”.

Добрая девка в девках не засидится. Девушка в поре — женихи на дворе. Помня, что товар всегда лицом подают, мамаша вышла к гостям разряженная, нарумяненная. Матрёнин отец, не давая сватам от ворот поворот, в очередной раз давая дочери право выбора, говорил: “Гляди, дочка, в очи до брачной ночи, тебе жить-то!” И не услышав от неё отказа, хорошо помня, что между девичьим “нет” и “да” нитку не продёрнешь, дал ей наказ: “Дважды жена, дочка, мила бывает: когда в дом введут и когда вон понесут. Ну, уж если твёрдо решилась, не пытайся угодить всем — не угодишь никому. На грубое слово не сердись, а на ласковое не сдавайся. Поступай днём так, чтобы ночью твой сон был спокоен, а в молодости так, чтобы старость твоя была спокойна. Терпение — пластырь для всех ран”.

И Матрёна, твёрдо помня наказ отца, никогда не отвечала гневом на гнев и этим спасала и себя, и Тихона.

“Понимала ли моя бабушка, — думал я, слушая рассказ мамы, — что суженого-ряженого и на коне не объедешь? Гора с горой не сходится, а река с рекой сливается”.

— Где сватано, там и пропито, — продолжала вспоминать мама, — и в доме стали пропивать невесту. Гости привезли с собой обед: курицу, холодец, бублики. Им отвели почётное место, посадили на лавку в красный угол за первый стол под иконами. Потом привезённую гостями еду со стола убрали и поставили красивые, сладкие яблоки из своего сада. Это означало, что все в доме согласны на брак.

Родственников жениха наряду с мясными блюдами, мёдом и пряниками с конфетами потчевали ещё и приготовленным по своему семейному рецепту тушёным гусем с яблоками. Семья родителей мамы была зажиточной, домовитой.

Мама умолкла, захваченная воспоминаниями. Я же, наблюдая за Елизаветой Ивановной, заметил, что она, дожив до седых волос, по-прежнему не скрывала своего удивления гостеприимством родителей своей подруги, устроивших обильный русский обед, угощавших родственников жениха широкой рукой: красному гостю красный угол.

Смахнув набежавшую от воспоминаний слезу, мама продолжала рассказывать:

— Мамаша стояла со свёкром рука об руку. Зная, что от приветливых слов язык не отсохнет, застенчиво, с волнующей покорностью обращалась она к его отцу “батюшка”, а к матери — “магушка”, хорошо помня мудрые слова, что буря валит дубы, а тростник не может сломать. В её нежно брошенных словах к родным Тихона ощущалось неосознанное светлое чувство: у хорошей жены и плохой муж будет молодцом.

“Воздух словами не наполнишь, и всего не переговоришь, — тихо размышлял я, слушая рассказ мамы. — Поступки всегда говорят громче, чем слова”.

— Просватанная невеста всем нравилась: вежливость ничего не стоит, а даёт много. Все родные, приехавшие за тридевять земель, с замиранием сердца слушали, с каким душевным волнением она говорила. Вот уж точно: слово молвит, словно соловей поёт.

А Тихон стоял рядом и объяснял, кто из его родни подходил к ней знакомиться. Матрёна нутром чувствовала его сильную душевную поддержку, словно они исполняли вместе общее дело и имели *одно тело и один дух*, и многие, впервые видевшие их вместе, восторженно восклицали: “По товару и купец. Дорогому камню золотая оправка”. Матрёна была красива Тихоном, а Тихон — Матрёной.

Потом мамаша одаривала родственников жениха рубахами и отрезными платками, а свёкра — рубахой, сшитой своими руками. Может, поэтому он хорошо и принял её в доме.

После помолвки мамашина родня: отец, мать, брат и сестра — поехали в дом жениха.

И я представил себе незнакомый бабушке Матрёне Ивановне путь, со всеми родными поехавшей на дальний хутор, куда и добираться-то было не ближний свет. Но что поделаешь — к милому и семь верст не околица; любовь слепа: хоть по уши плыть, а у милого быть. Долго стояла у меня перед глазами и подаренная моему прадеду от всей души, скроенная руками бабушки расшитая рубаха. “Всякое даяние — благо: кого люблю, тому и дарю”, — думал я. Видно, очень хотела моя бабушка передать своё горячее, чистое, нежное чувство к Тихону, моему деду. Чувство, когда сердце трепещет от радости и нетерпения, от страха и жалости.

— Больно сугробиста была дорога, — продолжала мама. — Пойма реки Готни была завалена буграми снега, а на деревьях, стоявших по обочинам дороги по всему дугу, замерзавшая в воздухе сырость висела белым густым пушком инея на смыкавшихся кронах. Но всякая дорога вдвоём всегда веселее; первому — ягода краснее, последнему — тропа глаже.

— Чего меньше всего ждёшь, то чаще всего и случается, — как вытекающее следствие из своего рассуждения заключила мама. — Свекрухе моей, когда она с родными ещё только въехала на резвых лошадях на необозримый простор Машечкина луга, на сверкающем искрами снегу неожиданно бросилась в глаза богатая усадьба Тихона. Большой дубовый дом со всеми служба-

ми поднимался на мысе, выдвинувшемся горою между правым коренным берегом реки и прорезающей его балкой. Дом был обмазан глиной, снаружи побелён, крыша покрыта железом. Со стороны луга он хорошо просматривался, и всегда его легко было узнать. Мамаша тогда обратила внимание и на узоры на окнах, похожие на ржаные колосья, опущенные завитками вниз, и на иней на стогах сена — к мокрому лету, и на воробьёв, собиравших пух на большом хозяйском подворье в свои гнёзда, что говорило о приближении сильных морозов.

Слушая рассказ мамы, я удивлялся природной наблюдательности моей бабушки. Эта наблюдательность, я знаю, предостерегла её от многих бед.

— С проезжей сугробистой дороги было хорошо видно, как хutorские молодки, — продолжала мама, — подымались в гору с полными вёдрами воды, а мужики вели к колодцам под уздцы лошадей, помня, что от хозяйского глаза лошадь добреет, а не поя, не кормя, коня в оглобли не ставят. По возвышенности правого берега реки, примыкающей к пойменному лугу в начале поднимавшейся в гору улицы Бугрянки, шли хutorские бабы. Одна с посохом в руках несла на плече на толстой палке-рычаге две связки задубевшего на морозе белья, другая спускалась вниз к проточной колодезной воде, чтобы в оборудованной здесь запруде полоскать сваленное на салазки постиранное в тёплой хате бельё.

Я смотрел на жизнь хutora глазами своей бабушки и понимал: всё, что требует усилий, старания и заботы, всё, что утомляет человека, — в радость. Только белые ручки чужие труды любят. Человек славен трудом, без которого и отдыха нет. Где труд, там и счастье.

Елизавета Ивановна, продолжавшая сидеть в тени нашего сарая, снова вступила в разговор. Припоминая свой путь со всеми поезжанами отсюда, с хutora Басова, в Красный Куток, она вспомнила историю, рассказанную ей подвозчиком, ямщиком дедом Рыной.

Весёлая старуха, поправляя концы сбившейся набок косынки, сверкая щедрой, добродушной улыбкой живых, прищуренных глаз, стала рассказывать, почему дед Рына следил за санями свадебного поезда.

— Папаша одной девицы из соседнего села подыскал ей богатого жениха. А та, сатана, влюбилась в нечистую силу — буйного Степана, но до смерти боялась своего родимого отца-батюшку. И чем ближе подходил день свадьбы, тем чаще пышная девка невпопад лепетала: “Как скажете, папаша, воля Ваша”.

Отчаянный Степан несколько раз засылал к её отцу сватов. Те голосят, просят не губить девку, отдать невесту, а отец — ни в какую, не отдавал её, и всё тут. Но Степан был с форсом, по своему нутру бражник. Попросил он побалакать с отцом своей зазнобы зажиточного мужика Евдокима, уважаемого на селе человека. Да только всё зря. Не отдаёт её отец, и точка. А девка, смущаясь и робея, всё верещит: “Как скажете, папаша, воля Ваша”. Степан не стал лезть на рожон, взял да и выкинул фортель.

Папаша той девицы договорился с отцом будущего зятя, назначили день свадьбы, заготовили приданое — всё, как полагается по христианскому нашему положению.

После этих слов Елизавета Ивановна замолчала надолго, опустив голову. Затем, подавшись вперёд, взяв в руки дрючок, что-то начертила им у ног своих по земле. Охватив руками волочившийся подол широкой юбки, подгребла его под себя, поближе к коленям, и глубоко вздохнула, переживая о чужом поступке. Помолчав, продолжала свой рассказ о неудачном сватовстве.

— Плакала та полногрудая девка и причитала, прощаясь с вольной волею, как положено на русских свадьбах. Искренне плакала, не жалела слёз, ожидая приезда нелюбимого жениха. А тот, с кем она раньше стоворилась, Степан, залил свои бесстыжие глаза, взбаламутил ватагу отпетых парней, снарядил лошадей и выжидал.

Когда побежала двора по улице с запыленным, зазывным криком:

— Едут, едут! — его снаряжённая лентами и поддужными колокольчиками тройка понеслась с малиновым переливным звоном по всему селу и первой подкатила к крыльцу.

Плачущая невеста сразу всего не смекнула и всё лепетала: “Как скажете, папаша, воля Ваша”... Вышла она из сеней хаты, а её, тёпленькую, тут же и ухватили, посадили в сани, и тройка лошадей умчалась прежде, чем вышли родители.

Степана потом за это Разиным прозвали, а его историю рассказывал всем в назидание подвозчик ямщик Рына, который следил за всеми санями свадебного поезда своего друга Тихона во избежание на его свадьбе каких-нибудь эксцессов.

Свадьба уходом, *краденая* была трудна для девки: неповиновение родителям, страх проклятия и неизвестно, что-то будет, как примут её родители жениха. Но прожили-то они жизнь со Степаном счастливо!

Вот как в жизни бывает!

Я больше никогда не видел Елизавету Ивановну такой, как тогда, когда она будила в своей памяти тот трогательный, полужабытый свадебный случай, как будто бы это её, невесту, в молодости прямо из сеней родного дома ухватили и повезли в санях на резвой русской тройке неведомо куда. Мне почему-то вспомнились стихи замечательного поэта Иосифа Уткина:

*А она летит, лихая,
В белоснежные края,
Затихая, замирая,
Будто молодость моя.*

Мне кажется, что после этого рассказа мама на многое в жизни своей свекрови, моей бабушки, посмотрела по-новому. Присев на выступающий краешек крылечка, сложенного из красного кирпича, уже по-дружески обратилась она к мудрой старухе:

— А вот вы скажите, мамаша Лизаветка, свекруха-то им сразу ко двору пришлась?

— Ну, тут-то как сказать, — теперь уж спокойно, без всякого оживления, заговорила Елизавета Ивановна, — ведь даже лошадь за глаза не покупают. Добротный дом строится годами, он всегда хозяйкой держится, которая дороже золота. Хорошая хозяйка его бережёт. Мир в семье Матрёной держался. Отец Тихона Харитон не раз в Красный Куток к ним в лавку ездил. И не только за пряниками и конфетами. Доброе имя и во тьме светит.

Редко бывает, чтобы мирно жили две хозяйки в доме: сноха и свекровь. Две гусыни в одном гнезде не усидят, всегда-то они спорят за влияние на мужа и сына, и в этом споре почти всегда ночная кукушка денную перекукует. Но Матрёна — что цветок: где он есть, там и аромат. Тихого нрава она была, сама по себе смирна, скромна, терпелива, а терпение-то всегда розы приносит.

Скроенные и пошитые её руками рубахи, подаренные родным жениха, показали им ещё и трудолюбие невесты: у неё и глаз наметан, и мастер-то она большой руки. Матрёна умела исполнить любое дело, и работала всегда не за страх, а за совесть. Да и сама зажиточность и с той, и с другой стороны позволила Харитону, отцу Тихона, остановить свой выбор на ней: добрый портной всегда с запасом шьёт, и только зажиточные крестьяне могли себе позволить покупать ткани.

Свадебный поезд, который ехал “добывать невесту”, снаряжался в доме Тихона. На свадьбе все бояре, а жених с невестою — князь и княгиня. Поезд составлялся отцом жениха, который на свадьбу созвал чуть ли не весь город.

Молодой князь был разодет в свадебную рубаху, пошитую невестой Матрёной.

Самым уважаемым человеком в поезде был крёстный отец жениха. А главным свадебным распорядителем — дружка Басов Стефан Андреевич, крепкий мужик с хутора, который был недурен собой, знаток обычаев, ловок и смьшлён, песенник и плясун. У него был такой язык, что и на привязи не удержишь, а от его рассказов слушатели хохотали до колик в животе. Был он хитёр в обращении, вился, как хмель, а мысль хватал на лету. Словом, голова с поклоном, язык с приговором, ноги с подходом, руки с подносом.

Свадебный поезд, как сейчас помню, отправлялся прямо из-за стола, и Стефан Андреевич просил у родителей молодого князя благословения ехать за невестой. За поясом у него была плеть, и он время от времени неистово хлопал ею по воздуху, как будто бы под её сокрушительными ударами отступала сама нечистая сила.

Я представил себе этого крепкого мужика с его буйной, удалой, молодецкой, беззаботной головушкой. Представил, как перед самым отъездом в дальний путь все — и отъезжающие, и провожатые — на минуту присели, получив от моего прадеда Харитона напутственные слова: “В добрый час!” С Богом тронулись в нелегкий путь выкупать невесту — мою бабушку.

— Ехали в пяти тёплых саях, запряжённых тройками резвых лошадей, а ехать-то было не ближний свет, — рассказывала Елизавета Ивановна. — Жених был богатый, и ехал в церковь венчаться в кошеве. Поезд был празднично разряжен. Вся упряжь — постромки, хомуты, шлеи, вожжи — была изукрашена, вся блестела. В гривах лошадей вились ярко-красные ленты. Дуги были обмотаны кумачом, и к ним были подвешены поддужные колокольчики. Вот этот свадебный колокольчик с надписью: “Прощай, милая моя, еду в дальние края” я хорошо помню. Тиша, мой куманёк, ездил за ним в самый город Курск на ярмарку: для сердца, преисполненного желанием, нет ничего невозможного.

Живо вообразив своего деда, сидящего в тёплых саях со спинкой и удобными краями, я представлял себе свадебное веселье, летевшее по заснеженным холмам с чудной, залихватской песней: “Когда б имел золотые горы и реки, полные вина...”. Мне представлялось, что голоса поющих поезжан того свадебного поезда были невыразимой красоты и силы и вольно лились по волнистым склонам моего родного раздольного края с такой душевной теплотой и силой, что мурашки бежали по всему телу от одной только мысли отдать всего себя в полновластное владение любимой: “Всё отдал бы за ласки, взоры, чтоб ты владела мной одна!”

Словами невозможно передать богатство эмоций и красок в той задушевной песне русского народа, звучавшей внутри меня; там надо было говорить всем пламенным сердцем и всей любвеобильной душой, невольно ощущая утрату искреннего чувства любви, которое невозможно было променять ни на какие жемчуга и злато: “Не надо мне твоей награды. // Не надо ворона коня. // Ты пропил горы золотые // И реки, полные вина”.

Обновляя память о том веселье, я думал, что вся свадьба-то и песни не стоит, до тех пор, пока Елизавета Ивановна вновь с головой не погрузила меня в свои прекрасные, сентиментальные свадебные воспоминания.

— Хорошо помню тот день, когда подругу повезли в церковь к венцу. Искрящийся на солнце серебристый снег вдоль дороги, по которой мчится свадебный поезд, по обочине разбрасывают конфеты, и в разные концы пространства Вселенной уплывают мелодичные звоны ямщицких поддужных колокольчиков. Голову и полувоздушный стан радостной Матрёны покрывает белоснежная кружевная фата, и колокольчиком звенит сладковатый, серебристый её голосок.

А когда зазвучали церковные колокола, Тихон с любовной нежностью заботливо приподнял покрывало с милого, невинного личика своей невесты и под малиновый звон стяхнул его, сбросив снежную пыль, чтобы всегда цветущее лицо его любимой сияло чистым, нетварным светом солнечного, безграничного семейного счастья.

Их встречали у ворот с хлебным караваем — даром матушки-земли, украшенным колосьями ржи, пшеницы и багровыми гроздьями ягод калины, которая была символом любви, зримым свидетельством чувств, прочно соединивших молодых.

Слушая рассказ Елизаветы Ивановны о свадебном гулянии, наполненном песнями и плясками, я подумал о том, что с этих вот найденных мной сегодня колокольчиков и начиналась светлая, счастливая полоса в жизни моей бабушки.

Словно сквозь сон услышал я издалека приятный, переливчатый звон поддужных колокольчиков, встревоживших мою душу, увидел молодого деда — потомственного ямщика, который на рысистой тройке гривастых лошадей, в ясный морозный день лихо мчался по привольным волнистым просторам, распевая: “Еду, еду, еду к ней, // Еду к любушке своей”. Резво бежавшая тройка взрывала *пушистые бразды* снега, а в селе Красный Куток, в *высоком терему* у подножия горы ждала Тихона его любушка, его отрада — Матрёна, моя бабушка. В *лунном сиянии* у парадного крыльца колокольчиком звенел её девически нежный заливистый голосок: “Динь-динь-динь! Динь-динь-динь!” Он сладко пел о настоящей, теперь уже навсегда ушедшей любви.

У каждого своя песня, но не каждая песня до конца поётся. Всё то, что было, — всё в прошлом, и того времени уже не воротить. Но мне хотелось задержаться в нём, остановить то прекрасное, навсегда улывающее мгновение, которое казалось мне то настоящим, то сном.

“Ямщик, не гони лошадей...”

ИРИНА ЧЕРНЯВСКАЯ

КОЛЬЦО

В переулках квартала
Иль на вешнем лугу
Я кольцо потеряла,
А найти — не могу.

Подарил его милый
По весне, во саду, —
Где и как обронила?..
А теперь — не найду.

Ничему я не рада,
Лишь печаль впереди...
А колечко-то — рядом,
Обернись, погляди!

* * *

Любви мелодия пропета.
В душе — ни света, ни огня...
За горизонт уходит лето,
Как ты уходишь от меня.

Грустит неласковое солнце.
И подступают холода...
Всё — так, но лето вновь вернётся,
Оно ушло не навсегда!

ЧЕРНЯВСКАЯ Ирина Николаевна родилась в Белгороде. Автор двух книг: “Таборная песня” (стихи) и “Осеннее танго” (проза). Член Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

Какой же я счастливой стану,
Когда, забыв свою беду,
В нарядной юбке утром рано
По саду летнему пройду!

Украшу бархатцами косы,
Легко ступая по двору,
И золотистых абрикосов
Себе на завтрак соберу!

То лето боль мою излечит:
С тобой мы свидимся опять!
И я живу с мечтой о встрече,
Которой нам не миновать.

* * *

Позабыв о недавней печали,
Распрощавшись решительно с ней,
Мы с тобой до рассвета гуляли
В этом городе ярких огней.

Всё дышало черемухой майской,
Всё искрилось улыбками звёзд...
В той ночи, — удивительной, райской, —
Млечный Путь — как сияющий мост,

Расстилал неоглядные дали,
Где мелодия Счастья слышна...
...Мы с тобой до рассвета гуляли...
А потом я проснулась. Одна.

МАСЛЕНИЦА

Ещё свирепствуют морозы,
И властно царствует зима,
Ещё метели и заносы,
И стужа сводит нас с ума,

Ещё капель не зазвенела,
И, юной свежести полна,
Ещё проснуться не успела
Зеленоглазая весна, —

Но холода минуют вскоре!
Так веселись, честной народ:
На радость нам, зиме на горе,
Старинный праздник к нам идёт!

Идёт — нарядный и задорный,
Зовётся Масленицей он!
...И вот, на площади просторной,
Где бойких песен перезвон,

Славянский праздник наш былинный
Встречаем мы в который раз!
Тут — аромат медово-блинный
И разудалый перепляс,

И дружный смех, и шутки — градом!..
Розовощёки, озорны,
И веселы мы все, и рады,
И русской удали полны!

ВИКТОР БЕЛОВ

И СЕРДЦУ СЛАДКО, РАДОСТНО, ТРЕВОЖНО

ПОЛЕ КУЛИКОВО

О поле наше,
Поле Куликово!
Шесть сотен лет кричали кулики.
И вот опять размечено толково,
Где чьи тогда рванулись тут полки.
России небо,
 хлебушек и воля!
Неужто вновь наступит грозный час,
Когда не мы разыскиваем поле,
А поле ищет
 и находит нас...

* * *

Знакомо
И всегда неожиданно это:
Трудились пчёлы,
Весело пыля,

БЕЛОВ Виктор Иванович родился в 1938 году в Воронеже. Окончил Борисоглебский пединститут. Историк и филолог. Автор многих книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии "Прохоровское поле". Живёт в Белгороде.

И вот дорожкой с облетевшим цветом
Ушёл июнь
В подлунные поля.
И сердцу сладко, радостно, тревожно,
И спится так, как ты не спал давно,
Коль не сиренью —
Молодою рожью
Настоян воздух, рвущийся в окно.
Мужик выходит к звёздам с папиросой,
Задумчиво придерживая дверь,
И перепёлки разом все
С вопросом
Извечным:
“Что теперь?”,
“А что теперь?”
— Да что́ теперь?
Вон зацветает липа,
Считайте,
Срокам нет уже помех... —
...И огурчины
С чуть слышным скрипом
К утру усы закручивают вверх.

* * *

Боярышник
И яблонька
Над яром.
И ласточки
Рисуют высоту.
Нас позвала сегодня степь
Недаром:
Боярышник
И яблонька —
В цвету!
Никто бы их в просторах
Не приметил.
И вот настал благословенья час.
— Продли под небом, золотое лето,
Боярышник,
И яблоньку,
...И нас.

ВИТАЛИЙ МАЛЬКОВ

ДОМ

РАССКАЗ

В самом конце рабочего дня на мобильник позвонила мать.

— Отца увезли в областную больницу, — с рыданием сообщила она. — Как бы не инфаркт. Ты съезди к нему, сынок, мало ли что там...

В первый момент Вадим растерялся, не зная, как реагировать на такое известие, затем ощутил панику и стал лихорадочно соображать.

Коллега и приятель Кулагин, игравший на компьютере в пасьянс, лукаво покосился через плечо.

— Подруга?

— Батя в областной. Сердце. — Вадим тяжело вздохнул, ощутив внезапную усталость. — Придётся взять у шефа пару дней за свой счёт. Съезжу к матери в деревню. Может, чем надо помочь...

Кулагин изобразил на лице понимание и сочувствие, покивал.

— Конечно, возьми, старик. Только не забудь, что в пятницу корпоратив в “Вавилоне”. Сам знаешь, мероприятие ответственное. — Он поднял вверх указательный палец. — Важные дяди будут, могут заметить. Нельзя такую возможность упускать. Специалисты везде нужны.

— Да, нужны. — Вадим подпёр руками подбородок и рассеянно смотрел на разбросанные по экрану монитора ярлычки программ и нужных файлов.

МАЛЬКОВ Виталий Олегович родился в 1972 году в городе Артёмовске Донецкой области. Окончил Сибирскую государственную геодезическую академию. Прослужил 15 лет в уголовно-исполнительной системе, капитан внутренней службы в отставке. Публиковался в журналах: “Наши современники”, “Роман-журнал XXI век”, “Подъём” (Воронеж), “Звонница” (Белгород) и других. Автор сборника прозы “Продавец книг”. Живёт в Белгороде.

В компании он был на хорошем счету за исполнительность и “умение работать с клиентами” и всеми силами старался поддерживать модный нынче имидж делового человека. Внешний вид, поведение и привычки являлись необходимыми атрибутами продвижения по служебной лестнице, и Вадим хотел во всём походить на людей нового времени — успешных и уверенных в завтрашнем дне. Они постоянно улыбались и говорили о дорогих покупках, приходили даже в кафе с маленькими “ноутбуками” и стучали по клавиатуре, делая умные лица, пили только коньяк или виски, брезгливо морщась при слове “водка”. Даже сам президент уважительно называл их “бизнес-элитой общества, способной повести за собой всю страну”.

Конечно, терять зарплату за два дня было нежелательно, да ничего не поделаешь — отец есть отец. Но смущало ещё одно обстоятельство — вечером срывалось свидание с Полиной, которая и так уже дулась на него за постоянную занятость и редкие встречи. Опять не избежать упреков...

— Никогда вроде на сердце не жаловался, — припомнил Вадим.

— Ну, это дело такое... Молодые — и то помирают, а твоему батю сколько?

— Пятьдесят девять уже.

— Вот-вот. — Кулагин покрутился вместе с креслом. — Опасный возраст.

Вадим выключил свой компьютер и убрал в стол бумаги и томик Паоло Коэльо, которого почитывал в свободные минуты. Правда, писатель этот за душу ничем его не брал, но когда все вокруг о нём говорили и спорили, как-то неловко было ничего о нём не знать.

— Не забудь врачу на лапу дать, — подсказал приятель. — У них тогда другое отношение к больному.

— Значит, придётся дать...

Коммерческий директор компании Валерий Сытник был типичным представителем “среднего класса”. Он всегда одевался элегантно, ездил на автомобилях не дешевле миллиона, меняя их каждые два-три года, носил золотые часы марки *Raymond Weil* и ботинки от Карло Пазолини. В свои пятьдесят Сытник выглядел не старше сорока и пользовался успехом у женщин. Все знали, что он не курит, редко выпивает и регулярно посещает бассейн и спортзал. Вместе со своим другом он и создал эту компанию по продаже и ремонту компьютерной и офисной техники.

Кулагин, как и большинство сотрудников, восхищался шефом и ставил его в пример другим, когда речь заходила об умении жить.

Выслушав Вадима, директор с минуту хмуро барабанил пальцами по стеклянной крышке стола, затем согласно кивнул.

— Хорошо, бери два дня, если такое дело. Отец... А где, говоришь, дом находится?

— В Ивановке. Это около двадцати километров от города.

— Ивановка, Ивановка... — призадумался Сытник. — Извини, не слышал. Что за деревня?

— Деревня как деревня, — пожал плечами Вадим. — Раньше там колхоз был, причём вполне такой...

— Да, раньше много чего было. — Сытник скорчил кислую мину, как будто жалея об ушедшем. — А я себе тоже дом купил. В Сосновом. Там лес кругом, свежий воздух... Хорошо...

Вадим слышал об этом посёлке, недавно возникшем в пригороде. Дома там стоили кучу денег.

— Так что — дерзай, и ты купишь. — Сытник ухмыльнулся и взглянул на часы. — Ну, всё, мне некогда. Как говорится, время — деньги...

Буквально за каких-то десять лет город изменился до неузнаваемости, сильно разросся: расширили его улицы, сменили разбитый асфальт тротуаров на цветную плитку. Всюду, словно грибы после дождя, вырастали красивые, не похожие друг на друга здания из металла, стекла и пластика: банки, офисы влиятельных компаний, торговые и развлекательные центры, жилые дома с престижными квартирами. А вечером и ночью город теперь сиял рекламой, подсветкой витражей магазинов и крыш, вызывая ощущение

постоянного праздника. Он как будто дразнил показной, слепящей роскошью, как бы намекая на то, что всё это вполне может быть ТВОИМ.

“Ты только не ленись и стань успешным!..”

Вадим нисколько не сомневался в том, что будущее именно за городами — большими и уютными, способными очеловечить своих жителей. Как-то четыре года назад ему довелось побывать в Москве, и впечатлений хватило надолго. Столица поразила его громадами высоток, современной пышностью облика и неустанно спешащими по улицам и в метро массами людей. Всё вокруг двигалось, всё куда-то стремилось, словно гигантский, однажды взведённый механизм. В этом было даже что-то неестественное и пугающее, но одновременно и мистически притягательное. “Словно большой человеческий муравейник”, — возникло у него тогда смутное ощущение.

Здесь же, в областном центре, масштабы, конечно, были не те, да и жизнь протекала спокойней и размеренней. И всё же родной город Вадим любил. Было заметно, что губернатор не жалеет денег на развитие территорий, заботясь о своих горожанах и особенно о юном поколении. Местная молодёжь не отставала от столичной в развлечениях и разнообразии интересов. Для этого у неё имелось всё: ночные клубы и салоны, танц-бары и залы для игры в боулинг, новейший Дворец спорта и даже “Центр молодёжных инициатив”. Оставаться в стороне от всех этих “радостей жизни” Вадим просто не мог, чтобы “не оказаться на обочине”. Он прекрасно понимал, что другому нельзя. Так надо!..

В ночном клубе он и познакомился с Полиной. Поначалу отнёсся к этому как к очередной короткой интрижке, но их беспечное знакомство затянулось на целых полгода. Как-то незаметно для себя он привык к Полине и всё чаще о ней думал. Между ними было почти двенадцать лет разницы, и молодость привлекательной девушки, конечно же, играла тут не последнюю роль, но не только. Вадиму нравилось слушать её сладкие речи.

“Мне нравятся мужчины твоего возраста, потому что у вас есть опыт... Я знаю, ты обязательно станешь известным бизнесменом, а я — твоей любимой женой... Купим виллу где-нибудь на Багамах или Мальдивах, подальше от этого *совка*... Боже мой, ты даже не представляешь, как я этого хочу...”

Кулагин, большой знаток женщин, оценивал Полину “на пять баллов”.

— Реальная подруга, — высказал как-то он своё *компетентное* мнение. — Знает, чего хочет...

Она никогда не говорила о любви и ничего не требовала, но буквально во всём ощущался её настырный натиск. Полина явно планомерно вторглась в холостяцкую жизнь Вадима, и чем глубже было это вторжение, тем большую тревогу это у него вызывало. Что-то было не так в их отношениях, что-то определённо не ладилось. Всё отчётливей обозначались нестыковки характеров и взглядов на те или иные вещи. Всё-таки она принадлежала другому поколению, которое выросло совсем в другой стране...

В регистратуре корпуса кардиологии молоденькая медсестра подтвердила, что пациент по фамилии Нефёдов к ним поступил, назвала номер палаты. Надев полиэтиленовые голубые бахилы, Вадим словно пересёк невидимый барьер и оказался в ином мире — мире белых палат и медицинского оборудования, запахов лекарств и грустных лиц больничных обитателей, которых объединяет одно слово — болезнь. Он и сам когда-то в детстве несколько раз становился обитателем этого мира, но в памяти с той поры мало что сохранилось. Запомнились только болезненные ночные уколы и жуткие стальные щипцы, которыми в пятилетнем возрасте ему вырывали гланды. Была ещё злая медсестра детского отделения, которую все дети боялись, потому что она могла запросто отшлёпать малыша или сказать что-нибудь обидное...

Палата была уютной и достаточно просторной. Кроме отца, в ней обрелись два старика и худой, измождённый мужик неопределённого возраста. Ещё две койки пустовали. Отец лежал под капельницей и отрешённо смотрел в потолок. Выглядел он бледнее, чем обычно, да ещё, кажется, прибавилось седины в волосах.

— Привет, батя. — Вадим подошёл к койке.

Отец едва заметно кивнул, и взгляд его немного повеселел.

— Как ты?

— Болит, зараза... — Отец говорил тихо и с трудом, часто сглатывая, словно что-то мешало в горле. — Но уже меньше... Ничего, я крепкий...

Вадим положил на стоявшую рядом тумбочку пакет с фруктами, которые купил по пути в больницу.

— Здесь апельсины и бананы. Поешь потом, говорят, для сердца полезно.

— Да, подвело... Ещё легко отделался... — Отец попытался улыбнуться, но скривился и застонал.

— Ладно, отдыхай. Я к матери, а завтра опять заеду. Может, что привезти?

— Книжку... из моих... а то тоска здесь...

— Хорошо. — Вадим взял отца за руку. — Ты давай, батя, держись.

— Ничего, я живучий...

Выйдя из палаты, Вадим пошёл искать ординаторскую. Почти в самом конце коридора он обнаружил дверь с нужной табличкой и, постучав, решительно открыл её и вошёл.

В кабинете находился мужчина лет сорока, в зелёной робе врача. Он сидел за столом и что-то быстро печатал на компьютере.

— Здравствуйте. — Вадим растерялся, не зная, как подступиться к разговору про взятку. — Мне нужен доктор.

— Ну, я доктор. — Мужчина строго взглянул на него. — Слушаю вас.

Вадим закрыл за собой дверь.

— У меня отец здесь... в двадцать восьмой. Сегодня поступил. Нефёдов.

— А, тот, что с инфарктом?

— Ну, да, он. — Вадим слотнул, ощутив сухость в горле. — У него... это опасно?

— Не волнуйтесь, инфаркт лёгкий, операция не потребует. Через неделю-другую выпишем. — Врач продолжал печатать.

— А его не вы будете лечить?

— Ещё не знаю, утром заведующая решит.

— А, может... что нужно? — Вадим сунул руку в карман куртки, где лежали деньги, и посмотрел многозначительно.

— В смысле? — Доктор нахмурился и несколько секунд разглядывал его, затем задумчиво побарабанил пальцами по крышке стола, словно принимая какое-то решение. — Давайте сделаем так. Я вам сейчас напишу, что нужно купить. Лекарства, одноразовые шприцы... Сами понимаете, всего не хватает, финансируют нас плохо... — Он оторвал от настольного перекидного календаря лист и что-то написал на нём. — Здесь только самое необходимое.

Вадим подошёл к столу и взял листок со списком.

— А дальше уж поговорите с лечащим врачом. Всего вам доброго...

Вадим сел в машину и закурил, но, сделав несколько затяжек, нервно погасил сигарету. Неожиданно ему стало страшно от мысли, что отец может умереть. Почему-то он никогда об этом не задумывался, вечно голова была забита, как ему казалось, главным — карабкаться вверх. Всё время вверх! Поскорее выбраться из ямы будничной серости, вечной нехватки денег! Быстрее вынырнуть на поверхность из омута, в котором обитают неудачники.

Вадим упорно карабкался, выбирался, выныривал. Вроде бы что-то у него получалось, но как-то очень уж медленно и далеко не всё из того, что хотелось бы. Но кое-чем он всё же мог похвастаться: своя однокомнатная квартира, купленная, правда, не без помощи родителей, “Рено”, за который ещё не выплачен кредит, работа в престижной фирме, полезные связи с успешными людьми...

Сейчас всё это казалось мелким и каким-то ненастоящим. “Зачем? К чему все эти устремления, когда в один момент можешь лишиться близкого человека... отца или матери. И что потом? Разве могут их заменить какие-то Кулагины или Сытники?..”

Он растерянно прислушивался к своим ощущениям. Это было как-то непривычно. В душе словно щёлкнул невидимый переключатель...

Особого желания говорить с Полиной он не испытывал, но поехал к ней. В любом случае, он должен был увидеть её и сказать, что вечерняя встреча не состоится.

Машина влилась в ревуций, сигналивший и визжащий тормозами поток на проспекте Богдана Хмельницкого. Со всех сторон теперь Вадима окружали железные коробки. Много разных по форме и цвету железных коробок. В них сидели похожие на людей гипсовые манекены, которые куда-то спешили, обгоняя друг друга, норовя любым способом оказаться впереди остальных.

“Рабы своих автомобилей. Сидим в них, как джинны в лампах”, — неприязненно подумал он.

От неожиданно пришедшего на ум сравнения Вадиму стало смешно. Но пока он добрался до конечной цели своего путешествия, настроение вновь упало: дважды едва не попал в аварию, и каждый раз по вине “джиннов-лихачей”, сидящих в своих дорогах “лампам”.

С трудом припарковался на стоянке возле трёхэтажного здания “Кредит-Банка”, где Полина работала оператором. Здание было старым, но пару лет назад его отремонтировала некая коммерческая структура и открыла в нём банк, набрав в штат шуструю, как стало модно говорить, “креативную” молодёжь. Для девушки же не последнюю роль здесь играла внешность. Впрочем, молодые и привлекательные женщины были всюду востребованы, имея приоритет даже перед более опытными специалистами...

В банк Вадим заходить не стал и вызвал Полину по мобильнику. Через минуту она выбежала, одетая в униформу: белая блуза, синяя юбочка и такая же синяя жилетка-безрукавка с обязательным *бейджи*ком на груди. Свои роскошные тёмные волосы девушка собрала в пучок на затылке, словно демонстрируя всем аккуратные ушки, украшенные золотыми серёжками.

Залюбовавшись, он чуть не забыл открыть дверь и поспешно нажал на ручку. Полина юркнула в машину, наполнив её благоуханием жасмина.

— Привет, милый. — Она поцеловала Вадима в щёку — скорее так, как сестра целует любимого брата. — Что-то случилось?

Видно, женское сердце почувствовало неладное.

— Батя в областной с сердцем, — коротко ответил он. — Я должен съездить к матери. Вдруг надо помочь...

Нахмурившись, Полина достала из бокового кармана жилетки розовую пачку тонких сигарет, но так и не открыв её, спрятала обратно.

— Езжай, конечно. — Она задумчиво смотрела перед собой.

— Не обижайся. — Вадим попытался её обнять, но Полина отстранилась.

— Я уже давно не обижаюсь. Привыкла. — Это прозвучало с укором.

— Извини. — Вадим крепко сжал руками руль.

— Ладно, проехали...

С минуту оба молчали.

— Как работа? — попытался он сменить тему.

— Если бы ты знал, как они все мне надоели. — Полина сжала губы. — Каждый хочет меньше работать и больше получать, и все постоянно друг о друге сплетничают. Иногда так хочется кого-нибудь послать подальше...

— А ты пошли. — Вадим криво усмехнулся.

— Наверное, так и сделаю. — Она распустила волосы и, тряхнув головой, разметала их по плечам и спине. — Ну, ладно, дорогой, вернёшься в город — позвони.

— Обязательно. — Вадим хотел поцеловать её в губы, но девушка быстро, с мстительной усмешкой, подставила ему щёчку.

Полина вышла из машины и зацокала каблучками по тротуарной плитке, сильнее обычного покачивая бёдрами, видимо, на прощанье решив немного подразнить его. Вадим с сожалением проводил её взглядом до самых дверей банка и с раздражением включил зажигание.

По дороге в деревню он заехал в гипермаркет прикупить продуктов...

Вадим вышел на крыльцо и радостно вдохнул свежую прохладу майского утра. Сладко потянулся и спустился по скрипучим ступенькам на асфальтовую дорожку, ведущую в сад. Прошёлся по двору, разглядывая с разных сторон дом, который, несмотря на свои четыре десятка лет, выглядел ещё

вполне моложаво. Стены Вадим сам помогал отцу белить в позапрошлом году, и они смотрелись ещё довольно свежо. Правда, оконные рамы и ставни немного перекосились, но не настолько, чтобы их нужно было менять. А вот крышу уже пора было подлатать — черепица местами сдвинулась и прохудилась.

Подбежали Трезор и Найда, добродушные и верные дворняги. Они принялись вертеться вокруг Вадима, виляя хвостами и выпрашивая угощение и ласку. На их собачьих мордах, как обычно, играли настоящие улыбки.

— Ну, что, друзья человека? — Он присел на корточки и стал трепать дворняг по загривкам.

Собаки легонько покусывали и отталкивали друг друга, словно спорили, кто из них более предан хозяину и более достоин его похвалы.

За домом раздалось громкое кудахтанье — там мать кормила кур толчёной картошкой. Она поднялась, как всегда, до рассвета, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить сына. И всё же сквозь сон Вадим слышал шаги матери и позвякивание посуды в кухне...

Он подошёл к висевшему на деревянном столбе рукомойнику и, крикая от удовольствия, умылся холодной колодезной водой. Затем стянул с себя через голову тёплую байковую рубаху и поплескал на плечи и грудь. Повеселел, ощутив прилив бодрости, и только сейчас заметил, как пышно расцвёл этой весной их вишнёвый сад, обещая добрый урожай. Там уже всюду трудились пчёлы, собирая пыльцу для первого — майского — мёда, который можно будет снимать с рамок лишь к концу июня, не раньше.

Вадим прошёл по дорожке туда, где между вишнями стояли на железных подставках ульи. Их на отцовской пасеке было около трёх десятков — сбитые из досок, с подвижными металлическими ручками по бокам. Каждую осень с первыми морозами их нужно было заносить в тёплый зимник, причём очень осторожно, чтобы потревоженные пчёлы не вылезли из них и не погибли. Весной, с первым теплом, ульи выносились обратно.

Вадим минут пять наблюдал за пчёлами, деловито садящимися на летки и улетающими за взятком, вспоминая, как помогал отцу доставать рамки с сотами и снимать мёд. Отец обычно обходился без защитной сетки, и пчёлы его, как ни странно, не жалили его, а вот Вадиму всегда доставалось за двоих.

— Чужой ты для них, — говорил отец, смеясь. — От тебя городом пахнет, а пчёлы этот запах не любят. А ещё они чувствуют, когда человек к ним с добром и любовью относится. Они ведь не глупей нас с тобой, хотя и крохи.

Вадим и сам чувствовал, что давно отвык от деревенской жизни, и родная Ивановка превратилась для него в заповедный мир детства, обратная дорога в который заросла бурьяном отчуждения...

Он вернулся к дому и застал у крыльца мать с пустой миской в руках. Тут же вертелась собака, выпрашивая еду.

— Выспался? — Взгляд матери светился нежностью и заботой.

— Отлично выспался, мам. Помочь не надо?

— Воды набери, сынок. Ведро три. А я пока завтрак соберу. Да ещё этим пройдам надо каши дать.

Мать ушла в дом, а собаки уселись перед крыльцом, с ожиданием глядя на дверь...

Колодец во дворе был пробурён лет семь назад вместо старого, деревянного и уже порядком обрушившегося, который рыли вручную, когда родители Вадима только обосновались в Ивановке и получили от колхоза этот дом. Ствол нового колодца был сделан из железобетонных колец, верхнее из которых на полметра выступало над землёй, и его приходилось закрывать, чтобы туда не свалилась домашняя живность.

Сняв крышку, Вадим сбросил в колодец ведро, привязанное металлической цепью к вороту, и, немного выждав, стал крутить ручку, наматывая цепь обратно на ворот. Воду он перелил в прихваченную с собой сорокалитровую алюминиевую флягу, затем ещё дважды поднимал ведёрко из колодца. Закрыв колодец, присел на его деревянную опалубку перекурить.

Утреннее солнце, поднимаясь, набирало силу, всё ярче озаряя крыши соседних домов. По этим крышам легко угадывалось, как живут хозяева. Вадим с грустью подметил, что большинство крыш выглядит неухоженно и ветхо. Да и вся Ивановка походила на забытую детьми одинокою старушку, у которой пенсии хватает лишь на скудную пищу. Деревня, некогда справная и бурлящая жизнью, теперь постепенно приходила в упадок. После того как развалился колхоз, местные, кто помоложе, потянулись в город в поисках работы и лучшей доли, а здесь оставались в основном старики да старухи, доживающие свой век. Вот и родители не хотели отсюда уезжать, держались за свои “десять соток”.

Вадим вспомнил, как ещё пацаном лазил в колхозный сад воровать яблоки и груши. Теперь этот сад давно был заброшен, и любой желающий мог бы свободно набрать там хоть машину яблок — деревья по-прежнему каждый год плодоносили...

Докурив, он занёс флягу в дом и поставил возле старой голландки, которая уже стала почти исторической декорацией. Вообще Ивановке повезло, когда через неё ещё в советское время провели газопровод. Отец сначала приобрёл современную печку, а позже купил небольшой газовый котёл и сделал в доме отопление. Оказалось — как в воду глядел. Ведь по нынешним временам дрова и уголь стали дороги, да и достать их не так-то просто.

Вспомнив о просьбе отца, Вадим пошёл в большую комнату, где стоял выцветший от старости двухстворчатый книжный шкаф. Отец всегда любил читать и нередко упрекал Вадима за отсутствие тяги к чтению.

— Ты пойми, сынок, человек должен читать. В книге ведь много всякой мудрости. Чтобы написать её, самому надо жизнь знать...

А иной раз, если что-то в книге его сильно поражало, он ходил по дому и вслух восхищался прочитанным.

— Это ж надо, как метко сказал! В самый корень! — Отец качал головой и смеялся. — Нет, всё-таки писатели — это какой-то особенный народ. Тут годами о чём-то таком думаешь, а он — бац! — и написал, словно мысли твои прочёл...

Вадим открыл шкаф и стал выбирать, что отвезти в больницу. Он знал, что каждую из этих книг отец мог перечитывать по нескольку раз, но хотелось его порадовать самыми любимыми, такими, которые поддержат в болезни, придадут душевных сил.

— Что же ему выбрать? — Вадим читал названия и фамилии авторов и жалел сейчас о том, что не знает содержания этих книг.

Нет, конечно, что-то он изучал в школе на уроках литературы, но это было как-то вскользь, лишь бы не получить “двойку”, да и давно это было, мало что помнилось. Он думал сейчас о том, что отец в разговорах не раз ссылался на Паустовского и Распутина, да ещё, пожалуй, на Пикуля.

— Иди есть! — позвала с кухни мать.

Вадим снял с полки “Повесть о лесах” Паустовского и “Богатство” Пикуля и закрыл шкаф. Чтобы потом не забыть их, сразу положил книги в свою спортивную сумку.

На завтрак была варёная картошка с яичницей, да мать нарвала молодого зелёного лука. Вадим с аппетитом набросился на еду. Здесь, в деревне, он всегда лучше ел, лучше спал и вообще обычно чувствовал пробуждение эмоций и жажды жизни. В городе же его что-то тяготило и изматывало, как физически, так и душевно. Приезжая к родителям в Ивановку, он словно бы заряжался энергией, которую затем растрачивал в городе. Когда он однажды поделился этим с отцом, тот усмехнулся невесело.

— Это потому, — сказала отец, — что твой дом, сын, здесь, в деревне, а ты всё пытаешься от него оторваться. Вот твоя душа и мается...

Вадим тогда отнёсся к словам отца несерьёзно, а теперь вдруг понял, что, видно, так оно и есть на самом деле. Не мог он находиться в городе больше месяца безвылазно, утомлялся и впадал в уныние и необъяснимую тоску. Тянуло на деревенский простор, туда, где нет бесконечной спешки и никчёмной суеты...

— Вскопай мне пару грядочек, — попросила мать. — Не успела помидоры и перец посадить.

— Если ещё что надо сделать — говори. — Расправившись с завтраком, Вадим отодвинул в сторону пустую тарелку. — Так кто отца-то довёл? Поругался с кем?

— Да вроде не ругался. Нервный он стал последнее время. Всё бубнил что-то себе под нос... да хмурился. Пыталась я дознаться, в чём причина, так он только отмахивался, а толком ничего не говорил. Я уж и не знаю, что думать. Может, ты сам у него в больнице спросишь?

— Пусть сперва поправится. — Вадим налил себе заваренный матерью чай из смеси сушёных садовых ягод и полевых трав. — Сейчас его лучше не тревожить.

— Ну да, ну да. — Мать согласно покивала, протирая насухо полотенцем вымытую тарелку. — Сейчас не надо, потом спросим.

Вадим с удовольствием отхлебнул горячий чай — и на него пахнуло детством. Он вдруг понял, что сильно соскучился по этому “домашнему чаю”, бодрящему лучше всякого кофе.

— Там немножко совсем осталось, — словно оправдывалась мать. — Отец не докопал.

Ему сделалось стыдно. Ведь так и не приехал помочь родителям сажать картошку, хотя и обещал. Нехорошо, конечно, получилось. Замотался, не смог выбраться даже на день. Если бы не инфаркт отца, то и сейчас бы сидел в городе, который затянул его с головой в липкую трясиину погони за успехом. Выходит, в этой круговерти он забыл о чём-то важном...

Допив чай, Вадим вышел из дома вслед за матерью, прихватив стоявшую в сенцах штыковую лопату. Они прошли между засаженными грядками в конец огорода.

— Вот отсюда и до самого края, — показала мать.

— Ну, это мне на пару часов. — Поплевав на руки, как это делал всегда отец, Вадим начал с радостным неистовством вскапывать мягкий, жирный чернозём...

В город он вернулся в половине четвёртого. Завернул в первую попуганную аптеку и купил там всё, что написал доктор, затем поехал к отцу.

В больнице его вновь обьяла иллюзия какого-то другого мира, находиться в котором было неприятно — от него веяло чем-то затхлым и безжизненным. Бредущие по коридорам больные и их разговоры действовали угнетающе.

В палате мало что изменилось, только в этот раз под капельницей лежал измождённый мужик. Старики живо обсуждали последние политические новости, а отец молча слушал, скосив в их сторону глаза.

— Добрый день, — поздоровался со всеми Вадим, чувствуя странную симпатию к этим незнакомым людям. Да и себя он уже не считал здесь посторонним, будто начал привыкать к такому положению вещей.

Отец улыбнулся одними уголками губ и слабо пожал ему руку.

— Вот, привёз тебе книги, как просил. Ещё шприцы и лекарства. — Вадим положил пакет на тумбочку и присел возле койки на табурет. — Как ты?

— Уже почти не болит. — Отец тяжело вздохнул, затем грустно улыбнулся. — Надо же... Казалось, здоровья ещё много. Похоже, сам себя довёл. Всё мысли какие-то одолевали. Про дом, и вообще...

— Ничего, отдохнёшь здесь пару недель. — Вадим старался говорить как можно беззаботнее. — Врача уже назначили?

— Да, обходила уже... Беликова...

Ладно, решил Вадим, надо будет купить этой Беликовой шампанское и конфеты. Да и медсестре бы не мешало заплатить на всякий случай. Ведь все об этом говорят.

Он прислушался к разговору стариков. Те отводили душу, ругая президента и всех вместе взятых российских олигархов, вспоминали советскую власть и Сталина. Неожиданно подумалось, что в их компании никто никогда почему-то не обсуждает такие темы. Неужели их ничего не волнует, кро-

ме собственной выгоды и личных интересов? Или это зависит от возраста? У стариков — одни проблемы, у молодых — другие, свои...

— Кормят хоть хорошо?

— Нормально, как положено. — Отец похлопал ладонью себя по животу. — Супы, каши, компот с печенем...

— Ну, так жить можно, — с наигранным весельем произнёс Вадим. — Тогда я спокоен. Кстати, огород докопал, так что об этом не думай.

Отец кивнул и закрыл глаза.

— Ладно, батя, пойду я. Хочу дома стирку устроить, а то накопилось.

В ванной действительно уже несколько дней лежал ворох грязной одежды и постельного белья, до которого всё не доходили руки. Но сейчас появилась решимость всё это сунуть в стиральную машину.

— Иди, конечно. За меня не волнуйся. — Отец, кажется, хотел сказать что-то ещё, но лишь махнул рукой. — Иди...

Квартира встретила его угрюмой тишиной, словно обижалась на отсутствие хозяина. Вадиму даже почудилось, будто он слышит её обиженное сопение.

Убрав в холодильник купленные по пути продукты, он открыл балкон, чтобы выветрить запах спёртости, а заодно развеять ощущение замкнутого пространства. Похоже, сказывалось пребывание на деревенском просторе.

Включил электрический чайник и стоящий на холодильнике маленький телевизор. В квартире сразу возникло приятное оживление, а мысли в голове приобрели более спокойное течение.

— Ну вот, так уже лучше. — Вадим присел на край кухонного диванчика и рассеянно защёлкал кнопками пульта, просматривая телеканалы.

Остановился на местных новостях, решив послушать губернатора. Тот красочно описывал будущее области и рапортовал о достижениях.

— Особое внимание мы уделяем развитию аграрного сектора, поскольку наша область всегда была лидером в этом направлении, — увлечённо говорил губернатор. — Мы воздвигли два новых свинокомплекса на сто тысяч голов каждый и пять новых птицеферм, где применяются передовые технологии. Помимо этого планируется дальнейшее расширение сельскохозяйственного производства. Мы заинтересованы в привлечении крупных инвесторов для наших проектов, которые дадут сотни новых рабочих мест и обеспечат не только область, но и всё Черноземье курятиной, гусятиной и мясом индейки. — Волевым лицом губернатора не вызывало никаких сомнений в благородстве его помыслов и успешной реализации планов. — Как сказал президент, основной нашей задачей является поддержка и возрождение русской деревни, и мы эту задачу выполняем...

В этот момент кадр сменился, и вместо главы области камера показала стройные ряды двухэтажных коттеджей.

— Вот в таких домах, — говорил невидимый комментатор, — будут жить в ближайшем будущем труженики агропромышленных комплексов. Это не сказка, а уже сегодняшняя реальность...

Вадиму стало обидно за родную Ивановку, оставшуюся в стороне от этих перемен и новостроек. Не повезло ей, как и многим другим деревням, и ничего здесь уже не поделаешь.

Чайник закипел и отключился. Вадим налил полную чашку воды и долго размешивал в ней растворимый кофе и сахар. Подул, сделал маленький глоток, затем вышел на балкон и поставил чашку на перила.

Вид играющих во дворе детей вновь всколыхнул в памяти чудесное время, когда он сам был пацаном. Вспомнились с волнующей отчётливостью игры с приятелями в *войнушку* и в *индейцев*, походы в лес с ночёвкой и уборка картошки с колхозного поля каждую осень. Захотелось хоть ненадолго вернуться в своё ушедшее детство, чтобы опять слушать перед сном рассказы отца про былинных богатырей, ходить с ним на рыбалку и ездить в город по выходным — покататься в парке на каруселях и *чёртовом колесе*.

Вадим почувствовал, что готов сейчас отдать многое за то, чтобы окатиться в том далёком, радостном мире детства, в котором всегда был рядом большой и сильный отец, знающий ответы на множество всяких вопросов...

Он ощутил лёгкий голод и соорудил себе пару бутербродов. Перекусил и пошёл в зал, где находился другой — большой и плоский — телевизор, покупкой которого Вадим гордился. Но сейчас эта гордость тоже показалась ему смешной и глупой.

Наконец, он понял, что сегодня до грязного барахла так и не доберётся: едва прилёт на диван, как тут же навалилась усталость, и он погрузился в приятную расслабленность. «Похоже, перетрудился на огороде», — это была последняя мысль перед тем, как сон поглотил весь окружающий мир...

Снился ему дом. Пустой и тихий, он замер в ожидании какого-то важного решения Вадима, он был похож на брошенного всеми, одинокого и немощного старика, ещё надеющегося, что дети и внуки вспомнят и придут за ним.

Вадим каким-то шестым чувством улавливал, что дом давно соскучился по детскому смеху и суете домочадцев, по ароматному запаху пирожков с вишней и ливером, по каждому звуку, означающему, что дом наполнен жизнью и семейной радостью. А ещё от дома исходило смешанное со страхом предчувствие близкого трагического конца.

А потом Вадим увидел себя маленьким. Он стоял на крыльце и смотрел, как отец мастерит скворечник, рассказывая о том, что скоро из южных стран вернутся скворцы, и им нужно будет где-то жить.

— Запомни, Вадька, — говорил отец, распиливая доски, — у каждого живого существа, будь то человек или зверь лесной, должен быть свой дом. Потому что без дома нельзя...

Утром он долго не вставал с постели, наслаждаясь покоем и привычными звуками города, проникающими в квартиру через открытую балконную дверь. Эти звуки вернули Вадима в *рабочее* состояние: он вновь был готов к наступлению на жизнь и жаждал действия. Свои трудовые подвиги он решил начать со стирки.

Пока работала машинка, почистил и пожарил себе пару картофелин, разбив в них одно яйцо из тех, что дала в дорогу мать. Ел прямо со сковородки, чтоб не пачкать тарелку, и старался ни о чём не думать, уже злясь на себя за проявление сентиментальности.

В самом деле, не пересезать же ему обратно в деревню? Это ведь просто глупо! Здесь, в городе, у него есть всё необходимое для полноценной жизни: хорошая работа, друзья и знакомые, возможности разнообразного досуга. Да и вообще... город есть город! А что делать в Ивановке, где нет ни заработка, ни даже самого примитивного клуба?

Всё это было понятно и логично, но в душе возникло неприятное чувство и собственной вины в том, что Ивановка постепенно умирала. Как ни крути, а получалось, что и он приложил руку к тому, что его родная деревня умирала. Ведь уехал же, предпочёл городской комфорт суровому деревенскому быту. А главное — задался такой целью ещё в школе, мечтая выбиться в люди и превзойти отца. Да ведь и не он один такой. К примеру, среди его знакомых и сотрудников компании немало деревенских. И Полина тоже деревенская, сама ему рассказывала, только стеснялась упоминать об этом при чужих.

Все подались в город “за счастливым будущим”, а кое-кто сумел даже и в Москве зацепиться. Кто ж виноват, что только в городе у молодых есть перспектива карьерного роста и другие возможности? Уж не они, это точно. Если бы власти хоть немного помогали деревне по-человечески жить! Так нет же, почему-то не находится у них на это денег, словно деревня в своей страхе стала совсем лишней и мешает общему развитию. А ведь, пожалуй, любой человек будет рад всегда здоровой деревенской пище, не отравленной никакой современной химией.

— Вот и получается непонятный феномен, — бормотал вслух Вадим, соскабливая со дна сковородки пригоревшую картошку. — Сами же отрекаемся от всего, что нас радует. И почему так?

Он захотел вдруг поделиться своими мыслями с Полиной, услышать её голос, надеясь на её понимание и согласие.

Она ответила не сразу, наверное, вышла в подсобку или на улицу, подалее от чужих ушей.

— Привет. Что это ты позвонил?

Странно, но Вадим не обиделся на эту насмешку девушки. Если раньше он бы обязательно ответил ей чем-нибудь таким же едким, то сейчас просто подумал, что Полина права.

— Соскучился, вот и позвонил.

— Даже так? — В её голосе просквозило удивление.

— А что, это плохо?

— Да нет, хорошо.

— Что сейчас делаешь? — Он чувствовал непривычный сумбур в голове и никак не мог сосредоточиться.

— Начала рабочий день. А ты?

— Пытаюсь думать.

— О чём? — после паузы спросила Полина.

— О тебе... и обо мне. О нас.

— Надо же. — Она саркастически хмыкнула. — И как, получается?

— Пока не пойму. Слушай... — Вадима пронзила догадка, как можно ещё попробовать что-то изменить, задеть в душе Полины те струнки, которые разбудят в ней добрые чувства. — А ты в своей деревне давно была?

— А при чём здесь деревня? — не поняла она.

— Ну, ты же деревенская. Сама ведь говорила.

— Ну, да. И что?

— Как что? — Он вспыллil. — Когда ты там была последний раз?

— Давно... Как уехала оттуда в семь лет, так больше и не была. Да у меня там и нет никого уже. Дед там похоронен, на старом кладбище, а бабуля жила с нами в городе, а потом тоже умерла.

— И что, неужели не тянет туда совсем? — Вадим помрачнел, чувствуя досаду и раздражение из-за того, что Полина так спокойно рассказывала об этом.

— Ну... вообще-то иногда хочется съездить и просто глянуть, что там сейчас, — призналась она.

— И что мешает?

— Да что ты пристал, как следователь на допросе? — Она тоже повысила голос. — Тебе-то какое дело?

— Как это — какое? — Вадим нервно расхаживал по комнате. — Мне важно всё, что касается тебя.

— Мне работать надо! — выкрикнула Полина. — Не трать деньги зря.

— Да что ты всё про деньги? Я тебе о другом... — Он вдруг понял, к чему вёл весь этот разговор. — Слушай, а давай поедem туда? Поглядим на твою деревню.

— Ты нормальный вообще? — её голос стал срываться на истерику. — Я же работаю.

— Ну, отпросись. — Вадим чувствовал, что уже не может остановиться. В его душе словно что-то закипело и теперь само вышлёскивалось наружу.

— У нас босс строгий, — неожиданно мягко сказала она, — так просто не отпустит.

— А ты соври что-нибудь. Скажи, дома проблемы. Потоп или ещё что... Придумай сама!

— Да что на тебя нашло? Что, прямо сейчас и поедem?

— Ну, а что? Прямо сейчас! Машина есть, сядем и поедem. — Он и в самом деле настроен был ехать прямо сейчас, без всяких проволочек. — Ты ведь говорила, что это недалеко.

— Ты ненормальный...

— Да, ненормальный! — Вадим действительно испытывал что-то похожее на умопомрачение. В голове теперь пульсировала одна только мысль: если Полина не согласится на его авантюру, то их отношениям придёт конец. Он уже не сможет относиться к ней так же, как раньше. Что-то необратимо изменилось в нём.

— Хорошо, я попробую, — сдалась она после долгой паузы. — Позже сама перезвоню...

Ещё несколько минут он не мог успокоиться, переполненный противоречивыми чувствами. Одновременно торжество и сомнения одолевали его. Но всё это было не так важно, потому что исчезло главное опасение, овладевавшее им в последнее время. Вадим теперь твёрдо знал, что нужен Полине...

— Вон указатель! — Полина заметно разволновалась. — Грачёвка. Здесь был поворот.

Вадим притормозил и свернул за указателем с автотрассы на просёлочную дорогу, которая вела через поле к темнеющим вдали деревьям. Судя по свежей, ещё не затопленной грязью колес, дорогой недавно пользовались, а значит, жизнь в Грачёвке не обрывалась.

— А раньше тут всегда кукуруза росла. — Полина с грустью смотрела на поросшую свежей травой, явно несколько лет не паханную землю. — Боже мой, я тут почти двадцать лет не была. Могу и не узнать ничего.

Вадим молчал, стараясь не застрять в майской грязи. Он тоже испытывал непонятное волнение, как будто ехал сейчас не в чужую, а в свою родную деревню.

За искусственной лесополосой, с трёх сторон охватившей заброшенное поле, показались строения. Кое-где над крышами вились сиротливые дымки, обозначая жилые дома. Возле второго от ближнего края дома стояли мужик с лопатой в руках и тётка, удивлённо глядевшие на приближающуюся машину.

— Остановись, я дорогу уточню, — попросила Полина.

Вадим остановился напротив местных, и девушка вышла. В бирюзовых джинсах и в чёрной шерстяной кофточке она выглядела не менее привлекательно, чем в рабочей форме.

— Добрый день, — поздоровалась Полина.

— Добрый, добрый, — ответила тётка, приветливо улыбаясь.

Мужик тоже сдержанно поздоровался, не выпуская из рук лопаты.

— Не подскажите, как в Журавлинку проехать?

— Там же не живёт никто, — ещё больше удивилась тётка.

— Совсем никто? — Полина растерянно взглянула на сидевшего в машине Вадима.

— Почти. Старик один живёт да старуха с дочкой. А вы что, ищите кого?

— Да я родилась там, — пояснила Полина. — Хочу вот на свой дом глянуть.

— Дело хорошее. — Мужик одобрительно покивал. — Да вы по этой дороге до конца деревни и ехайте, а на развилке сверните вправо. Оттуда до вашей Журавлинки не больше километра будет.

— А старик-то давно там живёт. — Тётка поправила на голове пёстрый платок. — Он должен всех помнить.

— Спасибо большое. — Полина повеселела. — А в Грачёвке много людей осталось?

— Да с полдеревни ещё есть, но уезжают потихоньку... да и помирают. — Мужик засопел. — Мы вот с Натальей тоже скоро в город переберёмся. Сын квартиру купил.

— А этот дом как дача останется, — добавила тётка. — Десять соток. Жалко совсем бросать.

— Власти грозятся свет обрезать. — Мужик нахмурился. — Говорят, мол, невыгодно на одну деревеньку отдельную линию содержать. Средств нет.

— Как на одну? — удивилась в свою очередь Полина. — А как же Блажиха и Калачёвка? Там что, тоже никто не живёт? Ещё эта... как её...

— Кузьминка, что ль? — Тётка Наталья махнула перед собой руками. — Их всех давно уже пообрезали. Там тоже никого почти не осталось.

Вадим, слушавший разговор из машины, вспомнил вечерний репортаж о новых фермах и коттеджах. Как же так, думал он, где-то строят новые посёлки, а старые деревни погибают. Ерунда какая-то получается.

— Скоро, видно, совсем деревни исчезнут. — Мужик со злостью воткнул в землю лопату и сжал черенок мозолистыми руками. — Не нужны они этой власти... да и мы тоже. — Он понурился.

Чёрной безнадежностью повеяло от его слов и одновременно смирением с неизбежным.

— Говорят ведь, что надо деревню развивать, — неуверенно возразила Полина.

— Да они только и делают что говорят. — Мужик в сердцах ругнулся. — А что на деле? Школы и больницы в сёлах закрывают. — Он покачал головой. — Не пойму я их политику. В чём смысл?..

— Извините, поедем мы. — Полине явно уже не нравился этот разговор. — Ещё раз спасибо.

— Всего вам доброго, — улыбнулась на прощанье тётка Наталья...

Машина медленно покатила по единственной в деревне улице. Откуда-то выскочили две дворняги и побежали следом, заливаясь таким отчаянно радостным лаем, словно им давно не выпадал случай облаять чужого.

От развилки пошла малоприметная, почти заросшая травой дорога. Похоже, машины по ней не ездили несколько лет.

— Какое странное чувство, — задумчиво сказала Полина. — Как будто я в детство возвращаюсь.

Они съехали в небольшой распадок, по дну которого, перегораживая дорогу, струились ручей. Размытая им канавка не позволяла проехать.

— Приехали. — Вадим остановил машину. — Что, дальше пешком?

— Вообще-то раньше здесь был мостик, — растерялась девушка. — Наверно, сгнил.

— Значит, пешком...

Они вышли из "Рено", и Вадим включил сигнализацию. Перепрыгнув ручей, он протянул Полине руку.

— Держись и прыгай.

Она послушалась и оказалась рядом с ним. От близости девушки у Вадима участился пульс. Захотелось прижать Полину к себе, поцеловать её и замереть так, но он сдержал внезапное желание и, вздохнув, зашагал по более-менее свежей тропинке, идущей вдоль дороги.

Минут через десять впереди, между кронами деревьев, показалась серая черепичная крыша, обозначив деревенскую окраину.

— Вот она, Журавлинка. — Полина ускорила шаг. — Пойдём, нам почти в конец.

Они прошли первый дом, а за ним ещё два. Окна всех домов были наглухо заколочены. Однако из калитки следующего дома неожиданно вышла женщина и замерла, увидев посторонних.

— Здравствуйте! — крикнула ей Полина.

Закрыв за собой калитку, женщина подошла к ним.

— Добрый день. — Она с беспокойством вглядывалась в их лица, словно ожидала чего-то нехорошего.

— Я здесь когда-то жила, — пояснила Полина. — Дом Котенёвых знаете?

— Извините, я не так давно тут. — Женщина виновато улыбнулась. — Мама моя должна знать, только она почти не выходит из дома. Старая совсем.

— А как вы тут живёте? — не выдержал Вадим. — Здесь же, говорят, ни газа, ни света нет.

— Да привыкли уже как-то. — Женщина пожала плечами. — По вечерам керосинку палим. Ничего, жить можно.

— А зимой? — продолжал допытываться Вадим. — Дрова-то где берёте?

— Слава богу, из райцентра привозят. Дорого, правда. Приходится экономить. — Женщина вздохнула. — А что делать? И уехать не можем. Некуда...

— А ещё здесь кто-нибудь есть, кроме вас? — спросила Полина.

— Дед Митяй ещё живёт. Один совсем. Вроде и дети где-то у него есть, только давно не навещались. — Она махнула рукой. — Ой, мне идти надо.

— Конечно. Извините. — Полина схватила Вадима за руку и потянула за собой.

Они миновали ещё несколько домов, и по пути девушка рассказывала, в каком из них кто жил. Правда, не всех она могла вспомнить.

— А твой-то где? — Вадим разглядывал заброшенные дома и испытывал что-то вроде мистического трепета. Ему начало казаться, будто они идут по заколдованной деревне, населённой призраками, и останутся здесь навсегда, никогда не смогут выйти обратно к машине.

— Мой там, за поворотом. — Полина кивком указала вперёд.

— А почему деревня называлась Журавлинкой?

— Старики рассказывали, что когда-то давно здесь жили журавли.

— Ясно...

Тропинка повернула влево. Вадим заметил, что садовые деревья во дворах совсем не цвели. Либо из них забирали жизненную силу сорняки, ставшие в этих садах полноправными хозяевами, либо сами яблони, вишни и сливы не хотели цвести и плодоносить, обидевшись на бросивших их людей. Пару раз Вадиму случайно попадались научно-популярные журналы со статьями про растения, и от этих статей буквально шла кругом голова. Там было написано, что все деревья, кусты и цветы являются сложными организмами, имеющими гормональную систему, через которую они способны чувствовать боль, тепло и холод, а также передавать друг другу сигналы опасности. А некоторые растения, говорилось в статье, умеют даже обманывать насекомых и мелких животных, питающихся их листвой, выделяя специфические запахи и соки. И если всё это правда, то почему бы не допустить, что деревья испытывают разные чувства: обиду, гнев, радость?..

— Пришли. — Полина остановилась. — Вот он. — Она с нежностью смотрела на дом, спрятавшийся от постороннего взгляда в листве диких слив и не желающих цвести яблонь.

Краска на заборе и воротах выпцвела и почти полностью облезла, так что цвет их невозможно было определить — то ли голубой, то ли светло-зелёный. Стёкол в окнах не осталось, и пустые проёмы зияли, словно тёмные провалы в параллельный мир. Штукатурка ключьями свисала со стен, словно кожа прокажённого, местами обнажая кирпичную кладку. Только состояние крыши нельзя было определить из-за сильно оплётших её ветвей.

Вадим ощутил, как к горлу подкатил комок: зрелище было удручающим. Он представил себе родительский дом в Ивановке, который, возможно, станет таким же лет через пятнадцать-двадцать. Ведь родители не вечны, а сам он постоянно там жить не собирается... По крайней мере, пока не собирается...

“Похоже, ждёт Ивановку та же участь, что постигла эту деревню, да и многие другие по всей России. Станет на Руси ещё одной деревней-призраком больше. Неужели правду сказал мужик с лопатой, и все деревни исчезнут? Да как же так? Ведь надо что-то делать! Нельзя допустить этого!..”

Заныло в груди от столь тягостных размышлений. Вадим взглянул на Полину и поразился происшедшей с ней перемене. Он ни разу ещё не видел на её лице такой безмерной печали, отражавшей сильное душевное страдание. Ему почему-то казалось, что эта девушка не способна на проявление таких сильных чувств. Выходит, он ошибался.

— Давай зайдём, — тихо сказала Полина.

Она подошла к калитке и дёрнула за деревянную ручку. Калитка, издавая жалобный скрип, отворилась и пропустила долгожданных гостей во двор. Раздвигая руками свисающие почти до земли ветви, Полина пробралась к двери дома, забитой большими гвоздями, и беспомощно оглянулась.

— Давай через окно, — подсказал Вадим, входя во двор.

Он заглянул в оконный проём, приходившийся ему на уровне груди, затем, придерживаясь руками за раму, перелез внутрь дома. Помог проделать то же и Полине, и она оказалась рядом с ним в полумраке небольшой комнаты.

Из всей былой мебели в комнате остался только сервант — без стёкол и с оторванными дверцами.

— Здесь у нас был зал, — припомнила девушка. — Тогда он казался мне большим.

Она прошла по шатающимся доскам пола в соседнюю комнату, которая была ещё меньше. Мебели здесь вообще не было.

— А это моя спальня. — Полина с грустной улыбкой рассеянно смотрела в пол. Может быть, она видела сейчас маленькую девочку Полинку, играющую в куклы.

Пройдя дальше по коридору, Вадим оказался в довольно просторной кухне, в углу которой возвышалась массивная русская печь. Рядом с печью валялись на полу ухват, сковородник и кочерга.

— Я любила спать на печи... — Полина подошла к печке и провела руками по краю полатей. — Особенно зимой. Помню, приду с мороза, залезу сюда и под одеяло... Печка была такая тёплая...

Она закрыла глаза, не убирая рук, будто чувствовала сейчас идущее от печи тепло.

В дальнем конце кухни стоял хорошо сохранившийся стол с двумя дверцами. Это был точно такой же стол, как в доме родителей Вадима. Осторожно наступая на прогнившие доски, он приблизился к нему и открыл обе дверцы. Внутри вместо посуды он обнаружил большую пластмассовую куклу без одежды.

— Твоя? — Он вытащил куклу, неожиданно промяукавшую: “Мм-а-мма”.

— Ой, Танька! — девушка бросилась к Вадиму и выхватила куклу у него из рук. — Надо же, меня дожидалась! — Она прижала Таньку к груди и стала качать её, как ребёнка.

Лицо Полины осветилось радостью, и Вадим поймал себя на том, что невольно любит её. Почему-то раньше он не замечал в ней этой изнутри струящейся красоты...

Вадим старался сосредоточиться на дороге. Рядом дремала Полина, по-прежнему прижимая к себе куклу Таньку. На лице девушки играла улыбка, ей снилось что-то хорошее.

Вадим подумал, что это обязательно должен быть родной дом, но только не пустой и унылый, а такой, как раньше, — полный людей и радости.

Впереди показался город. Там что-то было не так. Вадим несколько секунд растерянно моргал, вглядываясь в горизонт, затем сообразил, что его так смущает.

Небо над городом было почти чёрным, и лишь отдельные яркие вспышки прорезали эту черноту. На город надвигалась гроза — первая в этом году...

НАТАЛЬЯ ДРОЗДОВА

А У НАС НАВСЕГДА — ЖИЗНЬ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Хлеб отца моего ем.
На крылечке сидим с ним.
Сняты с сердца вины ярем,
пыль — с ботинок, с лица — грим.

Хлеб отца моего ем —
благодатней трапезы нет.
А калитка в родной Эдем
приоткрыта, и там — свет.

Хлеб отца моего ем:
сладко, горько ли — всё подряд.
И глядит на меня Вифлеем
синим глазом. То — сына взгляд.

В нём любви и мольбы твердь —
не отвергни, не откажись.

На чужбине — болезнь, смерть.
А у нас — навсегда — жизнь.

* * *

Зимовенька, Зимовенька —
травы тучные в пыли —
золотая деревенька,
сердцевиночка земли.
Колыбельно-карусельно
завонила-завала.
Я теперь до воскресенья
доживу ли?
Дожила.

И как будто неповинна.
И как будто ни при чём.
Звон. Дорога. Дым полынный
за малиновым плащом.
От него ли сердце спрячу!
Подошёл. Подносит. Пью.
Плачу, плачу, плачу, плачу...
Кровь струится по копыю.

ДРОЗДОВА Наталья Владимировна родилась в селе Нежеголь Шебекинского района Белгородской области. В настоящее время Н. Дроздова является секретарём Марфо-Мариинского сестричества милосердия и редактором журнала "Добродетель". Автор нескольких сборников стихотворений, выходивших в белгородских издательствах, член Союза писателей России.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

О, сказка Устинка! Пейзаж последний.
Лубковый сон без окон, без дверей.
Сова на крыше. Печка. Лодка. Лёдник.
Начала отзвук. Гул монастырей.

У старой баньки холодно и мглисто.
Из новой баньки до рассвета жар.
Да разве ж я не дочка гармониста!
Да разве ж мне черёмухи не жаль —

в объятых темени вещунью лета,
красу земли... Но — климат здесь таков.
“Нечаянная радость” — Матерь Света —
глядит из обветшалых рушников.

* * *

Недослушав строку, выхожу в снегопад.
А деревья черны и прекрасны притом.
Фонари голубеют. Полозья скрипят.
Ускользает возок. Лошадь машет хвостом.
Этот сладостный мир, этот сонный пейзаж
и сиреневых рощ удалённую нить
мой ревнивый звонарь, мой задумчивый страж
для грядущих миров обещал сохранить.
На исходе веков милосердна рука.
Мимолётны, как жизнь, и огни, и дымы.
Остается со мной золотая строка.
И снега. И снега на исходе зимы.

* * *

В чужих монастырях у лилий запах сладкий,
а розы горячи, гортензии нежны.
В чужих монастырях живут светло и складно.
Как будто всё легко. Как будто влюблены.

В моём монастыре разрытые могилы.
И сонм несчастных душ. И похоть суеты.
И поросль нелюбви. И палисадник хилый.
И нет клочка земли, где б посадить цветы.

В твоём скиту зима. В оконце — свет нетварный.
И вечно зелены растенья для венца.
Я тишине его внимаю благодарно.
И плачу. И молчу. И сердцу нет конца.

В БЕЛОЙ РАМЕ

Где-нибудь там за колонной к стене прислонюсь
свежепобеленной.
Служба закончилась в храме.
Господи!
Есть я ещё на земле?

Иль кому-то лишь снюсь
медленной тенью, наброском — в пейзажике в раме,
белой, картонной: то лесом, то полем, а день
красен к закату, и травы кровавы и буры.
Господи!
Воля Твоя.
Только Ты знаешь — где
завтра я буду, и с кем, и зачем, да и буду ль...

Эхо — как глухонемое — зови, не зови —
не передаст ни намёка любимейшим людям.
Господи!
Воля Твоя.
Разве ж не для любви
Ты до сих пор меня водишь, и носишь, и любишь!
Я же подарков Твоих не умею хранить,
всё уступаю то лжи, то сомненьям, то бедам.
Господи!
Воля Твоя — золотистая нить.
Стены в обители белые, белые, белые...

ПЕРЕД СЕРЫМ ХОЛСТОМ

Не сходи с каблуков. Не целуй эту мёрзлую землю.
И тепла не проси. И Адамом его не зови.
Пронеслись по векам острова, государства и семьи
перед серым холстом, освещённым предзимьем любви.

В неуспеньи исконном вечераишь на росстани праздной
у окна на восток, на села обезлюдивший вид.
Полыхают поленья в печи, очищая пространство
перед серым холстом, освещённым предзимьем любви.

Запоют ли скворцы... Ты ни в чём больше не виновата,
хоть сейчас умирай, хоть до утренних слёз поживи.
Не сходи в этот рай, не ищи запрещённого ада
перед серым холстом, освещённым предзимьем любви.

* * *

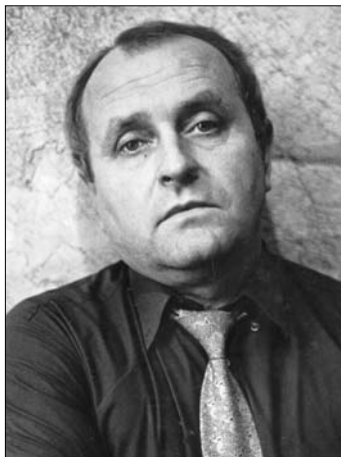
Мороз и солнце. Хруст под сапожком.
Семинарист, влюблённый в поэтессу.
Не запрягай. Давай и мы пешком
пойдём на гул чернеющего леса.

Пусть все мои деревни замело,
все большаки от курской и до тульской.
Развозит сиротливое тепло
трудяга эскалатор в свете тусклом.

На тонком льду какой-нибудь из рек
вдруг станет ясно, что грустить не надо.
Проснётся слово, вспыхнет в алтаре.
Семинарист подаст владыке ладан.

Забьётся пенчик. Вздогнут провода.
А вечер за окном синее, гуще...
Давай любить сегодня и всегда
и не мечтать о прошлом и грядущем.

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

СВЯТАЯ

РАССКАЗ

Санаторий-профилакторий для инвалидов и ветеранов войны и труда находился в десяти километрах от районного городка, в густом сосновом бору. Большое трехэтажное кирпичное здание, выкрашенное в яркий оранжевый цвет, было огорожено чёрной металлической узорной оградой и окружено высокими стройными елями, острые макушки которых, казалось, упирались в низкое серое ноябрьское небо. Дождя не было, зато было сыро и студёно. Время приближалось к обеду, но в просторной, крытой голубым шифером беседке, обычно в это время многолюдной, сидели и беседовали две пожилые женщины, добротны и тепло одетые.

Антонина Никитична Торбина наблюдала за ними из окна своей палаты на втором этаже. Она то приближала лицо к стеклу и внимательно всматривалась в беседку, то, отпрянув, надолго задумывалась и печально вздыхала.

Подумать ей было о чём, ибо то, что она пережила за последние двое суток, было для неё мучительно страшным и в то же время интересным. Антонина Никитична для себя уже точно решила, что одна из сидевших в беседке женщин была Глафира Ивантеева, хотя и под другой фамилией, — Крутикова. Ещё позавчера утром, когда Антонина Никитична, умывшись в ванной комнате, приводила в порядок перед большим круглым зеркалом свои волосы, её словно током поразило: она услышала до боли знакомый женский голос. В коридоре, рядом с приоткрытой дверью в ванную комна-

ТАРАСОВ Александр Васильевич родился в 1952 году в городе Шебекино Белгородской области. Служил в армии, учился в Воронежском государственном университете, работал мелиоратором, пожарным, строителем. В настоящее время — сотрудник районной газеты “Красное знамя”. Автор книг прозы “Соседи”, “Никто не уходит навсегда” и книги стихов “Я молюсь за Россию”. Печатался в журналах “Наши современник”, “Звонница”, “Светоч”. Живёт в г. Шебекино.

ту, разговаривали две женщины, только что приехавшие в санаторий. В руках у них были полотенца. Проходя мимо них, Антонина Никитична прикрылась своим полотенцем. С этого момента и начались её муки. От боязни столкнуться нос к носу с вновь прибывшей Антонина Никитична стала ходить на процедуры и в столовую только после того, как убеждалась, что там нет Глафиры. А сегодня, сославшись на недомогание, она попросила медсестру принести ей завтрак в палату, где оставалась одна после того, как три дня назад, пройдя положенный курс, выехала из санатория Варвара Михайловна из Вейделёвки.

Антонине Никитичне три месяца назад стукнуло восемьдесят, но она была ещё крепкой — в мать, которая прожила девяносто шесть лет, и подвижной. На полном, чуть желтоватом лице её морщины были не очень глубоки и часты, и потому тот, кто не знал её близко, никогда бы не дал Антонине Никитичне её лет. А ведь жизнь она прожила не сахарную — такую, что и врагу не пожелаешь. Голод, война, потеря мужа, снова голод и работа, работа, работа от зари до зари, сначала за трудодни, а потом за жалкие гроши, на которые прожить было и одной-то душе невозможно, а если рядом ещё двое детей, то хоть ложись да помирай.

Всю свою жизнь Антонина Никитична перебывалась малым, отрывала от себя детям. Зато те, когда стали взрослыми, сначала в шутку, а потом всерьёз стали называть её святой. Особенно дочь Наталья, чуть что, так: “Мамочка, ты у нас святая!” Антонина Никитична отмахивалась от этих слов, а оставшись одна, плакала от счастья и радости, благодарила Бога, что он дал ей таких внимательных и ласковых детей.

Сын её, Василий, ещё с малолетства был рассудительным, всё, бывало, строгал да пилил дерево, и к четырнадцати годам мог, как взрослый рукодельный мужик, сделать по дому любую работу. Уже после войны он сначала ФЗУ окончил, потом техникум строительный, мастером работал, прорабом, начальником участка. Два года, как на пенсию проводили, а всё дома крупнопанельные строит.

Наташка — той всё бы петь да плясать. Пятьдесят пять годов скоро, а она в Белгороде во Дворце культуры на пианино играет, хором руководит. На выходной иной раз к Антонине Никитичне в гости вырвется, по дому чуть поможет и начинает приставать: “Мам, вспомни какую-нибудь бабушкину песню! Мам, давай дуэтом споём”. А у самой голос низкий, басовитый — дюже красивый. Сама Антонина Никитична, когда в девках ходила, соловьём заливалась, звонче, чем у неё, голоса по всему селу ни у кого не было. Песен разных знала прорву. Это потом они стали забываться, особенно в войну да от голода. Но кое-что и до сих пор помнится. Бывает, на пару с Натальей как заведут старинную какую-нибудь, аж у самих слёзы на глаза выступают. Две дурёхи — старая и молодая... Хотя какая Наталья теперь уже молодая? И у неё жизнь под закат идёт. А давно ли и она, и Васька несмышлёнышами были? Давно ли из-за них Антонина Никитична большущий грех на душу взяла?.. И теперь за этот грех наказание ей.

Антонина Никитична ещё раз выглянула в окно, тяжело вздохнула и предалась воспоминаниям.

У родителей Антонины Никитичны было двенадцать душ детей, сама она была четвёртой. Её и замуж-то выпихнули на семнадцатом году из-за того, что отец Никита Кузьмич — колхозный конюх — тянулся из последних сил и не знал, как прокормить свою многочисленную ораву. Муж Антонине Никитичне попался хоть и строгий, но домовитый, не гуляка. Жили мирно и, если бы не война, добра бы нажили на зависть многим. Дни катились своим чередом, похожие друг на друга, как две капли воды, и если бы не случай, когда Антонина Никитична чуть в проруби на речке не утонула, из того времени и вспоминать бы нечего было.

А было дело так. Антонина Никитична и ещё три молодых бабы полоскали на Донце бельё в конце января, и как так получилось, она до сих пор сама себе объяснить не может, что поскользнулась она и юркнула вниз головой в прорубь. Ошалевшая от испуга и холода, она, тем не менее, сообразила, что в воде надо развернуться и оттолкнуться от дна ногами. Оттолкнись-

ся оттолкнулась, да ударилась головой об лёд — не попала в прорубь. И уже сознание начала терять, когда её вытащила наверх Маруся Ивантеева. Другие бабы испугались, а эта нет: легла ничком на лёд, полезла в воду, хотя потом простудилась и долго болела. У Маруси тогда была дочь Глаша восьми лет, и было это в 1938 году.

А потом война. Из сорока двух мобилизованных на неё мужиков в село в сорок пятом вернулись шестеро, но среди этих шестерых не было ни Марусино, ни Антонинино мужей — без вести пропали. Маруся, и без того не обладавшая большим здоровьем, в голодном сорок шестом не выдержала всего на неё свалившегося горя и на Святках умерла.

Оставшись совсем одна, Глаша решила наведаться в Белгород и узнать, есть ли там такая школа, где учат на модисток.

— Я слыхала, что до войны там была школа ОЗУ, где учили кройке и шитью, — объяснила она Антонине Никитичне.

— Что ж, сходи.

Думала Глаша обернуться дня за три-четыре и потому попросила Антонину Никитичну посмотреть за её хатой: время было лихое, людей, нечистых на руку, развелось, хоть пруд пруди, как говорится: что ни двор — то вор, а где два двора — там четыре вора.

— У меня особенного ничего и нету, кроме мамкиных почти новых платья и пальто, — сказала Глаша, — но это память о маме. Не дай Бог, уволяют — я с ума от горя сойду.

— Иди, иди, не волнуйся, — успокоила девочку Антонина Никитична, которая, как и Глаша, была уверена в том, что девочке надо уезжать из села, чтобы не пропасть с голоду и получить хоть какую-нибудь профессию.

Антонина Никитична и сама была на распутье, не знала, что ей делать дальше и как быть. Старый кислый свекольный жом, что оставался после того, как покормили корову, приходилось долго выпаривать, прежде чем печь из него лепешки, да и было-то его ведра два, ну, может, три, то есть дней на десять. А что потом? Голова шла кругом не только от голода, но и от мыслей. В селе уже начали пухнуть от недоедания и умирать. В том числе и дети. Неужто и детей Антонины Никитичны ждёт та же участь? И Антонина Никитична решилась: она сбила ночью обухом топора лёгонький замочек на двери Глашиной хаты, вынесла оттуда пальто и платье, а утром в Больше-троще обменяла их у богатого мужика на три ведра картошки и мешок комбикорма.

Вспоминать, что было потом, Антонине Никитичне неприятно и по сей день. Глаша нагрязнула в её дом в тот самый момент, когда дети сидели за столом и ужинали из маленького чугунка картошкой “в мундирах”, а сама она стряпала из отрубей и жома лепёшки. Антонина Никитична до того растерялась, что слова вымолвить не могла. Да слов и не нужно было говорить: Глаша, постояв у порога едва две минуты, молча ушла, тихонько прикрыв за собой дверь.

С тех пор Антонина Никитична её не видела — и вот... Ей до смерти не хотелось ехать домой, в Шебекино, в однокомнатную квартиру, которую купили ей дети семь лет назад, не хотелось встречаться с так надоевшими ей скандальными соседками, в основном пожилыми, о которых её сын как-то сказал, что они живут на белом свете назло друг другу, а не потому, что им жизнь в радость; не хотелось вообще уезжать из профилактория, где ей очень нравилось, не пробыв здесь и половины срока. Но надо! Жить здесь ещё двенадцать дней так, как она жила последние два, — на это никакого здоровья не хватит...

Антонина Никитична достала из-под подушки сотовый телефон.

Забрала её дочь в тот же день, вечером, как и просила Антонина Никитична. Когда они сели в серебристый “Вольво”, за рулём которого был зять, Антонина Никитична пристально посмотрела сквозь тонированное стекло на тёмные окна второго этажа профилактория, и ей показалось, что за одним из них злой усмешкой мелькнуло лицо Глафиры Николаевны Крутиковой.

ВНУЧОК

РАССКАЗ

— Мне-то что: я век свой, считай, уже отбегала, а он, супостат, ишшо только начинает жить на белом свете.

Старуха Махониха вытерла уголком старенького ситцевого, когда-то синего, а теперь выцветшего передника слезящиеся большие глаза и строго поглядела на худенького, цыганистого вида внука лет десяти, который сидел на деревянном шатком крыльчке и беззаботно ковырял в носу.

— Палец сломаешь, окаянная твоя душа! — Махониха достала из кармана передника чистую белую тряпицу и кинула её на коленки внуку: — Высморкайси! И иди уроки решай... Учительша давеча бранилась: не хоча, мол, идолова душа, ничего на занятиях думать, да ишшо балуется в придачу, не слухая... И откуда ты только навалился на мою голову?

Махониха в очередной раз промокнула слезящиеся глаза, съпнула жменю зерна курам и подошла ближе к ветхому, низенькому, щелястому забору из тёмных от времени, неровно струтанных досок, за которым стоял сосед её Кузьма Игнатьевич Плохой, которого на улице за глаза все называли не иначе, как Унтер. Был он высок, худ лицом, костляв, под длинным прямым носом у него лихо, кончиками кверху, топорщились седые усы. Однако глаза хитро и молодо сверкали из-под серой, выдавшей вида каракулевой шапки, а осанке, несмотря на почтенный его возраст, могли бы позавидовать и многие молодые.

Весна выдалась ранней, снег сошёл споро, и потому к концу апреля листва на деревьях радовала всё живое пахучей, свежей зеленью, кисти сирени кое-где начинали розоветь, и солнышко полыхало в девственно-нежной бирюзовой вышине чуть ли не по-летнему.

Старуха Махониха последнюю неделю бегала по двору без верхней тёплой одёжи, в лёгкой косынке, в кирзовых тапочках на босу ногу. А внук Алёшка, как только со школы являлся, разболокачивался до трусов, с улицы до темна в хату не заходил, а потому, и так от природы смуглый, он загорел так, что походил на чертёнка.

Зато Унтер “весну ещё не почувял”: в военных, шнурованных спереди сапогах и камуфляжной зимней форме, он к тому же ещё и был застёгнут на все пуговицы.

— Ремнём пороть его погуще надобно, тогда и будет толк, — изрёк он глубокомысленно густым басом. — Пороть!

— Дык разве я его, окаянного, не бузую каженный день? И рушником, бывая, по заднице дам, и за вухи трепаю. С его как с гуся вода. И в кого такой удалси?

Тот, о ком говорили взрослые, продолжал моститься на прогретом солнышком крыльчке, но уже не навёл чистоту в носу, но пытался плевком попасть в чёрного как смоль петуха с маково цветущим буйным гребнем на маленькой головке. Петух, дабы не уронить перед бродившими здесь же зазнобами собственного авторитета, не полохался трусливо в сторону, но тревожно кокотал и искоса сверкал на лопухого лоботряса презрительным зрачком, словно спрашивая: “А всё ли у тебя в порядке с головой, юноша?”

В ответ малец вновь плюнул в пернатого красавца.

— Зачем хочета пугаешь, прирова душа? — закричала Махониха. — Он тебе что, мешая?

— Ремнём его выпороть, — загремело из-за забора. — Ремнём погуще.

— И в кого только такой бестолковый и неслухмённый, — печально и тихо, словно самой себе, вновь повторила Махониха и перекрестилась мелко: — Прости, Господи.

— В папку! — отрывисто и зло огрызнулся малец, выглядывая, как бы ловчее поразить слюной жертву.

— А ты хоть раз в жизни видел его, отца-то своего? Ты его знаешь? — Унтер хохотнул.

Махониха и внук промолчали.

— От заезжего молодца твоя мать тебя обубенила, от босяка и пьяницы. И сама спилась, нигде не работает, тебя бросила, в мусорных баках в Белгороде, люди сказывают, пропитание себе добывает и гардероб. И ты, видать, точно такая же рвань, как твои непутёвые родители. Пороть тебя каждый день надобно, как сидорову козу, ремнём.

Что хотела сказать в ответ соседу Махониха, можно только догадываться, но едва она открыла рот, как внук взъерошенным воробьём слетел с крыльца, схватил горсть старой кирпичной щёбёнки и швырнул ею в Унтера. Бросок получился метким, о чём и возвестили вопль и целая тирада из матерных слов любителя пороть ремнём чужих внуков.

Ничего не понявшая старуха стояла как вкопанная и закрывала одной рукой рот. Из оцепенения её вывел Унтер. Сплёвывая с разбитой губы кровавую пену, он выламывал доску, пытался пролезть в чужой двор.

— Убью, тварь, — вопил Унтер.

— Попробуй! — мальчишка набрал в обе руки щёбёнки и не двигался с места. По щекам его бежали слёзы.

Махониха метнулась в сараюшку и выскочила оттуда с вилами.

— Ты кого это собрался драть, тварь неумытая? — закричала она не своим голосом. — Дитёнка-сироту убить хочешь?

Махониха неумело мотыляла вилами перед физиономией пытавшегося прodrаться сквозь дыру в забор Унтера и неожиданно, как несколько минут назад внук в петуха, плюнула в него.

Внук встал рядом с бабушкой, слёзы из его глаз бежали ручьями, он их размазывал по лицу грязными кулаками и в любое мгновение готов был броситься в бой с ненавистным врагом, защитить бабушку, чего бы это ему ни стоило.

Помощь, как часто бывает в подобных случаях, пришла оттуда, откуда трудно было предположить: висевший на большом ржавом гвозде в заборе большой лом, завернутый в верхней своей части калачом, упал на ногу Унтеру так, что тот взвыл от боли, дёрнулся назад, сел на землю и сразу начал разуваться. На шум во дворе из дома вышла жена Унтера...

Поздно вечером, когда пили чай с баранками и обсуждали в сотый, наверное, уже раз то, что произошло днём, внук вдруг потупился и заплакал.

— Ты чего это? — всполошилась старуха.

— Бабуль, я... Ты меня прости. Я буду стараться... Буду хорошо учиться. Я не буду никогда-никогда тебя расстраивать...

— Вот и ладно, золотко, вот и хорошо.

Махониха гладила дрожащей рукой внучонка по стриженому затылку и заливалась слезами вместе с ним.

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

РАССКАЗ

Над серым меловым холмом, покрытым на склоне белыми пятнами снега, чуть в стороне от темневших крышами дач и фруктовых деревьев медленно кружился ворон. Он то падал камнем вниз и почти касался земли, то поднимался ввысь и, словно демон, медленно парил в тёмном, суровом небе.

Ларин долго и внимательно следил за его полетом и всё не мог взять в толк, что такого интересного высматривает хищная птица, пока сам не узрел, как с вершины холма кубарем вниз покотился живой клубок.

— Заяц! — догадался Ларин и поспешил на выручку ушастому: засунул в рот четыре пальца, пронзительно и громко засвистел.

Заяц присел, а ворон резко взмыл вверх и улетел за дальние дачи. Скрылся за ближайшим строением и заяц.

От нечего делать Ларин решил подняться к месту недавних событий и медленно начал карабкаться вверх, стараясь обходить снежные лоскуты. Поднимался долго и, как оказалось, зря: ничего полезного на вершине холма он не нашел. Прислонившись к высокой толстой сосне и укрываясь от ветра, Ларин закурил и стал смотреть на прикрытую лёгкой дымкой панораму раскинувшегося за рекой города. Но его внимание вновь отвлек ворон.

Этот наглый обжора теперь обнаружил буквально в ста шагах от Ларина другого лопоухого бедолагу, схоронившегося в небольшой ямке под кустом, сделал круг над ним и сел поодаль, метрах в десяти. Косой спал так крепко, что никакой шум не в силах был его разбудить. Ворон наверняка понял, что имеет дело с беспечным, никем ещё не драным зверем, подскочил к нему бочком и со всей мочи ударил в спину. С перепугу и от резкой боли серый мгновенно сиганул чуть ли не на метр вверх и в сторону и вновь присел. Пользуясь случаем, ворон вновь налетел на лопоухого и начал бить его куда ни попадя, вырывая при этом клочья шерсти. Заяц заверещал и, выпустив когти, попытался отбиться лапами, но это ему плохо удавалось. Ларин, сам бывалый охотник, знал, что в таких случаях хищник старается попасть клювом в глаз своей жертве и ослепить её, чтобы потом было легче с ней расправиться.

Заяц отбивался из последних сил, но ворону вновь помешал Ларин своим свистом и криками.

Хищник взмыл вверх и убрался восвояси. Помешкав секунду, драпанул в сторону дачных садов и длинноухий любитель сладко поспать.

— Две заячьи жизни за каких-то полчаса спас, — подумал про себя Ларин и грустно усмехнулся.

У него сегодня был плохой день. Несмотря на то, что первый день нового года. Но это был день поминовения Серёги и Валерки, которые ровно десять лет назад погибли в Грозном на центральной площади у дворца президента. Они были морскими пехотинцами.

Игорь Ларин, Сергей Максимов и Валерий Троянов жили в одном дворе и учились сначала в одном классе, а потом — в автотранспортном техникуме. Все трое высокие и сильные, они серьёзно занимались баскетболом и боксом. Заводилой в компании был Ларин: на гитаре играл, стихи сочинял, язык подвешен хорошо. Да ещё и характер жёсткий и непреклонный. Серёга с Валеркой были попроще, особенно Валерка — рубаха-парень и сама наивность. Жили, что называется, не тужили и поклялись однажды в будущем так же держать друг за друга, как бы кто куда высоко ни взлетел.

Вспоминая юношеские годы и тогдашнее свое состояние души и понимание жизни, Ларин потом удивлялся, как матери удалось убедить его предать своих друзей. Нет, мать, конечно, ни в чём не виновата. Она и не думала тогда ни о каком предательстве. Мать есть мать: для неё главным было оградить сына от беды, которую она предчувствовала и видела. Тогда она просто не могла поступить иначе, или была бы не мать. Она и родителей Серёги и Валерки уговаривала поступить так же, как она. И они соглашались. Соглашались, но ничего не могли сделать со своими упрямыми сыновьями: те твёрдо стояли на своём и были непреклонны в своём решении. Ларин тоже долго держал оборону. Ему даже отца удалось убедить в правильности своего выбора, но мама не признавала никаких доводов и аргументов в пользу службы в армии.

— На верную смерть я тебя не пушу. Только через мой труп, — говорила она и сделала всё возможное, чтобы её сын в армию не пошёл. Она договаривалась с врачами, и те нашли у Ларина какую-то болячку, из-за которой ему якобы обязательно должна быть предоставлена отсрочка, потом сунули взятку кому-то из военкоматовских ханыг, и Ларина вообще признали годным к нестроевой. Ларина, у которого был первый взрослый разряд по боксу во втором полутяжелом весе и такой же разряд по баскетболу!

Валеркины и Серёгины родители тоже давили на них, как могли. Серёгина мать провернула практически такую же операцию, что и мать Ларина, и с врачами, и с военкомовскими чинами, однако Валерка такой шум в военкомате поднял, что его тут же вместе с Серёгой и “забрили”.

Ларин на радость матери остался дома.

Через год Валерка и Серёга сгинули в Чечне, в самом центре Грозного. Их тела, как и тела сотен других мотострелков, танкистов и морпехов, так и не нашли. Наверняка они все сгорели. Кстати, первое января — день рождения тогдашнего министра обороны. Сволочь, подарок себе хотел сделать! Перед алкашом Президентом выкобенивался. Сколько жизней молодых понапрасну загубил! Сколько горя отцам и матерям принесли!

Ларин чем старше становился, тем глубже переживал своё предательство детской дружбы, свою вину перед Серёгой и Валеркой. Многие такие поступки называют умением жить, но Ларин давно и чётко определил это как предательство, а потому считал, что нечего искать какие-то оправдательные моменты и выгораживать себя.

В сущности, под любой неблагоприятный поступок можно подвести оправдательную базу. Но Ларин теперь был честен перед самим собой, и прятать голову в песок ему было ни к чему. В жизни за всё надо платить, как сказано в Библии, есть “время разбрасывать камни и время собирать их”.

Ларин в последнее время стал часто в Библию заглядывать. Особенно после смерти мамы в автокатастрофе. Видимо, настало время каяться в своих грехах. Жизнь сейчас, словно тот ворон, что на зайцев охотится: клюет Ларина — аж шерсть с него летит, и всё в глаза клонуть норовит. Вот ведь как: не успел Ларин опомниться после неожиданной смерти мамы, как на работе неприятности начались: обещали назначить завучем в школе, но что-то там *не срослось* у директора с начальником управления образования, и завучем назначили химичку. Две недели назад жена ушла: забрала двухлетнюю дочь Наташу и ушла. По её глубокому убеждению, Ларин — типичный неудачник, и жить с ним — только время терять и нервы портить. Возможно, она по-своему и права. Женщине ведь что нужно: внимание и хорошая зарплата мужа. вниманием Лиза обделена, конечно, не была, а вот насчёт денег... Какие у школьного учителя могут быть доходы?

Так и живёт теперь Ларин в трехкомнатной квартире вдвоём с отцом. Воистину, кряхтя живёт: ночь во сне, день во зле. А что впереди? Как говорила покойная бабушка: будем тянуть лямку, пока не выкопают ямку. А ведь Ларину всего три десятка лет от роду! Всё чаще вспоминаются ему слова Екклесиаста: “И возненавидел я жизнь: потому, что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем, ибо — все суета и томление духа!” И ещё Екклесиаст говорил, “...что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем”.

Прав праведник! Тысячу раз прав. И абсолютно не прав Лев Толстой, который утверждал, что возненавидеть жизнь можно только вследствие апатии и лени.

А как же тогда насчёт судьбы, против которой не попрёшь? Конечно, в какой-то степени мы можем повлиять на свою судьбу. Но только немножко, а в основном как на небесах задумано — так и будет. Из собственных штанов ещё никто не выпрыгивал.

А вот интересно, кому в жизни больше повезло: ему, Ларину, или Серёге с Валеркой? Ведь кто бы там чего ни говорил о справедливой и несправедливой войне в Чечне, но и Серёжка, и Валерка погибли, как и полагаются мужчинам — на поле брани. Им вечный покой, Царствие Небесное и добрая память родных и близких. Ларин, как заяц от ворона, пытался убежать от войны, вроде бы и удалось, зато теперь его медленно, но верно убивает быт. И если дело и дальше так пойдёт, то можно не сомневаться: конец близок. Не зря же единственным спасением от всей бытовой скверны стала для него бутылка водки.

Ларин чувствует: привыкать уже к зелью начал. И отец его после смерти жены беспробудно пьёт. В последнее время каждый вечер на пару “квасят”. Надолго ли такой жизни и здоровья хватит? Нервы и так уже ни к чёрту...

Ветер усиливался, и Ларин стал зябнуть. Закружил сначала мелкий, редкий снежок, а потом повалил хлопьями. Ларин достал из кармана стёганной болоньевой куртки четвертинку водки, медленно отвинтил крышечку и тремя судорожными глотками опорожнил её на помин души Сергея Максимова и Валерия Троянова. Постоял немного, отдышался, поставил пустую посудину возле сосны и стал медленно спускаться с холма к реке.

МИХАИЛ КУЛИЖНИКОВ

ЗАВЕТНОЕ СЛОВО

БРОДЯГА

Спасённому, известно, — рай,
а вольному, конечно, — воля,
её хлебнул он через край,
бредя просёлком или полем.
Ему плевать на грязь, на снег —
душа вот стонет от ушиба.
Бродяга тоже человек,
хоть и особого пошиба.
От века было так всегда:
не вечны сумерки печали.
Кров иногда ему давали,
кормили — тоже иногда.
На тропке, что на карте нету,
ему известной одному,
дабы вдвоём бродить по свету,
прибилась истина к нему.
Попутчицу он гнать не стал.
Хоть босиком ходить не гоже,
обувку ей свою отдал —

КУЛИЖНИКОВ Михаил Анатольевич — член Союза писателей России, заместитель председателя Белгородского регионального отделения Союза писателей России, автор трёх поэтических сборников: “Пейзаж с вечерним городом”, “Покаяние”, “Стихии одиночества” и нескольких прозаических книг. Лауреат международного поэтического конкурса “Звезда полей 2010”, лауреат литературной премии “Прохоровское поле”.

не жалко, истина ведь всё же.
В пути гроза настигла их.
В дверь не одну они стучали:
Там, где когда-то привечали,
теперь нет места для двоих.

БОМЖ

Строители задание выполняют старательно.
Строят здание банка сберегательного
из стекла и бетона.
Двери дубовые весом в полтонны,
зеркальные стены, не стены — витрины.
Прибыла на смотрины
делегация ротозеев заграничных
да пара прихлебателей столичных.
Ходят.
Здание оглядывают.
Фотоаппараты к очкам прикладывают.
Начальство в гостях души не чаёт —
пузыри удовольствия пущает.

А на скамейке
с облупленной краской
сидит мужичонка
с мордою красной.
Бородёнка седая,
в равной фуфайке,
без рубашки,
без майки.
Между коленей зажав банку,
кильку уплетает,
спиной повернувшись к банку,
отражаясь в стене наизнанку!
У иностранцев в мозгах стало тесно.
Да... Смотрится интересно
на фоне капиталистического строительства
лицо
Без Определённого
Места
Жительства.

ГРОБОВЩИК

Гробовщик на старом стуле
в одиночестве сидит.
Свежей стружкой пол усыпан,
новый гроб в углу стоит.

Старина, ну, что ж сегодня
ты не пьёшь вино своё?
Не даёт тебе покоя
чёрных мыслей вороньё.

Что печальных глаз не сводишь
ты со стружки на полу?
Не тебя ли ожидая,
этот гроб стоит в углу?..

* * *

Тот строит дом —
он кирпичи кладёт,
и в небо “майна”
он кричит натужно.
Так день за днём,
из года в год.
Жильё всегда
кому-то нужно.

А этот хлебопёк —
он хлеб печёт.
Он кормит всех
и в завтрак,
и на ужин.
И потому
всегда ему почёт,
поэтому
всегда и всем,
он нужен.

А вот и врач.
Куда нам без врачей?
Он вылечит,
ежели ты простужен.
Не будем тратить
попусту речей.
Врач нужен нам,
конечно,
очень нужен.

А этот вот — поэт,
никчёмный человек.
Он с праздностью
с рожденья крепко дружен,
и потому он никому вовек,
конечно же,
не нужен.

Но всё ж,
когда тяжёлые века
накроют на Земле
последние обители
ненужного
и нужного пока,
и даже главного
руководителя.
Начнётся молотьба
без края и конца,
и будет от зерна
отвеяна полова,
потомки примут бережно
в сердца
заветное,
пророческое слово.

г. Белгород

ЕГОР ШАПОВАЛОВ

100 ЛЕТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

*Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья...*

А. С. Пушкин

Название села Борки, расположенного в Суджанском районе Курской области, происходит от звучного слова “бор” (то есть – хвойный лес). Первым поселенцам приходилось в борьбе с природой (кстати, знаменательна переключка названия со словом “борьба”) выкорчёвывать огромные пни, чтобы на месте прежнего леса возвести дома, школу, церковь. И местные жители сами подобны непокорным деревьям, стоявшим здесь ранее, многолетним величественным деревьям, которые вознесли свои вершины высоко над родной землей, но в то же время намертво вросли в родную землю могучими корнями.

И вот наконец, после двухчасовой дороги, мы въезжаем в этот уголок. Водитель сбавляет скорость, и, кажется, сама жизнь тоже замедляется, переходит на другой уровень. Дни в таких местах протекают в совершенно ином ритме. Здешние обитатели будто растворились в бесконечном цикле существования. Рассвет сменяется закатом – и всё это время работа. Тяжелая, но исполняемая спокойно, без лишней суеты, потом – заслуженный отдых. Время от времени – праздники, неважно какие, это – праздники искренности и человечности.

Сегодня в Борках праздник местной школы. Она здесь служит чуть ли ни центром сельской жизни. Здесь проводятся мероприятия и праздники. Ученики получают качественное образование, многие впоследствии идут учиться в престижные вузы. Некоторые становятся учителями и идут работать в эту же школу (жизненный цикл).

В прошлом году школа (возведённая местными энтузиастами ещё в 1912 г.) отметила столетний (!) юбилей.

Стекаются люди – бывшие учителя, выпускники – со всей России, даже из-за рубежа. Вот подъехал директор, за ним – настоятель храма и глава района. Все осознают важность этого события.

Здание школы, возведённое из кирпича, выжженного на соломе в дореволюционные времена, имеет свои особенности. Смежные классы разделены огромными дверьми, если открыть их – получится большой концертный зал.

ШАПОВАЛОВ Егор Витальевич родился в 1996 году в Белгороде. Ученик 11-го класса Белгородского лицея № 38. Победитель литературных олимпиад. Живёт в Белгороде.

Меньший из классов используется как сцена, в большем – партер. Зал просторный, но, тем не менее, мест не хватает, пришло столько гостей, что некоторым придётся стоять.

И вот праздник начинается. Гремит музыка (может быть, чересчур громко), школьники танцуют и поют в перерывах между выступлениями гостей. Слово дают почти всем. По очереди выходят настоятель церкви, затем бывшие директора, учителя, выпускники. И все говорят, не останавливаясь, долго, страстно, искренне. Настолько искренне, что приглашенный на праздник врач из Курска высказал такую мысль: “Я так проникся вашими чувствами, что даже странно, что я никогда не учился в этой школе и не имею к ней никакого отношения”. Это свидетельство того, что здесь нет своих и чужих, каждый чувствует себя, как дома, все разделяют общую радость.

Один из гостей подарил детям новые, еще не надутые футбольные мячи, сопроводив это шуткой о том, что не надутый мяч можно надеть на голову в качестве каски и защититься в случай обвала столетнего потолка. На самом же деле – это не более чем веселое предупреждение. Небольшое, “аккуратное” здание школы из красного кирпича внушает своим видом ощущение надежности. Ровно сто лет назад местные жители пошли дальше знаменитого постулата: “мужчина должен вырастить сына, посадить дерево и построить дом” – они построили для своих детей школу, которая выдержала смену эпох и столетий, сохранила в себе дух давно ушедшего времени, который до сих пор питает новые поколения учеников.

Но тогда, в дореволюционные времена, здесь училось 35 человек. Школу можно считать подарком, эстафетой, которая была передана Советскому Союзу. Из оживленного разговора бывших директоров школы, занимавших эту должность в разное время, можно узнать, что число воспитанников в 60-х – 70-х годах прошлого столетия достигало 380 человек.

Но мы забыли упомянуть, что уже подошла к концу торжественная часть мероприятия, теперь несколько утомленные гости беседуют за праздничным столом. Многие группами разошлись по селу и продолжили праздновать уже в узких компаниях – ведь у такого праздника есть и личная сторона. До самого утра в разных уголках села и в подсвете костров на берегу хрустально чистой реки Псёл отзывались народные песни...

Более личный, искренний характер принимает и разговор оставшихся в школе, за столом. Но, несмотря на то, что эмоции еще не утихли, и многие из присутствующих периодически делятся ими в выступлениях, за этим столом уже царит ощущение спокойствия – праздник прошел не зря, наблевшие мысли высказаны, чувства успокоены.

Казалось бы – идиллия. Наконец-то наступили времена, когда деревенское спокойствие и природные красоты уже не таят за собой социальных проблем... но не тут-то было.

В Борковской школе на данный момент обучается 35 человек – ровно столько же, сколько было в самом начале, в 1912 году. Это считают вполне подходящим поводом для её закрытия. И прошедшее праздничное мероприятие – есть не что иное, как предсмертная агония – отчаянная попытка организма, движимого инстинктом самосохранения, вернуться к нормальному существованию, использовать последние оставшиеся возможности и силы для сохранения жизни.

Поэтому, несмотря на радушный приём, шумные торжества и вдохновенные выступления гостей, общее впечатление остаётся тягостным. Чуть ли не пир во время чумы! Или же это можно сравнить расставанием с последними иллюзиями, с вырубкой “Вишнёвого сада”. Говоря совсем уж откровенно – это досрочные поминки.

Так что этот год знаменует собой не только памятное событие для села Борки, но и окончание целой эпохи, эпохи, на протяжении которой тут выросли и узнавали жизнь дети, на протяжении которой сменялись поколения. И если не произойдет чудо, то вывешенный в школе праздничный плакат, на котором гуашью выведено: “1912–2012”, можно будет воспринимать, как годы жизни, высеченные на надгробии.

ТИМУР ПУЛАТОВ

МЛАДОБУХАРЕЦ ПРОТИВ МЛАДОТРОЦКИСТОВ

2. "...Это я дежурю, я дежурный по "Апрелю"..."

Утром следующего после краха ГКЧП дня на территорию Дома творчества в клетчатом пиджаке и кепке английского покроя горделиво въехал на велосипеде Евгений Евтушенко. Сделав несколько победных кругов вокруг толпящихся во дворе литераторов, обсуждающих аресты и самоубийства "путчистов", он, по натуре тревожно сосредоточенный на ощущении собственного величия, тем не менее, старался изобразить лёгкость и любезность в разговоре со всё ещё обескураженными происшедшими событиями "собратьями по перу". К нему потянулись писатели и журналисты, кому ещё вчера грозило долгое пребывание в подполье. Поздравляли друг друга вымученно, не до конца ещё избавившись от страха, шутили.

Евтушенко повелительно бросил кому-то:

– В двенадцать в "большом" Союзе собирается гэкачепистский оргкомитет. Тут мы их всех и накроем...

А я ведь в суматохе и забыл, что тоже приглашён Михалковым на сегодняшнее мероприятие. В голове было лишь одно: поскорее бы уехать из взбесившейся Москвы...

Я протиснулся к "больше чем поэту" со своим, с наболевшим...

– Нет проблем, – откликнулся он. – Позвоню Гавриилу Харитоновичу...

Я отошёл к ожидавшему меня Бердыназару Худайназарову, пожалуй, лучшему в то время в Туркменистане прозаику, председателю Союза писателей Туркмении. Он тоже был приглашён на заседание оргкомитета IX съезда в "Дом Ростовых" на Воровского, и я рассказал ему об услышанной мной реплике Евтушенко о захвате "большого" Союза.

Чувство долга и любопытство провинциалов погнало нас на улицу Погодина, чтобы поймать машину до Москвы. Неожиданно рядом затормозили "Жигули". В полуоткрывшуюся дверцу выглянул Андрей Битов:

– Ты куда, Тимур?

– На Воровского, – обрадовался другу.

– Сначала в Пен-центр, – поставил условие Битов. – Ожидаются перемены...

Слово "перемены", которое меня всегда настораживало, теперь звучало обыденно – во времена больших и малых перемен к ним привыкает даже закоренелый ортодокс.

Быстро доехали по обезлюдившей Москве до Неглинной, где в старинном особняке располагался русский Пен-центр, в отличие от нашего, среднеазиатского, имевшего лишь угловой столик в общей бухгалтерии Союза писателей в Ташкенте. Столичный размах. . .

В зале с лепниной и масонскими знаками в виде наблюдающего глаза на стенах и потолке (вспомнилось “всевидящее око” Большого Брата из романа Оруэлла) вопрос о переменах был поставлен уже в начале заседания. Отъезжающий на ПМЖ в США Анатолий Рыбаков сложил с себя полномочия президента Пен-центра, рекомендовав Андрея Битова, что было встречено гулом одобрения пен-клубовцев.

Проголосовав, как и все, за Андрея Георгиевича, я извинился и поспешил к выходу вместе с Худайназаровым, чтобы успеть на заседание оргкомитета.

Пришлось останавливать левака, но его машину задержал гаишник у въезда в тоннель под проспектом Калинина. Пошли пешком по верхней дорожке и тут в тоннеле заметили знакомые лица – Александра Руцкого, Руслана Хасбулатова, Егора Гайдара. . .

Окружность тоннеля, которая втягивала цепочку людей, среди которых находились наши главные демократы, была знакома нам по телевизионной картинке, примелькавшейся за эти три сумасшедших дня. Полутёмная сырая труба словно воссала в своё чрево трёх молодых москвичей, находящихся в таком возрасте, когда жизнь кажется игрой, а смерть – потехой. . . Погибших по неосторожности вскоре объявят героями, на деле же они стали сакральными жертвами новой революции, которая, как Молох, всегда требует кровавых жертв. . .

Во дворе “Дома Ростовых” среди проржавевших служебных “Волг” выделялся своей крутобокой лакированной статью блестящий “Мерседес” Евтушенко. Он обогнал нас. Худайназаров придержал шаг и заметил:

– На такой игрушке у нас ездит пока лишь президент Туркменбаши. И больше никто. . .

Едва мы с Бердыназаром, запыхавшись, поднялись на второй этаж, как увидели приёмную, набитую людьми, попеременно прикладывающими ухо к массивной лакированной двери кабинета, где шло заседание. Взволнованных сотрудников, естественно, интересовало, что будет теперь с Союзом писателей. Наше неожиданное появление на пороге прервало возгласы и смех сидевших за длинным столом во главе с Евтушенко, рядом расположился растерянный и обескураженный Михалков.

Как потом выяснилось, шумное веселье было результатом панического бегства секретарей Союза при появлении час назад во дворе “Дома Ростовых” группы *апрелевцев* под предводительством Евтушенко. Жаль, опоздал, не успел увидеть, как литературные чиновники, встречающие, бывало, каждого пришедшего с какой-нибудь просьбой писателя миной скучающего ростовщика-процентщика, так стремительно и в ужасе ретировались, оставив несчастных сотрудников толпиться в приёмной в ожидании милости победителей, захвативших все кабинеты.

Более или менее правдивую картину случившегося передала активная участница налёта поэтесса Татьяна Кузовлёва в интервью радио “Свобода”: “Первым размашистой походкой вошёл в здание Союза писателей Евгений Евтушенко, и тут же безмолвно из кабинетов вдруг посыпались бывшие секретари Союза писателей СССР, которые вскакивали в свои служебные чёрные “Волги”, и эти “Волги” выносились стремительно на улицу. Было такое ощущение, что бывшие секретари Союза писателей смертельно боялись встречи. . .”

Пристроившись у края стола, я стал всматриваться в весёлые лица. Многих узнавал с первого взгляда. Тут были Г. Бакланов, А. Ананьев, М. Шатров, А. Приставкин, Ю. Черныченко, А. Адамович, А. Нуйкин, Н. Панченко, А. Салынский, А. Афиногенов. . . При всём разнообразии лиц, выглядели они все, как братья по крови. . . Тщедушные их тела так и распирало от собственной значимости.

За маленьким, приставленным к камину столиком уютно пристроился журналистский пул: Ирина Ришина из “Литературной газеты”, Эдмунд Йодковский из апрелевского органа “Литературные новости” и вездесущий сотрудник “Гуманитарного фонда” рыжеволосый Илья Куц-Жарко. Это он придумал новые литературные жанры. Традиционный авторский монолог

стал называться “оральной публицистикой”, а бурные аплодисменты – “всплеском оргазма”...

Куш-Жарко не отводил колючего взгляда от Евтушенко, ведущего собрание, ожидая, что революционная страстность оратора причудливо трансформируется в сексуальный образ. От революции, творимой писателями внутри своего цеха, он ожидал рождения новых форм мазохизма, которые непременно должны были пойти в народ.

Между тем, Евтушенко, плечом оттесняя Михалкова с председательского места, с угрозой в голосе повторял:

– Так вы подпишете протокол о самороспуске оргкомитета, поддержавшего ГКЧП, и об отказе от девятого съезда?.. – А чуть зазевавшейся было Наталье Ночвиной из отдела кадров, которая вела протокол заседания, повелительно приказал:

– Занеси вопрос в протокол!

Сергей Владимирович Михалков от волнения стал заикаться, пытаясь отбиться от наседавшего на него нахрапистого стихотворца, а я вспомнил восьмой съезд писателей СССР, где многие из сидящих здесь, в том числе и Евтушенко, не были избраны секретарями и в правление Союза писателей. И хотя съездом дирижировал идеолог перестройки А. Н. Яковлев, тогда в Союзе писателей не сработал сценарий, обкатанный в Союзе кинематографистов, где выдающегося режиссёра Сергея Бондарчука подвергли остракизму и заменили посредственным кинодеятелем.

Судя по настроению большинства писателей, оставшихся без своих газет, издательств, журналов, доведённых до нищеты, оболганных, названных краснокоричневыми и коммунофашистами, намеченный на сентябрь IX съезд и вовсе не избран бы апрелевцев делегатами, что и случилось на собрании Московской писательской организации, а для амбициозных и самолюбивых Евтушенко, Черниченко, Бакланова это было равносильно тому, что их вовсе выдворили за порог литературы...

Прокурорская по тону реплика Бакланова вывела меня из тяжёлых раздумий:

– Какие вопросы могут быть к защитнику путчистов?!

– Какой я... – задохнулся от негодования Михалков. – Мой сын Никита стоял в “живом кольце” у Дома Советов...

– Сын за отца не отвечает, – съязвил Нуйкин. – Вам, любимцу Сталина, разве не известно это высказывание тирана?

– А секретариат 20 августа?.. Вспомните-ка, что вы говорили, Сергей Владимирович? – насупив брови, спросил Евтушенко, с шумом раскрывая газету на столе. – В “Комсомолке” всё объективно изложено присутствовавшими на вашем сборище Савельевым и Казаковым...

Оба клерка, настроившие среди прочего донос на человека, помогавшего им решить квартирный вопрос, чуть привстали в готовности, как дрессированные собачки.

– Вот достойные свидетели вашего и других секретарей позора и предательства! – указал на них Евтушенко. – Так будете подписывать протокол?..

– Подпишу... – еле слышно проговорил Михалков.

И только после этих слов бледного, истерзанного пожилого человека в моём сознании окончательно оформилось ёмкое слово “захват”, как принято говорить сегодня, *рейдерство*. А как же клятвенное заверение одного из отцов-основателей “Апреля” Л. Жуховицкого о том, что движение не стремится к власти в писательском сообществе и не примет власть, даже если её предложат?..

Выходит, после этой благородной декларации они не особенно и дожидались: не предложат – возьмём сами. И вот наступил этот момент...

Всё, что я увидел и услышал, возмутило меня до глубины души. И это творилось в среде людей, называющих себя интеллигентами! Особенно возмущала откровенная ложь *апрелевцев*. Ведь было заявлено, что оргкомитет, протокол о роспуске которого заставили подписать Михалкова, в полном составе поддержал ГКЧП, хотя мы с Бердыназаром, да и многие из не присутствовавших здесь членов оргкомитета этого не делали, находясь вдали от Москвы. Затем одним росчерком пера был отменён очередной, IX съезд писателей, делегатами которого мы с Худайназаровым тоже были избраны.

– Прежде чем ликвидировать законно избранный оргкомитет, вы спроси-

ли мнение всех его членов? Нас, например, с Худайназаровым?! – не выдержал я внутреннего напряжения.

– Сейчас и до вас дойдём, – не терпящим возражения голосом резко ответил Евтушенко.

Но высокомерная его резкость только подзадорила меня. Я встал:

– Нам, восточным людям, привыкшим уважать старость, крайне неприятно слушать, как вы, Евгений Александрович, давите на пожилого человека. – И машинально вынув из бокового кармана членский билет, продолжил: – Я не признаю незаконный разгон оргкомитета и IX съезда. И если вы не прекратите такое недостойное поведение, я подам заявление о выходе из Союза писателей.

Повернулся к Наталье Ночвиной (она много раз потом вспоминала этот эпизод) и сказал:

– Занесите мои слова в протокол...

Словно подгоняемый в спину всё тем же горячим импульсом, я вышел в коридор.

Там, стоя у окна и глядя на унылый дворик с памятником Толстому, на портик старинного здания, едва держащийся на деревянных, местами уже прогнивших столбах, даже не подумал в этот момент, что теперь уж точно останусь безбилетником: звонок от Евтушенко всемогущему Гавриилу Попову не состоится... Мне почудилось, как я на перекладных, автостопом добираюсь до дома сквозь две пустыни...

Но неожиданно в приёмную вышел Григорий Бакланов и попросил меня не обижаться на Евтушенко; мол, эмоционален, иногда его заносит... Словом, меня попросили вернуться на заседание.

Я понял их затруднение: для того чтобы считать легитимным захват Союза писателей, апрелевцам необходимо присутствие хотя бы двоих делегатов из других республик. Ведь на этом так называемом секретариате присутствовало лишь десять из тридцати шести его членов.

За время, пока я ждал Бердыназара в приёмной, Ночвина напечатала протокол о самороспуске. Сергей Владимирович подписал бумагу и, пошатываясь, вышел за дверь, что спасло его от дальнейших унижений.

Как дело давно решённое, Евтушенко диктовал Ночвиной причины изгнания с секретарских должностей С. Колова, Н. Горбачёва, Ю. Грибова, Ф. Кузнецова, Ю. Верченко: не за трусливое бегство при появлении в дверях Союза писателей литературных инквизиторов, а за “недостойное советского писателя поведение в дни путча”, за то, что не дали отпор призыву секретаря СП России Сергея Бобкова поддерживать ГКЧП. Заодно были осуждены и выведены из состава секретариата Ю. Бондарев, В. Распутин, А. Проханов, подписавшие “Слово к народу” – идеологический манифест ГКЧП.

После того как расправились с негодными, началось самое важное – делёж портфельей. Первым на должность секретаря волею Евтушенко был назначен Владимир Савельев – один из клерков, подписавших донос в “Комсомолку”. Его соавтор Казаков обиделся и дёрнулся к двери, но ему была обещана “хлебная” должность: место Александра Бака, сидевшего на раздаче машин и квартир, или же должность директора Издательского дома “Литературная газета” вместо Головчанского.

Худайназаров наклонился ко мне и шепнул:

– А ты не хочешь с ними поработать?

– Дома меня ждут...

– Не горячись. – Худайназаров был бесстрастен, как истинный туркмен. – Поработаешь годик, разберёшься с дачами в Переделкино. Ведь это дачи Литфонда СССР, а живут там одни москвичи – несправедливо...

Он говорил так, словно дразнил моё самолюбие.

– Как только ты защитил аксакала Михалкова и вышел, хлопнув дверью, покинув позорный курултай, я заметил: все растерялись и несколько минут не могли говорить... Поверь мне, старшему по возрасту, и демократы, и фашисты одинаково уважают силу и крутой нрав.

Он вдруг встал, сутулый и высокий, и густым басом начал:

– Послушайте, ваш многолетний секретарь по национальным литературам Юрий Иванович Суворцев, не знаю, может он и хороший человек, но работник неважный. Книг наших не читает. Зато перед каждой поездкой в Туркменистан наказывает консультанту: “Ты постарайся, чтобы в Мары мне преподнесли

расшитый халат, в Ташаузе — мягкие лайковые сапожки, а в Ахшабаде из рук главы города — шерстяной ковёр...” Так до ахалтекинскога скакуна вскоре дойдёт... Зачем нам такие кадры? От имени писателей Средней Азии на эту должность предлагаю кандидатуру Тимура Пулатова.

Не знаю, что бы ответил Бердыназару сам Суровцев, опоздавший на секретариат из-за сбоя в работе электричек и приехавший вместе с Константином Скворцовым лишь к концу делажа портфелей, но после неожиданного заявления Худайназарова воцарилось неловкое молчание. Нуйкин скрёб ногтями лак стола, Огнев в задумчивости спрятал подбородок в прорезь косоворотки, Афиногенов тяжело дышал.

Евтушенко, не мигая, смотрел на меня колючим взглядом, обдумывая свой хитроумный ход, и лишь клерк-доносчик Казаков, всё ещё надевавшийся получить сопоставимую с савельевской должность, сказал:

— Мы его не знаем... Из какого он лагеря?..

— Да, Восток — дело тонкое, — подал голос Нуйкин.

И тут Евгений Александрович показал, на что способно его умение лавировать в быстро меняющейся ситуации.

— Да кто не знает Тимура Пулатова — одного из лучших прозаиков! Он, кстати, как и большинство из нас, — *шестидесятник*. (Напомню: термин *шестидесятники* был введён в оборот критиками в годы хрущёвской оттепели, наряду с *деревенщиками* и *городскими* писателями группой авторов литературных журналов. — Т. П.). В Ташкенте я не мог найти его, сказали, что живёт отшельником, пишет странную прозу и не ходит в тамошний Союз писателей. Он сопровождал Беллу Ахмадулину во время её творческих вечеров в Узбекистане... А с Андреем Битовым они друзья. Андрей как-то придумал для Тимура определение: “тихий диссидент”, — то есть не кричит, не высказывается... Тоже, надо сказать, смелая позиция в условиях тотального контроля на его родине... Я — за! А Юрий Иванович Суровцев — учёный, академик, он не останется за бортом...

— Пусть расскажет свою программу, — не унимался Казаков, которому была обещана несравненно более прибыльная должность: распределение дач, квартир, машин...

— Программа у Пулатова, как и у всех нас, — отстаивать свободу творчества! — патетически восклицал Евтушенко. — Всё то, чего мы добились, обходя цензурные рогатки. Рогаток этих нет, но есть шовинисты, фашисты... Пример тому — фашистская вылазка в ЦДЛ. Тимур этого не видел, его не было в Москве, но я не сомневаюсь в его ненависти к русским фашистам, от которых он так много страдал!

Так политически-плакатно поддержал мою кандидатуру Евгений Александрович.

Мой резон во всём этом был в стремлении окунуться в какое-то живое дело, выйти из полосы застоя, хандры, найти смысл в работе. А резон Евтушенко в отношении меня был архииспытанным и безотказным — стремление продвинуть либеральные идеи в национальной среде и, держа эту среду под неусыпным контролем, вершить свои дела.

Вместе со мной Евтушенко назначил секретарями, кроме Савельева, Владимира Огнева, Артёма Анфиногенова, Валентина Оскоцкого, *ковролюб* Суровцева. Временно был оставлен и Константин Скворцов, хотя против него активно выступал Савельев.

Нуйкин, который всё время *косил под Троцкого*, назвал этих двоих “буржуазными спецами, работающими на революцию”. Он так вошёл в роль, что, увидев расслабленные позы своих сотоварищей, решил взбодрить их призывом:

— А теперь, господа, вперёд — через дорогу, в “Советский писатель”, выгоним оттуда Жукова, намеревающегося печатать “Протоколы сионских мудрецов” — фашистскую фальшивку!

Призыв был воспринят без энтузиазма. Наблюдая за Евтушенко, я подметил, что он, как и многие творческие натуры, говоря языком психиатрии, *циклотимичен*. Не умея, как восточные люди, равномерно распределять энергию гнева и буйства толпы, он быстро истощается, впадает в апатию и равнодушие. Эту психологическую особенность своего нового работодателя я решил учитывать, если он, паче чаяния, будет стучать на меня кулаком по столу, швырять чернильницей и совершать иные эмоциональные действия, свойственные людям, быстро взлетающим по служебной лестнице.

– Жукова оставим на завтра! – устало махнул рукой Евтушенко. – Перед нами теперь целая вечность.

Нуйкин, однако, рвался в бой. Его поддержали Костюковский и Панченко, который и намеревался сесть в кресло Анатолия Жукова.

Перед моими глазами живо предстали картины пустыни Гоби, где мы два года назад тряслись по бездорожью в машине с Жуковым в составе делегации писателей СССР. Я, пользуясь тем, что к снятию Жукова с должности именно сегодня и сейчас Евтушенко проявил апатию, возразил с твёрдостью в голосе:

– Жуков избран на пять лет правлением издательства. Набрал в два раза больше голосов, чем Анатолий Стреляный, работающий сейчас на радио “Свобода”. Не прошло ещё и двух лет... Устав не позволяет снимать Жукова без веских причин.

Моя осведомленность о Жукове и Стреляном, за состязанием которых я наблюдал как член правления “Советского писателя”, не остудила, однако, тех, кто намеревался во что бы то ни стало сегодня же провести *рейдерский* захват издательства. Нуйкин возмутился:

– Какие уставы, законы?!.. В революционное время действия соизмеряют не с прогнившими уставами и законами, которые сочинили для себя изгнанные секретари Союза, а с революционной целесообразностью... Разумеется, до того как мы напишем *нужные нам* законы и уставы...

Нуйкин, ставивший в смутное время захватнический инстинкт выше законов, не показался мне оригинальным. Где-то я уже читал подобное. Мучительно вспоминал: где же?... И лишь когда вернулся в Дом творчества, меня осенило. Я стал судорожно листать купленную в толпе митингующих на Пушкинской площади книгу незабвенного Льва Давыдовича Троцкого “Терроризм и коммунизм”.

“Вопрос о форме репрессии и её степени, конечно, не является принципиальным. Это вопрос целесообразности (подчёркнуто мною. – Т. П.). В революционную эпоху отброшенная от власти партия не может быть устранена угрозой тюремного заключения, так как она не верит в его длительность. Именно этим простым, но решающим фактом объясняется широкое применение расстрелов в гражданской войне...” (с. 65).

Привыкший мыслить образами и определениями, я всю эту компанию, по аналогии с собой – *младобухарцем*, стал отныне называть *младотроцкистами*, всё же надеясь тогда, что в новой революционной ситуации они не пойдут по стопам своего духовного учителя. Ошибался я простодушно... Пройдёт совсем немного времени, и имена сидящих здесь среди прочих будут ассоциироваться с расстрелами и гражданской войной в октябре 1993 года.

Евтушенко, которому надоела настырность Нуйкина, объявил заседание закрытым, и большая часть присутствующих через маленькую боковую дверь спустились в ресторан ЦДЛ. Неутомимые же революционеры Нуйкин, Костюковский и Панченко направились к памятнику Толстому, где их ждали, переминаясь с ноги на ногу, двое сотрудников издательства – тамшние *савельевы-казаковы* – с доносом на Жукова.

Хорошо, что в издательстве, прослышав про бегство с поля боя коловых-грибовых, к приходу *рейдеров* успели забаррикадировать столами, стульями и даже стопками книг все ходы и выходы, а у главного входа поставили двух ярмарочного вида казаков, которые встретили злоумышленников, свирепо подкручивая усы и грозно постукивая о ступеньки деревянными саблями.

Это произвело эффект, и те не посмели зайти за железную ограду...

Однако война войной, а обед по расписанию... Мы с Худайназаровым, чтобы успеть на ужин в Дом творчества, попытались остановить частника. Неожиданно возле нас затормозил “Мерседес”, из машины выглянул Евтушенко:

– Садитесь, я тоже в Переделкино.

Пока мы ехали, у импульсивного поэта поменялись планы.

– Заедем ко мне на дачу. Пообщаемся, поужинаем... Мне прислали бургундское вино из Франции и чуть ли не центнер красной рыбы из Дании...

В домашней обстановке Евгений Александрович был само дружелюбие и предупредительность, и не только по отношению к нам, гостям, но и к молодой жене и отпрыскам. Подумалось, что этому человеку ещё нужно? Прекрасная дача, обставленная дорогой мебелью, подлинники Пикассо, Сальвадора Дали, Шагала, Кандинского, на которые хозяин дома обращал наше

внимание (ровно через 20 лет всё это вошло в экспозицию прижизненного музея Е. Евтушенко, устроенного на территории дачи, вход платный. — Т. П.). Известность, многотысячные тиражи книг, банковские счета здесь и в США, кроме “Мерседеса”, ещё одна машина в гараже, кажется, “Ауди”...

В этом он перешеголял даже Туркменбаши, у которого тогда был лишь “Мерседес”.

Для чего этот литературный барин, которому так хорошо и удобно было жить в СССР, под крылышком прежнего Союза, связался с компанией *оголтелых неотроцкистов*? Славы это ему не прибавит...

Евгений Александрович выкладывал на тарелки красную рыбу, а я всё думал над проклятыми вопросами, связанными с гостеприимным хозяином.

Откупорив очередную бутылку с вином, он друг сказал с налётом грусти:

— Ребята, а ведь через два года мне — шестьдесят... Думаю проехать по стране с поэтическими вечерами. Заехать в Узбекистан и Туркмению. Надеюсь, друзья, что вы закажете для меня лучшие залы... А потом снова надолго в Штаты. Я ведь живу на две страны, и обе меня ценят и любят...

Безобидную поэтическую похвальбу насчёт любви к нему России мы, прощаясь с хозяином, отнесли за счёт выпитого бургундского. А насчёт любви благополучной Америки... ему видней!

Тогда я ещё не знал, что группа Евтушенко заодно попыталась захватить и здание Союза писателей России на Комсомольском проспекте (если б знал, то поперхнулся бы рыбьей костью).

Жена встретила моё новое назначение крайне встревоженно:

— Ты должен, как и прежде, писать... А для работы с людьми нужна гибкость, умение ладить и идти на компромисс. Тем более с таким экзотическим народом, как писатели. Через полгода ты всё бросишь... Так стоит ли оставлять нас одних в Ташкенте, где всё теперь беспокойно, как и здесь...

На следующий день поехал в Моссовет, в контору Гавриила Харитоновича, которому Евтушенко позвонил во время нашей рыбной трапезы. А вечером, проводив домашних в аэропорт, позвонил домой Анатолию Жукову.

Жуков произнёс в телефонную трубку полушутливо:

— Слышали, слышали... — И после короткой паузы сказал: — Спасибо, не позволил Нуйкиным развернуться... Пока ты их удерживал, мы обзвонили авторов издательства и достойно подготовились к встрече *прихватизаторов*...

— Откуда ты в курсе? — удивился я.

— Ночвина Наталья позвонила. И про то, как ты стыдил их за Михалкова, рассказала. Она — наш человек, можешь опираться на неё, Люду Власову, Нину Юсуфи из канцелярии... Но есть и те, кто недоумевает. Золотцев Стас недоумевает: “У Тимура совсем другой дух, национальный стиль... Что он нашёл общего с этой вражьей силой?..” А я ему: “Подожди, Пулатов не такой простой. В нём ангелы и черты воюют. Друзей не оставляет в беде”. И рассказал я Золотцеву, как ты меня на спине таскал до ближайшего аймака, когда от гобийского зноя мне стало плохо с сердцем... А Валентин Сорокин — тоже гобиец — говорит: “Восток — дело тонкое, не знаю, куда Пулатов дело поведёт...” Не знаешь — значит, ты с ним мало араки пил, — засмеялся Жуков.

— И Нуйкин, когда обсуждали мою кандидатуру, то же самое сказал, мол, Восток — дело тонкое, — прокричал я в хрипевшую трубку. — Я всегда под подозрением и у правых, и левых... а кто “Апрелю” поставляет клевету на тебя про сионских мудрецов?

— Есть у нас свои *савельевы*: редактор Гангнус, брат Евтушенко, и ещё один — Ефимов... Бог с ними... Завтра приду знакомиться с новым руководством, примешь меня? — перевёл разговор в шутку Жуков.

А вот как Анатолий Николаевич Жуков в своей книге “В эпицентре событий” (“Современный писатель”, 1999) описывает свой визит к Евтушенко на следующий день после нашего разговора:

“После изгнания Колова, Грибова и иже с ними пошёл я на приём к Евтушенко. Тот сказал, что признаёт меня как писателя, похвалил повесть, в которой судят кота, но сказал, что политик я плохой, в современной ситуации не разбираюсь. В кабинете был Пулатов и заступился, не раздумывая. Должность у Жукова выборная на пять лет, работает три года, особых нареканий нет. А если есть — надо созвать правление издательства — в нём представлены все региональные писательские организации — и спросить у них, а не решать по доносам Савельева, которые он печатает в “Книжном обозрении”

за подписью своей жены Кузовлёвой. Или я не прав, Женя? Евтушенко отступил: прав, Тимур, прав, но они говорят, что Жуков хочет издать “Протоколы сионских мудрецов”, требуют создать комиссию по проверке работы издательства. — Ну, и пусть проверяют, сказал Пулатов, но только члены ревизионной комиссии, а не случайные люди... Когда комиссия апрелевцев под руководством Якова Костюковского закончила проверку издательства, Пулатов созвал расширенный секретариат и заставил апрелевцев доложить свои претензии гласно, а мне публично отвечать на них.

Костюковский старательно прочитал акт проверки “Советского писателя” и по требованию Пулатова признал—таки, что “Протоколы сионских мудрецов” не изданы и в планах издательства этой книги нет.

Я без труда отвёл и другие их субъективные претензии, и тогда Г. Бакланов, уважаемый писатель, опустил до сплетни: он сказал, что с моим участием прежние секретари перечислили в частный банк под большие проценты 22 миллиона рублей. Надо назначить новое разбирательство. Словом, подступили с другого конца, хотели пришить мне финансовые махинации и убрать с должности, а может быть, и отдать под суд...

— Зачем откладывать?! — возразил Пулатов. — Здесь начальник финансово-экономического отдела, пусть скажет, знал ли Жуков о перечислении денег в частный банк?

— Никак нет! — вскочил со стула Магер. — Издательство перечислило нам все деньги в срок. Как мог Жуков участвовать?

— Удовлетворены ответом, Григорий Яковлевич? — спросил Пулатов.

Обескураженный Бакланов не ответил. Костюковский тоже смолчал.

— Ваша комиссия, Яков Аронович, не справилась со своей ролью, — едко сказал ему Пулатов”.

* * *

На второй день, придя выполнять свои должностные обязанности, Антонину Александровну, пережившую в своей приёмной руководителей Союза писателей Федина, Фадеева, Маркова, Карпова... я застал стоящей у начальственных дверей, прижавшись ухом к коричневому дерматину.

— На месте Евгений Александрович?..

Она с достоинством отстранилась от двери, не сходя с боевого поста, поправила очки и взглянула на меня недобрый взглядом, пытаясь понять: какой экзотический фрукт — съедобный или горький — назначен был давеча начальником.

— Анатолий Жуков доложил и ушёл... А вот Станислава Куняева Евгений Александрович провожал до самого двора...

Прикурив от тлеющей папироски другую, она смачно затынулась и, откашлявшись, добавила:

— А ведь Евтушенко и Куняев пару раз вместе приходили к Юрию Николаевичу Верченко, чтобы какую-то антологию издать... А сегодня за дверью — шум, разговор на повышенных тонах! Прислушивалась, не поломают ли стул, вазу разобьют ли... А вазы у нас подарочные, дорогие...

Едва я переступил порог начальственного кабинета, как Евтушенко упёрся в меня своим колючим взглядом и долго всматривался, как бы заново изучая меня.

— Ты знаком с Куняевым? — вдруг резко спросил он.

Интуитивно я перевёл разговор на несущественные подробности:

— Меня с ним лет двадцать назад познакомила в журнале “Дружба народов” Елена Александровна Мовчан из отдела критики.

— Жена украинского поэта Павла Мовчана? — почему-то переспросил Евтушенко. — Ладно, неважно... И каково твоё мнение о Куняеве?

Я пристроился к краю стола, чувствуя, что разговор зреет длинный.

— Я плохо знаю, чем сейчас занят Куняев... Но до моего провинциального далека доходило, что он один из тех, кто твёрдо стоит на своих позициях, — и в стихах и в жизни...

Евтушенко удивленно вскинул брови и, раскрыв страничку блокнота, протянул руку к телефону правительственной связи, так называемой “вертушке”.

А меня вдруг повело на откровенность:

– Знаешь, Женя, когда я учился на Высших сценарных курсах, мы жили в общежитии на Руставели вперемежку со студентами Литинститута... Я близко сошёлся с ребятами из этого круга: Николаем Рубцовым, Толей Передревым. Всю ночь напротив моей комнаты по кухне ходил взад-вперёд и читал стихи Бориса Примерова... Чаще всего он возвращался к одним и тем же строчкам: “Я умер вовремя – до света, и ожил вовремя – к утру. А рядом проходило лето в бредовом затыжном жару...”

Евтушенко, похоже, заслушавшись, положил на аппарат поднятую трубку.

– Интересно, интересно... А ты, оказывается, совсем не такой. Вчера меня уже упрекали в Переделкино, зачем я пригласил в Союз писателей азиата в халате и чалме... И что же тебя привлекало в этих камикадзе?

– Национальное, природное, естественное... Я ведь начал писать по-русски, обучаясь языку у классиков... Но в какой-то момент почувствовал, что мне тесно, не хватает лексики для выражения чувств. Надо окупнуться в язык русской глубинки. И это было у Рубцова, Передреева, Примерова – незамутнённый дух языка. Поэтому старался держаться к ним поближе... Будучи в Москве, обязательно на пару дней ездил в Питер, к Фёдору Абрамову... А почему они камикадзе?

– А ты разве не слышишь: одна тоска, хмель непробудная, тяга к смерти... Это поколение домостроя никаким боком не вписалось в наш прогрессивный век, в наше революционное время, – со свойственной ему страстностью убеждал меня Евтушенко.

“Да, – подумалось мне, – никто из этих *домостроевцев* не сочинил бы ни “Братскую ГЭС”, ни “Считайте меня коммунистом”...”

– И ты, Тимур, со своей провинциальной окраины многого не видел и не можешь оценить бурные события последних лет в Москве. Куняев – тоже один из камикадзе... А явился он ко мне час назад с какими-то претензиями, почему я сделал то, написал это... И когда я доказал ему, что их время ушло безвозвратно, что им, квасным патриотам, остаётся лишь смириться со сдачей всех своих позиций, он ушёл, хлопнув дверью.

Из отдельных реплик полупёпотом, которые я слышал за ужином в столовой Дома творчества о попытке захвата *младотроцкистами* здания Союза писателей России, я примерно догадывался, о чём говорил Евтушенко на повышенных тонах с Куняевым.

Оглядываясь назад, хочу сказать, что надломившееся время развело поэтов по разные стороны баррикад, как и меня с Андреем Битовым, по разные стороны непроходимого и глубокого, как смертельная рана в сердце, разлома...

В связи со всем вышесказанным я вспоминаю свою поездку по Италии, где познакомился с Сергеем Владимировичем Михалковым. В составе делегации находился ещё один из тех, кого Евтушенко назвал “квасными патриотами” и “камикадзе” – Юрий Кузнецов, с которым в гостинице в центре Рима нас поселили в один номер. За окном с вечера и до утра шумели на площади темпераментные римляне и римлянки, доносились музыка из пивных баров. Несколько раз пытался я выманить из номера Юру на праздник буржуазной жизни, но он сопротивлялся, всякий раз доставая из рюкзака очередную бутылку русской водки. В отличие от Бориса Романова, с которым мы так же попали в один номер в Пекине и который держал в прохладе под лежанкой ящик вонючей местной рисовой водки, Кузнецов привозил с собой из Москвы исключительно только нашу “Столичную”. В те времена не пуганные ещё террористами авиационные власти не пропускали при досмотре в аэропорту и не разрешали провозить нашу дешёвую водку, консервы, колбасы, сыры, которые мы брали “за бугор”, дабы сэкономить суточные доллары и лиры.

Как люди, которых уже не веселит выпитое, а только ещё больше вводит в тоску, чувствующие себя чужими на празднике иностранной жизни, мы предавались воспоминаниям о прекрасной, взбалмошной студенческой поре, и оказалось, что мы с Кузнецовым в конце 60-х даже жили в одном общежитии “поэтов и киношников” на улице Руставели в Москве. И когда я медленным, полусонным голосом стал вспоминать трагикомическую историю соседа по этажу Николая Рубцова, как мы сообща собирали его во Дворец бракосочетаний, когда Рубцов надумал вдруг жениться и остаться в Москве, с Кузнецова будто хмель слетел, и он сел на кровать:

– Расскажи... Этого эпизода из биографии Коли я не знал...

Кто-то на время дал Рубцову-жениху сорочку, кто-то натянул на его худые плечи свой пиджак, я же презентовал ему галстук, который никогда не носил и не умел завязывать.

Такси уже протяжно сигналоило вниз, и сокурсники Николая затолкали его, смущённого и растерянного, в лифт.

К вечеру в жестяных чайниках сварилипельмени, картошку, сложились на портвейн “777” и стали ждать возвращения новобрачных. Явился лишь один Передреев навеселе и принялся безудержно хохотать. В чём дело?.. Оказывається, когда такси подкатило к загсу, Рубцов, всю дорогу молчавший, вдруг высадил из машины свидетелей, а сам дал команду таксисту — ударить по газам — и на вокзал...

— Не вынесла душа поэта житейской суеты, бросил Москву и плачущую невесту — и на родину! — рассказал несостоявшийся свидетель регистрации брака Передреев.

Кузнецов долго молчал, а потом произнёс:

— Такими поэтами, как Рубцов, двигают не обстоятельства, а судьба... — И продекламировал глуховатым голосом: — “Слухи были глупы и резки: кто такой, мол, Есенин Серёга... сам суди: удавился с тоски, потому что он пьянствовал много... Да, недолго глядел он на Русь голубыми глазами поэта, но была ли кабацкая грусть?.. Грусть, конечно, была, да не эта!..” Вот так, — заключил Кузнецов, — Рубцов, как и Есенин, чувствовал зов судьбы. Потому и не остался в Москве, не слыша в каменных джунглях звуков своей малой родины. И уехал, чтобы встретить смерть от другой женщины...

Я подумал: какими высокими понятиями мыслят эти “квасные патриоты”, как величал их Евтушенко, — понятиями Судьбы, Земли, Святынями и самой Русью, в отличие от той категории поэтов-эстрадников, которые всегда умели держать нос по ветру.

* * *

Евгения Александровича хватило лишь на три дня. Энергия, бившая через край, позволяла ему при появлении на пороге кабинета четырьмя размашистыми шагами достигать стола с “вертушкой”, с налёту схватывать трубку. Приёмные Ельцина, Гайдара, Бурбулиса, Гавриила Попова — от этих имён мне становилось тревожно, как будто многоуровневая пирамида власти давила на меня сверху, как на раба фараона Хеопса, положенного в саркофаг рядом с телом владыки, чтобы обслуживать его и после смерти.

Сегодня, накануне важного собрания своих сторонников, где Евтушенко должен был объявить о новой структуре писательской организации, он появился бледный, невыспавшийся, с еле скрываемой неприязнью глядя на нас, своих помощников. Переход в психике поэта — от возбужденного до меланхолического состояния — был отягощен сообщением накануне в одной из газет о его якобы многолетнем сотрудничестве с КГБ. Естественно, мы с шутками-прибаутками в адрес “жёлтого листка” сели писать ответ “турецкому султану”, гневно защищая своего товарища. Опровержение, отредактированное “мастерами пера” — Суровцевым и Оскоцким, — подписал и я, хотя и вспомнил давний разговор за столом ресторана ЦДЛ. Неподалеку сидела весёлая компания во главе с Евтушенко, соревнуясь в остроумных тостах. Напротив меня незнакомый писатель, всё время требовавший у официантки тарталетки с гусяным паштетом, наклонился к соседу и сказал:

— Когда Женя напьётся, поведёт всю компанию в холл и будет звонить домой Андропову... Чтобы показать свои связи и нагнать страху на тех, кто плохо пишет о его стихах...

Я ждал, когда же это произойдёт. Но там, где сидел Евтушенко, официанты приставили ещё два стула и усадили к его компании двух иностранок, возможно, переводчиц поэта. При них он, естественно, не стал вести пьяную компанию в холл, к телефону.

Со смешанными чувствами я ушёл из ресторана, торопясь в аэропорт. Но спустя годы прочитал беседу председателя КГБ В. Федорчука с киевским журналистом И. Бессмертным, где он говорил о странной дружбе Андропова с Высоцким и Евтушенко, которым Юрий Владимирович тайно покровительствовал. “Доходило до курьёзов, — вспоминал Федорчук. — Бывало, пьяный Ев-

тушенко в кругу друзей-писателей демонстративно звонил Андропову по прямому телефону” (еженедельник “2000-Держава”, 12 января 2007).

А пока трезвый, но с резко пониженным градусом настроения, весь в духах об Америке, куда он собирался поскорее улететь, Евтушенко, потирая виски, пытался сосредоточиться, когда вошли Анфиногенов и Оскоцкий со своими списками. В списках были имена тех молодых литераторов, дела которых приёмная комиссия консервативного Союза писателей СССР отказывалась рассматривать.

Евтушенко всматривался в список, делая дополнения и уточнения. В окончательно утверждённом им списке оказалось 157 фамилий, среди которых я заметил и фамилию секс-гуманиста Куш-Жарко.

... В Большой зал ЦДЛ Евгений Александрович ступил в привычном энергичном темпе, и я в который раз оценил его артистическую способность перевоплощаться. Заранее договорившись, мы оба направились в президиум.

Объявив, что этим собранием создаётся новый, свободный и бесцензурный Союз писателей, Евтушенко стал зачитывать тот самый список 157 молодых писателей, которых “министерство литературы” не пускало на порог.

Принятые поспешно в Союз писателей единым списком сплошь оказались “новой волной”, “творцами культурной революции” – постмодернистами, кубистами, конструктивистами, дадаистами, пишущими лесбийскую прозу и поэзию, фетишистами, нонконформистами... У меня округлялись глаза, когда я слышал всё это.

По расчёту *младотроцкистов*, эта *новая генерация* должна была прогнать из редакций газет, телевидения, журналов и издательств всех, сочувствующих “краснокоричневым”, и, заняв их места, создать иную реальность, похожую на “реальность” изображения в кривом зеркале.

Перетасовав писательскую колоду, Евтушенко передал ведение собрания мне. Несмотря на инсинуации Черниченко, Нуйкина, Оскоцкого, отправляясь в США, он хотел оставить меня “на хозяйстве”.

Но тут в зале собрания появились Юрий Бондарев, Борис Романов, Валентин Распутин, Станислав Куняев, Владимир Крупин и ещё десяток писателей из другого лагеря. Это было столь неожиданно, что Черниченко едва успел выбежать к трибуне и встать в позе “защитника ворот”, широко расставив ноги.

Бондарев под свист и улюлюканье “списочных писателей” ринулся к трибуне, намереваясь сделать заявление.

Короткая перепалка: “Руки прочь!”, “Фашист!”, “Это уголовщина!” – затем лёгкая потасовка, и Юрий Васильевич занял место в президиуме. Он передал мне записку с просьбой дать ему слово. Евтушенко краем глаза прочитал и шепнул: “Ни в коем случае!” – и по бледному лицу его я понял, что он напуган появлением в зале Бондарева.

Я шепнул Евтушенко, что надо дать Юрию Васильевичу слово, чтобы змять скандал.

– Он никто! – стоял на своём Евтушенко. – Он исключён из секретариата и из членов правления...

Когда Бондарев сунул мне в ладонь уже вторую записку, я встал и сформулировал своё объявление так:

– Слово предоставляется гостю нашего собрания, председателю Союза писателей России Бондареву Юрию Васильевичу!

Едва Бондарев успел сказать, что писатели России не признают захват Союза писателей и так называемое его новое руководство и намерены выйти из состава Союза писателей СССР, как “лесбийские авторы” заглушили его слова криками и улюлюканьем.

Юрий Васильевич выдержал паузу и, сойдя с трибуны, крикнул:

– Патриоты, на выход! – и шагнул к дверям зала.

Станиславу Куняеву и Владимиру Крупину, которые тоже пытались выступить, так и не дали этого сделать, заглушая их непрерывным улюлюканьем и свистом...

* * *

На Востоке подмечено, что дом, который построил хозяин, по мере старения самого хозяина тоже ветшает и часто незадолго до смерти человека крыша вдруг проваливается или фундамент оседает.

Ближе к полудню следующего дня, когда Евтушенко сосредоточенно перебирал бумаги в столе перед отлетом в Америку, зазвенел городской телефон. К правительственному он протягивал руку сам. Мне же был предоставлен городской и аппарат внутренней связи.

Юрий Николаевич Верченко сообщил о кончине Георгия Мокеевича Маркова и просил от имени семьи покойного помочь в организации похорон писателя.

Первым откликнулся Черниченко:

— Никаких похорон!

Савельев поддержал:

— Он, подписавший позорное письмо против Сахарова и Солженицына...

Евтушенко мыслями был уже далеко в Нью-Йорке и не вмешивался в разговор, задумчиво подпирая подбородок рукой.

Я впервые увидел Г. М. Маркова на трибуне VIII съезда писателей, когда во время чтения отчётного доклада ему стало плохо. Дальше текст читал Владимир Васильевич Карпов, выхватив из слабеющих рук Маркова эстафетную палочку по пути к кабинету, где мы сейчас собрались. Это была задумка идеолога партии А. Яковлева, ведь Юрий Васильевич Бондарев признавался мне, что в 1987-м Политбюро предложило ему возглавить СП СССР. Бондарев отказался, зная, что если он будет вести дела “по совести, а не по указке”, по науськиванию того же Яковлева, то его подвергнут остракизму, как сделали это с С. Бондарчуком в Союзе кинематографистов.

Сейчас все эти деятели, которым не без участия Г. М. Маркова вручали награды, премии, издавали их книги, посылали за казённый счёт десятки раз за границу, переселяли в просторные квартиры в писательских многоэтажках у метро “Аэропорт”, давали творить на переделькинских дачах и лечили в лучших клиниках Москвы — эти люди упёрлись и не хотели проводить в последний путь человека, так много сделавшего для них.

Выглянув в окно, я представил себе картину: скоро подъедет катафалк, вынесут гроб, и он будет стоять во дворе в окружении родственников и близких, потому что Евтушенко медлил, не давая распоряжений, чтобы подготовили хотя бы малый зал ЦДЛ для прощания с усопшим.

Верченко ещё раз позвонил: везти ли гроб?

— Женя, — обратился я к Евтушенко, еле сдерживая себя, чтобы во второй раз не бросить ему на стол свой членский билет. — Это непристойно. Не может гроб с покойным стоять во дворе под солнцем в ожидании, проснётся ли в нас обычная человечность... А что касается подписантов в отношении Сахарова и Солженицына — среди них есть и сопредседатели нашей организации: Чингиз Айтматов, Василь Быков, Афанасий Салынский... Как быть с ними, если не дай Бог...?

— Я своё мнение сказал, — Черниченко, с укором глянув на Евтушенко, вышел.

Евтушенко, Анфиногенов и Савельев двинулись за ним, оставив меня принимать решение. Третий звонок Верченко подстегнул меня. Поскольку Евтушенко оставлял меня “на хозяйстве”, я решил действовать по собственному усмотрению.

— С залом в ЦДЛ не получается, отдан под поэтический вечер, — сказал я Верченко. — С деньгами поможем...

Вызвал Клавдию Матвеевну Ковалеву. Главбух явилась с красными, заплаканными глазами — всё же проработала с Марковым десять лет душа в душу.

— Надо помочь близким Георгия Марковича. — Едва я сказал это, как Клавдия Матвеевна уже вынимала из папки готовые финансовые документы на подпись.

— Я знала, что вы так решите, — сказала Ковалёва и добавила, сделав паузу: — Отношение коллектива к вам, Тимур Исхакович, стало меняться к лучшему. Особенно после того, как вы приказали Баку продать выделенную вам машину Залыгину... А ведь Бак заранее всем сказал: вот посмотрите, этот азиат, ездивший до приезда в Москву на ослике, обязательно присвоит себе “Волгу”... Будьте с ним осторожны. И с Савельевым...

Приехал на кладбище, я заметил у гроба покойного, кроме близких, всего нескольких писателей, среди которых был В. Крупин. Чуть позднее, по дороге в аэропорт, подоспел на панихиду и Евтушенко. Велел сказать мне прощальное слово.

Я отметил, наверное, банально, что Георгий Мокеевич был человеком своей эпохи и верно служил ее идеалам...

* * *

Избавившись от постоянного давления и надзора Евтушенко, я решил расправить плечи и управлять хозяйством присущими мне, восточному человеку, методами. Тем более что ещё раз убедился: окружающие меня *младотроцкисты* способны только усложнять жизнь себе и другим. Их Евтушенко назначил, чтобы следить за каждым моим шагом. В любое время рабочего дня Приставкин, Шатров, Черниченко, Андрей Дементьев, Нуйкин без стука шумно вваливались ко мне в кабинет и, не спросив разрешения, просматривали телеграммы, письма, документы, проходящие через канцелярию, звонили по правительственной линии связи. Прочую информацию им доставляла секретарь приёмной Антонина Александровна: она вела запись в грессбухе, кто приходил ко мне на приём, сколько времени просидел; о чём шла беседа, она узнавала, приложив ухо к замочной скважине.

Чтобы немного отвлечься от слезки, я иногда насвистывал шлягер Окуджавы: “Мама, мама, я дежурю, я дежурный по “Апрелю”...”

... В то утро за мной следил смотрящий из сопредседателей – Андрей Дементьев. В отличие от Приставкина, который с порога устремлялся к моему столу, дабы я не успел спрятать *компрометирующие* документы, уличающие меня в недозволенных связях с “фашистами” из бондаревского Союза, Дементьев вёл себя деликатно. Соответственно давней характеристике, данной ему С. А. Баруздиным: “Комсомольский поэт, пишет милые стихи...”

– Что пишешь? Что говорят? – по его ничего не значащим вопросам я понял, что у него, как и у других, после отъезда Евтушенко поостыла революционно-чекистская страсть. Дементьев, как и Приставкин, Шатров, Бакланов, мечтал вернуться к письменному столу, к обиженной долгим его отсутствием Музе...

Непонятно тогда, ради каких целей растормошили Союз писателей, если их в итоге потянуло к письменным столам и конторкам?..

Пока я размышлял над этим, глядя вместе с Дементьевым в окно на посеребривший осенний двор, там раздались крики. Сорвав с петель ворота, к памятнику Толстому приблизилась компания из двадцати пяти-тридцати человек, неся над головой самодельные плакаты.

От неожиданности мы отпрянули от окна, но я заметил, что, выкрикивая какие-то лозунги, они вдавливают в землю у входа в здание Союза шест с чучелом и с табличкой “Гангнус-Евтушенко” и поджигают чучело под одобрительные выкрики толпы. Пламя лизнуло клетчатую кепку на чучеле, она слетела на асфальт и скукожилась. При свете пламени среди собравшихся я различил лица Бондарева, Бориса Романова, Юрия Лопусова, Геннадия Гусева... Свистя и улюлюкая, радуясь, как малые дети жертвенному огню, они передвигались с места на место с транспарантами: “Захватчики – вон из “Дома Ростовых”, “Пулатов, сколько можно объедать голодных московских детей?!”

На Дементьеве лица не было. Он метался, стараясь спрятаться куда-нибудь.

Едва пугало догорело, оставив голый остов из проволоки, Бондарев с несколькими соратниками двинулся внутрь здания. Дежурившие ЧОПовцы наступились перед ними. Я услышал, как дверь кабинета напротив, где сидел Анфиногенов, закрывается на ключ изнутри. Затем последовал грохот сдвигаемого вплотную к двери стола: видно, Артём Захарович не надеялся на хлипкий замок. Шум передвигаемой мебели послышался и из кабинета Савельева, пытавшегося забаррикадироваться и дозвониться до главного милиционера столицы – Аркадия Мурашёва.

Юрий Васильевич широко распахнул дверь кабинета и, сделав несколько твёрдых шагов, остановился. Не до конца понимая, зачем Бондарев пожаловал ко мне, я встал напротив него в непримиримой позе, скрестив руки на груди, как Наполеон в горячей Москве. Дементьев попятился к комнате отдыха, хотя любопытство пересиливало в нём страх.

Шедшие за Бондаревым люди, просунув головы в полуоткрытую дверь, наблюдали, чем же закончится наш поединок.

– И ты, Брут?! – обратился ко мне Юрий Васильевич в своей манере к каждому событию привязывать аналогии из античности или Средневековья. – А ведь мне нравилось читать про строптивного бухарца, – но, видимо, вспомнив, что я, вопреки воле Евтушенко, предоставил ему слово на том позорном собрании, смягчился и дружеским тоном сказал: – Езжай-ка ты в свой Ташкент. У меня о нём остались самые светлые воспоминания. Арыки, плакучие ивы с опущенными в воду ветвями, мостик у сквера Дома офицеров...

Он вдруг повернулся, уводя за собой команду.

Едва двор “Дома Ростовых” опустел, развеялся едкий дым от спалённого чучела, как ко мне зашли Оскоцкий и Савельев, предварительно задержавшись в приёмной, где Антонина в подробностях рассказала им о подслушанном под дверью разговоре.

– Нашествие варваров-язычников, – прокомментировал Савельев. – Вспомнили, как их отцы и деды сжигали чучела в деревнях, чтобы отпугнуть леших и домовых...

Оскоцкий ходил в раздумье взад-вперёд.

– Как же сделать, чтобы загнать их раз и навсегда на Комсомольский, чтобы они не смели даже переходить через проспект?

“Хорохорятся, а ведь минуту назад дрожали в страхе, забаррикадировались, – подумалось мне с неприязнью. – Пришли успокаивать своего Андрея... Я же для них рядовой “дежурный по апрелю”...”

– Как их загнать? – сказал я с иронией Оскоцкому. – Попросите градоначальника Гавриила Харитоновича, чтобы не поскупился на несколько тонн цемента, возвёл вокруг Союза писателей России стену, как на границе сектора Газа.

– Неумно, – поморщился Оскоцкий.

И тут я вспомнил о том личном, творческом, что всякий раз тревожило меня при виде Оскоцкого:

– А умно было вам, Валентин Дмитриевич, когда вы работали в “Дружбе народов”, будучи в душе либералом, отвергать мою повесть “Сторожевые башни”, якобы папахивающую антилагерным душком?

– Это – запрещённый приём! – отрезал Оскоцкий, направляясь к двери, хотя его пытался успокоить оживший Дементьев:

– Ребята, успокойтесь, главное, мы отстояли наш Союз...

– А что бы варвары сделали? – уже в дверях подал голос Савельев и, как всегда во время мелких или крупных конфликтов, повторил свой воинственный клич:

– Мы бы их размазали по стенке, вот так!..

(Продолжение следует)

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

Эстафета протеста

*Пока мы боремся, есть надежда
на лучшее будущее.*

Демонстранты в Афинах

“Арабская весна” стала самым масштабным событием нынешнего революционного цикла. Но начался он годом раньше. Революция, как и солнце, двигалась с Востока. Польшнуло в Юго-Восточной Азии и в Центрально-Азиатском регионе. В апреле 2010-го начались выступления “краснорубашечников” в Таиланде и революция в Киргизии.

Новым было то, что массовые протесты вспыхнули одновременно в двух странах, далеко отстоящих друг от друга, различающихся уровнем развития, цивилизационными особенностями и формами государственности. Это позволяло предположить (пока только – предположить!) наличие общественно-политического процесса, глобальная общность которого оказалась сильнее местной специфики.

Хотя, конечно, ситуации в Бангкоке и Бишкеке имели отличия. Революция в Киргизии произошла не без иностранного вмешательства (впрочем, незначительного), что сближало её с классическими оранжевыми образцами. В Таиланде, имеющем многовековую традицию суверенитета, оппозиция опиралась исключительно на собственные силы.

Но сходство оказалось куда более значимым. Обе страны стали жертвами всемирного экономического кризиса, обострившего типичную для развивающихся государств проблему неравенства. В том числе и регионального. Прибавьте привычные меты коррупции и политического произвола, и получится горячая смесь, в любой момент готовая взорваться.

В Киргизии революция началась 6 апреля. Ей предшествовало пятилетнее правление Курманбека Бакиева. За это время президент успел восстано-

вить против себя всех. Элиты, которые он отодвинул от делёжки пирога. Лакомые куски доставались многочисленной родне Бакиева. Братьям – Жанышу, занявшему ключевой пост главы Службы госохраны, Марату и Адылу, получившим престижные назначения на дипломатическую службу. И сыновьям – Максиму и Марату, ставшим, несмотря на молодость, олигархами. В то же время энергичных управленцев, вроде премьера Алмазбека Атамбаева, президент демонстративно придерживал, а при случае готов был отправить в отставку.

Для жителей промышленного севера Бакиев остался чужаком с аграрного юга. Но и для южан он ничего не сделал: преференции предоставлялись только его собственному клану.

В довершение Бакиев умудрился здорово разозлить ведущих геополитических игроков – Соединённые Штаты и Россию. Москве он обещал закрыть американскую военную базу в Бишкеке, Вашингтону – сохранить её. И тянул деньги с тех и других.

Сменить президента легитимными методами не представлялось возможным. Препятствием стала сложившаяся на постсоветских просторах система фальсификации выборов. Как раз накануне революции в 2009 году Бакиев одержал блестящую (кто бы сомневался!) победу на президентских выборах. Его сопернику – Алмазбеку Атамбаеву досталось лишь 8% голосов (“МК”, 09.04.2010).

Как человек недалёкий, Бакиев решил немедленно развить успех, расправившись с оппозицией. Последовала серия загадочных смертей её лидеров. Бывший глава президентской администрации сгорел в машине, оппозиционный журналист выпал из окна. Но, как справедливо заметили политологи, “власти... забыли, что людей опасно припирать к стенке” (“МК”, 08.04.2010). Оказавшись в отчаянной ситуации, противники Бакиева решили действовать.

Обстановка им благоприятствовала. Власти повысили тарифы на ЖКХ и электроэнергию. Подорожала мобильная связь. В республике, где большинство населения едва сводит концы с концами, эти меры вызвали взрыв недовольства.

Дальнейшие события излагаю по материалам, опубликованным в “МК” и газете “Коммерсантъ”. 6 апреля в областной центр Талас на севере прибыла делегация оппозиции для проведения митинга. Милиция загодя арестовала местного лидера “несогласных”. Тысячная толпа собралась у здания УВД – арестованного отпустили. Почувствовав силу, люди двинулись к областной администрации. Они прорвали милицейское оцепление и ворвались в кабинет областного начальника. Тут же был избран “народный губернатор”.

Бакиев перебросил в город спецназ. “Альфовцы” с ходу пошли в атаку, используя резиновые пули и светошумовые гранаты. 40 человек получили ранения. Но не отступили! Спецназовцам пришлось укрыться в здании УВД.

Ночью в столице власть провела серию арестов. Взяли под стражу и Атамбаева. Но уже утром ситуация в провинции вышла из-под контроля. В Таласе толпа, разросшаяся до 7 тысяч, взяла штурмом здание УВД. Восставшим досталось много оружия. Были захвачены и прилетевшие в город вице-премьер, министр внутренних дел, а также губернатор. По российскому телевидению показывали пленённого министра, чьи подчинённые стреляли по манифестантам. Лицо сплошь в крови!

Восстание охватило и другие областные центры на севере. Взяв в руки власть на местах, революционеры двинулись на столицу. 7 апреля атаковали Дом правительства. Правоохранители отразили первый натиск. Бакиев пытался бросить на восставших армию. Но у министра обороны хватило твёрдости сказать: “Нет!”

Вторая волна использовала для штурма грузовики. Милиция открыла стрельбу боевыми патронами. 100 человек убито, 200 ранено (“Коммерсантъ”, 08.04.2010). Восставшие ворвались в здание парламента, захватили телевидение и службу национальной безопасности. Задержанных там лидеров оппозиции освободили.

Президент бежал на юг. Оппозиционеры сразу поняли, чем это грозит. Южные области – вотчина Бакиева. Атамбаев прокомментировал: “Бакиев пытается столкнуть юг и север” (там же).

Запомним эту ситуацию. Она будет часто повторяться. Теряя власть, правители не раздумывая прибегают к “последнему доводу королей”.

Войне. Гражданской, по преимуществу. Так поступил Бакиев в Киргизии. Так поступил премьер Ветчачива в Таиланде. И далее, как под копирку: Мубарак в Египте, Салех в Йемене, Каддафи в Ливии.

Знаю, что многие не согласятся, увидев в списке Каддафи. Но вспомним многократно цитированные слова лидера Джамахирии: “Вы, женщины и мужчины, кто любит Каддафи, выходите из своих домов и заполните улицы. Оставьте свои жилища и бейте этих тараканов (оппозиционеров. — А. К.) в их логовах. Идите и бейтесь с ними, преследуйте их, арестовывайте их и передавайте силам безопасности” (“Коммерсантъ”, 24.02.2011). Что это как не призыв к гражданской войне?

Не собираюсь обелять противников полковника. Но давайте рассуждать логически. За всё, что происходит в стране, в первую голову отвечает власть. Потому что она — заведомо самая значительная сила в государстве. Иначе — какая она власть! Она может успокоить ситуацию, пойдя на компромисс. Может маневрировать, перетягивая на свою сторону оппозиционных лидеров и целые группы “несогласных”. Может удалить наиболее опасных, назначив на какой-нибудь пост за границей или просто выслав из страны. В крайнем случае (подчеркну — в крайнем!) — арестовать или вовсе ликвидировать непримиримого противника. Единственное, чего она не имеет право делать ни при каких условиях — начинать гражданскую войну. Если власть не в силах предотвратить её — это свидетельство профнепригодности. Если развязывает — это преступление.

К счастью, в большинстве случаев народы оказываются мудрее правительств. Они не поддаются на провокации, не идут на поводу потерявших расклад авантюристов.

Так случилось в Киргизии. Неделю Бакиев зализывал раны, копил силы, вёл закулисные переговоры. 15 апреля объявился в главном городе юга — Оше. Его сопровождала охрана и односельчане — группа на 15 автомашинах и 9 автобусах. На центральной площади Бакиев попытался взойти на трибуну. Горожане закидали его камнями. Охранники стали палить в воздух. Отбив шёфа, они захихнули его в джип и рванули из города.

Это был конец. Бакиев бежал из Киргизии. После полуторагодового переходного периода, когда у власти стояла женщина — Роза Отунбаева, компромиссная фигура, не имевшая политических перспектив, на президентских выборах 2011 года победу одержал Алмазбек Атамбаев.

Весной 2010-го кровавая драма разворачивалась и на другом краю Азии. В середине марта улицы столицы Таиланда заполнили десятки тысяч “краснорубашечников”.

Тут не избежать пояснений и отсылок к предыстории. И хорошо! А то читатели, чего доброго, решат, будто революции и впрямь готовят в некоем “разведцентре”. Неинформированные люди склонны верить фантастическим версиям. Но если приглядеться, окажется, что даже самые резкие протестные выступления являются естественной (хотя и не всегда законной) реакцией общества на произвол властей.

Стремительное, но неравномерное развитие Таиланда привело к тому, что страна разделилась на благополучные юг и центр, получившие свою долю от взлёта туриндустрии и подъёма промышленности, и небогатые, аграрные по преимуществу север и северо-восток. Зато северяне оказались более политически активными: их лидер — Таксин Чинават дважды возглавлял правительство после выборов 2001-го и 2005 года.

Однако в 2006-м в результате военного переворота Чинават был свергнут, когда находился на сессии ООН. Власть заполучили представители богатых регионов. По цвету униформы, в которой они выходили на манифестации, их стали называть “жёлторубашечниками” (жёлтый — цвет королевской фамилии). Странники свергнутого премьера выбрали красный цвет (в Таиланде он символизирует народ).

Северяне ждали восстановления справедливости четыре года — столько длится полный парламентский цикл. Но захватившие власть в главе с премьером Ветчачивой затягивали проведение выборов. Тогда в середине марта 2010-го 70 тысяч “краснорубашечников” вышли на улицы столицы.

Правительство уклонялось от диалога. Устав от ожидания, 7 апреля “краснорубашечники” прорвались к парламенту и проникли в здание. Пикантная подробность: депутаты и вице-премьер вынуждены были бежать через крышу, откуда их забрали армейские вертолёты (“Время новостей”, 08.04.2010).

Премьер обратился к армии с призывом “взвесить все варианты” (там же). Проще говоря, применить силу. Но, как и в Киргизии, генералы проявили большую ответственность, чем политики. Представитель командования заявил: “Мы не можем использовать силу, это приведёт к гибели людей. Мы все – тайцы” (там же).

И всё же правительству удалось сломить нейтралитет министерства обороны. 10 апреля полиция вместе с армейскими частями напала на лагерь протестующих в центре Бангкока. Демонстранты оказали ожесточённое сопротивление вооружённым войскам. Начавшийся в середине дня бой закончился в девять вечера. Нападавшие отступили (“Коммерсантъ”, 12.04.2010). Центральные улицы были завалены перевёрнутыми и сожжёнными военными джипами.

Победа далась нелегко. 16 “краснорубашечников” были убиты. Более 600 – ранены. Потери понесли и нападавшие: 5 солдат убитыми, 200 ранеными (там же).

“Мы продолжим наши митинги, пока правительство не уйдёт в отставку, – провозгласил один из лидеров оппозиции. – Власти должны признать свою вину за субботние события и гибель людей” (там же). Премьер отмолчался. Ему нечего было сказать. Впервые в новейшей истории Таиланда руководитель правительства отменил новогоднее обращение к нации (Новый год по тайскому календарю празднуют весной).

На полтора месяца воцарился мир – напряжённый, шаткий, с закулисными манёврами и переговорами. Армейская верхушка и часть членов правительства склонялись к отставке кабинета и проведению выборов. Но премьер, запятнавший себя кровью, отказался от компромисса.

В конце апреля Ветчачива едва не втравил Таиланд в войну с Камбоджей. И к таким, предельно безответственным, скажу резче – безумным – мерам иной раз прибегает власть, дабы отвлечь общество от собственных промахов и преступлений. Территориальный конфликт между соседями в Юго-Восточной Азии длится годами. Обострить его, ввести в “горячую” фазу не составляло труда. 22–23 апреля на границе начались боестолкновения. Правительство Камбоджи обвинило тайцев в применении нервно-паралитического газа и запрещённых кассетных бомб. Погибли 6 камбоджийских и 4 тайских военнослужащих. 40 получили ранения. Но горше всех пришлось мирным жителям – десятки тысяч вынуждены были бежать из зоны конфликта (ru.wikipedia.org/wiki).

При всей чудовищности эпизод этот далеко не единственный! Схожая ситуация сложилась в 2008 году после проведения президентских выборов в Армении. Оппозиция сочла их результат сфальсифицированным. 1 марта она вывела своих сторонников на митинг в Ереване. Власти отдали приказ стрелять по толпе. Погибли люди. Страна бурлила. 4 марта произошли боестолкновения на границе Нагорного Карабаха с Азербайджаном. Представитель Баку официально заявил, что это “дело рук армянских властей, старающихся отвлечь внимание своей общественности от внутривнутриполитического кризиса” (“Время новостей”, 11.03.2008).

Подозреваю, что воинственность, продемонстрированная Николя Саркози в ливийском конфликте, также была обусловлена внутривнутриполитической ситуацией. Президент-неудачник стремился повысить свои шансы на выборах. Он рассчитывал, что маленькая победоносная война обеспечит ему поддержку избирателей. К чести французов, они оказались умнее и отправили авантюриста в отставку.

А сколько раз незабвенный Билл Клинтон прибегал к бомбардировкам Ирака и Югославии, чтобы отвлечь американцев от разоблачения его амурных походов! Политики цинично обрекают на смерть десятки, а то и тысячи людей, лишь бы в выигрышном ракурсе покрасоваться на телеэкране.

Последний – и самый вопиющий – случай. В охваченных волнениями Индии и Пакистане в январе нынешнего года возросла напряжённость в спорном

районе Кашмира. Индийские чиновники публично призвали население готовиться к ядерной войне (“Независимая газета”, 24.01.2013).

Опасно заблуждаются те, кто полагает, будто все вопросы жизни страны следует передоверить правительству. Оно, мол, распорядится лучшим образом. Хорошо, если так. А если до ядерного конфликта доведёт?

Кто знает, так ли уж неправы участники движения “Оккупируй Уолл-стрит”, провозгласившие экстравагантный лозунг “Патриот должен быть всегда готов защитить свою страну от своего правительства” (newsru.com/world/16oct2011).

Но вернёмся в Таиланд. Наломавший дров премьер Ветчачива уже не мог уступить “краснорубашечникам”. В случае отставки он рисковал как минимум угодить под следствие. И он решил идти напролом!

Сигналом к бойне стало убийство военного лидера “краснорубашечников” отставного генерала Савасдипола. Во многом благодаря его искусству оппозиционеры отразили апрельское нападение на свой лагерь. 13 мая “красный командир”, как называли его в народе, был ранен в голову выстрелом снайпера, когда вышел на улицу, чтобы дать интервью телекорреспондентам. Четыре дня старый воин боролся со смертью. 17 мая он скончался (lifenews.ru/news/24396).

Сразу же после покушения силовики обрушились на оппозиционеров. Sporадические столкновения продолжались до 19 мая. В этот день на рассвете правительственные силы двинулись на штурм лагеря. Бой на баррикадах не стихал до часу дня. Наконец лидеры протестующих выступили с заявлением: “Нас просто убивают здесь. Мы не можем допустить, чтобы наших безоружных сторонников убивали. Мы просим всех разойтись. Мы соберёмся в следующий раз и добьёмся отставки этого преступного правительства” (“Коммерсантъ”, 20.05.2010).

В результате штурма погибли 14 человек, 90 получили ранения. А всего за два месяца противостояния – 82 убитых и 2000 раненых (“МК”, 21.05.2010).

События 19 мая 2010 года напомнили о московской трагедии 4 октября 1993-го. Это второе столь масштабное использование вооружённых сил против мирных граждан собственной страны за последние десятилетия.

Но как отличалось поведение простых тайцев от нашего! В Москве все ждали распоряжений руководителей сопротивления и, не получив, кляли вождей. В Бангкоке каждый предводитель самой маленькой группы взял ответственность на себя. Часть отрядов, не подчинившись призыву лидеров движения, прорвались в город и стали нападать на полицейские участки. Были разгромлены и офисы правительственных СМИ. Восставшие обрушили свой гнев и на здание биржи. “Твердыня капитала” пылала! На фотографиях информагентств гигантский современный мегаполис тонул в клубах дыма.

Эффектный, но обречённый протест.

Куда разумнее поступила другая часть оппозиции. Люди вернулись в провинцию и занялись политической работой. Готовились к выборам. Верный расчёт: в современном мире долговременные диктатуры нежизнеспособны. Рано или поздно правительство должно было назначить выборы.

Оппозиция дождалась своего часа. Год спустя – в июле 2011-го партия Таксина Чинавата одержала убедительную победу. Правительство возглавила сестра лидера “краснорубашечников” Инглак Чинават.

Так же как и в Киргизии в случае с Алмазбеком Атамбаевым, ухищрения – и прямые преступления – властей Таиланда не смогли воспрепятствовать народу наделить властью своего избранника. Если люди проявят терпение и решимость – запомните: терпение и решимость – они добьются своего.

В 2011-м эстафету протеста подхватила Северная Африка. Началась “арабская весна”.

Но и в Юго-Восточной Азии политическая жизнь не замерла, не превратилась в болото. 9 июля 2011 года многотысячная демонстрация прошла в столице Малайзии – Куала-Лумпуре. Полиция, которая вечно не в ладах с арифметикой, насчитала всего 5 тысяч участников. Организаторы марша из движения “Берсих” (“Чистые”) назвали цифру в десять раз больше. Сторонние наблюда-

тели считают, что акция собрала 20 тысяч (“Независимая газета”, 11.07.2011). Для спокойной и даже суровой на мусульманский лад страны это немало.

О политической жизни в Федерации Малайзия (официальное название страны) широкий российский читатель слыхом не слыхивал. А зря. Нас сближает не только федеративный характер государств, но и уровень развития. По ВВП на душу населения Российская Федерация занимает 57-е место в мире (15,8 тыс. долл.). А Федерация Малайзия – 58-е (15,7 тыс. долл.) (ru.wikipedia.org/wiki... Статья “Список стран по ВВП”).

В Кремле по привычке сравнивают Россию с Соединёнными Штатами и другими ведущими державами. В советское время такое представление о нашем месте в глобальной иерархии соответствовало действительности. Но после двадцати двух лет правления Ельцина–Путина для державных амбиций амуниции явно не хватает. Наш уровень – середнячки Третьего мира. Правда, отечественные правители обещают бурный рост экономики к 2020 году. Но и в Малайзии разработана программа развития “2020”. Любопытно, кто и у кого украл идею?

Политическая ситуация в Москве и Куала-Лумпуре также схожа. И тут и там на сцену выходит средний класс. Как вы думаете, какие требования выдвинули малайзийские “Чистые”? Честные выборы и равный доступ партий к СМИ.

Не слишком отличается и поведение властей. Малайзийские не разрешили проведение марша 9 июля, а затем жестоко разогнали собравшихся. 1400 человек арестовали (ru.euronwes.com/2011/07/09/1400-arrested-in-malaysia-rally). И объяснили это до боли знакомо: демонстранты пытались подорвать стабильность!

Когда с полугодовым опозданием протесты начались в Москве, обозреватели полушутя-полусерьёзно заговорили о “малайзийском сценарии в России”. Озаглавленная так статья в интернете открывалась ёрническим пассажем: “В стране с “несовершенной” демократией власть контролирует более 2/3 парламента, практически все региональные органы власти, полицию и судебную систему. Партия контролирует и все основные средства массовой информации – либо напрямую, либо через подконтрольные правительству корпорации. Вы узнаёте эту страну? Да, конечно, это Малайзия” (slon.ru/russia/malasiyskiy_stsenariy_v_rossii_724056.xhtml).

После такого “обнажения приёма” дальнейшие параллели воспринимаются как сами собой разумеющиеся. Столкнувшись с массовым протестом, власти в Куала-Лумпуре пошли на косметические реформы. Смягчили контроль над СМИ. Пообещали сделать избирательную систему прозрачнее. Так же Медведев на излёте своего президентского срока вернул прямые выборы губернаторов и облегчил регистрацию партий.

В довершение сходства: малайзийский протест возглавил бывший вице-премьер – либеральный политик типа Немцова.

Не пожелал бы нашим темнокожим братьям такого руководителя. Но они, как и мы, лишь в самом начале пути. Несмотря на жестокость полиции, протесты продолжаются. Мощные акции прошли 28 апреля 2012 года и 2 сентября – в день 55-летнего юбилея независимости (jn1,03.09.2012). Кто знает, быть может, народное недовольство вынесет наверх какого-нибудь малайзийского Удадьцова.

В апреле 2012 года наметились перемены в Мьянме. Эта граничащая с Таиландом страна долгое время представлялась политическим реликтом, где правила военная хунта, пришедшая к власти ещё в прошлом столетии. И вот генералы решили поделиться властью с оппозицией. Не без давления извне (пропорционального внешнему долгу), но – подчеркну особо – без всяких внутренних эксцессов.

Читатели, знакомясь с моей хроникой, чего доброго решат, будто я “бунтовщик похуже Пугачёва”. Сторонник прямого действия восставших масс, под звуки бьющегося стекла и завывание полицейских сирен объявляющих о свержении очередного “антинародного режима”.

Конечно, “революция – это праздник угнетённых” (В. Ленин). Редчайшая возможность для обездоленных – или “исключённых”, по определению нынешних социал-дарвинистов, – “переменить судьбу”. Не то чтобы “стать всем” – прямо по тексту “Интернационала”, – но просто

ощутить себя человеком. Поэтому – да, моё сердце на стороне революций.

Но ум... Я отдаю себе отчёт в том, как дорого обходится этот праздник. Всеми обществу и революционным массам, в том числе. “Лучшие и прочнейшие изменения суть те, что происходят... без насильственных потрясений, страшных для человечества” (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М-Л, 1949, т. VI).

Счастлива страна, где правители не засиживаются сверх меры. Не провоцируют народ на бунт, предоставляя ему возможность определить новых лидеров на избирательных участках. Так, как это было в Венесуэле, где любимец низов Чавес одержал несколько побед кряду. Честных побед – это вынуждены признать даже его оппоненты. Так было в Бразилии, где на высший пост народ дважды избирал профсоюзного вожака, а затем проголосовал за бывшую городскую партизанку Дилму Руссефф. Так было по всей Латинской Америке, совершившей в начале нулевых исторический “левый поворот”. И это после десятилетия правления военных!

Видимо, нечто подобное происходит сейчас в Мьянме. Хунта правит более полувека. В 1990 году она аннулировала итоги выборов, на которых 80% мест в парламенте завоевала партия “Национальная лига за демократию” под руководством мужественной женщины Аун Сан Су Чжи.

Двадцать три года продолжалось противостояние военных и гражданских активистов. Саму Су Чжи пытались сломить, заключив (на 15 лет!) под домашний арест, скомпрометировать, выдавить из страны, убить. Она придерживалась тактики ненасильственного сопротивления. Не отступала, не шла на компромисс, не отказывалась от товарищей по “Национальной лиге”.

Пришлось отступить генералам! В 2010 году они освободили Аун Сан Су Чжи, а через 17 месяцев она и её соратники приняли участие в довыборах в парламент. И одержали сокрушительную победу, заняв 43 из 45 вакантных мест. Эксперты предсказывают, что на следующих парламентских выборах в 2015 году власть “может перейти в руки оппозиции” (“Независимая газета”, 03.04.2012).

Политическая борьба всколыхнула жизнь даже “тропического рая”, как туристические путеводители именуют Мальдивы. Волнения начались в январе 2012 года после того, как власти арестовали судью, освободившего активиста оппозиции. Противники президента М. Нашида вышли на улицы. Нашид бросил на них армию и пытался натравить активистов своей партии. Но солдаты, построив для острастки, сочли за лучшее ретироваться в казармы. Партийные активисты попросту разбежались. Похоже, люди такого сорта готовы поддерживать лидера только под защитой автоматов. Нашиду пришлось уйти (bbc.co.uk/russian/international/2012/02/120207_maldives_police_mutiny.shtml).

Протестная лихорадка не обошла и крупнейшие государства Южной Азии – Индию и Пакистан. В интернете сообщения о манифестациях в этих странах, походах на столицы, забастовках занимают десятки страниц.

В Пакистане, превратившемся из прифронтового государства (граничит с Афганистаном) в зону активного вооружённого конфликта, массовые выступления посвящены прежде всего проблеме насилия. Митингуют против использования Соединёнными Штатами самолётов-беспилотников, которые слишком часто наносят удары не по боевикам, а по мирным жителям. Против убийства Бен Ладена. Против фильма “Невинность мусульман”, сфабрикованного в США. Города и целые регионы требуют прекращения убийств на религиозной почве. В январе 2013 года жители Кветты устроили жутковатую акцию: после очередного взрыва в шиитском квартале они перегордели центральную магистраль... гробами с погибшими (rss.novostimira.com/n_3906301.html).

Насилие, прежде всего над женщинами, – тема нескончаемых протестов в Индии. Проблема столь остра, что полиция начала раздавать женщинам ножи: резать руки насильникам. В декабре 2012 – январе 2013-го в десятках городов проходили митинги, вызванные гибелью студентки, подвергшейся групповому изнасилованию в Дели. Уже в ходе протестов со всех концов страны стали поступать известия о схожих преступлениях.

Не раз люди выходили с экономическими требованиями. В начале 2011 года 100 тысяч человек в Дели протестовали против роста цен. “Цены

убьют простого человека”, – скандировали собравшиеся (“Независимая газета”, 25.02.2011). Осенью 2012 года “голодный марш” повторился.

Но чему бы ни посвящались митинги, в конечном счёте всё сводится к возмущению позицией властей, неспособных, а подчас и не желающих защитить рядовых граждан. “Мы пришли сюда для того, чтобы наши голоса услышали парламентарии. Пусть они узнают, как тяжело нам живётся”, – заявил один из участников “голодного марша” (там же).

Особенность местных протестов: самые массовые возглавляют духовные лидеры. Что неудивительно для государств, в начале своей новейшей истории разделившихся по религиозному признаку (в 1947 году Британская Индия была разделена на Пакистан с преимущественно мусульманским населением и Индию).

Крупнейшую акцию оппозиции в Пакистане, так называемый “марш миллионов” в январе 2013 года возглавил исламский богослов Тахир Кадри. Он приобрёл широкую известность в 2006 году, когда, рассорившись с тогдашним руководителем страны генералом Первезом Мушаррафом, вынужден был уехать в Канаду. За океаном богослов занимался в основном сбором пожертвований для мусульманских общин Пакистана (биография Кадри изложена по статье “Кто такой Тахир Кадри и чего он добивается” – itar-tass.com/c12/621255.html, а также биографическому материалу в “Википедии”).

В октябре прошлого года Кадри вернулся на родину, заявив, что его цель – “осуществление демократической революции”. Политическую систему страны он заклеил как “не считающуюся с нуждами народа и являющуюся насквозь коррумпированной”.

Поучительно проследить, как реагировали на возвращение оппозиционера элита и широкие массы. Пакистанские политологи обвинили Кадри в том, что он выражает интересы каких-то крупных политических сил. Упоминали Мушаррафа (несмотря на их конфликт), правящую партию, якобы заинтересованную в отмене выборов. Но главное подозрение пало на Запад. Не зря, дескать, Кадри отсиживался в Канаде, теперь она совместно с Соединёнными Штатами использует его для дестабилизации режима.

Словом, верхний эшелон отреагировал на появление оппонента как положено. Так же наши элиты отнеслись к выступлениям А. Навального.

А вот реакция простых пакистанцев резко отличалась от той, что продемонстрировали российские обыватели. В Пакистане схема проста: есть власть и народ. Если ты критикуешь правительство, то чего же ещё требовать? Люди пойдут за тобой.

В начале января Кадри объявил о походе на столицу. Он должен был начаться в городе Лахор – центре протестной активности. Мероприятие назвали “Маршем миллионов”.

И вновь об отличиях пакистанской и российской ментальности. У нас в сентябре 2012-го только ленивый не издевался над Удальцовым: объявил о “марше миллионов”, а собрал “всего” несколько десятков тысяч. Пакистанцы оказались куда сдержаннее. Несмотря на то, что за Кадри пошло 50 тысяч сторонников, никто не глумился над ним. Люди, хоть что-то понимающие в политике, относятся к размахистым определениям как к брендам. Не более того.

К слову, никто не смеётся над лидерами государств, когда они именуют себя “всенародно избранными”. Хотя, как правило, им отдают голоса менее половины избирателей, а это далеко не весь народ. Даже в РФ, где Путин в 2012-м победил с великолепным, по мировым меркам, результатом – 63,6%, это при явке 65% составило менее половины голосов. Точнее, 45,6 млн из 109,8 (Постановление ЦИК от 7 марта 2012 года. – rg.ru/2012/03/08/postanovlenie.html).

Но над президентом у нас не очень-то посмеёшься! А над оппонентами власти вроде как положено.

13 января Кадри повёл недовольных на столицу. 14-го они вошли в Исламабад. И вновь не могу не отметить цивилизованность пакистанцев, которых иные из наших обывателей числят чуть ли не “дикарями”. 50 тысяч – не так уж много. Полиция могла встретить их на входе в столицу, а то и на дальних подступах. Работы на час для спецназа – и какой, спрашивается, протест?

Но темнокожие стражи порядка не размахивали дубьём. Странников Кадри в Исламабад пропустили, и они оккупировали центральные проспекты. Жизнь столицы была парализована.

15 января Верховный суд постановил арестовать – кого бы вы думали? – премьер-министра по обвинению в коррупции (vesti.ru/doc.html?id=1005995). Правда, власти саботировали это распоряжение, заявив, что **“не имеют достаточных оснований, чтобы выполнить решение суда”** (ria.ru/world/20130125/919672939/html). Последнее для нас понятно. А вот подлинная независимость, продемонстрированная судебной властью, боюсь, нет.

Противостояние манифестантов и правительства продолжалось четыре дня. Кадри выдвинул несколько требований. Очистить политическую систему от безудержной коррупции. Заново сформировать избирательную комиссию. Назначить временное правление для наблюдения за намеченными на нынешнюю весну выборами в парламент (ca-news.org/news:1054900).

17 января власти приняли все требования. Люди приветствовали это решение восторженными криками, на проспектах плакали, обнимались.

Не уверен, что правительство выполнит обещания. Но трижды ошибётся тот, кто заявит, будто такие акции не нужны. Они полезны и даже необходимы как воспитательная мера. Своего рода школа прямой демократии. Иначе восточные власти, всегда тяготеющие к деспотии, творили бы всё, что им заблагорассудится. А получив острастку, и воровать будут, что называется, с разбором и своевольничать с оглядкой...

В Индии крупнейшую акцию гражданского неповиновения также возглавил духовный лидер – Кисан Бабурав Хазаре, которого индийцы называют просто Анна (Дядюшка). Слово “возглавил” в данном случае не совсем точно. Акция Хазаре поначалу была одиночной. В соответствии с традициями ненасильственной борьбы М. Ганди, Дядюшка начал голодовку, требуя от правительства принятия жёсткого антикоррупционного закона. Но пока он голодал, сотни тысяч сочувствующих выходили поддержать “голодного воина”.

Лидеру индийских протестов посвящено множество статей. Наиболее обстоятельные – “Новый Ганди” в сборнике “Против” (М., 2012) и “Анна Хазаре: жизнь и борьба индийского Навального” (ttolk.ru/?p=6372). На них я и буду по преимуществу основываться.

Для начала обращусь к первой работе. Она посвящена самой голодовке и представляет Хазаре как сторонника классических методов ненасильственной борьбы.

Коррупционной заразой поражена и крупнейшая демократия в мире, как нередко именуют Индию. Ещё со времён Индиры Ганди идут разговоры о необходимости закона, который положит конец позорному явлению. В 2011-м дело, казалось, сдвинулось с мёртвой точки. Но правительственный законопроект оказался беззубым. Оппозиция охарактеризовала его как “разработанный бюрократами против самих себя”. Ещё бы, в комиссию, готовившую закон, входили министры и политики, чья репутация не позволяла назвать их бессеребрениками. Тогда на сцену вышел Анна Хазаре.

Он раскритиковал проект и потребовал включить в комиссию независимых юристов. А для того чтобы подкрепить требования, начал голодовку. То была первая в 2011 году голодовка Хазаре. Апрельская. Дядюшка восседал на площади, а страна бурлила. Приведу цитату из статьи “Новый Ганди”: “Даже вечный огонь, который горит под аркой в память о погибших (в борьбе за независимость. – А. К.), казалось, потонул в море других огней. Это горели свечи в честь голодающего – собравшиеся выкладывали огоньками слово АННА. Повторённое много раз, оно освещало всю площадь, но ребятам в пилотках с надписью “Я тоже Анна” и этого было мало – они подставляли всё новые свечи, распевая при этом: “Анна, Анна!” Толпа подхватывала, размахивая национальными флагами, и странное камлание охватывало всю площадь”.

А в парламенте и правительстве в это время разгорелись ожесточённые дискуссии. В итоге уже через день после начала голодовки Хазаре и его сторонников пригласили принять участие в работе комиссии.

Изучение проблемы коррупции привело Дядюшку к мысли, что закон не заработает, если не взять под общественный контроль высших чиновников, включая премьера и судей Верховного суда. Хазаре предложил учредить должность “народного омбудсмена”, наделив его правом требовать ответа “невзирая на чины и лица”. Власти отказали. Правдолюбец начал вторую голодовку.

На этот раз правительство держало паузу почти две недели. Вновь приведу цитату из того же источника: “Все 12 дней и ночей голодовки толпы стояли на площади Рамлила Мейдан у въезда в Старый Дели, где сторонники Хазаре оборудовали для голодающего лидера трибуну под навесом (был сезон дождей). Сюда шли ходоки со всех концов Индии, здесь выступали с речами, читали стихи, пели, плясали и, конечно, молились за Анна Хазаре. Параллельно на Рамлила Мейдан разворачивался вернисаж политической карикатуры: досталось всем, особенно верхушке Индийского национального конгресса, правящей партии”.

Российские читатели, скорее всего, воспримут это с недоумением. А куда смотрела власть? Разогнала бы сборище к такой-то матери! Технологии известны.

Наши сторонники “сильной руки” и “тяжёлой дубины” недооценивают индийскую специфику. Не то что бы местная полиция отличалась человеколюбием. Приходилось наблюдать, к счастью, по телевизору, как она лупит длинными палками безоружных демонстрантов. То же, что и всюду: правоохранители, на содержание которых простые граждане платят налог, без зазрения совести избивают этих самых граждан, как только они осмеливаются выйти с протестом против политики правительства.

Специфика Индии в количестве протестующих. Повторю – на площадь (мейдан) поддержать Хазаре выходили сотни тысяч. А в интернете принять участие в акции записалось полтора миллиона (ttolk.ru/?p=6372). Тот, кто осмелился бы поднять руку на такую массу, мигом бы вылетел из руководящего кресла! Премьер, выступая в парламенте, взялся было покритиковать Хазаре, но его выступление прервали криками: “Позор!”

Правительство вынуждено было вновь уступить.

Эксперты отмечают роль молодёжи в поддержке “голодного воина”. Вновь обращусь к материалу “Новый Ганди”: “Это поколение, осваивающее IT-технологии и глобальные рынки в технополисах, но то и дело упирающееся во взяточничество, засилье политических кланов и коррупцию в родной Индии, громче всех заявило о себе во время голодовки Хазаре на Рамлила Мейдан: пресс бюрократии ослаблен, но не снят окончательно – вот что они пришли сказать. Этот сплав возмущения бедняков и среднего класса и сделал протест Дядюшки таким оглушительным”.

При этом журналисты подчёркивают: Хазаре ведёт традиционную для индийского аскета жизнь, полную ограничений. Правительству не за что его “зацепить” – отмечают авторы – и призывают российских “несогласных” учиться у индийского подвижника.

Совет справедлив. Хотя и аскетичному Удальцову наши власти нашли что инкриминировать. А если бы они имели такое досье, какое есть на Дядюшку...

Тут самое время вспомнить о другом упомянутом мною материале – “Анна Хазаре: жизнь и борьба индийского Навального”. Он рисует несколько иной образ оппозиционера. Автор признаёт приверженность Хазаре к методам Ганди, но уточняет: по мнению Дядюшки, “добро должно быть с кулаками”. Для него это тем более естественно, что в мирской жизни Хазаре был военным, участвовал в индо-пакистанской войне 1965 года и имеет пять медалей за храбрость.

Вернувшись в родную деревню, Хазаре нашёл там нищету и бесправие. Из бывших сослуживцев и единомышленников он собрал “эскадрон справедливости” численностью в полсотни человек. Первым делом они взялись за производителей кустарного алкоголя. Под “крышей” местных чиновников те спаивали народ. Только в округе, где проживал Хазаре, действовали 30 заводов. “Эскадрон” разгромил их, а хозяев обязан выплатить “компенсации” деревням.

Отряд разросся до 300 человек. Хазаре заставил власти штата провести местные референдумы: там, где жители проголосовали за запрет на продажу спиртного, вводился “сухой закон”.

Следующая акция: отказ от курения. Так же “добровольно-принудительный”. Но бедняк, даже свободный от вредных привычек, не может долго сохранять здоровье. Поэтому очередным шагом стало создание “банка зерна”. Хазаре обязал “кулаков” сдавать по одному центнеру зерна в помощь неимущим. Такая “продразвёрстка” стала популярной по всей Индии. Хазаре приобрёл известность в масштабах страны.

Потом было ещё немало полезных дел. Сподвижники Хазаре заставили местные власти выделить деньги на строительство плотины и ирригационных каналов. На “благотворительные взносы” местного бизнеса они купили коров в Австралии, и вскоре округ превратился в центр животноводства. Затем появились школы и больницы.

Занимаясь деятельностью по благоустройству деревни, Хазаре столкнулся с ужасающим воровством чиновников. Он стал бороться за расширение прав местного самоуправления и в итоге добился, чтобы жителей включали в комитеты по развитию инфраструктуры. Когда Хазаре затеял и выиграл дело против чиновников, получивших 5 миллионов долларов отката на закупке ткацких станков, власти обвинили его в рэжете. Борец с коррупцией угодил в тюрьму. Но было поздно. Известность Хазаре приобрела такой масштаб, что на его защиту встала вся страна. Уголовное дело прекратили.

К моменту голодовок-2011 Дядюшка являлся фигурой всеиндийской значимости. Безусловно, это сказалось и на внимании, проявленном к его акциям, и на уровне поддержки.

А теперь зададим вопрос: возможно ли подобное в России? Ответ очевиден. Завели бы дело. Оболгали. Посадили. А стал бы выступать со своим “эскадронам справедливости” – раздавили бы бронетехникой! Помните военную операцию на Дальнем Востоке против “приморских партизан” с использованием вертолётов, бэтэзров и нескольких тысяч вояк?

Досужим журналистам, подзуживающим отечественных лидеров протеста (“Тому же Алексею Навальному, если он и вправду хочет стать “совестью нации”, тоже никак не обойтись без создания “эскадронов справедливости”, – читаем в цитируемой статье), следует учесть российскую реальность. Так же, как и всему обществу, палец о палец не ударившему, чтобы поддержать “несогласных”, но регулярно вздыхающему: вот если бы они сделали нечто такое, мы бы тогда...

Никто не даст нашим оппозиционерам предпринять решительные шаги по оказанию конкретной и значимой помощи людям. Смотрите, только заявило о себе в Крымске движение волонтеров, власть сразу же нацелилась поставить его под контроль, начав разработку соответствующего закона. А ведь добровольцы ничего ни от кого не требовали. Они предлагали помощь! Конечно, жёсткость и даже жестокость обстоятельств не освобождает оппозиционных лидеров от ответственности за собственную безынициативность, за чрезмерную амбициозность, неумение договариваться с союзниками. И всё же – не требуйте от них слишком многого! Анна Хазаре появится среди нас не раньше, чем все мы станем действовать по принципу: “Я тоже Анна”.

Впрочем, не факт, что пример индийского правдолюбца вообще заинтересует российского обывателя. “Робингудовские подвиги” – при очевидной невозможности их повторить – одобрение наверняка вызовут. А вот антикоррупционная голодовка многих оставит равнодушными.

Так же как и деятельность отечественных борцов с коррупцией.

Не раз в прессе рассуждали о том, что Навальному и его соратникам пора бы сменить тему – перейти к обсуждению вопросов, непосредственно касающихся простых людей.

Действительно, немало тех, кто считает коррупцию чем-то внешним, не имеющим отношения к ним лично. Только хорошо информированный средний класс ставит коррупцию на первое место среди национальных угроз (“МК”, 06.02.2013). Остальных больше беспокоит состояние ЖКХ. Людей можно понять: коммунальное хозяйство разваливается в прямом смысле слова.

Но попробуем разобраться. Минувшей зимой информагентства то и дело сообщали об авариях на теплосетях. Там прорвёт, тут заморозит. Между прочим, в двадцатиградусные холода! Давно не меняли трубы? Выяснилось – причина не только в этом. И в случае замены вместо новых закапывали бэушные! Покупали по дешёвке, а разницу клали в карман. Эксперты подсчитали: “Каждая третья труба, используемая при ремонте сетей ЖКХ, непригодна к эксплуатации” (“Независимая газета”, 12.12.2012).

И так во всём: трубы прорывает, дома разваливаются, мосты рушатся. Недавно писали: провисли ванты красавца-моста во Владивостоке. В строительство вбухали уйму денег, а дефекты обнаружились уже через полгода! Официальные лица информацию дезавуировали. Но никто не опроверг сообщение о хищениях со стройки металла – “почти на сто миллионов рублей” (“Независимая газета”, 11.02.2013). Как вы думаете, скажется это на прочности сооружения?

Проблема не только в качестве инфраструктуры. Если откаты достигают 50–80%, всякое изделие, любой товар окажется либо чрезмерно дорогим (надо же производителям “отбить” издержки), либо низкокачественным. Хлипкая и дорогая – это об отечественной продукции.

– Ах, как непатриотично писать такое! – поморщатся благонамеренные.

– Нет, господа хорошие! Непатриотично пилить бюджет, давать откаты, производить и сбывать соотечественникам некачественные товары.

Пока в России коррупция зашкаливает, наша промышленность будет заведомо неконкурентоспособной. А жизнь не то что некомфортной – опасной. Так кто же осмелится говорить, что это не касается каждого?

Убеждён – борьба с коррупцией могла бы стать той самой национальной идеей, которую уже 20 лет разрабатывают и всё никак не могут сформулировать в кремлёвских кабинетах. Во всяком случае, начальным этапом, первым шагом на подступах к этой идее. Вторым стало бы обеспечение конкурентоспособности страны. А третьим – возвращение технологического лидерства, без которого в современном мире не выжить.

Мы всё пытаемся перепрыгнуть к техническому прорыву. А что получается? Выделили деньги на ГЛОНАСС – разворовали. Выделили на космическую программу – разворовали. Этак ничего, кроме конфузоз и горьких разочарований, мы не получим.

Тут есть и политический аспект. Кто “крышует” мошенников от экономики? Разве не такие же мошенники от политики? Они образуют симбиоз – сплочённый, агрессивный.

Неслучайно тот же Анна Хазаре заявляет: “... Коррупцию питает несовершенство избирательного законодательства” (“Против”). Он предлагает проводить ежегодный “аудит эффективности” каждого парламентария и требует наделить избирателей правом отзыва депутатов “без лишней волокиты”.

Выходит, общественность Индии и Пакистана лучше, чем мы, осознаёт проблемы, встающие перед так называемыми “транзитными” (не завершившими становления) демократиями. И это помогает активно и целенаправленно добиваться своих целей.

Но обречено ли общество на борьбу с властью за благие, в сущности и государству нужные цели? Хотелось бы надеяться – не всегда. В условиях национального консенсуса возможны и совместные акции и долговременное сотрудничество.

Обратите внимание: в мировой эстафете протестов имеется ряд пробелов. Самые заметные – Китай и Иран. Конечно, силовые ведомства в этих странах действуют жёстко, и это многое объясняет. Многие, но далеко не всё.

Вот уж где Запад хотел бы потрясений, так это в Пекине и Тегеране. Вмешательство в иранские дела Госдеп и европейские внешнеполитические ведомства не скрывают! Ежегодно накладывают на Исламскую республику санкции, призванные разрушить её экономику и вызвать – об этом говорят открыто – восстание против “режима аятолл”. “Арабская весна”, казалось, дала врагам Ирана новый шанс.

На пике арабских волнений иранские оппозиционеры Мир Хосейн Мусави и Мехди Карруби, проигравшие Ахмадинежаду президентские выборы в 2009 году, назначили “день гнева”. Он должен был состояться 14 февраля 2011 года. К затее тут же подключился Госдепартамент, запустивший в преддверии 14-го числа собственную интернет-страницу на фарси.

Были задействованы все ресурсы, принесшие успех арабским революционерам. В социальных сетях ходко шла запись участников марша. А что в итоге? 4 тысячи демонстрантов собрались на майдане Азади (Свободы). И с наступлением темноты разошлись, скандируя: “Смерть диктаторам” (“Против”).

Статья в сборнике озаглавлена “Иран: новая “зелёная революция?” И снабжена подзаголовком “14 февраля 2011 года – открытая дата”. С тех пор прошло более двух лет, а дата так и не закрыта! Революция не состоялась.

Безымянный автор загодя подстраховался, приведя заявление одного из лидеров оппозиции: “Если бы правительство дало добро и гарантировало безопасность людей, на улицы Тегерана и других городов вышли бы миллионы” (там же).

Требовать от правительства не просто разрешения на акцию протеста, но именно “добро” – это, знаете ли, слишком даже для либеральных мечтателей. Они бы ещё потребовали, чтобы власть выводила людей на антиправительственный митинг по разнарядке.

Но всего возмутительнее в процитированном отрывке завуалированное обвинение соотечественников в трусости. Якобы не пришли, потому что боялись репрессий. Читатели, не знающие новейшей истории Ирана, могут поверить. Но те, кто помнит об обстоятельствах исламской революции 1978–79 годов, знают: самые жестокие репрессии не способны остановить иранских пассионариев! Когда начались демонстрации против правления шаха, гвардия стреляла на поражение. День, два, месяц. Счёт погибших шёл на десятки тысяч. В конце концов шах, а за ним и “кризисный управляющий” премьер Бахтияр вынуждены были бежать от гнева восставших.

Ту же неукротимость проявили иранцы в войне с Ираком. Не обученные военному делу студенты в полный рост наступали на позиции отборных войск Саддама Хусейна. Их выкашивали целиком. Но на смену убитым поднимались новые и шли в бой.

Шииты, с их трагедийно-героическим мироотношением, не просто не боятся смерти. Они хотят умереть мучениками за веру и страну. Желают этого со всей страстью людей Востока.

Если бы они сочувствовали неолиберальным идеям Мусави и Карруби, никакие угрозы полицейской расправы не остановили бы их. Как, кстати, не остановили в 2009-м, когда неудачники президентской гонки сумели столкнуть часть студенчества с Ахмадинежадом.

Но за прошедшие со времени выборов годы произошло событие, резко изменившее общественную атмосферу. Иран достиг серьёзных успехов в реализации атомной программы. Этот проект, мобилизовавший население и, прежде всего, молодёжь на достижение научно-технического паритета с развитыми державами, потребовавший напряжения материальных, нравственных и интеллектуальных сил, стал национальной идеей. Вот почему, несмотря на экономические трудности, вызванные западными санкциями, иранцы не пошли за противниками власти.

Думаю, от потрясений страну спасла и демократическая система. В Иране президент не может занимать высший пост более двух сроков подряд. И, разумеется, “дружеские договорённости” с “преемником” исключены. Уходящий – уходит. В 2013-м Ахмадинежад покинет президентский дворец. Штурмовать его в 2011-м не имело смысла. Два оставшихся года – это не 30 лет, которые просидел в президентском кресле Мубарак, и не 42, которые правил Каддафи.

В Пекине, где оппозиционный митинг был назначен на 20 февраля 2011 года, не то что четырёх тысяч – даже четырёх десятков не собралось! На центральную торговую улицу Ванфуцзин пришли десять человек. И сотня западных журналистов! А заодно посол США, что прямо указывало на заказчика акции.

На националистический сайт попала запись показательной сцены. К американскому дипломату подошёл китаец и спросил: “Господин посол, что вы здесь делаете? Хотите устроить хаос в Китае?” “Нет, я просто гуляю”, – промямлил американец и ретировался (“Против”).

Понятно, что узнать посла мог только “специальный” человек – сотрудник госбезопасности. И всё равно – сцена великолепна! Так и надо разговаривать с провокаторами. Прямо. Если только – вот мы и подошли к ключевому моменту, от которого всё зависит! – если только вы чувствуете за собой правду.

Я заранее отвечаю тем, кто захочет обвинить меня в непоследовательности. Будто я выгораживаю власти Ирана и Китая (никогда не скрывал симпатии к этим странам), а остальных обвиняю в подавлении

протестов. Дело не в протестах как таковых: недовольные были и будут. Дело даже не в подавлении: власть должна защищаться (хотя и меру обязана знать!). Протесты становятся оправданными, а власть, подавляющая их, — преступной, когда она не может предложить обществу программу развития.

Это не просто понял, а глубинным крестьянским чутьём почувствовал творец “китайского чуда” Дэн Сяопин. Показательна его реакция на распад СССР и Восточной Европы. “Беспорядки в Восточной Европе и Советском Союзе считаю неизбежными (разрядка моя. — А. К.)” — писал он, зная о потере социально-экономической динамики в СССР. И тут же записывал: “Пока в этих странах происходят волнения, Китаю действительно необходимо в соответствии с намеченным планом добиться двукратного увеличения объёмов производства” (Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой. Пер. с кит. М., 1997).

Показательная реакция великого политика: нужно не “гайки закручивать”, а сделать жизнь лучше, в два раза увеличив производство. Хотя в крайней ситуации во время волнений на площади Тяньаньмэнь Дэн без колебаний подавил оппозиционеров.

Иные из наших восклицают по этому поводу: “Правильно! Так и нужно обходиться с бунтовщиками”. Не замечая и не догадываясь, что расправа была шагом вынужденным: в огромной стране, только что вставшей на путь реформ, последствия “вольницы” были бы катастрофическими. Но, отдавая жестокие приказы, Дэн одновременно предлагал обществу привлекательную альтернативу: “...Необходимо предпринять ряд энергичных мер, которые успокоили и удовлетворили бы народ”; “следует предпринять ряд шагов, которые вызовут у народа чувство удовлетворения” (там же).

Программа экономического и политического развития страны, продуманная им на десятилетия вперёд, действительно “удовлетворила” народ. Сегодня даже западные эксперты вынуждены признать: “Режим КПК намного стабильнее, чем на Ближнем Востоке, поскольку уровень жизни населения растёт” (“Против”).

Это не означает, что в Поднебесной тишь да благодать. Время от времени информагентства сообщают о проявлениях недовольства. Крестьяне протестуют против отчуждения земель под индустриальные объекты и транспортные магистрали. Люди обеспокоены плохой экологией (бурный промышленный рост обострил ситуацию до предела). Работники предприятий требуют улучшений условий труда.

Но эти выплески протестной энергии не перерастают в политические акции. Почему? Ответ очевиден: экономика КНР растёт на 7–10% в год. А это — новые рабочие места, увеличение заработной платы, рост потребительских возможностей. Люди уверены: завтра они будут жить лучше.

К тому же власти оперативно реагируют на негатив, неизбежный в работе любой системы. Виновных наказывают невзирая на лица. А причины пытаются устранить.

Автор статьи о Китае в сборнике “Против” не без невольного одобрения отмечает, что нынешние руководители КПК борются “не столько с внешними признаками недовольства, сколько с их фундаментальными причинами (разрядка моя. — А. К.) — ростом коррупции, имущественным расслоением и недостатком социальных гарантий” (там же).

Вот она — формула стабильности, невольно сформулированная буржуазным журналистом, вряд ли симпатизирующим красному Китаю. Как это верно: бороться “не столько с внешними признаками недовольства, сколько с их фундаментальными причинами”. И как эффективна такая борьба!

Помните, в предыдущем разделе, посвящённом “арабской весне”, я цитировал полицейского генерала из России, откликнувшегося на революцию в Египте паническим заявлением: “Получается, что ситуацию можно раскатать в любой момент, на любой территории, по любому поводу” (“Завтра”, № 9, 2011). Я возражал ему. Продолжу спор.

Китайский пример доказывает: не всякую ситуацию можно “раскатать”. Ту, что опирается на мощный экономический рост, на постоянно повышающийся уровень благосостояния, на чувство личного благополучия и прочности государственных устоев, никакая пропаганда, никакие происки враждеб-

ных сил поколебать не смогут. А ту, что на гнилой основе, и “раскачивать” не надо. Рухнет сама из-за внутренних, в ней самой заключённых причин!

Даже такие считающиеся монолитными государства, как Израиль, испытывают “перегрузки” от внутренних противоречий. Мы говорим: “Евре-е-и!” А они разные. Есть такие, как подписанты Обращения главных раввинов городов, потребовавших “не продавать и не сдавать в аренду квартиры неевреям” (Хаарец”, 23.12.2010. Цит.: по ИноСМИ.ru). А есть такие, как мой знакомый Израэль Шамир, отстаивающий идею совместного государства для двух народов. Есть фанатики насилия, вроде снайпера ЦАХАЛа, некоего Мора Островки, разместившего в интернете фото палестинского подростка в перекрестье прицела (newsru.com/world/19feb2013/izr.html). А есть пацифисты, вроде резервистки того же ЦАХАЛа Анат Кам, которая сознательно предала огласке подробности армейской операции против палестинцев и теперь отбывает четырёхлетнее заключение (“Независимая газета”, 30.11.2011).

Но это крайности. Большинство составляют простые люди, страдающие от повышения цен, коррупции и прочих напастей, хорошо знакомых и нам. В 2011 году они решили объединиться, чтобы заявить о своих проблемах.

Пока наши умники гадали, кто стоит за “арабской весной” – Вашингтон или Тель-Авив, в самом еврейском государстве началось “израильское лето”. Первые демонстрации прошли в середине июля. 6 августа очередная акция собрала рекордные 300 тысяч участников. Любопытная деталь: партии заявили, что не призывали людей на улицу. Те сговорились в сетях и вышли сами (“Коммерсантъ-FM”, 07.08.2011). Явление не единичное, заставляющее говорить о совершенно новых формах организации протеста.

После неожиданного успеха левые партии, студенческие организации назначили всеобщий сход на 20 августа. Демонстрация с требованиями снижения цен на жильё, отмены итогов приватизации, обеспечения доступа к бесплатному образованию и другими, до боли знакомыми нам, должна была стать самой массовой в истории страны.

Однако за два дня до манифестации – 18 августа 2011 года неизвестные проникли на хорошо охраняемую территорию Израиля и совершили несколько нападений на мирных жителей. Вылазки поражали бессмысленностью. На “пустынной трассе” возле египетской границы был обстрелян пассажирский автобус. Ещё один автобус обстреляли в районе города Эйлат. Там же на mine подорвался армейский джип. Террористы будто специально старались произвести как можно больше шума, но при этом нанести по возможности малый ущерб. Понятно, без пострадавших не обошлось. Но как отмечали газеты: “В Эйлате вчера мало что напоминало о совершенных в окрестностях города терактах, которые остались практически незамеченными отдыхающими там туристами” (“Коммерсантъ”, 20.08.2011).

Примечательно – израильские власти, в подобных случаях сразу же производящие аресты, на этот раз просто упустили из виду нападавших, выступив с туманным заявлением, что “следы ведут в сектор Газа”. На что официальный представитель правящего там “Хамаса” поспешил ответить: “Между терактами близ Эйлата и сектором Газа нет никакой связи” (“Коммерсантъ”, 19.08.2011).

Но маховик “возмездия” уже пришёл в движение. Израильские самолёты в ночь на 20 августа атаковали Газу. Жертвами ударов стали высокопоставленные палестинцы. Теперь делом чести “Хамас” было нанести ответный удар. Несколько десятков самодельных ракет выпустили по территории еврейского государства (“Коммерсантъ”, 20.08.2011).

На этом инцидент был исчерпан: редкая для обеих сторон сдержанность. Но демонстрацию, чей масштаб обеспокоил правительство, в “таких условиях” отменили.

Обвинять кабинет Биби Нетаньяху в сознательной провокации с человеческими жертвами нет достаточных оснований. Остаётся лишь отослать читателей к схожим случаям, когда вылазки террористов оказывались на руку властям (список опубликован в моей книге “Возвращение масс”).

Как бы то ни было, террористы или провокаторы старались зря! Им удалось сорвать одну акцию, но не сбить протест. Две недели спустя Израиль потряс “марш миллиона”. В Тель-Авиве, Иерусалиме, Хайфе,

других городах на улицы вышло 500 тысяч человек. Для страны с населением 7,7 миллиона – это очень много! Собравшиеся несли плакаты “Вся власть народу!”, “Требуем социальной справедливости” (“Независимая газета”, 05.09.2011).

“Они говорят нам, что движение протеста пошло на спад. Сегодня мы показываем, что на самом деле всё совсем наоборот, – обратился к толпе председатель студенческого профсоюза Ицик Шмули. – Мы – новые израильтяне, настроенные продолжать борьбу за лучшее, более справедливое устройство общества” (bbcussian.com.04.09.2011. Цит по: ИноСМИ.ru).

Слова о “новых израильтянах” неслучайны. Наблюдатели отмечают, что на политическую сцену вышла молодёжь, новый средний класс. Один из недавних репортажей так и был озаглавлен: “Будущее Израиля: новый средний класс”. Перспективное явление, которое мы уже обнаружили в Индии, Египте, с которым нам ещё предстоит познакомиться в Италии и Испании. Да и на Россию не грех оглянуться. Повторю: нынешние протесты глобальны. И закопёрщиками выступает, как правило, одна и та же возрастная и социальная группа.

А вот борется с ней каждое правительство на свой лад. У нас объявили о планах отправлять студентов университетов на армейскую службу без отрыва от учёбы. Рецепт известный ещё с царских времён: “Фельдфебеля в Вольтеры дам” (А. Грибоедов. “Горе от ума”).

В Израиле прибегли к своему традиционному методу. Осень социальных волнений не успела закончиться, а власти еврейского государства начали очередное вторжение в сектор Газа – операцию “Облачный столп”. В сущности то была агрессия не только против палестинцев, но и против собственного общества. От израильтян в очередной раз потребовали единства. Формируя его насильственными методами. Характеризуя обстановку в стране, журналист озаглавил репортаж “Не время для разногласий” (bbc.co.uk/russian/international/2013/02/130219_israel_livni_coalition.shtml).

Завершив операцию, Беньямин Нетаньяху поспешил назначить досрочные выборы. Расчёт был прозрачен: на победной волне (хотя военные успехи Израиля вызвали вопросы) собрать как можно больше голосов и упрочить положение правительства.

Однако “железный Биби” не учёл: время изменилось! Электорат со всё большим скепсисом смотрит на затеи властей. А средний класс вообще плохо поддаётся “дрессировке”. Вместо дополнительных голосов – и новых мест в парламенте – партия премьеры “Ликуд” набрала всего 23% и потеряла 11 мест. До заветного большинства не хватает половины. Нетаньяху пришлось крепко задуматься: где искать союзников (bbc.co.uk/russian/international/2013/02/130123_israel_elections_analysis.shtml).

Традиционный партнёр “Ликуда” – религиозная партия ШАС. Однако мест, которые получили ультраортодоксы, для формирования коалиции недостаточно.

Нетаньяху не оставалось ничего другого, как начать переговоры с новичком израильской политики – партией “Еш Атид” (“Есть надежда”). Она сформировалась накануне выборов, но взяла резкий старт, заняв второе место и получив 19 мест в кнессете. Популярностью партия обязана своему лидеру Яиру Лапиду. Он не профессиональный политик, а известный тележурналист.

Лапид не стесняется своей неопытности, напротив, всячески подчёркивает её. Избирателям, разочаровавшимся в старых партиях, погрязших в интригах и оторвавшихся от своего электората, импонирует неискушённость новичка. Лапид с удовольствием подыгрывает им. “Утверждают, что мы ничего не понимаем в политике, – с вызовом заявил он. – Это правда. Но что это означает? Лишь то, что нам следует оставаться верным нашим принципам, нашим ценностям, потому что в этом мы как раз отлично смыслим” (ru.yeshatid.org.il/category/yairlapid).

Запомните эти слова. Они могли бы стать общим девизом новых лидеров – прежде всего в Европе, – которые на волне кризиса ворвались в политику. Эти лидеры вместе со своими партиями станут героями следующей главы.

Лапид по-журналистски легко вписался в новый тренд. Он позиционирует себя как представитель среднего класса. В летней кампании 2011 года Лапид не участвовал, но подхватил лозунги протестов, пообещав “бороться за

снижение цен, за социальное равенство, за возможность купить квартиру” (там же).

Ему верят, особенно молодёжь. Верят потому, что хотят услышать из уст лидера именно то, что говорит руководитель “Еш Атида”. Обозреватели отмечают: “Сегодня Яир Лапид и его партия олицетворяют собой новый Израиль, в котором нет места социальной несправедливости и религиозным предрассудкам” (pravda.ru/world/asia/middleeast/09-02-2013).

Переговоры Нетаньяху с Лапидом о формировании коалиции затянулись на рекордные полтора месяца – настолько трудно было сблизить позиции сторон. В марте Лапид согласился занять в новом кабинете пост министра финансов.

Соцопросы показывают: большинство израильтян считают Лапида победителем в этом торге. Действительно, ему удалось исключить из правительства ультраортодоксов и сделать первые шаги на пути превращения страны в современное светское государство.

Дело в том, что около 10% населения Израиля составляют так называемые харедим – люди, посвятившие себя изучению Торы. Они не служат в армии (при том, что призыву подлежат даже девушки), не работают, однако получают дотации от правительства. Новый средний класс, выросший в айтишных офисах, эта халява возмущает.

Лапид добился постепенной отмены привилегий харедим. За что духовный глава ультраортодоксов раввин Аарон Лейб Штейнман объявил его “злодеем”. А лидеры религиозных партий обвинили в “преследовании людей Торы... святых Израиля и всего, что любимо иудаизмом” (cursorinfo.co.il/news/novosti/2013/03/15/haredim-proklyaly-novoe-pravitelstvo-iego-uchastnikov).

Но оставим эти еврейские страсти. Меня интересует другое – не растворится ли новая партия в правительстве профессиональных бюрократов. Не утратит ли она тот альтернативный статус, который и привлек к ней избирателей? Ответ получим в ближайшее время.

Как бы то ни было, запрос на новых лидеров – людей, пришедших в политику из реальной жизни и сохранивших верность моральным ценностям, на мой взгляд, чрезвычайно перспективен. Тем более, что эта тенденция приобретает глобальный характер. На волне повсеместного недовольства возникает новое явление, сулящее решительные перемены в мировой политике.

И дальше на Запад движется живая многоликая волна протеста. Она обтекает Турцию: там экономический подъём, люди не бунтуют (за исключением восточных районов, населённых курдами). И устремляется в Европу: по черноморскому побережью – в Болгарию (где только что пало правительство), в Румынию и – по берегу Средиземного моря – в Грецию, Хорватию, Сербию, Италию. Захватывает Пиренеи и останавливается у кромки Атлантического океана, чтобы одним прыжком перемахнуть в Соединённые Штаты.

(Продолжение следует)

В июльском номере нашего журнала за 2008 год вышла статья Александра Боброва “Кривые дороги Олимпиады” — о субтропическом курорте, ставшем столицей зимнего спортивного форума. Прошло четыре непротых года — Россия болезненно пережила кризис. Менялись политические лидеры, векторы развития, мировые приоритеты, неизменным был только наш путь на Зимнюю олимпиаду-2014: любыми средствами, не считаясь с затратами, не соблюдая экологических и градостроительных законов — вперёд, к сияющим вершинам Красной Поляны, столь любимой правящим тандемом. И вот через четыре года писатель снова побывал на берегах Мзымты, в Сочи и Мацесте, на торжествах под девизом: “До Олимпиады — ровно год!” И вывез не радужные, а мрачные впечатления от небывало тёплой черноморской зимы.

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

ОЛИМПИЙСКАЯ ОШИБКА

Это хуже, чем преступление: это — ошибка

Буле де ла Мерт

ПОДСЧИТАЛИ – ПРОСЛЕЗИЛИСЬ!

Мы прилетели в Сочи вместе с президентом Путиным — не вместе, конечно, а одновременно. Сошёл под морозящим дождём в аэропорту (самолёт до Сочи дороже, чем до Вены!), глянул на серый унылый пейзаж с голыми лесами (такой же встретит гостей якобы зимней Олимпиады). Сразу подумал: почему не Урал, не Хибины, не Алтай? Там скалы, хвойные леса, снега по пояс — ядрёная русская зима, а не сопливые субтропики в межсезонье. Пошёл к остановке давно знакомого 105-го автобуса через строй таксистов и бомбил. На остановке было подозрительно пусто. “Автобусы или маршрутки ходят?” — спросил у двух мрачных милиционеров. “Ничего не ходит”, — буркнул с акцентом усатый. “Да вы во-он туда, под эстакадой пройдите — наверху остановка”, — сказал блондин. Пошёл по запутанным дорожкам, потом по грязной тропке со строительным мусором поднялся на насыпь, вышел к остановке, думая о том, что впервые в жизни я приземлился в международном аэропорту, куда не ходит общественный транспорт. Да, театр (олимпийский Сочи) начинается с вешалки. . .

На остановке к двадцатой минуте ожидания услышал комментарий: “Путин на Красную Поляну поехал — всё перекрыли!”. Ещё через двадцать минут подъехал переполненный 105-й автобус. Зато остановки в нём на двух языках объявляли. На следующий день, 6 февраля, президент России осмотрел объекты, которые будут использоваться во время зимней Олимпиады 2014 года в

Сочи. Перед встречей с руководством МОК Владимир Путин осмотрел строящиеся стадионы — санно-бобслейную трассу, где уже проходят тренировки спортсменов, горнолыжные склоны, канатную дорогу (именно по ней Путин и добрался до стадиона для соревнований по биатлону).

У медицентра Путина ждал глава Сбербанка Герман Греф, который инвестирует (так и сказано — будто он из своего кармана деньги даёт!) в ряд объектов Олимпиады, в том числе и в комплекс трамплинов. В ожидании Путина Греф явно нервничал, злясь на журналистов и строителей, которые ходили по павильону с красочными стендами (это мы умеем!). Плохое настроение Грефа оказалось не случайным — именно к комплексу трамплинов, который называется “Русские горки”, у МОК были основные претензии. Ввод трамплинов в эксплуатацию намечен на сентябрь. Но работ ещё огромный фронт.

— Это единственный объект, на котором нужно многое сделать, — отмечают в Международном олимпийском комитете. Эксперты объясняют, что необходимо убрать землю, чтобы разместить трибуны почти на 10 тыс. зрителей, провести 6 км дренажа, установить 2 км опорных стен. Между тем министр спорта Виталий Мутко рассказывал журналистам, что если зима во время соревнований будет не снежной, то снег будут заготавливать заранее.

— Снег, если нужно, можем продать, — пошутил во время беседы с руководством МОК Владимир Путин.

Остаётся только шутить, скрывая недоумение и явную злость. Как говорится: “Продавали Сочи — веселились, а подсчитали — прослезились”. Но покупатель — доволен:

— В мире мало стран, которые бы за шесть лет могли обеспечить такую программу, — прекратив критику, восхитился Килли, добавив, что за последние два года в Красной Поляне прошли десятки тестовых соревнований, чемпионаты Европы и мира, и ни один спортсмен ни на что не пожаловался. Тем не менее, Килли попросил не расслабляться, нужно ещё много работать, чтобы олимпийские объекты отвечали всем ожиданиям.

Ну, где ещё Олимпийский комитет найдёт такую безотказную и щедрую за счёт нищего народа страну? Перед отлётом я прочитал статью в “Новой газете”: “Сочи-2014 по шок-цене”. Там говорилось, что, по материалам Госкомиссии, сумма на подготовку Олимпиады превысит 1,5 трлн руб., или 50 млрд долл. — и это при первоначальной смете, свёрстанной в победном 2007 году в размере 12 млрд долл. Примерно за пять лет Олимпиада в Сочи подорожала почти в пять раз и превысила стоимость грандиозной Пекинской летней олимпиады (там всего 40 млрд. долларов потратили!). Теперь этот антирекорд можно переплюнуть только в случае, если шейхи и арабские эмиры решат провести зимнюю Олимпиаду в жаркой пустыне, строя объекты на песке. Но кому это придёт в голову?

По федеральным каналам сначала показывали благостные репортажи, как президент проверил комплекс трамплинов “Русские горки”, который вместе с инфраструктурой должен быть сдан в июле (потом подробнее остановимся на этом провале!). Владимир Путин побывал и на трассе для лыжного двоеборья, и в горнолыжном спортивно-туристическом комплексе “Горная карусель”. Глава государства осмотрел железнодорожную станцию “Красная Поляна”, которая начнёт функционировать только в октябре. Это, кстати, к вопросу о транспорте: автобусы к аэропорту не подходят (“Ой, трудно — они от старого аэропорта объезжать должны — эстакада подъезд перекрыла!”), а скоростную железную дорогу только в конце бархатного сезона открыть собираются — вот раздолье частникам всё лето!

Возле трассы для бобслея президент стоял, еле сдерживая ярость. Федеральные каналы этого, конечно, не показали. Это была красочная сцена (как оказалось, постановочная!) с допросом поникшего вице-премьера Козака!

— Когда должны были сдать трассу?

— Летом 2011 года.

— А реально сдадите?

— В июле. Госприёмка в сентябре.

— Так, значит, два с лишним года задержка... На сколько удорожание?

— Было заложено 1,2 млрд. Теперь получается восемь... Но это — за счёт местных средств и инвесторов...

— Каких местных? Кто владеет Красной Поляной, кто инвестор?

– Сбербанк...

Тут я обалдел у монитора: не участками владеет, не сооружениями и отелями, а прямо Красной Поляной – горами и долинами. А кто, правда, владеет? – спросил я ошарашенно своих сочинских знакомых.

– Да братья Билаловы из Дагестана: Магомед и Ахмед – член Совета Федерации от правительства Краснодарского края, вице-президент Олимпийского комитета РФ.

Начал смотреть в интернете: чёрт ногу сломит, разбираясь со сменой собственников и владельцев акций. Оказывается, ещё летом 2007 года в коридорах столичного особняка Билалова в Хлебном переулке замелькали известные на всю страну фигуры. Здесь появлялись то министр экономики Герман Греф, то помощник президента Аркадий Дворкович, то глава заявочного комитета Дмитрий Чернышенко. Они приезжали на совещания по подготовке Олимпиады в Сочи, которые время от времени проходили у Билалова. Вот как у нас частные лавочки работают с распиллом международных средств! А многие люди, в том числе и сочинцы, ликовали: Путин добыл нам Олимпиаду с преимуществом в четыре голоса! Он её выиграл-то для своих, для тех же чиновников-функционеров и акул бизнеса, дагестанских братьев. Своим участием в олимпийской истории Билалов обязан губернатору Ткачёву. Именно он познакомил бизнесмена с президентом Олимпийского комитета Леонидом Тягачёвым. “Билалов сразу был включён в переговорную делегацию, стал ездить с нами на презентации в другие страны. После того как мы выиграли право провести игры (в июле 2007 года), Билалов предложил свой офисный дом, чтобы его временно использовали как офис оргкомитета”, – рассказывает Тягачёв. “Билалов доказал, что может эффективно работать и привлекать хороших партнёров, прежде всего зарубежных”, – говорит помощник президента Аркадий Дворкович.

Расцвет карьеры Билалова пришёлся на время президентства Дмитрия Медведева. Знакомство их состоялось ещё в 2006 году: Дмитрий Медведев, будучи вице-премьером, возглавлял комиссию правительства по вопросам религиозных объединений. В нее как председатель совета по хаджу входил и депутат Билалов. Кроме того, Билалов дружен с Дворковичем, жена которого Зумруд Рустамова, как и Билалов, родом из Дагестана. Ну, всё понятно? Правда, непонятно, повторяю, как акции перешли к Сбербанку, который не торопится нам повышать ставки по вкладам, но лезет в столь амбициозные проекты?

После возвращения из Сочи натолкнулся на канале “Россия-24” на самоуверенное интервью Дмитрия Козака и поразился тому, что, оказывается, всё было решено заранее: “По отстранению Билалова почти год назад приняли решение”. Так зачем перед нами дурочку на склоне валяли? Или президент в самом деле ничего не знал, или у него поразительные актёрские способности.

Несмотря на творящиеся там безобразия, глава города Сочи Анатолий Пахомов недавно заявил: “Сочи сейчас может служить своеобразным эталоном, образцом. Показывать, к чему надо стремиться дальше, и доказывать, что мы можем своими руками создавать новые и приводить в порядок старые города. Тысячи кубанцев в течение нескольких лет были обеспечены хорошей работой и отличными заработками. Прошла модернизация транспортных магистралей всего Краснодарского края. Ещё более серьёзное экономическое ускорение Краснодарский край получит в будущем. В Сочи создан первоклассный центр мирового туризма, который будет обеспечивать краевую казну крупными налоговыми поступлениями”.

Ой ли! Пока отдыхающие отвернулись от Сочи. По последним данным, в Сочи в 2012 году побывало около 3 миллионов человек. Подсчёты эти завышены, поскольку включают многочисленных командировочных, строителей олимпийских объектов, бизнесменов и аферистов, которым на прелести курорта – начхать. Прежде приезжало около 5 миллионов, но эта цифра была, напротив, занижена: ведь частный сектор всех жильцов и всех дней пребывания не показывал, пользуясь связями в милиции. А люди с севера приезжали на 40–60 дней, везли сюда детей к необходимому им солнцу и морю. Да и у моего маленького сына астма прошла только потому, что он с бабушкой и родственниками-циркачами провёл всё лето на пляже рядом с сочинским Госцирком.

“Да, поток снизился, — говорит руководительница Информационного центра, жительница Сочи Татьяна Страхова, — кто ж на стройку поедет? Но надо было что-то делать. Сколько можно задыхаться в пробках Курортного проспекта, сливать канализацию в море, жить в ветхих бараках 1914 года? Без Олимпиады средств не дали бы...” Что за страна такая — Россия? Почему во всех странах — в Венгрии, в Австрии, в Германии — от термальных источников Будапешта до купален Баден-Бадена как зеницу ока берегут бальнеологические курорты, благоустраивают их, получая прибыль. Кстати, в австрийском Бадене меня, пенсионера, пускали по паспорту в купальню по льготному билету, а в водолечебницу Мацесты — дудки! У Сочи — Богом дарованного целительного места — даже определение водного курорта отняли: теперь это горно-климатический курорт. Только на том основании, что Путин с Медведевым полюбили Красную Поляну, а на миллионы болящих — им наплевать! А ведь сочинцы жили не с богатых горнолыжников, а с отдыхающих на последние деньги рядовых россиян.

Сочинская газета “Местная” выпустила диск наглядных материалов и опросов, показывающих реально, а не парадно, что же сотворили авторы бредового решения с бывшей всесоюзной здравницей и как относятся к Олимпиаде простые сочинцы разных национальностей. Объединяет их одно: махровый пессимизм, как выразился автор видеорепортажа. Эх, послать бы диск в Олимпийский комитет, чтобы там между пышными вояжами, торжествами и банкетами услышали стон народа, которому “подарили” Олимпиаду в субтропиках. Как прыгал при объявлении столицы Олимпиады 2014 года на переднем плане репортажа министр-миллионер Игорь Левитин, как ликовала конькобежка Светлана Журова! Ну, приехала бы депутатша-чемпионка к людям, поговорила с ними. Все опрошенные единодушны: город-курорт загублен! Зато сама Журова красуется на рекламных щитах итальянской фирмы (что там говорили о запрете депутатам участвовать в прямой коммерческой рекламе?). Соревнования пройдут в Красной Поляне, на аренах Имеретинки — в Адлерском районе, но начали уродовать всё. И больше всего — Центральный район Сочи. Возводятся под ажиотаж олимпийского строительства гигантские здания, растаскивается земля, вырубается скверы, покушаются даже на концертный зал “Фестивальный”, на парк “Ривьера”.

Лейтмотивом материала “Местной” звучат слова Путина: “Обращаюсь ко всем участникам этого процесса с одной просьбой: думайте о людях, о тех, кто живёт в Сочи и кто приезжает сюда отдыхать”. Так “подумали”, что сочинцы стонут, а поток отдыхающих резко сократился. Даже на рынках летом были только местные с их крошечными пенсиями и маленькими зарплатами да гастарбайтеры. Дом женщины, у которой трое внуков, попал под снос, под левитинский проект дублёра Курортного проспекта, задыхающегося в пробках. Ей насчитали компенсацию 932 040 рублей. Что на эти деньги можно купить или построить в Сочи? Надо, по крайней мере, в 25 раз больше! “Олимпиада — это ад!” — заявляет она. Да, есть созвучие и даже пахнущие серой детали. “Олимпиаду будут вспоминать, как чуму”, — заявляет другая жительница загубленного города-курорта. Но я бы добавил: как самую дорогостоящую эпидемию в истории человечества!

Вот, пожалуйста, — два полярных суждения: “Сочи — это эталон” (глава города Пахомов) и “Сочи — это ад” (жительница, семья которой осталась без жилья). Что ближе к правде? И как вообще возможно такое, если учли благие пожелания Путина и его наставления губернатору Ткачёву? Значит, налицо вопиющий разрыв между властью, заинтересованными чиновниками, функционерами и простым народом. Тоталитаризм в действии, который никаким советским руководителям (при Ленине, Троцком и Сталине я не жил!) не снился.

В самый канун новогодних каникул на сессии Городского собрания Сочи депутаты наконец-то (четыре года общественность возмущалась, а я ещё три года назад писал об этом уродстве в газете) утвердили правила землепользования и застройки на территории муниципального образования. Впервые за долгие годы на курорте определён порядок создания условий развития территорий города и их планировки, сохранения окружающей среды, обеспечения прав и законных интересов правообладателей земельных участков, а также привлечения инвестиций.

В течение последних пяти лет документ разрабатывался Санкт-Петербургским институтом строительных проектов при участии представителей органов законодательной и исполнительной власти Сочи, союза архитекторов и, конечно же, местных жителей. Вступление в силу этих правил следует рассматривать не только как обязательный этап в реализации генерального плана развития города (стратегия развития Сочи, рассчитанная на ближайшую четверть века, кстати, тоже была принята в прошлом году). Это ещё и выполнение требований Международного олимпийского комитета для подготовки к предстоящим играм 2014 года. К началу Зимней Олимпиады Сочи должен обрести облик “экологически дружелюбного города”, доступного и комфортного для жителей и гостей курорта, с широкими набережными, ухоженными домами и районами, современными дорогами, пышным озеленением, которое прежде было уничтожено новостройками.

Ещё одно немаловажное преимущество правил: значительно упростится выдача градостроительного плана земельного участка, который является основой для проектирования любого объекта. А главное – жители курорта теперь смогут самостоятельно определить, что и как они имеют право строить на своих сотках. Достаточно будет войти в компьютерную базу данных, ввести кадастровый номер своего земельного участка, отыскать на карте собственность и, определив, в какой зоне она находится, найти ответ, что там можно строить, сверившись с пояснениями в текстовой части документа.

Особое примечание: изменить статус зоны юридически уже невозможно. К примеру, переход от индивидуальной жилой застройки к многоэтажной, как это делалось ранее, в результате чего на пяти сотках вырастали высотные здания, отныне полностью исключён. А то ведь по всему Сочи натканы без утверждённого плана многоэтажки! Но и с этим планом-законом творится что-то невообразимое. Наглядный пример – то, что происходит с микрорайоном “Светлана”.

– Местная власть ведёт себя так, как будто она в сложившейся ситуации ни при чём, а представители застройщиков нам постоянно твердят: прекратите писать в инстанции, – рассказывают жители микрорайона “Светлана”. – Хотя для всех должна быть очевидна угроза. Здесь близко находятся подземные воды, и многоэтажное строительство опасно хотя бы по этой причине.

Микрорайон продолжает застраиваться в отсутствие всякой системы и решения социальных проблем. Причём, несмотря на высокие заявления, “Народной газете Сочи” стало известно, что, вопреки обещаниям, администрация города официально дала разрешение на постройку именно 20-этажного небоскрёба. Чтобы разобраться в ситуации и выяснить, ведёт ли строительство ЖК “Москва” в рамках закона, депутатом Городского собрания Сочи Татьяной Черноваловой были сделаны запросы в соответствующие городские структуры. Вот что удалось выяснить. Департамент архитектуры, градостроительства и благоустройства города Сочи за визой директора департамента Константина Мацкевича официально признал, что земельный участок, расположенный на ул. Депутатской, 10, входит в границы зон особой архитектурно-планировочной организации территории (зона международного гостеприимства).

Разрешение на строительство многоквартирного жилого дома было выдано администрацией города Сочи в соответствии со ст. 51 Градостроительного кодекса сначала сроком до 31.12.2012 года (1-й этап строительства), потом срок был продлён до 31.12.2013 года (2-й этап строительства). Обратите внимание на последние цифры! Между тем, часть 14.1 Олимпийского закона (Федеральный закон от 01.12.2007 № 310-ФЗ) гласит, что в границах зон особой архитектурно-планировочной организации территории на период с 1 января 2013 года по 1 июля 2014 года запрещается возведение объектов капитального строительства.

То есть городская власть бесконтрольно попирает федеральный закон! Поразительно: если вы нарушите закон о порядке проведения митингов, например, в Москве – вас повяжут с помощью взвода омоновцев и посадят без промедления с привлечением даже иногородних следователей, но если вы рушите жизнь целого микрорайона, ставите под угрозу безопасность людей и попираете закон о многоуровневой Олимпиаде – никто и пальцем не пошевелит. Вот это российская демократия. . .

Таковы мои первые впечатления от пребывания в Сочи.

КОГДА УЛЯЖЕТСЯ ПЫЛЬ...

На сочинском крытом рынке народу было – кот наплакал. Я подошёл к скучающим абхазкам – торговкам сладостями, купил чурчхелу внукам и на вопрос: “Как вам Сочи?” – ответил: “Ужасно! Сейчас шёл по улице Горького – пыли и грохота больше, чем на Тверской. Никогда больше не приеду”.

– Зачем так говорить? Стройка идёт, но ведь пыль уляжется и будет хороший курорт.

– Когда уляжется пыль, выяснится, что курорта больше нет.

Торговки остались в замешательстве, но при своём мнении, а я – при укрепившемся своём.

Название *Сочи*, по одной из версий, происходит от слова “Шача” или “Сшатче” – так называли здешние места жившие в междуречье Сочи и Шахе убыхские племена. По другой – название *Сочи* происходит от слова “Садша”, что на языке древних обитателей этих земель значит “море, у моря”. Море и по сей день освящает и определяет жизнь Сочи. Горные хребты защищают Сочи от холодных зимних ветров с севера, а Чёрное море, прогреваясь летом, зимой отдаёт ему свое тепло. Потому здесь уникальный целебный климат. А лечебные воды – волшебные! Вытянувшийся неровной полосой вдоль Чёрного моря от посёлка Магри на северо-западе до реки Псоу на юго-востоке, Сочи – один из известных в мире курортов. Почему Владимир Путин, открывая торжества в честь годовщины до начала Олимпиады, стал напирать на то, что Сочи из курорта, известного только россиянам, станет международным и знаменитым, совершенно непонятно: в Сочи ехали за здоровьем не только миллионы советских людей, но и многочисленные иностранцы.

Второй по длине город в мире... Южная столица России... Единственные субтропики страны... Самый популярный круглогодичный бальнеологический курорт России... Сколько названий! Кстати, надо объяснить некоторым читателям, что “бальнеотерапия” (через “а”) в переводе с латыни означает “лечение купанием”. Традиционные типы водных процедур: ванны, бассейны, бани. Водолечение обладает удивительной способностью: вне зависимости от типа, оно неизменно оказывает благотворное влияние на общее самочувствие, а концентрированная минеральная вода и грязи на её основе помогают от множества болезней. Водные процедуры безопасны и очень эффективны, и конечно – более доступны, чем катание на горных лыжах. Но, попирая здравый смысл и многолетнюю практику, наши кремлёвские лыжники решили сделать Сочи столицей зимней Олимпиады и заурядным горно-климатическим курортом.

Помню, когда Анатолий Пахомов был ещё главой департамента Краснодарского края по туристско-санаторному развитию, он приехал в Сочи и выступил на совещании курортных работников, ошеломив всех решительным тезисом: “Главная задача и основной показатель курортной отрасли – это доход”. А в зале собрались многие из тех, кто жизнь и собственное здоровье положил, врачуя других, порой за весьма скромное вознаграждение. Прошло всего несколько лет, губернатор Ткачёв бросил Пахомова на Анапу, а потом перевёл верного соратника в Сочи. И тут мечта Пахомова по сплошной коммерциализации курорта сбылась.

По телевидению прошёл репортаж о кубковых соревнованиях по сноуборду в Красной Поляне под дождём и градом. Трасса – опасная, многие участники падали, получая травмы. То же, наверное, ожидает и участников Олимпиады-2014 через год. А вот мягкая зима и уникальное сочетание субтропического климата с вечнозеленой растительностью в окружении источников минеральных вод делали Сочи идеальным курортом. Основным фактором, благодаря которому он стал меккой для болящих, является легендарное месторождение сероводородных источников Мацеста. На адыгейском языке – *Машьопсы*, где *машь* – огонь, а *псы* – вода. Значит, точный перевод – “огненная вода”. Многие допускают, что впервые об уникальных лечебных свойствах Мацесты было рассказано древними греками в знаменитом мифе об аргонавтах, отправившихся на Кавказ за Золотым руном. Во всяком случае, дочь колхидского царя Медея, которая влюбилась в Язона, взялась омолаживать царя Пелия с помощью сероводородных ванн, которых в Греции не было, – вопреки известной фразе: “В Греции всё есть”.

Якобы подсчитано, что за 110 лет существования Мацесты как курорта было отпущено около 220 млн процедур. Ясно, что 2 млн в год – средняя циф-

ра, обеспеченная годами советской власти, когда ванны принимал каждый четвёртый приезжавший в Сочи. Даже во время войны прифронтовая Мацеста принимала раненых, которых на простынях опускали в ванны, чтобы раны быстрее заживали. Когда я писал в 2008 году о Сочи на этих страницах, лечение уже принимал только каждый десятый: вместо главврачей-курортологов многие санатории возглавили “эффективные” менеджеры. Им выгоднее оставлять все деньги в своих вотчинах, рекомендовать доморощенные ванны из солей, которые и в Москве можно купить. В силу свойств сероводородной мацестинской воды её лечебное применение эффективно только в лечебницах, расположенных в местах добычи (вода Мацесты нетранспортабельна).

В списках пациентов Мацесты значится немало исторических личностей: прежде всего – Сталин. В 1928 году медики предложили вождю полечить отмороженные ещё в ссылке ноги мацестинскими источниками. Для него подготовили реквизированное имение одного из создателей Мацестинского курорта Михаила Зензинова. Эти апартаменты и стали первой Сталинской дачей в Сочи. Прибыв на лечение, Сталин пожелал увидеть новостройки курорта. Одной из них оказался новый корпус санатория “10 лет Октября”, который принадлежал московским железнодорожникам (сейчас это 4-й корпус санатория “Правда”). Осмотрев здание, Иосиф Виссарионович довольно заметил: “Это хорошо, что московские железнодорожники заботятся о здоровье своих работников. Похвально, что и в этом важном деле они сделали великий почин”. Теперь глава РЖД Дмитрий Якунин отличился другим *почином*: он сумел добиться приватизации зданий вокзалов и привокзальных территорий, и на месте круглого павильона на знаменитой привокзальной площади Сочи его сын строит огромное здание-комод новой гостиницы, уродующей вид ворот курорта.

Приняв несколько мацестинских ванн, Сталин почувствовал, что болезнь отступает, а силы – прибавляются. Вернувшись в Москву, он провёл заседание ЦК ВКП(б), на котором поднял вопрос о здоровье советского народа и предложил начать строительство Всесоюзной здравницы в Сочи на базе мацестинских источников. Генеральная реконструкция началась в первой пятилетке, а в 1934 году Сочи объявили ударной стройкой страны. Сталин лично присутствовал на съезде архитекторов, где заявил: “Задача эта государственная, безотлагательная, решать её надо не в столице, а на месте – в Сочи. И пока вы не построите Всесоюзную здравницу, вам в Москве делать нечего...”. Это было принято как приказ, и лучшие зодчие страны – Щусев, Жолтовский, братья Веснины, более молодые таланты – осуществили державный замысел: на 30-километровой прибрежной полосе от Мамайки до Кудепсты воздвигли санатории-дворцы. Их строительство приравнялось к возведению важнейших военных и промышленных объектов. Сталин повторял, что о социализме будут судить не только по экономической и военной мощи страны, а, прежде всего, по организации здравоохранения нации. Курортная система СССР стала, по общему признанию, лучшей в мире. Напомню, что по оценкам Всемирной организации здравоохранения Россия сегодня опустилась до 130-го места в мире (Белоруссия – на 72-м месте, а на первом – Франция, где сильны государственные и профсоюзные программы оздоровления населения). Мне порой кажется, что всё, что творится в Сочи, – сознательная или невольная месть антисталинистов тому, кто сам был аскетичен в быту, но думал о здоровье и гордости трудящихся – во дворцах, мол, отдыхаем и лечимся!

Приехав сейчас в развороченный Сочи на пустое празднование “Год до Олимпиады”, я узнал, что Мацеста работает всего с 8 до 11 утра, а мацестинские ванны “Водолечебницы № 7” в Хосте и вовсе закрыты. А ведь недавно там была проведена реконструкция, и появился новый бассейн. Но публики нет даже в тихих районах, где не строят олимпийские объекты. Кстати, на сайте некоторых здравниц особо подчёркивается как огромное преимущество: олимпийских объектов поблизости – нет! Четыре года назад курортникам Хосты давали талоны на процедуры, а для отдыхающих со стороны курс из 8 сероводородных ванн стоил 1990 рублей (250 рублей за ванну), с массажем – 3 760 рублей. С 20 января в Сочи подорожал общественный транспорт, и ванны стали стоить 630 рублей. Вот это темпы! А пенсию мне за этот период рублей на 600 подняли – на одну ванну!

Накануне Первой мировой войны Федор Шалапин написал из Сочи письмо сыну Борису, которое закончил так: “Всё-таки я думаю, что в Крыму лучше, там есть город Ялта, например, а здесь города нет. Сочи – это пыльная

дыра”. Всего через 20 лет эта пыльная дыра превратилась в европейский курорт. Потом оазис здоровья рос, развивался (в Мацесте, как мне рассказывали, конкурс был – 4 врача на вакантное место), а теперь гигантский корпус в Новой Мацесте стоит разорённый, и остов его задрапирован материей с альпийским выгоревшим рисунком. Сочи ввалился в рынок без Генерального плана, и всё превратилось в хаос, в беспорядочную стройплощадку, в вотчину временщиков. Олимпиада окончательно добьёт курорт. Все частные “суверенные инвесторы”, как называл Билалова, отстранённого президентом, вице-премьер Козак, все банки и непонятные компании ринулись скупать земли в Сочи, строить небоскрёбы под соусом развития курорта и безжалостного извлечения прибыли. Сочи снова превращается в пыльную дыру, и конца-края этому уродству не видно.

Совершенно не используются мощнейшие, уникальные по концентрации залежи мацестинской воды на Мамайке и в Кудепсте. Более того, в Кудепсте запланировано строительство губительной ТЭЦ устаревшего типа, при эксплуатации которой сгорает лишь 48,6% топлива, а остальное будет разнесено ветрами по всему побережью. Местные жители грудью встали на защиту своего права на чистый воздух. Осенью не выдержал борьбы и умер в расцвете сил после поездки в Москву и хождений по инстанциям Анатолий Махновский – председатель ТОСа “Кудепста”. В день смерти ему пришла повестка с предписанием явиться к мировому судье в качестве обвиняемого по статье “Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации...”. Полицейские составили протокол на этого честного и горячего патриота. Такие люди в Сочи сегодня не нужны!

В последние годы всё больше санаториев города Сочи закрываются или вообще идут под снос. В 2011 году официально закрылось 24 санатория. Рядом с администрацией Хостинского района – остановка “Санаторий “Заря”. А самого санатория уже нет, как и соседнего санатория “Маяк”. На их месте – многоэтажные монстры. Та же участь, похоже, ждёт базовый санаторий имени Орджоникидзе. По слухам (а как у нас это проверишь?), владелицей его, с высочайшего соизволения, стала Алина Кабаева. Какое будущее ждёт этот санаторий? Пока памятник архитектуры находится в запущенном состоянии. На сайте писали: “Санаторий им. Орджоникидзе является по-своему уникальным. Он привлекает клиентов, уставших от однообразия урбанизированных построек, порядком надоевших бетонных коробок и ищущих новых впечатлений. Можно сказать, что это островок итальянского Ренессанса – повсюду величественные колонны, невесомые галереи, вестибюли, салоны, лоджии, а также искусные художественные росписи мастеров Палеха и Мстёры. В 1956 году здесь снималась известная кинолента “Старик Хоттабыч”. Этот добродушный волшебник, готовый в фильме исполнить любое желание своего юного друга Вольки, стал своеобразным символом санатория”.

Санаторий – старейшина сталинского курортного плана, ему исполнилось бы 75 лет. Он был одной из визитных карточек города-курорта. А сейчас оттуда уволены почти все сотрудники, и на территории красуется трафарет с надписью “Распродажа имущества по сниженным ценам”. Зашёл на эту территорию, тут же подбежал охранник и сообщил, что это – частная территория. Вот мы и дожили до того, о чём только в книгах читали да в репортажах коммуниста Познера слышали: о бессилии простого человека на Западе перед частной собственностью.

Вот исповедь жительницы Сочи Ирины Пимоненко: “Начну с того, что я не самозванка со своим мнением. Моя бабка жила в Сочи с 1934 года. Отец родился здесь в 1937 году, вырос в этом городе, его отец погиб под Туапсе в 1941-м... Я половину детства провела здесь. Постоянно живу в Сочи с 1997 года. Когда-то М. М. Жванецкий сказал, что у Сочи нет своего лица. Тогда оно как раз было... Это теперь его нет: оно не просто обезображено – оно уничтожено. Будет неправдой сказать, что это уничтожение началось с объявления города столицей Олимпиады. Это началось после того, как теннис у нас сменился горными лыжами. Я не имею возможности приводить какие-то цифры: я не вхожу в коридоры власти, да и в рядах местной оппозиции (надеюсь, она есть – была, по крайней мере) у меня нет друзей, к сожалению... Я говорю о том, что вижу и о чём могу судить по собственному опыту и наблюдениям. Сочи сейчас делят между собой Москва и Краснодар, совершенно не беря во внимание ни уникальность города, ни интересы местного населения.

Появилась новая категория сочинцев – переселенцы. Это, прежде всего, жители Имеретинской долины. Люди, семьи которых жили в этих местах уже около сотни лет, были вынуждены покинуть свои дома и переселиться в наспех возведённый недострой. Я разговаривала с несколькими людьми... для них это настоящее горе. Трудно даже представить: лишиться добротных домов, возведённых несколькими поколениями одной семьи. Меня тоже не “пронесло”. Я осталась без работы... Но это всё-таки не самый худший вариант.

Ниже Курортного проспекта (в непосредственной близости от моря) не осталось НИ ОДНОГО сквера! Под топор пошли дубы, кипарисы, платаны, магнолии... “Благодаря” дикой застройке изменился даже климат побережья (в некоторой степени, конечно): выросшие в прибрежной зоне элитные высотки мешают проникновению в центр бриза. Иногда делают вид, что магнолия, например, перевозится на пересадку с места внезапно намечаемого строительства (хотела бы я посмотреть на пересаженную магнолию!). Жилые дома строятся на территориях санаториев, которые искусственно приводятся в ветхое состояние и распродают за копейки”.

За курортную сферу в администрации Сочи отвечает не профессиональный врач, как бывало прежде, а бывший замдиректора лагеря “Орлёнок” Ирина Романец. Как пишут врачи: “Вообще сложилось такое ощущение, что Ирина Васильевна окончила высшие курсы по умению шифроваться: мы обладили весь интернет, но, кроме даты рождения в Узбекистане и комсомольской челябинской эпопеи, почти ничего не нашли! Зато выяснили, что Романец окончила не курсы шифровальщиков, а Краснодарский юридический институт по линии МВД в 2001 году. Вывод: Институт культуры плюс диплом юриста, видимо, приравниваются к врачебному образованию”. Ну, что может рассказать журналисту такой менеджер, заявляющий в интервью: “Всё, что было до, – история, а всё, что после, – известно одному Богу... “Здесь и сейчас” – формула, которой я руководствуюсь по сей день”.

Здесь и сейчас... А после нас – хоть потоп? Не дай Бог, если хлынет огненная или отравленная вода.

БЕСПЕРСПЕКТИВНОСТЬ КУОРТА

Правительственная “Российская газета” сообщила, что Сочи стал лучшим городом для ведения бизнеса в России в 2012 году. К такому выводу вдруг пришли эксперты финансово-экономического журнала “Форбс”, составившие рейтинг наиболее благоприятной бизнес-среды. Столица будущих зимних Олимпийских игр возглавила список из 30 городов. Помимо Сочи, в десятку лучших вошли ещё два мегаполиса юга страны – Махачкала (7-я позиция) и Краснодар (10-е место). Странно, что не станица Куцёвская... Наверное, российскому и иностранному бизнесу вольготней всего там, где слабо действуют законы, нет утверждённых планов, творится беспредел, и всё решают деньги. Потому что Махачкала со своими терактами затесалась в список городов с высоким бизнес-рейтингом.

На строительно-монтажных работах на олимпийских объектах в Сочи задействовано свыше 11 тысяч иностранных граждан. Далеко не все из них находятся на территории России законно. За четыре месяца 2012 года в столице будущей Олимпиады сотрудниками иммиграционного контроля проведено около 300 проверок на предмет соблюдения работниками и их нанимателями Закона о труде иностранных граждан в России. В итоге выявлено 3700 нарушений миграционного законодательства – бизнесу вольготно! Пресс-служба региональной прокуратуры опубликовала доклад прокурора Краснодарского края Леонида Коржинека, зачитанный на последнем заседании Совета безопасности при губернаторе Александре Ткачёве: “Несмотря на принятые меры, по итогам года край вошёл в число семи субъектов, где отмечается рост зарегистрированных преступлений. Наиболее сложная ситуация – в Новороссийске, Ейске, Красноармейском, Белореченском, Славянском районах, в Краснодаре и... Сочи”, – отметил прокурор. Вот это столица Олимпиады – город криминала, контрастов и двуличия!

Ещё одна исповедь – Анастасия признаётся: “Ужасный город... Единственное, ради чего стоит ехать сюда, – это горы. Море – это всего лишь сток для канализационных выбросов. В Сочи отсутствует канализация. Отсюда от-

вет, почему местные не ходят купаться на море, а предпочитают горные озёра! Цены катастрофические, неоправданно высокие: отдых в Сочи с проживанием в гостинице хотя бы в 2–3 звезды выйдет, как 2 путёвки в Испанию (проверено на собственном опыте). Олимпиада... Престиж... Ценой стало полное уничтожение того, за чем с начала XX века сюда ехали люди, — недорогой и качественный отдых! Местных жителей ущемляют во всем: билеты в кинотеатр стоят 300–600 руб. за сеанс. Для сравнения: в Екатеринбурге, Краснодаре, Омске цены варьируются от 100 до 300 рублей; час игры в боулинг в дневные часы в клубе “Ирбис” в Александрии на ул. Конституции — 800 руб., сравнение в тех же городах — отличные дорожки в ультрасовременных клубах 300–400 руб. Как молодым жить в этом царствии цен? Я живу здесь меньше года и с каждым днём ненавижу его всё больше и больше. Поэтому каждую неделю, чтобы обрести хоть малейшее душевное спокойствие, выезжаем за черту этого бетонно-строительного ужаса. В горах — единение с природой, чистый воздух, кристально чистые горные озёра... Хоть этого у местных жителей не забирайте! Уверена, что молодёжь со временем отсюда будет уезжать, я приложу все усилия, чтобы увезти из этого кошмара своего супруга — коренного сочинца... Жаль... А ведь когда-то это был город-сказка, город-мечта! Bravo инициаторам проведения Олимпиады-2014!”

Можно даже добавить: “Браво лично Президенту России!”. Правда, Анастасия, косвенно подтвердившая горький факт, что Сочи из бальнеологического курорта вынужденно превращён в горный (бежать от моря — дикость!), малость преувеличивает: “В Сочи отсутствует канализация”. Если верить официальным данным, в Большом Сочи канализации нет только... на 57% территории. Но и этого хватает для плачевного результата: предельно допустимая концентрация (ПДК) опасных веществ в сочинских реках и ручьях превышена в 6–8 раз. Надеемся, что хоть Бочаров ручей, где находится любимая резиденция Путина, не заражён фекалиями.

Да, строительная пыль, может быть, и уляжется, но как такой город может конкурировать с мировыми курортами? Олимпийская концепция Сочи, как считают эксперты, скорее, создаёт Новый Сочи, элитный и глянцевоый, рядом со старым и не всегда приглядным. Разве что будет более или менее обновлён центр города, решены некоторые инфраструктурные вопросы, но глубинных проблем Сочи как курорта спортивная стройка не решит. Более того, курортом Сочи уже не будет, а санатории в их изначальном смысле или исчезнут, или присоединятся к “олимпийскому гетто”. К тому же, правила застройки и землепользования Сочи упраздняют курортные земли. Введены только земли лечебно-оздоровительных учреждений вместо “лечебно-оздоровительных местностей и курортов”, названных ещё в знаменитом декрете Ленина и относящихся к особо охраняемым природным территориям. Все завоевания трудового народа уничтожаются.

Эксперты считают, что санатории Сочи как города для пляжного и горнолыжного отдыха всё больше будут восприниматься в качестве гостиниц с дополнительными функциями. В таких условиях выживут далеко не все объекты. Небольшая часть реконструируется под дорогие SPA-отели, другая будет “тихо умирать”. По оценке аналитиков *Jones Lang LaSalle Hotels*, услуги лечения, которые предоставляются на базе существующих санаториев Сочи в рамках социальных программ, не являются экономически эффективными, медицинское оборудование в них устарело, что делает их неконкурентоспособными по сравнению с международными здравницами, например, Венгрии, Болгарии и Чехии. В ценовом же отношении выигрывают белорусские санатории. Уже сейчас только 17% приезжающих в Сочи прибывают для прохождения лечения в санаториях, в то время как за пляжным отдыхом едут 63% туристов.

Увы, при диком капитализме отмирает сама идеология санаториев в России, поскольку на эти услуги не хватает платежеспособных потребителей. Государство при этом почти не поддерживает отрасль через социальный заказ и не формирует комплексный продукт на этом рынке, в том числе через социальные программы и снижение цен на перевозку. Дешёвыми или бесплатными санатории остались только для резко суженных льготных групп населения. А вот в Испании дают бесплатные путёвки в гостиницы пенсионерам даже в мае-июне, в Венгрии едут на термальные курорты трудяги по льготным путёвкам.

Специалисты в один голос говорят, что создать круглогодичный курорт в Сочи очень сложно. Пляжный сезон длится всего 3–4 месяца, тогда как на за-

рубежных курортах — 5–6 месяцев, а где-нибудь в Египте или на Тенерифе — круглый год. Горнолыжный сезон тоже невелик — всего 2 месяца в году. По развлекательной, туристской и лечебной инфраструктуре, которая могла бы спасти в межсезонье, Сочи проигрывает конкурирующим рекреационным направлениям, — прежде всего, Турции и Египту с их “всё включено”. С точки зрения высокого уровня цен на пребывание и лечение Сочи уступает другим городам на побережье Чёрного моря, как российским (Анапа, Геленджик), так и зарубежным (в Абхазии, в Крыму, Болгарии, Турции). То есть у Сочи при такой социальной и ценовой политике одна из самых печальных перспектив даже среди черноморских курортов. Памятников истории, этнографии, культуры — почти нет. Виноделие на Кубани — загублено. Кухня — никудышная.

Чем ещё привлечь? Идея ряда девелоперов держать высокие цены в Сочи в расчёте на деловой туризм (конгрессы, выставки) и бизнес-аудиторию, которая захочет купить курортные апартаменты, может оказаться провальной. Деловой туризм сосредоточится в Москве и Питере, а прикупить недвижимость обеспеченные россияне предпочтут в Болгарии, на испанском или хорватском побережье. Черногория, по сути, скуплена россиянами. Иностранцам же, коих от отдыхающих всего-то 2%, покупка апартаментов в Сочи тем более не нужна. И слова Путина о том, что про Сочи узнает весь мир, повисают в воздухе: о Челябинске в связи с падением метеорита вмиг узнала вся планета, и что — туристы поедут?

В бытность свою премьер-министром Виктор Зубков вечером совершил прогулку по набережной и твёрдо заявил утром: “Набережной в Сочи как таковой — нет! Город должен иметь современную набережную”. Что такое — обрести современную набережную? Это значит, прежде всего, снести все незаконные сооружения, трехэтажные особняки, оформленные как гаражи и лодочные ангары, восстановить галечное покрытие, построить приглядные волнозащитные сооружения и прочее, что принято во всех приморских курортах мира. Красная Поляна — для немногих избранных, а 145 км сочинского побережья, его пляжи должны принадлежать всем, как в Испании, которая стоит на одном из первых мест в мире по привлекательности и приёму туристов. Пошёл в первый же день гулять по набережной — ничего не изменилось. Только ещё меньше стало клочков галечного, грязно-серого пляжа. Ну, кто из нормальных людей сюда приедет купаться?

Ни для кого не секрет, что Сочи — это город-оползень. Город разломов земной коры. Город подземных пустот. Город бурлящих подземных источников, рек и озёр. Город-тайна, не изученный до конца из-за развала государства и приватизации научных центров. Кстати, и Институт курортологии тоже уничтожен. И, наконец, Сочи — это город землетрясений. Его трясёт тихо, но постоянно. А с определёнными интервалами — сильно и разрушительно. Эпицентры землетрясений и разломы земной коры находятся в море, на суше и в горах во всех четырёх районах. Ежегодно сползают с гор и проваливаются в никуда несколько десятков лёгких одноэтажных частных домов, небольших дорог и земельных участков. Люди остаются без жилья, не могут добраться домой, теряют собственность. На сочинскую сушу наступает Чёрное море, забирая узкую полосу бесценных городских земель с пляжами, железной дорогой, коммуникациями. Обширный и лучший пляж Имеретинки почти уничтожили строители олимпийских объектов.

Об угрозах природы знали ещё наши древние предки. Они ничего не могли с этим поделать, но выбирали для поселений специальные места, которые укрепляли высадкой деревьев. Цивилизованное освоение курорта началось в годы Советской власти. Начиналось оно с научного изучения местности и создания жизненно важных для города организаций, куда привлекались крупнейшие специалисты-практики и учёные со всей страны. Недаром же 23 февраля 1945 года (ещё шла война!) Сталин подписал документ о создании в Сочи “Управления противооползневых и берегоукрепительных работ”. Верный Сочи и сочинцам до конца своих дней, руководитель города с 1955 по 1977 год Вячеслав Воронков в своей книге “Сочи и сочинцы” писал, что “роль УБПР была ведущей при строительстве каждого объекта. Тогда хозяева строили надёжно, грамотно эксплуатировали территорию, берегли свою честь, осуществляли контроль. Могли запретить строительство в случае обнаружения природной или техногенной опасности. Сегодня, к великому сожалению, роль УБПР свели к продаже пляжных мест”. Воронков, в чью бытность градоначальником шло

жилищно-социальное строительство курорта, указывал, что, благодаря работе учёных и практиков в области предупреждения катастрофических последствий оползней, катастрофы в Сочи стали предсказуемы. С ужасом наблюдал Вячеслав Александрович, как дикий капитализм начал душить курорт бетонными монстрами. Жажда наживы затмила разум. Более трехсот особо опасных мест Сочи плотно застроены высотками на продажу. Обращения к меняющимся мэрам с Кубани Колодяжному, Афанасенкову, Хатуову, Пахомову – и даже к самому губернатору Ткачёву и Президенту Путину ни к чему не привели. Карту опасных зон просто выбросили, но она ещё напомнит о себе...

Сразу скажу: Олимпиада-2014 будет проведена на достаточно высоком уровне (если погода или беспокойный Кавказ не выкинет нечто из ряда вон!), потому что за такие деньги её можно провести хоть в бассейне Амазонки, но урон Сочи нанесён непоправимый. Между тем, в нормальной стране надо было просто вернуться к советскому опыту или перенять практику туристских стран, где такие бальнеологические жемчужины, как Баден-Баден в Германии или просто Баден в Австрии (28 км от Венской оперы на трамвае!), берегут как зеницу ока. Может, кто-то жаждет и там построить многоэтажные монстры, а на-ка, выкуси!

Перед страной и президентом Путиным, повторю, стояло две сочинских задачи.

Первая: спасти уникальный бальнеологический курорт, снова **сделать доступной всероссийскую здравницу** – не для толстосумов, а для миллионов граждан северной страны, как правильно сам он подчёркивал, но не бросать все силы и средства на создание спортивного центра, ненужного по масштабам после игр, и узкого горно-климатического рая для избранных.

Вторая: снова сделать Сочи – райский уголок субтропиков – **круглогодичным курортом**, расширить количество льготников, тружеников, восстанавливающих здоровье за счёт предприятий, включая частные, а главное – вернуть детей в здравницы, обеспечив лечение и учение подрастающего поколения, среди которого сегодня только 17 процентов полностью здоровых.

Обе насущные задачи, по большому счёту, никак не связаны с Олимпиадой и обе они не были выполнены во благо народа. Каприз ли это, сознательный шаг по демонтажу советской оздоровительной системы или недалеко-видный просчёт? Гадать не хочу. Просто вспомню известный афоризм, вынесенный в эпитафию: “Это больше, чем преступление: это ошибка”. Его порой ошибочно приписывают министру иностранных дел Франции Талейрану, который якобы так прокомментировал казнь герцога Энгиенского, совершённую по приказу Наполеона I. Фраза действительно сказана в осуждение Наполеона, но она принадлежит Буле де ла Мерту, председателю Законодательной комиссии, разработавшей знаменитый Гражданский кодекс Наполеона. И Кодекс писал, и правду в глаза говорил! Путинский бонапартистский выбор Сочи для проведения Олимпиады-2014 и казнь города как бальнеологического курорта можно охарактеризовать только этим умозаключением.

Как известно, VII зимние Олимпийские игры прошли в Италии, в городе Кортина д'Ампеццо. Это крохотный городок, затерявшийся в Доломитовых Альпах, который насчитывал тогда 6 000 жителей, один кинотеатр, церковь и 51 отель. Он почти таким же и остаётся – уютным фешенебельным курортом для избранных. Изменились масштабы Олимпийских игр, и уникальный горнолыжный курорт не собираются выставлять себя на конкурс, рушить древние горы, чтобы возвести 510 отелей и разогнать число жителей до 600 000 человек (кто-то предсказывает в Сочи 800 000!). Более того, смешно было бы услышать, что Италия, проведя ещё одну Олимпиаду в Турине, вдруг заявила бы о себе только как о горнолыжном курорте, свернув туризм познавательный, развлекательный, приморский. Почему же субтропический и целительный Сочи объявили вдруг горно-климатическим курортом из-за одной Красной Поляны? Это просто глупо. Я не устаю публично повторять: не губите Сочи как главный, единственный субтропический и бальнеологический курорт страны, спасительный для миллионов россиян, как уникальное, Богом дарованное место, которое ни один понимающий человек никогда не воспринимал как предбанник неведомого горно-климатического курорта. Правители с их амбициями приходят и уходят, но даров и законов природы никто отменить не может. Челябинский болид – напоминание о том, как беззащитна и уязвима перед горными силами “Земля, а на ней – человек”, говоря есенинскими словами. Не будем же сами губить наш общий дом!

КОНСТАНТИН ДУШЕНОВ

РЕМЕСЛО ОКАЯННОЕ

Часть первая

Тюрьма есть ремесло окаянное.

Пётр I

Зона встретила меня неприветливо. Двое дюжих козлов¹ провели наш небольшой этап мимо сонного дэпмана², и после долгих блужданий по бесконечным, казалось, лестницам мы очутились в тесном подвальном коридоре с облупленными, ободранными стенами, скупо освещённом тусклой лампочкой. Ну, и...

Били козлы не сильно, больше по обязанности. Впрочем, оно и понятно: при приёмке этапа первоходов³ главная задача – не избить, а сломать, запугать, подавить волю к сопротивлению, чтобы в дальнейшем у администрации и активистов не было проблем с дисциплиной спецконтингента. Меня так и вовсе отвели в сторону, то ли из уважения к возрасту и длинной поповской бороде, то ли ещё по какой-то странной, им одним ведомой причине. К этому в тюрьме привыкаешь быстро: поток событий несёт тебя, беспомощного, по своим таинственным закоулкам, подчиняясь собственным законам, но понять, почему это с тобой происходит, невозможно...

Зона “Княжево”, куда я прибыл 24 июня 2010 года, была, строго говоря, не зоной, а колонией-поселением, но различие это существовало в основном на страницах уголовно-процессуального кодекса и в умах неадекватных правозащитников. В реальности – та же колючка по периметру, те же локалки⁴, разделяющие административную, жилую и промышленную зону. Правда, нет собак и сторожевых вышек, и КСП⁵ перед забором трогательно засажена капустными кочанами.

Потому-то, кстати, и принимали наш этап “без фанатизма”, и били не сильно: всё же посёлок, не строгач... А на иных строгих зонах, где этапы принимает тюремный спецназ “Тайфун”, всё всерьёз, всё по-взрослому. И ломают там эзков не шутя, не опасаясь за последствия и не делая никому никаких

¹ Козлы – эски, сотрудничающие с администрацией колонии, выполняющие обязанности добровольных надсмотрщиков.

² Дэпман – ДПНК, дежурный помощник начальника колонии.

³ Первоход – зэк, впервые осуждённый и в первый раз попавший на зону.

⁴ Локалки – заборы с колючей проволокой, разделяющие внутреннее пространство колонии.

⁵ КСП – контрольно-следовая полоса.

ДУШЕНОВ Константин Юрьевич родился в 1960 году в Ленинграде. Внук первого Командующего Северным флотом К. И. Душенова. Служил на атомных подводных лодках. После знакомства с творчеством русских мыслителей начала XX века уволился с флота и работал научным сотрудником Публичной библиотеки в Ленинграде. Близкий сподвижник митрополита Иоанна (Снычева). С 1997 года главный редактор газеты “Русь православная”. Неоднократно публиковался в “Нашем современнике”. В 2010 году осуждён по ст. 282 ч. 2. В конце 2012 года освобождён.

скидок. Впрочем, демократический ГУЛаг нашей необъятной Родины по-прежнему велик: где-то есть, наверно, и такие зоны, в которых этапы принимают мирно, не дуллят...

Слово *посёлок* не должно никого вводить в заблуждение. Никаких посёлков в обычном понимании этого слова в империи ФСИН, конечно, нет. В Борисовой Гриве под Питером, например, этот *посёлок* организован внутри периметра зоны особого режима, которую начали строить на базе заброшенного ракетного военгородка ещё в середине лихих 90-х. Начали, возвели пятиметровый бетонный забор, шесть рядов колючки, и... И оставшиеся деньги, подозреваю, украли. А чтобы добро не пропадало, несостоявшуюся особую зону быстренько переделали под *посёлок*. Хотя по бумагам – дивные дела Твои, Господи! – числился он не тем и не другим, а зоной общего режима – “Исправительной колонией № 8 Управления Федеральной службы исполнения наказаний РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области”.

* * *

Карантин в Княжево тоже нестрашный. Впрочем, смотря для кого. Всё зависит от того, как себя поставишь. И от денег, конечно. Если с воли тебя греют, то жить везде можно. Тому дашь, с этим договоришься... А вот если нет – дело худо. Тут вступают в полную силу суровые законы волчьей лагерной жизни. Что урвал, то твоё. И только то твоё, что ты урвал и от чужих жадных рук сохранил.

Мне, например, неожиданно помогла моя *экстремистская* репутация. Она, оказывается, опередила меня на зоне. Не прошло и дня, как *смотрящий* за карантином Рафис Нуреев – художавый крещёный татарин в интеллигентских очках – подошёл ко мне и сказал: “Тут мне *цинканули*¹ за тебя. Так что проблем не будет. Работать не будешь. Столоваться можешь с нами, если деньги есть”. Далеко не сразу я узнал, что *малява* за меня пришла издалека, из-под Архангельска, из колонии строгого режима, где, оказывается, нашлись авторитетные люди, смотревшие фильм “Россия с ножом в спине”, из-за которого я и попал в тюрьму. Может, поэтому меня и на *приёмке* этапа в сторонку отвели...

* * *

Рафис, который взял меня под опеку, не был настоящим *смотрящим*. Княжево – *красная зона*, а значит, *блаткомитета* там нет, и все стороны лагерной жизни подконтрольны администрации через её ставленников-активистов. Но Нуреев занимал в этой княжевской иерархии особое положение. Он контролировал финансовые потоки, которые втекали на зону через карантин.

Дело в том, что в Княжево ээки попадают двумя разными дорогами, но обе они сходятся в карантине, миновать который невозможно. Те, кто дождался приговора в СИЗО, и те, кто до этого отбывал срок в зонах общего и строгого режимов, прибывают обычным путём, в автозаке, через тюремные пересылки. Но раз в неделю, по четвергам, прибывают *вольные* этапы, состоящие из тех, кто до обвинительного судебного приговора ходил на воле *под подпиской*. Эти-то новоиспечённые ээки и становились в умелых руках Нуреева настоящей *золотым дном*.

Не имеющие никакого тюремного опыта, осуждённые, как правило, за малозначительные преступления, напуганные до полусмерти, они готовы были откупаться от грозящих им опасностей – реальных и мнимых – всеми имеющимися средствами. Они не были знакомы с криминальным миром, у большинства из них на воле оставались родственники, мамы и папы, которые, в свою очередь, готовы были платить, чтобы смягчить участь своего заблудшего чада. На этом и был построен расчёт Нуреева. Он внимательно просеивал своим опытным взглядом всех прибывающих, выделял среди них *кредитоспособных*, и разводил их на бабки, бойко торгуя тюремными привилегиями, хлебными должностями и тёплыми местечками. Всё это происходило,

* Цинкануть – сообщить, подать сигнал.

разумеется, с ведома и при поддержке администрации, имевшей в этом гешефте свой большой жирный кусок.

Масштабов его деятельности до конца, я думаю, не знал никто. Мне он однажды в порыве откровенности бросил: “Костя, здесь же миллионы гуляют!” Не берусь судить о количестве этих миллионов, но летом 2010-го, по моим наблюдениям, через княжевский карантин прокачивалось как минимум по 200–300 тысяч рублей в месяц. Дело облегчалось тем, что в отличие от всех других зон эзки, приговорённые к отбыванию наказания в колонии-поселении, имеют право пользоваться наличными деньгами. Для тех, кто платил, это было настоящей лотереей: некоторые действительно облегчали себе жизнь, а кто-то оказывался в жестоком пролёте. Я знал одного эзку, заплатившего 50 000 за то, чтобы *сидеть без проблем*, и несмотря на это через две недели поставленного на этап...

* * *

Впрочем, в глазах княжевского большинства такая система, при всех её издержках, все-таки давала нужный эффект. Во всяком случае, она давала надежду, а это уже немало. Особенно если учесть, что жизнь человека в тюрьме вообще мало чего стоит. Я пробыл в Княжево, где режим содержания далеко не самый строгий, чуть больше семи месяцев, и только за это время оттуда вывезли три трупа.

Один из этих несчастных умер от жары – его *козлы* в наказание за какую-то провинность заставили по стойке *смирно* стоять на плацу на самом солнцепёке. А лето 2010-го года было страшным, температура в тени доходила до 38 градусов. Да и одёжка, так называемый *положняк*, состоящий из чёрного *клифта* – казённой куртки – и грубых штанов, сшитых из плотной ткани, создавала эффект парника. Ну, сердечко у бедолаги и не выдержало...

Второй помер, думаю... от страха. Невысокий, седой, с интеллигентным лицом и длинными волосами. Только что с *вольного* этапа. Судя по всему, его ужасно напугали, когда принимали этап. Он шёл с пустыми, безумными глазами, безуспешно пытаясь удержать подмышкой скатку с тощим матрацем. Прошёл буквально в метре от меня. Помню, я ему крикнул: “*На плечо возьми, легче будет!*” – но он не услышал. Дошёл до забора, отделявшего барак карантина от остальной территории, и упал. Тоже сердце не выдержало...

Зато третий *жмурик* был вполне традиционный. Зэк-наркоман повесился в камере штрафного изолятора. К этим трём можно добавить ещё одно *тяжкое телесное*: на сельхозработках пьяные *козлы* избили молодого парня. Спасти его удалось, но пришлось удалять селезёнку...

Вообще кровь и смерть на зоне – дело обычное. И связано это вовсе не с особой кровожадностью *спецконтингента*. То есть и этот фактор, конечно, имеет место быть: сидят в тюрьме, по большей части, люди решительные и не склонные к сантиментам. Но главное всё же не это. Главное то, что на зоне рычагов влияния на человека, как ни странно, не так уж много. Это на воле мы укутаны, как в плотный кокон, в сложную и многомерную социальную среду, связаны с ней тысячами невидимых нитей, дёргая за которые можно добиваться от нас нужной реакции.

Жена, сослуживцы, друзья – каждый из них по-своему добивается от нас желаемого результата. На работе, например, начальник может прилюдно отругать нас, понизить в должности, послать в отпуск зимой и т. д. На зоне ничего этого нет, у эзку оборваны все привычные социальные связи. Там есть два главных способа влияния: слово и, – сразу, без каких-либо переходных ступеней, – насилие. Поэтому, кстати, бывалые эзки стремятся как можно дольше *перетирать* спорный вопрос, стараясь решить его на словах. Так как слишком хорошо знают: там, где кончаются слова, начинает литься кровь...

* * *

Но всё это вовсе не исключает обычных человеческих проявлений, которые выглядят иногда весьма странно на мрачном фоне тюремной жизни. Так, например, в княжевском карантине я повстречался с большим любителем ис-

торического чтения Сашей Рокотовым. Было ему от роду 32 года, из которых 14 лет он провёл за решёткой. Первую свою ходку оттянул ещё по малолетке. “Лет до 28, – говорил он мне, – я вообще разницы между волей и тюрьмой не чувствовал. Мне и там, и там было удобно. А вот теперь... Дочка у меня растёт маленькая. Хочу к ней...”

При этом, услышав как-то вполуха, что я имел отношение к историческим исследованиям, он вцепился в меня с вопросами и спорами, демонстрируя поразительно ясные исторические познания. Видя моё удивление, сказал: “Люблю я это дело. Я когда в СИЗО заезжаю, первым делом в тюремной библиотеке все исторические книги читать беру”. Кончилось это тем, что специально для него я попросил жену прислать с воли книгу митрополита Иоанна “Самодержавие Духа” как самый полный и ясный взгляд на русскую историю с православной точки зрения. Он долго не возвращал её. Я уж было подумал: всё, пропала книга. Но потом он всё же вернул её мне, признавшись: “Тяжело было читать. Непривычно. Но интересно...”

* * *

Одной из самых распространённых форм воспитательного влияния на зэков является так называемая *постановка на профилактический учёт*. Смысл этой иезуитской процедуры таков: создание неугодным осуждённым дополнительных сложностей и ограничений режима содержания. Причём, поскольку это мероприятие является *профилактическим*, то оно может применяться, как явствует из названия, для профилактики нарушений, то есть по отношению к зэку, который пока ещё ничего предосудительного не совершил, но, по мнению, администрации, может совершить в будущем...

Такого неблагонадёжного зэка вызывают на заседание специальной комиссии. И на этой комиссии опер, или начальник отряда, или любой другой представитель администрации торжественно провозглашает, что-де *по оперативным данным* есть основания полагать, что осуждённый имярек склонен к... Дальше следует широкий набор тюремных трафаретов: к побегу, к посягательствам на половую неприкосновенность, к провоцированию массовых инцидентов, к употреблению наркотиков... Комиссия, естественно, голосует за то, чтобы поставить неблагонадёжного осуждённого имярек на профилактический учёт. И с этого момента горемыку ждёт множество дополнительных сложностей в его и без того нелёгкой лагерной жизни.

Если ты *склонен к побегу*, то каждый час, за исключением ночного сна, ты должен отмечаться у оперативного дежурного: “Вот, мол, я. Никуда не сбежал”. Учитывая время на дорогу до дежурки и обратно, в промежутке остаётся минут сорок, в течение которых тебя ещё норовят загрузить какой-нибудь *общественно полезной* деятельностью. Шконки всех *профучётников* должны стоять непосредственно у входа в барак, чтобы ночью проверяющий первым делом видел, на месте ли они. А значит, самые удобные места – в углу, подальше от сквозняков и любопытных взглядов – им недоступны.

На бирке у каждого из них появляется специальная опознавательная полоса: у *склонных к наркомании* – зелёная, у *побегушников* – красная. Все они, независимо от того, к чему *склонны*, обременяются дополнительными ежедневными построениями. В Княжево, например, такие построения ежедневно проводятся по восемь раз: в восемь утра, в десять, в двенадцать, в тринадцать сорок пять, в шестнадцать, восемнадцать, двадцать и двадцать один тридцать. Плюс особое внимание оперов, плюс невозможность уйти по УДО, плюс множество иных тюремных мелочей, по отдельности, быть может, и не очень обременительных, но в целом создающих весьма тягостную и давящую атмосферу...

Меня на *профучёт* поставили сразу же, как только я вышел из карантина. Правда, учитывая редкую *экстремистскую* статью, долго думали, к чему же я *склонен*, в какую графу журнала неблагонадёжных меня надо внести. Начальник моего отряда, майор Дроздецкий, был в это время в отпуске. А когда вернулся, вызвал меня к себе в кабинет, внимательно оглядел с ног до головы, выдержал эффектную “мхатовскую” паузу и мрачно спросил: “Ты что, Душенов, и впрямь такой опасный, как мне сказали?”

Впрочем, впоследствии у нас с ним установились вполне приличные, уважительные, в чём-то даже доверительные отношения. Узнав, что я 10 лет про-

служил на флоте, а последняя моя должность в плавсоставе была майорская (по-флотски – капитана третьего ранга), он бодро резюмировал: “Ну вот: ты майор, и я майор. Договоримся”. Я не стал его разочаровывать, скрыл, что до каптри так и не дослужился. . .

Дроздецкий был человек не без юмора. Решая, к каким профучётникам меня приписать, он рассудил так: “Я смотрел твоё дело. Твой приговор ведь как-то связан со средствами массовой информации, верно? Так вот: ты будешь у нас склонным к массовым инцидентам. Хоть одно слово общее будет. А иначе некуда тебя вписать. Не к наркоманам же!”

Впрочем, тут возникла новая сложность: какого цвета полосу присвоить мне на бирку? Ни красная, ни зелёная вроде не годятся. . . За это важное мероприятие отвечал специальный офицер из отдела безопасности, и я ему предложил: “Гражданин начальник, вы мне золотую полосу присвойте. И красиво, и отражает особую социальную опасность совершённого мною преступления, как в приговоре сказано. . .”

В результате я остался вовсе без полосы, хотя позже, в Борисовой Гриве, тамошнее начальство, творчески развивая тему, добавило в мой послужной список и склонность к побегу, и склонность к экстремизму, и даже склонность к дезорганизации нормальной деятельности учреждения. . .

Часть вторая

Тюремная жизнь нелегка. В больничке, где я пишу эти строки, конечно, полегче. А на зоне – не сахар. Я ведь три с половиной месяца в штрафном изоляторе отсидел. Теперь вот оформляю инвалидность. Когда меня избил спецназовцы, то тюремное начальство три с половиной месяца продержало в камере, пытаюсь навесить попытку побега. И мой героический начальник майор Корепин навтыкал мне целых 13 взысканий. Такой, дескать, я трижды злостник. В уголовно-исполнительном кодексе прописана такая юридическая формула: “злостный нарушитель установленного порядка”. В дежурке висят портреты особо отличившихся – так дежурка моими портретами была просто обклеена. Под одним было написано: “Склонен к побегу”, под другим: “Склонен к дезорганизации нормальной деятельности учреждения”, под третьим: “Склонен к экстремизму”. То есть я превратился у них в Гудвина, великого и ужасного.

Но, как говорится, нет худа без добра. Зона так устроена, что если начальство тебя гнобит, а ты при этом не гнёшься, то у тебя автоматически растёт авторитет. И когда он достигает определённого уровня, начальству уже трудно иметь с тобой дело. Так что, в конце концов, они оказались заинтересованы в том, чтобы меня выпихнуть. Это видно по тому, что сначала мой начальник вынес мне 13 взысканий, а потом сам же их одним махом снял как наложенные с грубыми нарушениями установленных правил. И это при том, что я своей вины так и не признал, и даже заявления на УДО не писал.

Но забавно то, что прокуратура с Корепиным не согласилась. Сказала: “Нет, дорогой, ты всё правильно сделал”, – и насмерть встала грудью, чтобы закрепить экстремиста Душенова на зоне и не дать УФСИНу выпихнуть меня на волю по УДО.

* * *

Сперва суд, который должен был вынести решение о возможности моего условно-досрочного освобождения, назначили на 10 июля. Потом его перенесли на 1 августа. Потом – на 5 сентября. . . А мне, по большому счёту, это было уже не очень интересно. Я три четверти срока отмотал, в случае чего как-нибудь досидел бы и оставшийся кусок. Не сахарный, не растаял бы. В тюрьме ведь тоже жить можно. Кормят сейчас сносно – нормальная солдатская пайка. Народ, правда, морщится: не нравится кому-то сечка и так далее, но я не в претензии. Я десять лет в советской казарме прожил с личным составом, так что мне было легко к такой пище приспособиться.

Чтобы сломать человека, не нужно никаких испанских сапог, не нужно лить в глотку расплавленное олово. Есть два универсальных воспитателя, ко-

торые позволяют добиваться от людей практически всего, чего угодно, — это Голод и Холод. Я лично знаю человека, который на зоне под Томском заработал туберкулёз и в связи с этим был отправлен на лечение в тюремную больницу, где в приёмном покое его взвесили, и потянул он на... 46 килограммов! Взрослый мужчина... Так-то вот. И если в штрафном изоляторе на полу ночью ледяная корка намерзает, то это, скажем мягко, создаёт достаточный дискомфорт и оказывает — таки на ээка определённое давление.

Простаки говорят: но это же, по сути дела, пытки! А как же права человека?

Дело не в названии, а в эффективности метода. Хотя иногда всё-таки случаются осечки. Вот, например, я на зоне познакомился с одним замечательным ээком, с которым мы вместе в карцере сидели. Михаил Кречин его зовут. Это такой гоголевский персонаж, из “Тараса Бульбы”. Настоящий казак. Человек, чья энергия в условиях нашего мира не находит должного применения и переклёстывает через край. Ему бы за зипунами на Туретчину, да погулять от души. Незаменимый был бы человек...

Он родился в Киргизии, рос там, как он говорит, “с басмачами”. Потом они с дружками организовали летучий отряд, ходили по горам, бомбили наркотрафик. Там через киргизские перевалы идёт часть афганского героина. Гашиш тоже возят, ханку. Ну, они этих наркокурьеров отлавливали и потрошили... С боем, конечно. Потом он по Руси гастролировал, у него целый букет статей разных, но всё это связано не с каким-то непременным желанием сладко есть, мягко спать и при этом ничего не делать, не работать, а с тем, что его кипучая, бурная энергия не находит себе применения.

При этом он искренне верующий, православный человек. Причём вера его не богословская, не школярская, а такая, знаете ли, нутряная. И за веру свою он готов страдать! Я его спросил как-то: “Миша, откуда у тебя шрам на шее?” А он говорит: “Да это под Томском меня опера принимали после очередного скока, и перед тем как в СИЗО упаковать, говорят: “Снимай крест!” Я: “Не буду крест снимать!” — “Снимай крест!” — “Не буду снимать!..” А у меня крест был на шнурке из кожаного солдатского ремня, нипочем не порвёшь. Ну, они меня и повесили за этот крест на крюк. В стене крюк был...”

Спрашиваю: “Ну, и что, долго ты висел?” Он говорит: “Не знаю. Я повисел, повисел, потом сознание потерял. Очнулся уже в камере, без креста...”

Бывалые ээки говорят, что сидеть сейчас даже тяжелее, чем раньше, в СССР. Особенно на красных зонах. Раньше их называли сучьими. Это зоны, где администрация контролирует все аспекты внутренней жизни спецконтингента с помощью так называемых активистов, или козлов, которые за послабление режима готовы на любую подлость... Если в советское время на зону в 1000–1500 человек был один кум, то есть оперативный уполномоченный, то сейчас на таких зонах работает целый отдел. И оперов может быть уже 5–10 человек...

Думаю, это связано с тем, что в девяностые на волне повальной приватизации всего и вся зоны тоже были приватизированы и стали рассматриваться администрацией как источник личного дохода — иногда законного, иногда — нет. В качестве дешёвой рабочей силы на этих частных предприятиях выступают ээки, а в качестве надсмотрщиков — опера.

А главное — качество самих людей сильно изменилось. Сейчас процентов 80 ээков — это наркоманы. Отсюда эрозия понятий и отношений. Наркомания, как ржа, разъедает людей. Поэтому внутреннее состояние зон сейчас тяжёлое, и сидеть нелегко, конечно. Кроме того, у ФСИН появилось специальное орудие подавления — тюремный спецназ “Тайфун”. Это такая зондеркоманда, в которой всё заточено специально под задачу ломать на зоне блатных авторитетов (так называемых черноходов) и вообще всех недовольных.

* * *

Тайфуновцы меня избивали в прошлом году. Полученные повреждения позволяют мне оформить инвалидность, но, естественно, представителям правоохранительных органов очень не хочется, чтобы эта инвалидность была зафиксирована документально. Человек пришёл здоровым, а уходить будет инвалидом — как-то это совсем не *comme il faut*. Поэтому возникают всяческие

препятствия бюрократического характера на пути к тому, чтобы оформить инвалидность юридически. Нужна трудовая книжка, целый ряд документов, которые я, находясь в заключении, могу получить только через своё тюремное начальство. В результате эта волокита тянется уже несколько месяцев, и конца-края ей не видать.

И за что избил-то... По большому счёту, поводом стало то, что, отбывая срок по 282-й статье – “За разжигание межнациональной розни”, – я вступился за азербайджанца. Когда я заехал в карантин на Борисову Гриву, то увидел, что в первый же вечер активисты отволокли его в уголок, который не просматривается камерами, и начали мутузить. Он за них отказался пол мыть, ну, и понеслось... Я его у них отбил, и они не стали со мной связываться.

Вероятно, потому-то начальство и боится русских экстремистов. Всюду, куда я приезжал, перед этим собирали актив. Актив – это то, что раньше называлось суки или козлы. Их собирали, говорили, что едет такой-то, страшный экстремист. “Смотрите, чтоб, не дай Бог, никто с ним не общался”. Потом собирали зэков и тоже предупреждали, инструктировали.

Иногда очень смешно получалось. Меня в апреле 2011 года везли в Борисову Гриву через обуховскую пересылку. Я в пересылке этой сидел в одной камере с молодым парнишкой. Он только-только с малолетки откинулся. Сел по 161-й статье – за грабёж. Зовут Миха. Мы с ним сидели там по-дружески, я с ним чаем делился, разговаривали за жизнь. И вот я приезжаю в Борисову Гриву – и мне навстречу идёт этот Миха. Я ему говорю: “Миха, здравствуй!” Молчит. Я: “Миха!” Он остановился. “Здравствуй!” – говорю. А он вдруг повернулся – и бегом от меня. Оказывается, их всех собрали и сказали: “Скоро приедет страшный русский экстремист. Чтоб ни в коем случае никто с ним не общался! Смотрите: ни-ни-ни-ни-ни!”

Поэтому и козлы в карантине со мной связываться не стали. Но начальству, естественно, настучали. На следующий день в карантин пришли представители администрации, всех построили и начали у этого азербайджанца выяснять: “Кто тебя бил?” А обычно это выясняется таким аккуратненьким способом – тычут под рёбра: “А что произошло? Тебя так били? Или так? Кто видел, кто тебя били?” Я сказал, что я видел. В итоге, видимо, хозяину, то есть начальнику зоны, об этом доложили, и он решил, что такого наглого кадра нужно срочно поставить на место, иначе будет напряжённо. Таким образом, сидя по 282-й статье, я пострадал за дружбу народов.

Азер этот – Супхан Нагиев его зовут – потом сбежал. И его, по-моему, до сих пор не нашли. Я видел, когда меня на суд возили: висят его цветные фотографии и написано: “Сбежал особо опасный преступник”. Ну, смех и грех! Он на самом деле торговец. Он торговал корюшкой всю жизнь. И был у него один постоянный покупатель, с которым хорошие отношения наладились. Покупатель тот оказался милицейским генералом, ни больше, ни меньше. Так он как-то в порыве гуманизма свою визитку Супхану дал и говорит: “На, Супхан, если вдруг будут какие-то проблемы со стороны наших ментов, звони, и мы всё разурим”. Ну, Супхан эту визиточку взял и сохранил.

А через некоторое время пришли к нему злые менты и сказали: “Слушай, с тебя за торговое место 14 тысяч!” Он говорит: “Как так! Какие ещё 14 тысяч?” То есть он понимает, что, для того чтобы торговать, нужно взятку дать. Но взятку нужно давать один раз, а не два раза. “Как так? Мой брат уже платил вашему начальству!” Те говорят: “Не знаем про начальство ничего. Нам плати 14 тысяч, и всё”. – “Не дам!” Ну, они эту корюшку ему на асфальт вывалили, хватъ его и отвезли в отделение к себе. Подержали в отделении какое-то время, три-четыре часа, потом выгнали и сказали: “Ну вот, так будет каждый день, пока ты деньги не заплатишь!”

А Супхан взял визиточку, которую ему дал тот генерал, позвонил ему и рассказал всю историю. Генерал возмутился, говорит: “Не дам обижать азера, который меня корюшкой снабжает!” – и прислал в отделение милиции, где Супхана прессовали, каких-то проверяющих. Они приехали, а там менты все, естественно, пьяные. Ну, и получили по сусалам: кого уволили, кого перевели в другое место, кого понизили в должности... А Супхан продолжает героически торговать своей корюшкой, уверенный, что справедливость восстановится, что всё теперь хорошо будет, всё замечательно.

Проходит после этого... я уж не помню, он мне рассказывал... год, что ли... Он себе идёт спокойно, как честный гражданин идёт, и около станции

метро встречает наряд ментовский. А в этом наряде как раз те самые мусора, которые из-за него пострадали. Они ему и говорят: “О-о-о, дорогой! Да ты ведь только что украл кошелёк!” Хватъ его под микитки и, как Жеглов Кирпичу, суют, недолго думая, кошелёк в карман! И всё – 158-я, часть вторая: “Кража с отягчающими”! И получает Супхан два года. Приезжает сперва в Кресты, а потом в Борисову Гриву, где мы, собственно, с ним и встретились...

* * *

У меня с нацменами, как правило, складывались ровные отношения. Я им всегда говорил в глаза: “Ребята, вы все прозрачные. Если у русского человека ещё есть какая-то загадка в душе, то есть непонятно, что он будет делать в той или иной ситуации, то с вами всё предельно просто. Вы заезжаете на зону и первым делом начинаете жалом водить: где сила, у кого власть? Если она в левом углу – значит, вы будете в левом углу кучковаться, если сила в правом – значит, в правом. Если зона красная – значит, вы будете с ментами дружить, если зона чёрная – значит, будете под блатными ходить”. Это, конечно, грубовато, но смысл именно такой.

Жители Кавказа и Средней Азии, на мой взгляд, не слишком озабочены нравственной проблематикой: а правильно ли я поступил, а честно ли это, по совести ли это? Им свойственна прагматичность: “Где сегодня сила? Где выгода?.. Значит, я буду там”.

Морщатся, конечно, когда им об этом напоминаешь, но поскольку я это говорю, не желая обидеть или оскорбить, а просто констатируя факты, да и сами они понимают, что я прав... морщатся-морщатся, но уважают... Вообще говоря, эки на зонах прекрасно национальную проблематику понимают. И никакой толерантности там не существует. Это просто неправильно, не по понятиям. Там если ты еврей – то еврей, если цыган – то цыган, если ты русский – то русский, если азербайджанец – то азербайджанец. Все прекрасно понимают, что твоя национальность является важнейшей характеристикой твоей жизни, важнейшей характеристикой твоего положения.

Например, по понятиям цыган или нохч (то есть чечен, ингуш) не может быть вором. Просто по национальной принадлежности. Если ты чечен, то, как бы ты ни был авторитетен, как бы ни был уважаем, какие бы за тобой героические деяния в твоей области ни числились, вором тебе не быть. Шапку не получишь. Короновать тебя не будут. Почему так?

Криминальная жизнь достаточно напряжённая и требует серьёзных волевых качеств, серьёзных организаторских способностей от тех людей, которые по этому пути идут. А опыт свидетельствует, что, скажем, чеченец... он может быть весьма достойным человеком во всех отношениях, но никогда не сможет беспристрастно рассудить, если в ситуации окажется замешан его соплеменник или родственник. Это невозможно. А настоящий вор должен быть беспристрастен. Впрочем, классические воровские понятия сейчас сильно размыты...

* * *

Когда я сидел в Княжеве, я оказался в няньках у настоящего курда. Его звали Джалали Сабах Али. И он сидел за незаконное пересечение российской границы. Сперва никто и не знал, что он курд. А потом он перестал выходить на построения. спрашивают: чего не выходит? А он, оказывается, лежит – пять дней не ел. Начинают разбираться – почему не ел? Выясняется: был один-единственный человек, который мог с ним общаться, узбек. На фарси они с ним разговаривали. Но поскольку узбек – мусульманин, а Джалали Сабах Али – зороастриец, огнепоклонник, то они на религиозной почве разошлись. В богословской тематике, так сказать, не сошлись во мнениях и перестали друг с другом разговаривать. И не осталось никого, кто мог с этим курдом общаться.

Его пытаются спросить: что такое, почему ты лежишь, не встаёшь, почему не ешь? Но как спросить, непонятно. Выгнали его на построение. На ули-

це минус двадцать, а он без ватника. Я случайно рядом оказался и по-английски его спросил, думал, может быть, поймёт? И оказалось, что он достаточно хорошо знает английский. В результате меня начальство местное на зоне попросило за этим курдом приглядывать, чтобы с ним ничего не случилось. Они скандала боялись. Сам этот курд из Ирака. Но не из Северного Ирака, где в основном курды живут, а из Южного. Там где-то в районе Басры есть курдские общины. И он лет двадцать назад оттуда в результате какой-то местной резни бежал в Иран. Потом и там началась какая-то межплеменная война, и из Ирана он уже по программе ООН для беженцев попал в Индонезию. Из Индонезии, опять же по программе ООН, его переместили почему-то... в Норвегию. Потом он жил в Швеции, в Финляндии и, в конце концов, решил: что я, собственно говоря, мотаюсь по всему миру, вернусь-ка я на родину... А как можно из Швеции вернуться в Ирак кратчайшим путем? Через Россию, конечно! Вот он и пошёл.

Его в Выборге арестовали за незаконное пересечение границы и посадили. Он довольно долго даже не верил, что он в России. Говорил мне: *“Я знаю, арестовали меня в России, в Выборге. Но потом вывезли. Это не Россия”*. Спрашиваю: *“Почему же не Россия-то?”* — *“А я, — говорит, — посчитал: вот здесь солнце восходит, здесь заходит, то-сё, широта, склонение...”* Долго мне его пришлось убеждать, что он в российской тюрьме сидит...

Так вот, у него при аресте было изъято довольно много ценностей: около двух тысяч долларов, двести швейцарских франков, фамильный серебряный перстень с рубином... А поскольку операция проводилась совместно финскими полицейскими и нашими ментами, нашим пришлось составить официальный протокол. Так бы они, естественно, все его деньги по карманам распищали, но при финнах постеснялись. И у Джалали Бабах Али на руках осталась копия протокола, что у него доблестной российской милицией изъято *“20 банкнот по 100 долларов, 200 швейцарских франков”* и всякие прочие вещи.

Встаёт вопрос: ему скоро освобождаться, надо всё возвращать, а где взять? В лучшем случае это всё там, в Выборге. Если вообще ещё цело. Ну, начальство меня попросило как-то урегулировать этот вопрос. И ведь урегулировали! Я с ним побеседовал и начальству объяснил, что если курду денег не вернут, он сразу после освобождения поедет в Питер, в норвежское консульство, и устроит там международный скандал. И, представьте себе, ценности нашлись! Правда, не сразу...

В общем, был я этому курду родной матерью, как Малыш Карлсону. Я оперу потом говорю: *“Гражданин начальник, оцените юмор ситуации: я сижу по второй части 282-й статьи. По второй! Разжигание, да еще с отягчающими. И вот я, как Малыш за Карлсоном, не щадя живота своего, хожу за курдом...”* А он мне: *“Всё-всё, не говори ничего больше. Понимаю. Да, смешно”*.

* * *

С еврейями я тоже на зоне интересный опыт получил. В Борисовой Гриве сидел со мной Марк Коростошевский. Его родители вывезли из Советского Союза, когда он был совсем маленьким, в Израиль. И он там, в Израиле, учился в ешиве хасидской, такой ортодоксальной иудейской школе. Правда, в результате обучения религиозный аспект жизни как-то просвистел совершенно мимо него. По-моему, я про иудаизм знал больше, чем он. Он служил в израильской армии, причём в боевых частях. Потом понял, что на исторической родине ему не очень комфортно, и вернулся в Россию. Здесь он женился, у него родился ребёнок, но гражданство российское восстановить не успел. И угодил в ДТП со смертельным исходом — сбил человека. Так и попал в тюрьму.

Мы с ним много беседовали. В тюрьме все скучены на одном пятакче, деваться некуда — разговоры длинные... Ну, где вы я ещё получил из первых рук информацию о том, как обучают в ешиве, как устроен быт израильского солдата? Причём я не скрывал, за что сижу, — он прекрасно это знал. Шутили по этому поводу. Я говорю: *“Марик, ты мне как старому и закоренелому антисемиту расскажи про это и про то...”* Я же должен повышать свой уровень, так сказать, квалификации...

В общем, вывод из своего общения с нацменами на зоне я сделал такой: если убрать давление антирусской власти, убрать эту бредовую толерант-

ность, то межнациональные отношения быстро гармонизируются, приходят в норму. Потому что если на них извне ничто не давит, то сама жизнь быстро всё расставляет по местам... Конечно, возможны конфликты, недоразумения, но они при желании легко решаются.

Бог даровал русскому человеку уникальную способность – чувствовать, понимать всех и со всеми поддерживать добрые отношения в рамках взаимного уважения. Но только это уважение обязательно должно быть взаимным! Необходимым условием такого уважения является признание того факта, что Россия – государство русского народа, что русский человек здесь главный. Не потому главный, что он большой начальник и на чёрной “Волге” ездит, а потому, что подвигами, слезами и кровью десятков поколений его славных предков была создана эта великая страна. Если признать этот очевидный и фундаментальный факт, тогда все межнациональные проблемы будут решаться сами собой.

А в современной России национальные проблемы не имеют решения. Ответом на антирусский беспредел становятся Кондопога и Манежка, когда русский ОМОН вынужден защищать нацменов от русской разъяренной толпы.

* * *

Закаляет ли тюрьма дух? Кого-то тюрьма закаляет, кого-то ломает. В целом тюрьма – это очень серьёзный опыт. Есть классический афоризм: “Каждый мужчина должен родить ребёнка, посадить дерево и построить дом”. Я бы сказал, что это программа-минимум. А для того чтобы познать полноту жизни, необходимы ещё два пункта: каждый мужчина должен повоевать и посидеть в тюрьме. У меня к пятидесяти годам из этих пяти пунктов было реализовано четыре. С домом, деревом и сыном у меня давно всё в порядке. Повоевать я успел в советские времена – ещё в 1983 году меня родное государство наградило медалью “За боевые заслуги”. Так что отсутствовал только один пункт – тюрьма. Теперь я эту графу успешно закрыл, и можно считать, что жизненная программа выполнена.

А если говорить серьёзно, то любая критическая ситуация проверяет человека на прочность. Если человек честен перед самим собой, перед Богом и людьми, если старается жить по совести, то тюрьма даёт ему драгоценнейший опыт, делает его искусным в преодолении скорбей и бед, в противостоянии жизненным сложностям.

Для верующего человека тюрьма – это благодатный опыт милосердия Божия, опыт небесной помощи, заступления и спасения. Потому что если не Господь Бог, то никто! Если Бог поможет, то ты и в тюрьме будешь жить. Если же ты без Бога в душе, то можешь и на золотых блюдах есть, а чувствовать себя, как в аду на сковородке.

Поэтому я бы свой тюремный опыт сформулировал так: русские люди, не бойтесь ничего! Не бойтесь вы этой наглой русофобской сволочи, не бойтесь их угроз, всех этих вражьих либеральных воплей, бесовских сценариев, наветов. Если с нами Бог, то кто против нас? Если мы не струсим, останемся верными Господу Богу, своему промыслительному долгу, не предадим свою веру, Родину, свой народ, то уж Господь Бог никогда не предаст и не отступит от нас.

На своей земле нам нечего бояться. Это наша страна, наше государство! Все эти заезжие господа владеют нами сегодня вовсе не потому, что они сильные, но потому, что мы слабые. Слабые духом, верой, волей к победе. Нам не хватает исконной русской жертвенности, самоотверженности, готовности идти на смерть за родные святыни. Мы сами даём нашим врагам возможность властвовать над нами своим эгоизмом, себялюбием, духовной ленью.

* * *

Иные меня представляли непримиримым борцом с режимом. Но я не был борцом с режимом. Я был и всегда буду борцом с врагами Господа нашего Иисуса Христа и моего родного русского народа. Это главное, а режим – де-

ло десятое... Тут важно помнить, что Российское государство – это дар Божий, который дан русскому народу для того, чтобы он мог достойно нести свое промыслительное мессианское служение. Государство это было создано на протяжении веков слезами, потом и кровью десятков поколений наших славных предков. Сегодня мы его потеряли и должны непременно вернуть. Вот и вся моя политическая премудрость.

Сейчас, на мой взгляд, наметились некоторые слабые признаки того, что можно что-то изменить. Во власти появились прагматики, чтобы не сказать – циники, и целый комплекс внутренних и внешних причин, который подталкивает их к изменениям.

Во-первых, им стало очевидно, что в рамках старого либерально-русофобского сценария страной уже просто невозможно управлять. В рамках этого стереотипа, который требует подавления всего патриотического, всего русского, всего неподконтрольного *креативной либеральной тусовке*, страной управлять сейчас нельзя – это путь в пропасть.

Внешний фактор, на мой взгляд, заключается в том, что давление на Россию извне постоянно растёт. Мир балансирует на грани большой войны – это уже очевидно для любого внимательного наблюдателя. Мы стоим накануне грандиозных глобальных катаклизмов. Возьмите любой регион, будь то Европа или Ближний Восток, он насквозь пропитан ненавистью межнациональных, межрелигиозных, социальных конфликтов и противоречий. Сегодня весь мир – большая пороховая бочка.

В этой ситуации любая российская власть, независимо от персоналий, которые сидят в Кремле, должна будет решить непростую задачу: как выжить? Приходится задуматься: в случае серьёзного конфликта, если Россия окажется в эпицентре большой войны, кто будет защищать страну? Это сможет сделать исключительно русский народ!

Поэтому, чем сложнее будет международная обстановка, тем большую важность для Кремля будет приобретать русский вопрос и тем больше будет аргументов в пользу того, чтобы изменить прежний антирусский курс и дать возможность русским хоть немного прийти в себя после безумного либерально-демократического погрома последних двадцати лет.

Но любое движение Кремля в этом направлении встречает ожесточённое сопротивление либерально-богоборческой русофобской части современной политической “элиты” внутри России. И политический класс, и информационная элита, и прослойка наших экономически наиболее успешных граждан вопиюще деформированы. Русский народ на собственной земле сегодня является народом угнетённым, второсортным.

Последние два десятилетия нами управляли откровенные русофобы с помощью двух рычагов: останкинской иглы и нефтяной трубы. Дальше это неперспективно. Народное недовольство зреет и начинает обретать новое качество, его уже невозможно сдерживать старыми методами. Если произойдёт переход Кремля на патриотические позиции – это будет означать полный провал попыток мирового закулисья взять под контроль развитие российской государственности.

Немало передумал я и о непримиримых *друзьях-патриотах*. Складывается впечатление, что *непримиримые* просто ничего другого не умеют, кроме как по поводу и без повода ругать любую власть – светскую ли, церковную. А спросите у таких *непримиримых*: что они сами-то сделали для русского национально-освободительного движения? Какие результаты своей суперпринципиальной деятельности они могут предъявить людям, кроме бесконечной ругани на *патриотических* форумах и язвительных комментариев к чужим статьям?

Когда прокуратура закрывала газету “Русь Православная”, когда спецназ с автоматами брал штурмом видеостудию “Поле Куликово”, когда я, избитый “Тайфуном”, валялся в карцере в одиночке, а моего 14-летнего сына со сломанным носом героические мусора пытались забрать у матери и упечь в детприёмник за *фашизм*, – где были эти *принципиальные* критики? Сидели по домам на мягких диванах и печатали на своих компах под липовыми *nick-name*’ами крутые националистические посты о “страдальце Душенове”!

Думаю, я имею право говорить о нынешнем режиме то, что считаю нужным. Как ругать его, так и хвалить. Я это право приобрёл на зоне, в штрафном изоляторе, а не на *патриотических* фуршетах и не в президиумах партий-

ных съездов. И за базар свой всегда *готов ответить*. Ситуация эта стара, как мир. Одни, защищая свои жизненные идеалы и религиозные святыни, проливают кровь, а другие — чернила. И те, которые проливают чернила, как правило, очень не любят тех, кто готов расписываться кровью. *Чернильные души* пытаются компенсировать недостаток мужества и воли показной непримиримостью, трескучим радикализмом политических лозунгов и хлопущками громких фраз.

Так всегда было. Бог им судья. Он, в отличие от человек, не на лица смотрит, а зрит в сердце.

Часть третья

Политические проблемы большую часть зэков интересуют мало. Но если уж рассматривать тюремный мир с политической точки зрения, то он весьма архаичен. Демократического энтузиазма и либерального мировоззрения там не сыщешь днём с огнём. Жизнь на зоне, с её *общаками* и *понятиями* тяготеет, скорее, к некоторой первобытной общинности, внутри которой сидельцы делятся по клановому принципу или, говоря языком тюремного жаргона, — *по мастям*. Тем не менее, политика властно вторгается в жизнь зоны извне через тысячи разнонаправленных, разномасштабных событий и связей, которые соединяют тюрьму с вольным миром в один общий политический организм.

В первый же день после того, как меня в Княжево из карантина *подняли* на отряд, один из зэков, внимательно всмотревшись в бирку, висевшую на моей шконке (там перечислены фамилия, год рождения, статья, срок и даты отсидки), спросил меня: “*Что у тебя за статья такая странная?*” А статья моя — пресловутая *русская 282-я статья*: “*За разжигание...*” — для большинства зэков незнакома. Там больше в ходу 158-я, 159-я, 161-я, 162-я, 228-я, 111-я, 105-я и т. п., то есть кража, мошенничество, грабёж, разбой, наркотики, тяжкие телесные повреждения, убийство...

Чтобы долго не объяснять, говорю: “*Сижу за разжигание. Кино разжигательное снял. Документальное. Выступил там автором сценария и ведущим*”. Спрашивает: “*Что за кино?*”. “*Россия с ножом в спине*”, — отвечаю. И вдруг он мне: “*Да не ври ты! Я это кино видел. Нет там тебя*” А потом, присмотревшись: “*А-а-а! Точно! Только ты там с бородой до пупа был!*”. И так на всех четырёх зонах, в которых мне довелось побывать. В каждой из них находились сидельцы, видевшие фильм “*Россия с ножом в спине*”. Хотя, как легко догадаться, зэки — далеко не главные посетители интернета и зрители документально-публицистических трилогий.

Зэк этот, Женя Голубцов, который меня опознал без бороды, оказался фигурой очень колоритной. Бывший диверсант-морпех, успевший ещё в советские времена повоевать в Африке за идеалы пролетарского интернационализма. Потом, после крушения СССР — охранник-антикиллер, начальник службы безопасности у одного из крупных криминальных авторитетов. Свои навыки спецназа сохранил в неприкосновенности. На зоне ловил змей и жарил их на костре, угощая всех желающих. Говорят, вкусно: похоже на курятину... В этот раз сидел он за хранение оружия и “*насилие над представителем власти*”. Много мы с ним потом *перетёрли*, переговорили за *жиссь*, рассуждая о том, как странно, бывает, складывается у человека судьба...

* * *

Подавляющая часть зэков абсолютно убеждена в тотальной несправедливости нынешнего общественного устройства России. В безграничной коррумпированности “*демократического*” государства и поголовной продажности чиновников. Это убеждение существует на уровне подсознания, инстинкта, фундаментальной аксиомы лагерного мировоззрения. Но основано оно на мощном фактическом материале, на обширном и тяжёлом жизненном опыте многих поколений лагерных сидельцев.

Мне пришлось плотно общаться с нашим государством — в лице его правоохранительных органов — в течение восьми лет: с декабря 2004-го, когда

меня первый раз вызвали в питерскую прокуратуру для объявления предупреждения “о недопустимости экстремистской деятельности”, по ноябрь 2012-го, когда я вышел на волю, отсидев два с половиной года в исправительных учреждениях ФСИН, этой современной “демократической” копии старого бериневского ГУЛага. И я могу уверенно сказать, что в своём политическом нигилизме современные зэки по большей части совершенно правы.

В результате того погрома, который демократы учинили в России после распада СССР, наш государственный аппарат чудовищно деградировал даже по сравнению с далеко не безупречными советскими временами. Важнейшие структуры государственного управления, такие как суд, прокуратура, милиция, сегодня зачастую работают в совершенно автономном режиме, сами на себя, не будучи никак связаны с реальными общественными запросами, реальными народными нуждами, реальными результатами собственного труда. Необходимость как-то отвлёкаться от своих важных личных дел для решения вопросов, связанных с защитой прав какого-нибудь рядового гражданина современной демократической “россиянии”, вызывает у них откровенное раздражение и нескрываемую брезгливость. Они свято верят, что так и должно быть, что именно они хозяева жизни, что они самодостаточны и существуют сами для себя, а народишко вокруг – это такое досадное недоразумение, которое мешает им нормально жить в своё удовольствие, недоразумение, которое никак не удаётся устранить окончательно.

В Княжево вместе со мной сидел молодой парень лет двадцати семи. Звали его Денис Николаев. Сидел он старательно, с начальством дружил, никаких косяков за ним отродясь не числилось, зато числилось множество поощрений “за добросовестное отношение к труду”. Он делал всё для того, чтобы уйти по УДО, условно-досрочно. Отсидел положенную часть срока и тут же написал заявление в суд. Администрация это заявление поддержала, написав, что он “твёрдо встал на путь исправления”. А судья отказала ему. Почему? Постановление гласит: “В связи с тем, что осужденный Николаев не предоставил суду абсолютно неопровержимых доказательств своего исправления”. Я читал это постановление и думал: “Дорого бы я дал, чтобы какой-нибудь яйцеголовый правовед объяснил мне, дураку, юридическое содержание термина “абсолютно неопровержимое доказательство”...

Да что далеко ходить! В моём собственном приговоре, где перечисление “доказательств”, основанных на показаниях свидетелей обвинения, занимает многие страницы, от показаний одиннадцати (!) свидетелей защиты судья Третьякова отделалась одной фразой: “Суд не доверяет показаниям свидетелей защиты, так как считает их единомышленниками обвиняемого”. Вот так! Это и есть, судя по всему, “абсолютно неопровержимая” логика в понимании нынешних чиновников. А ведь свидетелями защиты были самые разные люди, от безработного до депутата Госдумы, проживавшие в самых разных регионах России, от Ростова до Новосибирска. Но – “единомышленники”, и всё тут. Поди, опровергни!

Бывают, конечно, и приятные исключения. В том же Княжево молодой барыга-наркоторговец рассказывал мне, как старшие в его районе долго мучились с каким-то строптивым старлеем из наркоконтроля, который им всю торговлю поломал. “Тридцать тысяч баксов ему давали. Не берёт, гад! Пятьдесят тысяч! Не берёт!..”

* * *

В тюрьме нет ничего такого, чего не было бы в вольной жизни. Просто в силу весьма суровых и жёстких, порой откровенно жестоких условий существования там всё это содержится в сильно сконцентрированном, спрессованном виде. Основные характеристические черты нашей жизни становятся там особенно заметными, особенно выпуклыми и рельефными. И потому, например, полный мировоззренческий и политический крах блудливой российской “демократии” там особенно очевиден.

Когда я сидел, меня не покидала мысль, что наших гламурных демократов, голубоватых правозащитников и всех остальных креативных либерастов хорошо бы отправить – в качестве экстремального туризма, что ли, – на полгода на зону: жизнь реальную почувствовать, ума-разума набраться. Мало-

вато, конечно, полгода... Ну, да больше нельзя: у них ведь тонкая душевная организация, она может не выдержать встречи с грубой реальностью...

Причём отправить не в наказание, а с педагогической, так сказать, целью. Пусть ознакомятся с жизнью, такой, как она есть. Встретятся с новыми людьми, посмотрят на настоящую, неприкрашенную Россию с этой стороны, с этой точки зрения. Полезнейший опыт могут получить, просто бесценный...

Только, боюсь, они очень огорчатся. Потому что общие настроения в тюрьме — как эзков, так и сотрудников тюремной администрации — резко националистические. Никакой, знаете ли, толерантности не наблюдается. Похоже, в реальной жизни — там, за границами московской кольцевой, — эти курчавые *толерасты* так всех достали, что дай им Бог ноги унести...

Наша власть — не знаю уж, понимают это в Кремле или нет — ходит сейчас по тонкому льду, по тонкой корочке, под которой клокочет огненная лава **беспощадного русского бунта**. И если эта ярость выплеснется наружу — мало никому не покажется.

Дай Бог, чтобы власть нашла в себе силы для радикального обновления. Для примирения с собственным народом. Нашла политические механизмы, с помощью которых эту бурлящую, огненную энергию русского национализма можно направить на исправление чудовищных несправедливостей и преступлений, содеянных либеральными людоедами и русофобами. На созидание новой Великой России. На мирную, но решительную и беспощадную Русскую революцию во всех областях нашей жизни — политической, идеологической, культурной...

* * *

Русский национализм присутствует на зоне очень активно. Впрочем, — нет, не так. Не активно — активничать там никому не дадут! — но неистребимо, неизбежно и повсеместно. Во-первых, потому что в тюрьме отчётливо видно, что процент нерусских эзков, особенно осуждённых по определённым видам преступлений, — например, связанных с “посягательством на половую неприкосновенность”, то есть растлением малолетних, изнасилованием и т. д., — гораздо выше, чем процент этих людей на воле. То есть они совершают подобные постыдные преступления гораздо чаще русских. Это и статистика МВД подтверждает. Именно поэтому, кстати, русскоязычная *либеральная общественность* и *кавказолюбивые правозащитники* уже которой год, как с писаной торбой, носятся с идеей запретить журналистам упоминать в своих публикациях национальность преступников.

А во-вторых, есть ещё такой момент: профессия тюремщика непопулярна... Когда-то император Пётр I написал в одном из своих указов: “Тюрьма есть ремесло окаянное, и до скорбного дела сего потребны люди добрые, твёрдые и весёлые”. Но таких твёрдых и весёлых на Руси почему-то хронически не хватает. Русский человек как-то не очень хочет служить тюремщиком. Ну, а поскольку миллион эзков, которые у нас сидят по тюрьмам и лагерям, нужно всё же каким-то образом контролировать и охранять, во ФСИН берут чуть ли не любого желающего. Было бы гражданство да не было б судимостей и родственников-уголовников. Поэтому на зонах, особенно среди низового звена сотрудников администрации исправительных учреждений, велик процент цацменов. Они приезжают в большие города, а работы нет, никто их там не ждёт. Ну, потыкаются туда-сюда, и пристраиваются во ФСИН. На тех зонах, где я сидел, среди младших инспекторов, наверно, больше половины нерусских.

Иногда это приводит к весьма драматическим последствиям. Заехал, например, в 2011 году к нам на Борисову Гриву молодой эзк, некто Осман Османов. Бывший контрактник МЧС. Мальчишка — двадцать один год. По национальности даргинец, сидит по 335-й *военной* статье — “За неуставные отношения”: избивал сослуживцев-славян. Сто десять килограмм тренированного мяса при полном отсутствии мозгов. А на зоне один из *дэпманов* оказался его соплеменником, чуть ли не родственником. Ну, у Османчика от такой удачи крышу-то и снесло напрочь. Решил, что он тут теперь главный и будет рулить, как его левая пятка пожелает. Одного данью обложил, другого, третьего... Бил неугодных внаглую, прямо на построении, на глазах сотрудников администрации.

А надо сказать, что большая часть эсков-первоходов, молодых наркоманов, во внутренних тюремных разборках участвовать категорически не желают. Они готовы признать над собой любую власть, лишь бы их самих эти разборки не коснулись. *“Умри ты сегодня, а я – завтра”*, – вот их девиз.

Но нашлись на зоне два бывалых каторжанина – Иван Силютин и Михаил Кречин. У обоих лет по 12–15 отсиженных, по три-четыре ходки за плечами. Оба эти казаки, родились в бывших нацреспубликах СССР, один в Узбекистане, другой в Киргизии, и имеют солидный опыт межнационального общения с *“горячими джигитами”*. Вот они и попытались объяснить Османчику, что он не прав. Словами, по-хорошему. Но только один раз. А когда не получилось – недолго думая, нарезали на промке стальные прутья потолще и...

Я в тот момент сидел в штрафном изоляторе. Хозяин почему-то считал, что я – главная опасность для его авторитета на зоне, и поэтому выпускать меня из *шизняка*, судя по всему, вообще не собирался. И вот как-то вечером, уже после отбоя, а отбой там в девять, слышу: лязг, грохот, отпирают двери, решётки, ведут арестантов... Пополнение... И вдруг знакомый голос вопит: *“Константин Юрьевич, вы тут?”*. Я хриплю через дверь: *“Тут, Миша, а ты-то за что сюда?”*. И они с Иваном хором, радостно так: *“Да мы кой-кого поучили, порубили! Османчика и других...”*

Османчик этот чудом уцелел, уж больно здоров был. Но его всё равно бы опустили, просто времени не хватило, охрана прибежала. Я потом баландёров, которые еду в ШИЗО приносят, спрашивал: *“Как дела в бараке, мужики? Проблемы есть?”* Они говорят: *“Да что вы, какие теперь проблемы? Козлики наши такими вежливыми стали: не ругаются, не дерутся, копытцами не стучат, просто любо-дорого смотреть”*. Информация о *“массовой драке осуждённых”* впоследствии моего адвоката появилась в новостях нескольких информагентств Северо-Запада. Так что начальству УФСИН во избежание скандала пришлось срочно *замять* дело. И послушный Османчик написал объяснение, что он споткнулся и упал с лестницы, да так неудачно ударился головой несколько раз, что пришлось наложить пять швов и вызывать *“скорую”*. Потом его от греха подальше этапировали из Борисовой Гривы в Форносово. Мишу Кречина спецэтапом вывезли в Княжево, а Силютин откинулся на волю по звонку через два месяца прямо из ШИЗО...

* * *

Впрочем, попадались мне и русские такие, что лучше иметь дело с десятью папуасами, чем с одним из них. Например, хозяин – начальник зоны в Борисовой Гриве, майор Александр Васильевич Корепин. Это он меня под *“Тайфун”* забросил, а потом шесть раз подряд в *шизняке* мариновал. У меня сложилось ясное впечатление, что если бы он мог меня безнаказанно убить, он бы сделал это, не задумываясь. Помешала только широкая огласка, скандал, который разгорелся вокруг моего дела из-за вмешательства патриотической общественности, оппозиционных СМИ и коммунистических депутатов Госдумы и Питерского ЗАКСа.

К тому моменту, как мы с Корепиным встретились, я прожил на белом свете 51 год. Мне казалось, что у меня есть немалый жизненный опыт: я 10 лет на флоте отслужил, много разных начальников повидал, сам начальником побывал. Но таких, как он, я просто не встречал. Я думал, что они бывают только в кино или в книгах. У Достоевского, например...

Почему именно у Достоевского? Да потому, что он сам говорил: его персонажи *“в чистом виде”* в реальной жизни почти не встречаются. То есть Свидригайлова или Раскольников на улице не встретишь. И князя Мышкина, и Алёшу Карамазова – тоже. Потому что они – не реальные люди, а концентрированные характеры, созданные автором как живые иллюстрации идей.

Вот мне и казалось, что люди, подобные Корепину, – этикие опереточные злодеи, – в жизни не встречаются. Он ведь даже не скрывал, что получает настоящее, искреннее удовольствие от унижения других. Правда, водочки ещё любил выпить. Но по большому счёту, для таких, как он, ломать людей, заставлять их делать подлости, совершать предательства – необходимая внутренняя потребность, важная часть жизни. Делая подлецами других, они, таким образом, как бы оправдывают себя. Мол, все такие, чего ж стесняться?

Вся жизнь их сосредоточена в тюрьме, они полноценно живут, *расцветают* только там. Корепина с зоны было палкой не выгнать. Он там дневал и ночевал, приезжал в выходные, в праздничные дни. И это при том, что у него дома семья: жена, маленький ребёнок... Думаю, вне зоны он глубоко несчастный, неуверенный в себе, несостоявшийся человек. А на зоне этот неудачник — *гражданин начальник*, имеющий власть над судьбами и жизнями сотен людей. И на болезненном, гипертрофированном ощущении собственной важности, значимости, власти он — как наркоман *на игле*.

* * *

Один из главных инструментов “перевоспитания” упрямых арестантов — штрафной изолятор — *шизняк*. Что это такое? Внутренняя тюрьма. На каждой зоне есть своя внутренняя тюрьма. И режим там, конечно, будь здоров какой.

Я в *шизняк* первый раз попал на Металлострое, куда меня привезли спецэтапом, минуя пересылку, прямо из Княжево. В Княжево мы с местным батюшкой, отцом Леонидом, решили храм строить. То есть он-то решил это давно, но всё как-то не складывалось: то одно, то другое мешало. Оно и понятно: зона, где денег взять? Там был залит фундамент, а дальше никак не могли тронуться. Ну, а мы как-то это процесс раскатали, активизировали, и потихоньку деньги пошли, начали строить храм. Но это кому-то очень не понравилось: как это так: экстремист Душенов строит храм? Он что, в *авторитете*? Непорядок! И меня вывезли оттуда спецэтапом. По-воровски, чуть ли не тайно, воспользовавшись тем, что начальник учреждения, который поддерживал наше церковное строительство, был на больничном.

И перевезли в Металлострой. А на “Металлке” режим жёсткий. Там, если кто помнит, в 2007-м году был бунт. Последняя *чёрная* зона была в Ленобласти. Её *ломали* показательно, со спецназом, с приглашением тележурналистов. И чтобы закрепить победу, привезли для руководства зоной *группу товарищей* со стороны, из-под Томска, по-моему... Ну, они и навели *свой порядок*, постарались. Среди тех, кто на зону заезжал в 2008–2010 годах, ни одного целого не осталось. У кого перелом, у кого что... В общем, все битые. То есть воспитательный процесс пошёл активно. И до сих пор *Металлка* считается одной из самых диких, *беспредельных красных* зон на Северо-Западе.

Там существует такая практика (противозаконная, конечно): все поступающие осуждённые прямо с этапа *проходят через дальняк*. А это значит, что все они при свидетелях должны взять тряпку и помыться унитаз. Для тех, кто понимает, ничего объяснять не надо. А тому, кто не понимает, поясню, что по тюремным понятиям человек, который однажды вымыл унитаз или вообще занимался приборкой в отхожем месте, уже никогда ни на что претендовать не может. За это на *правильной* зоне могут и *опустить*, но в любом случае, такой зэк никогда больше не сможет претендовать на какой бы то ни было авторитет, не сможет стать центром самоорганизации осуждённых. Вот для того, чтобы не дать этой самоорганизации ззков возродиться, не дать им создать альтернативную, параллельную официальной внутренней структуру самоуправления, всех прямо с этапа, на входе, *пропускают через дальняк*.

Когда я туда заехал, мне тоже первым делом дали тряпку в руки и говорят: “*Давай, мой!*” Я говорю: “*Не буду*”. “*А мы тебя побьём!*”. Я говорю: “*Бейте*”. — “*А мы тебя в ШИЗО посадим!*” — “*Сажайте*”. — “*А мы тебя перережимим!*” — “*Воля ваша*”. Ну, и в результате... Там опера́ этим занимаются. И у них, видно, возникло какое-то сомнение: что это за странный *крендель* такой тут заехал и *борзееет* без меры... Ну, доложили начальнику учреждения, и меня привели к *хозяину*. Полковник Бубнов там в то время командовал. Кабинет у него — как футбольное поле... Он мне сказал: “*Ну, давай, рассказывай, кто ты есть*”. Я рассказал ему свою историю совершенно откровенно. И он, надо сказать, с пониманием к этому отнёсся. И даже, когда я рассказывал, был такой момент: он слушал меня, слушал, а потом в сторону отвернулся и сквозь зубы говорит вполголоса: “*Вот с-с-суки. Всё своё дерьмо норовят нашими руками месить...*”

Но тем не менее, в ШИЗО он меня-таки упаковал. Говорит: “*По-другому не могу. Как я тебя выведу на зону или на посёлок? У меня здесь сидит 1600 человек, все прошли через дальняк, а ты будешь один такой красивый*

и весёлый, белый и пушистый?” Ну, посадили меня в шизняк, и я там отсидел восемь дней. Видимо, в течение этой недели они собирали информацию про меня. Потом через неделю меня вывели... Зам по безопасности и оперативной работе, молодой такой кум, мне сказал: “Ну, что ж, мы вот тут собрали информацию про вас... Посмотрел я ваши фильмы... Человек вы, в общем, известный... Так что, ладно, что ж, выведем мы вас на посёлок”. И, в конце концов, меня из шизняка вывели.

А режим там, на “Металлке”, внутри ШИЗО не сахар. Отбой – в девять вечера, подъём – в пять утра. Правда, трехразовое питание. Но тут – как повезёт: может и тушёнка в каше попасться, а можешь и воду на воде получить...

Положена одна часовая прогулка, но меня, например, ни разу не вывели. Курить нельзя. В камере, после того как убирают нары (их к стенам на замок крепят, как в железнодорожном купе) нет даже табуреток, нет стола, ничего нет. Утром нары поднимают наверх – и всё, ты находишься в голом помещении, в котором только цементный пол, стены и потолок. И камера наблюдения. Есть ещё сваренные из металлических прутьев кубики, на которые нары опираются, когда их опускают... Так что, когда еду тебе через железный намордник дают – как хочешь, так и крутись. Можешь на пол миску поставить, можешь на весу кушать.

Отопление отключают с десяти утра до семи вечера. Но зато включают на полную громкость трансляцию и гоняют по ней запись, где какой-нибудь зэк гнусавым голосом читает ПВР – правила внутреннего распорядка. Десять раз подряд, двадцать, тридцать...

* * *

Отдельного упоминания стоит “Тайфун” – спецназ Федеральной службы исполнения наказаний. Человеку, который придумал этот спецназ для ФСИН, наши тюремщики должны золотой памятник поставить. Потому что если раньше, ещё в советские времена, для выбивания показаний и “поддержания авторитета администрации” существовали всякие полулегальные пресс-хаты, то есть пыточные камеры со специально обученными палачами-козлами, то теперь к этим старым инструментам добавился новый, абсолютно легальный, законный и официальный. Под названием “Тайфун”.

Если раньше на зоне разгорался бунт, то для его подавления можно было использовать только внутренние войска МВД. Но они же именно ВОЙСКА, обученные как боевые, военные подразделения. А потому их применение всегда приводило к стрельбе, жертвам, скандалам и, как следствие, – к расследованиям, комиссиям, увольнениям проштрафившихся начальников. И умные начальники старались на своих зонах до такой крайности дело не доводить, сдерживали чрезмерно ретивых подчинённых, боролись с беспределом, давали зэкам возможность кое-как дышать.

Появление “Тайфуна” всё изменило.

Эти ребята никакие не “войска”. Они прицельно заточены под решение тюремных проблем в пользу администрации. Это значит, что их задача – ломать зоны и любого чернохода, то есть осуждённого, отказывающегося сотрудничать с администрацией. Из общей массы зэков целенаправленно выдёргиваются люди, которые являются центрами внутренней тюремной самоорганизации заключённых. Авторитеты. И эти люди последовательно обрабатываются, то есть избиваются. От них требуют отказа от своей роли, желательно – письменно, публично, унижительно.

“Тайфун” свою службу знает хорошо. И бьёт качественно, с пониманием дела, с техническими усовершенствованиями. Вот, например, есть такие бойцовские перчаточки без пальцев. Они с накладками на фалангах. Эти накладочки в оригинале – такие пластинки пенопластовые, предназначенные для того, чтобы не слишком сильно руку ранить в случае удара. Их и спортсмены используют в спортзалах для тренировок – по грушам бить. А тайфунцы поверх пенопласта вставляют пластинки железные, свинцовые. И получается такая замечательная спецперчатка для разговора по душам.

Видит Бог, я это не придумал. Об этом мне рассказал полковник Сыркашов, который приехал из управления ФСИН, чтобы проверить сообщения

о моём избиении. Проверил и объявил: “Есть два варианта: либо ты сам на них напал, либо вообще ничего не было. Третьего варианта нет и быть не может. Должен понимать – система...” Я говорю: “Но вы-то знаете, как на самом деле всё было!” Он: “Знаю, ну, и что? Ты, брат, сам виноват. Зачем вставал, после того как они тебя на асфальт роняли? Три раза ведь вставал! Ты их пойми: они профессионалы, им же обидно”.

Я говорю: “Точно, профессионалы. Чтобы с руки одним ударом ребро сломать, это не каждый может”. Вот тут-то полковник и раскрыл мне секрет: “Да они, – говорит, – железяки в перчатки вставляют, сорванцы”. Я тогда его спросил: “Так ведь можно ненароком и убить, силу же трудно рассчитать?” А он мне: “Ну, да. И убивают. У них же мозгов нет. Мы ведь их не для научных дискуссий воспитываем...”

Полковник этот так откровенно со мной разговаривал потому, что он сам, по своим личным взглядам, был радикальным русским националистом. Но сразу честно предупредил: “Против системы идти нельзя. Смирись, подпиши бумагу, что ничего не было. А я в частном порядке с начальством твоим договарюсь, чтобы тебе тут создали условия”. Ну, я подумал-подумал... Подумал-подумал... И ещё подумал... И отказался.

* * *

Я слабый человек. И без помощи Божией сломался бы в момент. А таких моментов там... Как грязи. Вот, скажем, бьют тебя. Жестоко, смертно бьют. Это ещё не беда. Потому что бьют по здоровому телу. А вот деньков этак через пять... Когда все твои ушибы и переломы дозреют, заболят-заноют... И бить тебя будут уже по больным местам, к которым ты сам и прикоснулся – без крика не можешь... Тут-то и наступит для тебя момент истины. А истина эта такова, что если не Бог, то никто! Если Он не укрепит, не поддержит тебя, сдашь ты всех и вся за милую душу, ещё и просить будешь, чтобы дали побольше рассказать, поподробнее объяснить.

И я такой же, как все. Ни секунды не верю, что мог бы продержаться собственными силами. Да что я! Я и не сидел-то, по сути дела. Что такое два с половиной года? Так, присел на краешек. По-настоящему сидел тот, у кого за спиной десятка, пятнашка... Вот такой-то настоящий сиделец, Варлам Шаламов, оттянувший в своё время в сталинских лагерях за три ходки не год и не два, а полновесных шестнадцать лет и писавший потом свои пронзительные “Колымские рассказы” буквально кровью сердца, сказал как-то, что в тюрьме, на зоне, в лагере верить можно только “религиозникам”. То есть осуждённым по религиозным статьям, за веру. Потому что для них жизнь не кончается со смертью тела, и они готовы этим телом умереть, чтобы бессмертную свою душу уберечь от предательства, лжи и прочего паскудства, столь свойственного нашему изнеженному, изолгавшемуся, подлому времени.

Аминь.

(Продолжение следует)

АНАТОЛИЙ МАРЧЕНКО

О ЧЕРНОБЫЛЕ, ФУКУСИМЕ И О МНОГОМ ДРУГОМ

*Мы — русские люди, поэтому из двух
зол обязательно выберем оба.*

Автор афоризма неизвестен

26 апреля 2011 года. В Москве выдался один из первых солнечных тёплых весенних дней. Я был на Митинском кладбище у мемориала чернобыльцам. 25 лет со дня катастрофы. Людей на кладбище собралось много, и они всё подходили и подходили, но митинг почему-то долго не начинался. За воротами кладбища стояли группы людей со знаменами — это были какие-то объединения чернобыльцев-ликвидаторов. Все чего-то ждали. Порядок у мемориала обеспечивала не милиция, а курсанты из училища МЧС. Я несколько раз прошёлся среди людей, всматриваясь в их лица. Должен же я хоть кого-нибудь узнать?! Хотя... Двадцать пять лет прошло, за это время люди внешне сильно меняются, но ведь что-то должно остаться. Тщетно. Никого из знакомых я не встретил. Знакомое лицо было только одно — барельеф на могиле Александра Акимова. В последний раз я видел Сашу, кажется, в 1976 году. Это было в комитете комсомола МЭИ, тогда мы все были молодыми, энергичными, здоровыми, уверенными в себе и в нашем нерушимом государстве — СССР. Сашка уже тогда знал, что едет по распределению на Чернобыльскую АЭС, и это его вполне устраивало. Ещё бы: АЭС, строящаяся в красивейших, чуть ли не курортных местах рядом с Киевом, новенький город энергетиков Припять, в котором почти сразу дают квартиру. Многие ему завидовали. Да, это вам не на Кольскую АЭС попасть. А вот теперь...

Именно Сашку судьба решила сделать Геростратом атомной эры. Это он нажал красную кнопку аварийной остановки реактора, после чего произошёл взрыв. А ведь он был полностью уверен в том, что поступает правильно.

Я побродил среди людей ещё немного. Знакомых не нашёл. А ведь я многих знал. Неужели у ребят так плохо со здоровьем, что они даже на двадцатипятилетие катастрофы не пришли? Договаривались ведь о каждой круглой дате.

На трибуну поднялись какие-то люди, а из-за ворот подтянулись с флагами колонны ликвидаторов. Митинг начался. Людей было много, акустика настроена отвратительно, и на расстоянии двадцати метров уже не было слышно, о чём говорят ораторы. Люди, правда, старательно слушали. В конце концов какой-то мужчина с флагом в руках не выдержал и громко сказал: “Мужики, да сколько их можно слушать, пошли отсюда”, — и свернул флаг.

Его пытались одёрнуть. Он ответил: “А вам за двадцать пять лет хотя бы медаль дали?”. И ушёл, а с ним и часть ликвидаторов. Им вслед кто-то сказал: “В Украине вообще все чернобыльские льготы отменили. Там ликвидаторы демонстрации проводят и голодовки устраивают”.

Меж тем митинг продолжался, ещё кто-то выступал и говорил о героях тёплые слова, о том, что они отдали свою жизнь, чтобы спасти мир от ядерной катастрофы. Оратор выражал надежду, что таких страшных катастроф на АЭС больше не будет. На фоне сведений, поступавших из Японии со станции Фукусима-1, это заявление прозвучало не очень убедительно. Там повреждённые активные зоны реакторов охлаждали морской водой. Тем, кто разбирался в технологическом цикле АЭС, этот факт говорил о многом. Сама вода, сколько ни гоняй её в контуре реактора, радиоактивной не становится, радиацию набирают только растворённые в ней соли. Поэтому активную зону охлаждают дистиллированной водой или конденсатом, а если дело дошло до морской воды, то это может означать только одно: ни того, ни другого на станции нет. Сейчас из реакторов вытекали сотни тонн высокорadioактивной морской воды. А куда её девать? Часть, конечно, сольют в подвальные помещения станции, а остальное? Да в Тихий океан — он большой. А подводные течения разнесут эту радиоактивную воду по всему миру. Намечалось что-то пострашнее Чернобыля...

Завершил выступления какой-то батюшка, который прочитал послание от батюшки саном повыше. И все разошлись.

Так мне и не удалось встретить никого из ликвидаторов, с кем я познакомился на Чернобыльской АЭС.

Весной 1986 года, когда произошёл взрыв на Чернобыльской АЭС, я работал в отделе надёжности “Невского завода”. О том, что такое отказы техники, аварии и катастрофы, в отделе надёжности осведомлены были очень хорошо. Мы занимались статистикой и разбором аварий, а также, как это ни экзотично звучит, прогнозированием аварий. Вроде бы получалось. За эталон надёжности у нас негласно был принят ядерный реактор. Вероятность разрыва его корпуса была один на десять в минус шестой, то есть одна миллионная доля единицы. Поэтому я очень долго и от души смеялся над одним своим знакомым, который в курилке сообщил страшную новость: он, де, слушал вражеский “Голос Америки”, и те заявили, что где-то на Украине взорвался ядерный реактор. Есть даже человеческие жертвы. Ну разве не смешно? Нет, конечно, при злостном нарушении правил техники безопасности можно от реактора дозу радиации получить, но погибнуть от взрыва... Да это всё равно, что из палки застрелиться или помидором зарезаться!..

Однако скоро появилось и официальное сообщение, и для специалистов всё встало с ног на голову. Во-первых, прямо на глазах разрушился старательно создаваемый официальной наукой миф о том, что ядерный энергетический реактор взорвать невозможно. Оказалось, что можно. Во-вторых, бросалось в глаза странное поведение Минэнерго. Например, если падает самолёт, то до расследования аварии в авиации временно прекращает эксплуатацию однотипных самолётов. А тут не кукурузник упал, а взорвался один из самых мощных ядерных энергетических реакторов! И ничего: всё как работало, так и работает. Я попытался через друзей, с которыми вместе учился в институте, выяснить, есть ли какие-нибудь специальные указания. Друзья работали на Ленинградской АЭС, где стояли такие же, как и на ЧАЭС, реакторы РБМК-1000. Указаний никаких не было, и на ЛАЭС не знали причин аварии на ЧАЭС. Никаких результатов расследования аварии до специалистов не доводили. Остро ощущался информационный вакуум, и это было очень неприятно. Никто же не знал, чего можно ожидать от ЛАЭС, расположенной совсем рядом с Ленинградом.

Я решил добывать информацию любым путём. Но как это сделать? АЭС относится к режимным предприятиям, и нужно иметь допуск, чтобы получить хоть какие-нибудь данные. В ленинградском отделении Союза писателей я случайно узнал, что в командировку на ЧАЭС собирается целая группа литераторов. И хотя я не был членом Союза, но что-то писал, что-то иногда издавал, так что меня там знали и без особых вопросов включили в эту группу, тем более что я в ней оказался единственным техническим специалистом. Потом мы долго проходили всяческие согласования, и разрешение на командировку

было получено только осенью. К тому времени энтузиазм литераторов явно иссяк. Ещё бы, ведь все смотрели телевизионные передачи, видели пункты радиационного контроля, которые появились во всех аэропортах, знали, с какой поспешностью люди покидали Киев, наслушались всяких радиационных ужасов и поняли, что дело-то серьёзное. Одним словом, когда пришло время отъезда в командировку, в группе писателей из Ленинграда остался один я. У остальных оказались творческие планы, в которые поездка в Чернобыль уже никак не укладывалась.

На ЧАЭС ждали, как это выяснилось при первом же разговоре, совсем не меня. Там успело побывать много творческих людей: артисты, певцы, музыканты, танцоры; они устраивали концерты для ликвидаторов. А группа литераторов должна была провести творческий вечер: почитать стихи и отрывки из повестей и романов. Тут же вместо поэта-лирика явился инженер-энергетик и стал задавать весьма неудобные вопросы. А когда выяснилось, что я занимаюсь проблемами надёжности энергетических машин, то стало совсем тоскливо. Разговор перешёл в обычное для таких тем русло: а есть ли у меня допуск? Я сказал, что, когда служил в армии, у меня был допуск к совершенно секретным материалам, но с той поры много воды утекло. Мне объяснили, что мой допуск уже давно таким не является. Я пытался сказать, какая, мол, может быть секретность, если будет доклад в МАГАТЭ? Доклад докладом, а если нет допуска, то и разговора быть не может. Мда... А я по своей наивности рассчитывал, что удастся хотя бы сменные журналы посмотреть, как мы это делали при разборе любой аварии. Мои собеседники лишь горько усмехнулись и сказали, что они и сами их не видели; всё собрано, опечатано и увезено. Так что ничего я тут не узнаю. И если я хочу о чём-нибудь написать, то могу, если, конечно, мне своего здоровья не жалко, погулять по Припяти, по Чернобылю и по Зелёному Мысу. На саму АЭС без сопровождающего меня не пустят. А сопровождающего мне не дадут, потому что есть указание: таких, как я, на станцию не пускать. Ещё я могу поговорить с обслуживающим персоналом, но не о технике. О технике им запрещено рассказывать кому бы то ни было.

Я так и поступил: погулял и поговорил. Тяжкое это было занятие, доложу я вам. Во-первых, мой статус был весьма расплывчатым. То ли инженер, то ли писатель, а кое-кто, несмотря на все мои правильно оформленные документы и огромное количество пройденных мною согласований, подозревал во мне умело законспирированного агента ЦРУ. Во-вторых, что такое ЧАЭС? До аварии это была самая рядовая атомная электростанция с обычным обслуживающим персоналом и вдруг — неожиданно свалившаяся на неё мировая, да ещё и скандальная слава. Люди к этому морально готовы не были и замкнулись. В-третьих, уже тогда упорно циркулировали слухи о том, что во всём виновата эксплуатация. А люди, несмотря на то, что многие из них получили большие дозы радиации, и у них начинались проблемы со здоровьем, через какое-то время вернулись на станцию и продолжили работу. Они побаивались, что любые слова, сказанные ими для прессы, могут быть впоследствии использованы против них. Тем не менее, мне удалось познакомиться со многими, и уже через два дня я знал, что реактор был загнан глубоко в нештатный режим, и многие средства защиты на нём были отключены. **НО!** Святая святых — **систему аварийной остановки реактора** — никто не трогал! А эта система при срабатывании обязана заглушить реактор, в каком бы режиме он ни находился. Она сработала, но реактор почему-то не остановила. Ребята из той роковой дежурной смены, получившие смертельные дозы радиации, так и умерли, будучи уверенными, что они всё сделали правильно, или почти всё. И ещё: буквально за пару секунд до взрыва у реактора произошёл срыв циркуляционных насосов. Что, как и почему — никто не знает.

После получения такой информации я почувствовал себя неудобно. Получается, что на станции не знают причины взрыва, но она продолжает работать. А сколько таких реакторов по всей стране? Чего ждать в будущем? Уезжал я из Чернобыля в прескверном настроении: ничего я там не узнал, только с людьми познакомился, да по радиоактивной земле погулял — вот и все мои успехи.

Информацию пришлось собирать буквально по крупичкам и из разных источников. Я внимательно прочёл доклад об аварии на Чернобыльской АЭС, который сделала наша делегация на заседании специальной комиссии

МАГАТЭ. Очень убедительный доклад, в нём развитие аварии расписано по минутам и секундам. В МАГАТЭ поверили, я тоже. Единственное, что мне страшно не понравилось, — всю вину свалили на эксплуатационников. Слишком уж простое решение, а потому вызывает подозрения. Они ещё больше усилились, когда прошёл суд над виновниками аварии. Основные виновники получили по десять лет, но подозрения вызывали не сроки, а место проведения суда. Суд проходил не в Киеве, а в Чернобыле, куда без специального пропуска в Зону не попасть. Надо полагать, что таким радикальным способом избавлялись от всех излишне любопытствующих, кто мог бы попасть в зал суда и попытаться задать неудобные вопросы.

Я продолжал сбор материалов. Скоро я получил возможность убедиться в правильности одной шпионской истины: если тебе нужны секретные материалы, то не стоит сразу же лезть на чужую территорию, вскрывать там сейфы, делать фотокопии документов, лучше поискать эти данные в открытой печати. Вот, пожалуй, сборник статей “Атомные электрические станции” за 1982 год (четыре года до аварии). Исследования проводились на реакторах Чернобыльской АЭС. У реактора совершенно чётко прослеживается положительная обратная связь: когда в аварийном режиме в активную зону сбрасываются поглощающие стержни, то они должны моментально останавливать цепную реакцию, на самом же деле мощность реактора сначала резко повышалась, а уже потом он останавливался. На диаграммах это прекрасно видно по забросам давления в барабан-сепараторах реактора. Что это такое? Представьте себе, что вы едете за рулём автомобиля на большой скорости, и вдруг перед вами неожиданно возникает препятствие, которое нельзя объехать. Вы сильно бьёте по тормозам, а машина, вместо того чтобы остановиться, наоборот, резко набирает скорость. Вот и в Чернобыле реактор убило то, что должно было его защитить. И может ли этому быть разумное оправдание? Сомневаюсь.

И ведь что интересно: исследования были проведены, статья написана и издана, но до эксплуатационного персонала эту информацию никто не довёл! Получается, что ребята в ручном режиме крутили ручки управления реактора вслепую? Они даже не подозревали, что сидят на пороховой бочке?

Далее: произошёл срыв циркуляционных насосов. Это такое явление, когда насос крутится, жужжит, воеет, но воду не качает. Такое хоть и редко, но случается в любых гидравлических системах. В реакторе подобного срыва ни в коем случае допускать нельзя, иначе он останется без воды, а для него это верная смерть. Конструкторы обязаны были это предусмотреть.

Вот вам и вероятность разрыва корпуса реактора — одна миллионная доля. Тут вероятность достигла полновесной единицы.

Продолжим: ошибки обслуживающего персонала. Тут можно перечислять долго и нудно. Много чего было отключено, и реактор был загнан в такой режим, который даже не мог присниться его создателям в самом кошмарном сне. Но как он туда попал? У любого оператора на АЭС есть должностная инструкция, которую нарушать категорически запрещено. Так почему же были нарушены сразу несколько должностных инструкций? Дело в том, что при проведении научных экспериментов агрегаты, бывает, специально загоняют в нештатный режим, чтобы исследовать их поведение. А тут проводился эксперимент, пусть дурацкий, недодуманный, но всё равно эксперимент. Отсюда и такое странное отношение к должностным инструкциям.

Не хочу сейчас подробно разбирать аварию реактора: дело прошлое, и тот, кто ею интересовался, давно получил полную информацию из других источников. Просто попытаюсь коротко резюмировать, что погубило четвёртый реактор ЧАЭС:

- конструктивные недостатки;
- легкомысленное отношение эксплуатационного персонала к такой сложной технике, как ядерный реактор. Подобное отношение возникло у персонала после неоднократных заявлений учёных мужей, которые утверждали, что реактор — конструкция абсолютно безопасная, и взорвать его невозможно. Эксплуатация, что называется, страх потеряла. Отсюда и отключение многих систем защиты.

Много позже у меня и у моих коллег по работе в отделе надёжности появилась такая идея: а что если попробовать рассчитать вероятность аварии реактора с разрывом корпуса в ближайшем будущем? Все-таки прогнозированием мы занимались и кое-что в этом деле понимали. Хотелось составить

более или менее научный прогноз. Не такой, как у бабушки Ванги, которая предсказывала будущее человека по кусочку сахара, или как у Нострадамуса, который писал свои катрены, находясь в состоянии транса, да ещё и шифровал их такими ключами, что до сих пор их никто подобрать не может. Кое-какие научные методы прогнозирования мы знали, вычислительная техника у нас была, программы мы составлять умели. А вдруг получится! Тем более что нас никто не заставлял это делать — мы занялись этим из простого любопытства. Когда взялись за проблему всерьёз, поняли, что это чистой воды профанация, если не сказать — шарлатанство. Там одних параметров, которые было необходимо учитывать, набралось несколько страниц. А некоторые из них мы даже не знали, как просчитывать. В общем, несколько раз мы бросали эту безнадёжную затею. В конце концов, мы подняли руки вверх и решили просчитать вероятность по самому упрощённому варианту. Многие параметры в нём просто не учитывались. Однако прогноз получился всё равно неутешительный. Получалось, что вопреки заявлениям учёных о том, что авария в Чернобыле — событие из ряда вон выходящее, и на неё ориентироваться не стоит, и что аварий с разрывом корпуса больше не будет, вероятность такого развития событий всё-таки была. По нашим расчётам получалось, что такая авария до конца двадцатого века должна произойти, как минимум, одна. Причём, обязательно в нашей стране. Мы прекрасно понимали, что точность нашего расчёта — лапоть туда, лапоть сюда, поэтому особенно его не афишировали — никому ведь не хочется быть посмешищем! — но неприятный осадок в душе остался: авария всё-таки могла произойти. Только двадцатый век закончился, слава богу, без катаклизмов. Всё стало забываться. Да и кому нужен был такой дилетантский расчёт?

Как видите, точность нашего расчёта и в самом деле оказалась очень низкой. Почти на одиннадцать лет мы ошиблись.

Теперь, когда прошло столько лет, я понимаю, что напрасно мы свои расчёты забросили. Нужно было попытаться их продолжить хотя бы по той причине, что даже по нашим весьма нестрогим прикидкам в первой половине двадцать первого века может произойти целая серия аварий с разрывом корпуса реактора. Почему? Да потому что средний срок службы реактора АЭС — тридцать лет. Он вырабатывает свой ресурс, и его нужно выводить из эксплуатации и демонтировать. Но как? Технология ведь не разработана. А при эксплуатации изношенной техники обязательно жди приключений. К сожалению, для продолжения расчётов у нас элементарно не хватало знаний. Мы же инженеры-механики, а не физики-ядерщики. Одно утешало: по слухам, американцы тоже пытались произвести подобные расчёты, и у них ничего не получилось, хотя они тоже не исключали серии взрывов. Можно, конечно, сказать: для получения добротных результатов нужно свои знания совершенствовать или хотя бы подключить физиков-ядерщиков. Мы пробовали вариант с физиками. Однако скоро поняли, что подключить к этому делу физиков-ядерщиков — это всё равно, что попросить директора продовольственного универсама написать заключение о качестве продаваемых им продуктов. Ясно, что он там напишет.

Как бы то ни было, но мы никак не могли предположить, что следующая авария произойдет в Японии.

Что погубило Фукусиму? Тут совсем другая история. Весь мир знает о японской дисциплине, ответственности, японском качестве и качестве японской техники. Здесь нет места российскому разгильдяйству и наплевательскому отношению к должностным инструкциям. Тем не менее, станция взорвалась, и повреждённым оказался не один блок, как в Чернобыле, а сразу четыре. Есть, конечно, тому объективные причины: землетрясение и цунами, из-за чего вышла из строя аварийная система электропитания. Все правильно. Но... Японцы разве не знали, что у них землетрясения бывают? Знали. Так постройте такую станцию, чтобы землетрясение выдержала, или вообще не стройте. Землетрясение станция выдержала, а вот аварийные дизели цунами утопила. Так не стройте АЭС прямо на побережье, или хотя бы аварийные дизели выносите куда-нибудь на горку, чтобы их вода не достала. Что тут ещё можно сказать? СССР в своё время в МАГАТЭ доклад сделал об аварии на ЧАЭС, а вот японцы что-то молчат.

Вообще говоря, когда смотришь на карту Японии и на местность, где расположены их АЭС, первая мысль, которая приходит в голову, такая: почему

же японские атомщики так не любят свою страну? Вторая мысль: главный урок истории в том, что она никого ничему не учит. В Японии АЭС построены почему-то целыми комплексами и почему-то на побережье. А ведь самая высокая зафиксированная волна цунами в Японии была около 30 метров. Да какая же АЭС такое выдержит? Комплекс АЭС выстроен на побережье на участке длиной 50–70 километров, и находится там то ли 14, то ли 16 реакторов. В среднем – примерно один реактор на пять километров. Тут тяжело промахнуться, если их будет цунами заливать. А в шестидесяти километрах от этого комплекса АЭС расположен город Киото с населением 1,5 млн человек, в 75 км – Кобе с примерно таким же населением, в 100 км – Осака, 2,6 млн человек. А уж сколько там маленьких городков и городишек – не сосчитать.

Господи! Так почему же Чернобыльский реактор никого не научил, что и сто километров для него – не расстояние?

Впрочем, кое-какое логическое объяснение тому факту, что все АЭС в Японии построены на побережье, всё-таки есть. Только логика в этом объяснении, по человеческим меркам, совершенно неприемлема. В Японии АЭС принадлежат не государству, а частным фирмам. Что для частной фирмы самое главное? Святая святых – это прибыль. А один из способов её получения – снижение расходов любым способом. На АЭС для охлаждения конденсаторов энергоблоков требуется огромное количество холодной воды, для этой цели на станции строятся специальные пруды-охладители и градирни. А это очень дорогое удовольствие. Гораздо дешевле получается, если пользоваться холодной водой прямо из океана или из моря. Вот в Японии все АЭС и выползли, как дикие звери на водопой, на побережье, поближе к дармовой холодной водичке. А о том, что на порядок увеличивается опасность АЭС, никто и не подумал. Может, конечно, и подумал, но ему вслух мысль эту высказать не дали.

Интересно, почему МАГАТЭ, которое очень любит выступать в роли *истины в последней инстанции*, не подсказало Японии, что строительство подобных комплексов АЭС смертельно опасно для страны?

Я, как и любой сознательный житель планеты Земля, к такой организации, как МАГАТЭ, всегда относился с должным уважением. Но тут мне стало интересно: что это за агентство такое, чем оно занимается и на какие деньги существует, раз уж само ничего не производит? Оказалось, что МАГАТЭ относится к ООН, а его штаб-квартира находится в Австрии, в стране, в которой нет ни одной АЭС. Осуществляет надзорные функции за всеми АЭС в мире, следит за строгим выполнением договора о нераспространении ядерного оружия, устанавливает вместе с Всемирной Организацией Здравоохранения допустимые нормы облучения, в общем, занято общественно полезным делом. И тут я случайно наткнулся на поразительную информацию. Оказывается, в 1976 году в северо-восточной части Атлантического океана в специальных контейнерах с разрешения МАГАТЭ было затоплено почти 40 тысяч тонн радиоактивных отходов низкой и средней активности. Это что же, ядерный мусорник на дне океана? И где?! Там где Гольфстрим протекает?!

Нам частенько по телевидению показывают сюжеты, в которых киты на берег выбрасываются. Люди пытаются их спасти и оттаскивают китов назад в море, на глубину. И никто не может понять, почему эти огромные морские млекопитающие на сушу лезут. Надо полагать, не от хорошей жизни. Может быть, в океане такие безобразия творятся, что киты хотят от них на суше спрятаться. Хотят, наверно, хоть какое-то время на песочке спокойно полежать, свежим воздухом подышать, а не бултыхаться в отравленной воде. Но ничего у них не получается – гибнут, бедолаги. Жалко их. Я понимаю, конечно, что с обывательской точки зрения было бы гораздо страшнее, если бы на берег выбросились не киты, а минтай с воблой. Это нам гораздо ближе и понятнее. Так вот знайте, что на сейнерах, промысляющих рыбу в северных морях, первым к улову подходит дозиметрист со своими приборами. Ой, как не зря он подходит: бывает, что после этого весь улов отправляют за борт.

До этого самыми варварскими захоронениями я считал могильники химического оружия на дне Балтийского моря. После окончания Второй мировой войны всё химическое оружие Третьего рейха было погружено на старые корабли и баржи, которые потом затопили в Балтийском море. Причём затопили настолько бестолково, что нет даже точных координат мест его захоронения. Ни о каком мониторинге тут, естественно, и речи быть не может. Теперь

все сидят и ждут, когда бочки проржавеют, и всякий там иприт начнёт растворяться в морской воде.

А как “Газпром” радовался, что при прокладке по дну моря трубы “Северного потока” ни одного могильника не потревожили!

А теперь что? На дне океана есть разрешённые ядерные могильники?

Но и это ещё далеко не всё. На всякой АЭС есть высокая полосатая труба. Казалось бы, зачем она, если на станции ничего не горит, и дым из неё не идёт? Так вот, в эту трубу направляют официально разрешённые так называемые лицензионные выбросы. А в этих выбросах присутствует и криптон-85, и йод-131, и цезий-137... да там много чего есть. Нормы очень жёсткие, и установлены они МАГАТЭ. Но!.. Сейчас на Земле действуют (мне не удалось добыть точных данных) примерно 450–500 реакторов. По установленным нормам за 25 лет эксплуатации они имеют полное право выбросить в окружающую среду одного только цезия-137 в 16 раз больше, чем это было при аварии на ЧАЭС.

Так чем же тогда МАГАТЭ занимается? Получается, что эта организация не человечество от радиации защищает, а лоббирует интересы атомщиков? Это примерно то же, что ОТК на заводе. ОТК может шуметь, кричать, громогласно возмущаться низким качеством продукции, но полностью остановить производство не может, потому что зарплату получает из той же заводской кассы. А не будет продукции – не будет и денег.

Интересно, а от чего вреда больше: от Чернобыля или от Фукусимы?

В Чернобыле большая часть топлива и радиоактивного графита при взрыве вылетела из реактора наружу. Потом радиоактивные обломки собрали. Причём собирали, в основном, солдатики срочной службы почти что голыми руками: совковыми лопатами грузили их на тачки. Обломки захоронили, потом над блоком построили саркофаг. Все – проблема была решена. Единственное, что придётся сделать в будущем, – это новый саркофаг построить. Строительство его уже начали. Это будет огромное железобетонное сооружение, рассчитанное на сотни лет, примерно такое же, как египетские пирамиды, только внутри будет не мумия, а аварийный блок.

А на Фукусиме? Топливо расплавилось и осталось в реакторах, просто так его оттуда не достать. Цепная реакция хоть и приостановлена, но идёт, значит, бетонировать реакторы нельзя. Единственный выход – охладить активную зону. Но как? Реакторы повреждены и текут, значит, радиоактивная вода будет выходить наружу. Остаётся что? Вскрывать реактор и доставать оттуда топливо. Кто это будет делать? Человека туда не пошлешь. Роботы? При таких уровнях радиации электроника отказывает. Впрочем, японцы на то они и японцы, я думаю, сообразят, как сделать робота, в котором нет электроники, а есть, допустим, одна гидравлика. Нам же только остаётся наблюдать за процессом по телевидению и молить Бога, чтобы всё прошло благополучно, без новых взрывов. История с ликвидацией последствий аварии там только начинается, и говорить о каких-либо цифрах ущерба ещё рано.

Я привёл только два примера: Чернобыль – где авария произошла из-за конструктивных недостатков реактора и безалаберности обслуживающего персонала, и Фукусима – где люди не готовы были противостоять природным катаклизмам. Интересно, а какой будет причина следующего взрыва? Я мог бы привести ещё несколько примеров, там причиной аварии были и отказы техники, и человеческий фактор, но не стану. По-моему, и так ясно, что АЭС чрезвычайно опасна для той страны, где она находится.

Взять, к примеру, Францию. Там 70 процентов электроэнергии вырабатывается атомными электростанциями. Вся страна буквально ими заминирована. А ведь любой достаточно грамотный инженер-энергетик может предложить несколько способов, как любую АЭС “посадить на ноль” или вообще взорвать. Для этого никакой взрывчатки не требуется, всё, что может взорваться, уже есть на самой станции. В том же Чернобыле сам реактор, сколько мог, сопротивлялся бестолковым действиям обслуживающего персонала и долго взрываться не хотел. Но что может реактор противопоставить грамотным манипуляциям, направленным на его взрыв? Практически ничего. Он сконструирован так, что просто обязан подчиняться людям.

Интересно, как французам живётся на такой – даже не на пороховой – на ядерной бочке? По-моему, им со всеми дружить надо и за мир активно бороться, а они почему-то, наоборот, во всякие военные конфликты вместе

с НАТО лезут. Арабов задирают. Они непоколебимо уверены в том, что на своей территории находятся в абсолютной безопасности? Они считают, что их АЭС находятся под такой надёжной охраной, что туда ни один террорист не попадёт? А вот тут совсем недавно в СМИ промелькнула информация о том, что активисты “Партии зелёных” решили несанкционированно проникнуть сразу на семь французских АЭС. И что же вы думаете? На пять проникли, только на двух их задержали. А ведь это всего-навсего активисты, и что тогда можно сказать о профессионалах? Но это так, к слову.

Вернёмся в Россию. Откройте географическую карту и найдите на ней город Тверь. А недалеко от Твери находится небольшой городишко, который называется Удомля. Он стоит в непримечательной местности, обозначенной на карте зелёным цветом. А поверх этой зелени видны маленькие синие чёрточки – так на карте показывают болота. И как эти топи под землей между собой соединяются, даже сам Господь Бог не знает – не Он их создавал, это чёрта работа. Течёт водичка из болот в Волхов, а оттуда – в Ладожское озеро и, соответственно, в Неву, через Санкт-Петербург, и в Волгу, то есть по всей России, что-то и Москве достаётся. В общем, стоит городок Удомля на водоразделе. И стоит в этом городе Удомлинская АЭС. По чьему указанию её туда воткнули – теперь уж не узнаешь. И есть у меня на той станции хороший знакомый, который, когда мы были студентами, в строительном отряде на этой станции бетон укладывал, а сейчас на ней же начальником энергоблока работает. И рассказывал он мне вещи совершенно удивительные. До того, как АЭС строить, их стройотряд в деревне колхозный свинарник соорудил, так там бетон был гораздо лучше, чем на АЭС. Да это и понятно. Бетон очень хорош, когда в нём достаточное количество цемента имеется. В колхозе был хозяин – председатель, и он строго следил за тем, чтобы его никто не обманул. А на АЭС что с бетонного завода поступало? Кто раствор контролировал? В общем, трещит сейчас бетон, да и фундаменты уже перекашиваются. Ремонтировать всё приходится часто, но работать можно. Как насчёт аварий? Всякое бывало. По такому случаю работники станции уже присвоили своему городу новое ласковое название – Чудомля. Вот так-то.

Пора, кажется, сказать несколько слов ещё об одной немаловажной проблеме – проблеме утилизации и захоронения отработанного ядерного топлива. Когда в активную зону реактора загружают свежие топливные сборки, они абсолютно безопасны для человека. Достают же из реактора вещество радиоактивное, смертельно опасное для человека. Раньше, когда военным было нужно большое количество плутония-239 для создания бомб, отработанное ядерное топливо было ценным сырьём. Теперь же бомб произведено столько, что плутоний девать стало просто некуда. Была попытка использовать его в качестве топлива в специальных реакторах-бридерах на быстрых нейтронах, но она провалилась. Во всём мире реакторы получились настолько сложными и ненадёжными, что они больше стояли, чем работали. За рубежом сейчас не работает ни один подобный реактор, у нас из четырёх запущенных работает только один, да и тот через пень-колоду. Так что отработанное ядерное топливо – смертельно опасный для человека мусор. Куда его девать? На любой АЭС есть хранилище отработанного ядерного топлива. Там в специальных резервуарах, охлаждаемых водой, отработанное топливо выдерживается очень длительный период до той поры, когда его можно будет транспортировать на завод по переработке и последующего захоронения. Вот тут и начинается самое интересное. На Западе на железную дорогу выходят не только активисты “Партии зелёных”, но и беспартийные граждане. Они ложатся на рельсы и не дают проехать составу. Никто не хочет, чтобы в их стране, рядом с их жилищами был радиоактивный могильник. Вспомните, как долго из Франции добирался в Германию такой состав, хотя езды там – всего на несколько перекуров.

У нас тоже есть отработанное ядерное топливо, и есть завод по его переработке. Завод называется “Маяк”, и находится он под Челябинском, в тех самых местах, где в 1957 году был взрыв на хранилище радиоактивных отходов. Не волнуйтесь, никаких государственных секретов в этих строках я не выдаю, так что можете читать смело. На этот завод свозится всё отработанное ядерное топливо со всех реакторов, созданных в Советском Союзе, и наших, и ставших теперь зарубежными. Справедливо? Да, справедливо. Сам разбудил монстра, сам его и успокой. Завод как завод. Получает одну продукцию, выдаёт другую. Получает отработанное ядерное топливо, выдаёт блоки, кото-

рые можно захоронить. Завод создан давно и предназначен для переработки отработанного ядерного топлива с энергетических реакторов и реакторов атомных подводных лодок. Его мощности уже явно недостаточно.

Вы когда-нибудь видели по телевизору, как на базах ВМФ стоят ряды атомных подводных лодок, на которых не наблюдается ни одного человека? Так это старые, отслужившие свой срок, списанные лодки. Они просто стоят и ждут своей очереди на утилизацию. В металлолом их сдавать нельзя, потому что ядерные реакторы хоть и заглушены, но остаются на борту. Такие лодки годами (а то и десятилетиями) ждут своей очереди. За ними, конечно, наблюдают, но насколько старательно? У нас за новым оборудованием толком уследить не могут, и кто же это станет тщательно надзирать за списанным старьём? Бывает, тонут эти старые калоши, и всякая жизнедеятельность на них прекращается, в том числе и охлаждение активной зоны реактора. Последствия объяснять? Таких лодок у нас набралось более сотни. Долго же им ждать придётся, потому что оборудование на заводе «Маяк» установлено ещё в советские времена и на 60 процентов изношено. И накопилось на территории завода отработанного ядерного топлива примерно Чернобылей на 20. С таким положением дел мириться, конечно же, нельзя, нужно менять на заводе оборудование, то есть – вкладывать деньги. А где их взять?

Есть пути! В Государственной Думе была предпринята попытка проведения закона (догадайтесь с одного раза, какая партия его лоббировала) о том, что Россия может перерабатывать и хоронить отработанное ядерное топливо, поступающее из-за рубежа. На этом деле нам предполагали зарабатывать до 20 миллиардов долларов в год, и часть денег вложить в оборудование завода. Хорошо, что закон прошёл не полностью. Сейчас завод из зарубежного топлива перерабатывает только то, что когда-то было произведено и вывезено из СССР. Составы с отработанным топливом уже пошли, а вот деньги до завода добираются с большим скрипом. И есть у меня нехорошее предчувствие, что на них будет не новое оборудование поставлено, а будут куплены виллы где-нибудь в Испании или Швейцарии, яхты, футбольные клубы, да мало ли на что людям своих денег не хватило и пришлось их взять без спроса у государства!

А ведь у такого завода, как «Маяк», деньги просто опасно воровать! Нельзя допустить, чтобы этот завод остановился. На одной планете ведь живём, а неподалеку от завода есть хранилище, где базируется практически весь запас оружейного урана и плутония России. Если всё это вместе с отходами рванёт, то и Европе мало не покажется. Куда там тому Чернобылю!

Завод и так всем нам нервы изрядно пощекотал. 15 февраля 2013 года на город Челябинск упал метеорит и наделал там множество бед. До завода «Маяк» он не долетел совсем чуть-чуть. А что было бы, если бы он упал на завод? Не берусь предсказывать последствия.

Так что же делать с современной атомной энергетикой? Что делать с заводами, которые специализируются на выпуске ядерных реакторов? С тем же Ижорским заводом? А завод «Атоммаш» вообще был градообразующим для города Волгодонска. Нужно отметить, что сталинская программа индустриализации стала мощным стимулом развития страны. Она получила такой мощный толчок вперёд, что долго не могла остановиться. Мы ту программу индустриализации ещё и при Брежневке выполняли. Все помнят, с какой перегрузкой работали старые заводы, как строились новые предприятия, электростанции, комбинаты, железные дороги. В запарке, правда, построили много лишнего, но с этим уж ничего не поделаешь. Процесс индустриализации сумел только Горбачёв остановить, когда взял курс на развал экономики и страны в целом. Что ж, придется эти заводы перепрофилировать, а их оборудование использовать (если оно, конечно, ещё не разворовано, как на многих наших заводах) для другого производства.

Каковы перспективы самих АЭС? Ведь нигде в мире до сих пор ещё не разобран и не захоронен ни один ядерный реактор. Никто не знает, что делать с миллионами тонн заражённого металла. Мне кажется, что хоронить ничего и не потребуется (по крайней мере, нам). По-моему, все современные АЭС ждёт участь паровозов. Человечество нашло же в себе силы отказаться от довольно совершенной по тем временам техники. Но паровозы разбирать не стали, их просто загнали в железнодорожные тупики и законсервировали. Случись какой-нибудь катаклизм, и паровозы в течение считанных дней смогут выйти на железнодорожные линии. Так, наверное, придётся поступить

и с АЭС. Вывести их из эксплуатации, заглушить реакторы и оставить станции в режиме ожидания, чтобы в любой момент их можно было запустить (разумеется, только те, которые ещё не выработали свой ресурс). Только скажут ли нам спасибо благодарные потомки, которым достанется этот радиоактивный подарок? Впрочем, они, надеюсь, умнее нас будут, ну, ругнут в душе безответственных предков и придумают, что же со всем этим делать.

Но не сто́ит уповать только на мудрость наших потомков. И в современном мире есть светлые головы, которые в состоянии предложить очень даже неглупые решения проблемы. Например: АЭС *Fort St. Vrain* в Колорадо была переведена на ископаемое топливо – природный газ – после того, как у них начались проблемы с ядерным реактором. После реконструкции станция вырабатывает вдвое больше энергии, намного эффективнее и дешевле, и без радиоактивных выбросов.

Такая реконструкция может быть проведена на любой АЭС за небольшую часть стоимости (20–30%) строительства новой станции. Могут быть использованы земля, турбины, градирни, генераторы и трансформаторное оборудование.

До этого была переведена на газ АЭС *Zimmer* в Цинциннати.

Вот бы нам хотя бы Удомлинскую АЭС на газ перевести!

Интересно, а как быть с АЭС, которые сейчас работают и которые никто и не собирается останавливать? Это далеко не праздный вопрос. Все знают об аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. Заметьте, вышла из строя одна из наших самых новых ГЭС, оборудованию которой было ещё работать и работать. Причина – некомпетентность, как заявили в наших СМИ. Пробормотали что-то такое невнятное о неверно сделанной программе, которую составляла какая-то фирма, не имеющая опыта эксплуатации ГЭС. Я, как ни старался, так ничего и не понял. Через некоторое время по телевидению показали сломанные детали, из-за которых произошла авария. Этими деталями оказались порванные анкерные болты. Я не поверил своим глазам. Анкерные болты изготавливаются с таким запасом прочности, что они чуть ли не тысячу лет работать могут! Порваться они могут лишь в двух случаях: или усталостные напряжения, или гидроудар огромной мощности. Об усталостных напряжениях тут речи явно быть не может – станция, можно сказать, ещё совсем новая. Значит, всё-таки гидроудар? Но это каким же нужно быть специалистом, чтобы допустить удар такой мощности? Да о гидроударе любой школьник знает, неужели программу запуска инженеры составляли?

Впрочем, техника сейчас усложняется, а требования к подготовке инженеров смягчаются.

Мне вспоминается одна история, которая произошла со мной, когда я ещё совсем молодым специалистом работал в Питере на “Невском заводе”. У моей хорошей знакомой – молодой девчонки – умер дед. Дед каким-то образом в наше время умудрился прожить почти до ста лет. Я его знал, поэтому помогал с похоронами. Помню хмурый осенний день, тоскливую обстановку на кладбище и небольшую кучку родственников и друзей. Какой-то тоже очень древний дед сказал короткую речь. Закончил он её такими словами: “Он был ещё Николаевским инженером”. При этом посмотрел на меня. Все знали, что я тоже инженер. Сказано, конечно, было очень хорошо, тут ни прибавить, ни убавить. Здесь не поспоришь: всем известно, какими академическими знаниями обладали царские инженеры, с какой ответственностью они подходили к своей работе, и насколько престижной была их специальность. Мы, инженеры советской выпечки, на их фоне выглядели довольно бледно.

Тем не менее, я считаю, что и нас готовили неплохо. Учебная нагрузка была очень большой, ибо преподаватели открытым текстом заявляли, что студент – это такая машина, которую перегрузить невозможно. С теми же, кто не справлялся с нагрузкой или ленился, поступали очень просто: безжалостно отчисляли. А там у бывшего студента были два года армии, где ему доводили такую мудрую мысль: лень есть страшный грех. После этого он с большими успехами продолжал обучение в вузе. Студентов не жалели, потому что знали – нас готовят к ответственной, серьёзной мужской работе в энергетике, там хлюпки не нужны. Нам предстояло иметь дело со сложнейшей опасной техникой. На тех же АЭС на некоторые должности слесарей назначают только людей с высшим образованием, ибо человек без образования там просто не справится.

Сейчас же в вузах появились платные факультеты. И, будьте уверены, если абитуриент поступил в институт, а папа с мамой за него деньги заплатили, то он с успехом закончит это учебное заведение, и в армию его не заберут. И диплом у него будет точно такой же, как и у всех остальных. Я как-то, любопытства ради, зашёл на такой платный дневной факультет. Меня поразило, что в самый разгар учебного дня на факультете преподавателей было больше, чем студентов. На мой удивленный вопрос: “Где же студенты? Почему они в школу не ходят?” — мне ответили, что к вопросу посещаемости здесь подходят очень либерально. Факультет платный, и многие студенты, чтобы оплатить своё обучение, где-нибудь подрабатывают, на это в институте смотрят сквозь пальцы. И что же получается? Ребята за деньги не только от армии откупались, но и от преподавателей, чтобы те не докучали им своими лекциями и практическими занятиями. Выходит, что и от знаний они тоже откупались, им только диплом и нужен. Закончит такой студент платный факультет, и пойдёт он работать куда-нибудь в офис и, хоть не шибко в технической грамоте силён, но будет составлять такие вот убийственные программы, от которых ГЭС рушатся. Так может быть, не стоит таких псевдоинженеров к серьёзной технике близко подпускать? Готовьте на коммерческой основе спецов для коммерческих структур, и пусть они своё “купи — продам” сами между собой решают, откатами занимаются и маржу делят. А техника, которая может взорваться, многих убить, покалечить, без воды, еды и света оставить, может быть, без них обойдётся?

Я уж не говорю о тех “специалистах”, которые свой диплом в переходе метро купили.

Мы же сами в нашей стране ещё в советские времена подняли планку научно-технического прогресса на очень большую высоту. Так почему же кто-то решил, что имеет моральное право эту планку опустить?

Перечитал сейчас последние абзацы о квалификации и некомпетентности современных технократов и понял, что пытаюсь сам себя убедить (а читателей, наверно, уже убедил) в том, чего на самом деле пока ещё нет. По крайней мере, нет в отношении Саяно-Шушенской ГЭС. У меня к этой ГЭС отношение особое. Я в студенческие времена на ней в составе строительного отряда бетон укладывал. Обидно сознавать, что другие сломали то, что ты своими руками строил. Видел я там и ребят из отдела эксплуатации — грамотных серьёзных мужиков. Ну, не могли они за это время так отупить, что стали бы запускать агрегаты по какой-то левой программе. Там же были инженеры ещё советской подготовки, и они прекрасно знали, что с такими давлениями и объёмами воды не шутят. Они сами открывали краны и задвижки на станции, так что же, им жизнь не дорога? Во всей этой истории явно нащупывался какой-то подводный камень, чувствовалась большая доля лжи. Не мог я удовлетвориться той информацией, которая прошла через СМИ, и стал разбираться. И разобрался...

Да, некомпетентность была, но чья!? История такова: на Красноярской ГЭС произошёл пожар, и станция остановилась, в регионе остро ощущался недостаток электроэнергии. Чтобы избежать дефицита энергии, сверху (откуда точно — не знаю) спустили приказ: запустить все агрегаты на Саяно-Шушенской ГЭС. Эксплуатационники пытались доказать, что второй агрегат трогать нельзя — на нём повышенный уровень вибрации. Но приказ был жёсткий: загрузить все машины... На агрегате отключили виброзащиту и запустили, как было велено. Вибрация на агрегате превысила все разумные и неразумные пределы (как потом оказалось, кавитация съела рабочее колесо турбины, а это не лечится — нужно просто менять колесо). На анкерные болты пошли запредельные нагрузки. Скорее всего, наступила так называемая малоцикловая усталость. Что это такое? Наглядный пример: если взять металлическую проволоку, один конец её закрепить, а другой перемещать туда-сюда, то проволока будет только пружинить. Но если проволоку несколько раз согнуть и разогнуть в одном месте, то она там переломится. Это и есть малоцикловая усталость. А когда наступит разрушение — никто сказать не может, потому что ни у нас, ни за рубежом этой проблемой толком никто не занимается. На агрегате анкерные болты просто сломались. Агрегат выбило, как пробку из бутылки, он подлетел в воздух, а в образовавшуюся дыру хлынула вода под огромным давлением, она быстро заполнила весь машинный зал. А дальше авария развивалась по принципу домино.

Так почему же такое стало возможным и только ли техническая это проблема? В старые времена, когда существовало РАО ЕЭС, я бы сказал, что это проблема чисто техническая. Неисправный агрегат никто бы просто не позволил запустить. А сейчас? С естественной монополией покончено, вместо неё появилось множество мелких компаний и *компашек*. Компании генерирующие, компании транспортирующие, диспетчерские компании, компании ремонтные, *компашки* подметающие, землекопающие, строящие заборы, сгребаящие снег и опавшие листья. Это хорошо или плохо? Я не знаю, я не экономист и не политик. Зачем это сделали? Тут все понятно. РАО ЕЭС была такой огромной компанией, что её ни один приватизатор сразу проглотить не мог, а эту мелочовку – ешьте на здоровье. Может быть, со временем всё как-то утрясётся, нормально заработает, а сейчас в энергетике царит организационный бедлам, все эти *фирмочки* со своими функциями справиться не могут. Слышали ли вы в советские времена, чтобы происходили веерные отключения электроэнергии? Сейчас это происходит сплошь и рядом. А когда огромные деньги из энергетике в оффшорные зоны переводили? Запускать же неисправный агрегат в старые времена даже сумасшедший не рискнул бы.

Мы все, конечно, прекрасно понимаем, что сейчас не советские времена. К власти пришли совсем другие люди, и они переделывают страну по-своему. Они принимают новые законы, какая-то часть из них обеществу очень нравится, другая вызывает сильное раздражение. Сейчас власти поставили перед собой задачу: сделать так, чтобы государство как можно меньше управляло экономикой, а ещё лучше – чтобы оно вообще ушло из экономики. Тут всё ясно. И мы не удивляемся, когда у нового, ещё не обкатанного закона неожиданно обнаруживается побочный эффект. Так что мы уж как-то привыкли к тому, что, скажем, километр дороги на третьем транспортном кольце у нас в Москве стоит дороже, чем километр адронного коллайдера в Церне. Мы даже понимаем ситуацию, когда отменяют ГОСТы. И когда госприемку отменили, и наши предприятия по количеству выпускаемой халтуры чуть было Китай не обогнали, мы тоже всё прекрасно поняли.

Но... Господа! Давайте уж будем придерживаться каких-то разумных пределов, за которые заходите смертельно опасно. Иначе у нас так и будут самолёты падать, шахты рушиться, суда тонуть, АЭС и газопроводы взрываться, а космические аппараты вместо того, чтобы на Фобос лететь или обеспечивать Россию цифровым телевидением и интернетом, будут в Тихий океан нырять. У нас, кстати, есть ещё химические и металлургические комбинаты, они тоже немало бед могут натворить. Нельзя допускать, чтобы на них нарушались основные правила техники безопасности и не соблюдались технологические процессы. Так что без жёстких контролирующих государственных органов тут никак не обойтись. Может быть, оставим их жить?

Предвижу возражение: контролирующие органы – самая благодатная почва для взращивания и процветания всякого вида коррупции. И все с этим согласятся. К такой мысли нас приучило поведение ГАИшников, пожарных и санитарных инспекторов. Тут без взятки никак нельзя! Так вот, я с полной ответственностью заявляю, что это чушь! Коррупция в контролирующих органах есть результат неумения или нежелания правильно организовать их работу. Был же период в нашей истории, когда контролирующие органы существовали, а коррупция в них отсутствовала. Все сразу же вспомнят сталинские времена и схватятся за сердце. Да, там действительно, органов было много, а коррупции – никакой.

Но то в сталинские времена! А что нам сегодня делать? Есть современные методы. Я имею в виду госприемку. Кто-то может злорадно хихикнуть, когда прочтёт это слово, но я смеяться не стану, потому что проработал в госприемке “Невского завода” с момента её создания и до самой её ликвидации. Не стану нахваливать эту работу, просто вспомню тот положительный опыт, который она принесла. Во-первых, при её создании был сделан один очень умный ход. Я не буду говорить о квалификации, потому что при приёме на работу признавалась только одна – высшая. А вот зарплату нам положили раза в 1,5–2 бóльшую, чем заводским работникам. И это сразу же отделило нас от заводчан. Нас не любили уже за одну эту нашу высокую зарплату. Не любили нас и за то, что мы ни под каким видом заводской брак не пропускали и могли в любой момент производство остановить. Так что о какой-либо дружбе и взаимопонимании и речи не было. Мы следили за производством, а произ-

водственники следили за нами. Не дай Бог кому-нибудь из нас оступиться! Появлялись сразу три заявления, написанные какими-нибудь доброжелателями (как правило, опытными, заслуженными производственниками). Одно заявление писалось в Госстандарт, которому мы подчинялись, другое — в райком, а то и горком партии, третье — в прокуратуру. Так что ни о каких взятках никто и не помышлял. Главное было — не ошибиться, если ты хоть немного своей работой дорожишь. А мы ею дорожили. Государство от этого только выигрывало, потому что завод выпускал не табуретки, а дорогое высокотехнологичное энергетическое оборудование. Исправлять заводские дефекты где-нибудь на станции было бы слишком накладно, а уж восстанавливать станцию после аварии, да ещё и с человеческими жертвами. . .

Работать в таких условиях было, конечно, неудобно. Но нужно уметь разделять домашний уют и серьёзную работу, коли ты впрягся в такое дело. Контролирующие органы никогда ничьей любовью не пользовались, да в ней и не нуждались. А в коррупционный орган мы не могли превратиться ещё и потому, что через какое-то время нас должны были перевести на другой завод, а на наше место пришли бы другие люди. Жаль, конечно, что Ельцин одним росчерком пера ликвидировал столь полезное начинание. Да что с популиста возьмёшь, он же не о государстве заботится, а о собственной власти. . .

Мне, конечно, могут возразить: не стоит, мол, возвращать времена, когда друг на друга заявления писали. Но, во-первых, сейчас заявлений пишется ничуть не меньше, а во-вторых, — не нравится наш опыт, давайте использовать зарубежный. В странах с хорошо развитой рыночной экономикой, к примеру, в США и Германии, действуют государственные контролирующие органы. И их там не любят так же, как и у нас. Только они там серьёзно работают, и никто не собирается их ликвидировать. Там уже поняли, что рынок далеко не все вопросы решить может. В США, например, какой-нибудь инспектор по охране окружающей среды называется федеральным агентом, и прав у него ничуть не меньше, чем у шерифа. Но и ответственность у него такая, что не каждый эту работу потянет. Он даже мысленно не допускает возможности нарушить закон. Если он всё же закон нарушит, то куда там Сталину с его двадцатью пятью годами без права переписки! В Америке можно по принципу сложения наказаний и 125 лет заработать, правда, право переписки и телефонных звонков оставят. Вот такие вот рыночные отношения!

И пусть кто-нибудь попробует объяснить мне, на какое место рынок определил Саяно-Шушенскую ГЭС? И мог ли обслуживающий персонал станции не подчиниться приказу и не запустить неисправный агрегат? Теоретически — мог, практически — нет. Сразу же последовали бы увольнения. Незавидна судьба человека, которого уволят с такой ГЭС. В радиусе тысячи километров он работы по специальности не найдёт. А на станции у него семья, квартира, какая-нибудь дачка. . . Вот и понадеялись, что беда стороной пройдёт, но она не прошла. Мне же интересно было бы узнать, как поживает тот человек, который отдавал этот приказ. В том, что он жив и здоров, я не сомневаюсь, — он же не стоял рядом с умирающим агрегатом! Его приказ выполняли другие люди. Ему по ночам жертвы катастрофы не снятся?

Но вернёмся к АЭС. Доверие к ним во всём мире сильно подорвано. Да и в своём техническом развитии они, похоже, достигли своего потолка. Дальше их совершенствовать просто некуда, как наши НИИ ни стараются. Не будет прока от этих атомных бомб замедленного действия, дающих побочный продукт — электричество.

В Японии сейчас поднялась активная волна протестов против использования атомной энергии. Это в стране, в которой 30 процентов электроэнергии вырабатывается АЭС. В Японии 54 реактора, тем не менее, их требуют остановить, несмотря на намечающийся энергетический голод. Тут всё понятно. Несчастных японцев сначала проверил на жизнестойкость военный атом, теперь им показал свой звериный оскал мирный. С чего бы им после этого атом любить?

Мне тут как-то на глаза попались очень интересные цифры из американских расчётов. Американцы вообще большие любители посчитать! Иногда их расчёты очень занимательны. Так вот, они прикинули последствия гипотетической крупной аварии одного из блоков на действующих АЭС США. Висо одного блока на работающей станции. Причём они не поленились и провели расчёты по всем станциям. И не постеснялись — выложили эти данные в от-

крытой печати. Не хочу утомлять всех огромным количеством цифр, приведу только один пример, но самый типичный. Итак, гипотетическая авария на одном блоке действующей АЭС Waterford-3. Число смертей – 384 тысячи человек. Число людей, заболевших не раковыми заболеваниями, – 279 тысяч. Люди, заболевшие раком, – 9 тысяч. Экономический ущерб – 131 миллиард долларов. Впечатляет?

Японцы тоже проводили подобные расчёты. Только, в отличие от американцев, они народ более скрытный – всё было засекречено. Сказали только, что если бы эти расчёты проводились заранее, то ни одной АЭС в Японии не построили бы. Если учесть плотность населения в Японии по сравнению с США, то можно примерно предположить, какие цифры получились у японцев.

Интересно, что же нам нужно, чтобы мы разлюбили ядерных монстров – АЭС современного поколения? Техника опаснейшая, изначально созданная для военных целей и лишь потом приспособленная для энергетики, к тому же, как выясняется, морально устаревшая. Не пора ли от неё избавляться и изобретать что-то новое?

И ещё одно небольшое добавление. Сейчас в интернет и СМИ стала просачиваться информация о том, что в районе аварийной японской АЭС рыбакам в сети стала попадаться радиоактивная рыба. Казалось бы, откуда ей взяться, если уровень радиации в океане вполне соответствует допустимым нормам МАГАТЭ? Уж не выдумка ли это или новая страшилка экологов? Да нет, всё правильно. Радиоактивны, в основном, изотопы тяжёлых металлов и их соли. А всё тяжёлое, как известно, в воде идёт на дно. Так что на поверхности океана радиации может и не быть, а вот на дне... Рыбка же ищет, где глубже. А на дне, кроме рыбы, есть ещё и подводные течения. Как же всё-таки мала наша родная планета Земля! Много ли потребуются времени подводным течениям, чтобы растащить радиоактивную грязь по всему Тихому океану? А в нашей стране используется много морепродуктов тихоокеанского происхождения. За японцев можно не волноваться, радиоактивная рыба к ним на стол не попадёт: контроль за качеством продуктов питания у них поставлен строго. А вот скажите, сколько раз в году разрешается проверять качество продуктов в универсаме, расположенном рядом с вашим домом, чтобы не помешать процветанию частного бизнеса? Два раза в год, один или ещё реже?

Знаете, а мне японцев все-таки хочется похвалить. Протестную волну против использования атомной энергии они не впусую поднимали. Сейчас в Японии остановлены все АЭС. Работает всего один реактор. Почему он до сих пор работает? Кто его знает, может быть, его просто остановить не могут. Все бы хорошо, вот только что они собираются делать с радиоактивными отходами? Проблема.

В конце каждой статьи принято приводить список литературы, которой пользовался автор. Мне не хотелось бы этого делать. Во-первых, эта статья не научная, а всего лишь малая часть книги, над которой я сейчас работаю. Во-вторых, источников слишком много. Не хочу я приводить и фамилии ребят, которые мне много интересного рассказали. Им ещё работать и работать в своих секретных НИИ. Но две книги я назову, их полезно было бы прочесть каждому, кто интересуется проблемой безопасности АЭС. Это “Чернобыльская тетрадь” Григория Медведева и “Горькая правда об атомной энергетике”, авторы Г. Ф. Лепин и И. Н. Смоляр.

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

заместитель главы ВРНС

РУССКОМУ СОБОРУ — 20 ЛЕТ

I

Да, Всемирному Русскому Народному Собору (ВРНС) уже 20 лет. С одной стороны, срок небольшой, а с другой стороны, если бы собор не возник, то до сих пор со стороны газет и журналов, подобных тогдашним “Известиям”, “Независимой газете”, “Коммерсанту”, “Огоньку”, “Московскому комсомольцу”, да и других так называемых СМИ так и несло бы: “Россия — тюрьма народов”, “патриотизм — последнее убежище негодяев”. До сих пор бы писали: “Эта страна”, — подразумевая и называя Россию нецивилизованной, отсталой, мракобесной страной, требуя изменить её национальный код. В начале и середине 90-х годов XX века восторжествовал необузданный, по сути, бандитский капитал, подчинённый иноземному, коварному, космополитическому мировому финансовому и политическому монстру.

Для олигархического капитала и его слуг в России национальному чувству не было места. Его сердце и душа переместились на Уолл-стрит, в банки Америки, Англии, Швейцарии, Тель-Авива, да ещё в офшоры Кипра и других подобных территорий. Страна осталась раздетой, разутой, обобранной в результате “демократических” реформ.

Слов нет, некоторые свободы она получила. Можно было проводить митинги, собрания, издавались газеты и журналы, которые, впрочем, скоро были прибраны к рукам теми же олигархами или их западными хозяевами. Стали говорить о необходимости свободы разных национальных объединений, народов и народностей.

Президент Ельцин со щедростью разгулявшегося купца провозгласил, обращаясь к национальным республикам и объединениям: “Берите суверенитета столько, сколько возьмёте”, — тем самым подталкивая их к отделению от России. Многие безответственные политики и деятели-говорюны и взяли. Страна трещала “по швам”. А ведь уже после 91-го года 25 (!) миллионов соотечественников осталось за пределами территории России. 25 миллионов — это ведь не сотня человек! Русский народ оказался раздёлённой нацией. Когда немцы разделились на два государства после второй мировой войны, то вся сердобольная западная печать стонала, говоря о несправедливости истории, хотя, если говорить откровенно, Англия, Франция и Америка потихоньку радовались ослаблению своего конкурента. Вьетнам с винтовкой, вернее, с автоматом Калашникова, переданным повстанцам Советским Союзом, объединил многомиллионный народ Севера и Юга страны. Горбачёв объединил Германию, получив за это звание “лучший немец”. А “лучшего русского” не нашлось... Беззастенчиво и бесцеремонно выгоняли, выжимали русских людей из Грозного и Кишинёва, Ташкента и Баку, Тувы и Казани.

Те, кто восстанавливал хозяйство этих земель, учил детей, утверждал передовую науку, в одночасье превратились в “окупантов”. Зазвучал лозунг: “Чемодан! Вокзал! Россия!” А ведь в своё время оттуда звучали призывы: “Создайте азбуку, научите грамоте. Постройте школы и вузы, создайте заводы”. Радостно потирали руки иноземные заводы. А местные начальники воссели в кресла, некогда занятые умными и преданными делу коллегами: русскими, украинцами, белорусами. Оставляя квартиры, нажитое добро, глотая слёзы обиды, они брали с собой тощие чемоданы и уезжали в Россию, где их встречали неохотно, ибо не ждали. Чиновник, который искал способ поживиться на горе страны, тянул с правом на гражданство, получением паспортов, ссуд на строительство. Россия трещала... Её били, обзывали, принуждали унижаться и, конечно, пытались расчленивать. СМИ захватили те же олигархи с выпестованным ещё в советское время псевдоинтеллигентным планктоном, способным восхитаться только американским, западным образом жизни и с презрением относиться к многовековым традициям и культуре русского народа. Это была “подножная” интеллигенция. Её подкармливали, возвышали, отдали ей на откуп телевидение, с её помощью меняли образ жизни и мысли русских людей. Так, с помощью олигарха Березовского, тогда фактического властелина страны, в одном из залов Большого театра вручалась стотысячная долларовая премия “Триумф” тем, кто отступал от уникальной русской культуры, её образа, её смысла. Текли премии из-за границы от разных фондов, а их было немало! Журналы “Новый мир” и “Знамя” жили на деньги Фонда американского воротилы Сороса. Народ, в основном, интеллигенция, дрогнул. Россию стали покидать изобретательные умы, энергичные люди. Чтобы сокрушить советскую власть, в 80-е годы на все лады повторяли, что после революции на “пароход умных” было посажено две тысячи философов, историков, социологов, политологов, инженеров, учёных и отправлено за границу. Это, конечно, печальный факт. Но вот, по некоторым данным, в 90-е годы за границу, на Запад уехало около двух миллионов специалистов! Советских, русских интеллигентов. А кому же думать о стране, изменять её – но не к худшему, а к лучшему, обустроивать, укреплять?

Внутри страны левые говорили: “Россия пропала, ей никогда не подняться”. Оптимисты с упорством повторяли: “Вот придёт новый Пётр I или Сталин – всё станет на свои места”. И лишь реалисты да православные люди призывали восстанавливать жизнь, строить её, опираясь на русскую культуру и Церковь. Часто повторяли крестьянскую поговорку: “Умирать собрался, а рожь сей”. Страна действительно лежала в руинах, погибала промышленность, добывали сельское хозяйство, но главное – убивали дух народа, создательный, неистовый в борьбе и в труде дух. Тот загадочный и извечный “русский дух”, который всегда восстанавливал Россию. В нём была Вера, утверждавшая Русскую Православную Церковь, и общинное сознание, веками хранившее духовные ценности народа.

Конечно, дерусификация проводилась всегда: и в годы советской власти, и в дореволюционное время, когда с имперских университетских кафедр неслись проклятия царской власти и “этой стране”. Но в 90-е годы она достигла апогея. Из школ изгонялась русская классика, герои великих драматургов на подмостках театров превращались в акробатов, жонглёров, завсегдаев “улиц красных фонарей”. Театр перестал быть русским, за ним следовали школы, библиотеки, клубы. От полного упадка культуру спасали героические одиночки, неустанно говорившие о русском духе, русском деле, русском языке, русской школе, русской культуре, Русской Вере. Нельзя не вспомнить здесь И. Глазунова, В. Солоухина, И. Шафаревича, Л. Бородину, существовал “Русский клуб” С. Семанова, А. Ланщикова, П. Палиевского, Д. Жукова, В. Кожинова, С. Небольсина и др., писали Ю. Лошиц, П. Паламарчук, С. Лыкошин, С. Куняев, А. Проханов, С. Викулов, была мастерская Ю. Селивёрстова. Но не было единения. Уже не было М. Шолохова. В загоне были Г. Свиридов, С. Бондарчук. Нужна была организация, общественная, сильная, массовая организация, сила, которая была бы направлена на защиту прав и места русского народа в своём государстве.

Помню первый “Русский собор” генерала Стерлигова. Откуда и как он взялся – это дело историков и спецслужб. Но мы все, русские патриоты, кинулись туда. Я был на первом и втором Соборах в Нижнем Новгороде. Была радость, а потом и тревога: о чём они? Те соборы напомнили мне одну сценку, ко-

торую рассказал тогда ещё бывший митрополитом Кирилл: “Вот видишь, женщины сидят во время трапезы. Обрати внимание – они все говорят одновременно, все задают друг другу вопросы и одновременно все друг друга не слушают”.

Да, Русский собор генерала Стерлигова напоминал такую группу женщин – на нём были монархисты, республиканцы, коммунисты, неофиты-священники, атеисты со стажем. И все они говорили непрестанно, задавали и задавали друг другу вопросы и, конечно, не слушали собеседников. Немудрено, что Собор развалился.

Но поиск продолжался. В киноконцертном зале “Россия” проходил **I Русский Конгресс**. Он породил новые надежды. На его открытие собрались сотни людей. Его организовали довольно авторитетные силы, которые возглавлял Сергей Бабурин (РОС), Виктор Аксютц (Христианская партия) и Виктор Астафьев (партия кадетов). В зале сидели солидные созерцатели, вдоль рядов ходили подвыпившие казаки. Были и завсегдатаи политических митингов, своеобразные старинные новгородские мужики-крикуны или, как их называли раньше, “горлопаны”, восторженные юнцы и испуганные старушки. Я заметил (ну как же им не быть на русском собрании!) и наблюдателей. Галина Старовойтова что-то лихорадочно записывала, настороженно следил за ходом Конгресса бывший работник ЦК партии, будущий посол новой власти в Израиле Бовин. Видимо, они делали свои выводы о том, сколь сильна эта нарождающаяся сила. Но сила ни тогда, ни в ближайшие дни не народилась: уж очень разные там были люди. *Всё-таки коня и трепетную лань, лебедя, рака да щуку в одну повозку не запрячь. Да и кучера не было.*

Однажды вечером мой сосед по дому, писатель Олег Васильевич Волков, слегка грассируя, сказал: “Неладно на Руси, не объединяется народ”. Волков был потомком адмирала Лазарева, патриотом России. А мне перед этим бывший комсомолец, член немного мифического русского Конгресса Юра Луньков, зная, что я печатал О. Волкова и его “Погружение во тьму” и у меня хорошие с ним отношения, сказал: “А не поговоришь ли ты с ним, чтобы он возглавил комитет по созыву и созданию Русского Собора”. Так мы с Олегом Васильевичем оказались на первых, неопределённых ещё по задачам собраниях, посвященных созданию русской организации. Уже становилось ясно, что на общественную арену выходит Русская Православная Церковь. На первом заседании оказалось, что мозгом и мотором нарождающейся организации стал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Я думаю, что в Патриархии давно искали, помимо церковных структур, опору в массовой общественной организации. Без особых споров с нашей стороны решено было собрать I съезд русских. Потом стало ясно, что надо назвать его I Всемирный Русский Народный Собор. Слово “всемирный” устанавливало связь с эмиграцией в дальнем зарубежье и протягивало руку соотечественникам в странах ближнего зарубежья.

К сожалению, Олег Васильевич Волков, замечательный писатель, отсидевший в лагерях и ссылках 29 лет, не утративший любви к России, в этот момент отошёл от движения. Возраст его был близок к 90 годам.

I Соборный съезд состоялся. Заседание проходило в Даниловом монастыре, в Патриарших палатах. Митрополит Кирилл посетил все секции, внимательно слушал, общался с его участниками, сделал доклад. Соучредителями съезда стали отдел международных сношений Русской Православной Церкви, Земское движение, “Роман-журнал” (я был там главным редактором), объединение “Белая Русь”, Русский Конгресс, Русский университет и другие. Были выбраны пять сопредседателей – митрополит Кирилл, главный редактор “Роман-газеты”, писатель, профессор В. Ганичев, профессор Н. Нарочницкая, политолог Ю. Луньков, экономист и предприниматель О. Кольченко. Вот тогда и стал уже по-настоящему складываться Всемирный Русский Народный Собор. На первых заседаниях чувствовалась боль соотечественников, вставал вопрос о массовом воцерковлении, о защите русских людей, о культуре, традициях и сохранении святынь.

Многие из участников Собора ещё не понимали, куда они попали, пребывали сначала в митинговом экстазе, курили в Патриарших покоях, громко кричали, были невыдержанны и нетерпеливы.

Мы и, в первую очередь, митрополит Кирилл успокаивали, обсуждали спорные вопросы, выстраивали линию поведения и защиты. И самое главное, впервые с такой всероссийской трибуны прозвучали слова о решающей

роли русского народа, о национальном самосознании и национальной культуре, впервые было внятно сказано о “разделённой нации”. Обществу стало ясно, что без духовной силы Русской Православной Церкви воссоздания России не произойдёт.

Ошеломило многих заявление митрополита о том, что **универсализм Церкви** сыграл громадную роль в истории государства Российского. Он не изгонял интернационализм, а как бы растворял его в более вещественной категории. Стержнем и опорой принципа универсализма явилась воспитанная православием русская ментальность, которая пропитывала и скрепляла государство в единый организм. Стойкий, терпеливый, смиренный и жертвенный, одушевлённый высшим религиозным идеалом русский народ был способен вынести любой груз, в том числе и тяжесть менталитета ойкумены. “Вошедшая в поговорки загадка русской души – это загадка Российского государства”, – сказал митрополит Кирилл. Это, конечно, в условиях растерянности, раздоров в обществе, противостояния различных групп было нитью, канатом соединения и единения государства. Громко и явственно с общероссийской трибуны Свято-Данилова монастыря прозвучало в ответ на все внутренние и внешние беды: **“Для русских не остаётся никакого пути, кроме пути возрождения своего национального начала”**. А вслед за тем здоровый упреждающий голос Церкви: “Это возрождение по своей природе не может быть узко националистическим”. И здесь, в развитии русского национального начала, единственной силой, способной оплодотворить и реализовать русскую национальную идею – без того, чтобы навсегда погубить универсальную миссию нашего народа, – является Православная Церковь. С этого момента РПЦ явственно становится духовным лидером (каким она и была фактически на протяжении всей нашей истории).

Создание общественной организации русских состоялось. Именно **общественной организации**, как подчёркивала Церковь. Не церковной, не клерикальной – общественной.

Да, это был исторический момент. Его значение быстро осознали в Кремле и в Думе. Вот один пример: работу Собора завершал приём, в центре зала стоял Патриарх Алексий II, глаза его, как всегда, лучились: он был доволен результатом. Примчался сподвижник Ельцина, будущий замглавы правительства Шумейко. Власть, получив информацию, решила: надо быть! Мероприятие стоящее и, пожалуй, таких ещё не бывало. И после этого уже на каждом Соборе был премьер-министр или президент, звучали приветствия, которые они направляли в адрес Собора. Были и представители разных политических партий. На приёме ко мне подошёл Геннадий Зюганов, попросил представить его Патриарху. Я подвёл Зюганова и сказал: “Вот представитель партии КПРФ”. Патриарх улыбнулся: он, конечно, знал Зюганова, а тот сказал, что их партия тоже борется за мир и согласие, за возрождение России. Патриарх одобрил такую позицию и, к удивлению многих, благословил Геннадия Андреевича, который с тех пор присутствовал на всех пятнадцати Соборах.

На всю страну прозвучало заявление соборян: “Россия – мать русских, и наш святой долг – оказывать поддержку всем русским... Каждый русский должен знать, что Россия – его отчий дом, здесь его помнят, ему сострадают, ждут, всегда готовы принять под свою кровлю”.

I Собор имел главную задачу: собрать духовные силы русского народа, рассеянного по разным странам. В 90-е годы многие были ошеломлены невзгодами, неудачами, ушли в себя, на фоне разобщённости и взаимных обвинений появилось чувство одиночества и растерянности.

Надо было собрать мыслящие силы страны для её возрождения. Надо было вызвать из глубины веков опыт предков, не раз преодолевавших смуты. Поэтому первый Собор был посвящён Сергию Радонежскому и имел название **“Российская духовная мысль”**. Второй Собор свою повестку определил так: **“Через духовное обновление – к национальному возрождению”**, и она должна была выстроить и линию обсуждения вопросов и деятельности Собора.

II

Кто был нашим противником? Ну, ясно, что это русофобы всех мастей, и в нашей стране, и за рубежом. Это множество либеральных лидеров и их пресса. Это отпетые западники. Это многие “новые русские”, среди которых

было немало и старых евреев, и хапуг всех национальностей, то есть капитал, обобравший народ и всеми способами уводящий русские деньги за границу. Это напуганные многочисленными годами русофобии обыватели и администраторы, которых ещё советский агитпроп страдал жупелом шовинизма.

Присутствие Церкви в Соборе озадачило и напугало и русофобов-западников, и либеральных небескорыстных их вождей. Они хотели сделать Церковь своим сообщником в разрушении Советского Союза. Не вышло! Церковь понимала, что у русского народа должна быть своя держава – крепкая, независимая.

Тут и проявились истинные намерения врагов России, которые явственно высказал столп американской дипломатии и мировоззрения Бжезинский, коего возносила наша русофобская братия: “Главной опасностью после разрушения коммунизма является Русская Православная Церковь”. В то время либеральная верхушка ещё не решалась открыто нападать на Церковь. Это потом, после миллионных очередей к поясу Богородицы, были спущены на поводке бесноватые *Pussy Riot!* Но тем не менее, в прессе о первых двух Соборах высказывались недоброжелательно: “шовинизм”, “национализм”, “мракобесие”. Но Собор было уже не закрыть, не заглушить, не остановить. Русские люди увидели в нём опору и надежду, в первую очередь, потому, что стержнем его была Русская Православная Церковь.

Клика Березовского, Гусинского, Невзлина и других воротил, вообразивших себя полными хозяевами России, “просмотрела” Русский Народный Собор, не подсунила, не продвинула в его руководство своих людей, как они обычно поступали всегда в подобных случаях.

III

Кто был нашим союзником – основой Собора, кто поддерживал нас?

Конечно, Собор опирался на массы русских и нерусских людей, особенно важно было привлечь людей мысли, культуры, умственного труда – то были мировоззренческие стержни Собора.

Жёсткие и непримиримые выступления писателя Валентина Распутина, восторженные речи первого лауреата премии Патриарха Владимира Крупина, будоражащие сознание заявления Ильи Глазунова, тонкие, рассчитанные на многоходовки выступления чемпиона мира по шахматам Анатолия Карпова, весомые и убедительные доклады ректора МГУ Виктора Садовниченко, духовное слово композитора Георгия Свиридова и дирижёра В. Федосеева придавали Собору мощное многоголосье.

Зал внимательно выслушивал людей разных воззрений. С уважением отнеслись и к представителям других религий. Так, верховный муфтий России Талгат Тайджуддин сказал на Соборе знаменитые слова: “Для мусульман Россия – это Святая Русь”.

Особое внимание, хотя часто и насторожённое, было проявлено к представителям власти. Своё уважение к Собору показал Президент России Владимир Владимирович Путин, выступив на одном из его заседаний. А руководители Думы и Совета Федерации были постоянными участниками и гостями Собора. Я бы сказал об особом отношении к Собору Л. В. Слизки, которая не раз выступала здесь с докладами, как и депутаты С. Попов от Омска, А. Гаврилов от Воронежа, Г. Ивлиев от Оренбурга и др.

Интересными были доклады Министра иностранных дел России Сергея Лаврова, постоянно участвовавшего в работе Собора.

Ну, и, конечно, стоит отметить участие представителей политических партий, некоторые из которых и слышать до поры до времени не хотели о каких-то русских проблемах.

Накануне 2000-летия Христианства в декабре 1999 года состоялся V Всемирный Собор с повесткой дня: “Вера. Народ. Власть”. Наверное, не было другой такой трибуны в стране, где бы выступили представители большинства политических партий, фракций и избирательных объединений. А на Всемирный Русский Народный Собор они пришли, хотя обстановка в стране была напряжённой. Получился очень представительный спектр различных политических мнений, многие группы именно здесь учились говорить и слушать оппонента. Это были представители крупнейших парламентских партий и движений: “Союз” (Н. Рыжков), “Наш дом – Россия” (В. Черномырдин), КПРФ

(Г. Зюганов), ЛДПР (В. Жириновский), “Отечество” (Ю. Лужков), “Женщины России” (А. Федулова), “Яблоко” (Г. Явлинский), “Российский общенародный союз” (С. Бабурин), “За гражданское достоинство” (Э. Панфилова), “Кедр” (А. Панфилов) и другие.

Не могу не сказать добрые слова о губернаторах, многие из которых понимали роль Всемирного Русского Народного Собора. Отделения Собора созданы в Волгограде (губернатор Н. Максютя), Белгороде (губернатор Е. Савченко, много внесший в дело служения России), Смоленске (где губернатор крестился, будучи взрослым человеком. Он сказал важные слова: “Наконец-то я заговорил языком собственного народа”).

Что касается духовный особ, то я хотел бы сердечно поблагодарить за содействие митрополита Саранского и Мордовского Варсонофия, много сделавшего для прославления Святого Праведного адмирала Фёдора Ушакова, митрополита Челябинского Феофана, митрополита Иннокентия, митрополита Калужского и Боровского Климента, выступавшего на многих соборных мероприятиях, митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла. Не могу не упомянуть о двух выдающихся пастырях – архимандрите Сретенского монастыря Тихоне и архимандрите Свято-Даниловского монастыря Алексии. Весь путь с Собором прошёл и отец Всеволод Чаплин.

Понятно, я называю лишь малую часть наших помощников и соборян.

IV

Какой Собор больше всего запомнился? Ну, честно говоря, каждый Собор по-своему значителен и важен. Но некоторые открывали новую важную страницу в истории не только ВРНС, но и в развитии общероссийских и даже мировых ситуаций.

Так, впечатление разорвавшейся бомбы в либеральных и прозападных кругах произвёл X Собор “Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке”, состоявшийся в 2006 году в Москве. Это был церковный и общероссийский ответ на “пугало прав человека”. Некоторые страны и политические круги в мире присвоили себе право судить людей и даже страны, не обращая внимания на их особенности и историю. И это право прикрывалось троянским конём “прав человека”.

“Православная традиция, – сказал на соборе митрополит Кирилл, – являющаяся культурообразующей для русской цивилизации, не может не ответить на этот вызов, иначе русский мир превратится в маргинальное явление в современном мире”.

Воздав должное провозглашённым правам человека в борьбе с безбожием, уничтожением и злом, митрополит Кирилл отметил, что концепцией прав человека часто прикрывается ложь, оскорбление религиозных и национальных чувств и попрание духовных ценностей, кроме того, в комплекс прав человека постепенно интегрируются идеи, не только противоречащие христианским, но и вообще моральным ценностям человечества. Всё это проблему прав человека трансформировало в проблему спасения человека.

Это был незабываемый доклад. Он был, с одной стороны, глубоко философский, мировоззренческий, *размыслительный*, призывающий к раздумью о судьбах человека и человечества, в то же время он был глубоко богословский, православный, со ссылками на Евангелие и другие священные книги.

Удивительная насыщенность мысли, высокий слог, образность и безусловные филологические достоинства отличали этот доклад. Ко мне после первого Собора подошёл восторженный соборянин и предложил: “Что, если мы выдвинем митрополита Кирилла Президентом страны?” Я был в недоумении и ответил: “Спросите сами у митрополита. Да, кроме того, Русская Православная Церковь не рекомендует священникам участвовать в выборах во властные органы страны”. – “А как же митрополит Макариос на Кипре?” – “Ну, это другая страна”.

Решения Собора получили поддержку не только в России, но и за её пределами. Почти из всех конституций стран Европы христианство, которое было колыбелью и творцом этих стран, изгнано. Страны Европы секуляризировались. Однополые браки – пожалуйста, гомосексуализм – пожалуйста, всякого рода проституция – пожалуйста, а вера, крест – ни за что! Это запрещалось якобы “правами человека”. Верующие, Церковь на Западе стали искать опору

в решениях Русского Собора, выступлениях Патриарха Алексия и митрополита Кирилла. Я выступал с докладом о роли литературы на конференции в Вене, которую организовали европейские католические и другие религиозные организации. Конференция носила удивительное, обращённое к обществу и властям название: **“Верните душу Европе!”** В докладах и сообщениях западных коллег звучали довольно резкие слова и заявления. Например, “Европа представляет собой колосс на тонких духовных ножках”, или “Мы кричим, что варвары на границе Европы, а они в наших СМИ и правительствах”. И это ведь говорили не левые, не пророссийские политики, а западные богословы и культурологи, каждый раз раскрывая агрессивность и бесцеремонность требований тех, кто призывает соблюдать так называемые “права человека”. Так что вести о решениях Собора распространялись всё шире и шире. Вскоре Собор ассоциировался при ООН и в других европейских организациях.

Совершенно уникальной была Соборная встреча “Вера и знание”. Впервые в истории России за столом президиума и в зале заседаний одновременно присутствовали Патриарх Алексий II и президент Академии наук Ю. Осипов, митрополит Кирилл и министр науки и технологий Фортов, многочисленные учёные, академики, доктора наук, епископы и другие священники, люди Церкви и науки. Заседания проходили в Москве и в Троице-Сергиевой лавре. Был вразумительный, разноплановый разговор о вере и знании. Запомнилась речь академика Н. Бехтерева: “Я занимаюсь физиологией мозга. Мы постоянно вторгаемся в него, изучаем его и вдруг дальше – непонятно ничего, дальше – Творец”.

Да, для России XX и даже XIX века это был необычный разговор, ведь не одну сотню лет убеждали нас, что наука и религия несовместимы, что люди творческие, интеллектуалы не могут быть верующими. А как же быть с Ломоносовым, Пушкиным, Гоголем, Достоевским, как быть с академиком Павловым и маршалом Жуковым? В наших обсуждениях родилась формула, которая определила итог этой уникальной соборной встречи: **“Наука и религия – не антагонисты!”**

Ну, а вот Соборная встреча, как говорится, из другой оперы.

Собор и РПЦ провели Соборные слушания “Ядерные вооружения и национальная безопасность России” (1996). Митрополит Кирилл подчеркнул, что Русская Православная Церковь на протяжении многих десятилетий вела активную миротворческую деятельность. Но в те годы было видно, как разваливается “ядерный щит державы”, останавливаются уникальные предприятия, разрушается атомное производство, а с ним города и центры, для которых эти предприятия были градообразующими, уходят из жизни учёные, которые отдали этому всю свою жизнь (тогда застрелился один из руководителей такого центра в Челябинске). Соборная встреча проходила в МГУ и прозвучала серьёзным предупреждением всем силам, которые старались ослабить нашу страну. В заявлении по итогам Собора было твёрдо сказано: “Россия не может обойтись без своего ракетно-ядерного щита”.

V

Ещё о наших скрепах. Конечно, это русский язык. Русскому языку выпала история языка-объединителя, и это не имперская амбиция, а результат его развития на протяжении веков, от Киевской Руси до наших дней, но самое главное – это язык великой культуры и литературы, язык Ломоносова, Державина, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, Блока, Есенина, Шолохова, Леонова, Ахматовой, Распутина, Белова, десятков других писателей.

Собор заявил об ответственности каждого русского человека за состояние русского языка. Тогда, когда во всём мире распространилась агрессия массовой культуры, культурная экспансия англоязычных народов, в условиях стандартизации и технологизации действительности становится ясно, что русский язык нуждается не в декларативной, а в действительной защите от негативной политики СМИ и стоящих за ними компрадорских сил.

Многие преподаватели и учёные заявляли, что пришло то время, когда в России нужно относиться к языку, к слову как **великому дару, данному свыше, как к сокровищнице национальной культуры.**

Очень важной была одна из первых Соборных встреч в мае 1994 года, по-

свящённая русская национальная школа. Мнения разделились. Одни ратовали за массовое создание национальных школ – в ту пору в России были созданы армянская, еврейская, немецкая, английская, испанская школы. И это хорошо! Но русская школа была в Москве только одна!

На этой Соборной встрече, а затем и на Соборе выступили Валентин Распутин, Владимир Гусев, певица Татьяна Петрова, композитор К. Волков. Внимательно следил за его ходом А. И. Солженицын, который поддержал идею русской школы и защиты русского языка. Он предложил составить список русских слов, которые надо вернуть в обиход. Мы говорили о том, что учёные и писатели не борются, как боролись Ломоносов, Сумароков, Фонвизин, Карамзин, с иностранными поветриями, как был беспощаден к манерному *иностраничеству* великий просветитель, учёный, государственный секретарь при императоре Александре I адмирал Шишков. Шишков писал воззвания в тяжёлый для России час – о битве под Бородино, об оставлении Москвы. Когда столицу освободили, изгнав захватчиков и из России, великий адмирал возглавил просвещение в России.

Сейчас, слава Богу, книга о Шихове вышла в издательстве «ИХТИОС» (главный редактор С. Котьяло), а тогда – кто знал Шихова? Его имя за тапталось или просто не упоминалось, как имена многих защитников русского слова.

Не раз на Соборе говорили о необходимости установления празднования Дня русского языка. И он был установлен – в день рождения А. С. Пушкина. В Белгороде появился памятный знак Русскому Слову, в Ульяновске – памятник букве «Ё», в Дагестане – памятник русской учительнице.

И эта работа должна быть продолжена: и борьба за восстановление написания сочинений в школе, и составление списка соответствий русских слов иностранным. Надо всей страной поддержать белгородскую инициативу борьбы со сквернословием, создав систему штрафов и замечаний; установить премии за чистоту и культуру русского языка.

В общем, нам необходимо укреплять и защищать русский язык, пропагандировать его во всём мире.

VI

Неудачи, шероховатости, промахи? Как и в каждом деле, у Собора, у его участников они, конечно, были. Иногда от желания сделать, как лучше. К примеру, после второго Собора у умной и настойчивой Натальи Нарочницкой и некоторых её коллег появилось сомнение, что Собор в надёжных руках. Она вместе с Олегом Кольченко и другими решила перерегистрировать Собор на своё имя. На заседании бюро Собора митрополит Кирилл сурово спросил меня: «А Вы, Валерий Николаевич, об этом знали?» Я честно ответил, что не знал. Бюро прекратило заседание. Через час митрополит сокрушённо сказал, что надо юридически зарегистрировать обновлённый Собор, продолжающий дело предыдущего. С тех пор зарегистрирован Всемирный Русский **Народный** Собор, Его Главой официально стал Святейший Патриарх Алексей II, а заместителями – митрополит Кирилл, а от православных мирян – председатель Союза писателей России Ганичев. Я при открытии Собора вспомнил слова Н. Гоголя, что в России всякое новое дело может существовать только при благословении и поддержке Церкви. Наталья Нарочницкая впоследствии раскаялась в своём неразумном действии и стала снова одним из самых активных защитников России.

VII

Недостатки, проблемы. Недоделок и неосуществлённых замыслов у участников Собора, конечно, полно. Нам об этом не раз напоминал уже и Патриарх Кирилл, новый глава нашего Собора. Мы затронули ряд проблем русского населения нашей страны, всего народа. Но часто только лишь затрагивали – не решая, да и решить их полностью за время одной встречи нельзя. Но надо продолжать изучать ситуацию, выявлять болезненные моменты, обсуждать их и устранять. И ещё, на мой взгляд, несмотря на все сложности, трудности и даже поражения, не надо терять, простите за пафос, историческую уверенность в своей правоте, не предаваться унынию, тем более панике.

Как сказал великий флотоводец и Святой Фёдор Ушаков, набирая флотские команды, “надо собирать по человечку”. Собирать силы, знания, умения, чтобы употребить их для России, для успеха общего дела. И как только возникнет такая возможность, обращать их в действие.

Думаю, что новый виток жизни и работы Собора должен осуществиться в ближайшее время. Ведь фактически общерусскими заботами и делами (язык, школа, культура...) Собор занимается часто в одиночку. Если раньше это был общегражданский форум, общегражданская трибуна Слова, то приходит момент, когда он должен стать и общероссийской организацией Дела.

Нам предстоит очень важная работа по созданию областных и городских центров русской культуры, которые должны включиться в общероссийскую кампанию по пропаганде и защите русского языка, в том числе и как языка государственного.

В Соборе думают о проведении заседания, которое будет посвящено **объединению всех русских людей и соотечественников**. Это нелёгкое и довольно длительное дело. Собор должен подумать, как можно осуществить такое объединение. На предыдущем, XV Соборе были названы **базисные ценности** нашего народа, были определены вызовы эпохи, с которыми должен бороться русский народ и другие народы нашей страны.

Святейший Патриарх сказал: “Известно, что никто в смертельную атаку за увеличение ВВП не пойдёт, никто в смертельную атаку не пойдёт, чтобы увеличить уровень потребления”.

Поэтому великая цель и направление нашего движения – это возрождение России.

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

“СМИРЕННЫЕ, РОДИМЫЕ ЧЕРТЫ!”

Справа от большака, на подходе к нашему селу, на макушке горы Поповки, виднеется старинный деревенский погост. Три дальние стороны его окружают хлебные поля, а та, где ворота, подступает к самой дороге. Над аркой у входа высится восьмиконечный крест, снабжённый небольшой “крышей”, защищающей от непогоды осиянный образ Казанской Пресвятой Богородицы. Простенькая икона в потускневшем окладе дни и ночи хранит многовековую память о моих односельчанах.

Сколько раз входила я под сень кладбищенских вековых деревьев! Помню: с малых лет крошила здесь с бабушкой на родные могилы на Радоницу пасхальный кулич, лакомилась (не задумываясь, что кладбищенская) спелой земляникой в Духов день. Пока бабушка “правила могилочки”, я без страха (одолевало любопытство) успевала облазять меж холмиков и оградок погост, блуждая вдоль и поперёк по чуть приметным, поросшим простенькими цветиками-муравками тропинкам.

Старое кладбище, времён крепостного права, окружает высокий вал, непролазно поросший простушкой-сиренью. Этими бледно-лиловыми зарослями мир прошлого отгородился от недоступной ему земной жизни. Деревья, посаженные внутри или за оградками, никогда не пилят. Считается, что они священы. Кладбищенские берёзы и ели, дожив до почтенного возраста, умирают сами. Их предают огню тут же, недалеко от входа, подсыпая затем пепел под кусты шиповника и жасмина.

В плотной тишине, нарушаемой лишь цвеньканьем пронырливых синиц да редким вскаркиванием важных, словно примогильные служки, ворон, беззвучно суетятся пристроившиеся к кладбищенским холмикам ящерики, стремительно исчезающая из глаз наперекор времени, остановившемся здесь на веки вечные.

Невольно подумаешь: враки это всё, что, мол, человек хозяин, наиглавнейший на Земле. По воле Божией приходим мы в этот мир и по его же Всевышней воле покидаем порою опостылевший и всё же такой любимый белый свет. Каждый в свой роковой час, но обязательно все... без предпочтений.

Среди обычных крестов на нашем погосте то тут, то там встречаются замшелые, древние, с кровелькой – голубцы. Мимо них даже мне, девчонке не из пугливых, было боязно проходить. Казалось, заденешь ненароком покосившийся, поросший мхами-лишайниками крест, и он тут же рухнет, рассыплется в прах – в мельчайшую пыль. А может, это и не голубец вовсе, а сама древняя древность. Мало ли чего можно от неё ожидать?!

Кладбище, как исстари повелось, показатель поэтического и художественного вкуса народа. И наши предки, и мы украшаем то, что нам дорого.

Для меня, может быть, это осталось от детства – погост как таинственный, непостижимый, сказочный мир. И старинный голубец там до сих пор не последний персонаж. Может, подкупает очарованием своих самобытно-чистых форм?

Голубец на русском погосте так же органичен, как запах цветущего шиповника, кипенные кусты жасмина, пуговики дикой герани. Сомневаешься в рукотворности позеленевших от времени крестов – настолько ощутима их слитность с праматерью Природой, словно кресты эти старинные – её детища. Как и бездонные небеса над верхушками вырвавшихся из зарослей сирени берёзок, как тихоструйная пескариная Крома, стеснительно прячущая свои воды в прибрежных осокорях под Поповкой, как разукрашенные перламутровыми лишайниками камни-валунки у Василёва переезда.

Вероятно, в деревне нашей когда-то жили и староверы – такой крест-голубец более распространён на их кладбищах. У нас хоронили всех на одном погосте, а потому и крестов каких только на нём не ставили. Бабушка моя по этому поводу говаривала так: “Что ни мужик – то вера, что ни баба – толк”.

Давным-давно уж принято считать крест-голубец символом исконно русской культуры, старины. А потому наиболее распространённой формой древних надмогильных памятников на Руси являются столбики-голубцы. В. Даль относил их к древнейшему периоду нашей истории. Происхождение столбцов связывают с языческими идолами, а также с описанным в “Повести временных лет” обычаем хоронить прах умерших после сожжения в урнах на столбах. Так было заведено и у радимичей, и у вятичей, и у кривичей дохристианской и раннехристианской Руси. Несмотря на запреты, голубец прочно вошёл в православную культуру в виде креста с двускатным покрытием из двух досок, объединяющим три верхних конца. Порою можно встретить и более сложные сооружения: развитая кровля с охлупнем, причелинами и помещённым в средокрестии объёмным киотом, что напоминает крошечную часовню, а потому об упрёках в язычестве не может быть речи.

Всё это я узнала намного позже, а в детстве меня вело простое любопытство. Чуть повзрослев, набравшись смелости, я отдирала мхи с поверхности окаменевших тесин и обнаруживала, что они обработаны контурной резьбой. Торцы выкрошились, но порой можно было ещё различить их причудливые очертания. Встречались и круглые, и восьмигранные, без убора, с длинноскатной кровлей. Они, словно сухопарые седые старцы (до двух метров высотой), возвышались над сровнявшимися с землёй могилами. Порой в верхней части, под кровелькой, удавалось обнаружить почти истлевший киот с медным образком, а коли повезёт – то и с частью еле различимого складня. Однажды посчастливилось: в самом центре погоста, пробравшись в заросли крушинника, отыскала почти упавший массивный голубец. На самом верху крошечная, совсем развалившаяся часовенка. Концы тесин – наконечники стрел. А столбик с несколькими перехватами и затейливой резьбой: тут и коlobки, и верёвочки, и горбыльки, и бусинки.

Я наловчилась очищать голубцы – мхи и лишайники шапками снимались с дубовых тесин – только поддень их острой щепочкой. Резьба разнообразна, но всё-таки в ней всегда сочетались крупные упругие линии и формы с мелкими, ритмично чередующимися деталями. Казалось, мастера изощрялись друг перед другом в умении передать особым рисунком характер того, кому ставился памятник. У каждого столбца обнаруживалось своё лицо!

Позже, увлечшись древней историей, я узнала, что многие элементы декора сложились именно тогда, в дохристианской Руси. Например, круглая розетка на причелинах олицетворяла солнце, зубчатый городок – символ плодородия Берегини, а изукрашенное причудливой резьбой “полотенце” под коньком – знак жизненной чистоты. Встречались голубцы, у основания которых – зубчатые линии. Известно, что это – древние водные символы. Цветок над такими линиями – солярный знак – солнце, плывущее ночью по подземной реке. Тесины голубцов окрашивали в небесные цвета, а солярные знаки на них были ярко-жёлтыми.

Иногда в лесной глуши, в самой её чаще нет-нет да и встретишь последнего свидетеля невозвратно минувших времён – замшелый крест с часовенкой на кровле, с иконкой покровительницы Руси – Пресвятой Богородицы, с причудливой солярной символикой.

Обнаружишь его, и захочется заглянуть поглубже в историю своего народа, узнать, чему он радовался, какие песни пел, отчего кручинился.

...Помнится, брали мы с бабушкой землянику в дальнем Куманёвом лесу и натолкнулись на стар-голбец. Сели подле него потрапезничать-передохнуть. Сморило меня, уж и задремала, вдруг слышу: то ли поёт бабуля, то ли плачет. Грустно так, будто по близкому стонет, песню прабабкину тянет:

*Со восточной со сторонушки
Подымались да ветры буйныя
Со громами да со гремучими,
С молоньями да со палючими;
Пала, пала с небеси звезда
Всё на батюшкину на могилушку...
Расшиби-ка ты, Громова стрела,
Ещё матушку да мать — сыру землю!
Развались-кося ты, мать-земля,
Что на все четыре стороны!
Скройся-ко, да гробова доска,
Распахнитеся, да белы саваны!
Отвалитесь, да ручки белы,
От ретива от сердечушка.
Разожмитесь, да уста сахарные.
Обернись-кося, да мой родимый батюшка,
Перелётным ты да ясным соколом,
Да слетай-кося да на сине море,
Да на сине море да Хвалынское,
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со белова лица ржавчину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой ет да на высок терем.
Всё под кутисё да под окошечко,
Ты послушай-ко, родимый батюшко,
Горе горьких наших песенок.*

То ли об ушедших родных печалилась бабушка, то ли выплакала на безымянной лесной могиле разом горечь за всех наших баб. По всем без вести пропавшим, ни за что убиенным, бесследно сгнувшим на безмерных русских просторах за века дремучие, долгие. Как бы то ни было, только и по сей день не могу позабыть той песни, врезалась она с единого раза в мою память, да так и осела где-то у самых её истоков. Рядом с накопленной за века предками моими – вятичами, впитанной с молоком матери любовью ко всему истинно славянскому.

Вероятно, это кровь древних русичей радостно вскипает во мне и сладостно тоскует по приокским лесным кущам и безбрежным степным просторам, когда в Третьяковке простаиваю я часами в зале Михаила Нестерова. Чуден и многогранен мир этого великого художника, как прекрасна и земля, породившая его. С нескрываемой любовью создавал он женские и мужские образы в традиционных русских одеждах. Широкие сарафаны, белые расшитые сорочки, большие цветастые платы... Героев окружают обыденные предметы: деревянные бадьи и коромысла, рубленные колодцы и ковши, и те же голбцы.

Мне близко понимание, ощущение Родины, которым проникнуто творчество художника, — это не феерический мир знати, а простолюдинная Русь с её лесистыми холмами и ковыльными долами, с бело-розовыми кувшинками в первозданных затонах, с васильковой просинью среди поспевающих хлебов. Русь М. Нестерова такая же, как и моя: то скромно-сдержанная, то сказочно-таинственная. С полотен прямо в душу смотрят её “из простых простые” святые и герои, купцы и крестьяне, монахи и странники — мой родной народ. Посмотришь на мастерски выписанные древние погосты, на соловецких пустынников, на застывших, словно вне времени, старцев и тут же уверуешь: русский народ воистину является носителем православной цивилизации.

Каждый раз, приезжая на малую родину, вижу нестеровские дали, просторные – не объять – небеса. Встречаю лица с его полотен. Здесь, у нас, на наших просёлках, на наших лесных стёжках.

Застала я за Сенькиной околицей последний придорожный голубец в нашей округе. Сказывают деревенские такую быль. Пришёл когда-то на ручей Жёлтый пращур мой вятич. Срубил избу, зажил семьей. Только рождались у него в дому одни дочери, не дал Бог наследника. А без него, знамо дело, и семья – не семья. Затосковал мужичок и поставил у тропинки, ведущей в хуторок, обетный крест с треугольной тесовой кровелькой. А через некоторое время понесла его жена тройню. Да все – парни!

Сколько воды утекло в Жёлтом с тех туманных пор, сколько голбцов источило время за хуторской околицей! А тот, последний, остался навсегда в моей памяти. Дубовый, двухметровой высоты. Склонил главу свою на правый бок, словно всматривался в даль: не видать ли откуда ворога. Стоял старинный голубец на страже у въезда в деревеньку, охранял Репейный просёлок. А Пресвятая Богородица на иконке из-под кровельки простирала Свой благословенный Покров на хаты и пашни, оберегая скудные крестьянские радости.

Выбегая за околицу встретить корову из стада, мы усаживались вблизи голбца, у Сладкого родника. Водица в источнике, по заверениям стариков, была святая. А потому с детства нас приучили обращаться с нею бережно. Напившись из ковшика, что висел тут же на ракивовом сучке, располагались чуть поодаль.

Вокруг креста носились ласточки, гонялись за мошками, возвращались к ненасытным птенцам, пищавшим в гнезде под самой кровелькой. Гнездышко это никто (даже Лёха Басурман!) никогда не разорял – Божьи пташки.

Каждой весной дед Федот, деревенский старожил, выползал за околицу, чтобы собственноручно подкрасить “лазоревою” краской столбец, перекладинку и кровельные тесинки. Перед работой, прикрыв глаза, долго стоял на коленях у подножия креста. О чём он беседовал с Божьей Матерью, никто не ведаёт. Мало ли накопилось печалей за такую-то долгую жизнь у осиротевшего старика... Поделится ими особо не с кем, разве что Казанской открыться.

За лето дикий выюн, проскальзывая по волнистым зазубринам и насечкам до самой кровли, густо украшал столбец нежно-розовыми граммафончиками. Дед сдёргивал прошлогоднюю повить и, перекрестившись в последний раз, принимался за работу. Мы, готовые в любую минуту подскочить на подмогу, крутились около. Но Федот, занятый самым важным для него делом в году, не обращал на нас никакого внимания. Да разве мог он доверить мальчикам свою заботу о хуторском хранителе – старинном кресте-голубце?!

Закончив ежегодный ритуал, старик важно крякал, вытирал кисти и руки пучком травы, степенно крестился на образок, говоря каждый раз одно и то же: “Пресвятая Богородица! Защити нас!” – полагая, что этого достаточно, чтобы обошли стороной беды-несчастья, чтобы весь год над хутором сияло солнце, за околицей не полёг хлебушек, чтобы велась по подворьям скотинка. А самое главное, чтобы в семьях земляков царили лад да покой.

Детвора к голубцу приближаться остерегалась, но относилась всегда с почтением. Проходя мимо, в луга на сенокос ли, в ближнюю ли рощицу за ягодкой-малиной, родители наши сбавляли шаг, кланялись и крестились, а потому и мы, ребятяня, крестились за ними вслед.

Парни девушкам неподалёку назначали свидания, бабы тайком прибежали сюда поплакаться о своей незадавшейся доле.

На Троицу и Духов день водили здесь “карогоды”, увешивая голбец берёзовыми венками.

Лето пробегало по пыльному просёлку мимо креста за Сычин бор, за Большой лог, догоняя взбалмошных непоседливых касаток. Над золотистым жнивём парила “богородичная пряжа”. С первыми морозами на кресте поникала весёлая повилка. И уже не понять было, Казанская ли грустит-печалится, или пронырливая струйка морозящего неделю напролёт дождя пробралась сквозь обветшавшую кровельку и прозрачной слезкой стекает по иконе на ворох ракивовых листьев, нанесённых занудными ветрами к подножию голбца.

Заблудились мы однажды с дедушкой в зимнее ненастье. Конь из сил выбил, ветер крепчал, впереди – ни зги. И вдруг, прямо перед нами – голбец, наклонился, почти из сугроба не видать, тесинку от кровельки оторвало, закружило, в поле понесло. Крест промёрз, закалянел, аж звенит. Но дер-

жится, стоит! Службу свою праведную несёт. Как мы ему обрадовались! Оказывается, два часа водил нас бес вокруг деревни, пока голубец не повстречали. А может, крест сам нас отыскал, не дал сгинуть?

А ещё жил у нас когда-то охотник, по кличке Сохатый. Перед тем как в лес идти, прилачился он на околицу, к кресту заглядывать. Положит к подножию с вечера травку “голубец болотный”, спозаранку заберёт, приговаривая: “Пойду в лес легко и смело, вернусь с добычей и целый”. Травку на груди в мешочке на охоту прихватит. И будет верить, что с ней, с травкой этой освящённой, никакой зверь его не тронет.

В семье моей всегда почитался праздник Воздвижения Креста Господня. Он выпадал на последний день Бабьего лета. Праздник этот постный, а потому, стряпая голубцы с маслятами или рыжиками, бабуля приговаривала: “На Воздвиженье зипун с шубой сдвинется. Воздвиженье — последняя копна в поле движется”. Именно в этот день в давние времена ставились обетные придорожные голбцы, водружались кресты на новых храмах. Бабушка рассказывала о том, как на Воздвиженье в былые времена участвовала она девчонкой в крестном ходе вокруг деревни — для ограждения от всякого лиха на круглый год. В каждой хате на стол подавалось блюдо из капусты — голубцы.

Время неустанно бежит вперёд. И вот уже почти совсем не заметны следы нашей родной старины. Грустно... чувствую, как безвозвратно теряются исконно русские представления о мире. Всё чаще слышу: “Я гражданин планеты”. Обезличивание, обесценивание накопленных столетиями национальных ценностей ни к чему хорошему не приведёт. Потеря генеалогической памяти — страшная прогрессирующая болезнь нашего века. Наверное, оттого так отраднo мне нечаянно увидеть у дороги на Орловщине свежесработанные кресты-голубцы с образом Пресвятой Божьей Матери. Потому с великой радостью встретила я и весть о вновь обретённом моими земляками православном храме во имя преподобного Сергия Радонежского. Церковь-красавица высится на той же горе Поповке, где в зарослях сирени приютился наш древний погост, где хранится “память и грусть моей родины милой”. У большака — новый дубовый пятиметровый крест-голубец. Смотрю на него, и сердце тает, и вспоминаются бунинские строки:

*В лесу, в горе, родник, живой и звонкий,
Над родником — старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике — берёзовый корец.
Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый —
Смиранные, родимые черты!*

г. Орёл

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА

“...КОГДА ИМЕЕШЬ ПРЕДВОДИТЕЛЕМ ГЕНИЯ”

К 200-летию кончины М. И. Кутузова

Отгремели литавры, возвестившие 200-летие со дня Бородинской битвы – великого сражения, которое до сих пор вызывает множество споров среди историков и огромный интерес новых поколений наших соотечественников. Не случайно его называют крупнейшим сражением в истории XIX века.

Кто же столкнулся на лесистых просторах Подмосковья? Франция и Россия? Нет! Столкнулись две идеологии: неуёмная жажда покорять, которая вела выдающегося полководца, страстного властолюбца Наполеона Первого, и нежелание поступиться свободой, направлявшее русского императора Александра Первого.

Но был и ещё один позыв к действию: Наполеон не случайно тщательно готовился к войне с Российской империей, с её первопрестольной столицей. Ему нужно было унижить поражением именно Москву, которая на протяжении нескольких столетий – со времён Ивана Великого – полагала себя Третьим Римом, преемником Византийской империи. Москва – международный центр православия, – а не Санкт-Петербург – столица России – перекрывала Наполеону путь к короне императора *Всеевропейской* империи – такова настоящая причина войны Наполеона против России.

Менее всего Бонапарт хотел затяжной войны. Его устраивал блицкриг: стремительный удар по России, разгром армии, принуждение императора к миру. И, в качестве компенсации за вынужденный союз, набор в России сотысячного войска для усиления французской армии. В планах императора был резкий поворот к югу, поскольку у него теплилась надежда на сотрудничество с Южной Россией, разгром турецкой армии и захват Константинополя. Таким образом, он должен был восстановить единство Римской империи. Свои войска, которые были разбросаны по Италии, Иллирии, Ионическим островам, он дополняет свежими батальонами, набранными в Европе, и захватывает Египет. А затем проникает через Малую Азию в Индию и лишает чопорную английскую корону одного из её драгоценных камней. Грандиозный замысел гениального стратега. Но на пути реализации этого замысла стояла Российская империя.

К лету 1812 года наполеоновские батальоны составляли более чем полумиллионное войско, а русские армии, состоявшие из немногим более чем двухсот тысяч человек, в момент вторжения стояли далеко друг от друга. Бонапарт решил воспользоваться этим благоприятным обстоятельством. Но рус-

ские полководцы Барклай-де-Толли и Багратион, умело маневрируя, основательно огрызаясь от наседавшего противника, всё же соединили свои армии под Смоленском. Самоотверженность, с которой русские войска сражались тогда, поразила французского вождя и его воинов. Дело запахло большой кровью.

План императора Александра по завлечению войск Наполеона вглубь необъятных просторов России, добросовестно выполняемый военным министром Барклаем де Толли, стал приносить свои плоды. Коммуникации великой наполеоновской армии, растянувшиеся на тысячи километров, легко прерывались летучими отрядами казаков или восставшими крестьянами. У французов не было никакой невозможности покупать продовольствие для солдат и фураж для лошадей у местного населения. И напрасно по приказу Наполеона были отпечатаны фальшивые ассигнации на сумму полтора миллиона рублей. Раздражало императора Франции и появление по пути следования его войск партизанских отрядов: он считал, что война идёт *не по правилам*. Ещё 1 июля он посылает в Петербург письмо, вежливое по форме, но циничное по содержанию: “Теперь между нами война. И даже сам Господь не сможет исправить содеянного. Но я всегда готов к предложениям о мире...”

Но предложений о мире не поступило. Более того, на каждое послание, переданное дипломатическим путём или через посредников, ответом было пугающее молчание.

“История династии Романовых, – пишет английский исследователь Р. Ф. Делдерфилд, – богата эксцентричными и загадочными царями, но Александр был, наверное, самой большой загадкой из всех. Никто, даже такой признанный психолог, как Наполеон Бонапарт, не мог понять его характера ни с момента их первой встречи на плоту в Тильзите, ни в тот день, когда царь, возглавляя победоносные эскадры, вступившие в Париж, нанёс визит вежливости бывшей жене своего противника”.

Поразительной была уверенность русского императора в правоте своих действий. И эта твёрдость в трагических обстоятельствах находила ему союзников в гражданском обществе того времени. Но кроме решительности и настойчивости, он обладал ещё и умением анализировать. И потому уступил желанию петербургского и московского дворянства сменить главнокомандующего Барклая де Толли, которого они упрекали в предательстве национальных интересов России. Так 67-летний отставной генерал от инфантерии Михаил Илларионович Кутузов, ученик бессмертного Суворова, возглавил освободительное движение российского народа, направленное к изгнанию “двунадесяти языков” из пределов Отечества.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, князь Смоленский, происходил из древнего рода. Я давно заметил, что многие славные русские фамилии ведут свою родословную от героев знаменитой битвы 1240 года. Сколько родов пошло от сыновей Александра Невского! А если прибавить к ним Пушкиных, Бобринцевых-Пушкиных, Исленьевых, Плещеевых, Тютчевых, Каменных, Бутурлиных, Воронцовых, Аксаковых, то станет ясно, что практически вся отечественная элита восходит к воинам святого благоверного князя. Вот и многочисленное племя Кутузовых (Голенищевы – от голени. Видимо, кто-то из предков был длинноногим) происходит от знаменитого новгородского воина Гаврилы Олексича по прозвищу Прокша. И немудрено, что этот род дарил России государственных деятелей, воинов, среди которых ярчайшей звездой на отечественном небосклоне горит имя Михаила Кутузова. Совсем не случайно знаменитая писательница мадам де Сталь писала, что генерал-фельдмаршал “...повлиял на судьбу мира, как никто не влиял со времён Карла V”.

Отец его, Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов (Кутуз – в переводе с тюркского означает “вспыльчивый, бешеный” – так называли отважных бойцов), потомок родовитых дворян, был прекрасным военным инженером и вышел в отставку в чине генерал-поручика. Мать его, по одной версии (историков Ф. Синельникова, Д. Бантыш-Каменского и В. Балязина), принадлежала к роду дворян Беклешовых, по другой – тот же Д. Бантыш-Каменский, Ф. Опочинин и П. Долгоруков – к известной фамилии дворян Беклемишевых. Последняя версия может быть дополнена предположением, что из этого же рода вышла и мать князя Дмитрия Пожарского (князь П. Долгоруков), а другой известный историк, князь А. Лобанов-Ростовский, приводит свидетельство того, что внучатая племянница Козьмы (Кузьмы) Минина – другого народ-

ного героя 1612 года – в начале XVIII века вышла замуж за одного из Голенищевых-Кутузовых, но имя и отчество его не известны. Не были известны долгое время имя и отчество матери Кутузова. Это открытие совершил ленинградский историк Ю. Яблочкин. К сожалению, Анна Илларионовна умерла вскоре после рождения младенца, а его брата, сестёр Анну и Дарью воспитывала бабушка, мать Иллариона Матвеевича.

Родился Михаил Илларионович 5 (16) сентября 1745 года (по другим данным – на два года позже. См.: Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. *Фельдмаршал Кутузов*. – С. 18–19). После окончания с отличием Артиллерийской и инженерной дворянской школы (1759), где работали незаурядные преподаватели М. И. Мордвинов, Я. П. Козельский и знаменитый прадед Пушкина А. П. Ганнибал, он был оставлен преподавателем в ней, а 1 января 1761 года пятнадцатилетний прапорщик был переведен в войска.

Так началось его более чем пятидесятилетнее служение России.

1 марта 1762 Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов был назначен флигель-адъютантом ревельского (Таллин) военного губернатора принца Петра-Августа Гольштейн-Бекского, который был родственником воцарившегося императора Петра III. Здесь шестнадцатилетний офицер познакомился с ближайшим окружением императора и, что очень важно, с его супругой, которая в следующем году совершила дворцовый переворот и стала императрицей Екатериной II. На счастье и благо Российского государства 21 августа 1762 года штаб военного губернатора расформировывается, и семнадцатилетний капитан определяется командиром роты Астраханского пехотного полка под командованием двадцатидвухлетнего полковника Александра Васильевича Суворова. Так судьба свела двух выдающихся русских полководцев, и дружба их прошла все суровые испытания до конца их жизни.

Историки свидетельствуют, что сохранился формулярный список от февраля 1763 года, где молодой полковник Суворов так отзывается о деятельности юного командира роты: “В должности звания своего прилежен и от службы не отбывает, подкомандных своих содержит, воинской экзерцицы обучает порядочно и к сему тщанье имеет, лености ради больному не рапортовался и во всё время ведёт себя так, как честному обер-офицеру подлежит и как по чину своему опрятен, так и никаких не порядков не происходит... чего ради по усердной его службе к повышению чина быть достоин”.

Первое военное дело, в котором участвовал Кутузов, произошло 28 июня 1764 года. Это был бой с конфедератами князя Радзивилла в Польше (часть Кутузова пробыла там около года). С апреля 1769 года он снова служил в Польше, в Смоленском пехотном полку, который входил в бригаду Суворова. Позднее он рассказывал одному из адъютантов о своих впечатлениях того времени: “Мы жили очень весело, дрались с поляками, но войны я ещё не понимал”. Понимание это придёт несколько позже, когда Кутузов весной 1770 года окажется в Молдавии в армии генерал-аншефа П. А. Румянцева.

Турция, объявив России войну, уже полтора года вела активные действия. Кутузов был направлен на фронт для службы при штабе. Здесь он накопил опыт организации войск перед сражением, строительства укреплений, да и всей механики развития военных действий. Под руководством инженер-генерала Ф. В. Бауэра молодой офицер приобрёл не только навыки штабной работы, но и умение действовать в неожиданных ситуациях, которые складываются в зависимости от обстановки боя. Кутузов в течение одного месяца (июнь–июль 1770 года) участвовал в важнейших сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле и получил за мужество и храбрость первый штаб-офицерский (старший) чин. В этих боях мыслящий офицер мог анализировать ход сражений, движение крупных воинских частей, действие артиллерии, взаимодействие её с пехотой, наблюдать умелое руководство армией выдающегося военачальника Румянцева. Эти уроки пошли молодому офицеру впрок. Он жадно вбирал в себя живые впечатления от происходящего.

26 июля дивизия князя Н. В. Репнина вошла в стратегически важный турецкий город Измаил. Для проведения там фортификационных работ был направлен и Кутузов. В городе он встретился со своим отцом, инженер-генерал-майором Илларионом Матвеевичем Кутузовым. Вместе они создавали укрепления в городе и в крепости. И, конечно, Михаил Илларионович даже в страшном сне не мог себе представить, что через двадцать лет он будет штурмовать Измаил.

Осенью Кутузов участвовал в сражении при Попештах и за “отличную храбрость” был представлен к чину подполковника. Вскоре по приказу фельдмаршала Румянцева Кутузова переводят в Крымскую армию под началом генерал-аншефа князя В. М. Долгорукова. Боевые действия здесь начались только 22 июля 1774 года, когда турецкая эскадра Гаджи Али Бея высадилась около Алушты. Необходимо было сбросить в море этот восьмидесятысячный десант, что и сделалось восьмидесятысячный отряд генерал-поручика В. М. Мусина-Пушкина. Гренадёрский батальон Московского легиона возглавлял Кутузов. Он геройски действовал на левом фланге при отчаянном штурме селения Шумы. Князь Долгоруков отмечал: “Подполковник Голенищев-Кутузов, приведший гренадёрский свой батальон, из новых и молодых людей состоящий, до такого совершенства, что в деле с неприятелем превосходил оный старых солдат”. Такая похвала говорила о выдающихся командирских способностях молодого офицера. В этом бою вражеская пуля вошла в левый висок Кутузова и вышла у правого глаза. Такое ранение врачи считали смертельным. Но могучий организм Кутузова выдержал тяжкое испытание. К счастью, глаз не вытек, хотя зрение и ослабло.

С 1 января 1776 года Кутузову был предоставлен годичный отпуск “для излечения ран к тёплым водам... без вычета жалования”. Императрица Екатерина Великая подарила отважному воину тысячу червонцев и наградила его первым орденом: Георгием четвёртой степени. Ее слова можно считать пророческими: “Надо беречь Кутузова. Он будет у меня великим генералом”.

Во время своего лечения примерно в 1776 году (точной даты, к сожалению, нет) состоялась свадьба храброго воина с молодой двадцатилетней красавицей Екатериной Ильиничной Бибиковой, дочерью военного инженера генерал-поручика И. А. Бибикова. Этот брак был долгим и счастливым, несмотря на все испытания, которые приготовила им судьба. У них было пять дочерей, но мальчик-первенец погиб по вине няньки.

28 апреля 1777 года Кутузов вернулся из отпуска и через два месяца – по представлению генерала Суворова – указом императрицы был произведён в полковники и назначен командиром Луганского пикинерского полка (пики – основное вооружение таких полков), где и прослужил благополучно шесть лет, сделав свой полк образцовым. В 1782 году Кутузов за активные действия по умиротворению восставших крымчан получил чин бригадира (чин, промежуточный между полковником и генералом). А уже через год он стал генерал-майором по представлению выдающегося деятеля екатерининской эпохи, всесильного фаворита императрицы Г. А. Потёмкина, только что присоединившего к России древнюю Тавриду. Крымское ханство, последний побег приснопамятной Золотой Орды, было окончательно сокрушено русской армией. Понадобилось ещё триста лет после великого противостояния на Угре, когда хан Золотой Орды Ахмат потерпел от Ивана Великого поражение, чтобы вечный враг наш, грабивший города и веси, уводивший в полон на продажу молодёжь русских племён, был уничтожен совершенно.

В августе 1785 года генерал-майор Кутузов стал командиром Бугского егерского корпуса, расположенного вдоль Буга. Но война с Турцией, разразившаяся уже через два года, вернула его в знакомые места. Здесь он снова встретился с Суворовым, который был уже в чине генерал-аншефа. Родственные души их сблизились ещё больше за время совместной службы. Доверял Кутузову и Потёмкин. Князь писал генералу по поводу его разумных военных действий: “Ваша распорядительность и искусство меня совершенно обеспечивают, и я с надеждою полагаюсь на ваше бдение”.

Вскоре корпус Кутузова перебросили к Очакову. 18 августа 1788 года турецкие отряды сделали вылазку, чтобы захватить одну из русских батарей правого фланга, но встретили упорное сопротивление егерей. Кутузова, который был среди егерей, снова тяжело ранили в голову. Бельгийский принц де Линь, служивший в русской армии, обречённо писал своему другу – австрийскому императору: “Вчера опять прострелили голову Кутузову. Я полагаю, что сегодня или завтра он умрёт”. Но пуля, к счастью, не задела никаких важных мышц или нервов. Лечащий врач удивлялся: “Надобно думать, что Провидение сохраняет этого человека для чего-нибудь необыкновенного, потому что он исцелился от двух ран, из коих каждая смертельная”. Мудрый эскулап был недалёк от истины. Небесный покровитель его Архангел Михаил берёт полководца для великого дела.

Через три месяца он вернулся в армию и даже принимал участие в штурме Очакова.

Бугский корпус под началом Кутузова охранял, по сути, всю западную границу России — от Польши до Турции. После того, как Потёмкин возглавил соединённую (Украинскую и Екатеринославскую) армию, начались активные боевые действия против турок. Кутузов показывает здесь все свои способности: он наблюдает за движением турецкого флота, сообщая точнейшие сведения, засылает агентов на вражескую территорию, то есть проводит глубокую разведку, вступает в схватку с турецкими отрядами. Его похвальное радение о благе Отечества не остаётся незамеченным, и в течение полугода его награждают двумя орденами. В августе и сентябре 1790-го генерал совершает кавалерийские рейды, причиняя неприятелю большие хлопоты, а в сражении при Каушанах захватывает в плен турецкого генерала — бунчужного пашу. Вскоре его войска участвуют во взятии Аккермана, а 3 ноября входят в Бендеры. Но на пути русских войск стояла грозная крепость Измаил.

25 ноября Потёмкин писал Суворову: “Измаил остаётся гнездом неприятеля, и хотя сообщение прервано через флотилию, но всё же вяжет руки для предприятий дальних”. Графу Суворову-Рымникскому поручалось взять Измаил. Суворов приехал к войскам 1 декабря, а уже 11-го (за десять дней были организованы все приготовления к штурму) в пять утра 6 колонн выступили на взятие города-крепости. Шестой колонной командовал Кутузов. Ему предстояло взять два бастиона и Килийские ворота Измаила. Штурм был ожесточённый. Турки сражались с мужеством обречённых. “Век не увижу такого дела, — писал на следующий день своей жене Кутузов. — Волосы становятся дыбом. Вчерашний день до вечера был я очень весел, видя себя живого и такой страшный город в наших руках. . .” Дважды во время штурма противник отбивал атаки батальонов Кутузова. В это время от Суворова прибыл офицер, чтобы поздравить генерала *со взятием крепости и назначением его комендантом оной*. Более того, Суворов извещал, что послал донесение об этом императрице. . .

Измаил пал. Кутузов спросил генерал-аншефа, почему он так поступил. Суворов ответил: “Я знаю Кутузова, а Кутузов знает меня. Я знал, что Кутузов будет в Измаиле, а если бы не был взят Измаил, Суворов умер бы под его стенами, и Кутузов также”. Красноречивое свидетельство, говорящее о том, как надеялся Суворов на своего друга, как доверял ему, какое великое чувство любви к Родине объединяло их сердца! За эту *викторию* полководец получил от Екатерины Великой *третью степень Георгия* и чин генерал-поручика.

Суворов высоко ценил своего друга не только за воинские успехи, но и за бытовые хозяйственные дела. В письме к своему старинному приятелю Осипу Михайловичу де Рибасу он писал: “Наш друг Кутузов не знает равных в трудолюбии и неустанно печётся о порядке”.

1791 год был ознаменован ещё тремя победами, в которых Кутузов проявил своё воинское мастерство, уничтожая превосходящие силы противника. За победу при Бабадаге Михаил Илларионович получил орден Святого Александра Невского, а за победу при Мачине — орден Святого великомученика и Победоносца Георгия второй степени.

Турецкая кампания закончилась победой России. Крым по Ясскому договору 1791 года был признан территорией Российской империи. К ней же отошли новые земли между Днестром и Бугом. Россия взяла под свою опеку православную Грузию, правители которой сами просились под покровительство российского монарха. Под защитой её оказались все православные христиане, жившие на территории Османской империи: сербы, болгары, румыны, греки, армяне, черногорцы и люди иных национальностей, исповедующие православие, что имело благотворные последствия для их существования и развития. Кроме того, Россия сохранила за собой право беспрепятственного плавания по Чёрному морю и свободу торговли в турецких владениях.

25 февраля 1792 года Екатерина подписала манифест “для обнародования во всём государстве о šťastливом совершении вечного мира между Всероссийскою Империею и Оттоманскою Портою”. А 12 ноября Кутузова вызвали в Петербург для встречи с императрицей. Новое назначение его было полной неожиданностью не только для боевого генерала, но и для всего царского двора. Вот что писал один молодой дипломат своему опытному коллеге: “Императрица вчера назначила. . . Кутузова послом в Константинополь. Никто не ожидал подобного выбора, так как он хотя человек умный и храбрый генерал, но, однако, никогда его не видели использованным в делах политических”.

И полководец Кутузов предстал перед мировой дипломатией в новом качестве.

Чрезвычайному и Полномочному послу Российской Империи в Порте Оттоманской М. И. Голенищеву-Кутузову вменялось в обязанности многое. Но главным было всё же поддержание длительного мира с Турцией, ослабление антирусских настроений во внешней политике её, сдерживание реваншистских сил турецкого общества, которые могли повлиять на султана, "...мания его самолюбие надеждою возратить области, оружием нашим завоёванные и многими договорами на вечные времена к империи нашей присоединённые" (из рескрипта Екатерины Великой). А также вовлечение Турции в союз европейских держав против Франции. Мудрая правительница России, высоко ценившая полководческий талант Кутузова, понимала, что в этот момент в Константинополе нужен не светский человек, а генерал, который своим присутствием напомнит о победах русского оружия в недавней войне.

Надежды, возложенные императрицей на нового посла, полностью оправдались. Кутузов оказался дипломатом обходительным в манерах, но твёрдым в принципах. Он сумел разобраться в сложнейших вопросах международного положения, основательно изучить состояние турецкой экономики, армии и флота, настроения внутри общества. Это дало ему веские основания делать прогнозы, впоследствии подтвердившиеся. Так, в 1793 году активно нагнетались слухи о начале военных действий против России со стороны Турции. Кутузов убедительно отрицал это. В письме Суворову от 16 января 1794 года он писал: "...по примечаниям моим не полагаю я разрыв с нами столь близок... Везде развалившиеся её крепости не приведены в совершенно оборонительное состояние, флот её не силён; предпринятые перемены в денежной части не достигли надлежащей зрелости, а пуще сего внутренность расстроена, везде почти непослушание, во многих местах мятежи... Все сии причины должны воздержать её, судя по здравому рассудку, от всякой токмо для неё пагубной крайности".

Вне сомнения, Кутузов многое сделал для того, чтобы эта война не началась в невыгодных для России условиях. Он не только улучшил взаимоотношения двух стран, но и добился важного права нашим судам плавать в районе Архипелага и заходить в турецкие порты. Свою миссию он выполнил. Ещё 20 декабря к нему пришло сообщение из Петербурга о предполагаемом выезде через месяц турецкого посла из нашей страны. Русский посол начал подготовку к сдаче документов В. П. Кочубею.

В России императрица приготовила для своего любимца новое поле деятельности: "Нашему генерал-поручику Михайле Голенищеву-Кутузову всемиловитейше повелеваем быть главным директором Сухопутного кадетского корпуса под собственным нашим ведением". Так гласил её Указ.

И в этом виде деятельности Кутузов проявил себя умелым организатором, думающим педагогом и реформатором. Его усилия не пропали даром: в корпусе были введены новые дисциплины – тактика и военная история, улучшилась подготовка будущих офицеров, укрепилось финансовое положение учебного заведения. Много сил отнимали и хозяйственные вопросы. И всё-таки он не тяготился новыми обязанностями, которые дополнительно наложило на него правительство, назначив командующим сухопутными войсками в Финляндии.

После двухлетней войны со Швецией, развязанной Густавом III 21 июня 1788 года и не приведшей ни к каким результатам, следовало ожидать нового нападения, потому существовала настоятельная необходимость позаботиться о приграничных крепостях и иных укреплениях на границе. Этим и занимался военный инженер Кутузов со всем усердием, свойственным ему, пока 25 декабря 1797 года не получил от императора Павла дипломатическое поручение возглавить русскую миссию в Берлин в связи с восшествием на королевский престол Фридриха Вильгельма III. Генералу, уже проявившему себя на дипломатическом поприще, поручалась весьма деликатная задача: подготовить почву для привлечения Пруссии к союзу против республиканской Франции.

Князь Куракин так оценивал его возможности: "При его уме и способностях, нам известных, должно надеяться, что он будет действовать с умеренностью и с прилежанием и с искусством воспользуется хорошим расположением короля в нашу пользу..." Кутузову удалось добиться расположения молодого короля и укрепить дружественные отношения с Пруссией. И 18 марта 1798 года он, уже в чине генерала от инфантерии (полного генерала. – А. П.),

выехал в Выборг к месту службы в должности инспектора Финляндской дивизии (командующего военным округом. — А. П.). Круг его задач на новом посту был широк: от переговоров о демаркации русско-шведской границы до расписания казачьих постов по всей границе. Генерал от инфантерии достойно представлял интересы империи и здесь, на севере России.

К концу XVIII века заграничные русские армии, помогавшие Европе отбиваться от агрессии революционной Франции, потерпели поражение по причинам, не зависящим от их боеспособности. 8 сентября 1799 года в Голландии генерал Герман был разбит в сражении под Бергеном и попал в плен к французам. После серии блистательных побед в Италии над лучшими генералами Франции, заманенный против своей воли в Швейцарию, Суворов со своими чудо-богатырями совершает невиданные для человеческой природы усилия и вырывается из каменного альпийского мешка, спасая честь России и доблестных войск своих.

Император Павел был глубоко разочарован в европейских политиках, а потому отозвал свои корпуса в Россию и разорвал союз с Англией и Австрией. Для укрепления западных границ империи он создал три армии. Одну из них возглавил М. И. Кутузов — император назначил его Литовским военным губернатором и инспектором инфантерии Литовской и Смоленской инспекций. В январе к этим обязанностям добавилась ещё одна: “иметь начальство и по гражданской части”. Губернатор уделяет много внимания не только боеспособности армии, её повседневной жизнедеятельности, но и улучшению пограничной службы. Его старательность и умение командовать войсками, продемонстрированное на учениях в Гатчине, позволили царю назвать Кутузова “величайшим полководцем нашего времени”. Павел I приблизил его к своей особе.

К середине 1800 года император начинает сближаться с Францией и разрывает дипломатические отношения с Англией. Тому были свои веские причины. Назревал конфликт с первой державой Европы. Павел I принял предложение Наполеона (важное для Франции и авантюрное для России) об экспедиции русских войск в Индию и заключил союз со Швецией против Англии. Эти действия вызвали ответную реакцию спецслужб Британского королевства. 13 марта 1801 года русский император был убит в Михайловском замке. Взошедший на российский престол Александр I всех участников заговора выслал из столицы. При этом он благоволил к Кутузову и даже назначает его Санкт-Петербургским военным губернатором, затем добавляет ему обязанности инспектора Финляндской инспекции, управляющего “гражданской частью в Выборгской губернии вместе с Санкт-Петербургскою”.

Но царская милость, как известно, не постоянна. Уже в августе следующего года он был уволен от всех должностей и отправлен на год в отпуск “для поправления здоровья”. Глубоко оскорблённый такой несправедливостью Кутузов уехал в своё волынское имение, чтобы заняться всерьёз помещичьими делами и обеспечить существование своей большой семье, втайне мечтая возвратиться к активной государственной деятельности.

Мир, который установился в Европе, был недолгим. Русский дипломат В. Ф. Малиновский справедливо писал в своей книге “Рассуждения о мире и войне” (1803) “Мир... есть токмо отдых от войны, и может справедливее называться перемирием, заключённым без означения срока. Ибо государства и народы между собою тем не токмо что политически и тайно воюют между собою, но и явно готовятся и умножают свои силы, чтобы начать войну с большей жестокостью”. Именно так поступал в это время Наполеон, готовя свою армию к будущим сражениям. Коалиция трёх держав — Англии, Австрии и России — готовилась остановить агрессора. Пятидесятитысячной русской армии, которую направляли за границу, нужен был вождь. О Кутузове, как шесть лет назад о Суворове, вспомнили в августе 1805 года.

Совершив невероятный по скорости движения тысячекилометровый марш-бросок в Австрию, полководец узнал, что Наполеон принудил к сдаче 30-тысячную австрийскую армию генерала Макка. Таким образом, изнурённые походом русские солдаты оказались лицом к лицу с умелым противником, втрое превосходящим их в численности.

В этой сложной, даже критической обстановке в полную меру проявился полководческий талант Кутузова и редкая для генералов того времени способность отменно маневрировать. И хотя его противником был сам Наполеон, мастер военных импровизаций, командующему русской армией не только

удалось выйти из окружения, но и последовательно в течение двух недель октября выиграть 4 сражения. Бой у Кремса (30 октября) продолжался 12 часов, и за него Кутузов был награжден высшим австрийским орденом. Но сами австрийцы на следующий день без боя сдали Вену, чем сильно осложнили ситуацию на фронтах.

Через неделю армия Буксгевдена, пришедшая из России, соединилась с армией Кутузова. Неожиданно два императора – Франц и Александр – решили дать сражение Наполеону. Мнение русского полководца их не интересовало. Кутузов считал, что рано ещё атаковать Наполеона. Необходимо было завести французов подальше, измотать в оборонительных боях и, усилив свои войска резервами, разгромить окончательно: "...чем далее завлечём Наполеона, тем будет он слабее, отдастся от своих резервов, и там, в глубине Галиции, я погребу кости французов". Но выполнить этот план ему удастся только через семь лет ... в глубине России.

21 ноября состоялось печальное знаменитое сражение при Аустерлице. Наполеон, зная о замыслах противника, сосредоточил в центре фронта свои основные силы, врезался в середину союзнической армии, развалив её на две части, зашёл в тыл и разгромил. Русские потеряли 21 тысячу человек, австрийцы – 6 тысяч.

Кутузов, переживая поражение русской армии, не винил себя. Спустя годы, гоня французов из России, он, увидев отбитое у французов знамя "За победу над Аустерлицем", сказал: "После всего, что совершается теперь перед вашими глазами, одной выигранной мною победой или одной понесённой мною неудачей больше или меньше, всё равно для моей славы, но вспомните: я не виноват в Аустерлицком сражении".

Полководец проявляется не только в благоприятных условиях, но он показывает свои способности в стеснённых обстоятельствах, на которые была щедра кампания 1805 года. Кутузов явил себя знатоком военной теории и практики, мастером стремительных манёвров, и не его вина в том, что он был связан по рукам и ногам жёстким регламентом верховного руководства, в первую очередь австрийского, которому вынужден был подчиняться по приказу императора Александра I.

Победа Наполеона привела к распаду союза трёх держав: Австрия заключила мир с Францией в Пресбурге 14 декабря 1805 года.

Русская армия вернулась на родину, но Кутузов понимал, что это только первое действие драмы. Во втором действии – войне 1807 года – он не участвовал. Полугодовая борьба с Наполеоном – на этот раз за прусские интересы! – оказалась проигранной, а унижительный Тильзитский мир вошел в историю сокрушительных поражений. Россия и во времена Екатерины Великой не позволяла себя унижать, поэтому русский царь затаил обиду на корсиканского узурпатора, нарушителя общепринятых норм морали и монархических свобод. Война между двумя империями становилась неизбежной.

Международное и внутреннее положение Российской империи к началу 1811 года было неустойчивым и тревожным. Усиление русского присутствия в Закавказье вызвало в 1804 году девятилетнюю войну с Персией и требовало для реализации активных действий присутствия целой армии. Сближение Франции с Османской Портой в октябре 1806 года, а точнее – желание Наполеона досадить России привело к шестилетней войне с Турцией. Континентальная блокада Англии, к которой Александр I вынужден был присоединиться в результате заключения Тильзитского мира, наносила непоправимый ущерб промышленности и финансам страны. В обществе обозначилось раздражение политикой правительства. Попытка прорвать блокаду вызвала гнев диктатора Европы. С наполеоновской Францией намечался окончательный разрыв: к войне начали готовиться оба государства. Российский император понимал, что вести войну на три фронта невозможно. Необходимо было умелыми военными действиями как можно быстрее вынудить Турцию сложить оружие. Главкомандующим Молдавской армией был назначен молодой генерал Н. М. Каменский, хорошо проявивший себя в войне с Финляндией. Но на южном фронте он потерпел несколько поражений: неудачные осады Шумлы и штурм Рущука не составили славы тридцатипятилетнего полководца. Российской империи в ожидании грядущей войны с Наполеоном нужна была яркая победа, которая заставила бы султана Селима III подписать окончательный мир.

7 марта 1811 года заболевший смертельной лихорадкой генерал от инфантерии Николай Михайлович Каменский 2-й снимает с себя полномочия глав-

нокомандующего, и русский император присылает новым главнокомандующим генерала от инфантерии Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

Старый генерал, опытный дипломат, хорошо знающий жизнь Востока, он не стал активными вылазками тревожить турецкие войска и занял выжидательную позицию; предварительно он срыл крепости Силистрия и Никополь, а гарнизоны их присоединил к полевым частям. Он, как лев, наблюдал за действиями неприятеля из засады.

1 июня великий визирь из Шумлы с огромными силами двинулся к Дунаю. 22 июня под Рущуком Кутузов внезапно атаковал 60-тысячную турецкую армию и разбил её. Но, выполняя свой хитрый план, нарочито показывая свою слабость, через пять дней он оставил Рущукскую крепость, переправился на левый берег и расположился около местечка Слободзее. Два месяца стояли две армии друг напротив друга, испытывая выдержку и нервы. Наконец Ахмед-паша, убедившись в нерешительности командующего русской армией, переправился с сорокатысячным войском на левый берег. Кутузов немедленно приказал выстроить редуты против турецких войск полукругом, чтобы ограничить действия Ахмед-паши. 1 октября Кутузов приказал генералу Маркову перейти тайно на правый берег, чтобы отрезать сообщение врага с Рущуком. Семитысячный корпус Маркова мастерски исполнил свою задачу: он застал турок врасплох и захваченными в бою пушками расстрелял турецкий лагерь. Лучшие части турок были обречены на гибель. Мудрый план Кутузова, провозвестник будущих действий его в борьбе с Наполеоном под Москвой, сработал безотказно. После пленения своей армии султан был вынужден согласиться на все предложения России и перестал быть союзником Франции. За месяц до начала войны с Наполеоном 16 (28) мая 1812 года в Бухаресте был подписан мирный договор, по которому граница между империями была установлена по реке Прут до её впадения в Дунай и далее – по левому берегу до впадения его в Чёрное море.

Как писал позднее историк Евгений Тарле: “Таким образом, Кутузов-дипломат нанёс Наполеону в 1812 году тяжкий удар ещё раньше, чем Кутузов-военачальник”. За эти выдающиеся заслуги в военном деле Михаил Илларионович получает от императора графское достоинство, а за дипломатические заслуги – княжеское.

И всё же знаменитому генералу главное дело всей своей жизни – защиту Отечества от врага – ещё предстоит совершить.

Кутузов был уверен в невероятных возможностях русского солдата, высоко ценил его способность жить и побеждать. В сообщении военному министру о знаменитом сражении под Слободзеей, где была одержана решительная победа над противником, превосходящим наши войска более чем в два раза, он писал: “Прежде ещё до окончания дела, уверенность в победе была написана на их лицах, я во всём видел истинный дух русских”. С этими мужественными солдатами ему предстояло ещё одно великое дело, которое принесло им вечную признательность потомков и бессмертие вождю их. Впрочем, как говорил блистательный русский офицер князь Николай Кудашёв: “Всё может случиться, когда имеешь предводителем гения...”

С самого начала войны с Россией Наполеон искал генерального сражения. Он любил одним мощным ударом нокаутировать армию соперника и победно навязать ему свои условия мира. Так было доселе всегда. Но на этот раз получилось иначе. Зная по предыдущим сражениям мужество русских полков, уверенный в собственной непобедимости и в храбрости своих солдат, имея трёхкратное превосходство в численности войск, он не учёл отважной решимости Александра I идти до конца, чтобы отстоять свободу своего Отечества. Более того, он не ожидал, что народная война, с которой он впервые столкнулся в свобододлюбивой Испании, приобретёт ещё больший размах в суровой России.

Разделённые 300-километровым расстоянием две армии, возглавляемые умелыми генералами Барклаем де Толли (127,5 тысячи, Виленская губерния) и Багратионом (40 тысяч, Гродненская губерния), представляли лёгкую добычу для 600-тысячного воинства Наполеона (в составе Великой армии было 491,9 тыс. пехоты, 96,6 тыс. кавалерии, 21 тыс. человек артиллерийских и инженерных войск, 37 тыс. нестроевых солдат). Бонапарт надеялся разгромить русские армии по отдельности в течение месяца, потому обеспечил свои войска четырёхдневным запасом хлеба и двадцатидневным запасом

муки, в полной уверенности, что остальное сумеет отнять или купить у местного населения.

Стратегической задачей русских войск было соединение двух армий, что и произошло под Смоленском. Отступление было совершено с великим мастерством: упорные арьергардные бои, засады, умелое маневрирование. Наши потери были таковы: 10 тысяч убитых и 25 тысяч раненых и отставших. Французы потеряли 80 тысяч человек. В завоёванных городах они вынуждены были оставлять гарнизоны, чтобы не прерывать коммуникации. Их войско таяло. К Бородинскому сражению французская армия пришла в составе 145 тысяч человек, а русские – 113 тысяч.

Отступление и разногласия между Барклаем де Толли и Багратионом в понимании способов ведения войны показали, что во главе русской армии должен был встать авторитетный полководец. Таковым был в ту пору только Михаил Илларионович Кутузов-Голенищев. Собственно говоря, за него проголосовал народ, избрав его руководителем ополчений в Санкт-Петербурге и в Москве. Понимал это и император. В письме к своей сестре Екатерине Павловне он сообщал: “. . . Я назначил Кутузова. В тех обстоятельствах, в которых мы находимся, я не мог поступить иначе. Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий голос”. Это решение далось ему в мучительных размышлениях, ибо император не доверял Кутузову. Но дело шло о судьбе России, о его собственной судьбе, и он превозмог себя, дав старому генералу полную свободу действий, о чём Кутузов так мечтал под Аустерлицем, но запретил ему лишь одно: вести переговоры с Наполеоном о мире.

Новый главнокомандующий догнал вверенную ему армию 17 августа в 170-ти километрах от Москвы, в Царёво-Займище, где Барклай де Толли решил дать бой Наполеону. Осмотрев позиции, Михаил Илларионович велел отступить. Он понимал, что необходимы решительные действия, но видел, что армия не готова к генеральному сражению: ей нужен был отдых и подкрепления. 16-тысячный отряд, который под командованием его любимца, отчаянного генерала Милорадовича только что присоединился к армии, состоял из необученных солдат. Он надеялся на то, что московский губернатор Ростопчин сдержит своё обещание и выставит надёжное ополчение. Но получил ещё 15 тысяч таких же новобранцев. Необходимо было скоординировать действия всех сил. Он дал указания командующим 3-й Западной армией генералу Торماسову (44 тысячи солдат) и Дунайской флотилией адмиралу Чичагову (около 50 тысяч человек) перейти к активным действиям и сблизиться с основными силами. В письме к Тормасову он писал: “Теперь не время думать об отдалённых экспедициях, а всё внимание останавливать быстрому ходу неприятельскому, а потому и армия, вам вверенная, обязана действовать на правый фланг стремящегося неприятеля”. О своих ближайших планах он сообщал Чичагову: “Я, прибыв к армии, нашёл неприятеля в сердце древней России, над Москвою, и настоящей мой предмет есть спасение Москвы самой”.

Утром 22 августа, осмотрев местность в районе села Бородино и найдя её удивительной, Кутузов отдал приказ о строительстве укреплений. Ему понравилось то, что река Колочь своим высоким и отвесным берегом удачно прикрывает правый фланг его армии, а левый фланг находился под защитой мелкого леса и кустарников. Но главное заключалось в том, что выбранная позиция надёжно защищала Новую и Старую Смоленские дороги, ведущие на Москву.

Именно поэтому и было дано Бородинское сражение.

И русские (113 тысяч воинов), и французские войска (145 тысяч) – данные взяты из книги “История русской армии” выдающегося историка А. А. Керстовского – сражались с завидной храбростью и упорством с раннего утра до позднего вечера. Задумывая это сражение как решительный отпор Наполеону, Кутузов выстроил свои войска по хорошо продуманному плану: корпусы были вытянуты в две линии батальонных колонн. Впереди них главнокомандующий рассыпал мобильно действующие егерские полки, а позади расположил в укрытиях сильные резервы, которыми хотел подпитывать действующие батальоны. Он писал: “В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям!”

Насколько удачно были задуманы им контрудары в тыл наступающим наполеоновским войскам, можно судить по стремительному рейду кавалерийского корпуса генерала Уварова и казачьих полков атамана Платова. Этот знаме-

нитый лихой заезд внёс панику в тыл французской армии и заставил самого императора срочно выехать на место сражения. Замысел Кутузова позволил внести смятение в ряды наполеоновских войск и выиграть несколько часов для переброски подкреплений на правый фланг, осаждаемый французами.

К сожалению, второй контрудар, задуманный Кутузовым, не осуществился по вине начальника штаба Беннигсена, который заставил накануне сражения находившиеся в резерве силы 3-го пехотного корпуса генерала Тучкова 1-го выдвинуться из леса и стать за егерскими полками на самом виду, то есть под обстрелом французской артиллерии. О своём решении Беннигсен главнокомандующего не уведомил.

В 6 часов утра 26 августа заговорили французские пушки, и рёв их продолжался 12 часов без перерыва. Так началась знаменитая битва, о которой её участники вспоминали потом с ужасом. Нет смысла передавать все перипетии этого невероятного по ярости и жестокости, по величии совершённых подвигов с одной и другой стороны, невиданного доселе сражения. Да, русская армия покинула поле битвы утром следующего дня, своим уходом дав Наполеону право считать себя победителем. Но это была пиррова победа. И самое худшее для него было то, что с этой “победы” началось его бегство из России. Всё, чего он достиг за 16 лет упорных трудов на бранных полях Европы и Азии, теряет свою цену в течение трагического трёхлетия, разрушившего окончательно созданную им мировую империю. Такого исхода он не мог предположить и в худших своих снах.

Наполеон, не добившись перевеса, ночью отступил. Историк Кер-Портер писал: “Французы отступили с поля боя, когда уже нельзя было различить ни одного предмета”. Действительно, по его заключению, Наполеон отступил на двенадцать вёрст, не останавливаясь, Кутузов же не покинул своих позиций и обещал своим доблестным воинам утром снова атаковать. Но подсчитав ночью количество раненых и убитых, он переменял своё решение.

Потери с обеих сторон были по тем временам ошеломляющими: более 100 тысяч человек. Но учитывая, что русских погибло около 50 тысяч, и среди них много офицеров, что Наполеон так и не ввёл в сражение свой главный резерв — двадцатитысячную старую гвардию, — Кутузов отдал приказ к отступлению по московской дороге в надежде на резервы, которые должны были подойти из центральной России и с Украины.

Бородинское сражение показало, что русская армия имеет превосходных воинов и командиров, и нравственный дух её силён, ибо защищала она своё *любезное Отечество*. Отечественная война 1812 года обострила полузабытое чувство патриотизма. К тому же армией руководил полководец, чьё имя был гарантией выживания в суровых испытаниях и залогом победы над супостатом. Но любовь к нему едва не поколебало тяжкое решение Кутузова оставить Москву. На совете в Филях 1 сентября 1812 года, выслушав все мнения, он с горечью сказал: “Я чувствую, что мне придётся поплатиться за всё, но я жертвую собою для блага Отечества. Приказываю отступить”. Этот приказ вначале вызвал разочарование в рядах русской армии. Кутузов 17 сентября узнал о том, что “командиры полков Войска Донского при армии заболели почти все”. Ещё раньше — 8 сентября — граф Ростопчин, который ратовал за назначение Кутузова главнокомандующим, писал Александру: “...Отдача Москвы французам поразила умы. Солдаты предались унынию...” Ближайшее окружение императора требовало замены главнокомандующего.

Но известие об этом роковом событии на Александра I не подействовало удручающе. Он ещё твёрже стал проводить свою политику сопротивления обстоятельствам: “Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать!” Этим объясняется его упорное нежелание отвечать на предложения французского императора о заключении мира, которые тот слал русскому императору из пылающей Москвы. Россия поднялась на угнетателя её свободы, притеснителя и разорителя страны. Она имела своего вождя и была уверена в победе. Несмотря на пожар Москвы и на то, что войска оставили её, необыкновенное одушевление охватило русский народ. Бывают такие редкие минуты в истории человечества, когда единодушие в достижении цели охватывает все население страны. Так было в Смутное время — четырёста лет назад. Так было и в наши дни — в 1941–1945 годах, в Великую Отечественную войну.

Гибель Москвы стала очистительной жертвой, принесённой на алтарь российской государственности. Историк Н. К. Шильдер писал более ста лет

назад: “Из современников тяжёлой години не все поняли Кутузова... Только потомству суждено было признать, наконец, в лице Кутузова тот образ, несравненный образ проницательного полководца, который спас Отечество и как бы создан был для той критической минуты, которую переживала тогда Россия, но в то время все бродили в потёмках, один Кутузов имел ключ к спасению империи и понимал, какое он стережёт сокровище”.

В разговоре от 30 ноября 1812 года с интендантом Великой французской армии М. Д. де Пюибюском, пленённым под Красным, русский главнокомандующий признался, что война, предпринятая Наполеоном “против государства, столь обширного, как Россия, есть такая глупость, на которую ни ваши старые генералы, ни Сенат, ни советники не должны были соглашаться”. Он говорил, что уступал войскам французского императора столько пространства, сколько было нужно, чтобы истомить его армию, ослабить и победить её усталостью или голодом. И весьма удивлён был тем, что все его хитрости легко удавались.

Но оказывается, и Наполеон, по мере того как они всё дальше и дальше продвигались вглубь необъятной страны, начинал чувствовать себя марионеткой, которую использует опытный кукловод, заставляя двигаться в нужном направлении.

Именно тогда среди генералов Наполеона зародилось подозрение, что *старый лис* готовит западню для французского волка. А войдя в первопрестольную, не дождавшись ключей от города на Поклонной горе, напуганные многочисленными пожарами, они почувствовали, что западня захлопнулась.

И тут *повелитель мира* заметался. И сделал большую глупость: стал искать возможности передать русскому императору предложение о заключении мира. За 36 дней, которые Бонапарт провёл в Москве, он предпринял три попытки сообщить Александру I о своем желании заключить мир с Россией. Первый раз он сделал это через генерал-майора Ивана Тутолмина, начальника Воспитательного Дома. Буквально следом, не получив никакого ответа, Наполеон уговорил Ивана Яковлева, отца Александра Герцена, отправиться в столицу с письмом к императору. Третью попытку договориться о мире предпринял маркиз Александр Жак Бернар Лористон, бывший посол Франции в России. Кутузов жёстко ответил генералу Наполеона: “Я подверг бы себя проклятию потомства, если бы сочли, что я подал повод к какому бы то ни было примирению; таков в настоящее время образ мыслей нашего народа”.

Да и памятливым Александр I не мог забыть, что он предлагал Наполеону закончить дело миром. Тогда заносчивый корсиканец отказал российскому императору. Кутузов, наблюдая за неудачами Наполеона, тихонько посмеивался, ибо понимал, что он не имеет достаточных сил для продолжения войны. Именно это и предвидел русский полководец, оставляя Москву.

Сидение в пылающем городе, грабежи, мародерство, осквернение храмов, насилие и расстрелы мирных жителей, неопределённость положения, отсутствие дисциплины усилили разложение французской армии.

Русская армия, на 12 дней исчезнувшая из виду французской армии, совершила стратегический марш-маневр на Красную Пахру, восхитивший Наполеона: “...Хитрая лиса – Кутузов – меня сильно подвёл своим фланговым маршем”. Здесь, под Тарутино, воины приводили себя в порядок и получали пополнение. Численность русского войска возросла втрое. Здесь же получила путевку в жизнь новая тактика полководца, которую он назвал “малой войной”: создание партизанских отрядов. Историк генерал А. И. Михайловский-Данилевский писал: “В Тарутино в неимоверно краткое время Кутузов привёл в самое стройное положение армию, утомлённую тысячевёрстным отступлением и кровавыми сражениями, вручил народу оружие...” И эта тактика принесла потрясающие результаты, очистив русскую землю от иноземных захватчиков.

6 октября Кутузов отдал приказ о нападении на отряд Мюрата, стоявший на реке Чернишна неподалёку от Тарутина. Разгорелся нешуточный бой, в котором русские победили с большим преимуществом.

Наполеон понял, что Кутузов меняет тактику, и готовился к нападению. Но на самом деле дальновидный полководец хотел, чтобы корсиканец подольше пробыл в ловушке, роль которой сыграла Москва.

На следующий день по приказу императора французская армия из Москвы двинулась по Старой Калужской дороге. В Москве оставался только корпус маршала Мортье. Вечером 20 октября Наполеон послал из своей главной

квартиры в селе Троицком маршалу Мортье приказ оставить Москву и немедленно присоединиться со своим корпусом к армии, а перед выступлением взорвать — полностью снести с лица земли! — Московский Кремль. К счастью для нас, в Кремль проникли русские патриоты, которые не дали совершиться этому злодеянию. Да и небеса, пославшие на землю в этот день сильный дождь, были на нашей стороне.

10 октября, благодаря сообщению начальника партизанского отряда капитана Сеславина, Кутузов узнал о движении Наполеона через Боровск на Малоярославец. Под этим небольшим городком через день и состоялось кровопролитное сражение, которое заставило Наполеона повернуть на старую Смоленскую дорогу, по которой он шёл на Москву. Эта битва разрушила планы французского императора, который рассчитывал двигаться по нетронутым войной областям. Кутузов с этого момента и до перехода через Неман жалких остатков Великой армии чётко контролировал ситуацию. Впереди были торжество русского оружия и бегство Наполеона.

И вместе с тем он, как глубокий политик, не желал окончательной гибели его. Вот что он раздражённо говорил представителю английской короны при русской армии генералу Вильсону, который заставлял бросать новые и новые роты в разгоревшееся сражение под Малоярославцем: “Я нисколько не полагаю, чтобы совершенное истребление Наполеона и его войск было таким благодеянием для Вселенной. Наследство его достанется не России”. Эти слова его объясняют замедленные действия армии под Тарутиным, Красным, Березиной... Защищавший русские интересы в Европе, он был против нового заграничного похода, отнявшего жизни воинов и принесшего огромные затраты населению России.

Лев Толстой в своей гениальной эпопее “Война и мир” глубже всех, кто писал о Кутузове, проник в трагедию последних месяцев жизни Михаила Илларионовича: “Толпа французов бежала с постоянно усиливающейся силой быстроты, со всею энергией, направленною на достижение цели. Она бежала, как раненый зверь, и нельзя ей было стать на дороге... Чем дальше бежали французы, чем жалче были их остатки, в особенности после Березины, на которую, вследствие петербургского плана, возлагались особенные надежды, тем сильнее разгорались страсти русских начальников, обвинявших друг друга и в особенности Кутузова. Полагали, что неудача Березинского петербургского плана будет отнесена к нему, и потому недовольство им, презрение к нему и подтрунивание над ним выражались сильнее и сильнее... В особенности после соединения армии блестящего адмирала и героя Петербурга Витгенштейна это настроение и штабная сплетня дошли до высших пределов... Старый человек, столь же опытный в придворном деле, как и в военном, тот Кутузов, который в августе того же года был выбран главнокомандующим против воли государя, тот, который удалил наследника и великого князя из армии, тот, который своею властью, в противность воле государя, подписал оставление Москвы, этот Кутузов теперь тотчас же понял, что время его кончено, что роль его сыграна и что этой мнимой власти у него уже нет больше”.

Для полного понимания сложности взаимоотношений императора Александра I и Кутузова приведу любопытный факт, зафиксированный историком А. А. Керстовским. Прусский король, высоко ценивший заслуги Кутузова в победе над Наполеоном, соорудил памятник Кутузову в Бунцлау, где скончался победитель Наполеона, и просил царя осмотреть его на пути в Россию. Александр I отказался... У императора Александра Павловича были великие достоинства, но были и недостатки...

И всё-таки в моей памяти остаются дивные слова старого воина, видевшего и славу, и унижение, знавшего, что история его оправдает, ибо не для себя он воевал. Он-то точно знал, что за ним на веки вечные останется слава полководца, выгнавшего из пределов Отечества “Бога войны”. Можно себе представить, с каким наслаждением русский фельдмаршал говорил: “Сладко гнать перед собой первого в свете полководца”.

Он знал, что впереди — полный развал Великой армии, заграничный поход русских войск и въезд на белом коне Александра I в Париж. И бурная, но недолгая благодарность Европы освободителям.

Однако генерал-фельдмаршал, светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов этого уже не увидит. 16 апреля 1813 года он умер, исполнив своё предназначение. Прах его покоится в Казанском соборе Санкт-Петербурга. Имя его священо для русского народа.

ЧИТАТЕЛИ ПРОТИВ ЛЖЕЦОВ

Историческое исследование Станислава Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста” было опубликовано на страницах “Нашего современника” в 2010 году и дважды (в 2011 и 2012 годах) переиздано в издательстве “Алгоритм”. Оба издания быстро исчезли с полок книжных магазинов. Вопреки широко распространённому мнению о том, что книжная культура вырождается, что мы перестаем быть “читающим народом”, что современного человека одолевают лишь одни “материальные заботы”, письма читательские о Холокосте постоянно приходят в журнал, в издательство, в адрес автора книги не только из России, но также из Белоруссии, из Казахстана, из Америки, даже из Австралии. А это значит, что в современной демократической России жёсткое “табу” на “еврейский вопрос”, существовавшее в советскую эпоху, благодаря трудам многих честных отечественных и зарубежных историков разрушено, что вызывает патологическую ярость “идеологов индустрии холокоста”, как называет их Норман Финкельштейн, американский историк, отец и мать которого прошли через Освенцим.

В декабре прошлого года на сайте журнала с претенциозным названием “Мы здесь” некая Виктория Вебер, вспомнив юбилей Станислава Куняева и его книгу “Жрецы и жертвы Холокоста”, выплеснула эту ярость в мировую паутину: “...патриарх русского фашизма...”, “...печатный орган клуба стервятников газета “Завтра”...”, “...русские писатели-фашисты вместе с ветеранами армии и Лубянки повели страну своим путём...”, “...русское православие и коммуно-фашизм — вещи взаимосвязанные...”, “...в РПЦ сидят не священники, а чекисты...”, “...антисемитизм в России давно существует на государственном уровне...” — вот какими шизофреническими перлами избилует этот отклик, в котором “фашистами” и “антисемитами” объявлены Сергей Михалков, Леонид Леонов, Валентин Распутин, Юрий Кузнецов, Вадим Кожин, Александр Проханов, Захар Прилепин... Всех и не перечислить. “Несть числа легиону писателей антисемитов”, — сокрушается Гербер (простите, оговорился — Вебер!). “Я уже рассказывала в позапрошлом выпуске “Мы здесь”, — напоминает она, — о русских писательских десантах, разносивших антисемитские идеи по арабо-исламскому миру”, — и называет в числе “русских десантников-антисемитов” Юлиана Семёнова и Александра Чаковского. Совсем у девушки крыша поехала!.. Юлиан Семёнов был сыном Семёна Ляндреса, служившего секретарём у Николая Бухарина, а Чаковский — сыном крупного саратовского нэпмана. Оба “русских десантника” были чистокровными евреями и борцами с фашизмом и антисемитизмом. Как они могли разносить “антисемитские идеи”, да ещё по “арабо-исламскому миру”?.. До такого маразма не договаривались даже хозяева и завсегдатаи отечественного телеэфира — ни Швидкой, ни Сванидзе, ни Алла Гербер, ни Млечин, ни Познер... В отличие от “русских фашистов”, они, говоря словами В. Вебер, “езде”. Их вопли в медийном пространстве настолько слышны, что главный редактор “Литературной России” Огрызко решил из шабесгойских соображений вплести голос своего маргинального издания в этот истерический хор: “Сайт Куняева в сети имеется, на котором, между прочим, рекламируются эпохальные труды этого борца за Россию, как “Жрецы и жертвы Холокоста”” (“Литературная Россия” № 5, 2013). А ведь при главном редакторе Эрнсте Сафонове в 90-е годы прошлого века “Литературная Россия” была одним из оплотов русской патриотической мысли.

Однако, вопреки усилиям Швидкого и Огрызко, визгам Гербер и Вебер, наши читатели понимают правду об одной из крупнейших трагедий в истории человечества, превращённой ныне в циничный идеологический и финансовый бизнес. Мы уже публиковали подборку читательских откликов на книгу о холокосте. Но к нам приходит множество новых писем. Обратная связь журнала со своими читателями не ослабевает...

“СПАСИБО ЗА ПРАВДУ И БОРЬБУ!”

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Во второй раз прочитал Вашу работу “Жрецы и жертвы Холокоста”. Сначала журнальную версию, а теперь приобрёл и книгу. Тема – вечная и неисчерпаемая, так как касается бытия всего мира и главного события в истории человечества – распятия Христа. Идея избранности лежит в основе верования евреев. Они – сверхнация, и какие бы события с ними ни происходили, они все имеют печать уникальности и неповторимости. Из этого следует и особенность Холокоста... “Евреи – единственные мученики в истории”. Нельзя их страдания приравнять к страданиям других народов. Эта уникальность и есть причина появления “антисемитизма”. Они сами придумали и подкинули мировому сообществу это понятие. Ведь антисемитизм – это не ущемление и притеснение евреев по национальному или религиозному признаку, а нежелание считать их сверхнацией, “особым народом”. Сомнение в их избранности, приравнивание евреев к остальным народам, нежелание подчёркивать и принимать их особенность – вот что становится причиной антисемитизма. Всё, что происходит с еврейством, – уникально, потому и Холокост – событие особенное, не имеющее аналогов в мировой истории. И даже простое игнорирование этой темы приравнивается к антисемитизму. Тебе безразлична судьба евреев? – Ты махровый “антисемит”. Только поклонение и признание их новой религии избавит тебя от этого штампа. А то, что Холокост – это новая религия, Вы прекрасно доказали и показали в своей работе.

Есть в евреях способность выворачивать наизнанку историю и поднимать гвалт, если кто-то усомнится в их сакральных истинах (Вы, Станислав Юрьевич, это ощутили на себе, когда на дискуссии “Классика и мы” подняли руку на почти уже канонизированного певца революции Э. Багрицкого). Способность спекулировать историей и выставлять события в выгодном для себя свете, несмотря на противоречащие этому факты, впоследствии догматизируя свою точку зрения и даже не допуская попыток критики – вот в чём уникальное свойство евреев. Ну, ладно, Холокост, ему есть обоснование. Действительно, множество евреев было уничтожено немецкими нацистами, это настоящая трагедия еврейского народа (вопрос только в том, сколько было погибших, и кто должен в этом каяться). Но создание мифа о депортации всех евреев Советского Союза в Сибирь, о запланированном крушении эшелонов, о создании каких-то списков в домоуправлениях и т. д. – вот действительно афера. И многие на это клюнули. Создание культа Сталина, а впоследствии его развенчание – тоже их работа. Этот сакральный 37-й год: нельзя сомневаться ни в количестве репрессированных, ни в причинах репрессий. “Сталин – тиран и убийца!” – опять догмат, и сомнения в нём караются. И таких догматов у “избранного” народа множество: начиная от черносотенства и погромов и заканчивая диссидентами-“мучениками”. Самое печальное во всём этом то, что наши люди верят и почитают за истину всё это мифотворчество. И многие из них – неглупые люди. Насколько же силён у избранного народа талант пропаганды и промывки мозгов, что представители иных наций готовы состоять у них на службе (как Вы их называете – “шабесгой”).

К сожалению, стоит признать, что идея избранности еврейского народа стала прародительницей фашизма, нацизма и других расовых идей, где один народ (высокоразвитый) противопоставляется остальным (слаборазвитым). Эта идея уникальности нашла своё применение в фашистской Германии, в современных США с их правом вмешиваться в дела любого государства, и в будущем пригодится странам “золотого миллиарда”, так как при уменьшении всех мировых запасов природных ресурсов к их потреблению будут допущены только избранные. Мировое господство – вот главная цель “избранных”, и они к этому идут на протяжении всей своей истории. И вставлять им палки в колёса – очень опасно, но другого выхода нет.

Станислав Юрьевич, прочитал все Ваши книги, которые были доступны: “Возвращенцы”, “Мои печальные победы”, “Поэзия. Судьба. Россия”, “Стас уполномочен заявить”, “Шляхта и мы”, “Растерзанные тени”, “Есенин”, “Жрецы и жертвы Холокоста”. Благодаря Вам ближе познакомился с поэзией

С. Есенина, открыл для себя творчество Н. Клюева, С. Клычкова, П. Орешина. Недавно прочитал роман И. Головкиной “Лебединая песнь Победённые”. Купил томик Н. Рубцова. Приближаюсь к русской литературе и культуре. Спасибо Вам за правду и борьбу! Здоровья Вам и новых честных работ.

Сергей Беляничев
г. Калуга

КНИГА, НЕСУЩАЯ СВЕТ

Добрый день, дорогой Станислав Юрьевич!

Как говорится, “во первых строках” своего письма хочу ещё раз поблагодарить Вас за присланные книги. Удивительная надпись, сделанная Вашей рукой на книге А. Ганина: “Приятнее всего дарить то, с чем жалко расставаться...” — Какая-то блоковская мудрость в этих словах. И оттого подарок делается стократ ценнее и дороже. Обязательно представлю поэзию Ганина — этого удивительного поэта в журнале — увы, многие любители поэзии, даже профессионалы, о таком поэте и не слыхали.

А Ваша книга “Жрецы и жертвы Холокоста” началась лично для меня со строк, начертанных Вашей рукой на титульном листе: “Когда я писал эту книгу, то её страницы обжигали мои пальцы”.

Не сомневаюсь — такое ощущение испытают очень многие из тех, кто беспристрастно попытается вчитаться в написанное Вами. Ибо, несмотря на огромное количество книг и статей о Холокосте, такой, как Ваша — объективной, приводящей мнения “жрецов” разных противоборствующих сторон, — практически нет. Одни, доходя до кликушества, возводят в абсолют трагедию еврейского народа, отказывая в праве на катастрофу другим народам, порой — не менее за свою историю пострадавших. При этом стараются вообще игнорировать тот факт, что несть числа нациям, которые, увы, оказались просто стёртыми с лица земли.

Существуют и такие, кто именует Холокост мифом, придуманным самими евреями... Что тоже не выдерживает никакой критики, если, к примеру, взглянуть на историю моей родной Беларуси, некогда входившей в “черту оседлости”. По переписи начала XX века в Беларуси еврейского населения было немало, в отдельных населённых пунктах, включая Минск, их число доходило до 70%! Недаром в республике до войны было четыре государственных языка — русский, белорусский, польский и еврейский (идиш). После германской оккупации эта статистика изменилась кардинально...

Я внимательным образом прочёл Ваш “Холокост” дважды — вначале в журнале “Наш современник”, затем, когда получил от Вас бандероль с книгой. Убеждён: эту книгу надо изучать в школах. Причём не только на территории бывшего СССР, но и в Израиле. Хотя прекрасно понимаю, как “жрецы Холокоста” могут отнестись к подобной идее! Между тем, сделанная Вами героическая попытка вскрыть истинные причины трагедии европейского еврейства, в которой немалую роль сыграли силы мирового сионизма, сознательно подтолкнувшие своих соплеменников к краю бездны, заслуживает самого пристального внимания.

Ведь избежать новых катастроф можно лишь тогда, когда чётко поняты причины происшедшего. А они со временем всё сильнее мифологизируются. В литературе не прочтёшь, что если не самих палачей своего народа, то уж их духовных наставников самим евреям следует поискать среди “знаковых фигур” своей истории.

Станислав Юрьевич, я давно понял, что Вы — человек, который, в отличие от многих других, путь к истине ищет “не щадя живота своего”. Я уже об этом однажды писал в своей статье о Вас, а новая книга — тому подтверждение, ведь за Аллу Гербер в той давней истории вступились именно Вы. Более того, не сомневаюсь, повторись сегодня похожая ситуация — Вы бы снова, несмотря на всё, что Вас ныне разделяет с А. Г., вступились бы за неё. Ведь для Вас главное — человек и право личности человеком именоваться.

А в какую “Песнь о Грузии” вылилась Ваша глава “Бедный Бадри”? Сколько там колоритнейших образов, великолепно выписанных рукой Мастера!

При этом, не сомневаюсь, – Ваши недруги объективности Вашей постараются не заметить. Господь им судья! С какими-то частностями, возможно, и следовало бы поспорить, но без этого не было бы той страсти, с которой написана книга.

Нашёл одну маленькую неточность: белорусскую Хатынь сожгли не эстонские каратели, а украинские. Это скрывалось десятилетиями. Командовал ими некий Васюра, долгие годы выдававший себя за ветерана Великой Отечественной и выступавший на пионерских линейках. . . В конце концов, его разоблачили и расстреляли, но процесс был закрытым, и в печать о нём не проскользнуло ни полсловечка.

Лично мне, дорогой Станислав Юрьевич, на моём очень непростом литературном пути евреи не помогали. Помогли настоящие русские писатели, усмотревшие в моём творчестве родственную душу. Низкий поклон им за это, а за право называть себя русским поэтом – особенно!

Не думал, Станислав Юрьевич, что разоткровенничаюсь до такой степени, но Ваша книга, Ваша принципиальная и человеческая порядочность заставили впервые в жизни заговорить на эту тему, которой, в общем-то, я не люблю. Кстати, давно уже пишу “Заметки о литературе и обществе”, в которых немало догадок и рассуждений, в том числе и на эту тему. К примеру, долго размышлял над тем, почему лучшие, радостные, счастливые советские песни были написаны в самый разгар 30-х годов, когда уничтожалось казачество, крестьянство, духовенство, одним словом – всё русское. И неожиданно для себя пришёл к выводу, что поскольку хорошую музыку нельзя написать от страха, авторы – евреи, которых в то время было среди композиторов-песенников неимоверное количество, – видно, они писали, внутренне ликуя от того, что происходило вокруг. . .

Не знаю, согласитесь ли Вы с этой моей догадкой?.. В любом случае, во всё этом много искусственно нагоняемой тьмы. А вы тот человек, который пытается пролить свет. Вот за эту светоносность Вашу ещё раз Вам искреннее спасибо!

Сердечно

Анатолий Аврутин
г. Минск, Беларусь

“КНИГЕ УГОТОВАНА ЯРКАЯ И ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ”

Дорогой Станислав!

Твоя работа “Жрецы и жертвы Холокоста” не просто интересна, она ошеломительна. И не только потому, что тема, как ты говоришь, сложная и “горячая”, а ещё и потому, что это – титанический труд! И он проделан тобой так ярко и убедительно, так пронзительно и глубоко, что заставляет меня, да и, наверно, других твоих читателей возвращаться к нему снова и снова. Я вначале читал всё это в “Нашем современнике”, с нетерпением ждал очередного номера и вгрызался в журнал. А потом, когда ты прислал мне книгу да ещё с сопроводительными словами, где ты пишешь: “Дорогой Володя!.. Прими на память книгу, тяжелее которой я никакую другую не писал. Измучился, но освободился от наваждения. Вале Распутину я её тоже послал...” – я перечитал твою работу снова.

И вот только тогда я понял, ЧТО это была за работа для тебя! И как она тебя жалила и терзала, но всё же своей заострённостью, накалённостью вновь и вновь заставляла братья за перо. Кстати, когда я, удивляясь, говорил Валентину Григорьевичу о своём впечатлении от прочитанного и добавлял свои вопросы к этому впечатлению: как? откуда Куняев всё это берёт?.. и что это за работоспособность такая – всякий раз отыскивать нужные книги, газеты, материалы, разбросанные по всему миру?.. читать их, полемизировать с авторами, расставлять свои точные акценты и взрывать устоявшиеся мнения? – Распутин мне отвечал: “Твёрдость и неисчерпаемость русского характера Куняева идут впереди него!”

Меня очень давно волнует русско-еврейский вопрос, а более остро он стал жечь не только меня, но и всех нас с той поры, когда начался разлом Союза писателей СССР. Причём первыми пошли на разрыв не русские, а евреи. И, конечно же, создавая “Апрель”, та, другая сторона отделялась от нас, в основном, по национальному признаку. Случилось это в 90-е годы и в Иркутске.

От нас уходили все те, кто получал от советской власти всё, будучи членами Союза писателей СССР: приличные гонорары, книжные издания, квартиры, путёвки на лечение, чуть ли не ежегодную возможность проживать и работать в домах творчества в Переделкино, Малеевке, Коктебеле, Комарово, Дубултах, Гаграх. Более того, расставаясь с нами, они это делали крикливо и шумно, хлопали дверями, делали заявления для печати и на чём свет стоит костерили русских писателей. Одно время председателем Союза российский писателей в Иркутске был Анатолий Кобенков (Давид Звенигородский). Так он умудрился написать для журнала “Знамя” статью “Иркутск: новое положение”, в которой в пух и прах разделявал бывших своих соотечественников — талантливых русских писателей и среди них даже тех, кому посвящал свои произведения: Петра Реутского, Василия Козлова.

Вот, к примеру, какие он даёт характеристики Реутскому и Козлову, а с ними — блистательному поэту Анатолию Горбунову, которого в Сибири называют “иркутским Николаем Рубцовым”, и мне: “Козлов плакатен и партиен, Горбунов слащав и вторичен, Реутский неряшлив и болтлив, Скиф зарифмовывает всё услышанное от своего великого родственника, доводит до пародийного кипения и выдает за российскую боль...” и т. д. и т. п.

Зато о своих мало кому известных собратьях он говорит совершенно иначе: “Умелый прозаик и въедливый публицист Борис Ротенфельд да чудный автор нескольких книжек для детей и взрослых Федор Боровский; к двум этим присоединилась вечная страдалница Людмила Бендер и, конечно же, те, кого не пускали в писательскую среду по причине их нескрываемой брезгливости по отношению ко всякого рода шовинистам и кликушествующим патриотам: автор трепетных рассказов Олег Корнильцев, много пишущий и широко печатающийся прозаик Александр Просекин, выходящий со своими пьесами на сцены сибирских театров и Питера Юрий Князев, колоритнейший, живущий стихом и прозой, фотографией и живописью Владимир Пламеневский, мечущийся между политикой и критикой Виталий Камышев...” и т. д. и т. п.

Отделиться-то они отделились и надеялись на то, что власти предрержащие, от президента Ельцина до местных чиновников, поднимут их до самых небес, и посыплется на них манна небесная в виде долларов и новых изданий, почётных званий и орденов, писательских домов и личных музеев, о которых они возмечтали при жизни, как тот же **Евгений Евтушенко, добившийся от иркутских областных властей финансирования на свой собственный музей в городе Зиме, не дав на него ни рубля из своих сбережений**. Зиминцы долго смеялись по этому поводу, но музей, тем не менее, появился. Зиминский поэт Виктор Зуев даже посвятил стихотворение “бедному” Евгению Александровичу, строки из которого я поставил эпиграфом и к своим стихам, адресованным “русско-американскому поэту” Е. Евтушенко.

*“Славу добыл я не задарма...” —
Понимаем. Ясного ясней:
Хочешь ты, чтоб нищая Зима
Для тебя построила музей.*

Виктор Зуев, зиминский поэт

*Вот и еду в “Музей Кобенкова” —
В самый тихий на свете музей.*

Анатолий Кобенков

*Парадоксы времени безумного...
Вон — поэт почти безумным стал:
Он себя, кичливого и шумного,
Подсадил на шаткий пьедестал.*

*О музее личном беспокоится,
Пишет губернатору поэт...*

*Всё ж сначала надо упокоиться,
А музей уж будет или нет...*

*Пашня жизни мусором засеяна.
Светом, добродетелью засеи!
Не представить гения Есенина,
Чтоб радел за собственный музей!*

*Евтушенко прибыл из Америки
И тревогу на Руси забил:
“Как же это? — бьётся он в истерике, —
Я ж в России не был или был?”*

*Я ж когда-то ратовал за Ленина,
Сталину подхлопывал, как друг.
Почему зиминцы ошаленные
Дом поэта разломали вдруг?”*

*Эй, поэт, подумай по-хорошему,
В тишине поразмышляй сперва:
Почему твой дом полузаброшенный
Растащили люди на дрова?*

*Но кричит он: “Я за злодеяние
Отомщу свою мощью всей.
Будете, зиминцы окаянные,
Мне при жизни создавать музей!*

*Стройте и трудитесь хорошенечко —
Это наказание будет вам.
Сам же я на стройку евтушенечью
Ни рубля, ни доллара не дам!”*

*...Вот и фотокарточки развешаны...
Как же это посреди веков
На своих музеях вы помешаны,
С Евтушенкой Толя Кобенков!*

Станислав! Меня до глубины души пронзила лирически-трогательная, со-
страдательно-правдивая глава о православном еврее Борисе Бернштейне.
Как чудовищно выглядит фарисейское лицо жестокосердного Израиля в отно-
шении к этому чистому и честному человеку, так ясно и сердечно, как на ис-
поведи, излагавшему тебе свои мысли о православии, о преклонении перед
русскими мыслителями Игорем Шафаревичем, Александром Казинцевым,
писателем Валентином Распутиным и о своём восхищении поэзией Юрия Куз-
нецова, Виктора Кочеткова и Виктора Верстакова. Как горько, как худо ему
было, ставшему отступником и гоем под железной подошвой “демократичес-
кого” Израиля.

И ещё я очень рад твоему поразительно доброму и внимательному отно-
шению к израильскому писателю и публицисту Исраэлю Шамиру. Давным-
давно, ещё в советское время мне довелось прочитать его книгу “Сосна и оли-
ва”. А было это так. Когда Валентин Распутин уже набрал свою писательскую
высоту и обрёл всемирную известность, к нему, будучи в поездке по Сибири,
напросился в гости успевший прозвучать в зарубежной печати Исраэль Ша-
мир, который подарил В. Г. только что вышедшую на русском языке книгу
“Сосна и олива”.

В то не очень-то уютное время кое-что из книг, привезённых В. Г. из-за
границы, перепало и мне: Варлам Шаламов, Николай Клюев, Вячеслав
Иванов, Марина Цветаева, Николай Гумилёв, “Бодался телёнок с дубом” Со-
лженицына и прочее. Что-то он мне дарил, а что-то давал почитать, как, до-
пустим, “Сосну и оливу”, поскольку книга была с автографом автора.

В тот день Валентин Григорьевич как рентгеном высветил израильского гостя, долго с ним беседовал, дал ему выговориться и увидел в нём умного, просвещённого, честного публициста и человека. А мне дня через три после отъезда Шамира из Иркутска сказал, когда я листал подаренную книгу: “Возьми, почитай и ты, уразумеешь кое-что интересное в мировой жизни и политике”. С тех пор я всё чаще и чаще стал отыскивать книги по русско-еврейскому вопросу, стал читать “колючие” книги, стал выписывать мысли и суждения из других книг на эту же сверлящую мозг тему.

Я думаю, Станислав, что твоей книге уготована очень яркая и долгая жизнь. Она не только растревожила русский ум и пронзила русское сердце, но и заставила, надеюсь, задуматься наших оппонентов. Хотя вряд ли можно достучаться до таких, как Алла Гербер. Но я думаю, что и они в значительной степени воспринимают всё написанное тобой так, как и дулжно воспринимать. И понимаю, что Холокост – это не просто придуманная евреями идеология, это их вселенская кормушка.

Владимир Петрович Скиф
г. Иркутск

“ВАША КНИГА ВООРУЖАЕТ ПРОТИВ ЛЖИ...”

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

О Вашей книге. О её значении Вам, конечно, уже сказали коллеги, благодарные русские люди, просто читатели (в том числе и порядочные евреи). И Вы сами понимали, когда брались за эту работу, насколько она “неподъёмна”, кропотлива и изнурительна и т. д., о чём сами сказали в предисловии. Но ведь справились же!

Я находил после работы время, чтобы дома вечерами внимательно (построчно) прочитать несколько страниц книги или главу, если удастся. В новогодние праздники, в три последних дня, вторую половину одолел, как говорится, одним махом, запоем! И должен сказать Вам несколько слов о своём понимании содержания.

Ряд работ, которые вы называете, мною в своё время были прочитаны: и “Что нам в них не нравится”, и “Факультет ненужных вещей”. А, читая о литературной жизни на Кавказе в советское время, представленной Вами так ярко, невольно вспоминал “Алмазный мой венец” Валентина Катаева. Но если у Катаева нужно было узнавать, кого из литераторов он имеет в виду под вымышленным именем, то у Вас фамилии персонажей и их должности названы со всей определённой. Вы даже разрушаете “хрестоматийный глянец”, называя В. Маяковского шабесгоем! То есть низводите его с высоты памятника до человеческого роста и среды, в которой он обитал, и даёте ему точную характеристику. А ведь и это важно для современников, которые уже почти разучились рассматривать личность в тех обстоятельствах, в которых она пребывала! Понятно, что труд Ваш – публицистический, но забываешь об этом, проникая в художественную глубину тщательно выписанных отношений между лицами, известными многим по реальной жизни.

Тема книги мне знакома, но не так глубоко, как она раскрыта в книге, и я не могу судить о ней так точно, как об этом у Вас сказано. А если так, то для большинства читателей, к которым она попадёт (менее посвящённым в историю вопроса), она станет неожиданным открытием, то есть высказанной откровенно, неприкрытой правдой. Эта книга будет делать русских людей истинно русскими (пусть узнают себя в противопоставлении и этноидентифицируются!), а политическое руководство – просвещать соответствующим образом, чтобы их практика не расходилась с задачами по управлению страной и государством. Книга нужна! Её нужно переиздавать, как переиздают многотысячными тиражами свои (ненужные россиянам!) книжки “жрецы холокоста” – явления, информация о котором привнесена в Россию с Запада и навязывается, не сообразуясь с жертвами многонационального СССР в Великой Отечественной войне.

Для меня Ваша книга ценна тем, что Вы, её автор, в ряду, который я для себя выстроил, будете третьим по счету аналитиком по теме, касающейся евреев. Прочитано мною много писателей и публицистов XIX века, начала XX,

современников. Всё, конечно, было на пользу, но особенное влияние на моё развитие оказали Л. Гумилев (раскрыл механизмы этнического стереотипа поведения, взаимодействия этносов и суперэтносов); Г. Климов (представил социологические выкладки этнической деградации в процентах, ссылаясь на авторитеты в области соответствующих наук) и С. Куняев – изложил конкретику вопроса, взяв лишь одно направление темы (холокост). И эта конкретика хороша тем, что показывает, как частные моменты, проявляясь индивидуально, выступают причинами общественных явлений (и политических режимов!), таких, например, как фашизм. А это важно понимать! Конкретные “герои” появляются тогда, когда готова для них социальная почва. И эту почву Вы показали: и Ницше, и Вейнингера, и Рихарда Вагнера. Отсюда – “изживание в себе еврея” многими тамошними томящимися молодыми людьми. И направленность на это соответствующей части общества, и их стремление утвердиться в арийской расе... А в итоге пострадали те немцы, которым не нужно было ни томиться, ни утверждаться, – они жили своей жизнью, а вляпались в уготованный им фашизм...

Цитирую Вашу книгу (с. 101): “В двадцатом веке, к несчастью для человечества, на европейском материке произошли столкновения двух национализмов, нет, много страшнее, – двух расизмов: немецкого и еврейского. Оба были беременны...” “Беременность” разрешилась фашизмом.

Этому в своей книге Вы уделили пристальное внимание. Пожалуй, нет ни одного Вашего утверждения, которое не было бы подкреплено цитатой из газетной статьи, журнальной публикации или книги. Цитирование здесь – неспроста. Казалось бы, о евреях всё сказано, но это всё или кое-что из всего этого сочтут голословным, начнут шуметь, призывать к ответу... А приведённая в подтверждение сказанного цитата все эти шумы сводит на нет, потому что согласно российскому законодательству цитирование снимает правовую ответственность за сказанное. Не случайно положение об этом было зафиксировано в законе о СМИ с тем, чтобы как можно быстрее ложью развалить СССР: в какой-то неприметной газетёнке публикуется ложь, затем масса газет перепечатывает её, ссылаясь друг на друга и, таким образом, снимая с себя ответственность за содержание публикации. Теперь эти лжецы получают своё тем же способом: ссылаясь на публикации, мы можем говорить правду. А лжецы остаются в положении немого с открытым ртом: крыть им нечем.

Написание этого письма совпало с выходом в свет статьи В. Путина “Россия: национальный вопрос”. Приведу цитаты из неё и прокомментирую.

“Носители другой культуры должны либо “раствориться в большинстве”, либо остаться обособленным национальным меньшинством – пусть даже обеспеченным разнообразными правами и гарантиями. А фактически – оказаться отлучёнными от возможности успешной карьеры. Прямо скажу – от гражданина, поставленного в такие условия, трудно ожидать лояльности по отношению к своей стране”.

Это о ком? О китайцах? О таджиках? Ну, точно – о французах... Ведь именно во Франции арабы не хотят перенимать культуру страны, в которой осели. А продвинутые россияне, имея это в виду, могут подумать об ашкенази и сефардах в нашей стране, то есть о тех, кто продолжает жить замкнуто, считая своё окружение врагами, в том числе и тех, кто, так сказать, социализировался: лишь по национальности еврей, а в остальном – русский, живёт проблемами своего трудового коллектива, семьи, общества, государства, носит крестик православный. И не надо никакой принудительной ассимиляции. Тут и пример как раз имею. Однажды читаю Вашу книгу о сефардах, а по телеку показывают Семёна Фараду. И я как филолог вдруг догадываюсь, откуда такая фамилия пошла-есть: Се(мён) Фар(а)д(а). Видимо, папа артиста таким образом указывал на свой статус, а сына Семёном назвал, чтобы особо подчеркнуть это положение. Да и мы все видели, как жил и творил Семён Фарада, являясь талантливым артистом, как ему трудно было в безденежье и болезни и как ему помогали близкие по театру люди. Всё так, как у всех, вне отношения к национальности. А его сын, талантливый актёр, взял фамилию матери, чтобы вообще уйти от упоминания о еврействе?! Полицеймако, – кажется, так. Такая фамилия может быть и у русского, и у украинца, и у молдаванина. И это право сына Семёна Фарады – сделать свой выбор, быть полноправным гражданином своей страны, подчинять свои интересы задачам творчества, а не этнически замкнутой общине.

Но я задаюсь вопросом: а зачем кандидату в Президенты России проблемы Франции или иного другого государства, когда своих полно? Стало быть, речь идёт, прежде всего, о россиянах! И я риторически спрашиваю уже Вас, Станислав Юрьевич: а не прочитали ли там, “наверху”, книгу о жрецах и жертвах холокоста? Выводы-то какие правильные сделаны! Как-то всё в тему! А вот в подтверждение ещё одна цитата из статьи: “В одном из самых ранних русских философско-религиозных трудов “Слово о законе и благодати” отвергается сама теория “избранного народа” и проповедуется идея равенства перед Богом”. Ведь если мы соединим кусочки из приведённых цитат (“обособленное национальное меньшинство”, “идея избранности”), то поймём, что это и о евреях тоже!

Я также риторически могу задаться ещё одним вопросом: а не прочитали ли там, наверху, книгу Н. А. Нарочницкой “Россия и русские в мировой истории”? Ведь раздел цитируемой статьи – “Россия как “историческое государство” – уже на государственном уровне утверждает мысль книги об историческом государстве и геополитических интересах России, не меняющихся на протяжении веков вне зависимости от форм её государственности. Цитирую: “Наши национальные и миграционные проблемы напрямую связаны с разрушением СССР, а по сути, исторически – большой России, сложившейся в своей основе ещё в XVIII веке”.

В этой статье цитируются Василий Ключевский, Иван Ильин, Фёдор Достоевский. Стало быть, мы, русские люди, не зря писали ещё тогда, не зря пишем сегодня – в окружении неприятия и злобы тех, кто не желает видеть Россию сильной, могущественной державой. Не зря есть сегодня А. Проханов со своей газетой “Завтра”, из номера в номер вбивающей в мозги чиновникам имперское мышление русских, растворённое в сознании народов, населяющих Россию. Не зря есть Ст. Куняев со своим журналом “Наш современник”, призванным решать те же задачи!

Не зря свои труды писал Л. Гумилев. Вспоминаю: когда С. Бабурин, будучи депутатом Госдумы России, заговорил с экрана телевизора об этносах и суперэтносах, я заулыбался, зная о них уже лет десять! Лучше поздно, чем никогда, – подумалось мне тогда. Оказывается, никогда не поздно!

Уважаемый Станислав Юрьевич! Ваша книга – русская публицистика переднего края, а также источник многих рассуждений, которые здесь не представляется возможным высказать в полной мере. Особенно о холокосте как самоуничтожении евреев. Даже это кровное дело в отношении себя самих (“сжигание сухих ветвей”) они и в двадцатом веке совершали по-прежнему чужими руками, возлагая затем ответственность на чистокровных немцев; а сегодня хотят навязать всему миру холокост как религию! Однако в нашей православной стране это пройти не может, так как не может пройти выделение погибших евреев по национальному признаку на фоне многократно большего числа погибших в Великой Отечественной войне людей разных национальностей и, в первую очередь, русских. Русские себя не выделяют и другим в России этого не позволяют сделать.

Главное в книге я уже подчеркнул: она – как словарь, к которому мы обращаемся за пониманием слова. Словари всегда правых вооружают, а неправых разоружают. Россиян Ваша книга вооружит против лжи и подтасовок, и нормальных евреев в том числе.

Всего Вам доброго!

Пётр Козлов
г. Омск

“ВОПРОС СЕМЕЙНЫЙ – СРЕДИ ПЕРВЕЙШИХ ОСНОВАНИЙ ГОСУДАРСТВА”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Хочу присоединиться к читателям журнала, которые высказали уже много признательных слов в Ваш адрес по поводу необычной и основательной Вашей книги “Жрецы и жертвы Холокоста”. С начала этой публикации прошло почти полтора года, сразу была очевидна насыщенная потребность в ней, и я

приветствовал Вашу работу в своём тогдашнем письме уже с первой главы. Этот феномен “жрецов и жертв” распространяется на многое, что произошло и в двадцатом веке, и не только тогда. Какой политический пейзаж мы видим в не столь уж отдалённой перспективе после второй мировой войны? Самые высокие дивиденды получили США, Англия, Израиль. Громадные жертвы принесли мы: Советский Союз – и особенно русский народ. Мировые финансовые магнаты вскормили эту войну, направили её против СССР. Л. Н. Гумилёв подчёркивал, что войну в своих интересах готовят и развязывают те силы, которые, в конечном счёте, и пользуются её итогами. Эта тема имеет своё преломление и отражение и в Вашей книге. Конечно, она в той или иной мере освещена и в других источниках, однако наскоки на нашу страну и наш народ продолжают, и им необходимо дать отпор на должном уровне.

Тем более что под предлогом выяснения правды продолжают попытки вынести обвинения и нанести дополнительный ущерб народу России в связи с событиями так называемого Катынского дела (И. С. Яжборовская, “Вопросы истории”, 2011, № 5), чему Вы дали достойную отповедь в книге “Шляхта и мы”: именно она препятствует теперь реверансам либеральных историков. Война полна трагических событий, но все они меркнут, когда вспоминаешь о жертвах нашего народа в борьбе за свободу своей Родины, о жертвах Ленинграда, Сталинграда, многих тысяч других городов и деревень.

В майском номере “НС” за 2011 год помещён очерк Рудольфа Голосова “За Россию обидно”. Автор проводит свой разбор удручающего положения с оснащением ВМФ, других сторон хозяйственной и общественной жизни страны. Интересно его заключение о поиске путей укрепления России, где он прямо говорит, что недостаточно опираться порознь на известные общенациональные идеологические или религиозные учения. Это заключение служивого моряка, высшего офицера, Героя Советского Союза, такого семьянина, каких хорошо бы побольше иметь на нашей земле. Он замечает: “. . . Ни русский национализм, ни православная религия не смогут стать объединительной идеей российского народа без такого важного фактора, как социальная справедливость. Необходимо построить в России государство социальной справедливости. . .”, – и далее, в нескольких словах высказывая свои опасения и надежды, и заключает: “Во имя потомков наших и возрождения России!” Но ведь ключ к этому – в жизни его собственной семьи. Будут у нас все семьи такие – будет и процветающее государство! Разве тогда возможна будет негодная власть? Нет, конечно!

Сравнительно недавно, в декабре прошлого года я обратился в “Наш современник” с письмом к Александру Ивановичу Казинцеву, в связи с его книгой “Возвращение масс”, в которой, помимо знаменательных событий в других странах, он анализирует насущные вопросы современного состояния и будущего России и русского народа. В письме я размышлял над тем, что справедливое государство возможно лишь в том случае, если нерушимую основу его строя будут составлять полнокровные род и семья.

Именно в семье воспитываются и определяются отношения взаимопомощи и справедливости, русское национальное и православное сознание, под которым я понимаю всё духовное наследие славяно-русской истории: христианской и дохристианской. Нашему народу не свойственно ростовщическое выдавливание семей-изгоев или родов-изгоев. При ином выборе общества рано или поздно становится обществом монстров. А вот каналы телевидения и либеральные СМИ всячески способствуют этому. Чего стоят новации, которые навязывают нам идеологи ювенальной юстиции, о чём повествуется в “НС”? Отсюда вытекает многое остальное: пьянство, хулиганство, наркомания.

В действительности у нас семейный вопрос уже давно отлучён от заботливого попечения государства, и общественное межродовое и межсемейное историческое русское развитие протекает вне сферы внимания правительства. В последнее время он превращён в показушно-элитарный, хотя по важности находится среди первейших оснований государства, то есть должен быть таковым по нашей Конституции.

Почти в каждом из публикуемых писем в явном или не явном выражении присутствуют эти вопросы. Вот у читателя из г. Нижневартовска счастливое настроение. Он пишет, что обрёл несказанное богатство, отыскав в архивах восемь поколений своих предков. Такими могут стать все семьи в России! “Россия – страна традиционной семьи” – раздел с подобным наименованием

неплохо бы иметь в “НС” наряду с другими постоянными разделами. Семейно-родовой уклад в космическую эпоху – вот что особенно ценно для России и русских и что всегда будет противостоять Интернационалу. Мне думается, что усталость нации развивается в результате искусственно навязанного ей процесса, а не естественным путём. Нужно бы выявлять эту искусственность и преодолевать её.

Всего Вам доброго

И. В. Корелов
г. Санкт-Петербург

“В ЧЁМ ОТЛИЧИЕ ГЕНОЦИДА ОТ ХОЛОКОСТА?”

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Много был наслышан о Вашей книге, но всё никак не мог её прочитать. Волею случая не так давно получил её в подарок и сразу настроил себя на то, чтобы проглотить её в короткий срок. Не тут-то было! Уже на первых страницах книги понял: её “с кондачка” не прочитать, необходимо обдумывать, осмысливать каждую главу. Чем дальше читаешь, тем больше становится за будущее наших поколений: что ждёт их в будущем? Своего рода порабощение или уничтожение? Вы нашли в себе силы вскрыть этот нарыв, подтверждая свои выводы документально. Моя семья не избежала участи холокоста. Прадед Мейер, имевший мануфактуры на Подоле и торговавший в конце XIX и начале XX веков с великой культурной немецкой нацией, в 1941 году вышел к немцам с призывом прекратить истребление евреев, в итоге он сам попал в Бабий Яр. Встаёт вопрос: в чём отличие геноцида от холокоста? Правители мира сего не остановятся ни перед чем: сколько надо, столько и уничтожат людей для достижения своих “великих целей”.

Я благодарен Вам за то, что смогли открыть мне глаза, помогли сбросить розовые очки, взглянуть на многие вещи иначе, хотя большая часть моей жизни уже прочита...

С уважением

В. Л. Ципенюк
г. Алматы, Казахстан

“СПАСИБО ЗА ПОМОЩЬ И ПОДДЕРЖКУ”!

Дорогие Станислав Юрьевич и Сергей Станиславович!

Пишет Вам Диана Кан, поэтесса из Самарской области. Давно собиралась написать Вам, с того момента, как прочитала Вашу замечательную книгу. Её бы Алле Гербер подарить, чтобы не забывала, как Станислав Куняев, а не соплеменники защитили её, а то представители этого народа так забывчивы: сделают гадость и забудут! Но подумала: сначала прочитаю книгу, потом напишу. Потом стало известно, что Карина Сейдаметова, наша землячка, попала в семинар к Сергею Станиславовичу, потом её подборку напечатали в “Нашем современнике”, и она стала лауреатом премии имени Юрия Кузнецова. Спасибо Вам, что поддержали Карину! Вы дали ей хороший, высокий старт, но она умная и талантливая девушка (эти качества, увы, не всегда в поэтах уживаются), и за неё Вам не будет стыдно.

Здоровья, удачи и вдохновения Вам!

Диана Кан
г. Новокуйбышевск Самарской области

“ВЫ ОТКРЫЛИ МОЕМУ ПОКОЛЕНИЮ ВОЗМОЖНОСТЬ ДУМАТЬ...”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Читаю и перечитываю Ваших “Жрецов” и веду с Вами непрекращающийся диалог. По-моему, Вы сами не осознаёте, какое значение имеет Ваше творение: Вы открыли возможность моему поколению думать и говорить о вещах, которые были запретны даже в мыслях — мы гнали их прочь, как гоним мысли о смерти. Неужели среди тех, кто составлял шведскую книгу, не найдётся человек, который громко заявит о Русской книге, подаренной нам Станиславом Юрьевичем?..

Мне приятно сказать Вам, дорогой Станислав Юрьевич, что Вы для меня давно уже дорогой и любимый поэт, писатель, публицист, учёный, человек, который своим трудом радует, украшает и обогащает мою жизнь и жизнь многих людей моего поколения. В подтверждение своих слов дарю Вам свою улыбку:

*Ваша книга “Поэзия. Судьба. Россия”
Ворвалась в мою жизнь, как стихия...
Эхом промчалась и, словно гром,
Собой наполнила весь мой дом.*

*В ней слышится мне Земли глубокий вздох
И озарённый Светом Дух эпох.*

Спасибо Вам и храни Вас Господь!

Давиденко С. В.
г. Пятигорск Ставропольского края

“ТЯЖЁЛЫЕ ВРЕМЕНА НАСТАЛИ ДЛЯ РУССКИХ...”

Дорогой Станислав!

Почти двадцать лет пролетело со времени нашей встречи. Помните поездку на нашу дачу, где Вы встретились с Америковым — солдатом, попавшим в плен под Смоленском. Вы писали о нём в Вашей книге воспоминаний.

Я никогда не мог предполагать, что произойдёт с Россией под руководством Ельцина. Все богатства, накопленные нашей страной под руководством Иосифа Виссарионовича Сталина, будут розданы — абрамовичам, ходорковским, гусинским, фридманам и вексельбергам и им подобным “жертвам Холокоста”. Скажите, есть ли среди миллиардеров хоть один русский или там только присутствуют русские фамилии?..

Нам понравилась Ваша работа “Жрецы и жертвы Холокоста” и книга “Шляхта и мы”. Правдивые, полностью обоснованные фактами описания поведения “жертв Холокоста” и шляхты.

Особенно хотелось бы поблагодарить Александра Казинцева за книгу “Возвращение масс” и его статью “Испытание” — тяжёлые времена настали для русских: достаточно назвать себя русским, а не “россиянином” (откуда взялось это искусственное слово?), как тебя сразу же назовут националистом. В то время как другие могут свободно называть себя по своей национальности: башкиры, татары, ингуши, якуты и так далее. Почти так же, как во времена СССР, — всех русских записывали “советскими”, а другие народы могли именовать себя по своей национальности.

В отношении всех террористических актов: крушение “Невского экспресса”, пожар в “Хромой лошади”, авария на Саяно-Шушенской ГЭС, взрывы домов в Москве в последний год правления Ельцина (1999), убийство отца Даниила (Сысоева) — всё это организовано врагами России, возможно, американской разведкой. Деньги от них поступают на отдельные акции, которые претворяются в жизнь кавказскими экстремистами. Всё зло не в мусульма-

нах, а в американцах, субсидирующих теракты, включая и те, что происходят на их собственной территории, – уничтожение двух башен Международного торгового центра в Нью-Йорке. Эти башни подлежали сносу: защитный слой бетона не был достаточным, что вызывало коррозию арматуры. Бетон отваливался кусками. . .

Дорогой Станислав, читали Вашу короткую статью в патриотическом журнале “Русский дом”. Желательно и дальше читать Ваши и Александра Казинцева статьи в этом издании.

С уважением

В. Игнатенко

г. Сидней, Австралия

“ДОЧИТАЛ ВАШУ КНИГУ – ГЛОТНУЛ СВЕЖЕГО ВОЗДУХА...”

Станислав Юрьевич!

Хочу в этом письме сказать Вам, что никогда не был антисемитом. Национальность для меня не играла никакой роли в выборе друзей, при общении с умными, добрыми, порядочными людьми. Но в 90-е годы пришлось, да и в наше время приходится столько терпеть, сжимая кулаки, когда просматриваешь все эти ТВ-передачи и газетёнки, когда слушаешь радио. Подлые врали, осквернители всего для меня святого, кучка прихлебателей – сванидзы, познеры, радзинские. . . Тьфу! Вот они-то и сделали меня антисемитом. Нашествие на нашу страну продолжается. Этим “дерьмократам” только скажешь, кто они есть на самом деле, так тут же вопль: “международная рознь, антисемитизм! . . .” Этим людей очень хочется, чтобы я кричал: “Бей жидов, спасай Россию!” И ответить им нет никакой возможности. Снова на ТВ те же лица: млечины, герберы, швидкие. . . Снова всплыл упырь Чубайс, разорявший народ, разваливавший энергосистему громадной страны (теперь его на передовую науку “кинули”).

Начиная с 70-х годов прошлого века, я понимал, что существует “пятая колонна”, но это не вызывало тогда никаких опасений: подумаешь, “Москья лает на Слона”! Слеп я был тогда. Мне рабочие в цеху говорили: очнись, ты не знаешь, куда всё идёт. Я же был самонадеянным идиотом, отвечал им: “Зачем мне в цеху 150 полубездельников, оставил бы 50 – и они будут делать лучшие в мире приборы! . . .” А остальных 100 человек куда?! . . . На помойку? Вот так и распорядилась нынешняя система, в результате ни приборов, ни людей. . .

Система гнила со времён Хрущёва. Как она ломала нас, молодых, полных сил, надежд, веры. Отец и мама, честные партийцы, не понимали, почему я не вступаю в партию. Я так в неё и не вступил, и не жалею.

Но я всегда любил свою Коломну, Оку, лес, закаты, писал родному краю стихи, рисовал милую природу. . . Было приятно прочесть, что Вы – калужанин. Четыре года своего детства я провёл в Калуге на ул. Ленина, недалеко от театра, бора, парка Циолковского, торговых рядов, и всё это оставило в моей душе добрые воспоминания. . . Вот дочитал Вашу книгу – глотнул свежего воздуха. А дальше?. . . Снова задыхаться в этой зловонной душной атмосфере? . .

Низкий, до земли-матушки поклон Вам – русскому талантливому человеку!

Соловьёв В. П.

г. Коломна Московской области

“ВАШИ КНИГИ – КИРПИЧКИ В ХРАМЕ ИСТИНЫ...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Позвольте выразить Вам своё искреннее почтение за те прекрасные книги, с которыми я имел возможность и удовольствие ознакомиться. Зовут меня Алимбаев Баламер Музафарович, казах, мне 52 года, архитектор по образованию.

Прочитав книгу “Жрецы и жертвы Холокоста”, честно скажу, я открыл для себя очень многое. Являясь “продуктом своего времени”, а я, как многие люди моего поколения, был взращен идеологической машиной СССР и в настоящее время подхожу к переосмыслению всего происходящего. Развенчание тех “мифов и сказок”, на которых я вырос, дорогого стоит. Как-то ещё в восьмидесятые годы я прочитал книгу – не помню ни имени автора, ни названия, – что-то о сионизме и антисемитизме, и, не разбираясь тогда в сложных вопросах политики, понял вывод автора: это две стороны одной медали, но в чём суть этого явления – ответа нет. А Ваша книга помогла мне в этом разобраться и даже указала если не путь, то маленькую тропинку в хаосе моего мироощущения. Я не историк, не литератор и не имею права высказывать публично своё мнение по затронутой Вами теме, которая слишком остра и провокационна, но всё же позвольте сказать следующее.

Вы только приоткрываете краешек тайны и высказываете своё мнение, но мнение, подкреплённое фактами, документами, свидетельствами других людей, и это уже делается ради Правды. Конечно, Ваши книги – только кирпичики в огромном Храме Истины, но, мне кажется, они написаны не зря, и Ваше творчество заслуживает уважения.

С почтением и уважением

Б. Алимбаев, архитектор
г. Алматы, Казахстан

“СЕЙЧАС ДЛЯ ТАКОГО РАЗГОВОРА НУЖНА ОТВАГА...”

Здравствуйтесь, Станислав Юрьевич!

Хочу ещё раз выразить Вам свою благодарность за Вашу книгу “Жрецы и жертвы Холокоста”.

Труд Ваш колоссальный. Отважный. Нужный – для просветления мозгов многих и многих на Руси. Кажется, таких книг ещё не выходило. Не припоминаются. Реакция с “той стороны” будет однозначная. И тут ничего не поделаешь: “...у них вера такая!” Наши классики это хорошо знали и говорили открыто (Достоевский, Куприн и др.). Была возможность. Сейчас для этого разговора нужна отвага, которую Вы являете – в наши небезопасные времена. И – в полной мере!

Спасибо и за новый очерк о Рубцове. Я был студентом Литинститута в пору, когда и Н. Рубцов там учился. На два курса старше. Мы были знакомы, но я перед ним по-деревенски благоговел, стеснялся, понимая его значимость. Позднее написал о нём свои воспоминания. Опубликовал. Сейчас в новой книжке (пока в рукописи) рассказал о нём с новыми подробностями. А Вам спасибо за глубину и понимание сути Николая Рубцова как поэта и человека. И в отношениях его с Л. Д.

Как всегда, в журнале особенно сильна документалистика, публицистика. Иван Бунин как-то заметил, что будущую литературу он “видит” вообще “документальной”. Так или примерно так, излагаю его мысль, как помню.

С уважением

Н. Денисов
г. Тюмень

СКОЛЬКО ОНИ ХОТЯТ ОСТАВИТЬ НАС?..

Здравствуйтесь, дорогой Станислав Юрьевич!

Я раздарил приятелям все книги, которые были у меня, с просьбой дать отзыв по своему разумению. Дарил тем, кто, по моему понятию, понимает ситуацию, – а она очень интересна! Как говорят, книга читается долго, необ-

ходимо её осмыслить. Некоторые главы перечитываются, и не раз. Все говорят, что у книги должно быть продолжение.

Исходя из утверждения Теодора Гершля, что “если для достижения наших великих целей потребуются гибель миллионов евреев, мы, не задумываясь, сделаем это”, что же говорить о “гоях и шабесгоях”!.. Жрецы подготовили немало разных ходов в мировой игре, навязанной человечеству из желания овладеть мировыми ресурсами. К примеру, М. Тэтчер считала, что на территории Советского Союза достаточно оставить 15 миллионов человек для обеспечения добычи полезных ископаемых. Всякие фонды работают здесь неспроста! Дмитрий Медведев 3 января поздравил правозащитницу общественного фонда “Холокост” и члена Общественной палаты Аллу Гербер такими словами: “...Вы много делаете для защиты прав и свобод граждан. Более десяти лет возглавляя фонд “Холокост”, вносите значимый вклад в сохранение памяти о трагических событиях прошлого, уделяете особое внимание борьбе с проявлениями ксенофобии и экстремизма”. Так авансируют оппозицию!

С уважением

А. Шерник

г. Алматы, Казахстан

“ОНИ НЕ ЛЮБЯТ НИ ЧУЖИХ, НИ СВОИХ”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Ещё раз большое спасибо за “Жрецов и жертв Холокоста”. Еврейской проблемой я стал интересоваться лет десять назад. Стало интересно: в чьих всё-таки руках, по преимуществу, находятся несметные российские богатства после 91-го года? Ведь перераспределение этих богатств произошло на этот раз не в далёком 17-м году, а на моих глазах и даже с некоторым моим участием – в качестве журналиста областной газеты.

Скопилась целая библиотека солидных книг, масса газетного хлама, материалов из Сети, наконец, собственных размышлений и почеркушек. И сегодня, хотя многие меня уверяют, что нехорошо так думать, я просто знаю, уверен, что практически ни одного вопроса – ни в экономике, ни в культуре – невозможно понять правильно, если из этого вопроса изъять еврейскую составляющую. Хоть плачь!

Две Ваши книги довершили моё образование.

Молодые стихи Ваши в “Жертвах” замечательны. В них – звенящая грусть. Этой звенящей грусти вы не встретите у русскоязычных авторов, как бы они не надсаживались заменить русскую поэзию русскоязычностью. Они не любят ни чужих, ни своих. Так о ком им грустить?.. Чего у них не отнимешь – так это цинизма.

Весьма Вам признателен

Геннадий Деринг

г. Пермь

“ВЫ ВОССОЗДАЁТЕ ДУХОВНУЮ МАТРИЦУ РОССИИ”

Здравствуйтесь, дорогой Станислав Юрьевич!

Хочу сказать Вам огромное спасибо за Ваше письмо, мозаику, журналы и книгу “Жрецы и жертвы Холокоста”. Ваши книги, журналы – это Русская правда, Откровение, Подвиг – в схватке с мировым злом. Это Народное достояние.

Нас много – тех, кто хотел бы быть Вашими соратниками в борьбе за Россию. И это понятно. Жива национальная память народа, веками защищавшего свою страну. Как сказала одна из Ваших читательниц, Вы воссоздаёте ду-

ховную матрицу России. И это правда. Возрождение начинается с духовности, с культуры, с отделения “зёрен от плевел”, что и делают Ваши книги и журнал “Наш современник”. И эта матрица воссоздаст Россию!

С огромным уважением, благодарностью и признательностью

Тамара Нечаева
г. Усть-Каменогорск, Казахстан

ИХ ЖДЁТ ТУПИК

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

С большим вниманием и терпением читал в журнале “НС” вашу публикацию “Жрецы и жертвы Холокоста”, к которой не может остаться равнодушным ни один истинный гражданин России.

Затронутая тема давно уже тревожит и волнует меня. В 2002 году я написал стихотворение “Из деревни от бабушки”, где затронул тему воинствующего сионизма в России. Эта тема сложна, и раскрыть и проанализировать её достаточно полно в поэтической форме, наверное, невозможно.

В своей книге вы вскрыли тайные, невидимые умыслы сионизма. Гражданину России, к какой бы коренной нации он ни принадлежал, явно видна враждебность “жрецов”, захвативших СМИ и телевидение страны.

Когда я вижу, как они ликуют, пребывая в каком-то экстазе на концертах своего кумира (или вождя) М. Жванецкого, они вызывают у меня жалость. Жалость, что вместо истинной Веры они создали в своих изощрённых умах химеру, которая, в конечном итоге, заведёт их в тупик.

М. Лыццов
г. Екатеринбург

“ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ КНИГА!”

Дорогой, Станислав Юрьевич!

Два слова: “холокост” и “толерантность”. Мне всегда кажется, что их проносят, как правило, уста лукавых людей, я таких людей интуитивно чувствую, когда они “терзают микрофон”. Я сначала боязливо открывал Вашу книгу, но когда начал читать, сразу же втянулся и читал до тех пор, пока жена не оттащивала меня от этого занятия. Хорошая, замечательная книга! Как и все прочие Ваши книги. Потом я начал читать отзывы на книгу. Конечно, наилучший отзыв написал Эдуард Скобелев.

Всем кланяюсь, особенно сыну Сергею, и с удовольствием читаю его книги: и о поэте Васильеве – “русском беркуте”, и о друге Есенина поэте Николае Клюеве. Храни Вас всех Бог!

В. Парфёнов
дер. Селиверстово Калужской области

СПАСИБО ЗА ПРАВДУ!

Уважаемый Станислав Юрьевич.

Наверно, прошло уже около 2 лет, как я написала Вам о дневнике, который веду 25 лет. Вы ответили, что я могу прислать его в отпечатанном виде. Начало дневника племянница, живущая в Москве, отнесла к Вам в редакцию. Так как издавать книгу дорого, хочу узнать: стоит ли вести дневник дальше? Я думаю, это моя очередная глупость: что наша семейная драма перед драмой человечества? Летом я живу в бывшем лесничестве на границе с Эстонией

ей. Это был земной рай, въезд до войны сюда был по пропускам. Увы! Что стало с лесом!!! Где куропатки, которые с птенчиками (не пересчитать!) подходили к баням, кабаны ходили по огородам, лоси, медведи, зайцы. А теперь? Крапива. Помойки. Где лес? Реки? Увы! Простите за беспокойство. Спасибо Вам огромное за Вашу деятельность, доброту и справедливость. За правду о Холокосте!

О. Голубева
г. Санкт-Петербург

ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ

Здравствуйтесь, уважаемый Станислав Юрьевич!

Первыми известили о Вашем 80-летию «жители» «Русского дома» («РД», № 11, 2012) статьёй «Последняя надежда земли...», подписанной Владимиром Николаевичем Крупиным.

В. Н. Крупин сравнивает Вас, Станислав Юрьевич, главного редактора журнала «Наш современник», с Александром Твардовским – главным редактором журнала «Новый мир», самого читаемого журнала в Советском Союзе (вернее, наоборот: А. Твардовского с Вами).

50 лет назад (1961–1967) я была студенткой вечернего отделения химического факультета БГУ и все выходные дни, как правило, проводила в читальном зале Ленинской, самой большой в то время, библиотеке города Минска. Слухи о сенсационной публикации повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в «Новом мире» не могли не дойти до меня. Я взяла журнал и прочитала рассказ. Однако такого уж сильного впечатления он на меня не произвёл (почему-то помнится момент рассказа, когда герой спрятался за поленицей дров...). А вот опубликованные в том же номере повесть Юрия Бондарева «Двое» и повесть генерала Александра Горбатова «Годы и войны» меня просто потрясли.

Юрий Бондарев писал о том, как молодой солдат, пожалованный за проявленную доблесть на фронте несколькими днями отпуска, оказался в блокадном Ленинграде. До сих пор я нигде не встречала даже упоминания этой повести в списках произведений Ю. Бондарева. Правда, в БСЭ упоминается роман «Тишина» (1962) и его продолжение – роман «Двое» (1964).

Из повести А. Горбатова я впервые узнала о политических репрессиях в армии. Узнала, кого и как делали «врагами народа». И в каких невыносимо тяжёлых условиях достойные уважения, оболганные русские люди, названные «врагами народа», отбывали назначенные им сроки в трудовых лагерях, находясь там вместе с неисправимыми уголовниками.

Вот в чём состоял гражданский подвиг главного редактора журнала «Новый мир» Александра Твардовского: он дал возможность читающей молодой публике узнать не только о судьбе А. И. Солженицына, но и о гораздо более важном, гораздо более значимом явлении в жизни нашей страны – скрытом от народа подлом, жестоким, бесчеловечном предательстве, имевшем место тогда, когда страна готовилась к войне.

А вот главный редактор «Нашего современника» в 2010 году (№ 1–7, 9–10) опубликовал на страницах журнала свой самый тяжёлый литературный труд «Жрецы и жертвы Холокоста».

Для такой публикации должны потребоваться не только личное мужество, не только глубокое знание вопроса и большой жизненный опыт общения с людьми «объединительного, дружелюбного, спокойно-доброжелательного свойства», но и острое ощущение опасности для современной России в замалчивании самой сути еврейского холокоста, ставшего мистическим, навязчивым и воинственно наступательным явлением последнего времени.

С. Куняев одной только этой публикацией совершил тройной подвиг. Сам осилил и создал этот труд, сам опубликовал и взял на себя всю ответственность – и за журнал, и за авторство. Эта работа «истерзала» писателя. Именно так, потому что тема – взрывоопасна, изучение её не относится к приятным занятиям, а необходимость в её истинном освещении – велика.

Да, только такой человек, как Вы, Станислав Юрьевич, и могли остановить эту расчётливую механическую гидру с железными головами, называющую себя Холокостом, которая намеревалась заслонить своими страданиями все “кровавые язвы мировой истории”. И Вы её остановили. Пусть теперь остывает и ржавеет. Я видела, как при виде Вашей книги отдёргивают руки, как будто она током бьёт.

Крупин предостерегает Вас, Станислав Юрьевич, об опасности вести “с огнём и ветром разговор” и предлагает Вам остановиться только на поэзии или прозаических рассказах о таёжной жизни. И ещё В. Н. Крупин пишет в юбилейной статье нечто загадочное: “...Главное назначение России – сохранить Христа для всего мира, а иначе “и планете не жить”.

Но ведь он, как и все, знает, что под именем Христа в настоящее время трудится множество сект, особенно совместно с США. Трудятся они “для всего мира”, и с этим надо тоже кому-то разобраться.

Но лично мне как православной мирянке хотелось бы сохранить нашу русскую, родную, православную святую ТРОИЦУ, вечную, единую, неразделимую, не сливаемую и не разделяемую, и молиться ей: “Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, и ныне, и присно и во веки веков. Аминь”.

Журнал “Наш современник” очень много значит не только для писателей-патриотов, но и для преданных ему читателей. Особенно точно эту значимость выразил Александр Проханов:

“Я бы задохнулся от удушья, зачах от тоски, если бы не “Наш современник” Куняева... Я отношусь к “Нашему современнику”, как к алтарю, перед которым буду молиться до скончания дней” (“НС”, № 6, 2006).

Писала письмо – **Горбунова Галина Ильинична**, Минск, Беларусь

Подписались: **Горбунов Борис Иванович**, Минск, Беларусь
Родичева Евгения Ефремовна, Минск, Беларусь
Петряева Елена Ефремовна, Великий Новгород

НЕОБХОДИМА “РУССКАЯ ИДЕЯ”

Многоуважаемый Станислав Юрьевич.

Выход Вашей книги в свет всколыхнул общественность. Мне ещё предстоит (надеюсь) её прочитать, но, судя по активным отзывам людей разного и социального, и профессионального положения, она сопоставима разве что с трудом С. Нилуса “Близ есть при дверех...” Не знаю, попал ли к нам в Одессу этот фолиант, но считаю, что наш специфический город нуждается в её (книги) присутствии. У нас некоторое время в мэрии правил незаконно влезший в кресло главы (через суд) Э. И. Гурвиц. Так вот этот “спаситель” Одессы в одном предвыборном интервью на вопрос об отношении к И. Сталину рубанул: “Когда умер Сталин, отец (тоже Иосиф) не то что смеялся, а просто **реготал**”. Это же надо быть так переполненным звериной злобой! Эти качества мстительности воспитал его отец и в своём сынке. Невольно проводишь параллель в отношении к исторической личности Сталина – опубликованную в “НС” статью священника Дмитрия Дудко. Уж ему-то до конца своих дней нужно было вычеркнуть из памяти это имя! Но он человек русский, ему свойственно прощать врагов своих.

Во время своего правления Гурвиц выпускал халявную для одесситов газету “Свободная Одесса”, где поливал омерзительной грязью своих потенциальных противников. В частности, главной его мишенью был ныне действующий мэр Алексей Костусев – человек, борющийся за придание официального статуса русскому языку в городе Одессе.

Так что “процесс идёт”, и куда он приведёт наш народ – одному Богу известно.

С уважением **Анатолий Стреляев**
г. Одесса

“БЛАГОДАРНОСТЬ ВАМ ЗА СМЕЛОСТЬ...”

Здравствуйтесь, уважаемый Станислав Юрьевич!

Недавно перечитала всю Вашу подборку статей о Холокосте в прошлогодних номерах журнала. Горький осадок остаётся в душе от подобного чтения, но это та правда, которую надобно знать. Спасибо Вам за мужество написать и издать такой материал. Не хочется верить, что нашу Родину ждёт участь Хазарского каганата. Только, к сожалению, мало кто в наши дни задумывается над этой проблемой в условиях, когда столь эффективно действуют средства массовой дезинформации. По этому поводу мне всегда вспоминаются слова Адольфа Гитлера из *Mein Kampf*: “...Если лгать, то лгать беззастенчиво. Крупной лжи поверят быстрее, чем мелкой. Люди и сами иногда лгут в мелочах, но крупной лжи они стыдятся. Поэтому им никогда не придёт в голову, что их так нагло обманывают...” Цитирую по памяти, но вряд ли ошибаюсь даже в деталях, не говоря о сути...

Впрочем, эта тема — не единственная в ряду тем подобного рода. На днях мне довелось прочесть книгу В. Н. Шведа “Тайна Катыни...”, а ведь впервые о ней довелось узнать тоже в номерах “Нашего современника”. Поэтому огромная благодарность Вам и за то, что журнал имеет смелость последовательно отстаивать русскую гражданскую позицию. Не будь такого издания, как Ваш журнал, таких авторов, которых он печатает, ещё труднее было бы жить, наблюдая происходящее разрушение духовных традиций народа, разрыв “связи времён” в обществе, особенно в сфере образования, воспитания и науки.

Именно желание хоть как-то противостоять этому процессу привело нас три года назад к созданию художественно-поэтического салона “Любава” в нашем городе. Не стану рассказывать об этом, так как информации уже достаточно в интернете.

С искренним уважением, **Ирина Минкина**, руководитель художественно-поэтического салона “Любава” города Жигулёвска.

“СЧИТАЮ ВАС СВОИМ УЧИТЕЛЕМ...”

Здравствуйтесь, Станислав Юрьевич!!!

Огромное Вам спасибо за “Жрецов...”; подобные книги учат меня думать, искать, держать тонус. Жаль, что в этом году наш Троицк прекратил подписку на “Наш современник” и на “Советскую Россию”. Это на макулатуру мы можем раскошелиться, а не на настоящее совестливое, разумное, правдивое. Я поясню, почему я Вас, Станислав Юрьевич, считаю одним из своих учителей. В начале семидесятых я приобрёл Вашу книжку “Ночное пространство” и учился по ней писать легко, без испарины на лбу; кажется — научился к своим семидесяти годам. Высылаю Вам свою четырнадцатую книжку, некоторыми стихами из которой я доволен...

С уважением
В. Кудрявцев
г. Троицк Челябинской обл.

ВСЕВОЛОД ТРОИЦКИЙ
*доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

ПОЛИТИКА ДУХОВНОГО ГЕНОЦИДА В ШКОЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ ПО СЛОВЕСНОСТИ

Рыба начинает портиться с головы.
Пословица

1

Новые программы общего (полного) среднего образования по русскому языку и литературе, **утверждённые** печально известной **РАО**, опубликованы*. **Они** убедительно **отражают реальный смысл** этого спущенного с вредоносных министерских высот **официального издания**, которое молва нарекла “стандартом совмещённого филузла”**.

Смысл этого документа **соответствует направлению** кем-то санкционированного “сверху” **системного разрушения отечественного образования**, от Днепрова, Асмолова и Леонтьевой до Фурсенки, Кузьмина и Калины. Однако “уровень варварства” составителей новой программы значительней, чем в подобных предшествующих циркулярах-рекомендациях.

Сверхзадача последнего документа прозрачна: он приближает филологические знания современного ученика (и без того уже **не соответствующие** задачам школы в России) к уровню, при котором **у школьника не может сложиться должного представления о самых значительных явлениях русской словесности** в историческом развитии, в её основополагающих национальных устремлениях к человечности и любви, в соединении важнейших её идеалов: патриотизма, пафоса созидания, уважения к труду, стремления к Истине, справедливости и вере в победу добра.

Об этом главном содержании русской литературы многократно говорили известные её исследователи, глубоко знавшие и умевшие ценить искусство

* Современное образование. Русский язык и литература. Примерные программы среднего (полного) общего образования. 10-11 классы. Под общей редакцией академика РАО М. В. Рыжакова. Москва. Издательский центр “Вентана – Граф”. 2012. 152 с.

** См.: Фёдоров А. В. Федеральный антигосударственный стандарт // Русский вестник, № 11. С. 15.

слова. “Русская литература, — писал видный русский учёный С. А. Венгеров, — всегда была одной из тех **святынь**, в общении с которой человек становится чище и лучше”, “всегда была кафедрой, с которой раздавалось учительное слово”. “Русская литература — центральное проявление русского духа, фокус, в котором сошлись качества русского ума и сердца. . .”*

Анализ упомянутых программ имел бы смысл, если бы содержание их было на должном профессиональном уровне. Но уровень этих программ в целом чрезвычайно низок. Они написаны наукообразным канцеляритом и не содержат ясного определения задач и целей изучения словесности в школе, предметно отражающих главные понятия и представления о дисциплине, которую должны освоить учащиеся.

В некоторых случаях задачи изучения (на рассматриваемом этапе) чрезвычайно занижены и соотносимы с тем, что должно быть освоено в начальной школе. Этот небезобидный приём “опаздывающего программирования”, несомненно, может послужить одним из методов “замедляющего развития” школьников, чему объективно служат и предложенные программы. . .

2

Мы не ставим своей задачей рассмотрение многочисленных изъянов, существующих в этом позорном документе. **Приглядимся лишь к одной, основополагающей** его стороне: **к списку авторов и произведений, допущенных для изучения** в старших классах средней школы (**базовый уровень**). Когда происходит невежественное и воистину вражеское изъятие художественных текстов, предназначенных для освоения в школах России, такой подход очень важен.

Этот список, включающий имена писателей XIX–XXI веков, вопреки традиционной “подаче” авторов по мере их историко-литературного изучения, дан в алфавитном порядке. Заметим, что более целесообразно было бы представить его так, как это делалось ранее, — по этапам изучения в историко-литературном контексте.

Напомним, что в средней школе **согласно научно-методическим принципам изучается** не литература вообще, а отечественная классика. То есть произведения, представляющие непреходящую духовно-этическую и художественную ценность, соответствующие благодатным традициям нашей культуры. Ибо только “истинное поэтическое произведение может стать таким откровением, какого не достигнет строго размышляющая философия или наука” (А. Л. Чижевский). Именно классика отличается безусловной значимостью передаваемого в ней умственного и чувственного опыта и высокой степенью духовности. **А одна из важнейших задач школы — воспитание подлинного вкуса, истинного чувства прекрасного**, которое можно выпестовать только на художественно образцовых, классических произведениях, представляющих собой целостное художественно-этическое совершенство.

Поэтому “средние” и третьестепенные произведения для изучения в школе противопоказаны, особенно когда, по словам Президента В. В. Путина, “наша молодёжь живёт в условиях массированного воздействия на неё суррогатов из-за рубежа”**.

Значение классики для развития человека признают и западные деятели образования, живущие в странах, “одержимых” пропагандируемой в политических целях “массовой культурой”. В XX веке верховный советник по делам образования США Морис Стерлинг писал: **“Сила нации заложена в её искусстве, музыке и литературе в такой же степени, как в её физике и электронике. Тот, кто полагает, что великая поэзия или знание классической литературы не являются существенными не только для качества, но и для жизнеспособности нации и её культуры, пренебрегает уроками прошлого”****.

Классика — это, говоря словами И. А. Ильина, не отвлечённое понятие, а живой строй, развёрнутый в произведении искусства, в целостном виде от-

* Венгеров С. А. Очерк по истории русской литературы. Спб, 1907. С. 3, 5, 8, 15.

** Из выступления Президента России В. В. Путина на встрече, посвящённой роли отечественной культуры. 30 мая 2007 года.

ражающий “выношенное художником Главное сказуемое им содержание”**
В классическом произведении нет “случайного”; в нём каждая деталь, каж-
дое слово художественно оправданы и значимы...

Классика незаменима как неременная составляющая часть материала, необходимого для **полноценного** образования. Но необыкновенное богатство русской классической литературы ставит перед составителем школьных программ **проблему выбора**. **От правильности** этого **выбора зависит**, получит ли будущий гражданин России необходимое представление о наиболее важных явлениях отечественной культуры, обеспечивающее **становление полноценной личности** и гражданского общества, и понятие о **связующей роли** русской культуры в целом.

Значение такого выбора усугубляется полной разнузданностью, а нередко махровой пошлостью и цинизмом большинства СМИ, многие программы которых, в сущности, никак не содействуют повышению культуры в России.

Не то было **в XX веке**, когда **по всем** радиостанциям **ежедневно** звучала **настоящая музыка**, русская и западноевропейская классика, музыка народов России, пели **хорошие** народные **песни** и песни, созданные нашими композиторами, а не музыкальные поделки доморощенной и западной **массовой** **музыкультуры**. **Нередко** великие артисты (В. И. Качалов, И. М. Москвин, И. В. Ильинский) **читали** по радио **классические** произведения и отрывки из них. **Регулярно** можно было слушать **литературную классику** в исполнении мастеров сцены (известный цикл “Театр у микрофона”). Московским школьникам (чему я сам был свидетелем) были доступны все театры, в которых не допускались уродливые издевательства режиссёров над творчеством драматургов и не ставилась задача чем угодно привлечь публику, чтобы только заработать денег. Главной целью было истинное сценическое творчество.

В созданной **ныне** в России **новой** культурно-образовательной среде **молодой человек**, **не получивший в школе представления о чём-то неизменно важном**, скорее всего, **останется обделённым на всю жизнь**, главное же — **не обретёт вовремя должного заряда добра**. Это не просто плохо. **Это преступно*****. И акции, содействующие этому, должны быть наказуемы. Ибо **лишать русскую молодёжь необходимой духовной пищи сознательно** (а так оно и есть!), морить её **духовным голодом может только враг русского народа**. Это **духовный геноцид** в чистом виде. **Праведная власть должна привлечь за это к суду!** Не мне разбираться, кто лично несёт ответственность за подлое дело **умопогашения** нашей молодёжи. Но **ответчать за духовный геноцид народа рано или поздно придётся...**

Этот духовный геноцид был запрограммирован ещё **документом** середины XX века, связанным с именем Алена Даллеса, одного из зачинателей информационно-психологической войны против России. В нём были прописаны задачи, вполне соответствующие нынешним действиям разрушителей полноценной российской школы, старательно умаляющим возможность влияния русской классической литературы на молодёжь. “Мы, — говорилось там о России, — незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности поверить... Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на Земле народа, окончательного и необратимого угасания его самосознания”.

Даллес планировал затем вытравить из литературы и искусства наших народов социальную сущность, узаконить **массовую культуру**, которая “будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства”, “насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства”. Он намечал изменение шкалы ценностей: “Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость (как не вспомнить **афоризм** г. Чубайса: “Побольше наглости!” — **В. Т.**), ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, шовинизм и вражду народов, прежде всего, вражду и ненависть к русскому народу — всё это мы

* М. Мс. Murrin Sterling. Education. // “Art Educztion”, vol. 15, № 7, October, 1960.

** Ильин И. А. Собр. соч. в 10-ти томах. Т.6, книга 1. М., 1996. С. 67.

*** Профессионалы из ФСБ не могут не знать, что многие СМИ, находящиеся на территории России, играют разрушительную роль в успешно ведущейся против нашего Отечества информационно-психологической войне.

будем ловко и незаметно культивировать... **И лишь немногие, очень немногие будут догадываться и понимать, что происходит** (выделено мной. – В. Т.). Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище. Найдём способ их оболгать и объявить отбросами общества”*.

Этот документ получил своё “развитие” в XXI веке в программе “Преображение человека” Уиллиса Хармона**. Программу эту приняло правительство США. Цель программы – **незаметно добиться изменения образа мысли и представлений широких народных масс нашей страны в направлении сдерживания развития свободной мысли и сознания в целом. Она имеет тайную задачу ослабить существующие в народе устои, природный здравый смысл, притупить память о прежнем жизненном опыте, привести общество в состояние умственной и эмоциональной нестабильности и раздора.** А в такой атмосфере легко **подготовить условия для выведения людей из состояния нормальной жизнедеятельности и сделать их послушно рассуждающими по указке сверху.** Манипуляторы сознанием стремятся не только снизить уровень интеллектуального развития народа, но и добиться *шизофренизации* мышления людей, обладающих обыденным сознанием. И всё это – не что иное, как **фашизм в духовной сфере.**

“Политика *умопогашения*, – свидетельствует Драгош Калаич, – поддерживается и программой уничтожения классической европейской системы воспитания и образования”, суть которой в том, что она “прямо или косвенно уничтожает во всём мире классическую, дифференцированную и вертикальную систему образования, навязывая вместо неё единообразную *горизонтальную* в соответствии с программой формирования одноликого человечества – *серой расы*”***.

Процесс дегуманитаризации, уже давно осуществляемый на Западе, сегодня, как мы видим, активно проводится и у нас разрушителями отечественной системы образования. Кстати, бесполезно вспомнить, что “по всей Америке, от Принстона до Станфорда, осуществляется последовательное изгнание величайших произведений мировой мысли из учебных программ. Гении европейской культуры – Платон и Аристотель, Данте, Шекспир и Достоевский – объявлены “политически некорректными” авторами, столпами “европоцентризма”, “белого расизма”, “сексизма” и “элитарности”**. Не надо доказывать, что всё это – преступления с точки зрения так называемой *новой морали.*

3

Рассмотрим теперь настоящее преступление, совершённое авторами упомянутых нами “Примерных программ...”, и постараемся показать, в чём его смысл. Итак, **из программы изъяты** некогда достойно представленные в прежних школьных программах **И. А. Крылов, А. Н. Радищев, В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь**, поэты пушкинской поры, в том числе **Е. А. Боратынский, К. Ф. Рылеев, А. В. Кольцов, И. С. Никитин**, кроме того, **А. К. Толстой, А. Н. Майков, Н. С. Лесков**, а также **И. С. Шмелёв, В. И. Белов, К. М. Симонов, М. В. Исаковский, Н. М. Рубцов** и другие весьма значимые русские писатели. Творчество некоторых гениальных писателей с мировым именем, например, **Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского**, представлено (у каждого!) **единственным** произведением.

В списке произведений, оставленных школьникам для изучения творчества писателей-классиков, произведены неоправданные чистки и тенденциозные подмены (мы далее коротко расскажем о них, как и о не годящихся для решения задач школьной программы авторах, которых искусственно **втащили** в список). Во всём этом **педагогическая политика мысли, враждебная русской культуре, достаточно ясно обнаружила разрушительную целенаправленность и нечистоплотность.**

* Цит. по кн.: Высокопреосвященный Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Будь верен до смерти (Православие и современность). М., 1993. С. 54.

** См.: Колеман Джон. КОМИТЕТ 300. Тайны мирового правительства. М., “Витязь”. 2001. С. 96–127.

*** Калаич Драгош. Третья мировая война. М., 2006. С. 65–66.

Итак, по порядку. Из программ удалён **И. А. Крылов**. Случайно? **Нет**. Ведь это **художник первой величины**, сыгравший огромную роль в становлении национально-исторического, нравственного и эстетического самосознания отечественной литературы, безусловно необходимый при её изучении. Нужно обладать беспрецедентной наглостью в деле разрушения отечественной культуры, чтобы “забыть” о нём. Ведь это писатель, который, по словам В. Г. Белинского, один мог бы “быть главою и представителем целого периода литературы”, ибо “первый внёс в литературу элемент народности”, “умел чисто по-русски смотреть на вещи”. Это писатель, который “создал национальную русскую басню” и открыл способ “художественного проникновения в жизнь с высоты многовекового опыта и национального мышления русского народа”! (выделено мной. – В. Т.).

Басенное творчество Крылова (особенно в тяжелейших условиях, созданных ныне для здорового существования русского языка) крайне необходимо для развития речи школьников. Гениально владея словом, используя со знанием и чувством художественного такта живую народную речь, обладая великим мастерством языкотворчества, Крылов особенно нужен сегодня, когда грамотная образная речь повсюду (в том числе и в СМИ) засоряется стандартными и бесцветными оборотами, сленгом, жаргоном и мутным потоком блатных “неологизмов”.

Наконец, **содержательность басен И. А. Крылова**, взявшего у народа сокровища многовековой духовной, нравственной и житейской мудрости и вернувшего ему эту мудрость в изящной простоте басенной формы, **необходима русскому молодому человеку как основа здорового жизненного опыта...**

Учитывая звания и степени авторов-составителей, чьи фамилии выставлены на титульном листе издания, мы вправе исключить невежество как причину, приведшую к изъятию этого писателя из программы. Остаётся предположить другое: имеет место *полицейское действие*, вызванное неприятием национального духа великого художника, то есть именно того, в чём сегодня особенно остро нуждается русская молодёжь, которую сознательно подталкивают к чужому и чуждому нам западничеству. Мы ещё подтвердим это наше предположение в дальнейшем. Пока заметим: **отнимать у русской молодёжи возможность впитывать с детства благодатные соки русской литературы, русский дух – это не просто дело вкуса, но политическое действие, имеющее в своей основе этноцид. Это преступно.**

Это преступно потому, что **народность – любовь к своему народу и чувство национального достоинства – нераздельно связана с воспитанием и становлением личности гражданина своей страны.** Это преступно потому, что не получив в молодости прививки исконно русских национальных традиций, которые подразумевают человеколюбие и мирное отношение к людям иного племени, человек может с легкостью уклониться от истинной народности (национализма) к псевдонародности, даже к шовинизму, испокон века чуждому русскому самосознанию.

Напомню слова великого русского мыслителя И. А. Ильина: “Национализм есть **любовь** к историческому облику и творческому акту своего народа во всём его своеобразии. Национализм есть **вера** в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть **воля** к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвёл в Божьем саду... Национализм есть **система поступков**, вытекающая из этой любви, из этой веры, из этой воли и этого созерцания.

Вот почему национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертвам, а народ – к духовному расцвету...”*

* * *

Духовный расцвет народа возможен только с опорой на главные, знаменательные ценности его культуры. Продолжая разговор, укажу на изъятие из программ творчества **А. Н. Радищева – значительнейшего явления**

* Ильин И. А. О русском национализме. // Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В двух томах. Т. 1. М., 1992. С. 282.

русской литературы. “Пропустить” Радищева – значит **исказить** представление о ней, нарушить историческую преемственность, дающую возможность понять всю **сложность её реального** развития. “Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?!”* – восклицал А. С. Пушкин. Заметим кстати, что сам он **спорил** с Радищевым, но как мыслитель **признавал его непреходящее значение и знаковое место в нашей литературе.** При этом “забыть” Радищева, истинно **человечного человека** и гражданина, в программе, предназначенной для изучения русской литературы в школах **России**, – это ещё и **акт безнравственности**, который **могли совершить** только **чужие ей люди**, бессовестно относящиеся к прошлому нашего любимого Отечества, к людям, пострадавшим за него.

Кстати, в советское время Радищева изучали несколько односторонне: духовно-нравственная и воспитательная сторона “Путешествия из Петербурга в Москву” почти игнорировалась. Вот здесь бы составителям программ и проявить инициативу! Ан нет, не захотели: **чужие...**

“Но нельзя же всех...” – слышится мне робкий голос застыдившегося составителя. Да разве речь идёт обо всех?! **Речь о тех, кого никак и ни при каких обстоятельствах не может обойти в школьной программе России филолог-профессионал и человек, достойный звания учителя.**

Бесстыжие составители сократили из базовых программ **творчество В. А. Жуковского.** Что тут сказать?!.. Позор невежества и преступление перед народом и страной!

В. А. Жуковский, учитель Пушкина и воспитатель государя-освободителя Александра II, человек высочайшей духовности, истинный образец гуманности и нравственности, верный сын Отечества, автор “Народного гимна”, который почти столетие пела вся Россия, художник первой величины, оказавший определяющее влияние на русскую литературу, поэт милостью Божией!.. Да разве такое могут допустить сегодня в русскую школу её нынешние “опекуны”?! Ведь это, по крайней мере, может затруднить растление малолетних и поношение прошлого России и наших славных предков, активно ведущееся многими СМИ под эгидой “свободы слова”! И разве такое затруднение может содействовать тайным планам нынешних радетелей о разрушении школы?..

Образ Жуковского – человека, гражданина, поэта, необыкновенного труженика – и сегодня может служить достойным примером всякому, желающему утвердить себя в человеческом звании.

“Вычеркивая” Жуковского, составители новой программы стремятся **не допустить познания нынешними школьниками** не только обаятельных баллад “Светлана” и “Людмила”, которые так любили наши славные предки, но и **важнейших** для историко-патриотического воспитания **стихотворений** “Певец во стане русских воинов” и знаменитого перевода из Шиллера “Перчатка”, весьма важного в деле воспитания подрастающего поколения.

Теперь, когда Жуковский в Программе даже не назван по имени, мало кто возьмёт почитать его сочинения в библиотеке. Поэтому и удивительный “Роланд-оруженосец”, и другие его шедевры: “Море”, “Невыразимое”, “Кубок” и особенно важные не только в художественном, но и в воспитательном отношении “Ивиковы журавли”, “Три песни”, “Маттео Фальконе”, “Бородинская годовщина”, не говоря уже о “Капитане Боппе”, – **фактически отняты у молодого поколения русских людей.** И это **преступление на совести составителей программы** (если у них вообще есть совесть)...

* * *

Чтобы погасить в учащих **духовный огонь** (а для чего же ещё?!), авторы-составители **исключили из программы... Н. В. Гоголя.** Судя по отбору произведений, можно предположить, что их “полицейские души” дро-

* Пушкин А. С. Письмо А. А. Бестужеву 13 июня 1823 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в десяти томах. издание второе. М. 1958. С. 61.

жат при одном воспоминании о лирическом отступлении о “Руси-тройке”! А тут ещё патриотический “Тарас Бульба” – вершина романтического творчества великого писателя!.. Можно ли допустить (по мнению *полицаяв мысли*), чтобы современный школьник знал и помнил вдохновенную речь Тараса Бульбы о товариществе?! А последние слова повести – так прямо по сердцу режут русофобов: “Да разве найдутся на свете такие огни и муки и такая сила, которая пересилила бы русскую силу!”... А незабываемые трагические сцены ужасного, но праведного суда Тараса над сыном-изменником?! Нынешним школьникам, думают, наверное, *полицай мысли* из РАО, это ни к чему: вдруг молодёжь осознает, что существует на свете предательство, и отшатнётся от него... Мужество Остапа. К чему это нынешним школьникам? Пусть лучше ищут свою панночку... Так? А тут ещё “Страшная месть”. А ну как прочтут и *соблазнятся*... ненавистью к изменникам...

А вдруг сами дотянутся до второго тома “Мёртвых душ”! Да и вникнут в столь современное звучащие слова губернатора: “Дело в том, – говорил он, обращаясь к чиновникам, – что пришло нам спасать нашу землю, что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управления, образовалось другое правление, гораздо сильнее всякого законного. Установились свои условия; всё оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах исправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. Всё будет безуспешно, покуда не почувствовал всяк, что он так же, как в эпоху восстания народ вооружался против врагов, так должен восстать против неправды”.

А коли молодые читатели доберутся до духовной прозы Гоголя – то пиши пропало: **сформируется настоящая личность, исполненная любви к народу, стремления к служению России и праведному житию**, личность, исполненная любви, милосердия и чувства святости... Нет уж: западничество надёжней! Так про себя, наверное, думают *полицай мысли*, посмеявшие исключить Н. В. Гоголя из школьных программ. Мы, русские люди, не предающие свой народ, думаем иначе.

Н. В. Гоголь – великий художник слова первой величины и мыслитель, именем которого В. Г. Белинский назвал направление и целый период истории развития русской литературы. Его творчество отличается огромностью духовных и всечеловеческих идеалов, страшной, ошеломляющей убедительностью разоблачения пошлости и искренним сочувствием “маленькому человеку”. Это писатель, который, говоря словами М. М. Пришвина, “силою слова хотел связать нечисть, чтобы освободить от неё красоту и добро” (Пришвин М. М. Незабудки. М., 1959. С. 83). **Творчество Гоголя – не просто создание гения, но одновременно – труд и завещание потомкам истинного сына России. Оно должно быть известно каждому грамотному россиянину в школьные годы в XXI веке не менее, чем было известно в XX-м, ибо оно не только величайшее достояние отечественной культуры, но и завещание будущим поколениям.**

Изымать творчество Н. В. Гоголя из школьных программ – значит лишать молодое поколение завещанных ему сокровищ. Это – откровенное преступление перед нацией, перед молодыми поколениями русских людей. Не меньше! И это преступление должно быть осуждено властью, если она считает себя хоть сколько-нибудь обязанной служить народному благу. Виновники этого преступления должны быть отстранены от своих должностей, чтобы не иметь возможности продолжать вредительскую деятельность в образовании, а в государственные программы для школы должна быть возвращена русская классика.

Смысл этого преступления станет ещё отчётливей по мере дальнейшего рассмотрения программы, в которой искажён провокаторами-составителями образ великой литературы и оскорблены все её наследники, лишённые права знать и изучать своих национальных гениев. **Это ли не русофобский экстремизм в образовании? Ему надо положить конец. Или мало вам, господа провокаторы, известного выступления на Манежной площади и в других городах?!**

С детства помнятся мне “Думы” **К. Ф. Рылеева**. В них родная история представлена в лицах и событиях, легко воспринимаемых сознанием школьника. В годы Великой Отечественной войны, когда торжественно, трагично и победно звучали имена её героев – Саши Чекалина, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло, панфиловцев и молодогвардейцев-краснодонцев, – особенно понятен был нам, “детям войны”, Иван Сусанин, простой русский крестьянин, жертвующий жизнью на благо Родины. Живо отзывались в наших детских сердцах слова героя, брошенные в лицо врагам Отечества:

*...Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земли!..
.....
Кто русский по сердцу, тот бодро и смело,
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!*

Увы, предателей у нас теперь немало, среди них, похоже, и авторы программы, о которой идёт речь... Между тем помочь утверждению патриотического сознания, о чём сейчас официально будто бы пекутся наши “верхи”, могло бы знакомство с думами Рылеева “Дмитрий Донской”, “Богдан Хмельницкий”, “Пётр Великий в Острогжске”, “Державин”.

Можно спорить о том, какие именно из дум включить в школьные программы, но изъять из них **творчество Рылеева целиком** – это педагогический абсурд или кое-что похуже...

Есть у выдающихся русских писателей **незабываемые выражения и интонации, “словесные мелодии”**, сразу воспринимающиеся как родные и близкие своей мудростью или глубиной трепетного и сокровенного чувства. Через эти слова, выражения и речевые интонации **приходит к нам в детстве истинное ощущение и переживание родной речи**. К таким писателям, необходимым для органического восприятия языка, несомненно, относятся **А. В. Кольцов** и **А. С. Грибоедов**, художники совершенно друг на друга непохожие, но одинаково необходимые для изучения их творчества в нормальной (полноценной) школе России. Притом они значительны не только глубиной самобытного содержания своих произведений, но и особым умением органично, очень по-русски передать это содержание. Их афористичные выражения, щедро рассыпанные в нашей литературе, нужны, как витамины, без которых пища обесценивается... При этом **живая народная речь** – прямой источник творчества Кольцова – это **единственный** пример непосредственного восприятия народных речений у классика. И сразу вспоминаются его стихи:

*Ах, ты степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Чёрному
Понадвинулась!..
...Раззудись, плечо,
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!..*

Или:

*...Выше пояса
Рожь зернистая*

*Дремлет колосом
Почти до земли,
Словно Божий гость
На все стороны
Дню весёлому
Улыбается.*

Или:

*...Чтоб порой пред бедой
За себя постоять,
Под грозой роковой
Назад шагу не дать;
И чтоб с горем в пиру
Быть с весёлым лицом;
На погибель идти —
Песни петь соловьём!..*

Как во всём этом неповторимо точно и глубоко отразилось русское национальное виденье мира и отношение к жизни! Какая здоровая внутренняя энергия дышит в этих стихотворениях! Да что стихи! Помнятся и отдельные строчки, ставшие крылатыми: “Встань, проснись, подымись, // На себя погляди! // Что ты был? И что стал? // И что есть у тебя?”; “Молодец удалый // Соловьём засвищет! // Без пути – без света // Свою долю съест”; “Где ж девалася // Речь высокая, // Сила гордая, // Гордость царская?”; “Доколь мочь и сила, // Доколь душа в теле, // Буду я трудиться...”; “Иль у сокола // Крылья связаны, // Иль пути ему // Все заказаны?”; “На заре туманной юности...” и многое другое.

Всё это чрезвычайно важно для приобщения к истинной русской речи, для восприятия плодотворного наследия русской мысли! Но, Боже мой, разве всё это могут принять люди, чужие русскому народу?!

А. С. Грибоедов, автор бессмертного “Горя от ума”. На изучение этого шедевра в школах России в XX веке, когда в Министерстве просвещения СССР работали люди, обладавшие и образованностью, и культурой, отводили **12** классных часов! Это было время, когда в школах учились поколения, отнюдь не чуждые техническому направлению мысли; это были поколения, создававшие советскую атомную промышленность и ракетостроение...

На могиле **А. С. Грибоедова**, **трагически погибшего при исполнении дипломатического служебного долга**, начертаны слова: **“Ум и дела твои бессмертны в памяти русской”**. Но **чужие интересам отечественной школы составители** учебных программ **вычеркнули имя Грибоедова** из списка авторов, с которыми сегодня пока ещё разрешено знакомиться молодёжи при обучении в школах России.

Но **без знакомства с этими писателями нельзя считать себя в России культурным человеком**. Заметим, кстати, что **речь вновь идёт о русских авторах**. Тут уместно вспомнить **Ф. М. Достоевского**: “Если общечеловечность есть идея национальная русская, то, прежде всего, надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу всё изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой”*. Но чему, как не презрению к своему великому народу, может научить варварство, отразившееся в “Примерных программах...”, одобренных (!) РАО?!

Можно было бы и продолжить наш обзор, указав на стихи **И. С. Никитина**, исполненные необычайным видением родной природы и свежестью патристических чувств (ранее их изучали в школе).

Нужно было бы сказать и о художественном и воспитательном значении, которое, несомненно, имеет поэзия и проза **А. К. Толстого**, и вспомнить его шедевры “Меня во мраке и пыли...”, “Средь шумного бала, случайно...”, “Край ты мой, родимый край...”, “Василий Шибанов”, “Илья Муромец”, “Садко”...

* Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в тридцати томах. М., Т. 25. С. 23.

Нужно было бы вспомнить и в прошлом самого “хрестоматийного” поэта **А. Н. Майкова**, уж куда как подходящего для современной школы и даже необходимого ей. А. Н. Майкова, многие стихи которого (“Емшан”, “Кто он?”, “У гроба Грозного”, “Прочь идеалы!..”, “1854 год”) до преклонных лет помнили наизусть бывшие гимназисты и “реалисты”, окончившие средние учебные заведения ещё до революций XX века (мне не раз приходилось восхищаться их памятью!). А. Н. Майкова, большинство стихотворений которого – это воистину **классическая русская поэзия**, открытая всему миру, всем странам и народам, и разным эпохам истории, и одновременно – глубоко соприродная именно русскому национальному взгляду на мир, проникнутому любовью и одухотворённому национальным достоинством. И как достойно и современно звучат сегодня слова поэта:

*Благодарю Тебя, Творец, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростию узкой!
Что с гордостью я всем сказать могу: я — русский!
Что пламенем одним с Россией я горю,
Что слёзная о ней в душе моей забота,
Что тот же мощный ветр расправил парус мой,
Которым движимы неслися под грозой
Громады кораблей Нахимовского флота!*
1854

Всех названных мною писателей, как и великого (и тоже, безусловно, важного для воспитания гражданина России) **Н. С. Лескова** – **нет в программе**. А ведь это признанный классик! Подписное 12-томное собрание его сочинений вышло в 1989 году тиражом... 1.700.000 экземпляров! Автор “Соборян”, “Запечатлённого ангела”, “Очарованного странника”, “Левши”, знаменитых романов “Некуда” и “На ножах”, наконец, рассказов “Смертельный Голован”, “Пугало”, “Кадетский монастырь”, “Пламенная патриотка”, “Томление духа” – это писатель, который, говоря словами А. М. Горького, явился “ободрить, воодушевить Русь”*. Да ещё и “волшебник слова”! Да ещё и чрезвычайно важный для воспитания молодёжи! Да ещё и очень современный (например, по отношению к **нигилизму**, которому отдали щедрую дань составители программы)! И ведь творчество Н. Лескова с успехом изучали в школе...

За что же такая немилость? **Думаю**, что не ошибусь, если скажу прежде: **Лесков “не подходит” составителям программы, потому что он очень русский писатель.**

“Поработали” наши “программисты-разбойнички” и над списками произведений русских классиков, включённых в программу. Из списка произведений А. С. Пушкина, например, убрали патриотическое стихотворение “К Чаадаеву”, испокон веков входившее в школьные программы. По соображениям “полицейского” характера (а то почему же ещё?!) изъяли “Я памятник себе воздвиг...”, ну, конечно, и “главное” его произведение – “Евгений Онегин”. Из списка произведений М. Ю. Лермонтова, разумеется, убрали стихотворение “Нет, я не Байрон...”, чтобы никто не вспомнил, что поэт – “с русской душой”, да ещё “Смерть поэта”, “Родину” (последнее изъято, наверное, потому, что Лермонтов, как было признано, понимает любовь к Отечеству, к России “истинно, свято, разумно” (Н. Добролюбов). О “Герое нашего времени” и речи нет. Зачем? Он же будит мысль. А наш ученик, как выразился один из нынешних министров образования, “не должен рассуждать, он должен делать то, чему его научили”. Каково сказано! На века. Чувствуется, что это слова **современного** министра образования!

В числе писателей XX века, включённых в программу, **не нашлось места** неповторимо-колоритному художнику слова и страстному учителю **И. С. Шмелёву**, создавшему картины, “набирающие жизнь-силу от корней Родины” – от русских корней. Чужаками-составителями **был “забыт”** и **В. И. Белов**, написавший, в числе многих замечательных произведений, в назидание и **для утверждения памяти** наших современников, отторгнутых от корней культуры пресловутой цивилизацией, – необыкновенный **“Лад”**.

* Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 24. М., 1953. С. 221.

Составители не постыдились (да знают ли они, впрочем, что такое **стыд**!?) забыть и **Н. М. Рубцова**, гениальная поэзия которого – “тихий голос великого народа, потаённый, глубокий, скрытый” (Георгий Свиридов) – продолжает и сегодня звучать везде, где, опомнившись, вдруг восторженно произнесёт русский человек своё русское имя и обратится к измученной чужеродным бесстыдством душе своей – к “русскому духу”!

Ох, не любят наши недруги присутствия русского духа, неуютно им там, где “Русью пахнет”! Не любят! Так и в русских сказках – всегда бежит от русского духа нечистая сила. А мы, русские люди, просто обязаны встать стеною за наших гениев, иначе мы и сами ничего не будем стоить!

Итак, в школьных программах откровенно проявилось не только научно-методическое невежество в подборе авторов, но циничное пренебрежение ко всему русскому, в сущности, плохо скрытое русофобство и сплошной подковёрный экстремизм! Доколе?!..

4

В подтверждение этого мнения скажу, что **вместо** упомянутых мною **истинных классиков** появились в программе имена писателей, попавшие туда по каким-то непонятным причинам, как говорят, *нежданно-негаданно*. Причём **заняли они** весьма **немало места** и, откровенно говоря, **заняли незаконно. Ведь (напомню ещё раз!) в школе изучают не просто литературу, а классику.** Таких же авторов (кстати сказать, очень-очень разных по художественному уровню их произведений), как В. П. Аксёнов, А. Т. Гладилин, Ю. О. Домбровский, В. С. Маканин, В. П. Некрасов, В. О. Пелевин, А. Н. Рыбаков, Ю. С. Рытхэу, Л. Е. Улицкая, А. И. Эппель, **никак нельзя отнести к классикам**, к писателям, которых необходимо изучать в средней школе.

В подборе этих авторов, как и некоторых других, сказывается чисто политический подход: они в прошлом были, по большей части, диссидентами или “лютыми протестниками”, как выражался один знакомый писатель. Может быть, это и было критерием отбора? **Не знаю.** Думаю, что есть и другие причины, но **причины эти – не литературного свойства...**

Знаю твёрдо, что если в перечне изучаемых в школе поэтов XX века нет **М. В. Исаковского**, чьи песни пела в XX веке **вся Россия**, нет **К. М. Симонова**, военные стихи которого знали наизусть **почти все защитники Отечества**, спасшие нас от фашизма, если нет **Н. М. Рубцова** и **Ю. П. Кузнецова**, любивших Россию “истинно, свято, разумно”, то вряд ли пристойно включать в программу, например, О. Э. Мандельштама и И. А. Бродского, ангажированные издания книг которого начинают превосходить масштабы изданий всех мировых классиков. Так **ему “делают имя”**. Кто? Оставим этот вопрос открытым...

Почему я не считаю уместным включать в программу О. Мандельштама? По той причине, что он, в конечном счёте, – всего лишь русскоязычный поэт. Талантливый “конструктивист”, остро чувствующий слово, он искренне выражал в иных своих стихах **противостояние русскому взгляду на мир.**

Вспомним **русскую поэзию.** Какое слово в ней является ключевым? Конечно, слова **любовь, люблю.** Например:

Люблю Отчизну я...

Люблю дымок спалённой жнивы... (М. Ю. Лермонтов)

Люблю грозу в начале мая...

Я лютеран **люблю** богослуженье...

Люблю глаза твои, мой друг...

Люблю смотреть, когда созданье

Как бы погружено в весне... (Ф. И. Тютчев)

Люблю дорожкую лесною,

Не зная сам – куда, брести...

Люблю тебя, месяц, когда озаряешь...

Люблю я горные вершины... (А. Н. Майков)
и т. д.

А теперь приведём несколько стихов О. Мандельштама:

И Батюшкова мне противна спесь...

Не угодил, видите ли, русский поэт Батюшков Осипу Эмильевичу!

И ещё:

Я ненавижу свет
Однообразных звёзд...

Или:

Как я ненавижу пахучие древние срубы...

Нелишне напомнить, что вся Россия была деревянной, и “пахучие древние срубы” – это типичная застройка в селениях старой Руси, России, которая мила русскому сердцу и которую О. Э. Мандельштам (я не вино его в этом), в сущности, не сумел полюбить... Ведь он искренно говорил о себе **мы**: “Мы живём, под собою не чуя страны...”. Не чуял. Можно ли его за это осуждать? Нет. Но считать его образцом для подражания недопустимо.

Наконец, у О. Э. Мандельштама (Бог ему судья!) есть статья, **призывающая к убийству русского императора Николая II, причисленного ныне к лику Святых**. Сегодня такая статья **свидетельствует** о несомненном **кощунстве**.

В этой статье под названием “Кровавая мистерия 9-го января” О. Э. Мандельштам намекает на организацию за деньги, а не стихийное возникновение беспорядков 1905 года. Он пишет со свойственной ему *энергией ненависти*: “Сознание значительности этого дня в умах современников перевешивало его понятийный смысл, тяготело над ними, как нечто грозное, тяжёлое, необъяснимое. Урок девятого января – царевубийство – настоящий урок трагедии: нельзя жить, если не будет убит царь”*. Понять, что значил царь для России, “христианин” Мандельштам не смог.

Теперь о Бродском, которого так старательно “делают” гением и совершенно неосновательно сравнивают с самыми великими поэтами. Оставим в стороне его русофобские выпады и обратимся к поэтическим достоинствам. Вот что пишет о его стихах, и справедливо пишет, А. И. Солженицын**: Бродский “нередко снижается до глумления”, “смотрит на мир... с гримасой неприязни, нелюбви к существующему” (с. 183). Чуждый “русской литературной традиции, исключая расхожие отголоски, оттуда выхваченные” (с. 192), этот поэт “почти не коснулся русской почвы” (с. 183). Его стихи зачастую “переходят в интеллектуально-риторическую гимнастику”, создавая “впечатление нарочитого косноязычия”. Полные “исковерканных, раздёрганных фраз” с непроизносимым порядком слов (с. 185), они свидетельствуют, что “глубинных возможностей русского языка Бродский вовсе не использовал, огромный органический слой русского языка как бы не существует для него, или даже ему не известен” (с. 187)... Не стоит забывать, что И. Бродский, как выразился И. Шарыгин, “постепенно терял свой русский язык”. **Почему же такой поэт включён в школьную программу *взамен настоящих классических русских поэтов***? Ответ напрашивается сам: потому что его поэзия чужда русскому духу. Потому что она не причастна к коренным началам русской литературы, русской речи...

Но разве всё то, что мы наблюдали в этой программе, справедливо и правильно? Разве можно лишать новые поколения **россиян** законного **наследия русских национальных гениев, подсовывая** вместо них **не родное, а чужое, причём заведомо худшего качества**? И стоит ли так навязчиво строить программу на русофобских началах? Или русофобия у нас узаконена?

* Мандельштам О. Э. Кровавая мистерия 9-го января // Мандельштам О. Э. Слово и культура. О поэзии. Разговор о Данте. Статьи. Рецензии. М., 1987. С. 182.

** Солженицын А. И. Иосиф Бродский – избранные стихи. Из литературной коллекции // Новый мир. 1999, № 12; страницы указаны в тексте.

Укажите, пожалуйста, статью Конституции, где это обозначено. Нет такой? Ну, тогда, коль скоро не постеснялись вычеркнуть из списка великих русских писателей, теперь не постесняйтесь переиздать программу с законными исправлениями, чтобы избавить её от **подковёрного русофобского экстремизма!** Пора, господа, а то как бы не было поздно!

Повторю: последние **программы по литературе**, выпущенные и утверждённые “свыше”, достойны не просто осуждения, но наказания: в них **нагло ограблено новое поколение русской молодёжи, у него отняты законно принадлежащие ему сокровища русской национальной культуры, получившей всемирное признание**, в них включено то, что к обязательному изучению классики не имеет отношения. При этом **они обнаружили неприятие русского духа – русского ума и сердца, то есть того, на чём держалась и держится вся русская культура. Неплохо бы министерским полициям мысли понять, что без русского духа – русского ума и сердца – нет русской культуры, а без русской культуры не может быть и культуры в России. Не пора ли, наконец, покончить с подковёрным антирусским экстремизмом** в школьной программе?! Пора!

БОРИС КУРКИН

ПЕРЕЧИТЫВАЯ “ИГРОКОВ”

...Пиковая дама прищурилась и усмехнулась.

А. С. Пушкин “Пиковая дама”

Гоголь явно хотел написать свою “Пиковую даму”. Перечитывая “Игроков”, невольно приходишь к выводу, что нельзя до конца понять пьесу, не прочитав пушкинскую повесть. И хотя “Пиковая дама” и “Игроки” – о разном, однако переключка между ними несомненна. Порою кажется, что “Игроки” – это своеобразный ответ Гоголя Пушкину в новой и неожиданной форме и, добавим, к тому же на ином, более приземлённом – *социологизированном* – уровне. Порой Гоголь явно отсылает читателя и зрителя к “Пиковой даме”. Помните реплику Утешительного? “Говорят, **пиковая дама всегда продаст**, а я не скажу этого”.

Куда уж яснее! Ведь пушкинская повесть, которую сам поэт называл в узком семейном кругу **романом**, стала поистине *культовой*. “Пиковая дама”, – писал П. В. Анненков, – произвела при появлении своём <...> всеобщий говор и перечитывалась от пышных чертогов до скромных жилищ с одинаковым наслаждением...”

А О. И. Сенковский – Барон Брамбеус, – публикатор “Пиковой дамы”, вышедшей в 1834 году в “Библиотеке для чтения”, характеризовал её в своём письме Пушкину так: **“Вы создаёте нечто новое, вы начинаете новую эпоху в литературе <...> вы положили начало новой прозе – можете в этом не сомневаться <...>”**.

Так что искус отозваться на пушкинскую повесть у Гоголя был.

Что ж, приступим, благословясь...

Часто ли мы обращаем внимание на эпиграф к “Игрокам”? А ведь он таков: **“Дела давно минувших дней...”**, добавим: “Преданья старины глубокой...”

А ведь это же ПУШКИН!

Уже в одном этом и отсылка к Пушкину, и ирония, даже сарказм: какие уж тут *дела давно минувших дней*, ежели вся Россия бесповоротно и беспробудно погрузилась в пучину карточного безумия, и для неё это *воздух*, которым она дышит?

Комедия “Игроки” была напечатана впервые в издании “Сочинения Николая Гоголя” (1842), том четвёртый, в разделе “Драматические отрывки и отдельные сцены”. Весь раздел датировался самим Гоголем периодом с 1832 по 1837 год. Окончательная обработка “Игроков” относится к 1842 году, но начала была пьеса, несомненно, раньше. Посылая её Прокоповичу, Гоголь писал 29 августа 1842 года из Германии: “Посылаемую ныне пьесу “Игроки” всилу

собрал. Черновые листы так были уже давно и неразборчиво написаны, что дали мне работу страшную разбирать”.

Эту первоначальную рукопись “Игроков” Н. С. Тихонравов относил к периоду петербургской жизни Гоголя — до 1836 года. В таком случае, работу над пьесой Гоголь начал вскоре после публикации “Пиковой дамы”.

1842 год — это год выхода в свет “Мёртвых душ”.

С момента опубликования “Пиковой дамы” (1834) прошло 8 лет.

Всё близко.

Впрочем, тема карт и сопряжённая с нею тема нечистой силы поднималась Гоголем и ранее — в “Пропавшей грамоте”.

Карты, карты, карты... *Карточное безумие охватило всю Россию.*

“Нигде, — писал кн. П. А. Вяземский в “Старой записной книжке”, — карты не вошли в такое употребление, как у нас: в русской жизни карты — одна из непреложных и неизбежных стихий... Карточная игра в России есть часто оселок и мерило нравственного достоинства человека. “Он приятный игрок” — такая похвала достаточна, чтобы благоприятно утвердить человека в обществе. Примеры упадка умственных сил человека от болезни, от лет не всегда у нас замечаются в разговоре или на различных поприщах человеческой деятельности; но начини игрок забывать козыри, и он скоро возбуждает опасение своих близких и сострадание общества”.

А кто только не шулерствовал на Руси! Взять, к примеру, ещё не ставшего тогда министром юстиции Г. Р. Державина, занимавшего позицию на станции на столбовой дороге и “раскатывавшего” затем проезжающих путников! Даром что ли на его поимку была отряжена целая команда! Другой министр юстиции — М. М. Сперанский — был, по преданию, не раз побиваем канделябрами за нечестную игру. Да что Сперанский! Злые языки поговаривали, что мухлевал в игре и бывал бит даже сам Аракчеев — человек с репутацией неподкупного и “преданного без лести” государева слуги!

Шулерский жаргон прочно вошёл в русский язык: кому не известны выражения “передёргивать” или “втирать очки” (речь в последнем случае идёт отнюдь не о протирании линз, а о технических приёмах мгновенного и незаметного для постороннего глаза превращения одной карты в другую, так называемые “порошковые карты”).

Был создан даже своеобразный “эпос” карточной игры и шулерства, примером чему может служить изданный анонимно в 1826–1827 годах двухтомник “Жизнь игрока, описанная им самим, или Открытые хитрости карточной игры”. Из него, кстати, и почерпнул Гоголь некоторые шулерские приёмы, приписав их своим героям. Что ж, это тоже был посыл — подмигивание знатокам и мастерам передёргивания карт, а с ними — и просто любопытствующим.

Карточное сумасшествие — причина разорений и самоубийств — становилось рядовым явлением. “. . . Вся Россия должна застрелиться: всякий или проигрался, или намерен проигратся”, — говорит в пьесе Гоголя Ихарев.

Кстати, что за странная фамилия такая? Просится на ум “Ухарев”. Но Ихарев — шулер высшей пробы, а посему какое бы то ни было *ухарство* в его профессии, жёстко определяющей характер человека, ему заказано. Может быть, это усечённое “Жихарев”? И уж не на Степана ли Петровича Жихарева (1787–1860) — Московского губернского прокурора, впоследствии обер-прокурора Правительствующего Сената, и незадачливого литератора — тонко намекал Гоголь? К Жихареву частенько наведывался Пушкин, в салоне прокурора велись разговоры о литературе и метался “банчок”. Или это случайность, шутка?

А вот и ещё одна: “Глов”. Тоже явно усечённая фамилия, наподобие “Пнина” (Репнина) или “Бецкого” (“Трубецкого”). Обычно усечённые фамилии представители русской знати давали своим незаконнорожденным детям. Так что же это за фамилия? Первое, что приходит в голову, — это У(Глов), Ще(Глов) или даже Же(Глов). Не исключено, что и Костанжо-(Гло)(в). А можно ведь и так: “г. Л-ов”, то есть “господин Л-ов”. А это может быть и Львов, и Лобанов-(Ростовский), и много-много кто ещё.

Вариант с немецкой фамилией весьма проблематичен. У немцев множество фамилий с окончанием на “-low” (например, хорошо известная отечественному читателю фамилия “Вольцов”). А вот “-glow”? Впрочем, мы рискуем в таком случае ни до чего не договориться. Остальные же фамилии — Швохнев, Кругель, Утешительный и даже Замухрышкин — вполне традиционны, хотя и несколько нарочиты.

Для чего же тогда наделил Гоголь своих персонажей усечёнными фамилиями? Думается, исключительно с целью намекнуть читателю и зрителю на хорошо известные обществу того времени некие скандальные истории. Вот и Андроников в своём телевизионном эссе о “Маскараде” М. Ю. Лермонтова говорит о некой известной высшему свету истории, которую Лермонтов положил в основу своего произведения. Правда, Андроников при этом ссылается на цензора, писавшего, что “пиеса, возможно, основывается на реальном событии, произошедшем в Петербурге”, и даже на Н. А. Добролюбова, который мог знать об этом лишь из десятых рук по пересудам в лакейской.

Привычка протягивать ниточку актуальности с целью оживления зрительского и читательского внимания – эдакое авторское подмигивание – широко распространённый приём у Гоголя, да и не только у него. Похоже, что Николай Васильевич решил намекнуть на некую громкую скандальную историю с участниками, носившими фамилии, оканчивающиеся на “-глов” и “-ихарев”. Однако во избежание нареканий автор “усёк” их, превратив в “маячок” для наводки читательского и зрительского внимания на цель.

Однако приступим, наконец, к главному.

Дерзнём утверждать, что и у Пушкина, и у Гоголя главной темой становится соприкосновение с миром потусторонним, от которого главные герои стремятся получить вполне *посюсторонние* блага – деньги. Вполне допустимо, на наш взгляд, рассматривать оба произведения в качестве своеобразных пародий: “Пиковую даму” – на “Фауста” Гёте, “Игроков” – на “Пиковую даму” Пушкина.

И в пушкинском, и в гоголевском текстах речь идёт о сознательном снижении вечных проблем, о нарочитой пародийности. Не будем углубляться в вопросы определения понятия *пародия*, повторим лишь за В. Ходасевичем, что “Пушкинская пародия всегда столь же глубока, как и то, что ею пародируется”. Впрочем, продолжает поэт, “для Пушкина “пародировать” значило найти и выявить в действии возможность комического, счастливого разрешения того же конфликта, который трагически разрешается в произведении первоначально”.

Итак, сделаем допущение, что пушкинский Германн – пародия на гётевского Фауста. Действительно, в сравнении с Фаустом Германн пошл, пошлы и его помыслы.

Ихарев – это сознательное авторское *снижение образа*, пародийный ракурс его изображения. И впрямь, вместо “подсоединения к каналу” неких высших и, добавив от себя, демонических сил, как это было с Германном у Пушкина, тема Ихарева – это попытка рукотворного создания универсальной “отмычки”, дающей герою возможность гарантированно добиваться цели. Так всплывает сугубо пародийная по своей сути тема *Аделаиды Ивановны*, по отношению к которой герой выступает в роли “творца” – “Пигмалиона”, а его детище – в виде всемогущей “Галатеи”.

Ох, уж эта *Аделаида Ивановна*! Она и пародия-ретрансляция на старуху-графиню – “пиковую даму”, о которой поминает в пьесе Утешительный, и даже на гностическую *софию*. Эту мысль высказал писатель и философ В. Карпец.

Как известно, чародей Симон Волхв, путешествуя по миру и занимаясь активной саморекламой, выдавал себя ни много ни мало “за бога живаго”. Сохранившиеся источники рисуют вполне однозначную картину его личности и дел. Однажды Симон даже предстал перед императорским двором в Риме и потерпел фиаско, когда пытался осуществить сеанс левитации – проще говоря, “полетать” в присутствии Нерона. Примечательно, что в латинском окружении Симона звали *Чародеем*, кроме того, его сопровождала некая проститутка, которую он выдавал за *софию*, – Елена, провозглашённая им “возрождённой Еленой Троянской”. Всё это ясно показывает, что здесь мы имеем дело с одним из источников легенды о Фаусте, бытовавшей в эпоху раннего Возрождения. А ряд почитателей гётевского “Фауста” давно высказывали предположение, что их герой – “потомок гностических сектантов”, а Прекрасная Елена, вызванная его искусством, была “падшей Мыслью Бога”, которой было “спасено пробуждённое человечество”.

Итак, **Аделаида Ивановна**.

Важно подчеркнуть, что *Аделаида Ивановна* – это не название колоды карт, а ИМЯ СОБСТВЕННОЕ, о чём говорит её “творец-Пигмалион” Ихарев.

“Стоит того, чтобы назвать её **именем**”, – вторит ему внимательно изучающий колоду немецъ Кругель.

Назови он её просто *Аделаида*, выглядело бы это холодно и несколько выскопарно. **Аделаи́да** – фр. *Adélaïde*, – как известно, французский вариант древнегерманского имени Адельгейда – *Adalheid, Adelheid, Adelheidis*, – в котором два корня: *adal* – ‘благородный, знатный’ и *heid* – ‘вид, род, образ’. Следовательно, имя Адельгейда означает не что иное, как “благородная видом”, “благородная происхождением” или же просто “благородство”. Это имя было популярным во Франции и Англии в XII веке. Кстати, именами Аделаида и Адельгейда Гоголь наделил своих героинь в 8-й главе первого тома “Мёртвых душ”.

А вот добавление отчества, да ещё *Ивановна*, свидетельствует о сугубо уважительном отношении к ней со стороны её “творца” и придаёт “творению”, вернее, “твари” Ихарева качество чего-то родного, доверительного, сообщает ей интимную ноту и понижает высокий и холодный градус этого имени. Впрочем, “онтологический статус” *Аделаиды Ивановны* изначально невысок: какой из карточного шулера “бог”? Однако усилия при лепке сей “Галатеи” приложены изрядные! “Почти полгода трудов. Я две недели после того не мог на солнечный свет смотреть. Доктор опасался воспаления в глазах”, – говорит утративший бдительность Ихарев. Да, виртуозная работа, возможно даже в своём роде совершенство, но всё же “от мира сего”. Рукодельная “отмычка” (“лукич”, “фомка”) – не более.

И ещё один момент, также отсылающий – и вновь пародийно, иронически! – к немецкой мистике: *немецкость* имени. Недаром же Утешительный говорит об этом *усмехаясь*: “Слышь, Швохнев, ведь это совершенно новая идея – назвать колоду карт Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже, это очень остроумно”.

Швохнев. Прекрасно: Аделаида Ивановна! очень хорошо...

Утешительный. Аделаида Ивановна. Немка даже! Слышь, Кругель, это тебе жена.

Немка! Не-здешняя. Из чужих пределов явившаяся. “Пиковая дама” тоже ведь была *плодом творения* оккультиста Сен-Жермена! Он ведь тоже был “немецъ”! И вместе с тем – детище русского игрока, “обрусевшая”, как Германн и Кругель.

Одним словом, *Аделаида Ивановна* – посланница “иных миров”, символ причастности великих тайн”. Впрочем, в русской литературе – от Пушкина до М. Булгакова – “немецъ” частенько выступал в роли проводника некой “инфернальной идеи”. Помните?

“Вы – немец? – осведомился Бездомный.

– Я-то?... – переспросил профессор и вдруг задумался. – Да, пожалуй, немец... – сказал он”.

А как обращается гоголевский Вакула к своему мохнорылому “оппоненту”, которого он перед тем нарисовал в церкви? “А, вот каким голосом запел, **немец проклятый!** теперь я знаю, что делать. Вези меня сей же час на себе! слышишь, неси как птица!”

Тема “обрусевшего немца” тоже довольно любопытна: не было бы “обрусения” Германна, Кругеля и *Аделаиды Ивановны*, не было бы и того, что формально роднило русского читателя с этими героями, и тогда получилась бы “чисто немецкая история о продаже души дьяволу” – совершенно ВНЕШНЯЯ по отношению к русской душе история.

Что ж, поговорим о “высших тайнах” в “Игроках”.

И здесь – в сравнении с “Пиковой дамой” – та же пародийность и то же сознательное понижение статуса.

“Высшие тайны”.

“Вам знакомы высшие тайны”, – говорит Ихареву Утешительный. Но что же это за “высшие тайны” и в чём заключается исследование “глубин познания”?

Из слов Ихарева выясняется, что речь идёт лишь об игровой практике – “ремесле”, “технике”, но отнюдь не о мистическом проникновении в “тайны бытия” – в отличие от “Пиковой дамы”. “Это уже с самых юных лет было мо-

им стремлением. Ещё в школе во время профессорских лекций я уже под скамьей держал банк моим товарищам”, — признаётся Ихарев. О том же говорит и Швохнев, рассказавший об одиннадцатилетнем вундеркинде, мастерски передёргивавшем карты, — “это превосходит всякое описание”! Так что все “высшие тайны” в “Игроках” — сугубо рукотворны и от мистики далеки. Не то в “Пиковой даме”! Так что и здесь происходит снижение “тайн бытия”, что и было, несомненно, задачей, которую ставил перед собой Гоголь, и, конечно, здесь проявлялась скрытая полемика с Пушкиным. Впрочем, это истинно гоголевский ракурс постановки проблемы: речь не идёт о *подсоединении к каналу* “высших тёмных сил”, а о чём-то гораздо более “низком”. Это мелкие бесы играют и разыгрывают спектакль в своём кругу, вовлекая в него тех, кто соблазнился возможностью легко получить деньги.

Шулерская “техника и технология” уничтожают мистику, “убивая” Аделаиду Ивановну совершенно *посюсторонним* способом — путём розыгрыша неких ролевых многоходовых комбинаций. Известно, что лукавый лжёт даже тогда, когда, по видимости, говорит “правду”. Вспомним рассказы о том, как удаётся “бригаде Утешительного” подsunуть игрокам краплёные колоды карт, или о том, как он сообщает Ихареву о новом разделении *шулерского труда* и раскрытии ключа рисунка обратной стороны карт как об одном из его проявлений. “Это то, что называется в политической экономии распределение работ”, — говорит Утешительный Ихареву. В общем, решительно никакой мистики — в отличие от “Пиковой дамы”: сплошная технология с её неизбежными “инновациями”.

Кстати, “бригады” шулеров — это тоже давняя традиция, известная в России ещё с екатерининских времён. Раскрываем М. И. Пыляева и читаем: “По словам современников, в последние годы царствования Екатерины II карточная игра усилилась до колоссальных размеров; дворяне только и делали, что сидели за картами... Составлялись кампании обыграть кого-нибудь на верняка; поддерживать себя карточной игрою несколько не считалось предосудительным” (см.: М. И. Пыляев. “Старое житьё. Очерки и рассказы”. СПб, 1892. Статья “Азартные игры в старину”. С. 30).

В определённом смысле Ихарев и “аналог” Германна, и одновременно пародия на него — персона с такими же мечтами и идеалами.

Здесь нужно сделать ещё одно замечание: ни один герой, за исключением простодушного лакея Ихарева Гаврюшки, не имеет своего лица. У всех у них **личины**. Даже у трактирного слуги Алексея, служащего всем господам и снабжающего их к своей выгоде сведениями друг о друге, т. е. продающего и перепродающего своих благодетелей.

Игра в “Игроках” идёт двойная, а то и тройная.

“Священные обязанности”.

Тема игры как лжи обретает у Гоголя ещё одно важное измерение. Помните диалог Утешительного и Швохнева по поводу “священных обязанностей”?

Швохнев. Ну, зарпортовался! Горяч необыкновенно: ещё первые два слова можно понять из того, что он говорит, а уж дальше ничего не поймёшь.

Утешительный. Не могу, не могу! Если дело коснётся обязанностей или долга, я уж ничего не помню. Я обыкновенно вперёд уж объявляю: господа, если будет о чём подобном толк, извините, увлекусь, право, увлекусь. Точно хмель какой-то, а желчь так и кипит, так и кипит.

Ихарев. (про себя). Ну, нет, приятель! Знаем мы тех людей, которые увлекутся и горячатся при слове “обязанность”. У тебя, может быть, и кипит желчь, да только не в этом случае. *(Вслух).* А что, господа, покамест спор о священных обязанностях, не засесть ли нам в банчик?”

А теперь восстановим в памяти спор между Утешительным и Кругелем относительно того, **ВСЬ** человек принадлежит обществу или **НЕ ВСЬ**?

Утешительный. Так, но человек принадлежит обществу.

Кругель. Принадлежит, но не весь.

Утешительный. Нет, весь.

Кругель. Нет, не весь.

Утешительный. Нет, весь.

Кругель. Нет, не весь.

Утешительный. Нет, весь!

Швохнев (*Утешительному*). Не спорь, брат, ты неправ.

Утешительный (*горячась*). Нет, я докажу. Это обязанность... Это, это, это... это долг! это, это, это...

Любопытно, что даже в самом глумлении чувствуется “национальная” нотка: русский Утешительный говорит о полном растворении человека в обществе, а немец Кругель отстаивает право человека на некую приватность. Так и хочется процитировать “Пиковую даму”: “Германн немец: он расчётлив, вот и всё!”

В сущности, диалог сей – двойной, если не тройной глум. Во-первых, это провокация предполагаемого карточного шулера (Ихарева) – попытка разговорить его и “войти к нему в доверенность”; во-вторых, пародирование самих себя; в-третьих, откровенная издёвка всей “карточной России” над официальной идеологией СЛУЖЕНИЯ, которую старался внедрить в русское общество государь Николай Павлович, подававший к тому великолепный личный пример.

И действительно: чиновники тихо берут взятки, живя своей обособленной жизнью, оперирует виртуальной реальностью, предвосхищая аферы с “материей жизни” века грядущего, Чичиков, шулерствует высший и средний класс, а сверху его убеждают в необходимости служения и исполнения каких-то “священных обязанностей”. Какие уж тут обязанности, да к тому же ещё “священные”!

Такое глумление в пьесе Гоголя не могло не расцениваться автором как трагедия общества – причина его деградации и саморазрушения. Так у пьесы появляется – чисто по-гоголевски – социальное измерение, которого лишена пушкинская “Пиковая дама”.

Однако постоянно, пусть лишь намёком, в “Игроках” присутствует отсылка к “Пиковой даме”. Взять хотя бы реплику Утешительного относительно “вооружённости против судьбы”. Само словосочетание выглядит парадоксально. В этом можно было бы усмотреть характерную для гоголевских героев манеру выражаться вычурно, если бы не пушкинский Германн и его железная воля: “Я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее”.

А вот что говорит Утешительный Лже-Глову (старшему): “Я сам играл, играл сильно. Но, благодарю судьбу, бросил навсегда, не потому, чтобы проигрался или **был вооружён против судьбы**”.

Германн не устоял перед искушением и, продав душу дьяволу, пал жертвой “тайной недоброжелательности”. Утешительный же, изображая “победившего судьбу”, оказывается в выигрыше. Но разве можно победить СУДЬБУ, если понимать всю её неотвратимость? И опять чувствуется гоголевская насмешка над пушкинским героем. Впрочем, всё зависит от того, какой смысл мы вкладываем в слово “судьба”: некий Рок, предопределяющий земную жизнь человека, или пройденный им – пусть и не до конца – жизненный путь. Однако в первом случае слова Утешительного звучат нарочито пародийно, а во втором – бессмысленно.

И вот ещё: “Утешительный (*продолжая метать*). Помнишь, Швохнев, **свою бронежку, что называл ты пиковой дамой**. Где-то она теперь, сердечная. Чай, пустилась во все тяжкие. Кругель! твоя убита! (*Ихареву*) и твоя убита! Швохнев, твоя также убита; гусар также лопнул”.

Так и хочется добавить: “Шептала в разгаре азарта”! Впрочем, это уже не у Пушкина, а у Модеста Ильича Чайковского в его оперном либретто:

Ваша дама убита...

Опять отсылка к “Пиковой даме”! И не просто к произведению, но к главной его теме: “борьбе с судьбою”. И снова гоголевская ирония, а то и сарказм: “бригадный метод” шулерства побивает даже “тайную недоброжелательность”, становясь ВЫШЕ самой СУДЬБЫ или, скажем иначе, самой судьбою, вмешиваясь в её “естественное течение”!

И ещё одна отсылка к “Пиковой даме”:

Утешительный. Ого-го, гусар! На сто тысяч! Каков, а? А глазки-то, глазки? Замечаешь, Швохнев, как у него глазки горят? **Барклай-де-Толльевское что-то видно**. Вот он, героизм!.. Лопнул гусар!

Помнится, Германн выглядел сбоку сущим Наполеоном, пугая “своим пошлым лицом” и пленяя одновременно воображение Лизаветы Ивановны, а Лже-Глов (младший) — по дерзости и отваге — был натуральный **Барклай-де-Толли!** А если учесть, что весь этот “героизм” и ухарство — сплошной спектакль, разыгрываемый для Ихарева, то ирония и пародирование получаются у Гоголя двойными, а то и тройными. Германн повышал ставки и выигрывал, а Лже-Глов — “лопался”.

И разве не отсылает реплика Швохнева: “Кто садится без денег, тот садится с тем, чтобы обыграть навверное”, — к истории с графиней Анной Федотовной, явившейся после свидания с графом Сен-Жерменом *au jeu de la Reine* “без гроша в кармане”, смело поставившей одну за другой три карты и отыгравшейся совершенно?

Казалось бы, гоголевский сюжет предельно “обмирщён”, целиком *посюсторонен* — ан нет! Инфернальность, правда, несколько сниженная по сравнению с Пушкиным, прорывается в репликах Ихарева, осознающего — не сразу и не вдруг — дьявольскую игру, жертвой которой он стал.

И тут начинается серия “чертыханей”, до которых столь охоч был Николай Васильевич. Правда, здесь они к месту, поскольку указывают на истинного хозяина ситуации.

Глов. Какой **чорт** долг! Получишь ты долг! Разве ты не чувствуешь, что в дураках и проведён, как **пошлый пень**.

Глов. Старик-то? Во-первых, он и не отец, да и чорт ли и будут от него дети! А во-вторых, тоже не Глов, а Крыницын, да и не Михал Александрович, а Иван Климыч, из их же компании.

Ихарев (отчанно). Да ты кто? **чорт** ты, говори, кто ты?

И далее: “Чорт возьми! Такая уж надувательная земля! Только и лезет тому счастье, кто глуп, как бревно, ничего не смыслит, ни о чём не думает, ничего не делает, а играет только по грошу в бостон поддержанными картами!

Ихарев (в ярости). **Чорт побери** Аделаиду Ивановну! (*Схватывает Аделаиду*)

Но только какой **дьявольский** обман!”

Ох, недаром же говорят: “Не поминай дьявола по имени!” Помянешь нечистого, а он уже тут как тут с его неизменным: “Я здесь, к услугам вашим!”

Правда, в данном случае мохнорылые являются творцу *Аделаиды Ивановны*, чтобы поглумиться над ним. Мелкие бесы сделали своё дело, “кинув” Ихарева. “На всякого мудреца довольно простоты” — по русской пословице. А можно и без всякой заумной инфернальщины: по Гоголю, современная жизнь — это “бесовщина в шаговой доступности”.

“Ты хотел послужить мне, простодушный человек? Молодец! Получай же теперь свой гонорар!” Вот и выходит, что Ихарев — это “Германн сегодня”. Правда, в приземлённом, лишённом демонических черт варианте.

Надо сказать, что в отличном, на наш взгляд, фильме П. Чухрая “Русская игра” (2007), снятом по пьесе Гоголя, тема мелких бесов, перед которыми оказывается бессильным матерый игрок — “катала”, — прозвучала совершенно замечательно, выразившись в нарочито *марионеточной* — **нечеловеческой** — пластике С. Маковецкого, С. Гармаша и А. Мерзликина, подчёркиваемой их эксцентрическими гримасами и нелепыми фраками.

Вспомним: “Игроки” увидели свет в 1842 году, одновременно с первым томом “Мёртвых душ”, где “тема чорта” (Чичикова) и оперирования “незримыми” (виртуальными) сущностями — *мёртвыми душами*, — и тема создания соответствующих технологий конвертации их в реальный капитал звучала уже во весь голос. Глядя на сегодняшний мир с его фьючерсами, ипотеками и кредитами, можно с известным допущением сказать, что Гоголь оказался пророком: мнимость и эфемерность правит миром.

*...Мчатся тучи, вьются тучи...
Мутно небо, ночь мутна...*

Уже тогда трагически звучал голос Гоголя, вложившего свою тревогу в уста князя из второго тома “Мёртвых душ”: “...пришло нам спасать нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемённых язы-

ков, а от нас самих; что уже, мимо законного управленья, образовалось другое правление, гораздо сильнеее всякого законного. Установились свои условия; всё оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, — хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, — не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников...

*...Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам...*

А сверху, с властного Олимпа звучит голос императора о СЛУЖЕНИИ...

“Не успел он докончить последних слов, как все чудища выскалили зубы и подняли такой смех, что у деда на душе захолонуло”.

Это юный Гоголь мог смеяться над нечистой силой, осознавая её бессилие: “Что вы, Иродово племя, задумали смеяться, что ли, надо мною? Если не отдадите сей же час моей козацкой шапки, то будь я католик, когда не переворочу свиных рыл ваших на затылок!”

Теперь Гоголь смотрит на вещи куда пессимистичнее, а ведь писались “Пиковая дама” и “Игроки” практически в одно и то же время.

Россия покидала мир Пушкина и погружалась в мир Гоголя.

ИРИНА МОНАХОВА

“НЕПОДВИЖНО СТОЮ Я, А УЖЕ ГОЛОВУ ОСЕНИЛО ГРОЗНОЕ ОБЛАКО...”

О памятниках Н. В. Гоголю в Москве

Историческая память, обозначенная монументами на городских улицах, — вещь не застывшая, а по-своему живая. Памятники могут “стареть”, то есть становиться совершенно неинтересными и ненужными, могут и “молодеть”, то есть вдруг приобретать повышенную актуальность. Могут быть долгождан-ными или неизвестно зачем поставленными. Таким образом, память о вели-ких людях, воплотившаяся в монументах, живёт собственной жизнью, и на-звать существование самих монументов полным покоем нельзя.

Рассмотрим подробнее лишь одну частицу огромного мира памятников — памятники Николаю Васильевичу Гоголю в Москве. На их примере можно за-метить, как по-разному воспринимались в разные эпохи Гоголь и его творе-ния. Эта разница заставляла видоизменяться и развиваться монументальную гоголиану.

* * *

Памятники, связанные с именем Гоголя, устанавливались в Москве в раз-ные эпохи. Каждое изваяние на своём “монументальном” языке рассказыва-ет нам о том, что думали о писателе разные поколения его читателей, какие грани его творчества и личности им были понятны.

Началась история памятников Гоголю с надгробия, установленного на его могиле в Даниловом монастыре в 1852 году. Это была надгробная плита и крест, стоящий на “голгофе”. Правда, крест, наверное, нельзя назвать па-мятником. Скорее, это был отказ от сооружения памятника на могиле знаме-нитого писателя, который хотел, чтобы там стоял только крест. Современни-ки писателя, в том числе его друзья, руководствовались, прежде всего, его Завещанием, которое было опубликовано в “Выбранных местах из переписки с друзьями”. Первая глава этой книги так и называлась: “Завещание”. Гоголь писал: “Завещаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном”¹.

Но не только слова самого Гоголя имели значение. Видимо, многим со-временникам Николая Васильевича если не при жизни его, то вскоре после смерти стал очевиден его духовный облик как христианина. Стало понятно, что, будучи великим писателем, он себя, прежде всего, считал христиани-

¹ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VIII. М., 1952. С. 219.

ном, чьё главное дело — это “душа и прочное дело жизни”¹, а главным своим качеством он считал стремление “быть лучше, чем есть”².

Вот почему люди, понимавшие, как важен для Гоголя именно его христианский путь, поставили ему на могиле только крест. В 1831 году при ликвидации захоронений на территории Данилова монастыря прах Гоголя был перенесён на Новодевичье кладбище. А через двадцать лет, в 1951 году, на его могиле был установлен на постаменте мраморный бюст работы Н. В. Томского. Хотя эта скульптура сама по себе замечательна, но всё-таки воля писателя, весьма определенно высказанная в его Завещании, была нарушена.

Но на этом история событий, связанных с захоронением Гоголя, не закончилась. В 2009 году к 200-летию со дня рождения Гоголя на его могиле на Новодевичьем кладбище был установлен православный крест. Мраморный бюст Гоголя работы Н. В. Томского, ранее находившийся на могиле писателя, был помещён в музей Новодевичьего кладбища.

Крест на могиле Гоголя (как и тот, что стоял на его могиле в Даниловом монастыре) установлен на “голгофе”, то есть на вершине камня, напоминающего по своей форме гору. У подножия креста прикреплена табличка со словами из Нового завета — из последней главы Откровения Иоанна Богослова: “Ей, гряди, Господи Иисусе”³.

Казалось бы, на этом можно было бы поставить точку. Но вот если посетить захоронение Гоголя зимой, или поздней осенью, или ранней весной, — словом, когда лежит снег, то можно заметить, что фамилии “Гоголь” не видно. Только если заранее знать, где именно на территории Новодевичьего кладбища находится его могила и как она в общих чертах выглядит, то тогда можно понять, что это место упокоения Гоголя, а иначе — нет.

До установки креста имя, отчество и фамилия Гоголя были написаны не только на надгробной плите, но и на постаменте, на котором был установлен бюст писателя. И если зимой надпись на надгробной плите скрывалась под снегом, то на постаменте она всегда была видна. Теперь же имя, отчество и фамилия Гоголя остались только на надгробной плите, и когда снег их скрывает, поневоле возникает впечатление безымянной (хотя и весьма солидно обустроенной) могилы, что странно, когда речь идёт о могиле Гоголя.

Но в то же время убеждаешься ещё раз в том, что не может быть всё просто и однозначно, когда речь идёт о Гоголе. По воспоминаниям одного из современников, Гоголю в Италии как-то рассказали о местном обычае хоронить “неимущих иноверцев” в чистом поле. На это он, к удивлению собеседника, воскликнул: “Значит, надо приезжать в Рим для таких похорон”⁴. Таким образом, зимой (а зима длится у нас в России чуть ли не полгода) желание Гоголя бесследно исчезнуть бременным телом с лица Земли отчасти осуществляется.

* * *

К 100-летию со дня рождения Гоголя в 1909 году был поставлен памятник ему на Пречистенском (теперь Гоголевском) бульваре. Позже его перенесли во двор дома на Никитском бульваре, где прошли последние годы жизни писателя. Памятник работы Н. А. Андреева изображает Гоголя понуро сидящим в кресле, зябко укрываясь плащом и грустно взирая на происходящее вокруг. Он кажется похожим на нахохлившегося птенца, страдающего от голода, холода и других напастей, а потому вызывающего у зрителя жалость. Этот памятник привлекает к себе внимание многих. Его даже считают лучшим памятником в Москве.

Конечно, как произведение искусства эта скульптура весьма совершенна. Поэтому она вызывает необыкновенное сочувствие к Гоголю, так убедительно он показан глубоко несчастным, одиноким и обессиленным.

Однако Гоголь, в сущности, таким не был. Хотя бы потому, что был ещё при жизни избалован вниманием близких людей, а главное — его вера не могла позволить ему быть таким.

Почему же именно такой памятник Гоголю был установлен в начале про-

¹ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VIII. М., 1952. С. 299.

² Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. XII. М., 1952. С. 271.

³ Отк. 22: 20.

⁴ П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 88.

шлого века? Можно было бы объяснить это декадентскими настроениями. Но и в то время было заметно это несходство памятника с Гоголем в чём-то весьма существенном. У произведения Андреева были как поклонники, так и противники. Один из современников в 1909 году писал:

“Едва ли можно оспаривать, что, открывая в Москве памятник, все присутствующие мысленно видели перед собою и чувствовали Гоголя как творца “Вечеров на хуторе”, “Ревизора”, “Мёртвых душ”; Гоголя времени полного расцвета его творчества, и таким он останется в нашем представлении, куда память о нём будет жива... Но таков ли он явился из-под резца скульптора?... Смотря на голову писателя на московском памятнике и на всю его приникнутую фигуру, кажется, что видим Гоголя, отрекающегося от своих творений, Гоголя, сжигающего “Мёртвые души”, но не видим творца — художника, обладателя всемогущего смеха; этих черт в типе, созданном скульптором Андреевым, мы не чувствуем совсем”¹.

Почему же этот печальный Гоголь так полюбился многим поколениям его поклонников? Видимо, его почему-то хотят видеть именно таким: грустным, бессильным и даже болезненным. Сейчас можно даже ещё точнее и определённое сформулировать ту отрицательную черту, которая присутствует во внешне прекрасном монументе и которая отмечалась современниками, присутствовавшими на его открытии.

В памятнике отражена одна (только одна) грань личности Гоголя: способность его иногда приходиться в мрачное и тоскливое настроение, то ли под влиянием депрессии, то ли вследствие необыкновенно тонкой организации психики, то ли из-за диссонанса с окружающей действительностью. Только одна эта грань ещё не объясняет ни сложной природы Гоголя, ни его столь многогранного творчества. Но зато так просто свести к болезненной мрачности Гоголя (каким он предстаёт в этом скульптурном портрете) всё то, что читатели не смогли понять ни в нём самом, ни в его произведениях. И этот памятник как бы увековечивает эту ситуацию: с одной стороны — навсегда унылый и вызывающий сочувствие Гоголь, с другой — навсегда не понимающий его, но сочувствующий ему читатель. Это очень удобно для читателей, многие из которых долгое время не понимали, да и не желали понимать Гоголя — автора “Выбранных мест из переписки с друзьями”. Удобно, потому что не надо стараться понять, не надо делать усилий — можно ограничиться сочувствием ему и любованием эстетически прекрасным изваянием.

Отчасти этот памятник даже опровергает сам себя. На постаменте изображены герои “Ревизора”, “Тараса Бульбы”, “Вечеров на хуторе близ Диканьки”. Они напоминают нам о том великолепном художественном мире, который создан Гоголем в его живых и ярких произведениях, до сих пор не потерявших своей значимости. Какие же надо иметь колоссальные силы, чтобы создать эти вечно живые творения, какую энергию надо в себе нести, чтобы придать написанным словам столько жизни и совершенства. Всему этому явно противоречит вид унылого болезненного человека, возвышающегося на постаменте. Бывая, действительно, иногда унылым и болезненным, как и все мы, Гоголь всё-таки не благодаря, а вопреки этому стал одной из вершин русской литературы. Памятник об этом ничего не говорит зрителю. Как представляется, было весьма уместно и закономерно, что с Гоголевского бульвара он переместился во двор дома на Никитском бульваре и не остался единственным в Москве памятником Гоголю.

* * *

Установленный к 100-летию со дня смерти Гоголя в 1952 году новый памятник писателю на Гоголевском бульваре (работы Н. В. Томского) несет на себе надпись: “Великому русскому художнику слова Николаю Васильевичу Гоголю от правительства Советского Союза”. И, на первый взгляд, он с эстетической точки зрения неинтересен. Монументальная фигура писателя — само воплощенное спокойствие, носитель величия и гармонии со всем окружающим миром. Величественно смотрится и шинель, свободные формы которой чем-то напоминают одежды библейских персонажей. Гоголь просто и в то же время многозначительно держит в руке книгу, и создается такое впечатление,

¹ А. Орешников. Полтавская медаль и плакета Гоголя. М., 1909. С. 9.

что сейчас он прочитает нам всем вслух что-нибудь из этой книги, что-то очень важное, может быть, открывшуюся ему Истину.

Изваяние это – незамысловатое, особенной художественной искусности в нём нет. Что имели в виду правительство и автор памятника, преподнося населению города такой скульптурный портрет Гоголя, – об этом можно только догадываться. Может быть, они просто хотели представить писателя в более оптимистическом и благополучном виде, чтобы его скульптурное изображение не навесало грустных мыслей. Да и вообще, монументальность была в стиле той эпохи. Но это теперь не важно.

Что бы ни имелось тогда в виду, но практически в этом памятнике (при всей его простоте и незамысловатости) удалось передать сущность такого Гоголя. Именно сущность, а не внешнее впечатление о нём.

Потому что, по существу, Гоголь вот таким и был: человеком, сильным духом, внутренне благополучным и гармоничным, в том числе благодаря своей религиозности, благодаря вере. Даже то, что может показаться, на поверхностный взгляд, драмой или трагедией “позднего” Гоголя, – это не признак болезненности и слабости, а признак крепнущей веры. Только такой человек, каким бы он при этом ни казался внешне, мог сделать всё то, что сделал Гоголь для русской культуры.

Именно этот монумент напоминает об известных словах Гоголя из “Мёртвых душ”:

“Русь! ... Зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?... И ещё полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжёлое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор?”¹

Таким образом, преподнесшие народу этот памятник его автор и правительство, может быть, сами того не подозревая, весьма точно выразили в нём сущность такого явления, как Гоголь, которую читателям, наверное, и ещё предстоит открывать для себя. А внутренней силе и способности расти над собой у него действительно можно поучиться.

Долго этот монумент стоял в одиночестве на Гоголевском бульваре, пока не возникла идея расположить здесь памятник Шолохову. Немало спорили о том, уместно ли ему здесь быть, и, в конце концов, в 2007 году установили.

Хотя, как нам кажется, два монумента на одном бульваре – это слишком много, но в данном случае такое соседство вызывает некоторые особенные ассоциации. Дело в том, что посвящённый Шолохову памятник включает не только собственно его скульптурный портрет, но и расположенную рядом с ним композицию, изображающую коней, с трудом выплывающих в бурных волнах. Мне кажется, поклонникам творчества Гоголя при взгляде на этих коней здесь, на Гоголевском бульваре, неподалёку от его памятника, не может не вспомниться главный художественный образ, созданный Гоголем, один из немногих положительных образов в его творчестве – птица-тройка.

Для Гоголя, бывшего путешественником по натуре и много лет проведшего в странствиях, дорога была и источником вдохновения, и лекарством, и даже образом жизни. “Боже! как ты хороша подчас, далёкая, далёкая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала!”² – восклицал он в поэме “Мёртвые души”.

Летающие вихрем кони, позволяющие и седокам тоже лететь вместе с ними, – это образ, авторская любовь к которому видна, наверное, каждому читателю: “Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и всё летит... Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?...”³

Ни один из московских памятников Гоголю не передаёт этой особенности его личности – привязанности к дороге, к движению, к непрерывному развитию, не терпящему даже самой краткой остановки. И вот появление по соседству с Гоголем, вернее, с его памятником, скульптурного образа, напоминающего о летящей птице-тройке, наводит на размышления – не такие, правда, оптимистические, как описание её в “Мёртвых душах”. Ведь в этом памятнике “чудо-кони” не летят, а еле-еле выплывают, и неизвестно ещё, выплывут ли. В отношении этой скульптурной картины вспоминаются другие известные гоголевские слова, перефразируя которые можно сказать: редкая птица-тройка доплывет до середины...

¹ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1951. С. 221.

² Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1951. С. 222.

³ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1951. С. 246.

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

ЧТО ДЕЛАТЬ С РОМАНОМ ЧЕРНЫШЕВСКОГО?

К 150-летию выхода в свет романа “Что делать?”

Принадлежа к чудакам, которые иной раз готовы взять да и представить картину: “если бы да кабы...”, могу допустить, что при определённых условиях в литературной жизни второй половины XIX века вполне мог произойти эпизод, заслуживающий названия: “Как поссорились бывшие семинаристы Николай Александрович и Николай Гаврилович”. И поводом к ссоре явился бы роман “Что делать?”

Дело в том, что он демонстративно начинается с точной даты: 11 июля 1856 года. Но вот незадача: незадолго до его выхода к читателю Николай Александрович Добролюбов в статье “Когда же придёт настоящий день?”, посвящённой роману Тургенева “Накануне”, увидевшему свет в 1859 году, публично засвидетельствовал: “Таких русских не бывает”.

Более того, он даже объяснил, на чём основано его убеждение: “Нет таких людей, потому что наша общественная среда до сих пор не благоприятствовала их развитию”.

Получается, что Добролюбов даже в 1859 году таких людей, как Лопухов, Кирсанов, Рахметов, Вера Павловна, в российской действительности не наблюдал. А его соратник и коллега по журналу “Современник” Николай Гаврилович Чернышевский, пребывая в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, смог каким-то образом увидеть их на русской земле тремя годами ранее, ещё в 1856 году.

Вот я и думаю, что очевидное основание для серьёзного литературного спора меж ними было. Но волею судьбы Добролюбов уже два года как лежал в сырой земле Волкова кладбища рядом с Белинским, и потому конфликт не задался.

Возможно, кому-то моё предположение может показаться странным. Однако российская история убеждает нас в том, что нет большей странности, нежели наблюдать на каждом шагу проявление нетерпимости к другому мнению между людьми, радеющими, казалось бы, об одном и том же, и наделёнными схожими по духу и направлению нравственными исканиями. В качестве примера можно напомнить отличные друг от друга интерпретации сущности социализма Чернышевским и Достоевским, каждая из которых, в свою очередь, являет очевидную непримиримость по отношению к русскому социализму Герцена и Огарёва, мистическому социализму Чаадаева, анархическому социализму Бакунина, социализму петрашевцев... и великому множеству иных, самых различных путей, ведущих к “счастью всех и каждого”.

Как честно признался В. Одоевский, говоря о той поре, не существовало двух русских социалистов, “которые были бы и даже могли быть между собою согласны не только в приложениях своих начал, но даже в главных основаниях”. Мысль эта тем более примечательна, что остаётся абсолютно справедливой до сегодняшнего дня.

Поэтому не надо удивляться, что святая вера в возможность счастья человечества, построенного на основах любви и братства, и присущее и Чернышевскому, и Достоевскому желание просвещать и воспитывать людей, не помешали Фёдору Михайловичу затеять долгую и откровенную жёсткую полемику с Николаем Гавриловичем и его “беспочвенным” социализмом. Нетрудно догадаться, что в фундамент горячего спора был положен роман о “новых людях”.

Ничуть не меньше роман “Что делать?” определял отношения и между Чернышевским и Тургеневым. Вот уж кому надлежало бы быть заединщиками! Ведь и тургеневские романы вольно или невольно приближали *время перемен*, и Чернышевский своим “Что делать?” стремился затащить Россию в эти самые новые времена.

Но достаточно познакомиться с реакцией Тургенева на роман Чернышевского, и мысли о каком-либо единодушии тотчас исчезнут:

“... Чернышевского – воля ваша! – едва осилил. Его манера возбуждает во мне физическое отвращение, как цитварное семя. Если это – не говорю уже художество или красота! – но если это ум, дело, то нашему брату остаётся забиться куда-нибудь под лавку. Я ещё не встречал автора, фигуры которого воняли: г. Чернышевский представил мне сего автора”.

И ведь это сказано пусть не сразу, но вскоре после того, как Чернышевский в письме к Тургеневу заявил: *“Вы не какой-нибудь Островский или Толстой, – Вы наша честь”.*

Чтобы верно оценить сложившуюся ситуацию, нужно понять смысл устремлений людей того времени и позицию писателей-классиков, не меньше революционеров-политиков мечтающих о строительстве нового мира.

Большой либерал Иван Тургенев, ратующий за демократию, – один из таких мечтателей. И великий реформатор-радикал Николай Чернышевский, жаждущий силой (знакомый русский ход: или всё, или ничего; никаких движений конём по шахматной доске истории – прямо и в сторону, а только ферзём – в любую сторону, но всегда прямо) сделать демократическую прививку не создающему своего счастья народу, тоже был ещё каким мечтателем!

Чуткий художник Тургенев писал свои романы с тайной надеждой, что они послужат делу сплочения и объединения общественных сил России. Именно потому главный герой “Отцов и детей” был поначалу очень высоко оценён Достоевским – третьим мечтателем, для которого тургеневский роман стал одной из отправных точек в разработке замысла “Бесов”. Фёдор Михайлович обращался, в той или иной степени, к осмыслению тургеневских нигилистов и спору с ними во всех пяти своих великих романах.

А рядом был ещё – не забывайте! – создатель “Войны и мира”, доверивший Пьеру в финале великой книги свои мечты о переустройстве мира.

Нетрудно догадаться, что, стремясь вроде бы к одной цели, каждый из них считал, что только он избрал верное направление и движется единственно правильной дорогой.

Вряд ли это было случайным стечением обстоятельств. На дворе – пыль столбом, дым коромыслом, в воздухе витают идеи революционного переустройства общества, в “Колоколе” за подписью “Русский человек” печатается “Письмо из провинции”, автор которого прямо пишет: “К топору зовите Русь!”, а тут – *сладостные мечты*, из которых позже родится... неуёмное желание-уверенность: мы “мировой пожар раздуем”. Правомернее увидеть здесь проявление национальной черты: не умея обустроить собственную страну, заняться перестройкой всего мира, чтобы не во сне, а наяву увидеть счастливого человечество.

Со времён “Мёртвых душ” Россия стала заглядывать в будущее: что ждёт её впереди на дороге истории? Задавала сама себе “странные” вопросы: быть или не быть *маниловщине* и *обломовщине*? кому отдать предпочтение – Чичикову или Ноздрёву? чем обернётся *базаровщина* и приход *новых людей* на арену общественной жизни?

В трагическом положении оказалось искусство: художники расхоронились не потому, что должны были принести себя в жертву гражданскому чувству; не потому, что кто-то отнёсся к происходящим событиям беспристрастно, а кто-то, наоборот, с превеликой страстью; не потому, что одни были разночинцами, а другие – дворянами. Великих писателей разводили и развели по разные стороны баррикад два обстоятельства.

Первое: русское общество среди политических прогнозов авторов “Мёртвых душ”, “Обломова”, “Отцов и детей”, “Что делать?”, “Идиота” отдавало предпочтение Чернышевскому.

Второе: определив для себя, за кем идти, русское общество в большинстве своём решило, что все противоречия и большие вопросы, так и не получившие ответов при отмене крепостного права, можно решить только на баррикадах. Не зря демократ Тургенев, говоря о Базарове, поминал Пугачёва.

Вряд ли тут уместно настаивать, но всё же можно предположить, что это был выбор людей, по сути, лишённых реального права управления страной. Всегда бывшие для власти предрешающей не народом, а населением, рабочим людом (в иные времена – так просто рабочим скотом), они устали безмолвно и лениво двигаться в полудрёме по обычной колее, ставя ногу в оставленный предшественником след. И поверили бойким, живым голосам людей с прельстительным характером Данко, отважно шагающим через все преграды.

“Сколько Штольцев должно явиться под русскими именами!” – это ведь даже не вопрос был задан, а прозвучало у Гончарова утверждением. И знак был поставлен соответствующий – восклицательный. Никто не мог знать наперёд, что бойкие голоса будут принадлежать Нечаеву, Желябову, Ульяновым, Камо, Троцкому, Сталину, Берии, Хрущёву, Березовскому... Несть им числа!

Прогнозу Ивана Гончарова, мечте Ивана Тургенева, молитве Достоевского о счастливом единстве русского народа не суждено было сбыться. Верх взяли политические мечтания, растиражированные в идеологическом, социально-утопическом романе “Что делать?”

Даже те из школьников и студентов, кто из всей книги сумел осилить лишь первую главу с выразительным названием “Дурак”, – самую удачную, лёгкую и остроумную, написанную с иронической интонацией, напоминающей стиль юмористов начала XX века, обычно знакомы с жанровым определением романа Чернышевского – утопия. И в подтверждение чаще всего указывают на знаменитую вставную главу, содержащую четвёртый сон Веры Павловны. Как это у нас нередко бывает: “Я сам не читал, но твёрдо знаю, что...”

Впрочем, сошлось на суждение человека, роман, безусловно, читавшего – одного из авторов школьного учебника, более того оно подтверждено свидетельством Добролюбова, с которого, собственно, мы и начали наш разговор о “Что делать?” Всеволод Сахаров резонно замечает:

“Но если в реалистическом по форме романе действуют не существовавшие в тогдашней действительности персонажи, высказываются возникшие много позже политические, экономические и философские идеи, описываются небывалые явления вроде высокоходных (?) коллективных швейных мастерских с фурьеристскими общежитиями-фаланстерами, – то вся эта книга по жанру и назначению своему является утопией, научной (ибо все эти идеи почерпнуты из научных трудов различных зарубежных философов – теоретиков утопического социализма) фантастикой, предвещающей в нашей литературе знаменитый роман Е. И. Замятина “Мы””.

Любопытно, что роман-антиутопию Замятина в большевистской России ждала судьба, подобная той, что была уготована роману Чернышевского. Написанный в 1920 году, он сразу получил ярлык контрреволюционного, был запрещён и увидел свет на родине лишь семь десятилетий спустя. В конце 20-х годов, когда роман “Мы” стал известен читателям Америки и Франции, “Литературная газета” писала: “Е. Замятин должен понять ту простую мысль, что страна строящегося социализма может обойтись без такого писателя”.

Царская власть, надо полагать, руководствовалась теми же соображениями. Страна под властью Николая I тоже решила, что может обойтись без такого писателя. А посему “за злоумышление к ниспровержению существующего порядка” Чернышевскому на долгие годы назначили сначала сибирскую каторгу, “работу в Нерчинские рудники”, а следом – многие годы ссылки.

Не потому ли и в советские времена исследователи романа Чернышевского интересовались не столько темой превращения революционной идеи в ре-

волюционный проект, сколько вопросом, как случилось, что цензура пропустила, а власть допустила превращение рукописи, рождённой в одиночной камере политическим заключённым, в шумную журнальную публикацию.

Так или иначе, на цензурном экземпляре рукописи появилась помета “Печатать дозволяется. Свиты е. и. в. генерал-майор Потапов”. А не случись этого росчерка пера, справедливо предположить, что не прозвучало бы знаменитых ленинских слов:

“Я заявляю: недопустимо называть примитивным и бездарным “Что делать?” Под его влиянием сотни людей делались революционерами. Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и примитивно? Он, например, увлёк моего брата, он увлёк и меня. Он меня всего глубоко перепахал”.

Я привёл эту цитату вовсе не для того, чтобы затеять спор по поводу суждения Ленина. Ну, увлёк его роман, и ладно. Каждый имеет право на личное мнение и собственное отношение к той или иной книге. Нет, интересным оказалось то, что именно явилось принципиально важным в художественном произведении для политика, основателя государства, провозгласившего себя социалистическим. Повторю: *“Под его влиянием сотни людей делались революционерами”.*

И ещё раз вернёмся к свидетельству Добролюбова, недвусмысленно заявившему, имея в виду Базарова, что “таких русских не бывает... Нет таких людей, потому что наша общественная среда до сих пор не благоприятствовала их развитию”. Чернышевский не хуже Добролюбова видел, что таких русских людей нет. Но они ему были очень и очень нужны. Пророческий взгляд в грядущее, где на месте полукрепостнической военно-феодальной России усилиями *новых людей* с новой моралью, основанной на единой революционно-демократической идеологии, будет построено новое государство всеобщего равенства и счастья, не казался ему иллюзорно-утопическим.

Необходимых революции *новых людей* предстояло создать, воспитать, организовать. С этой целью и был в самые короткие сроки написан роман “Что делать?”, который сам автор ни в каком, даже самом страшном сне не расценивал как утопический. Чернышевский, говоря современным языком, действовал как менеджер-координатор революционной программы социального преобразования российского общества. Не более того. Но и не менее. Для создания сценария мероприятия исторической значимости требовалось привлечь мастеровитого литератора. Он и стал таким писателем, потому что другого в камере-одиночке не было.

Так что Ленин знал, что говорит, когда назвал важнейшей заслугой Чернышевского то, что он показал, “каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться её осуществления”.

Роман, вобравший рациональные построения Чернышевского, послужил источником вдохновения нескольким поколениям русских радикалов. Мы-то знаем, что и у великого мыслителя Достоевского, и даже у яснополянского пророка, бросившего вызов духовному миру тысячелетий, убеждённых последователей было меньше, чем у Чернышевского.

Следует признать, что Николай Гаврилович оказался эффективным специалистом по продвижению на политический рынок *новых идей*. Необычная *promotion*-акция – написание романа – показала, что её автор обладает креативным мышлением, наделён лидерскими качествами, способен просчитать рекламное мероприятие по увеличению числа сторонников в краткосрочной, а в нашем случае – и в долгосрочной перспективе.

Он не просто обманул бдительность полицейских чиновников, не разглядевших политического смысла романа, он осуществил свой гениальный и смелый замысел подготовки революционных кадров, которые, как известно, решают всё.

Честно говоря, для меня по-прежнему остаётся загадкой, почему Чернышевский, выпуская свой роман в свет, решил поставить вопросительный знак в его названии. Ведь текст произведения ни одной своей строчкой не вопрошает, а только разъясняет, толкует, что именно надлежит делать всем и каждому, кто желает оставить скверную жизнь нынешнюю и устремиться к замечательной жизни, уже возникающей на горизонте, как мираж в пустыне.

При этом трудно отделаться от мысли, что писатель, создавая “Что делать?”, меньше всего был озабочен созданием фантастического мира. Ско-

рее, он осознанно и целенаправленно рисовал именно такие картины будущего, которые не казались ему иллюзорной утопией. Стройная система Чернышевского пленяла молодого читателя логикой и близкой достижимостью: жертвенный труд с известным самоограничением призван служить высоким целям, а их близкое по времени достижение нарисовано художественно и потому совершенно убедительно.

Ведь действие романа, начатое указанием точной даты – 11 июля 1856 года, – конкретной датой и завершается: проставлен 1865 год (то есть всего лишь через два года после опубликования романа на страницах “Современника”!). И чем завершается? Уму непостижимо! В финале появляется тихий мужчина лет тридцати, в котором *проницательный*, как, впрочем, и всякий читатель легко узнаёт автора “Что делать?”, освобождённого из тюрьмы революцией. С уверенностью, достойной барона Мюнхаузена, герой-рассказчик отвечает читателю, остолбеневшему от увиденного и не желающему слушать о том, чего на самом деле ещё не было:

– Да можно ли это, помилуйте!

– Почему ж нельзя, если я знаю?

– За кого вы меня принимаете? – Конечно, нет.

– Если вам теперь не угодно слушать, я, разумеется, должен отложить продолжение моего рассказа до того времени, когда вам угодно будет его слушать. Надеюсь дожидаться этого довольно скоро”.

Это ли не политическая утопия, это ли не самая смелая научная фантастика? Мне кажется, что она выглядит похлеще провозглашённого в 1961 году на XXII съезде КПСС лозунга, что “нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!” Н. С. Хрущёв тогда всё-таки двадцатью годами манил-заманивал, а Чернышевский на всё про всё отводил всего лишь два года. За этот срок должны будем успеть и *отречься* от старого мира, и *разрушить* его до основания, и *наш новый мир построить*: по щучьему велению, по нашему хотению – “здесь будет город-сад”...

Смущает разве что одна незначительная деталь. Роман всё же способствовал формированию когорты *новых людей*, революционеров-управленцев, руководителей среднего звена, способных повести за собой массы. А что будет с самими массами? Мне кажется, ответ на этот вопрос можно найти у Ленина, который позже писал о “великих деятелях той эпохи”: “Революционеры – вожди тех общественных сил, которые творят все преобразования; реформы – побочный продукт революционной борьбы”.

Тут же говорилось, что “революционеры играли величайшую историческую роль”. Ну, а реформы, направленные на изменение жизни народных масс, – всего лишь *побочный продукт* революционной борьбы. Может, этот продукт будет, а может, и нет. Не это главное. Всем известно, что революции творят руками народа. Но ещё ни одна революция не была совершена для народа.

Потому не надо удивляться тем картинам, какие рисует Чернышевский, изображая желанные изменения народной жизни. Вряд ли писатель создавал пародию или неудачно иронизировал, когда предлагал описание дня счастливого *нового человека* – Веры Павловны:

“...проснувшись, долго нежится в постели; она любит нежиться... она долго плещется в воде, она любит плескаться, потом долго причёсывает волосы, ...она любит свои волосы... долго занимается она и одною из настоящих статей туалета – надеванием ботинок: у ней отличные ботинки... пьёт не столько чай, сколько сливки: чай только предлог для сливок... сливки – это тоже её страсть. Трудно иметь хорошие сливки в Петербурге, но Верочка отыскала действительно отличные...”

Под стать её страсти к сливкам и ботинкам и любовь к ореховым тортам, которую испытывает другой *новый человек* – Лопухов. Понятно, что они ещё не достигли рахметовской цельности и устремлённости. Но сластолюбивое безделье, возводимое в культ, ближе, как мне кажется, не столько к социальному прогрессу, сколько к нынешнему издевательскому откровению, бытующему в среде пиаровских “кидал”, – “пипл всё схавает!”

Между тем, читатели, которым был адресован роман Чернышевского, не были в состоянии ни видеть, ни осознавать последствия, которые ждали их впереди и были результатом тех перемен, которые сулил им роман. Это и стало главной причиной того, что роман так повлиял на современников. А то, что

он повлиял на них, — не вызывает никаких сомнений у самых ярких его критиков и противников. Хотите, в прямом, хотите, в переносном смысле понимайте, но на современников роман произвёл впечатление *разорвавшейся бомбы*. Так что в каком-то смысле писатель стал первым, кто в революционных целях использовал смертоносное оружие.

У литературоведения, связанного с романом Чернышевского, есть свои неписанные традиции. Любой разговор о книге, вызвавшей в своё время брожение умов, авторы обычно начинают с описания трагического жизненного пути автора. Они пишут о том, как, будучи убеждённым борцом с самодержавием и крепостным гнётом, он активно действовал на общественном поприще. О том, как Чернышевский желал возглавить политическое движение *новых людей*. О том, как ему довелось перенести гонения, арест, публичную гражданскую казнь на эшафоте, заключение в каземат и каторжную тюрьму, работу в сибирских рудниках, ссылку, болезнь, завершившуюся кровоизлиянием в мозг.

Далее, почти неизменно, предметом рассуждений служит роль Чернышевского в революционном движении, и чуть реже заводится речь о реальных прототипах героев романа.

Никто не обходит стороной историю создания самой культовой книги, испытанной на себе всевозможные перипетии литературной судьбы.

Сначала — ошеломляющий успех. Вот одна только капля из моря восторженных откликов:

“Эта книга — проявление силы и величия души, смелый опыт, в котором гармонически соединилось чувство и истинное искусство”.

“Русские молодые люди после 1862 года почти все были из “Что делать?”

“За 16 лет пребывания в университете мне не удалось встретить студента, который бы не прочёл знаменитого романа ещё в гимназии”.

“Автор “Что делать?” в своём роде пророк. Многие, что представлялось ему как грёза, совершилось воочию: новые люди разошлись или сами собою, или разосланы на казённый счёт по градам и весям, тщатся на практике осуществлять уроки учителя, далеко превзойдя его надежды <...> Этот тип разросся страшно, и Маниловы нигилизма составляют теперь главную часть нашей интеллигенции. Куда ни посмотришь, везде Лопуховы, Кирсановы и Веры Павловны”.

“С тех пор как завелись типографские станки в России и вплоть до нашего времени, ни одно печатное произведение не имело в России такого успеха, как “Что делать?”.

И это несмотря на то, что роман запрещён, а его автор отправлен на каторгу. Хотя не исключено, что слава романа во многом связана как раз с тем, что роман написан политическим узником, запрещён властью, а сам автор пребывает в местах не столь отдалённых.

Параллельно вспыхивает ожесточённая и продолжительная полемика, сначала критико-публицистическая, затем беллетристическая, в ходе которой противниками ставится под сомнение не только художественная, но и общественная ценность романа Чернышевского.

“Скудность изобретения, положительное отсутствие творчества, беспрестанные повторения, преднамеренное кривлянье самого дурного тону и ко всему этому беспомощная корявость языка превращают чтение романа в трудную, почти невыносимую работу”.

“Художественных достоинств этот роман не имеет, он написан не талантливо”.

“Роман Чернышевского со стороны искусства ниже всякой критики; он просто смешон”; “... в будущем он не проживёт долго”.

“Роман действительно очень тенденциозен, художественных достоинств в нём очень мало”.

А ведь среди авторов приведённых цитат столь разной направленности писатели Лев Толстой, Лесков и Фет, политики Герцен, Бердяев и Плеханов.

Впрочем, бóльшим ударом судьбы стали последовавшие затем десятилетия, когда о Чернышевском в легальной печати писать стало невозможно, остались одни глухие намёки. Однако революционно настроенных людей становилось всё больше, и со временем “Что делать?” превратили в “новую Библию” ниспровергателей-атеистов. Ну, а когда идеи этой утопии в 1917 году воплотились в российскую жизнь, когда “сказка” Чернышевского стала грустной

былью, роман одного из отцов-основателей нового строя и вовсе был признан гениальным, пророческим, поставлен выше классических книг Тургенева, Гончарова, Л. Толстого и Достоевского. Они, как известно, в своей жизни и в творчестве часто допускали разные идеологические ошибки.

Когда же страна перестала жить по ленинским заветам, некогда “священную” книгу просто выбросили за борт *корабля современности*. Последнее десятилетие Чернышевского даже не ругают – его просто не читают. Он безоговорочно признан плохим писателем, а роман его – бездарной революционной “агиткой”, читать и изучать которую вообще не стоит. Мы ведь по-другому не умеем: или всё, или ничего.

Но что любопытно: во все времена – и до 1917-го года, и в советскую эпоху, и в постсоветскую пору – о Чернышевском-художнике говорилось крайне мало, почти ничего. Зачастую можно заметить, что разговор о романе Чернышевского становился возможен лишь при “стыковке” его с произведениями Гоголя, Гончарова, Тургенева, Достоевского, Льва Толстого. Иной раз может показаться, что в истории российской словесности роман Чернышевского сохранился лишь потому, что великие классики свои произведения создавали исключительно с оглядкой на “Что делать?”, имея острое желание поспорить, затеять полемику с ним.

В литературе о Чернышевском можно даже встретить суждение, будто само сближение двух слов – “Чернышевский” и “художник” – плод чисто советского недоразумения: *“Чернышевский никогда не стремился быть профессиональным писателем и, тем более, романистом, никогда не считал себя таковым, как, впрочем, и оригинальным мыслителем...”*

Чтобы согласиться с такой постановкой проблемы или, наоборот, опровергнуть её, нам предстоит затронуть тему жанра этого, как я в шутку называю его, “занимательного романа”, предназначенного для “проницательного читателя”. Мы начнём с вопроса: можно ли роман “Что делать?” назвать фантастическим?

Моё субъективное мнение, что такое определение больше относимо к работоспособности, которая у Николая Гавриловича была, по признанию многих, знавших его, и впрямь фантастической. Но для понимания психологии творчества Чернышевского нужно выделить один аспект, имеющий прямое отношение к “фантастике”.

Великим мечтателем, желавшим скорейшего воплощения своих утопических проектов в реальную русскую жизнь, писателя назовут позже. Однако проявление этих качеств – мечтать и верить в то, что его мечты непременно сбудутся, мечтать и быть готовым совсем не фигурально отдать жизнь за торжество своей мечты – мы найдём ещё в ранней юности Чернышевского. Вернёмся в 1848 год.

Именно тогда в жизни 20-летнего юноши происходят два созвучных в своей основе события. В тот год он в стремлении облегчить труд людей задумывает и предпринимает попытку создать... вечный двигатель. Насколько серьёзны были его намерения? Судите сами: в последующие годы Чернышевский совершит ещё несколько попыток создать модель вечного двигателя. Для человека, вроде бы отличающегося прилежанием к наукам, это довольно странный факт, свидетельствующий об уровне познаний революционера-изобретателя.

Вторым событием стала запись в его личном дневнике, которую тогда же сделал будущий революционер-социалист:

“В сущности, я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства, уничтожения нищеты и порока, если я только буду убеждён, что мои убеждения справедливы и восторжествуют, и если уверен буду, что восторжествуют они, даже не пожалею, что не увижу дня торжества их”.

И в том, и в другом случае уверенность, с какой Чернышевский верует в несомненную правоту своих взглядов, убеждает, что для него утопия – норма мировоззрения.

Утопия... Следовательно, без фантастики здесь всё же не обошлось? Откроем книгу. Эффективный, динамичный зачин “Что делать?” выглядит вполне реалистичным повествованием – почти как у Гоголя:

“Поутру 11 июля 1856 года прислуга одной из больших петербургских гостиниц у станции Московской железной дороги была в недоумении, отчасти да-

же в тревоге. Накануне, в девятом часу вечера, приехал господин с чемоданом, занял номер, отдал для прописки свой паспорт, спросил себе чаю и котлетку, сказал, чтоб его не тревожили вечером, потому что он устал и хочет спать, но чтобы завтра непременно разбудили в восемь часов, потому что у него есть спешные дела, запер дверь номера и, пошумев ножом и вилкою, пошумев чайным прибором, скоро притих, — видно, заснул. Пришло утро; в восемь часов слуга постучался к вчерашнему приезжему — приезжий не подает голоса; слуга постучался сильнее, очень сильно — приезжий всё не откликается”.

А дальше? Бóльшей разноголосицы и полярности при характеристике жанра произведения я в русской литературе не знаю. С одной стороны, все признают: “Что делать?” — это декларация новых общественных взглядов. Но в какой форме преподнесена эта декларация? Опять же все соглашаются, что жанр необычный, непривычный, новый. Но как назвать его?

Если исходить из традиционных определений, то здесь можно увидеть и чистейшей воды публицистику, и роман-утопию, и научный трактат, и интеллектуальный роман, и философское эссе, и авантюрно-любовный роман, и закамуфлированный политический манифест, и социально-философский роман, и детектив, и роман-прокламацию, и элементы символики и фантастики — всего понемножку.

Само перечисление жанровых компонентов сразу заставляет вспомнить Достоевского с его “Преступлением и наказанием”. Хотя, надо признать, о жанре романа Достоевского спорят куда меньше. А вот причудливое авангардистское смешение жанров и стилей в “Что делать?” многие читатели и критика с самого начала воспринимали, как разноцветный лоскутный коврик, части которого меж собой сшиты белыми нитками.

Правда, нравится это кому-то или нет, писатель избирает такой “крой” текста сознательно. Он умышленно нарушает основные законы реалистического повествования. Зачем? Почему? Предпочту прямо сказать, что изначально в замысел Чернышевского-романиста гладкость сюжетосложения, композиционная стройность, совершенство пластического воссоздания жизни не входили. Он искал новые возможности воздействия на умы и души.

Кто-кто, а автор магистерской диссертации “Эстетические отношения искусства к действительности” — знаменитого манифеста реалистической эстетики — и “Очерков гоголевского периода русской литературы” прекрасно понимал, что художественная книга о социализме не может быть написана по законам реалистического повествования. Ему требовалась динамичная жанровая форма, позволяющая:

- передать живую, энергичную *поэзию мысли*, проникнутую любовью и негодованием, страстью и сочувствием, иронией и сарказмом;
- продемонстрировать любимые идеи, ещё не имевшие корней в социальном развитии страны;
- дать свободное сочетание сюжетных и внесюжетных структур повествования, сопряжение картин реального настоящего и социалистического будущего;
- вести повествование во всех трёх лицах и во всех трёх временах, как в художественной прозе, так и в публицистике, не претендующей на художественность: с выкладками, сухой информацией и расчётами;
- чередовать разные стили: повествовательный, описательный, диалог, монолог, авторское обращение к читателю.

Другими словами, Чернышевского нисколько не смущало то, что картина будущего неизбежно получится в романе условной и неточной. Он откровенно подчинял своё художественное произведение сиюминутным политическим целям.

На этом суждении сто́ит остановиться чуть подробнее. Главная цель мужицкого демократа и последовательного революционера Чернышевского была озвучена чуть раньше: конечно, в России необходима крестьянская революция. Для достижения её предстояло решить две насущные задачи.

Во-первых, распространить, сделать массовыми *новые идеи*. Во-вторых, подготовить *новых людей*. Впрочем, от перемены мест слагаемых результат — желанная революция — оставался неизменным.

Об идеях “говорит” уже сам заголовок “Что делать?”, который можно прочитать и так: чем руководствоваться для достижения цели?

Роман имеет подзаголовок: “Из рассказов о новых людях”. Тут уже есть прямое указание. Книга, действительно, о *новых людях*, о симпатичных автору Лопухове, Кирсанове, Вере Павловне и Рахметове. В них явились, похоже, те нужные России люди, о которых размышлял Тургенев, когда его Базаров на смертном одре с горечью каялся: “Я нужен России... Нет, видно, не нужен. Да и кто нужен?..”

Явились те, о ком мечтал Добролюбов, за три года до выхода романа “Что делать?” задавая вопрос: “Когда же придёт настоящий день?”. Те, кого Некрасов назвал *народными заступниками*, готовыми вступить в борьбу за униженный и оскорбленный русский народ. По мысли Чернышевского, успех дела – грядущей революции – будет зависеть от такого рода *новых людей*: от их количества и сплочённости, сознательности и организации, от степени готовности возглавить стихийное движение, чтобы русский бунт не стал, как прежде, *бессмысленным и беспощадным*.

Любой внимательный читатель видит и понимает: герои просветителя Чернышевского, адресовавшего роман нарождающейся *левой интеллигенции*, в отличие от тургеневского Базарова не ограничиваются призывами всё отрицать и крушить. Они указывают разночинцам, что делать, предлагают понятную положительную программу: учат жить, воспевают деятельный, освобождающий человека от нищеты и зависимости труд. В отличие от Обломова, *новые люди*, исполненные жизненной активности, зовут к действию, а на смену *старой*, общепринятой морали, построенной на принципах христианства и русских национальных традициях, предлагают *новую мораль*, соответствующую их будущим свершениям.

Поведав читателям об этой четвёрке освободителей человечества, радетелей свободного труда, идейных борцов, жаждущих скорейшего изменения общественной жизни в России, Чернышевский хочет, чтобы таких людей стало больше. Сам собой напрашивается вопрос: что в них автора романа “Что делать?” привлекает?

Уже для современников Чернышевского ответ был очевиден: привлекает убеждение, что *действительность должна подчиняться идеалу*. Или жёстче: готовность во имя этого идеала творить действительность по своему разумению, перекраивая её по заданным заранее параметрам.

Разумеется, двигали писателем при этом самые лучшие побуждения. Что из того, что исходил он не из правды исторических деталей и естественного хода событий? Ведь руководствовался теоретик реалистической эстетики, популяризатор знаменитой идеи о том, что “бытие определяет сознание”, духом времени, в соответствии с которым начинал уже торжествовать чёткий классовый подход и убеждённость в том, что человеческая жизнь – ничто.

Поэтому прозвучавший вскоре выстрел Каракозова можно считать символом не только расставания радикальной интеллигенции с представлением о прогрессивном самодержавии, но и торжества идеи диктатуры революционной партии. Сила её заключается в *новой морали*, которая гласит: во имя великой цели (читай: для осуществления социалистического преобразования российского общества) всё дозволено. Или проще: цель оправдывает средства.

Среди философов политической интриги, для которых цель оправдывала средства, мы найдём Никколо Макиавелли, Ивана IV Грозного, Филиппа II, Джорджа Вашингтона, Робеспьера, Маркса, Ленина, Сталина, Черчилля, Никсона... Этот лозунг не раз в истории становился главным руководящим принципом для людей, борющихся за своё собственное лидерство и неограниченную личную власть. Он лежал в основе “Катехизиса революционера” Нечаева. Сегодня можно сказать: эта сентенция давно уже стала не только устойчивым выражением, но и моралью политических диктаторов, по которой можно *абсолютно всё*, вплоть до подкупа и убийства.

А ведь судящему в камере Петропавловской крепости автору, когда он пишет “Что делать?”, будущее представляется совсем иначе – он видит его светлым и счастливым. Недаром один из строителей прекрасного завтра, Кирсанов, в разговоре со своим другом Лопуховым роняет: “*Золотой век – он будет, Дмитрий, это мы знаем, но он ещё впереди*”.

В приход *Золотого века* – построение идеального общества будущего верят и трудятся над тем, чтобы приблизить его приход, и Вера Павловна, и Рахметов – умные, просвещённые представители нового мироустройства. Мечту о счастье, которое ждёт всех, кто будет учиться и трудиться, кто будет

весел и доволен жизнью, кто понимает, что его счастье невозможно без счастья других, озвучивает в начале романа Вера Павловна, напевая за шитьём вполголоса бойкую, смелую французскую песенку, куда Чернышевский вписывает вещие слова: “...будем петь и любить, будет рай на земле. <...> дело пойдёт, оно скоро придёт, все дождёмся его...”

А в конце романа в её знаменитом 4-м сне этот рай, полный мира и солнца, света и смеха, любви и песен, уже царит повсеместно: “в Петербургах, Парижах, Лондонах”. И эта кольцевая композиция лишний раз убеждает и подтверждает, что важнейшая составляющая романа — **политика**.

Это ключевое слово для понимания романа Чернышевского. Большой по форме художественный текст создан им ради определения форм, задач, содержания деятельности государства. Роман продиктован стремлением к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти. И когда кто-либо пробует отлучить произведение от искусства (помните: “...со стороны искусства ниже всякой критики?”), они не правы. “Что делать?” — большое и значительное произведение искусства, только особой его сферы — искусства управления государством. Той сферы, которая связана с отношениями между социальными группами, взаимодействует с экономикой, правом, моралью, религией, решает вопросы, касающиеся существования и развития общества в целом и одновременно, в той или иной степени, жизни каждого человека.

Понимаю, мне можно возразить: мол, эффективная политика имеет дело только с достижимыми целями, а всё то, что лежит за гранью возможного (реального), — это не политика, это *благие намерения* — пустые декларации. И это верно, когда речь идёт об эффективной политике. Идеи революционного демократа и его последователей, как теперь стало ясно, родились именно из пелены *благих намерений* и пустых деклараций. Поэтому и возникло жанровое определение “роман-утопия”. Но это позже. А в момент написания романа его автор был уверен, что он занимается *искусством возможного*. Отсюда нетрудно сделать вывод, что и сюжет, и композиция, даже характеры героев зависят от вопросов, связанных исключительно с политикой.

На этом фоне не только последовательная критика реальной России с её общественным строем и вековыми этическими традициями, но и фантастические картины нового справедливого общества единомышленников равно служат декорациями политического спектакля, основанного на намеренном извращении фактов и лживых обещаниях, которые, в свою очередь, воздействуют на чувства, инстинкты и сознание людей, разжигая страсти, которые могут служить средством для достижения определённых политических целей. Впрочем, цель неизменно одна — власть.

Собственно, “Что делать?” видится мне своеобразной романической формой литературного произведения о путях прихода трудящихся к власти. Его назначение аналогично ленинским “Апрельским тезисам” или письму “Большевики должны взять власть!”, представленному в расширенном варианте. Если убрать стилистический флёр художественности, то название и подзаголовок, должны выглядеть так: “Как взять власть в свои руки? и Кто должен взять власть?”

“Что делать?” — роман, подчеркну, вовсе не о дружбе и любви, хотя в нём немало страниц написано о смысле брака, о браке по расчёту, о фиктивном браке, о гражданском браке, о тройственном союзе (любви втроём), о смысле супружеской измены, о коллективизме в любви, о “грамматике” идейной любви, о женской эмансипации: быть ли женщине “сытой рабой”, “торжествующей кокоткой” или образованной, энергичной и колоритной фигурой, свободной от гнёта общества и мужчины?.. “Что делать?” — роман, как ни крути, о политике, и с точки зрения политики в нём всё на своих местах. Что я имею в виду?

Роман Чернышевского, как и всё, что касается политики, круто замешан на демагогии. В нём, приглядитесь, **любой** аргумент считается автором “правильным”, если он направлен на пользу заявленной цели, и при этом не допускаются “неправильные” (в этом смысле) аргументы.

Если отбросить всевозможные, как “красивые”, так и “ужасные”, мифы, возникшие за полтора столетия, и читать роман, сознавая, что перед тобой текст профессионального политтехнолога, чья задача — создать впечатление правоты, не будучи правым, то легко увидеть: это политическое слово, обращённое к людям, лукаво и лживо по определению. Написанное небесталан-

ным человеком, для которого оно – лишь средство манипуляции массовым и индивидуальным сознанием.

“Что делать?” – яркий пример демагогии борцов за народное счастье, которые, мотивируя тем, что “народ не поймёт сложных вещей” и что “с народом надо разговаривать по-другому”, затевают сознательный обман народа лживыми обещаниями. Демагогия, как подтверждает российская история, тем и опасна, что сначала, говоря современным языком, расшатывает информационное пространство, а затем ведёт к уничтожению того общества, в котором она культивируется, так как не опирается на реальность.

И ещё один существенный фактор. Политическая демагогия – всегда спектакль, который возможен только тогда, когда зритель принимает правила игры. В 60-е годы XIX века люди и сами были рады обманываться. Они приняли правила ролевой игры в *новых людей*, изложенные Чернышевским в романе “Что делать?”.

Перед *новыми людьми* здесь поставлена задача собрать вокруг себя молодёжь и сформировать из неё революционно-демократическую среду. Занимаясь *общим делом*, увлечённые *идейными* романами *новые люди* высказывают и проводят в жизнь основные идеи самого Чернышевского, преподносимые им как якобы существующие и распространённые в реальности 1856 года.

Подумаешь, просится на язык, ну, покинул автор реальное время, экая беда, вышел изящный кульбит; мало ли жанров, где подобное встречается на каждом шагу: научная фантастика, фэнтези, сказка. Кого сейчас удивишь транспортировкой во времени! А если ещё соотнести с тем, что Чернышевский был чудачком-изобретателем, то и вообще всё выглядит очень даже симпатично и объяснимо. Всё ли?..

Заметьте, роман начинается с пафоса и им же заканчивается. На первых же страницах звучит донельзя приподнятый длинный монолог Верочки, разгорячённой и воодушевлённой словами прогрессивно мыслящей француженки Жюли: “...лучше умереть, чем дать поцелуй без любви”. А ближе к завершению романа звучит другой высокопарный монолог о *высшем счастье жизни*, как бы мы сегодня сказали, при коммунизме, адресованный в романе самой Вере Павловне, но, в сущности, предназначенный автором всем читателям.

Получается, что на свой вопрос: “Хочу ли я любить мужчину?” – Верочка в итоге получает чисто демагогический – без всякой связи с логикой – ответ: “Люби будущее, оно светло и прекрасно”. Демагогический ответ, так как он не отвечает на заданный вопрос, тем самым происходит подмена предмета беседы.

В продолжение разговора о демагогии, которая является стержнем “Что делать?”, можно обратить внимание и на демагогически обозначенные ценности, якобы мешающие *общему делу*. Уже в начале романа на Карамзина повешен ярлык *татарского историка*, а о Пушкине не без пренебрежения сказано, что “его стихи были хороши для своего времени, но теперь потеряли большую часть своей цены”.

Кем сказано? Чернышевский вкладывает эти слова в уста офицеров русской гвардии, дворян, принадлежащих к высшему обществу, тем самым совершая очередной подлог, потому что как раз эти люди и были воспитаны на Карамзине и Пушкине.

Почему это сказано именно о Пушкине? Потому что он своей принадлежностью к дворянской культуре и одним своим существованием в литературе мешал революционным демократам, объявлявшим, что только их *новая культура* – культура разночинцев имеет право на существование. Теперь становится ясно, откуда *растут ноги* у “пролетарской культуры”, “культуры развитого социализма”, “советской культуры”. Кажется, сторонники этих “культур” тоже начинали с того, что предлагали “выбросить” из истории культуры и стереть из народного сознания самые важные имена, без которых наша культура в принципе невозможна. Помнится, Кручёных вспоминал, как рождался манифест футуристов “Пощёчина общественному вкусу”:

“Я предложил: “Выбросить Толстого, Достоевского, Пушкина”. Маяковский добавил: “С парохода современности”. Кто-то – “сбросить с парохода”.

Маяковский: “Сбросить – это как будто они там были, нет, надо бросить с парохода...”.

Приходится заметить, что ни футурист Кручёных, ни автор “ста томов партийных книжек” Маяковский, призывавший “кастетом кроиться у мира в чере-

пе”, были ничуть не оригинальны и не уникальны в своём пристрастном отношении к классической культуре — культуре “сытых и богатых”.

Во всяком случае, в разные годы давали о себе знать ретивые наследники революционных демократов, чьими “заботами” Шалапин объявлялся предателем, а Есенин — поэтом *некрофилии и пьяной икоты*, которые Фета судили за “постельную” лирику, Достоевского обвиняли в *болезненности*, Льва Толстого корили за то, что понимал христианство не должным образом, обвиняли Блока, поставившего Христа впереди революционных солдат, третировали Твардовского за то, что отправил своего Тёркина на тот свет...

Что и говорить, большими гуманистами были *новые люди*, пришедшие к желанной власти из своего мира снов и грёз, заменяющих им прямую пропаганду.

Кстати, самый верный способ отличить демагогию от искренних намерений — это сделать попытку реализовать лозунги демагогии на деле. История предоставила нам такую возможность. 70 кровавых лет строительства коммунизма в СССР усердными почитателями позднего “Современника” и романа “Что делать?” наглядно показали, насколько искренними были намерения *новых людей* и каков был характер их выполнения.

Идея марш-броска к светлому социалистическому будущему, заявленная Чернышевским, позже будет востро пропагандироваться советскими вождями, нашедшими в ней чудодейственный пример того, как бездоказательные утверждения, потворствующие инстинктам и страстям малосознательных масс, служат достижению политических целей.

Насколько эта идея не считалась с историческим состоянием русского общества, видно из суждения современника Чернышевского: “Трудов мы не любим, по одному шагу шагать не привычны, а лучше прямо одним шагом перелететь до цели...”. Это суждение в “Зимних заметках...” Достоевского направлено, в первую очередь, против Чернышевского, что подтверждается “Записными книжками” той поры, где указан прямой адресат: “Куда вы торопитесь? (Чернышевский). Общество наше решительно ни к чему не готово. Вопросы стоят перед нами. Они созрели, они готовы, но общество наше отнюдь не готово!”.

Спор о готовности-неготовности российского общества к переменам нескончаемо длится до настоящего времени. В то время люди, повторю, были готовы обманываться. Они приняли и самих *новых людей*, и затеянную ими политическую игру, анонсированную Чернышевским в формате романа о любви.

Причудливая и по-своему целостная сюжетная структура романа складывается вокруг судьбы центральной героини — Веры Павловны. Соответственно ведущая и сквозная тема книги — тема любви. Или, как зачастую пишут об этом романе, в нём говорится о свободе сердечных чувств, о свободе выбора родственных душ, о близости интеллектуальной и духовной.

Правда, одни считают, что Чернышевский слишком буквально воспринял “Евгения Онегина” и давнюю российскую традицию, явленную ещё в “Бедной Лизе” Карамзина: свобода любви служит основой российской морали. Ей и следует героиня Чернышевского.

Другие и коллизию, когда двое, Лопухов и Вера Павловна, несколько лет живут в браке без интимной близости, и звено сюжета, где трое *рационалистов* при помощи вдумчивого анализа и самоанализа, руководствуясь *благими намерениями*, приходят к *оптимальному* решению жить *втроем*, рассматривают как равно безразличные.

И вроде бы для рациональных героев Чернышевского любовь — это способность “радоваться тому, что хорошо” для любимого, в которой нет нравственной фальши и ханжества. И вроде бы любовь автором “Что делать?” понимается как страстная преданность интересам жизни и счастья другого человека или других людей. И вроде бы, по мысли Чернышевского, сила и глубина личных привязанностей — необходимая школа развития настоящей любви к человечеству. И вроде бы в романе речь идёт не о свободе половых отношений, а о *выгоде*, которая в сложившейся ситуации обеспечивает им максимум возможного счастья.

Но постепенно при внимательном чтении романа подозрения переходят в уверенность: Чернышевский последовательно и осмысленно настаивает на том, что любовь является основанием и почвой этической *теории расчёта выгод*, чаще называемой *теорией разумного эгоизма*. Только такое восприятие

любви позволяет героям “Что делать?” не ошибиться в понимании интересов и потребностей близких, а значит – и своих собственных.

Брак по расчёту – таков предлагаемый Чернышевским способ разрешения сложной семейно-бытовой коллизии, возникшей во взаимоотношениях Веры Павловны с Лопуховым и Кирсановым и определившей сюжетное развитие романа “Что делать?”.

Какой брак предпочтительнее: по любви или по расчёту? – оставим споры об этом до другого раза. Но позволим себе здесь сделать вывод, непосредственно вытекающий из только что сказанного: полюбившаяся Чернышевскому удобная теория разумного эгоизма позволила ему убить сразу нескольких зайцев.

В фокусе его внимания оказывается проблема соотношения мысли и чувства, сознательного и стихийного начал в поведении человека. Далее присоединяется проблема равенства в правах женщины и мужчины в русском обществе, что позволяет поставить и развить в романе идею решения знаменитого “женского вопроса”. А показав молодую угнетённую женщину, вырывающуюся из “подвала”, которая не просто борется за свои права, но, самое главное, добивается успеха, Чернышевский, тем самым, демонстрирует действенность предлагаемой им революционной программы социалистического преобразования российского общества.

Началом романа служит вполне традиционная ситуация: насильственное сватовство дрянного, но богатого жениха к благоразумной и честной, но бесправной девушке. Однако развязка оказывается вовсе не традиционной. В дело вмешиваются те, кого Чернышевский называет *обыкновенными новыми людьми*. Следует резкий поворот событий, который и становится завязкой развития сюжета романа. Своим необычным замужеством Вера Павловна нарушает устоявшийся жизненный уклад и делает первый шаг навстречу новой судьбе.

Можно ли тут, следуя Ленину, увидеть установление некоего “правила поведения”? Вряд ли. По крайней мере, сам Чернышевский из этого не исходил. Казалось бы, он опирается на многовековую традицию нравственной культуры: счастье невозможно, если оно достигнуто за счёт другого человека. Но, полюбив Лопухова, Вера Павловна “от мысли о себе, о своём милome, о своей любви перешла к мыслям, что всем людям надобно быть счастливыми и что надобно помогать этому скорее прийти. Это одно и натурально, одно и по-человечески...”.

По мысли Чернышевского, свободная от эксплуатации и унижения человека человеком личность непременно придёт к мысли о новой организации общества. Вот почему семейно-психологическая нить сюжета становится сквозной и основной в романе. Благодаря ей получает сюжетное развитие и *потайной*, “эзоповский” сюжет “Что делать?” И начиная с четвёртой главы, параллельно “открытому” семейно-психологическому сюжету идёт пунктирное, подтекстовое действие, связанное с Рахметовым и Лопуховым-Бьюмонтом, с трудностями существования мастерских Веры Павловны, сценами зимнего пикника, где две супружеские пары с “тяжёлой встревоженностью” наблюдают за “дамой в трауре”.

Как грамотный пиар-менеджер, Чернышевский-писатель, анонсируя светлое будущее, делает акцент на популистском обещании женщинам новой роли в обществе, юридического и экономического равенства, среднего образования (тогда женщин не принимали в университеты, а гимназий для них не существовало), равенства в браке и воспитании детей. С этой точки зрения четвёртый сон Веры Павловны – исключительно успешный *клип*.

“Женский вопрос” был одним из главных в революционно-демократической идеологии и пропаганде. Чернышевский предлагал решить сложнейшую проблему просто: женщине всего-то и нужно было найти смелых людей с прогрессивными взглядами, из числа *новых*, которые помогут, просветят, найдут и укажут ей выход.

Почему в романе Верочка обратила взгляды на симпатичного учителя своего брата, студента военно-медицинской академии Дмитрия Лопухова? Потому что он заговорил с ней о новых идеалах, борьбе за счастье всех людей, дал читать Фейербаха и другие умные книги “добрых людей”, стал рассказывать о *новой*, полной взаимного уважения любви, построенной на естественном стремлении каждого человека к собственной пользе.

Это и есть удобная и привлекательная теория, по которой человеку “всё дозволено”. Следуя ей, можно легко оправдать бегство девушки из семьи и фиктивный брак без согласия родителей, не нужно нести никакой ответственности за свои поступки, совершённые для своего блага, будет законным полюбить, разлюбить и оставить прежнего мужа и детей ради более достойного партнёра—борца за счастье всех людей.

У Веры Павловны сразу нашлось немало убеждённых последовательниц, для которых мораль сурового автора “Анны Карениной”, твердившего, что нарушившая законы нравственности женщина грешна, виновна и по грехам будет наказана, стала выглядеть анахронизмом. Куда более привлекательными для них оказались слова Лопухова: “Вы не виноваты”.

Для Чернышевского будущее, где русские женщины экономически крепощены и занимаются полезным и прогрессивным делом, живут в большой общей квартире, имеют общий стол и вместе делают покупки одежды, обуви, при желании встречаются с представителями противоположного пола и т. п., видится как царство равноправной, свободной любви мужчины и женщины. Их жизнь — ладная и счастливая, а любовь — здоровая, так как укладывается в формулу: “*Это постоянное, сильное, здоровое возбуждение нерв, оно необходимо, развивает нервную систему*”.

Развитию нервной системы новой женщины способствуют новые мужчины, её мужа Лопухов и Кирсанов. Оба они — благородные практики (они бесплатно лечат бедняков, помогают Вере Павловне вырваться из теней дурной семьи, указывают ей, а позже и Кате Полозовой путь к общему делу), которым в перспективе предстоит стать партийными функционерами (видимо, именно поэтому у Чернышевского они похожи друг на друга даже внешне — единый тип *нового человека*, судя по всему, накладывает неизгладимый отпечаток). Словом, всем они хороши и объединены тайной верой: “*Раньше или позже мы сумеем же устроить жизнь так, что не будет бедных*”.

Ну, разве можно не прельститься этим демагогическим обещанием! В своё время обществу не понравился тургеневский “слабовольный, нравственный импотент” Рудин, не способный к труду. Ему на смену под лозунгом: “Не с нами, так подлец”, — явился Базаров. Новый тип кому-то понравился, кому-то — нет. Те, кому он понравился, сошлись, объединились и дерзко объявили: “Мы — сила”. Такие люди пришлись по нраву Чернышевскому, и он скомпоновал роман, опираясь на их характеры. Над этими людьми одни смеются, другие признают их опасными. Но на этом всё и заканчивается.

Нет смысла упрекать Чернышевского в том, что под его пером эти “герои” приобрели привлекательные черты. Куда больших упреков заслуживает общество, которое не извлекает для себя никаких уроков — не из романов — из исторической действительности.

В картинках будущего, нарисованных Чернышевским, чувствуются железная хватка и устремлённость к власти, но в них нет ощущения вечности. А без этого нет поэзии будущего, а есть политическая мистификация, выполненная в форме художественного произведения.

Занятно, что книга, имеющая прочную репутацию “учебника жизни”, производит столь неуклюжее впечатление. Самое простое объяснение этому можно дать через сравнение. “Что делать?” чем-то сродни попытке Чернышевского *объять необъятное* в другой сфере жизни — изобрести вечный двигатель. Там тоже вроде бы всё по науке, а действовать никогда не будет — “вроде бы” мешает. Потому как в основе своей — всё же не по науке. Так и тут, в романе: *вроде бы* всё как в подлинном искусстве, но опять-таки “вроде бы” мешает.

Откуда это “вроде бы”? Казалось бы, известный и популярный литературный критик, публицист, переводчик. Человек, знающий и отечественную, и зарубежную словесность, читавший труды многих философов, сам написавший диссертацию по эстетике. Он что, не мог увидеть в собственном тексте, что хорошо, а что плохо? Язык не поворачивается сказать, что чутьё ему изменило. Как-никак профессиональный литератор...

Однако суть проблемы лежит вовсе не в литературной плоскости. Громоздкость *романа века*, написанного Чернышевским, обусловлена, в конечном счёте, авторской уверенностью в том, что можно создать произведение искусства по законам науки. И писательская ироничность, присущая стилю Чернышевского, никак тут не может служить объяснением. Верно подмечено,

что житие “такого до себя безжалостного” Рахметова, построенное по канонам агиографической литературы, как символ мученичества и аскетизма, выглядит анахронизмом и невольно воспринимается как пародия.

И на простейший вопрос: откуда Верочка, выросшая в малообразованной и глубоко безнравственной семье: отец – вор, мать – пьяница – так хорошо знает французский язык, мы в романе ответа не отыщем.

И на какие “шиши” Вера Павловна организует знаменитую швейную мастерскую, где усердно работают и честно делят поровну заработанные деньги неизвестно откуда взявшиеся милые образованные девушки, лучше не спрашивайте. Это всё равно, что предъявлять претензии голливудскому режиссёру, в фильме которого герой-полицейский из пистолета с обоймой в семь патронов лихо пристреливает дюжину преступников.

И длинный пассаж о ношении корсета в знаменитом четвёртом сне Веры Павловны, прямо приводящий к изображению социализма, совсем не соответствует торжественности момента.

Тот факт, что у Веры Павловны ни в первом, ни во втором браке нет детей, позволяет предположить, что детям в созданной Чернышевским модели будущего *гармонического общества* места не нашлось. Да что дети! В том образе жизни супругов, который нам обрисован, даже простую ласку и человеческое тепло отношений сложно себе представить.

И даже если Чернышевский считал занимательность важным качеством художественного произведения и старался писать так, чтобы было интересно читать, чем объяснить невыносимую искусственность, затянутость большинства слащаво-сентиментальных диалогов, особенно любовных? Чего стоит один только пустопорожний разговор между женихом и невестой, Лопуховым и Верой Павловной, который и цитировать-то нет никакого желания. Сегодня сказали бы, что автору текста, слепленного из банальностей, не удалось подняться над *примитивным сюсюканьем* в пошлой манере “любовь-морковь”.

И ничего особенно возвышенного в описании будущей красивой жизни в обществе равенства и довольства, судя по четвёртому сну Веры Павловны, не наблюдается. Как язвительно, но точно подметил Герцен, там всё кончается борделем. Нет, понятно, что в глазах каждого счастье – оно своё. Но видеть “высшее счастье жизни” исключительно в хрустальном громадном доме с белыми колоннами, в освещённом зале, где будничным, обыкновенным вечером одни люди после работы выплёскивают энергию веселья пением в хоре, а другие “рассеялись по аудиториям, музеям, сидят в библиотеке”, даже для того времени как-то убого.

Поэтому знаменитые слова о *царстве будущего* обескураживают не сказочно-волшебной перспективой, а демагогическим туманом. Вот он рассеется... и пустота, вернее, почти пустота: разве что дворец-бордель, рядом – библиотека и клуб с хором ветеранов. И это “витрина” коммунизма? Неужели ради неё звучал призыв не щадить своей жизни? А ведь обещали: “будущее светло и прекрасно”. Какая уж тут сказка! Вместо неё – одна химера. Получается, что всё ложь? Да, ложь, которая начинается там, где кончается правда.

Кстати, никто почему-то не обращает внимания на то, что Чернышевский будущее всегда мыслит *царством*, а не *республикой* или *демократией*. То есть режим светлого завтрашнего дня прекрасен, но остаётся тоталитарным, с соответствующей вертикалью власти, где над всеми – некий *царь, стороны той государь*, под ним – *особенные люди*, великие русские люди без страха и упрёка, наподобие Рахметова, которые руководят *новыми людьми*, и на них работают все остальные – простой народ. Собственно говоря, так всё и будет: Генеральный секретарь, члены Политбюро, партийный актив и народные массы – низшие слои общества.

Следующие поколения идеологов освободительного движения на разном этапе, среди которых можно назвать имена В. Белинского, А. Герцена, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова, Д. Писарева, вошли в историю как революционные демократы. Но демократии в их поступках и мыслях было не больше, чем у нынешних демократов, которые первое слово – “революционные”, – казалось бы, отбросили, однако тоталитарный потенциал сохранили.

В “Что делать?” несоответствие реальным событиям запрограммировано изначально. Эклектики тоже хотеть отбавляй. Да и основной предмет изображения Чернышевского – не внешние детали, а психология частных и общественных отношений между людьми. Как остроумно заметил один современный ис-

следователь, “Чернышевский скорее исследует, почему плачут его герои, чем выжимает слезу у читателя”.

Согласиться сразу с таким количеством непривычных и неклассических толкований Чернышевского — довольно сложно. Ну, конечно, и герои его романа — более чем странные, и автор-повествователь постоянно вторгается в текст, и сюжет диктуется волей автора, а не условной логикой жизнеподобия, и роль персонажей и сюжетной линии в повествовании невозможно предугадать заранее.

К тому же, Чернышевский как романист мало заботится о точности описаний. Ярких, запоминающихся деталей или эпитетов, вроде хрящеватых ушей Каренина или зелёного платка Сонечки Мармеладовой, у Чернышевского нет. Рахметов, спящий на гвоздях, — это едва ли не единственная яркая деталь, на которой фиксируется внимание читателя. В эпоху, когда от писателя ждали гоголевско-толстовского колоритного письма, развёрнутых фраз и пространных рассуждений, детального изображения быта с лёгким налётом натурализма, большинству современников всё это казалось неисправимым недостатком.

И авторские обращения к читателю зачастую столь приторны и притворны, что воспринимается чуть ли не как пародия. Самое знаменитое из них — псевдопризнание, звучащее на одной из первых страниц “Предисловия”:

“У меня нет ни тени художественного таланта. Я даже и языком-то владею плохо. Но это всё-таки ничего: читай, добрейшая публика! прочтёшь не без пользы. . . Но я предупредил тебя, что таланта у меня нет, — ты и будешь знать теперь, что все достоинства повести даны ей только её истинностью”.

Контрастное, чёрно-белое противостояние вряд ли украсило бы реалистическое произведение, но роман о политике, в котором возможны издержки пропаганды, допускает подобное живописание и поэзию мысли.

Финал “Что делать?” не просто окрашен в светлые тона, он буквально залит солнечным светом. Автор тем самым провозглашает: жизнь прекрасна и удивительна, пусть не сегодня, но завтра непременно станет такой, хотя никаких оснований для подобного утверждения нет.

Это только кажется, что роман кончается большим вопросительным знаком. История — да, конечно, — тогда ответа не дала. Но за неё ответ дал романист: “Надеюсь дождаться. . .”

“Неправда!” — скажете вы, финал совсем не лучезарен, он насыщен, если вчитаться в сцены пикника, жестокими опасениями разгрома революционного подполья, грядущих тяжёлых утрат и опасностей, которых не избежать и главным героям романа.

Трагическая напряжённость атмосферы в сценах зимнего пикника так сильно акцентирована, что можно, если быть реалистом, допустить суровый вариант развязки исторической коллизии, если бы. . . Если бы развитием сюжета романа не управлял политтехнолог. А потому напоследок появляется коротенькая, меньше страницы, глава шестая “Перемена декораций” — чисто театральная фактура! — где верх берёт оптимизм. Почему? Да потому, что никакая реклама, и политическая в том числе, не может быть построена на пессимизме. Она может поугагать немного, чтобы адреналин выбросить в кровь, но не более того.

Да и странен был бы политический манифест, завершающийся отказом от надежд на победу революции, перспективой поражения и разгрома. Можно вспомнить, что, сколько бы ни случилось поражений у преемников *новых людей* за 70 лет большевизма в нашей стране, а лозунг всегда звучал один: “Вперёд, к победе коммунизма!”

Как видим, сказать, что Чернышевский как романист исключительно вторичен, что роман его состоит из одних заимствований, и автор его на каждом шагу спотыкается, будет очень большой неправдой.

Распространённое представление, будто беллетристическая форма была для Чернышевского вынужденной (из-за ареста и заключения в крепостной каземат), что она понадобилась лишь для того, чтобы довести свои идеи до широкой аудитории, не имеющей специальной подготовки, представляется мне и упрощённым, и не принципиальным. Думаю, совершенно не важно, было ли обращение автора к роману вызвано идейно-творческой эволюцией писателя, заставившей критика взяться за роман, или причиной появления “Что делать?” стала глупость властей предержавших, сначала затеявших провокационный арест, а потом нелепый спектакль гражданской казни на площади

у позорного столба, где палач сломал над головой писателя шпагу. Существенно лишь одно: роман Чернышевским был написан, и в русской литературе и в общественной жизни он сказал своё слово и сделал своё дело.

На смену вопросу “Принимать или не принимать идеи Чернышевского?” сегодня приходит прагматическое “Что делать с Чернышевским?”

В самой постановке этого вопроса узнаётся наш современник, в сознании которого пересекаются размышления о гуманистической эстетике, тоталитарном гламуре и изысках деконструктивизма.

“Живи Чернышевский в наше время, для него не стоял бы вопрос, отнесется ли “Архипелаг ГУЛАГ” к сфере художественного. Зато “Энергию” Гладкова, сладострастно цитируемую Набоковым, Чернышевский вряд ли бы туда отнёс. Искусство — если это настоящее искусство — нужно нам не потому, что оно красиво и приятно, а потому, что говорит человеку о человеке же”.

Хочется согласиться с литературоведом Марией Елифёровой, что бытующее мнение о том, что “Чернышевский-де — плохой писатель”, есть миф.

“Несомненно, что причиной такого внимания к роману была привлекательная идея переустройства мира доступными способами. Однако из этого ни с какой необходимостью не следует, что в романе нет и не было собственно художественного значения, — единственное, что следует в действительности, это что художественная сторона романа была очень мало замечена читателями и критиками, — и не более того”.

Что касается меня, то я не берусь объявлять “Что делать?” великим романом. Но я и не намерен лишать его эстетической ценности. В романе есть и несомненные художественные открытия, и явные провалы. Я думаю, определению места этой книги в русской литературе способствовало и то, и другое. Во всяком случае, я не знаю другого значимого художественного произведения, эстетику которого столь явственно определяла бы демагогия.

Удалась ли, в конечном счёте, попытка критика Чернышевского стать романистом или не удалась, каждый решит для себя сам. Только не надо закрывать глаза на главное — на то, что, несмотря на очевидную натянутость и художественные огрехи романа, писателю Чернышевскому удалось добиться задуманного — приблизить революцию.

Судить роман “Что делать?” надо по правилам, которые обозначил для себя автор. Роман писался как понятное и эффективное руководство к действию для сотен, а затем и тысяч русских людей — для создания партии. Роман и стал учебником жизни для многих поколений русских людей, которые видели цель своей жизни в общественной борьбе. Идеи Чернышевского-романиста привели в действие пистолеты, кинжалы и бомбы народовольцев, вылились в лозунги “мыслящего пролетариата”. Эту цель писатель перед собой поставил, и её при помощи своего романа, обращённого в будущее, он достиг.

Соглашусь, что, переворачивая сегодня последнюю страницу книги, испытываешь не столько сопереживание её героям, сколько стойкое ощущение абсурда и ужаса, возникающих от знания того, чем оборачивается реальная действительность, если сбываются *мечтания* социальных экспериментаторов.

А что, можно считать, что это не самый скверный итог знакомства с творчеством писателя.

В заключение попытаюсь предложить что-то вроде вывода.

После прочтения романа Чернышевского кто-то скажет: “Дорого нам стоили сны Веры Павловны: многие миллионы жизней. Но и в наши дни находятся “слепые социалисты”, которые, следуя хорошо знакомой выдумке бездельников и идеалистов: “Взять всё и поделить”, — продолжают проповедовать талонное социальное равенство”.

Чернышевский, даже будучи пророком социализма, вехой в истории русского диссидентства и жертвой режима, сумел и как писатель-художник, в присутствии ему стиле и манере письма, сказать важное о человеке и его месте в истории. И поэтому роман Чернышевского, как мне кажется, позволяет нам задать самим себе несколько немаловажных вопросов и поискать ни них ответы.

Можно и нужно ли избирать революционный путь при движении в будущее, сознавая, что он не только тернистый, но и, прежде всего, кровавый?

Пришло ли к нам, наконец, понимание того, что нельзя изначально объединяться в отрицании?

Вправе ли мы в своей жизни полагаться исключительно на неких особенных людей (или, как это принято в России, ещё и на барина, который нас рассудит, начальника, который должен думать за нас, да доброго царя-батюшку), а не на собственные силы и разум? Демократично ли по сути подобное делегирование ответственности?

Какими сегодня мы видим движущие силы истории, её глубинные закономерности, роль личности в истории и идей в жизни общества, назначение женщины, традиционную мораль и личную совесть?

Чем ответит нынешнее поколение на кризис традиционной морали и на возросшую роль идей в жизненном поведении людей?

Именно эта проблематика с наибольшей чёткостью стоит в центре внимания автора романа “Что делать?”

Читая под таким углом зрения роман Чернышевского, предшественника Ленина и иных русских большевиков, и сознавая, что сейчас в жизнь людей политика “врывается насильно” ничуть не меньше, чем тогда, мы тем самым не просто заглядываем в своё будущее, мы его определяем. Мы, а не кто-то за нас.

“Мёртвые души” и “Обломов”, как мне представляется, наглядно показали и по сию пору показывают русскому человеку, что не всё ладно в российском государстве. Выход и способ выхода, предложенный из этого состояния Чернышевским, теперь мы точно это знаем, ведёт в тупик.

Придуманная им модель мира и человеческих отношений – друг с другом и с миром, – разработанная в художественном сюжете, системе персонажей и идеологии, принципах организации текста и самой его фактуре, была несколько позже реализована на практике большевиками и действовала в России более полувека. Но в итоге грандиозный социальный проект оказался нежизнеспособным.

Да, воспринимая определённым образом мечтания писателя-политика, каждый из нас решает трудную задачу. Принимает не просто эстетическое, а политическое решение, позволяющее определиться – я сформулировал бы это так: быть или не быть... человеком. Разумным и нравственным. Желающим себе и другим счастья. Помнящим о цене детской слезинки и капли крови, которые революционные мечтатели в расчёт никогда не принимают – “мы за цену не постоим”.

Доведись мне завтра утром войти в класс, чтобы провести урок по роману Чернышевского “Что делать?”, я начал бы его так:

“Сегодня мы поговорим об одном из самых нетрадиционных произведений русской прозы XIX века. Каждому из вас предстоит дать ответ на два вопроса: “хороший” и “плохой”.

Начнём с простого и оттого “хорошего”: что делать с романом Николая Гавриловича Чернышевского – читать? перечитывать? или отложить его в дальний ящик?

Закончим “плохим”, потому что он сложный: до каких пор в России будет выглядеть инопланетянином тот, кто задаёт не хрестоматийный вопрос “Что делать?”, а наивно-дурацкий, никого не интересующий: “Что сделано?”

Но прежде мы должны понять: стали ли идеи, проблемы, мысли и устремления людей, описанные известным литератором и революционным мечтателем, нашей историей, ушли ли они в прошлое?”

В 60–80-е годы прошлого века наше поэтическое товарищество — Владимир Кожин, Анатолий Передреев, Владимир Соколов, Станислав Куняев, Эдуард Болошов — бывало, что собиралось в небольшой, но уютной комнатёнке недалеко от Красных ворот к Соне Гладышевой, работавшей тогда в журнале “Знамя”. Поводом для приглашения с её стороны была обычно “утка с яблоками”, а если говорить серьёзно, то нас привлекал в эту комнатёнку, уставленную книжными полками, воздух бескорыстных бесед “о Шиллере, о славе, о любви”, о наших собственных стихах, которые мы во время застолья вдохновенно читали друг другу... Иногда в наши разговоры вступала хозяйка, чьи суждения о литературе всегда были проникательны и точны, поскольку вкус Софьи Александровны был безупречен: русскую поэтическую классику, особенно Пушкина, она знала превосходно.

Несколько лет тому назад Софья Александровна напечатала в “Нашем современнике” воспоминания о тех временах: об Анатолии Передрееве, о Владимире Кожине, но скромно умолчала о своей собственной судьбе, которую сейчас нельзя не вспомнить.

Восемнадцатилетней девушкой она добровольно пошла со многими своими подругами на военную службу, в авиацию. Им пришлось снимать с самолётов авиационные пушки, таскать их на девичьих плечах, чистить и смазывать, комплектовать боезапасом. Они назывались “мастерами авиаворужения”. До сих пор в Сониной памяти живут советские самолёты Ил-15, Ла-5, тупорылые бипланы, “ишаки” и “чайки”.

До сих пор она вспоминает оборону Москвы, дальнейший путь своего авиаполка от Липецка через Курскую дугу до Польши, путь, во время которого на её гимнастёрке появились сначала медаль “За отвагу”, а потом и орден “Отечественной войны” II степени... Вот какими были в эпоху 1941–45 годов наши девушки 1923 года рождения...

— До нас и после нас, — вспоминает Софья Александровна, — на такую службу женщин не призывали. Но тогда, в 1942-м, авиация без нас обойтись не могла...

Так поздравим же скромную героиню Великой Отечественной войны, женщину, знающую наизусть чуть ли не всё написанное в рифму Александром Сергеевичем Пушкиным, почётную читательницу “Нашего современника” Софью Александровну Гладышеву с юбилеем!

Многая лета!